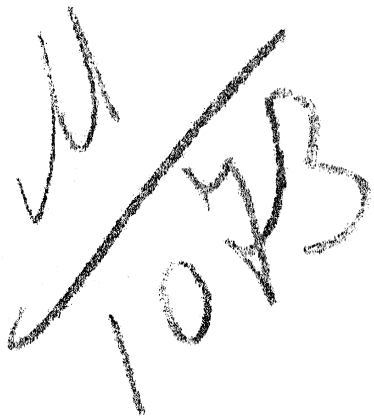
изъ книгъ граф. Д. Шереметева I.

N 19241 ШК ССIII П. 8/28.



2 3757

Іеромонахъ Алексій (Кузнецовъ)
Смотритель Лысковскаго Духовнаго училища.

ЮРОДСТВО и СТОЛПНИЧЕСТВО.

РЕЛИГІОЗНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ.

Изданіе типографіи В. Д. Смирнова.
С.-Петербургъ, Екатерининскій кан., № 45.

1913.

Библиотека ООН
Академии Наук СССР
049
37

Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининскій кан., д 45.

Предисловіе.

Цѣль настоящаго труда — дать отвѣтъ на вопросъ: въ чемъ заключается истинный смыслъ подвиговъ «юродства» и «столпничества»? Эти подвиги при жизни свв. юродивыхъ и столпниковъ вызывали удивленіе — въ однихъ, порицаніе — въ другихъ. И въ настоящее время, когда производится переоцѣнка цѣнностей, многое изъ жизни указанныхъ подвижниковъ для нѣкоторыхъ является непонятнымъ, а для другихъ положительно безцѣльнымъ. Въ видахъ популяризаціи высшаго нравственнаго значенія вышеуказанныхъ подвиговъ издатель и принялъ на себя печатаніе настоящаго сочиненія.

Выпуская въ свѣтъ эту книгу, издатель льститъ себя надеждою удовлетворить богословской любознательности всѣхъ тѣхъ, кто интересуется вопросами аскетики.

Издатель.

ЮРОДСТВО и СТОЛПНИЧЕСТВО.

Религіозно-психологическое, моральное и соціальное изслѣдованіе.

Введеніе.

Значеніе и сущность аскетическихъ подвиговъ: „юродства“ и „столпничества“. Задачи изслѣдованія.

Матеріалисты говорятъ, что нѣтъ ни нравственности, ни свободной воли, что человѣкъ есть только болѣе развитое животное, механически слѣдующее законамъ матеріальной необходимости, что, поэтому, для него нравственно только одно то, что полезно его матеріальной природѣ. Къ концу римской республики принципомъ жизни большинства сдѣлалось ученіе Эпикура. Пороки, совершаемые послѣдователями этого ученія, были такъ отвратительны, что самые легкомысленные люди ужасались, смотря на развратъ тогдашняго общества и каждаго приверженца Эпикура называли свиньею изъ стада Эпикурова (Epicuri de grege porcus). Праздность, которая разъѣдала всю гражданскую жизнь, страшное распространеніе роскоши и грязнаго служенія чувственности въ высшемъ классѣ и пролетаріата въ низшемъ, который отъ того сдѣлался товаромъ,—все это было слѣдствіемъ деморализаціи. Были только отдѣльныя личности, которыя съ любовію принимали строгія положенія стоицизма, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ нихъ найти нѣкоторое успокоеніе предъ всеобщею безнравственностію и распущенностію. Когда въ XVII и XVIII вв., матеріализмъ, вышедшій изъ Англіи, распространился по Франціи и сдѣлался популярнымъ въ литературѣ и искусствѣ, въ придворной и частной жизни, судьба отдѣльныхъ лицъ и цѣлаго государства была рѣ-

шена. XVII вѣкъ былъ льстивъ, но онъ и въ самой лести сохранялъ извѣстную мѣру благопристойности, но XVIII вѣкъ льстилъ и вмѣстѣ осмѣивалъ; эпикурейская философія Вольтера сдѣлалась верхомъ совершенства для людей поверхностныхъ. Безнравственность XVIII вѣка есть пятно, котораго не въ состояніи смыть всѣ чудеса его краснорѣчія и геніальности. Матеріализмъ тогда стремился къ тому, чтобы, заглушая голосъ совѣсти, открыть для игры страстей свободное, неограниченное поле. Хотя реформаторы древности: Сократъ, Платонъ, Цицеронъ, Сенека преслѣдовали предразсудки и суевѣрія своего народа съ большею пощадою, однако мы не находимъ, чтобы свободу духа они употребляли на разрушеніе узъ нравственности. Въ XVIII же вѣкѣ зараза умственнаго безобразія проникла даже въ души самыхъ строгихъ писателей. О словѣ „добродѣтель“ XVIII вѣкъ не имѣлъ понятія. У Вольтера „добродѣтель“ является искусствомъ сдѣлать жизнь по возможности пріятною и украсить наслажденіе лоскомъ изящности. У писателей второго и третьяго ранга и въ systéme de la nature добродѣтель и порокъ были смѣшаны. Кондильякъ эмпиризмъ Локка превратилъ въ плоскій сенсуализмъ и атеизмъ. Руссо въ своихъ сочиненіяхъ разлилъ ядъ чувственныхъ удовольствій и основалъ систему ложной религіи. Энциклопедисты располагали къ чувственности. Отсюда, появилось божество—разумъ и стали приносить жертвы свободѣ, равенству и природѣ. Положимъ современный матеріализмъ не проповѣдуетъ прямо безнравственности, разврата, подобно матеріализму XVIII вѣка, но результатъ его все тотъ же. Что разумѣютъ современные матеріалисты подъ свободою? не что иное, какъ освобожденіе отъ всѣхъ узъ и ограниченій, которыми связываются страсти. Обращаясь къ настоящему времени, нельзя не замѣтить небывалаго оживленія мысли въ нашемъ обществѣ. По вызову жизни, она занялась рѣшеніемъ множества вопросовъ, для своего выраженія открыла себѣ новые органы и для своей стойкости пришла къ сознанію необходимости общихъ началъ—необходимости философіи.

Теперь не рѣдкость встрѣтить философскую статью въ томъ или другомъ періодическомъ изданіи. Но нельзя безъ глубокаго сожалѣнія не обратить вниманія на то, что современные мыслители нерѣдко переходятъ на сторону такихъ наставниковъ, съ мнѣніями которыхъ никогда не можетъ помириться истинно и твердо вѣрующая душа. Заслушиваясь матеріалистическимъ ученіемъ, наши мыслители и въ статьяхъ, конечно не всегда сознательно, проводятъ взгляды, враждебные христіанству, сужденія, набрасывающія тѣнь на его жизненность [1]). Желая набросить тѣнь на жизненность и прогрессивныя стремленія христіанства, его нѣкоторые противники, поборники эмансипаціи чувственности и проповѣдники возстановленія правъ матеріи, говорятъ, что „только одно чувственное составляетъ послѣднюю, самую высшую цѣль этой жизни. Христіанство своею проповѣдію о воздержаніи сдѣлало несправедливость по отношенію къ чувственности; поэтому, чувственность должна опять возвратить свои права и возстановить свою честь, чтобы впередъ только такъ выражались: и плоть стала духомъ". Послѣднія слова служатъ краткою, но вполнѣ содержательною формулою для всѣхъ матеріалистическихъ стремленій [2]). Подобнаго рода матеріалистическія стремленія и приводятъ къ религіозному скептицизму, и люди міра сего, пропитанные матеріализмомъ, ниспровергаютъ все то, что выходитъ изъ ряда обыкновеннаго, питаютъ презрѣніе ко всему, что было плодомъ долгихъ нравственныхъ страданій и подвиговъ, хранятъ недовѣріе къ тому, что возвышается въ дѣлѣ или въ мысляхъ надъ общею моралью, готовы соблазняться весьма многимъ изъ того, что не подходитъ подъ ихъ матеріалистическую мѣрку понятій и убѣжденій, нерѣдко односторонніхъ и неустойчивыхъ. Къ явленіямъ, неподходящимъ подъ мѣрку убѣжденій современныхъ матеріа-

---

[1]) „Современный матеріализмъ въ Германіи", перев. съ французскаго. СПБ. 1868 г. и „матеріалы для разоблаченія матеріалистическаго нигилизма; собраны изъ нѣмецкихъ источниковъ. СПБ. 1864 г. [2]) Апологія христіанства. Геттингера ч. I, отд. I, перев. съ нѣмецк. языка свящ. Г. Чельцова. СПБ. 1873 г. стр. 195.

листовъ, относятся два вида подвижничества: „юродство“ и „столпничество“, которые по своей необычайности составляютъ загадку для общества, не всегда способнаго примѣчать божественную благодать, обитавшую въ святыхъ. Если современниками „юродство“ и „столпничество“ признавались за явленія ненормальныя, то не удивительно, что послѣдователи этихъ подвиговъ въ глазахъ большинства и особенно современной интеллигенціи представляются людьми безразсудными, сумасшедшими, а ихъ жизнь и дѣйствія способны вызывать только среди скептиковъ глумленіе и презрѣніе. Вѣдь, міръ даже не узналъ Господа, и распялъ Его [3]). Отсюда понятно, что то, что слѣпотствующій міръ сдѣлалъ въ отношеніи къ Іисусу Христу, тоже самое нерѣдко повторяетъ онъ и въ отношеніи къ вѣрнымъ рабамъ Его, которые, при всемъ обиліи дѣйствовавшей въ нихъ благодати Божіей не только не признаны были за сосуды божественной благодати, но составляли предметъ различныхъ, противоположныхъ толковъ и были большею частію въ презрѣніи и поношеніи у міра. Христіанскому потомству достается честь узнать и воздать дань справедливой хвалы вѣрнымъ рабамъ Господа, опредѣлить ихъ значеніе и важность ихъ подвижническихъ трудовъ.

Надъ уровнемъ людей всегда и во всѣ времена возвышались личности, голоса которыхъ, господствуя надъ массами, какъ бы направляли человѣчество туда, куда хотѣли. Эти личности, вырабатывая мнѣнія, которыя, привившись къ большинству, часто впослѣдствіи обращались въ законы, вели толпы за собою, научали, наставляли. Чѣмъ сильнѣе были эти личности, тѣмъ поразительнѣе, огромнѣе было ихъ вліяніе, тѣмъ могущественнѣе было ихъ слово, тѣмъ рельефнѣе выдавались послѣдствія ихъ ученія. Справедливо присвоить всѣмъ имъ одно названіе учители человѣчества. Человѣчество съ благоговѣніемъ сохранило и чтитъ память давно, очень давно, бывшихъ учителей, принесшихъ несомнѣнную пользу, облагороди-

[3]) 1 Кор. II, 8.

вшихъ, такъ сказать, природу человѣка. Сократъ, Платонъ и подобные имъ не могутъ никогда быть забыты признательнымъ человѣчествомъ.

Но давно, очень давно появилось два отдѣла ученій: ученіе истины и ученіе лжи. Первый Учитель человѣчества былъ Самъ его Творецъ. Одаривъ человѣка всѣми благами и давъ ему блаженную жизнь, Самъ Онъ и наставлялъ его, бесѣдовалъ съ нимъ, указывалъ ему силы, тайны природы, что видно изъ того, что первозданный человѣкъ уразумѣлъ свойства животныхъ [4]), уразумѣлъ и созданіе жены отъ одной съ нимъ плоти [5]). Но въ раю же человѣкъ услышалъ и ученіе лжи. И съ тѣхъ поръ надъ человѣчествомъ раздаются и слышатся два голоса, два ученія. Голосъ правды, голосъ святой истины звучитъ въ откровеніи Самого Творца и въ ученіи Его избранныхъ служителей истины. Этотъ голосъ зоветъ человѣка къ возвращенію утраченныхъ благъ, не льститъ, не скрываетъ отъ него золъ и бѣдствій, привлеченныхъ грѣхомъ на землю, онъ указываетъ прямой вѣрный путь къ блаженной вѣчности, уготованной Творцомъ Своему созданію. Такими учителями человѣчества по справедливости можно назвать всѣхъ святыхъ подвижниковъ, и въ частности, святыхъ юродивыхъ и святыхъ столпниковъ. Это сѣмя святое [6]); это вожди человѣчества въ нравственной жизни, указывающіе ему путь, куда надо идти, раскрывающіе предъ его глазами картину нравственной распущенности современнаго имъ общества и призывающіе его къ исправленію путемъ обличенія гордости, личныхъ разсчетовъ и движеній возбужденныхъ страстей, влекущихъ человѣка къ преступленіямъ, обидамъ, несправедливостямъ. Въ своей жизни святые юродивые и святые столпники являли образецъ смиренія, кротости, терпѣнія и примѣромъ своимъ стремились развить эти святыя чувства въ людяхъ, возвысить ихъ надъ побужденіями личнаго самолюбія и возстановить его въ полную силу закона любви къ ближнимъ, показать несостоятельность нечело-

---

[4]) Быт. II, 19. [5]) Быт. II, 23. [6]) Исаіи VI, 13

вѣколюбія. Въ этомъ отношеніи святые юродивые и святые столпники и для современнаго общества служатъ вполнѣ достойными образцами добродѣтелей и святости. Міръ признаетъ для себя счастіемъ имѣть достойныхъ и талантливыхъ дѣятелей науки, дѣятельныхъ и способныхъ государственныхъ людей, двигателей искусствъ и цивилизаціи; но не гораздо ли необходимѣе имѣть нравственные примѣры, которыми можно было бы руководствоваться для истиннаго благоугожденія Господу Богу. Для лучшаго укрѣпленія на трудномъ пути добродѣтелей образъ святыхъ подвижниковъ особенно важенъ, такъ какъ они, подобострастные намъ люди, указали путь къ небесному отечеству; конечно, мы не хотимъ сказать того, что всѣмъ надо сдѣлаться юродивыми или столпниками. Нѣтъ! а должны научиться ихъ примѣромъ достиженію нравственной чистоты и святости, подражать имъ не внѣшне, а внутренно, восходить отъ силы въ силу, отъ вѣры въ вѣру. Вѣдь, самый первый вопросъ, какой долженъ задавать себѣ всякій человѣкъ, есть вопросъ о цѣли, смыслѣ жизни. Люди живутъ въ мірѣ не для того, чтобы требовать служенія себѣ, чтобы сдѣлать міръ своимъ служебнымъ орудіемъ, какъ это тогда бываетъ, когда человѣкъ представляетъ себя самого средоточіемъ и цѣлью всего. По требованію здраваго смысла каждый напередъ долженъ опредѣлить для себя путь, которымъ надобно идти. Путь этотъ служеніе Господу. Въ самомъ дѣлѣ, служить Богу, Которому должны служить всѣ твари, служить Ему съ тою полною свободою, которая свойственна истинной преданности и любви, исполнять вѣчный планъ Его безконечной премудрости, творить дѣло Его высочайшей воли и безпредѣльнаго милосердія,—вотъ та слава и то блаженство, которыя равняютъ человѣка съ ангелами, исполняющими волю Божію. А тому, какъ достигать исполненія воли Божіей, какъ при свободномъ нравственномъ поступаніи и дѣйствованіи возможно постигать высочайшую волю Божію и слѣдовать ей не рабски безсознательно, хотя съ полнымъ отреченіемъ отъ своей воли, но по доброму и свободному

убѣжденію—и учатъ насъ святые подвижники, а въ частности святые юродивые и святые столпники. Ихъ жизнь—это лѣствица нравственнаго восхожденія отъ силы въ силу, это высокій подвигъ стремленія лишь къ исполненію только одной воли Божіей, подвигъ, на который вступаютъ не по принужденію и насилію, какъ рабы, а съ довѣріемъ и съ любовію къ Богу, въ смиренномъ, однако, сознаніи своего недостоинства, съ прикрытіемъ своихъ добродѣтелей и высокихъ качествъ духа. Святые юродивые и столпники, воспитывая въ себѣ человѣка къ жизни вѣчной, чрезъ это самое оказывали благотворное вліяніе на современное общество и нынѣшнему своею жизнію раскрываютъ его обязанности и истинную цѣль жизни. Святые юродивые ненормальностью своихъ дѣйствій вливали въ погрязшій въ грубой чувственности духъ современнаго имъ общества, подобно ветхозавѣтнымъ пророкамъ, новую благодатную струю жизни духовной, а святые столпники своими удивительнѣйшими аскетическими подвигами на столпахъ научали людей особой духовной бодрости и силѣ въ добродѣланіи неутомимомъ и какъ бы отрѣшаясь отъ земли, они ясно всѣмъ проповѣдывали съ апостоломъ: „вышнихъ ищите; горняя мудрствуйте, а не земная“ [7]).

Такимъ образомъ, стремленіе къ міру духовному и божественному, непрестанное желаніе и жажда сердца живѣйшаго общенія съ горнимъ міромъ, непрестанное стремленіе войти туда, „идѣже есть Христосъ одесную Бога“ [8]),—вотъ сущность подвиговъ „юродства“ и „столпничества“, сущность, которая должна составлять самую существенную и неотъемлемую черту и жизни каждаго истиннаго христіанина, посколько онъ дѣла своего спасенія не считаетъ чѣмъ-нибудь малозначущимъ и неважнымъ. Въ виду этого „юродство“ и „столпничество“ суть одни изъ величайшихъ аскетическихъ подвиговъ, принимаемыхъ избранными угодниками Божіими подъ особымъ воздѣйствіемъ благодати,—принимаемыхъ и въ интересахъ даль-

[7]) Колос. III, 1, 2. [8]) Колос. III, 1.

нѣйшаго нравственнаго усовершенствованія подвижниковъ и для служенія обществу, для котораго святые юродивые и святые столпники не дорожили ни своимъ спокойствіемъ, ни выгодами, отказывались отъ всѣхъ мірскихъ удовольствій, жертвовали всѣми надеждами въ этомъ мірѣ, готовы были на пожертвованіе самимъ блаженствомъ неба (напр. св. Симеонъ Дивногорецъ), подобно святому пророку Моисею, лишь бы только спасти другихъ, доставить имъ блаженство.

Но „юродство“ и „столпничество“ взору современнаго человѣка въ лучшемъ видѣ представляются не болѣе, какъ явленія странныя, непонятныя,—далѣе затѣмъ, какъ явленія безцѣльныя, неразумныя, даже могущія, особенно „юродство“, вводить другихъ въ соблазнъ, слѣдовательно, прямо разрушительныя въ сферѣ нравственной, о чемъ въ свое время писали г. Розановъ [9]), г. Скабичевскій [10]), гг. Стоюнинъ и Энгельгардъ [11]); историки же Гизо и Гиббонъ, писавшіе о столпникахъ, излили на нихъ изъ-подъ пера весь свой желчъ, называя образъ ихъ жизни недостойнымъ человѣка-христіанина и объясняя его то гордостію, то фанатизмомъ.

Итакъ, „юродство“ и „столпничество“, какъ сами по себѣ—по своей необычайности и рѣдкости, такъ и по тѣмъ упрекамъ и нападеніямъ, какимъ они подвергаются со стороны противниковъ своихъ, невольно должны обращать вниманіе всякаго, кто принимаетъ участіе въ дѣлахъ церкви Христовой и для кого дорого и всякое, а тѣмъ болѣе необычайное, явленіе, въ ней происходящее.

Вотъ обстоятельства, побуждающія разсматривать эти два, однородныхъ по своей оригинальности, подвига. Всякому изслѣдователю, вращающемуся въ подобной области, необходимо выяснить побужденія и цѣли и разсмотрѣть подобныя, якобы ненормальныя, явленія, въ отношеніи къ природѣ человѣка и духу вѣры, разсмотрѣть ихъ съ вну-

[9]) Новое время 1897 г. 31 декабря. [10]) Русская мысль 1900 г. X и XI кн. [11]) Книжки „Недѣли“ 1897 г. I.

тренней и высшей стороны, потому что для людей, мало знакомыхъ съ высшею духовною жизнію, „юродство“ и „столпничество“ являются, конечно, смѣшными, отвратительными и лишь съ той узкой точки зрѣнія, съ какой непонятными и безцѣльными могутъ для нихъ казаться всѣ проявленія высшаго аскетизма. На изслѣдователѣ духа этихъ подвиговъ и лежитъ обязанность правильнаго сужденія о нихъ, ему необходимо глубоко всмотрѣться въ эти странныя малопонятныя явленія, не опуская изъ вниманія всѣхъ поразительныхъ проявленій высокодуховной жизни святыхъ юродивыхъ и святыхъ столпниковъ, чтобы поверхностное сужденіе о нихъ противниковъ всяческаго аскетизма оказалось шаткимъ, ошибочнымъ. Въ частности, въ вопросѣ о юродивыхъ изслѣдователю предстоитъ рѣшеніе задачи,— какъ святые юродивые, показываясь жалкими и безумными, пріумножали постоянно сокровища духовнаго совершенства и нравственнаго преуспѣянія, напоминая другимъ о высшей цѣли жизни, ему должно выяснить высоту столь труднаго подвига, которая можетъ быть понята и оцѣнена тогда только, когда мы представимъ себѣ,—сколько здѣсь требуется мудрости, чтобы въ смѣшномъ поведеніи, въ странныхъ, повидимому, безумныхъ дѣйствіяхъ не дозволить чего либо грѣховнаго, какой либо несправедливости, неуваженія къ другимъ или оскорбленія, въ неблагопристойномъ—ничего соблазнительнаго, и чтобы свое безславіе обращать въ славу Божію и на пользу ближнихъ. Путь чрезвычайно трудный и опасный! какъ, въ самомъ дѣлѣ, подражая безразсудству самыхъ низкихъ людей, сохранить всегда возвышенный духъ, стремящійся къ Богу? какъ, непрестанно ругаясь міру, обнимать, однако-же, всѣхъ совершенною любовію? какъ уберечь себя отъ духовной гордости тому, кто перенося столько оскорбленій и лишеній, сознаетъ, что все это терпитъ онъ невинно и что онъ совсѣмъ не то, за что почитаютъ его невѣжды? Такимъ образомъ, предстоитъ въ дальнѣйшемъ,— насколько возможно точно и обстоятельно, раскрыть сознательность и нравственное достоинство „юродства“, объяснивъ всѣ тѣ черты, которыя являются характеристическими

необычайнаго образа жизни юродивыхъ, и которыя въ глазахъ людей, живущихъ по общепринятымъ, ходячимъ правиламъ гражданскаго приличія, людей, такъ называемыхъ цивилизованныхъ, могутъ возбуждать сомнѣніе относительно внутренней законности и цѣлесообразности подвига „юродства“,—а именно: наружное сознательное отреченіе отъ пользованія разумомъ, составляющимъ высшее отличіе и преимущество человѣка, видимо неблагопристойное отреченіе отъ всѣхъ внѣшнихъ правилъ и законовъ гражданскаго общежитія, полное презрѣніе къ принятымъ въ свѣтѣ приличіямъ, лишеніе себя всякихъ дозволенныхъ благъ и невинныхъ радостей. Далѣе,—слѣдуетъ раскрыть, какъ въ жизни этихъ святыхъ послѣдователей Христа проявлялись всѣ христіанскія добродѣтели, завѣщанныя въ святомъ Евангеліи, въ частности: любовь къ Богу и ближнимъ до самоотверженія, стояніе за правду до смерти, незлобіе и терпѣніе при невинныхъ страданіяхъ, нестяжательность, воздержаніе, усердіе къ молитвѣ и пр. и пр. „Столпничество“ же, какъ одинъ изъ тѣхъ узкихъ и скорбныхъ путей, которыми царствіе небесное нудится, какъ одна изъ тѣхъ аскетическихъ формъ, угодныхъ Богу, въ которыхъ выражается стремленіе достигнуть возможнаго нравственнаго совершенства, нуждается въ выясненіи своей сознательности и права занять одно изъ первыхъ мѣстъ высшаго христіанскаго аскетизма. Поэтому, чтобы правильно судить объ этомъ великомъ, изумительномъ и необычайномъ подвигѣ необходимо разсмотрѣть причины и цѣли, побуждавшія столпниковъ уклоняться отъ обыкновенной подвижнической жизни и предпринимать новый, чрезвычайно тяжкій и оригинальный образъ жизни, показать, что въ подвигѣ столпостоянія не заключается никакой несообразности съ природою человѣка, какого мнѣнія могутъ держаться только тѣ, которые или невѣрно смотрятъ на природу человѣка или потому, что о „столпничествѣ“ судятъ по своимъ силамъ, далѣе, справедливо рѣшить вопросъ—согласно ли оно съ духомъ христіанской вѣры, въ виду того, что всѣ дѣйствія должны быть совершаемы въ духѣ вѣры, иначе и ве-

ликіе въ очахъ людей подвиги не имѣютъ никакой цѣны предъ Богомъ?

Затѣмъ, такъ какъ „юродство“ и „столпничество“ суть подвиги христіанскіе и, значитъ, какъ и всякій подвигъ, принимаются, во-первыхъ, въ интересахъ личнаго спасенія и совершенствованія, во-вторыхъ,—такъ какъ святые юродивые живутъ въ обществѣ и служатъ ему, а святые столпники вліяютъ на него и сгруппировываютъ около своихъ столповъ цѣлыя монастырскія общины, то подвиги эти должны быть предметомъ разсмотрѣнія и съ точки зрѣнія общественнаго служенія принявшихъ ихъ.

Въ виду же того, что эти подвиги вызывались самою жизнію общества, ибо святые юродивые въ своемъ особенномъ служеніи были полезными членами гражданскаго общества, а святые столпники поборниками истиннаго благочестія въ церкви, которое въ V вѣкѣ видимо ослабѣвало,—они должны быть также разсматриваемы и какъ явленія историческія.

Имена святыхъ юродивыхъ и святыхъ столпниковъ вписаны въ небесную книгу жизни, и святая церковь прославляетъ ихъ въ числѣ святыхъ Божіихъ, благоугодившихъ Богу своею жизнію. При жизни своей, нерѣдко окруженные помимо воли своей ореоломъ славы и поклоненія, эти святые подвижники и по отшествіи изъ этого міра не умерли безслѣдно,—память о нихъ не изглаживается изъ сердецъ народа и многими десятилѣтіями и даже столѣтіями передается потомству изъ устъ въ уста. Они являются для него вѣрными путеводителями въ поискахъ вѣчной Истины, остающейся неизмѣнною среди общей измѣнчивости преходящихъ феноменовъ жизни. Они признаются и почитаются имъ какъ живые образцы того возможнаго для ограниченной человѣческой природы духовнаго совершенства, которое состоитъ въ единеніи индивидуальной человѣческой души съ Божествомъ и достигается лишь при содѣйствіи даровъ благодати Божіей. Отсюда ясно, что жизнь каждаго святого поучительна тѣмъ, что въ ней отчетливо замѣчается и дѣйствіе благодати Божіей на человѣческую душу и не-

исповѣдимые пути Промысла Божія, равно попечительнаго о жизни каждаго человѣка, какъ и о судьбахъ всего міра; отсюда понятно,—почему житія святыхъ были предметомъ любимаго чтенія особенно русскаго народа, который находилъ въ нихъ немало нравственныхъ наставленій, необходимыхъ для непреткновеннаго восхожденія по степенямъ духовнаго совершенства, для нравственнаго преуспѣянія христіанина въ мѣру полнаго возраста Христова [12]). Вотъ основаніе для обстоятельнаго изученія жизни избранныхъ нами святыхъ подвижниковъ. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, жизнь всякаго вообще человѣка представляетъ собою всегда предметъ достойный изученія, такъ какъ въ жизни человѣка, этого малаго міра, отражается волей-неволей жизнь великаго міра, жизнь вселенной, жизнь человѣчества. И чѣмъ полнѣе отдѣльный человѣкъ отражаетъ въ своей жизни эту другую жизнь, чѣмъ вѣрнѣе понимаетъ ее и это пониманіе выражаетъ въ дѣйствіяхъ своихъ, направленныхъ не только къ попутному плаванію, но и къ усовершенствованію жизни; тѣмъ болѣе, безъ сомнѣнія, представляетъ научный интересъ жизнь такого человѣка, который обратилъ на себя вниманіе потомства, давъ ему образецъ жизни. Въ этомъ, кажется, причина—почему жизнь великихъ людей всегда, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, не смотря на степень ихъ культурнаго развитія, обращала на себя такое преимущественное вниманіе. Но отсюда сама собой вытекаетъ и вся трудность жизнеописаній и ихъ изученія. Человѣкъ—не владыка вселенной, могущій по своему произволу распоряжаться матеріалами и обстоятельствами жизни. Онъ, безспорно, одаренъ отъ своего Творца великимъ умомъ и свободной волей, въ силу которыхъ можетъ повелѣвать обстоятельствами, свободно опредѣлять себя къ дѣйствію. Но при всемъ томъ, его свобода самоопредѣленія не ограниченная. По мѣткому выраженію Бэкона, человѣкъ, чтобы повелѣвать природою, прежде всего долженъ умѣть повиноваться ей. Печать зависимости отъ окружающаго міра

[12]) Ефес. IV, 13.

физическаго и нравственнаго въ его разнообразныхъ видахъ лежитъ на человѣкѣ отъ его колыбели до могилы. Нельзя не признать за безспорную истину то положеніе современной нравственной статистики, что всею человѣческою жизнію заправляютъ два закона: законъ потребностей и законъ силъ. И какъ не вполнѣ самопроизвольно человѣкъ создаетъ свои потребности, такъ точно не исключительно самъ собою создаетъ онъ и свои силы. Въ томъ и другомъ онъ обусловливается средой, и эта среда вліяетъ на него не только при рожденіи, въ которомъ онъ вмѣстѣ съ жизнію наслѣдуетъ отъ родителей задатки физической и нравственной своей природы, не только въ дѣтствѣ и юности, когда его воспитываютъ и обучаютъ и когда, слѣдовательно, развиваютъ въ немъ извѣстныя физическія и нравственныя силы, но даже въ періодъ самой высшей зрѣлости его духа и тѣла. Человѣкъ, однимъ словомъ, никогда и никакъ не можетъ вполнѣ отдѣляться отъ вліянія среды, въ которой онъ живетъ. Поэтому-то, задача жизнеописаній должна заключаться не въ изображеніи только дѣяній даннаго человѣка, только внѣшнихъ проявленій его личности, но притомъ и въ изображеніи среды, въ которой онъ жилъ и тѣхъ вліяній, которыя оказывала среда на даннаго человѣка и данный человѣкъ на среду. Задача жизнеописателя въ томъ и состоитъ именно, чтобы прослѣдить шагъ за шагомъ постепенное нравственное развитіе описываемой личности въ ея полнотѣ и цѣлостности. Это требованіе нельзя предъявить тѣмъ литературнымъ пособіямъ, какими мы пользовались при изученіи подвиговъ „юродства“ и „столпничества“, отчего увеличивалась трудность обстоятельной разработки данной темы. Правда, историческаго матеріала бездна; отдѣльныя жизнеописанія святыхъ юродивыхъ и столпниковъ часто являются въ духовной литературѣ въ видѣ отдѣльныхъ книжекъ и брошюръ. Въ этомъ отношеніи у насъ, можно сказать, никогда не было застоя. Причина процвѣтанія этого рода литературы заключается какъ въ томъ, что члены православной церкви любятъ читать вообще житія святыхъ, такъ, и еще болѣе, въ томъ, что со-

ставленіе этихъ житій не представляетъ собою большихъ трудовъ и не требуетъ спеціальной подготовки. Для этой цѣли довольно взять четьи-минеи, изложить общеупотребительнымъ языкомъ заключающіяся тамъ свѣдѣнія, пополнить готовыя уже данныя еще кой-какими сказаніями, разсѣянными въ разныхъ историческихъ сочиненіяхъ. Тутъ вся задача въ томъ, чтобы представить полныя и подробныя свѣдѣнія и обрисовать нравственную личность святого возможно отчетливѣе. Оттого всѣ эти жизнеописанія отличаются однообразіемъ и монотонностію, такъ что многочисленные и разнообразные пути ко спасенію сводятся здѣсь на одну дорогу, и эта дорога—заключается, какъ будто единственно, въ тѣсной, замкнутой, сурово аскетической жизни. Если такія жизнеописанія были въ большомъ ходу въ прежнее время и теперь пользуются благочестивымъ вниманіемъ не малаго числа читателей, то тѣмъ не менѣе они далеко не удовлетворяютъ читателей, желающихъ видѣть въ святомъ кромѣ воздѣйствія на него благодати Божіей, привлеченной святостію его жизни, и обыкновенную сторону его жизни, въ кругу извѣстныхъ обстоятельствъ и въ естественной связи и зависимости отъ послѣднихъ. Человѣкъ никогда не можетъ быть свободенъ, какъ видѣли, отъ вліянія той эпохи, въ которую живетъ. Она кладетъ неизгладимую печать на его развитіе и нравственный характеръ. Какое же послѣ этого мы имѣемъ право отрывать жизнь праведника отъ общей жизни современниковъ и представлять её идущею своимъ изолированнымъ путемъ? нѣтъ сомнѣнія, что стремленіе къ праведности, къ святости неотъемлемо принадлежитъ самому святому, но форма, въ которой отобразилась эта святость, носитъ на себѣ много общаго, параллельнаго, такъ сказать, съ жизнію современниковъ святого. Далѣе, жизнеописаніе тогда только будетъ истинно поучительно для живущаго въ мірѣ, когда оно не ограничится только разъясненіемъ его высокой праведности, а покажетъ первые, начальные подвиги вообще людей, посвятившихъ себя Богу, вступившихъ на путь спасенія. Вѣдь, не вдругъ сдѣлались

они праведниками, а мало-по-малу, шагъ за шагомъ, но постоянно, быть можетъ, спотыкаясь, падая и опять возставая. Сколько разъ, быть можетъ, они готовы были оставить начатое ими дѣло спасенія и броситься опять въ объятія шумной мірской жизни, и только благодать Божія укрѣпляла и поддерживала ихъ? какъ же можно учить о спасеніи, не показавъ вполнѣ того пути, по которому идутъ спасающіеся? необходимо и описать этотъ путь съ начала до конца, съ первыхъ слабыхъ усилій идти по этому пути до послѣднихъ высокихъ подвиговъ, съ первыхъ, неровныхъ, робкихъ, спотыкающихся шаговъ, до послѣдней, твердой, смѣлой поступи человѣка, уже приближающагося къ цѣли. Иначе,—какое же будетъ жизнеописаніе святого, когда въ немъ говорится о томъ только, что онъ родился тогда то, отъ такихъ то родителей, съ самыхъ раннихъ лѣтъ показывалъ въ себѣ любовь къ подвижнической жизни и, потомъ, когда позволили обстоятельства, удалился въ пустыню; и здѣсь, обыкновенно начинаютъ описывать его подвиги и чудотворенія, какъ будто они начались вдругъ, сами собою, по какому-то чуду, безъ долговременной борьбы, усилій, побѣдъ надъ собою. Всѣ подобнаго рода жизнеописатели святыхъ подвижниковъ заботятся лишь о томъ, чтобы сообщить читателямъ какъ можно болѣе разсказовъ о чудесахъ святого, думая, что этимъ самымъ они не только возбудятъ въ читателяхъ особое благоговѣніе къ Господу Богу, дивному во святыхъ своихъ, но подѣйствуютъ и на самую жизнь ихъ благотворнымъ образомъ. Но этого то послѣдняго и не бываетъ, потому что читатели, поражаясь чудесами святого, благоговѣя предъ высокимъ образомъ нравственной его жизни, не знаютъ, какъ и съ чего начать имъ подражаніе жизни святого, какъ подступиться со своими парализованными грѣхомъ силами къ этому дивному сосуду благодати Божіей, къ мужу пришедшему въ мѣру возраста Христова, и остаются такими же, какъ были прежде, подобно спутникамъ Савла, которые будучи ослѣплены молніею, поражены громомъ, повержены на землю, остались такими же невѣрующими, потому что слышали

громъ и видѣли молнію, но не способны были слышать голоса Іисуса Христа, преобразившаго Савла изъ гонителя въ проповѣдника вѣры Христовой. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе изъ читателей способны, подобно Савлу, вынести изъ чудотвореній, кромѣ особаго поразительнаго и уничтожающаго впечатлѣнія, и самую вѣющую въ нихъ благодатную силу Божію, но мы говоримъ о большинствѣ.

Такого рода и представляютъ изъ себя тѣ житія святыхъ, которыя мы просмотрѣли въ надеждѣ найти въ нихъ, помимо описанія жизни,—и объясненія подвиговъ: „юродство“ и „столпничество“.

1) Житія святыхъ, чтимыхъ православною церковію, Филарета, архіепископа Черниговскаго (Гумилевскаго) изданіе Тузова. Спб. 1892 г. 12 книгъ.

2) Житія святыхъ, кратко изложенныя по руководству четіихъ-миней. А. Н. Бахметевой. Москва. 1886 г. 4 книги.

3) Житія святыхъ, составленныя по руководству четіихъ-миней С. Извольскимъ. 12 книгъ съ прибавленіемъ 13-ой книги пролога. Москва. 1884 г.

4) Житія святыхъ, празднуемыхъ православно-грекороссійскою церковію, и сказанія о всѣхъ праздникахъ и чудотворныхъ иконахъ Богородицы, съ тропарями и изображеніями святыхъ, праздниковъ и иконъ. Свящ. Бухаревъ. Москва. 1897 г.

5) Житія святыхъ, кратко изложенныя по руководству четіихъ-миней и пролога. Стратилатова. Москва. 1862 г.

6) Цвѣтникъ Пѣшношскій. Подвижники благочестія Николаевскаго Пѣшношскаго монастыря. Прот. В. Рудневъ. Москва. 1898 г.

7) Святый Андрей Христа ради юродивый и праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы. Архіеп. Сергій Владимірскій. Спб. 1898 г.

8) О жизни святаго Іоанна юродиваго, Московскаго чудотворца. Москва. 1862 г.

9) Блаженный Исидоръ Христа ради юродивый, Ростовскій чудотворецъ. Ярославль. 1884 г.

10) Житіе и чудеса праведнаго Лаврентія, Христа ради юродиваго Калужскаго чудотворца. Калуга. 1891 г.

11) Жизнь преподобнаго Трифона и блаженнаго Прокопія Вятскихъ чудотворцевъ. Вятка. 1893 г.

12) Жизнь и чудеса блаженнаго Николая Кочанова, Христа ради юродиваго, Новгородскаго чудотворца. Москва. 1891 г.

13) Сказаніе о житіи и чудесахъ преподобнаго Михаила Клопскаго, Христа ради юродиваго, пожившаго во обители Живоначальныя Троицы, на мѣстѣ, нарицаемомъ Клопско, въ области великаго Нова-града; писано по благословенію преосвящ. Архіеписк. Макарія того же великаго Нова-града въ лѣто міра 7045, отъ Рождества же Христова 1537, нѣкіимъ благороднымъ и благоговѣйнымъ мужемъ Арсеніемъ, нынѣ же сокращенно и преложенное. СПБ. 1877 г.

14) Бѣлянкинъ. Сказаніе о жизни и чудесахъ святаго Василія блаженнаго Христа ради юродиваго, Московскаго чудотворца. Москва. 1884 г. Въ этомъ сочиненіи перечисляются источники, изъ которыхъ заимствована жизнь святого Василія: a) исторія государства россійскаго Карамзина т. VI; СПБ. 1871 г., b) Ѳеодосій (33-ій) митрополитъ Московскій. Исторія церковная краткая, сочиненіе митрополита Платона, c) слѣдованная псалтирь, d) историческій словарь о святыхъ, 1836 г., e) полный мѣсяцесловъ 1818 г., h) лѣтопись о многихъ мятежахъ и о разореніи московскаго государства отъ внутреннихъ и внѣшнихъ непріятелей. Москва 1788 г., i) Прологъ, k) опытъ историческаго словаря о всѣхъ въ истинной православной греко-россійской вѣрѣ святой непорочною жизнію прославившихся святыхъ мужахъ, l) четіи-минеи, m) степенная книга ч. 2 степ. 17, n) географическій словарь ч. 2, o) московскія вѣдомости 1836 г. № 94, p) исторія русскаго народа, сочин. И. Полевого, т. V, q) книга, писанная уставомъ: „чудеса святаго Василія Блаженнаго, хранящаяся въ библіотекѣ при Покровскомъ и святаго Василія Блаженнаго соборѣ, r) святцы, напечатанные въ лѣто 7156, отъ Р. Хр. въ 1648 г., въ

3-е лѣто царствованія государя царя и великаго князя Алексія Михайловича всея Русіи.

15) Протоіерей І. Поспѣловъ. Блаженный Симонъ, Христа ради юродивый Юрьевецкій чудотворецъ. Кострома. 1891.

16) Житія св. Ѳеодора, Николая и Михаила Новгородскихъ юродивыхъ, помѣщенныя въ Новгородскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ за 1898 г. въ № 14, 21 и 24.

17) Епископъ Кирiонъ. Жизнь и подвиги преподобнаго Антонія столпника, чудотворца Марткопскаго. Тифлисъ. 1899 г.

18) А. Ѳ. Семеновъ. Житіе преп. Симеона Дивногорца, по мюнхенской греческой рукописи XI вѣка. Кіевъ. 1898 г.

19) Житіе преподобнаго и Богоноснаго отца нашего Симеона Столпника (1 Сент.) 1901 г. Москва.

Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ преобладаетъ вліяніе нашего Пролога и Четіихъ-Миней святого Димитрія, митрополита Ростовскаго, послужившихъ и для настоящаго изслѣдованія главными пособіями.

Прологъ. Прологи (Буслаевъ пишетъ — пролога), 2 книги,—назидательное и полезное сочиненіе, ошибочно такъ названное. Собственно прологъ есть синаксарь святыхъ, т. е. собраніе краткихъ повѣстей о святыхъ. Прологомъ же его назвали по предисловію (πρόλογος) къ синаксарю.

Слово πρόλογος—введеніе къ книгѣ показываетъ по словамъ Срезневскаго, что славяно-русскій прологъ обязанъ своимъ происхожденіемъ греческимъ источникамъ (свѣдѣнія и замѣтки о неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ памятникахъ I, 11—13. 1867 г.). Онъ переведенъ въ Болгаріи и перенесенъ оттуда въ Россію. Древнѣйшіе его списки относятся къ XII в., но несомнѣнно, говоритъ профессоръ Петровъ, что они существовали уже въ XIII вѣкѣ (о составѣ и происхожденіи славяно-русскаго печатнаго пролога; проф. Петровъ. Кіевъ. 1875 г. стр. 1). Прологи, кромѣ множества бесѣдъ и словъ отцевъ церкви и другихъ проповѣдниковъ, предлагаютъ самое разнообразное чтеніе въ назидательныхъ повѣствованіяхъ изъ Патериковъ, житій святыхъ, отъ

Старчества и пр. Въ прологѣ помѣщены, между прочимъ, слѣдующія сказанія: подъ 2-мъ октября—слово о святомъ Андреи, како ему сотворися Христа ради юродство; подъ 3-мъ октября—слово о святомъ Андреи юродивомъ; подъ 4-мъ октября—о Андреи, како въ видѣніи глагола ему Христосъ о юродствѣ и о вѣчной жизни; подъ 5-мъ октября—слово отъ житія св. Андрея и Епифанія; подъ 8-мъ октября—о діаконѣ Рафаилѣ; подъ 13-мъ октября—о милостыни св. Андрея юродиваго; подъ 15-мъ октября—о святомъ Андреи, како видѣ богатаго умерша; подъ 16-мъ октября—о святомъ Андреи, како моляшеся Господеви за творящихъ ему пакости, и како видѣ рай; подъ 25-мъ октября—о нѣкоемъ блудницѣ умершемъ; подъ 4-мъ декабря—о черноризцѣ, его же изятъ блаженный Андрей отъ діавола; подъ 27-мъ апрѣля помѣщается „слово о Исакіи монасѣ, его же прельсти діаволъ, и паки укрѣпився и побѣди діавола, и милость Божію получи“. Проф. Петровъ приписываетъ древнему русскому прологу значеніе энциклопедическаго сборника религіозныхъ свѣдѣній нашихъ предковъ (тамъ-же стр. 11).

Четіи-Минеи св. Димитрія, митрополита Ростовскаго. Онъ началъ писать сентябрьскую четверть четіихъ-миней въ іюнѣ 1684 года въ Кіево-печерской лаврѣ, а окончилъ свои занятія 9 февраля 1705 г., когда „помощію Божіею и Пречистыя Богоматери, и всѣхъ святыхъ молитвами мѣсяцъ августъ написася“ (житіе св. Димитрія, митр. Ростовскаго. Москва. 1852 г. стр. 25). Вообще надо сказать, агіобіографическія произведенія были самымъ распространеннымъ родомъ нашей древней письменности и для нашихъ предковъ составляли не только любимѣйшее чтеніе, но, и можно сказать,—единственное чтеніе, такъ какъ при своемъ нравственно-назидательномъ характерѣ, они имѣли несомнѣнно практическое значеніе, будучи лучшимъ родомъ проповѣди (Я. Амфитеатровъ, чтенія о церковн. словесн. ч. I, стр. 268). Они замѣняли собою живую проповѣдь, которая на Руси преслѣдовалась (Истор. русск. ц. Филарета, архіеп. Черниговскаго, т. III стр. 139—142). Въ нихъ безпрепятственнѣе

можно было указывать недостатки общества и подъ видомъ похвалы святому проводить такіе взгляды, которые не могли быть, по извѣстнымъ причинамъ, высказаны прямо, открыто; и когда русскіе архипастыри не могли отъ своего лица дѣлать прямого обличенія господствующему пороку, опасаясь преслѣдованій власти или окружавшей среды, тогда они обыкновенно пользовались житіями святыхъ, которыя читали въ церкви и списки ихъ распространяли въ народѣ. Личность проповѣдника-обличителя въ этомъ случаѣ сама собою терялась; обличенія такого рода не были слишкомъ рѣзки, но цѣль вполнѣ достигалась. Житія святыхъ, замѣняя собою недостатокъ русской проповѣди, понимаемой въ тѣсномъ смыслѣ и, служа въ тоже время нравственной пользѣ народа, были во всѣ времена наиболѣе понятнымъ и любимымъ чтеніемъ. Чтеніе житій было тогда единственною проповѣдію народу, когда онъ приходилъ въ церковь. Въ нихъ онъ находилъ и православную догматику и христіанскую этику и даже полемику православной церкви и въ живыхъ изображеніяхъ добродѣтелей онъ получалъ себѣ образцы для подражаній,—и писатели житій святыхъ не опускали ни одного случая, чтобы не вывести изъ него христіанскаго наставленія. Такъ, призывая почтить память преподобнаго, они убѣждали своихъ слушателей и читателей подражать ему въ своей жизни и долго останавливались на этихъ примѣрахъ изъ жизни святого, которые касались вопросовъ времени, чтобы похвалою добродѣтелей святого поразить недостатки современнаго общества и тѣмъ вызвать слушателей къ исправленію. Описаніе жизни строгаго подвижника всегда давало случай похвалить нестяжательность. Описаніе жизни князя или инока, вышедшаго изъ княжескаго боярскаго рода, давало составителю случай говорить о ничтожности внѣшней мірской славы предъ славою небесною,—объ обязанностяхъ великаго князя къ церкви и государству, обличать своеволіе бояръ, какъ напримѣръ, въ житіи св. Михаила Клопскаго и пр. (Прав. собесѣдн. 1859, II, III). Отсюда можно сдѣлать смѣлое предположеніе, что житія святыхъ служили прежде тѣмъ, что

теперь у насъ извѣстно подъ именемъ „системы нравственнаго богословія“, понимаемой въ самомъ широкомъ смыслѣ. Вѣдь и составители руководствъ по нравственному богословію, которое въ видѣ системы существуетъ у насъ только съ половины XVIII вѣка, естественно въ изложеніи нравственнаго ученія пользовались житіями святыхъ, писаніями подвижниковъ благочестія и т. п., хотя, правда, въ погонѣ за систематизированіемъ, упускали изъ виду самое главное— то, что нравственная жизнь христіанина есть какъ бы органическое цѣлое, развивающееся изъ одного усвоеннаго душѣ начала—духа Христова, благодати Божіей, дѣйствующей въ возрожденномъ человѣкѣ и что многія обязанности, на самомъ дѣлѣ не суть обязанности, а чувства, неизбѣжно появляющіяся въ душѣ при извѣстномъ ея состояніи, отчего и не получалось психологическаго элемента въ руководствахъ по нравственному богословію, и внутреннее изображеніе жизни облагодатствованнаго человѣка въ нихъ отсутствовало, т. е. какъ она зарождается, развивается и укрѣпляется при помощи богодарованныхъ средствъ, разнообразится, при единствѣ внутренняго основанія по разнымъ обстоятельствамъ и отношеніямъ, имѣетъ свои переходныя ступени отъ совершенства къ совершенству, такъ же какъ и уклоненія къ злу [13]).

Но современная западная наука или вовсе не касается житій святыхъ или, еще хуже, относится къ нимъ сомни-

---

[13]) Такимъ характеромъ отличаются опыты изложенія нравственнаго ученія Ѳеофилакта, епископа Коломенскаго (orthodoxa orientalis Ecclesiae doctrina de credendis et agendis; первое изданіе 1748 г. въ Лейпцигѣ, второе—въ 1888 г. въ СПБ.), который, по замѣчанію архіепископа Филарета, не вездѣ оригиналенъ и часто слѣдуетъ Буддею и Шуберту (Обзоръ русск. дух. литер. 1720—1858 г., изд. I, стр. 106); митрополита Гавріила: „краткое христіанское нравоученіе“. СПБ. 1769 г., Иннокентія, епископа Пензенскаго: „дѣятельное богословіе“, прот. Іоакима Кочетова: „черты дѣятельнаго ученія вѣры“ 1824 г., протоіерея П. Солярскаго: „записки по нравственному богословію“ 1860—1862 г. и т. п. На основаніи указанныхъ системъ нравственнаго богословія невозможно ясно и точно составить себѣ понятіе о нравственномъ ходѣ духовнаго развитія человѣка въ виду объективности и схоластичной дробности изложенія. Въ этомъ отношеніи сочиненія преосвященнаго Ѳеофана—затворника, оригинальнаго писателя, проникнутыя однимъ аскетическимъ духомъ, не оставляютъ желать ничего лучшаго, такъ какъ раскрываютъ строй духовной жизни возрожденнаго человѣка во всей его постепенности.

тельно. Сомнительность въ исторической достовѣрности житій святыхъ съ запада прокралась и въ наше современное цивилизованное общество. Западная наука въ ученіи о святыхъ, какъ извѣстно, со временъ Лютера порѣшила, что необычайное въ жизни святыхъ излишне, ихъ подвиги для спасенія не нужны, а все чудесное въ ихъ жизни — сомнительно и представляетъ не болѣе не менѣе, какъ легенду.

Разсмотримъ вкратцѣ положенія нѣмецкихъ ученыхъ. Они, во первыхъ, относятся недовѣрчиво къ необыкновеннымъ подвигамъ угодниковъ Божіихъ.

Но развѣ библейскіе святые не были необыкновенными подвижниками (напр. Моисей постился сорокъ дней, пророкъ Илія, Іона тоже были великіе постники), извѣстно, что они скитались въ необитаемыхъ мѣстахъ, пустыняхъ (прор. Илія), вели странный образъ жизни (пророки) и пр., и развѣ не заповѣдалъ Іисусъ Христосъ всѣмъ ищущимъ царства небеснаго идти къ нему узкимъ путемъ и прискорбнымъ, путемъ самоотверженія, креста и страданій, ясно возвѣщая, что широкій путь самоугожденія ведетъ человѣка въ вѣчную погибель.

Во вторыхъ, нѣмецкихъ богослововъ смущаетъ явленіе чудесъ въ жизни святыхъ.

Но, вѣдь, Спаситель ясно предсказалъ, что вѣрующіе въ Него „именемъ Его бѣсы ижденутъ, языки возглаголютъ новы: змія возмутъ, аще и что смертно испіютъ не вредитъ ихъ; на недужныя руки возложатъ и здрави будутъ (Мр. XVI, 17, 18); вообще, что вѣрующіе во Христа совершатъ дѣла, какія Онъ Самъ творилъ, но даже и больше (Іоан. XIV, 12).

Въ третьихъ, нѣмецкимъ ученымъ представляются невѣроятными явленія ангеловъ и духовъ злобы, описанныя въ житіяхъ святыхъ.

Но въ этомъ не должно быть никакихъ сомнѣній въ виду того, что въ священномъ писаніи изображено множество явленій духовъ очамъ святыхъ людей и злокозненныхъ дѣйствій ангеловъ тьмы.

Наконецъ, послѣдній вопросъ касается исторической достовѣрности самыхъ повѣствованій четій-миней.

Этотъ вопросъ весьма удовлетворительно рѣшается самими же четьи-минеями. Издавая свои четьи-минеи святый Димитрій Ростовскій говорилъ: „да не будетъ ми еже лгати на святаго“. Эти слова ясно намекаютъ на то, что святый Димитрій, при составленіи своего громаднаго произведенія, старался въ житіяхъ святыхъ отдѣлять историческую истину отъ вымысловъ [14]). Святый Димитрій Ростовскій, долгое время занимаясь разборомъ огромныхъ миней Макарія [15]), въ свои четьи-минеи помѣстилъ только тѣхъ святыхъ первыхъ VII вѣковъ, о которыхъ повѣствовали древніе церковные историки: Евсевій, Памфилъ, Сократъ, Созоменъ, Евагрій, Руфинъ и др., а также и св. отцы: Аѳанасій Великій, Василій Великій, Григорій Богословъ, Григорій Нисскій, Софроній, патріархъ Іерусалимскій, Григорій Двоесловъ, Ѳеодоритъ Кирскій и пр., святые подвижники: Ефремъ Сиринъ, Іоаннъ Лѣствичникъ. Для послѣдующихъ вѣковъ св. Димитрій Ростовскій пользовался сочиненіями св. Іоанна Дамаскина, преподобныхъ Іосифа и Ѳеодора Студитовъ, Іосифа Пѣснописца, Ѳеоѳана Начертаннаго, Никифора Каллиста, Симеона Метафраста и др. Были подъ его руками и Лавсаикъ Палладія Елеонопольскаго, Лугъ Духовный Іоанна Моска, патерики и пр. За свѣдѣніями о лицахъ библейскихъ онъ обращался не къ одной только Библіи, но и къ толкованіямъ на нее древнихъ св. отцевъ, въ библейскихъ изъясненіяхъ своихъ записавшихъ устныя преданія церкви о библейскихъ святыхъ. Проф. Петровъ говоритъ, что св. Димитрій Ростовскій пользовался и Про-

---

[14]) Вслѣдствіе недостатка въ старинномъ русскомъ обществѣ научной христіанской критики для агіобіографіи сталъ въ ней часто вкрадываться легендарный элементъ,—являлись разныя неисторическія черты въ изображеніи личности и подвиговъ того или другого святого, допускалась ошибочность въ хронологическихъ обозначеніяхъ и другіе виды искаженій истины; апокрифы вносились въ четьи-минеи, такъ митроп. Макарій апокрифическое сказаніе о Вавилонѣ помѣстилъ въ своихъ четіихъ-минеяхъ подъ 17-мъ декабря. [15]) Онъ въ 1552 г. закончилъ громадный сборникъ извѣстныхъ тогда книгъ историческихъ, поучительныхъ и назидательныхъ, получившій названіе „великія четіи-минеи“.

логомъ при составленіи четій-миней, но пользовался имъ съ разборомъ и дополнялъ его свѣдѣніями изъ римскихъ мартирологовъ, изъ Acta sanctorum Болландистовъ и пр. (о происхожд. и сост. слав. русск. печ. пролога Н. Петрова. Кіевъ. 1875 г., стр. 7). Мудро пользуясь всѣмъ означеннымъ матеріаломъ, св. Димитрій Ростовскій, кромѣ общаго изслѣдованія источника въ повѣствованіи о святыхъ, отмѣчалъ въ самыхъ житіяхъ, на поляхъ, откуда что именно взято.

Но кромѣ исторической достовѣрности сказаній св. Димитрій дорожилъ и нравственнымъ значеніемъ разсказываемыхъ имъ событій и дѣйствій, стараясь выставить, оттѣнить это значеніе, направляя весь свой разсказъ къ тому, чтобы преподать читателю какой нибудь нравственный урокъ. Въ нихъ можно найти множество нравственныхъ наставленій, высказанныхъ устами святыхъ мужей.

Въ этихъ наставленіяхъ указываются средства къ нравственному преспѣянію христіанина и возведенію его на высшую ступень нравственнаго совершенства. Конечно, назидательность и убѣдительность этихъ наставленій зависитъ много отъ того, что онѣ высказываются устами опытнаго христіанскаго подвижника, котораго жизнь есть оправданіе его правилъ и наставленій.

Поэтому, какъ бы ни были высоки эти правила, какъ бы ни тяжелы казались въ исполненіи, они становятся доступными для насъ, послѣ того, какъ изрекли ихъ мужи, сильные словомъ и дѣломъ, извлекая ихъ не изъ холоднаго умозрѣнія, но изъ опытной духовной мудрости. А насколь строго относились къ изданіямъ четіихъ-миней св. Димитрія Ростовскаго, это видно изъ замѣчанія Горскаго. Послѣ перваго изданія четій-миней въ сентябрѣ 1705 года, второе съ нѣкоторыми поправками самого сочинителя и другихъ, напечатано въ Кіевѣ съ 1711—1718 г. Но послѣ этого Святѣйшій Синодъ, въ первый разъ отъ себя предпринимая изданіе этихъ книгъ въ общее назиданіе, нашелъ нужнымъ вновь подвергнуть ихъ внимательнѣйшему пересмотру. Почему, съ соизволенія Императрицы Елизаветы Петровны,

въ 1745 году, поручилъ это дѣло архимандриту Кіево-печерской лавры Тимоѳею Щербацкому съ другими кіевскими учеными, основательно знающими богословіе, церковную исторію и греческій и латинскій языки. Исправителямъ вмѣнено было въ обязанность обратить вниманіе на то,— не имѣется ли въ четіихъ-минеяхъ чего нибудь противнаго священному Писанію, догматамъ вѣры и церковнымъ преданіямъ, также чего нибудь исторически сомнительнаго, невѣроятнаго, — и усмотрѣнныя погрѣшности представить Святѣйшему Синоду на разсмотрѣніе. Но Щербацкій только въ 1754 году представилъ нѣкоторыя свои замѣчанія, отказавшись отъ дальнѣйшаго труда. Потому Святѣйшій Синодъ возложилъ окончаніе этого дѣла на ректора новгородской семинаріи, хутынскаго архимандрита Іоасафа Миткевича (впослѣдствіи бѣлорусскаго епископа) и александро-невскаго іеродіакона Никодима. Самое изданіе исправленныхъ такимъ образомъ четій-миней вышло въ Москвѣ въ 1759 году. (Горскій. Св. Димитрій Митрополитъ Ростовскій. Москва. 1849 г., стр. 129).

Объяснить недовѣріе протестантовъ къ житіямъ святыхъ можно очень просто. Лютеръ самъ усиливался достигнуть святости чрезвычайною борьбою съ своими дурными наклонностями. Но, лишенный благодатной помощи за гордость, которой онъ, можно сказать, и не искалъ, въ результатѣ своего аскетизма онъ видѣлъ себя тѣмъ же чувственнымъ и страстнымъ человѣкомъ, какимъ вступилъ и въ монастырь. Тогда, вообразивъ, что ему довольно собственнаго несчастнаго опыта къ уразумѣнію величайшаго таинства,—какъ благодатію Божіею, при содѣйствіи человѣческой свободы, содѣлывается спасеніе человѣка, бывшій монахъ отринулъ монашество и вступилъ въ міръ съ тѣмъ окончательнымъ убѣжденіемъ, что внутренняго освященія нѣтъ, а есть только освященіе внѣшнее, или вмѣненіе человѣку безконечныхъ заслугъ Христовыхъ чрезъ вѣру. Послѣдователи Лютера, принявъ это положеніе своего учителя за основное начало своего богословія, естественно могли отвергнуть вѣру во всѣ подвиги святыхъ, и если какихъ изъ нихъ

нельзя было опровергнуть исторически, на тѣ стали смотрѣть съ пренебреженіемъ, какъ на дѣло мнимаго религіознаго фанатизма. Отвергнувъ основное чудо христіанства—благодатное возрожденіе падшаго человѣка и претвореніе его въ новаго, протестантство не видѣло уже никакой нужды во внѣшнихъ чудесахъ и, признавъ ихъ только свидѣтельствомъ истинности религіи, которое было необходимо при введеніи ея въ міръ, оно отвергло ихъ, какъ выраженіе ея божественной въ мірѣ силы, и всѣ сказанія о чудесахъ святыхъ отнесло къ сказаніямъ, составленнымъ фантазіею. Вотъ тѣ отношенія, въ какихъ протестантство, оторвавшись отъ лона Вселенской церкви, стало къ міру святыхъ Божіихъ, этому сѣмени истиннаго христіанства, которое до тѣхъ поръ пребудетъ на землѣ, пока пребудетъ и святая церковь!

Кіево-Печерскій патерикъ. Кіево-печерская лавра воспитала первыхъ угодниковъ у насъ Божіихъ и притомъ въ раннее время. Первымъ собирателемъ жизнеописаній отечественныхъ святыхъ былъ преподобный Несторъ лѣтописецъ, жившій, какъ полагаютъ, въ концѣ XI и въ началѣ XII в.: его трудъ продолжали печерскій инокъ Поликарпъ и печерскій же постриженникъ епископъ Симонъ. Само собою понятно, что патерикъ, или отечникъ, заключаетъ свѣдѣнія, да и то не о всѣхъ, объ инокахъ кіевопечерскихъ. Кубаревъ (въ журн. мин. нар. просв. 1838 г. ч. XX, стр. 1 34) и преосвященный Макарій (изв. 2-го отд. академіи наукъ V, 9) обстоятельно разобрали патерикъ. По ихъ изысканіямъ видно, что патерикъ имѣлъ въ виду одну цѣль—представить рядъ жизнеописаній св. печерскихъ отцевъ для назидательнаго чтенія христіанъ.

Въ историческомъ отношеніи патерикъ наиболѣе достовѣрный источникъ нашей древней письменности. Преосвященный Макарій въ своей статьѣ насчитываетъ 10 редакцій Кіево-Печерскаго патерика, изъ которыхъ древнѣйшія относятся къ XV в., а позднѣйшія—къ XVII в. Лучшая редакція—печатная, изданная въ 1661-мъ году.

Критическимъ направленіемъ отличается и трудъ преосв. Филарета, архіепископа Черниговскаго, поставившаго приведенныя выше слова св. Димитрія Ростовскаго эпилогомъ къ сочиненію: „русскіе святые, чтимые всею Церковію или мѣстно; опытъ описанія жизни ихъ". СПБ. 1863 г. Вотъ какъ опредѣляетъ преосвященный авторъ цѣль, которую онъ намѣтилъ себѣ при написаніи этого сочиненія: „прославлять святыхъ дѣло святое, говоритъ онъ, но надобно умѣнье совершать дѣло святое. Прежнія повѣствованія о святыхъ русской церкви писаны немногія современниками, очень многія людьми поздними, притомъ, писаны людьми разныхъ дарованій и разнаго образованія. Повторять всѣ эти повѣсти безъ разбора, безъ повѣрки—грѣшно предъ чистою совѣстію и стыдно предъ просвѣщеннымъ умомъ. Не оскорбимъ мы старыхъ повѣствованій, если на мѣсто поздняго, неоправдываемаго ничѣмъ, извѣстія, поставимъ извѣстія другихъ, болѣе древнихъ памятниковъ. Это будетъ службою правдѣ, которую всѣ должны уважать". Соотвѣтственно этой своей цѣли — представить повѣствованія о жизни русскихъ святыхъ, очищенныя благоразумною критикою отъ всѣхъ позднѣйшихъ вымысловъ и неточностей, Архіепископъ Филаретъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ вдается въ ученыя изслѣдованія и возстановляетъ истину въ ея настоящемъ видѣ.

Въ новѣйшее время строго научное, критическое отношеніе къ нашей агіобіографической письменности показалъ покойный проф. В. О. Ключевскій въ извѣстномъ изслѣдованіи—„древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ" Москва. 1871 г. Разсмотрѣвъ 150 житій съ ихъ 250 редакціями, проф. Ключевскій дѣлаетъ общія замѣчанія касательно этихъ памятниковъ. Житіе, по его мнѣнію, было неразлучно съ представленіемъ о святой жизни. Единственный интересъ, который привязывалъ вниманіе общества, подобнаго древне-русскому, къ судьбамъ отдѣльной жизни, былъ не историческій или психологическій, а нравственно-назидательный.

Критически отнесся къ житіямъ святыхъ и преосв. Сергій, архіепископъ Владимірскій въ своемъ сочиненіи: „Полный мѣсяцесловъ Востока. Томъ I. Восточная агіологія. Владиміръ 1901 г.“. Задача труда—представить по возможности полный списокъ всѣхъ угодниковъ Божіихъ. Предлагаемыя преосвященнымъ авторомъ свѣдѣнія въ 7 отдѣлахъ сочиненія добыты имъ съ большимъ стараніемъ и изложены съ строгой критикой, а для сторонней повѣрки снабжены многочисленными приложеніями (числомъ 15. около 200 страницъ). Печатные памятники восточной агіологіи, которые имѣлъ въ виду г. Мартыновъ, авторъ „церковнаго года“, преосвященнымъ авторомъ изслѣдованы вновь по первымъ изданіямъ, точнѣе разграничены и восполнены новыми, изданными на западѣ и въ Россіи и просмотрѣно по этому предмету болѣе 1500 рукописей греческихъ и особенно славянскихъ.

Въ близкой связи къ вышеуказанному сочиненію стоитъ и изслѣдованіе проф. Кіевской Духовной Академіи Николая Ивановича Петрова „о происхожденіи и составѣ славяно-русскаго печатнаго пролога“. Кіевъ. 1875 г. Профессоръ Петровъ полагаетъ, что авторъ „полнаго мѣсяцеслова“ слишкомъ много довѣряетъ сказаніямъ пролога и г. Яковлева [16])—„о кіево-печерскихъ прологахъ“, а г. Яковлевъ слишкомъ много значенія придаетъ сравнительной миѳологіи. Сочиненіе проф. Петрова занимаетъ средину между этими двумя направленіями; критически относясь къ сказаніямъ Пролога, оно не оставляетъ безъ вниманія и миѳологіи. Здѣсь, между прочимъ, онъ доказываетъ, что жизнь подвижниковъ и повѣствованія патериковъ, основанныя главнымъ образомъ на подражаніи священному писанію, носятъ слѣды вліянія апокрифовъ, современной имъ философіи и народныхъ воззрѣній.

Святыни и древности Пскова. Графа М. Толстого. Москва. 1861 г. Въ этомъ сочиненіи даются свѣдѣнія о блаженномъ Николаѣ Салосѣ Псковскомъ.

---

[16]) Памятники русской письменности XII и XIII в. СПБ. 1872 г.

Святыни и древности великаго Новгорода.—Его же. Москва. 1861 г. Здѣсь кромѣ археологическаго описанія церковныхъ новгородскихъ древностей, авторъ знакомитъ съ жизнеописаніями мѣстныхъ святыхъ, заимствованныхъ имъ изъ древнихъ рукописей. Такъ, напримѣръ, при составленіи житія Михаила Клопскаго Салоса авторъ пользовался слѣдующими рукописями: 1) „пчела преподобнаго Максима, XVI в. безъ начала, полууст. въ четвертку“ (библіот. Сергіевой лавры № 735),—житіе его на листахъ 32—48 безъ начала; 2) „сборникъ 1536 г., полууст. въ четвертку“ (библіот. Московской Духовной Академіи, по катал. рукописей Іосифова Волоколамскаго монастыря № 659). житіе на лист. 311—336; 3) „минея-четья“, полууст. 1629 г. писан. Германомъ Тулуповымъ, въ листъ (Лавр. библіот. № 673), житіе на лист. 219—248; 4) житія святыхъ русскихъ и апокалипсисъ, полууст. тщательный, въ листъ, XVI в.“ (Лавр. библіотека № 692), житіе на лис. 59—91. Въ этой рукописи находится житіе Клопскаго, составленное въ 1537 г. Василіемъ Михаиловичемъ Тучковымъ, по порученію архіепископа (впослѣдствіи митрополита) Макарія. При жизнеописаніи Саввы, Вишерскаго столпника. авторъ пользуется рукописью 1514 г. библіот. Московской Духовной Академіи № 73 и новгородской лѣтописью.

Преосвященный митрополитъ Московскій Филаретъ строго-критически относился къ изданіямъ житій святыхъ. Такъ онъ разсматривалъ двѣ рукописи подъ заглавіемъ: „святый блаженный Василій, Христа ради юродивый, московскій чудотворецъ“ и „жизнь святаго Василія блаженнаго, Христа ради юродиваго, Московскаго чудотворца“ и обѣ эти рукописи призналъ не заслуживающими одобренія и выхода въ свѣтъ по не основательности и водянистости (собраніе мнѣній и отзывовъ митрополита Филарета, томъ дополнительный стр. 421).

При помощи этихъ источниковъ, имѣющихъ для нашего сочиненія второстепенное значеніе, мы смѣло могли пользоваться повѣствованіями о св. юродивыхъ и св. столпникахъ для выясненія нравственнаго смысла ихъ подвиговъ,

не рискуя впасть въ историческія ошибки, предусмотрѣнныя выше поименованными изслѣдователями.

Обращаемся ко второй категоріи литературныхъ пособій, освѣщающихъ „юродство“ и „столпничество“ съ нравственной точки зрѣнія.

Воскресное чтеніе 1838 г. № 16, стр. 136—141. Здѣсь помѣщена статья подъ заглавіемъ: „древніе аскеты, или подвижники“. Въ ней авторъ, нарисовавъ общую картину аскетическихъ трудовъ древнихъ подвижниковъ и, въ частности, разсмотрѣвъ подвиги „юродства“ и „столпничества“, въ заключеніе рѣшаетъ вопросъ—можно ли аскетическіе подвиги св. юродивыхъ и столпниковъ объяснить фанатизмомъ, свойственнымъ пламеннымъ жителямъ востока.

Тамъ же въ 23 №, стр. 195—199, находится статья: „святые столпники“. Послѣ краткихъ историческихъ свѣдѣній о святыхъ столпникахъ и хронологическаго опредѣленія времени ихъ подвиговъ при помощи исторіи Евагрія—первой книги и acta sanctorum, авторъ опредѣляетъ цѣль и нравственный смыслъ столпостоянія, описываетъ аскетическіе подвиги святыхъ столпниковъ, указываетъ различіе уставовъ столпниковъ Симеона I-го и Симеона Дивногорца, разбираетъ возраженіе о томъ—не есть ли такое умерщвленіе плоти насиліе надъ природою, безвременное сокращеніе своей жизни и подробно останавливаетъ вниманіе читателей на свидѣтельствахъ богоугодности столпническихъ подвиговъ (даръ чудотвореній, прозорливость), причемъ знакомитъ съ двумя случаями „духовнаго зрѣнія“ изъ жизни святого Симеона I-го, не записанными въ четіихъ-минеяхъ святого Димитрія Ростовскаго; разборомъ общественнаго служенія столпниковъ заканчивается названная статья.

Воскресное чтеніе 1854 г. № 7, стр. 67—70. Авторъ статьи „преподобный Никита столпникъ, Переяславскій чудотворецъ“ по поводу обращенія преподобнаго Никиты занимается вопросомъ о дѣйствіи благодати Божіей въ дѣлѣ пробужденія грѣшника отъ сна грѣховнаго.

Тоже 1853 г. № 6, стр. 52—59. Въ статьѣ „Симеонъ Дивногорецъ“ даются свѣдѣнія о жизни и подвигахъ этого

столпника († 596), извлеченныя изъ четій-миней святого Димитрія Ростовскаго и доказывается цѣлесообразность „столпничества“. Статья эта важна еще своими примѣчаніями, гдѣ опредѣляется историческая достовѣрность жизни святого Симеона Дивногорца.

Тоже 1863 г., № 23, стр. 548—555. Здѣсь А. В. въ статьѣ: „святые столпники“ очень кратко выясняетъ нравственный смыслъ „столпничества“.

Историческій вѣстникъ 1880 г. Въ ноябрьской книжкѣ (стр. 566—575) помѣщено весьма любопытное сообщеніе Н. Аристова о симбирскихъ юродивыхъ, характеризующее мистическое настроеніе общества и нравы жителей г. Симбирска 30-хъ и 40-хъ годовъ XIX вѣка и описывается то вліяніе, какое имѣли на современное общество, мистически настроенное, юродивые въ качествѣ проповѣдниковъ раскола и сектантства.

Душеполезное чтеніе, 1884 г. Сентябрь, стр. 98—114. Здѣсь помѣщена статья подъ такимъ заглавіемъ: „юродивые Христа ради и ихъ благотворная для общества дѣятельность“. Е. Тихомирова. Представивъ общую картину подвига „юродства“, авторъ старается, затѣмъ, раскрыть внутренній смыслъ этого вида аскетизма; далѣе, онъ представляетъ нѣсколько чертъ изъ жизни святыхъ юродивыхъ Христа ради: Николая Салоса, Николая Кочанова и Ѳеодора, Іоанна Большого Колпака, Максима Московскаго, Прокопія Устюжскаго, Симеона и Андрея,—характеризующихъ ихъ благотворную общественную дѣятельность и то нравственное вліяніе, какое они оказывали на современниковъ.

Протоіерей Н. Митропольскій. О подвигѣ юродства вообще. Москва. 1897 г. Изданіе Захарова. Выясненіе нравственнаго смысла подвига „юродства“, какъ отрицательнаго способа представленія нравственнаго идеала, заимствовано авторомъ изъ Томскихъ епархіальныхъ вѣдомостей № 6, стр. 168, а авторъ названной статьи занимался поставленнымъ вопросомъ объ юродствѣ подъ сильнымъ вліяніемъ семинарскаго учебника по нравственному богословію По-

кровскаго; такъ, напримѣръ, онъ пишетъ: „если возможно бываетъ то, что поэтъ плачетъ незримыми міру слезами въ то время, какъ онъ, повидимому смѣется надъ недостатками и пошлостію жизни, то возможно нѣчто подобное этому и въ мірѣ нравственномъ“ (стр. 5, ср. Покровскаго учебникъ, стр. 203).

Новгородскія епархіальныя вѣдомости 1898 г., № 20, стр. 1353. Въ этомъ № помѣщена статья г. Пятницкаго: „юродство Христа ради“ (церковно-историческій очеркъ и нравственно-психологическій анализъ подвига). Г. Пятницкій, опредѣляя „юродство“, какъ фактъ душевной жизни, въ которомъ отражается исторія души, боровшейся со зломъ и побѣдившей его, осуществленіе его видитъ въ самоотреченіи. Юродивые путемъ самоотреченія достигли того, что могли уже жить въ другихъ и за другихъ. Разсматривая особенности въ жизни юродивыхъ, авторъ старается показать, что они своею жизнію составляли всегдашній протестъ противъ тяготѣнія къ земному и мірскому, осуществляя на сценѣ мірской жизни общія аскетическія начала отреченія отъ міра и самоотреченія. Далѣе, оттѣнивъ особенное отношеніе юродивыхъ къ своимъ умственнымъ силамъ, авторъ указываетъ радикальнѣйшее отличіе циническаго поведенія и стоическаго отъ поведенія юродивыхъ и разсуждаетъ о нравственныхъ и психологическихъ причинахъ того—почему святые юродивые напускали на себя мнимое безуміе. Указаніемъ историческихъ условій, выясняющихъ глубоко-нравственное значеніе притворнаго безумія юродивыхъ, заканчивается статья г. М. Пятницкаго.

Такимъ образомъ, на основаніи этихъ немногихъ статей, можно заключить, что вопросы объ „юродствѣ“ и „столпничествѣ“ являются одними изъ интереснѣйшихъ, заслуживающихъ полнаго вниманія христіанина и вмѣстѣ съ тѣмъ, добавимъ кстати, требующихъ особенно осторожнаго обращенія съ собой, вопросовъ христіанской этики, вопросовъ, какихъ мало касалась наша духовная литература. Тогда какъ „столпничество“—этотъ своеобразный видъ подвижничества, до сихъ поръ еще не находилъ своего изслѣдователя,

„юродство“ все-таки—этотъ оригинальный видъ аскетизма—въ 1895 году въ первый разъ подвергалось обстоятельному, подробному обслѣдованію со стороны священника І. Ковалевскаго, представившаго свои изслѣдованія о подвигѣ „юродства“ въ довольно обширномъ (272 стр.) сочиненіи: „юродство о Христѣ и Христа ради юродивые“ (историческій очеркъ и житія сихъ подвижниковъ благочестія), вышедшемъ въ 1900 году вторымъ изданіемъ въ Москвѣ (первое—1895 г.).

Въ введеніи (1—18 стр.) авторъ даетъ общія понятія объ „юродствѣ“ и раскрытіемъ физической только стороны жизни юродивыхъ онъ ограничивается не касаясь точнаго опредѣленія самыхъ словъ „юродъ“, „юродство“. Затѣмъ, сравнивая „юродство“ съ другими видами христіанскаго подвижничества, о. Ковалевскій поставляетъ его выше всѣхъ другихъ подвиговъ; такъ, по его мнѣнію, „юродство“ выше пустынничества: „для отшельника пустыня была открытою книгою, въ которой онъ читалъ неизмѣримое величіе Божіе, училищемъ самопознанія, средствомъ къ самоусовершенствованію, мѣстомъ, гдѣ меньше искушеній. Если же пустыня представляетъ меньше искушеній для инока въ дѣлѣ спасенія, то, естественно, тѣмъ большій подвигъ для спасающагося въ міру“, заключаетъ авторъ (стр. 10, 11). „Лучшіе по его мнѣнію,—но какіе именно неизвѣстно,—представители иночества были того взгляда, что и среди міра возможно достигнуть такого совершенства, какимъ не обладаютъ и сами отшельники; поэтому тѣхъ, которые въ мірѣ живутъ благочестно, они, какъ видно изъ ихъ повѣствованій, ставятъ выше подвизающихся въ пустынѣ, потому, конечно, что первые, „спасались“ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ“ (стр. 11). Взглядъ этотъ можно назвать крайнимъ; вѣдь, условія для спасенія одинаково благопріятны или неблагопріятны какъ въ міру, такъ и въ пустынѣ; и здѣсь и тамъ есть свои особыя искушенія; только устраненіе препятствій для спасенія различно.

„Юродство выше и мученичества (стр. 13), потому что оно есть всегдашнее мученичество; сколько требуется тер-

пѣнія, сколько нужно бдительности надъ собою, чтобы, находясь среди бурныхъ волнъ житейскаго моря, постоянно сохранить душу и тѣло чистыми отъ грѣха (стр. 14). Юродивые—крестоносцы по преимуществу, такъ какъ они по доброй волѣ изъ любви къ Богу несли самый тяжелый крестъ (стр. 15).

Заключеніе введенія составляетъ отвѣтъ на вопросъ—всегда ли юродивые считались и считаются истинными подвижниками и какъ учитъ о нихъ св. Церковь (стр. 15—18).

Въ 1-ой главѣ авторъ занимается выясненіемъ вопроса—заповѣдуется ли подвигъ „юродства" словомъ Божіимъ—и при свѣтѣ текстовъ Библіи (Лев. XIX, 2; Мѳ. V, 48; 1 Петр. I, 15, 16; 1 Кор. VII, 7, XII, 7—11; Ефес. IV, 13—16) приходитъ къ тому выводу, что какъ степени совершенства многоразличны, такъ и ведущіе къ совершенству пути разнообразны, необходимо только, чтобы были вѣрны они духу христіанства въ своемъ исходномъ пунктѣ и въ достиженіи конечной цѣли, а отсюда и подвижничество, не предписываемое священнымъ Писаніемъ, но согласное съ его духомъ, имѣетъ такое же нравственное достоинство, какъ и заповѣдуемый Писаніемъ образъ жизни (стр. 19—21). Переходя, далѣе, ко времени и условіямъ, благопріятствовавшимъ появленію подвижничества въ христіанствѣ, о. Ковалевскій находитъ начатки его въ ветхомъ завѣтѣ, „но примѣры его были рѣдки, и не смѣлы, потому что подвижничество было выше нравственнаго состоянія ветхозавѣтнаго человѣка, и только христіанство придало ему истинный смыслъ, сообщило ему новую силу и жизненность" (стр. 21). Сказавъ нѣсколько словъ о произвольныхъ обѣтахъ, указываемыхъ въ Евангеліи—нестяжательности, дѣвствѣ, послушаніи,—авторъ долго останавливается на обѣтѣ монашества, знакомитъ читателей съ исторіей возникновенія этого вида подвижничества (стр. 23) и съ значеніемъ иноческихъ уставовъ преподобнаго Пахомія, гдѣ находятся черты, характеризующія подвигъ „юродства"; напр. 17-е правило: „возненавидимъ міръ и все, что въ мірѣ; возненавидимъ и всякій тѣлесный покой; отвернемся отъ

самой жизни, да Богови жить возможемъ", 19-е: „будемъ алкать, жаждать, наготствовать, бдѣнно бодрствовать и изъ глубины сердца воздыхая, проливать слезы во время псалмопѣній и молитвъ" (стр. 25):—св. Кассіана, у котораго въ 41-й главѣ имѣются предписанія съ ясными намеками на „юродство": „среди братства будь, какъ глухой, слѣпой, нѣмой и буій"; но подъ буйствомъ, какъ оказывается и какъ видно изъ дальнѣйшихъ словъ о. Ковалевскаго, св. Кассіанъ разумѣетъ не мнимое безуміе, а иноческое послушаніе; поясняя апостольское изреченіе „буій" (1 Кор. III, 18), св. Кассіанъ говоритъ: „не разбирай и не обсуждай ничего изъ того, что тебѣ будетъ приказано, но со всею простотою и вѣрою всегда изъявляй послушаніе, то только почитая святымъ, спасительнымъ и мудрымъ, что указываетъ тебѣ законъ Божій или опытность старца" (стр. 26),—преп. Ефрема Сирина, который въ своемъ „наставленіи монахамъ", между прочимъ, говоритъ: „сподобившіеся достигнуть добродѣтелей христіанскихъ, въ удовольствіи и духовномъ услажденіи, съ радостію и веселіемъ, по блаженной надеждѣ воскресенія, безъ умышленія готовы, или лучше сказать признаютъ для себя вожделѣннымъ, быть въ наготѣ, въ голодѣ, терпѣть всякое злострадание ради Господа, подвергаться ненависти, безчестію, зловѣрію, бичеванію, стать какъ-бы отребіемъ міра сего и, наконецъ, быть распинаемыми и принимать на себя всякое „юродство" (стр. 28).

Такимъ образомъ, происхожденіемъ своимъ подвигъ „юродства" обязанъ Востоку, этому главному и лучшему разсаднику высокой иноческой жизни, на что указываютъ и вышеприведенныя прямыя предписанія древнихъ иноческихъ уставовъ.

Заключительный отдѣлъ 1-й главы (стр. 29—32) составляетъ указаніе существенныхъ чертъ „юродства" въ посланіяхъ святаго апостола Павла къ Коринѳянамъ и въ то же время служитъ переходомъ ко II-й главѣ, гдѣ на стр. 32—38 о. Ковалевскій при помощи толкованій Златоуста и епископа Ѳеофана текстовъ I посланія къ Коринѳянамъ III, 18 и IV, 10 старается опредѣлить „буйство",

„юродство“, которое, по словамъ Златоуста, есть смиреніе помысловъ, очищеніе ума отъ внѣшняго ученія (стр. 32). Самостоятельнаго же опредѣленія „буйства“ не дается о. Ковалевскимъ.

Слѣдующія страницы книги (38—42) заняты очень длинною рѣчью объ отношеніи человѣческаго разума къ божественному откровенію, какъ источнику истинной мудрости, объ обязанностяхъ христіанина заботиться о просвѣщеніи ума свѣтомъ Христовой истины, о значеніи въ душѣ человѣка чистаго христіанскаго разума (стр. 42—47), о великой трудности сохранять разумъ отъ земныхъ привязанностей и о средствахъ къ достиженію богомыслія по ученію св. Макарія Египетскаго и блаженнаго Ѳеодорита Кирскаго (стр. 47—53). Послѣ такого отдѣльнаго, не имѣющаго прямого отношенія къ вопросу о „юродствѣ“, которое ни разу не упоминается на протяженіи 15 страницъ,—разсужденія объ умѣ, авторъ сразу приступаетъ къ частнѣйшимъ выясненіямъ стремленія св. юродивыхъ къ Богу, умъ которыхъ (юрод.) постоянно былъ занятъ Богомъ и служилъ имъ руководителемъ, указателемъ и наставникомъ въ выборѣ средствъ къ сохраненію и утвержденію въ себѣ даровъ благодати Божіей. Такими средствами для размышленія служили всѣ зрѣлища переплетающихся человѣческихъ отношеній, побуждая св. юродивыхъ стремиться къ высшей духовной жизни, заставляя ихъ забыть себя и все земное, что естественно вызывало безпорядокъ въ ихъ внѣшней жизни, вовсе отрѣшиться отъ узъ чувственности, всего себя и вся благая міра принести въ жертву Богу, чтобы тѣмъ совершеннѣе жить для него, быть чистымъ орудіемъ воли Божіей, совершеннымъ органомъ жизни божественной (стр. 53—57). Выяснивъ естественность отношенія св. юродивыхъ къ разуму и показавъ, что они отрѣшались ума только во внѣшней жизни, авторъ для большей очевидности нравственной важности подвига „юродства“, далѣе, рѣшаетъ вопросъ сообразно-ли съ духомъ христіанства вообще и въ частности съ природою человѣка, какъ разумно-чувственнаго су-

щества, отверженіе отъ ума въ томъ видѣ, въ какомъ оно замѣчается въ юродивыхъ? Отвѣты на эти вопросы даны Сладкопѣвцевымъ въ „Духовной бесѣдѣ“ за 1860 г. т. X, стр. 373—375, и о. Ковалевскій воспользовался только готовыми данными, что „образъ жизни юродивыхъ, несогласный съ жизнію по обыкновенному порядку, имѣетъ свое основаніе въ природѣ нашего духа и вполнѣ согласенъ съ нравственнымъ закономъ, потому что, если бы можно было понять нашу природу и уразумѣть ея законы и требованія и по нимъ опредѣлить свое достоинство и назначеніе, измѣривъ глубину, въ которую мы ниспали, то, можетъ быть, увидѣли бы, что „юродство“, по непреложнымъ законамъ нашего духа, есть одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ, которыми человѣкъ можетъ пользоваться при возстаніи отъ паденія“,—и Покровскимъ въ его учебникѣ по нравственному богословію, откуда о. Ковалевскій заимствовалъ опредѣленіе „юродства“, какъ отрицательнаго способа представленія нравственнаго идеала въ жизни (стр. 57—62, ср. учебн. Покровскаго стр. 203—204).

Предметомъ III-й главы служатъ разсужденія о томъ,—ведетъ ли и какимъ образомъ ведетъ „юродство“ человѣка къ нравственному совершенству и сообразно ли оно съ любовію христіанина къ ближнимъ (стр. 62—72). Путь „юродства“—путь смиренія, сознанія своей нравственной безпомощности; къ пріобрѣтенію смиренія, закрѣпляемаго благоразумными тѣлесными подвигами и направлена была вся жизнь св. юродивыхъ. Что же касается служенія ближнимъ, то на это была посвящена вся ихъ жизнь. Мысль эта подтверждается фактами изъ жизни святыхъ юродивыхъ.

Въ IV-й главѣ разбираются возраженія: а) не можетъ ли „юродство“ служить для другихъ соблазномъ? Такъ какъ „юродство“ принимали на себя уже утвердившіеся въ духовной жизни иноки,—но вѣдь юродивые не всѣ были иноками!—и по непосредственному призванію свыше и, такъ какъ, притомъ, не всякій соблазнительный поступокъ, по словамъ преп. Исаака Сирина, должно ставить

въ вину тому, кто допускаетъ его, то и находить соблазнъ въ „юродствѣ“—немыслимо: б) не лишне ли вести такой образъ жизни для спасенія, когда и безъ него много путей ко спасенію? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ раскрытіе образа жизни ветхозавѣтныхъ пророковъ и в) не погрѣшали-ли „юродивые“ противъ обязанности относительно развитія и образованія умственныхъ своихъ силъ. Отвѣтъ заимствованъ у Сладкопѣвцева (Духовн. бесѣда, 1860 г., стр. 437).

V-я глава книги содержитъ разсужденіе о времени появленія „юродства“ въ христіанской церкви; слишкомъ, кажется, рано признаетъ авторъ право на существованіе въ обществѣ христіанъ подвига „юродства“ въ томъ видѣ въ какомъ онъ сталъ извѣстенъ; онъ говоритъ, пользуясь статьею „Душеполезнаго чтенія“ за 1873 г., что одновременно почти съ умиреніемъ церкви Константиномъ является рядъ особыхъ, доселѣ небывалыхъ и совершенно неизвѣстныхъ подвижниковъ христіанства, которые для того, чтобы спасаться въ мірѣ и среди онаго, должны были принять на себя тяжелый подвигъ „юродства“ и только при исключительныхъ его условіяхъ могли подвизаться среди бурныхъ волнъ житейскаго моря, жертвуя для этого всѣми требованіями и, такъ называемыми, приличіями и принятыми обычаями мірской жизни“ (стр. 88). Разсужденіе это при отсутствіи фактическихъ данныхъ не имѣетъ рѣшительно никакой цѣны. Затѣмъ, авторъ повѣствуетъ о значеніи египетскаго монашества и вообще иночества, трактуетъ о дѣятельномъ осуществленіи евангельскихъ заповѣдей египетскими иноками и слово въ слово повторяетъ все то о реализаціи святыми текста Библіи, о чемъ говоритъ проф. Петровъ въ своей диссертаціи—„о происхожденіи и составѣ славяно-русскаго пролога“ (стр. 121—129) (ср. стр. 92—93) и, наконецъ, ученіемъ святаго Макарія Египетскаго (бес. VIII, § 7, 8, 9) объ особенныхъ дѣйствіяхъ благодати въ душѣ человѣка и о состояніи облагодатствованныхъ душъ, „когда въ человѣкѣ отъ свѣта благодати, возгорающагося въ сердцѣ, открывается внут-

реннѣйшій и глубочайшій сокровенный свѣтъ, такъ что человѣкъ, весь погрузясь въ сладостное созерцаніе, не владѣетъ болѣе собою и становится буйнымъ и страннымъ для міра сего, по преизобилію любви и услажденія и по сокровеннымъ тайнамъ, имъ созерцаемымъ",—заканчиваетъ эту часть своего сочиненія (стр. 94—96), а о томъ, что же собственно способствовало появленію подвига „юродства" въ церкви христіанской, не говоритъ ни слова. Тщетны также оказались поиски наши въ этомъ направленіи и въ слѣдующей части сочиненія (V глава, 96—100 стр.), предметомъ содержанія которой служитъ разсужденіе о сравнительномъ упадкѣ восточнаго иночества, какъ причинѣ появленія (не „юродства"), а назидательныхъ писаній о подвижничествѣ и о подражательномъ характерѣ этихъ произведеній, обстоятельно раскрытомъ проф. Петровымъ въ поименованномъ сочиненіи (стр. 176—177), которымъ дѣятельно пользовался и теперь о. Ковалевскій. Зачѣмъ идетъ рѣчь о подражательности житійныхъ сказаній, къ чему авторъ говоритъ о томъ, что такое-то житіе или эпизодъ изъ жизни извѣстнаго святого заимствованы оттуда-то,—непонятно; эти замѣтки, годныя для примѣчаній или же для введенія, совсѣмъ неумѣстны въ центрѣ отдѣла о „юродствѣ", такъ какъ онѣ нарушаютъ правильный ходъ теченія мыслей автора и не даютъ возможности читателю слѣдить за основной идеей даннаго изслѣдованія, которая незамѣтно ускользаетъ, и вниманіе читателя разсѣевается. Такое отступленіе отъ главной темы, быстрый скачекъ отъ одного предмета къ другому, ярко бросается въ глаза читателю, когда онъ, познакомившись съ подражательнымъ характеромъ проложныхъ сказаній и патериковъ, съ половины 100-й страницы вдругъ начинаетъ читать характеристику первой, по времени, юродивой Исидоры,—монахини Тавенской, послѣ чего съ 102 стр. получаетъ, въ видѣ заключенія къ 1-й половинѣ сочиненія о. Ковалевскаго, самой главной, содержащей въ себѣ выясненіе нравственнаго смысла подвига „юродства", опредѣленіе „юродства", данное древнимъ церковнымъ историкомъ Евагріемъ (стр. 102—104).

Съ 105—131 страницы авторъ даетъ краткія жизнеописанія юродивыхъ Востока, заимствованныя имъ безъ перемѣнъ у Филарета, архіепископа Черниговскаго („Житія святыхъ“ изд. Тузова. СПБ. 1892 г.).

Во II-ой части I-ой главы излагаются исторія и условія, способствовавшія особенному процвѣтанію подвига „юродства“ на Руси. Вмѣстѣ съ другими видами подвижничества изъ Греціи было заимствовано русскими и „юродство“ Христа ради. Историческія судьбы и складъ древне-русской жизни особенно способствовали процвѣтанію этого подвига въ древней Руси. „Юродство“—народный на Руси подвигъ или особенно любимый народомъ, какъ объ этомъ свидѣтельствовали иностранцы въ своихъ описаніяхъ путешествій по Россіи. Описывается, затѣмъ, жизнь юродивой Пелагіи и другихъ; особую главу (II-ю) посвящаетъ авторъ вопросу о мнимо-юродивыхъ и о мѣрахъ гражданской и духовной власти противъ нихъ и о раціональномъ способѣ борьбы съ этимъ зломъ путемъ религіозно-нравственнаго просвѣщенія русскаго народа, а въ заключеніи даетъ рядъ жизнеописаній русскихъ юродивыхъ (стр. 132—272).

Сочиненіе это, какъ видно изъ представленнаго обзора его содержанія, страдаетъ отсутствіемъ опредѣленной основной идеи, которая красною нитью должна бы проходить чрезъ все изслѣдованіе. Быстрые скачки отъ одного предмета къ другому (стр. 99—100, 102), мало относящіеся къ темѣ сочиненія разсужденія (напр., объ умѣ и его отношенію къ откровенію 38—42 стр.), отсутствіе строго опредѣленнаго плана, напр., „заповѣдуется ли „юродство“ словомъ Божіимъ?“ Рѣшивъ этотъ вопросъ, авторъ разсуждаетъ о времени и условіяхъ, благопріятствовавшихъ появленію въ христіанствѣ вообще подвижничества, а послѣ этого говоритъ объ иноческихъ уставахъ и, наконецъ, опять трактуетъ о томъ, что въ словѣ Божіемъ указываются существенныя черты „юродства“ (стр. 19—32),—вотъ все то, что рѣзко бросается въ глаза.

Вопроса о несходствѣ поведенія „юродивыхъ“ съ поведеніемъ циниковъ о. Ковалевскій совсѣмъ не касается.

Свои положенія онъ мало подтверждаетъ фактическими данными изъ жизни юродивыхъ и почему то совершенно опускаетъ изъ виду объясненіе тѣхъ чрезвычайныхъ дарованій, какими святые юродивые пользовались (чудотвореніе, прозорливость); разъясненій нравственнаго смысла нѣкоторыхъ особыхъ символическихъ дѣйствій юродивыхъ въ книгѣ о. Ковалевскаго не имѣется, раскрытія того, какимъ образомъ они достигали высокихъ добродѣтелей (напр., безстрастія, нестяжательности и пр.) въ раздѣльномъ видѣ у автора не представлено, и въ виду этого для читателя становится непонятнымъ цѣль всѣхъ тѣхъ аскетическихъ лишеній, какимъ подвергались св. юродивые, и онъ долженъ самъ догадываться о ней на основаніи житій св. юродивыхъ; словомъ, нельзя при помощи книги священника Ковалевскаго составить себѣ яснаго опредѣленнаго понятія о развитіи духовной жизни христіанина въ подвигѣ „юродства“ и потому намъ пришлось для того, чтобы узнать духъ и нравственный строй вообще подвижничества, а отсюда, въ частности и „юродства“, обратиться къ святоотеческимъ твореніямъ и прочитать частію въ подлинникѣ, частію въ журнальныхъ статьяхъ, творенія: преп. Макарія Египетскаго (изданіе 3-е. Москва. 1880 г.), Іоанна Лѣствичника (изданіе 1851 г. Москва) и др. Особенно важнымъ пособіемъ въ уясненіи себѣ духа и строя подвижнической жизни послужило для насъ сочиненіе современнаго аскета-подвижника, епископа Ѳеофана: „Путь ко спасенію“ (краткій очеркъ аскетики). Москва. 1894 г.; которое по содержанію можно справедливо назвать христіанской педагогикой, потому что, какъ педагогика старается указать путь, которымъ человѣкъ отъ дѣтскаго полусознанія могъ бы достигнуть полнаго человѣческаго развитія, полной человѣчности, такъ точно и епископъ Ѳеофанъ въ названномъ сочиненіи старается указать путь, которымъ долженъ идти человѣкъ со дня своего рожденія для того, чтобы достигнуть спасенія или, что тоже, полнаго христіанскаго развитія, въ мѣру возраста исполненія Христова.

Въ богослужебныхъ книгахъ, наконецъ, мы нашли

много матеріала для того, чтобы нарисовать себѣ яркую картину нравственнаго восхожденія св. юродивыхъ и св. столпниковъ на высоту добродѣтелей и объяснить себѣ смыслъ всѣхъ тѣхъ аскетическихъ лишеній, какимъ подвергались св. юродивые и св. столпники.

Изъ этого перечня пособій и источниковъ, какими мы пользовались при изученіи даннаго вопроса, можно видѣть всю ту трудность работы, съ какою сопровождалось выясненіе нравственнаго смысла подвиговъ „юродства“ и „столпничества“. Пришлось, съ одной стороны, провѣрить весь историческій матеріалъ, необходимый для фактическаго освѣщенія извѣстныхъ нравственныхъ выводовъ и положеній и съ другой—совсѣмъ почти не воспользоваться тѣми мелкими журнальными статьями, которыя выше указаны; всѣ онѣ трактуютъ объ одномъ и томъ же и новыхъ освѣщеній въ выясненіи нравственнаго смысла „юродства“ и „столпничества“ не вносятъ.

Далѣе, раскрытіе смысла самихъ подвиговъ: „юродства“ и „столпничества“ представляетъ затрудненіе и само по себѣ, особенно защита безсоблазненности подвиговъ, такъ что справедливо и теперь замѣчаніе преосв. Филарета, митроп. Московскаго о томъ, что много нужно еще работать для того, чтобы удовлетворительно выяснить оригинальные виды подвижничества, писанное 30-го Мая 1838 г. по поводу просмотра преосв. Филаретомъ сочиненія студента Московской Духовной Академіи М. С.: „О высокомъ достоинствѣ жизни юродивыхъ Христа ради“ (Чтен. въ имп. ист. и древн. росс. 1880 г. кн. 2. Москва. 1882 г., стр. 3-я).

Изъ стремленія восполнить пробѣлы, допущенные о. Ковалевскимъ въ изученіи имъ подвига „юродства“, съ одной стороны, и изъ желанія обслѣдовать самостоятельно подвигъ „столпничества“ — съ другой, и опредѣлить ихъ нравственное достоинство, мы рѣшились идти слѣдующимъ путемъ:

Часть первая.

ГЛАВА I-ая.

Историческія данныя о святыхъ юродивыхъ. Смыслъ и значеніе различныхъ наименованій св. юродивыхъ. Опредѣленіе слова „юродство".

1) Святая Исидора (10 мая), по Коптски—Варанкисъ, подвизалась въ IV в. въ монастырѣ, основанномъ преп. Пахоміемъ на маленькомъ островѣ Тавеннѣ, на Нилѣ, въ округѣ Тентиры или Дендеры, между новѣйшимъ городомъ Гирге и развалинами древней Ѳивы [1]). Палладій, епископъ елеонопольскій (съ 440 г.) повѣствуетъ о ней въ 420 г. [2]) въ Лавсаикѣ (§ 37 и 38) и его сказаніе не подлежитъ сомнѣнію, по мнѣнію преосв. Сергія [3]), но св. Ефремъ Сиринъ, посѣщавшій пустыни Египта въ 371 г., еще раньше предложилъ сказаніе о юродивой [4]). Св. Исидора, по мнѣнію преосв. Филарета, архіеп. Черниговскаго, окончила свои подвиги не позже 365 г. [5]).

2) Серапіонъ Синдонитъ (14 мая), египетскій монахъ, жилъ въ началѣ V вѣка [6]). Извольскій относитъ жизнь его къ VI вѣку [7]). Названъ такъ, по вѣроятному мнѣнію преосв. Сергія [8]), оттого, что не носилъ ничего, кромѣ синдона—

---

[1]) Гиббонъ; исторія упадка римской имперіи. Москва, 1884 г. т. IV, стр. 118, прим. I. [2]) Истор. учен. объ отцахъ церкви, Филарета, архіеп. Черниг. СПБ. 1882 г. т. III, стр. 9. [3]) Полный мѣсяцесловъ Востока, 1901 г. Владиміръ. ч. I, стр. 138; замѣтки стр. 176. [4]) Твор. св. Ефрема Сирина 2. Москва, 1858 г. стр. 596 — 598. [5]) „Житія св. подвижницъ восточной церкви", Филарета, архіепископа Черниговскаго, СПБ. 1898 г. стр. 61. [6]) Мѣсяцесловъ прот. Дим. Вершинскаго, СПБ. 1856 г. стр. 74. [7]) Житіе св. стр. 162, Май. [8]) Мѣсяцесловъ Востока, замѣтки стр. 182. I т.

льняной одежды. Свѣдѣнія о немъ даетъ Палладій въ своемъ Лавсаикѣ [9]).

3) Виссаріонъ египтянинъ (6 іюня), жилъ въ концѣ V-го вѣка [10]). Житіе его въ Патерикѣ скитскомъ [11]).

4) Симеонъ—палестинскій монахъ (21 іюля) родомъ изъ Сиріи, родился въ 522 году. Свѣдѣнія о его жизни и дѣяніяхъ почерпнуты изъ его же разсказовъ другу своему діакону Іоанну, который разсказалъ его житіе Леонтію кипрянину, епископу Неапольскому [12]), призывая Бога во свидѣтели своихъ словъ, что онъ не только ничего не прибавляетъ къ своему повѣствованію, но многое съ теченіемъ времени забылъ. Историческая достовѣрность житія подтверждается также одобрительнымъ свидѣтельствомъ о жизне-описателѣ преп. Симеона, представленномъ на 4 засѣданіи VII вселенскаго собора [13]). Евагрій схоластикъ, антіохійской церкви историкъ (431—594) въ 4 книгѣ, гл. 34 повѣствуетъ о жизни своего современника Симеона Юродиваго согласно съ Леонтіемъ; Симеонъ сконч. около 580 г. (по Вершинскому), а по мнѣнію преосв. Сергія ок. 590 г.

5) Ѳома преп. Келесирійскій—сиріецъ (24 апр.) жилъ при императорѣ Юстиніанѣ. Свѣдѣнія о немъ находятся у Евагрія [14]), въ Лугѣ Іоанна Моха (§ 87) и въ жизнеописаніи Маρѳы (4 мая), матери Симеона Дивногорца [15]).

6) Андрей цареградскій (2 окт.) жилъ въ X вѣкѣ, родомъ скиѳъ [16]), а не славянинъ, нотарій нѣкоего константинопольца Ѳеогноста при Львѣ Премудромъ. Его жизнь описалъ пресвитеръ Софійской церкви въ Царьградѣ Никифоръ [17]). Время его жизни опредѣляется различно: проф. Голубинскій относитъ его „юродство“ ко второй половинѣ V-го вѣка; проф. Срезневскій къ VI в. [18]), а преосв. Сергій говоритъ, что смерть св. юродиваго Андрея падаетъ на 940 г. и во всякомъ случаѣ не позднѣе 950 г. [19]). По мнѣнію

---

[9]) Гл. 69—72. [10]) Мѣсяц. архіеп. Сергія ч. 2, зам. стр. 220. [11]) Стр. 169—248. [12]) Петровъ. О происхожд. пролог. стр. 35. [13]) Горскій. Св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій, Москва. 1849 г. стр. 186. [14]) Кн. IV, гл. 35. [15]) Сергій архіеп. Владимірск. Полный мѣсяцесл. стр. 154 замѣтки. [16]) Голубинскій истор. русск. церкви, т. I. втор. половина, стр. 346. [17]) Петровъ. О происх. пролога, стр. 39. [18]) Сборникъ отд. русск. яз. и словесн. стр. 156. [19]) Мѣсяц. стр. 409, замѣтки ч. II.

преосв. Сергія житіе св. Андрея даетъ поводъ относить время его подвижничества къ Царствованію Льва VI Мудраго (886—911), а не къ царствованію Льва I Макелла (457—474), т. к. во всемъ житіи нѣтъ ничего современнаго Льву I Макеллу и преп. Даніилу Столпнику († 489), упоминаніе о которомъ внесено въ житіе не составителемъ его, а позднѣйшимъ интерполяторомъ. Судя по слогу, по тону и образу мыслей, житіе св. Андрея писано въ позднѣйшее время—въ эпоху упадка греческаго языка именно, въ концѣ X или въ началѣ XI в. Если бы святой Андрей жилъ въ V или VI в., то трудно допустить, чтобы до X в. о немъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній у церковныхъ писателей, тѣмъ болѣе, что подвигъ его былъ особенный и поразительный. Затѣмъ и имя его встрѣчается въ синаксарѣ XII в., составленномъ діакономъ константинопольской церкви св. Софіи Маврикіемъ; позднее упоминаніе о св. Андреѣ въ синаксарѣ константинопольской церкви свидѣтельствуетъ и о поздней жизни его [20]).

7) Исакій монахъ Печерскій (въ мірѣ—Чернь, 14 февр.), бывшій Торопецкій купецъ, жилъ въ XII в. и былъ современникъ св. Антонія и Ѳеодосія. Свѣдѣнія о немъ заключаются въ Кіево-печерскомъ Патерикѣ подъ 14-мъ февраля; онъ † 1090 г.

8) Авраамій Смоленскій (21 авг.) жилъ тоже въ XII в. при князѣ Мстиславѣ и по мнѣнію преосв. Филарета, митр. Московскаго, умеръ настоятелемъ монастыря положенія ризы Богоматери не позже 1220 г. [21]). Житіе его — въ сокращеніи изъ Великихъ четій-миней — у Димитрія, митр. Ростовскаго.

9) Прокопій Устюжскій (8 іюля), жилъ въ XIII в., родомъ Варягъ (по минеи) или нѣмецъ (по прологу), купецъ; крещеніе принялъ не отъ Варлаама Хутынскаго (какъ говорится въ Четіяхъ-минеяхъ), такъ какъ послѣдній † 1192 г., а Прокопій столѣтіемъ позже въ 1303 г., а отъ Варлаама

---

[20]) Св. Андрей Христа ради юродивый. Гл. I-я СПБ. 1898 г. Эта же статья помѣщена и въ „Странникѣ“ за 1898 г. [21]) Собр. мнѣн. и отзыв.; отд. дополнит. стр. 587.

Прокшинича, умершаго въ Хутынѣ въ 1243 г. [22]). По мнѣнію проф. Ключевскаго преданія о св. Прокопіѣ и его чудесахъ стали записывать со второй половины XV вѣка [23]). Савваитовъ говоритъ, что св. Прокопій † 1285 г., а Карамзинъ въ Исторіи государства россійскаго (IV, прим. 206) годъ его кончины показываетъ 1303 г. Преосвященный Сергій архіеп. Владимірскій считаетъ карамзиновское показаніе болѣе вѣрнымъ потому, что изъ надписи на чудотворной иконѣ Устюжской Божіей Матери видно, что чудо избавленія Устюга по молитвамъ св. Прокопія было въ 1290 г. [24]).

10) Николай Кочановъ (27 іюля), новгородскій уроженецъ, прозванный такъ за то, что бросалъ „кочанми“ въ юродиваго Ѳеодора [25]) † 1392 года.

11) Ѳеодоръ новгородскій (19 янв.) родился въ Новгородѣ въ первой половинѣ XIV в., но въ какомъ году— неизвѣстно; есть догадка, что годы его рожденія относятся ко времени между 1325 — 1335 г.; † 1395 г. [26]). Служба, молитва, житіе блаженнаго были написаны въ началѣ XVI в., но имя благоговѣйнаго ихъ составителя неизвѣстно.

12) Георгій Шенкурскій (23 апр.) въ XV в., подвизался въ окрестностяхъ города Шенкурска. Родители его были простые поселяне изъ деревни Яруполи по фамиліи Будиловы. Рукописное его житіе обнародовано архимандритомъ нынѣ епископомъ Рыльскимъ Никодимомъ [27]). Умеръ онъ въ 1392 г., по рукописнымъ святцамъ въ 1462 г., а въ сочиненіи „достопамятности г. Шенкурска“ указывается годъ смерти 1450. Житіе и чудеса его написаны не позже первой половины XVII в., такъ какъ предпослѣднее чудо (9-е) помѣчено 1640 г. [28]).

13) Іаковъ Боровицкій (23 окт.). Кто былъ онъ родомъ, гдѣ жилъ и гдѣ умеръ, объ этомъ достовѣрныхъ свѣдѣній

---

[22]) Богослов. вѣстн. 1894 г. VII, стр. 84—90, статья проф. Голубинскаго. [23]) Древне-русск. житія святыхъ, какъ истор. источн. Москва, 1871 г. стр. 277. [24]) Мѣсяц. востока, II ч. стр. 205 и замѣтки стр. 260. [25]) Книга глаголемая описан. о росс. св. гр. Толстого, Москва. 1887 г. стр. 47. [26]) Путешествіе по св. мѣстамъ Муравьева, СПБ. 1888 г. ч. I стр. 426. [27]) Архангельскій патерикъ, СПБ. 1901 г. стр. 214. [28]) Ibid. стр. 215.

нѣтъ. Въ 1440 г. тѣло его принесено на льдинѣ по Мстѣ, противъ теченія рѣки, къ Боровицкому порогу [29]).

14) Максимъ Московскій (11 ноября) † 1433 г., проф. Ключевскій говоритъ, что „о св. житіи его быша не малая книга написанная", неизвѣстно куда пропавшая [30]) и оно извѣстно только по краткой редакціи, писанной во второй половинѣ XVI вѣка.

15) Михаилъ Клопскій (11 янв.) жилъ при великомъ князѣ Василіи Димитріевичѣ, при митр. Фотіи (грекѣ изъ Мореи), при игуменѣ Троицкаго клопскаго монастыря (въ 15 вер. отъ Новгорода близъ рѣки Вояжи) Ѳеодосіи [31]). О времени прихода св. Михаила (23-го іюня 1408 г.) въ Клопскій монастырь упомянуто въ Новгородской лѣтописи III подъ 6916 г. [32]). Житіе его въ первый разъ, какъ видно изъ похвалы святому [33]), написано было нѣкіимъ рабомъ Арсеніемъ, а дополнено и распространено, какъ ясно изъ лѣтописи по Воскресенскому списку [34]), бояриномъ Тучковымъ, которому Владыка Макарій велѣлъ написать и распространить житіе и чудеса блаж. Михаила, нарицаемаго Салоса [35]). Въ рукописныхъ святцахъ кончина св. Михаила помѣчена 1452 г.; это показаніе, говоритъ проф. Ключевскій, очевидно, составилось посредствомъ приложенія 44 лѣтъ жизни юродиваго въ Клопской обители къ 1408 г., когда по лѣтописи св. Михаилъ пришелъ въ Новгородъ; но неизвѣстно, когда онъ пришелъ на Клопско и можно только предполагать, что не позже 1408 г. Годомъ смерти св. Михаила проф. Ключевскій считаетъ 1456 [36]). Вершинскій — 1452 [37]), а въ словарѣ историческомъ о россійскихъ святыхъ годъ смерти его падаетъ на 1453 г. [38]).

16) Исидоръ Твердисловъ (14 мая) XV в. Онъ пришелъ въ Россію изъ Германіи, но родомъ былъ славянинъ,

---

[29]) Словарь истор. о св. стр. 111. СПБ. 1836. [30]) Сборн. XVII—XVIII в. Древн русск. жит. св. стр. 246. [31]) Филаретъ, архіеп. Чернигов., жит. св. стр. 127, янв. издан. 1892 г. [32]) Толст. Святыни и древн. Новгорода. Москва. 1862 г. стр. 196. [33]) Новгор. еп. вѣд. 1898 г. № 24. [34]) Полн. собр. лѣт. т. VI, стр. 301. [35]) Сказ. о житіи блаж. Михаила юродиваго. СПБ. 1877 г. [36]) Древне-русск. ж. св. стр. 212. [37]) Мѣсяцесловъ. 11 янв. [38]) Стр. 173, СПБ. 1836 г.

а не нѣмецъ, какъ думаетъ авторъ историческаго словаря о святыхъ (стр. 109): на славянское его происхожденіе указываетъ и его мірское имя Твердиславъ, позднѣйшими переписчиками передѣланное въ Твердисловъ и неправильно толкуемое, какъ прозваніе его за то, что слова его сбывались [39]). Въ словѣ Твердисловъ видна уже народная этимологія, не наблюдающая истиннаго происхожденія словъ [40]). Умеръ 1474 г. Древнѣйшіе списки житія его восходятъ не далѣе конца первой половины XVI в. [41]).

17) Іоаннъ Устюжскій (21 мая) родился въ селѣ Пуховѣ, на рѣкѣ Сухонѣ, гдѣ былъ древній городъ Устюгъ; † 1494 г.; житіе его писано въ 1554 г. и сообщено игуменомъ Борисоглѣбскаго Сольвычегодскаго монастыря Діонисіемъ, лично знавшимъ св. Іоанна юродиваго, своему сыну, который его жизнь и описалъ [42]).

18) Лаврентій Калужскій (10 авг.) † 1515 г. Авторъ словаря св. россійской церкви на основаніи исторіи росс. іерарх. (VI, 1019) и описанія Лютикова монастыря полагаетъ, что онъ происходилъ изъ рода бояръ Хитровыхъ, на томъ основаніи, что его имя записано первымъ въ родѣ Григорія Семеновича Хитрова въ помянникѣ Перемышльскаго Лютикова монастыря (стр. 143). Но предположеніе это за несомнѣнное признать нельзя, потому что прежде было въ обычаѣ, продолжающемся и теперь, записывать въ своихъ помянникахъ имена мужей, извѣстныхъ святостію своей жизни, для выраженія уваженія къ нимъ. Такъ, въ Тамбовской губерніи есть много помянниковъ, въ которыхъ записаны въ главѣ частныхъ родовъ общеуважаемыя имена старцевъ: Серафима Саровскаго, Иларіона Троекуровскаго и пр., а въ Калужской и Орловской — старца Леонида, Макарія и др. Копіи съ частныхъ помянниковъ вносятся на страницы монастырскихъ синодиковъ по просьбѣ вкладчиковъ обители, безъ всякаго изслѣдованія о томъ, чьи имена вписаны въ помянникахъ. Поэтому, и относи-

---

[39]) Книга глаголемая описаніе о росс. св. Толстого 1888 г. Москва, стр. 103. [40]) Блаж. Исидоръ Ростовскій. Ярославль. 1884 г. стр. I, прим. 3-е. [41]) Тамъ-же стр. 2. [42]) Ключевскій. Древне-русск. жит. св. стр. 278.

тельно св. юродиваго Лаврентія слѣдуетъ ограничиться тѣмъ, что сказано о немъ въ записи Лаврентіева Калужскаго монастыря: „отца же и матери его никтоже свѣдомъ, древнихъ ради лѣтъ бывшихъ". О дѣяніяхъ св. Лаврентія доставляетъ краткое свѣдѣніе старинная монастырская запись, писанная въ концѣ XVII в. или въ началѣ XVIII в. при игуменѣ Кириѣ [43]).

19) Василій Московскій (2 авг.) жилъ во второй половинѣ XV в. при великомъ князѣ Іоаннѣ III въ селѣ Елоховѣ (близъ Москвы); † 1552 г. Св. Димитрій Ростовскій его житія въ Великой четіи-минеи не нашелъ; [44]) въ библіотекѣ Покровскаго Московскаго собора хранится рукописное „житіе и слово похвальное и чудеса св. Василія, новаго чудотворца Московскаго", обслѣдованное проф. Ключевскимъ [45]).

20) Николай Псковскій (28 февр.) † 1576 г. Названіе Салосъ не есть прозвище, а сирское слово, означающее простой, глупый. У грековъ это слово употребляется вмѣсто нашего юродивый, какъ видно изъ описанія путешествія антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію, гдѣ юродивый Кипріанъ названъ Салосомъ [46]).

21) Іоаннъ Власатый (3 сент.), подвизавшійся въ Ростовѣ, † 1581 г. [47]), а преосв. Филаретъ Черниговскій годомъ кончины его считаетъ 1580 [48]), преосв. Сергій примыкаетъ къ его мнѣнію [49]).

22) Симонъ Юрьевецкій (4 ноября). Онъ родился въ селѣ Одѣлевѣ, Нерехтскаго уѣзда, Костромской губ. (въ 20 верст. отъ заштатнаго города Плеса), а не на берегахъ Волги, недалеко отъ Юрьевца, какъ сказано въ житіяхъ святыхъ; † 1586 г. Въ житіяхъ показанъ годъ смерти 1584; въ историческихъ запискахъ о Кривоезерской пустынѣ—1594; Ключевскій считаетъ годомъ смерти 1593. Это не вѣрно потому, что св. Симонъ умеръ при митрополитѣ Діонисіи, а съ 21 декабря 1586 г. былъ въ Москвѣ

[43]) Калужск. еп. вѣд. 1862 г. № 1, стр. 5. 13. [44]) Четьи-минеи, 2 авг. л. 9. [45]) Стр. 319, Древне-русск. ж. св. [46]) Стр. 145; Москва. 1896 г. вып. II. [47]) Словарь историч. [48]) Русскіе святые. [49]) Мѣсяцесловъ стр. 233.

уже патріархъ Іовъ. Житіе его писано во второй половинѣ XVII в., и сохранилось оно въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Около 1635 г. послано было къ патріарху Іоасафу посланіе о житіи и чудесахъ св. Симона. Біографъ писалъ по разсказамъ людей, знавшихъ Симона [50]).

23) Галактіонъ † 1506, инокъ Ѳерапонтова монастыря.

24) Іоаннъ Большой Колпакъ (14 іюля), или Водоносецъ, жилъ при Борисѣ Годуновѣ; родомъ изъ страны Вологодской; † 1589 или 1590 г. Житіе его написано въ Москвѣ въ 1647 г.; „рукою многогрѣшнаго простого монаха“ [51]).

25) Кипріанъ Суздальскій (окт. 2) жилъ въ началѣ XVII в. въ селѣ Воскресенскомъ на р. Уводи, Влад. губ., Ковровск. уѣзда, † 1622 г. [52]).

26) Прокопій Вятскій (21 дек.), Хлыновскій урожденецъ изъ Корякинской деревни, въ 6 вер. отъ г. Вятки, † 1627 г. Житіе его писано во второй половинѣ XVII в. [53]).

27) Максимъ Тотемскій священникъ (18 янв.) † 1650 г. [54]).

28) Андрей Тотемскій (10 окт.) род. 1638 г. † 1673 г. въ вологодскихъ предѣлахъ въ селеніи Усть-Тотемскомъ. Проф. Голубинскій говоритъ, что онъ умеръ въ 1674 г. [55]).

29) Іона монахъ Пѣшношскаго монастыря Московск. губ., Дмитровск. уѣзда подвизался во второй половинѣ XVII в. † 1737 г. въ лѣсу и найденъ охотниками чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти совершенно нетлѣннымъ. О его подвигахъ было писано въ свѣтской литературѣ, напр. въ „Маякѣ“ за 1845 г. т. VI и въ Московскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ за тотъ же годъ. Послѣдній изъ юродивыхъ не канонизованъ.

У Преосв. Сергія, архим. Леонида, у Савваитова, Барсукова, Толстого, Поселянина, Кайдалова и др. упоминается еще до 26 юродивыхъ, свѣдѣнія о которыхъ находятся въ рукописныхъ святцахъ мѣстныхъ монастырей и церквей, но они не канонизованы.

---

[50]) Ключевскій. Древне-русск. ж. св. стр. 343—344. [51]) Ключевскій. Древнерусск. житія свят., стр. 330. [52]) Филаретъ, жит. св. окт. 2. [53]) Ключевскій. Древнерусск. ж. св., стр. 344. [54]) Богосл. вѣстн., 1894 г., Августъ, стр. 217. [55]) Богосл. вѣст., 1894 г. сентябрь, стр. 9 дополненіе.

Всѣ историческія свѣдѣнія изъ жизни поименованныхъ св. юродивыхъ, строго провѣренныя критикой, вошли въ составъ нашего сочиненія въ качествѣ фактическихъ данныхъ, подтверждающихъ извѣстное нравственное положеніе.

Чтобы опредѣлить значеніе и смыслъ самаго названія, какое св. церковь прилагаетъ къ поименованнымъ угодникамъ Божіимъ, необходимо названіе „юродивый" разсмотрѣть въ связи съ другими наименованіями, составляющими принадлежность каждаго юродиваго и помѣщающимися въ ихъ житіяхъ. Въ самыхъ повѣствованіяхъ св. юродивые — монахи именуются преподобными, мірскіе именуются праведными и блаженными.

Конечно, св. церковь, усвояя св. юродивымъ различныя наименованія, выражающія ихъ свойства и добродѣтели, кромѣ прославленія ихъ, имѣетъ цѣлію еще и то, чтобы возбудить въ сердцахъ всѣхъ членовъ церкви благочестивую ревность къ достиженію той славы, какую заслужили предъ Богомъ св. юродивые. „Мужества святыхъ, говоритъ св. Димитрій Ростовскій, ими же, Богу помогающу, крѣпцѣ противу плотскихъ вожделѣній ратоваша, памятствовати потребно быти разумѣемъ, яко образъ добродѣтельнаго ихъ житія разумѣюще, себе самихъ возбуждаемъ къ тѣхъ подражанію" [56]). Сообразно этому св. намѣренію не безполезно вникнуть въ смыслъ и значеніе тѣхъ наименованій, какія св. церковь усвояетъ св. юродивымъ. Всѣ юродивые именуются святыми. Если производить слово святой — ἅγιος отъ греческихъ же словъ: отрицательной частицы α и γὴ — земля, то оно будетъ означать такого человѣка, который живетъ жизнію не земною, а небесною, т. е. который не прилѣпляется ни къ чему земному, порочному, а всѣмъ существомъ своимъ постоянно стремится отъ земли горѣ—къ Богу, и для котораго земля есть не болѣе, какъ мѣсто изгнанія, истинное же отечество его на небѣ (Филип. III, 20). Русское слово святой можно производить отъ славянскихъ словъ: свыше и ятый, т. е. такой

[56]) Четьи-минеи 10 іюня, житіе св. Вассіана.

человѣкъ, который жизнію своею показываетъ, что онъ стоитъ выше всего земного, принадлежитъ къ горнему міру, и который дѣлами своими возвышается надъ прочими земнородными. Еврейское слово кадош означаетъ отдѣленнаго, избраннаго изъ всѣхъ и назначеннаго на служеніе истинному Богу [57]).

Такимъ образомъ, на основаніи этихъ соображеній о словѣ святой, какъ прилагательномъ къ юродивымъ, можно заключить, что они представляли изъ себя классъ людей, такъ сказать, надземныхъ, т. е. такихъ, которые устремлялись горѣ къ Богу, выдѣленныхъ самимъ Богомъ изъ среды другихъ людей, избранныхъ Ему на служеніе.

Затѣмъ, св. юродивые—монахи именуются преподобными. Смыслъ слова преподобный раскрываетъ преосв. митрополитъ Михаилъ (петербургскій): „истинное преподобіе, говоритъ онъ, состоитъ въ сходствѣ и сообразности душевныхъ совершенствъ человѣка и его дѣлъ съ совершенствами и дѣяніями Божіими. Имѣть свойства, сходныя съ свойствами Божіими и поступать по онымъ—вотъ что составляетъ истинное преподобіе; быть духу человѣческому въ согласіи съ Духомъ Божіимъ, быть въ единствѣ съ Богомъ, повиноваться Богу и покоряться святѣйшей Его волѣ—вотъ что дѣлаетъ человѣка истинно преподобнымъ! въ этомъ единообразіи ума, воли и человѣческихъ дѣяній съ премудростію, волею и дѣяніями Божіими состоитъ истинное преподобіе, то подобіе, для котораго человѣкъ сотворенъ и искупленъ [58]). Показавъ, въ чемъ состоитъ преподобіе, тотъ же авторъ, далѣе, раскрываетъ, какіе именно праведники и почему называются преподобными: „большею частію въ христіанской церкви преподобными назывались проходившіе иноческое званіе, впрочемъ, не потому только они названы преподобными, что таковую иноческую жизнь проводили наружно, но по внутреннему качеству, потому именно, что внутреннимъ своимъ духомъ они были весьма подобны Господу Богу; и

---

[57]) Исх. XIII, I; Лев. XX, 26; Іерем. I, 5. [58]) Бесѣды Михаила т. VI, Изданіе Терскова и Булаковскаго. СПБ. 1856 г. стр. 646.

посему то не всѣ тѣ удостоены сего великаго наименованія, кои жили въ пустыняхъ и обителяхъ, но только тѣ изъ нихъ, которые дѣйствительно были подобны сотворшему и искупившему ихъ Господу“ [59]).

Такъ, значитъ, св. церковь, называя юродивыхъ преподобными, соединяетъ съ этимъ именемъ тотъ высокій смыслъ, что св. юродивые въ своей жизни являлись истинными подражателями Господа Іисуса Христа, старавшимися жизнь свою сдѣлать подобною жизни Спасителя. „Они въ слѣдъ Христа усердно потекоша“; воспѣваетъ св. Церковь въ канонѣ св. юродивымъ [60]), „скорбнымъ и тѣснымъ путемъ Христовымъ шествовали“ [61]). „Все отложь мірское мудрованіе потеклъ еси радуяся въ слѣдъ Христа Бога“, поется въ канонѣ св. Василію. Эта мысль подтверждается еще третьимъ церковнымъ наименованіемъ св. юродивыхъ— „праведные“ (отъ слова правда, право—веду, т. е. жизнь веду правую) и особенно четвертымъ названіемъ— „богоносные“, какимъ именемъ названы Михаилъ Клопскій, Симеонъ и др., заимствованнымъ изъ отвѣта св. Игнатія императору Траяну. Это важное наименованіе вполнѣ приличествуетъ св. юродивымъ, какъ постояннымъ носителямъ въ сердцахъ своихъ Христа; св. церковь именуетъ ихъ домомъ, жилищемъ Духа Пресвятаго [62]); „ты изъ млада Христа возлюбилъ еси, воспѣваетъ св. Церковь въ канонѣ св. юродивому Андрею, и къ Нему единому возжелѣлъ еси“, „домъ Христова благодаренія былъ еси“, прославляетъ св. Церковь блаженнаго Василія въ стихирахъ на великой вечернѣ. Этимъ наименованіемъ св. Церковь обращаетъ вниманіе на высокую, благочестивую, святую и назидательную жизнь св. юродивыхъ.

Пятое наименованіе св. юродивыхъ имѣетъ общій характеръ и прилагается почти каждому святому—это „блаженный“, т. е. ублажаемый [63]); это названіе нельзя исключительно относить только къ св. юродивымъ, какъ допу-

---

[59]) Тамъ же, стр. 643. [60]) Общ. мин. [61]) Изъ канона св. Василію, 2 августа. [62]) Стихира на стих. изъ общ. минеи. [63]) Ср. блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, I-й пс.; блаженны Спасителя, Мѳ. V гл.

скаетъ это протоіерей Леонидъ Петровъ въ своихъ „краткихъ запискахъ о принадлежностяхъ и составныхъ частяхъ богослуженія [64]), потому что блаженными часто называются и князья (напр. Александръ Невскій, Петръ Муромскій), преподобные (напр. Матѳей прозорливый окт. 5), святители (напр. Алексій митрополитъ въ житіи преп. Сергія 25 сент.) и пр.

Но самымъ распространеннымъ названіемъ выше перечисленныхъ св. подвижниковъ служитъ „юродивый“ или „юродъ“, какъ постоянно обозначается въ житіяхъ этихъ св. подвижниковъ. Во всѣхъ же древнихъ рукописныхъ житіяхъ они именуются уродивыми, уродами. Такъ въ житіи блаженнаго Симеона онъ постоянно называется оуродомъ; въ Патерикѣ Печерскомъ повѣствуется, что преподобный Исаакій „поча по міру ходити оуродомъ ся творя“; св. Авраамій Смоленскій „измѣнися свѣтлыхъ ризъ и въ худыя облечеся и хожаше яко единъ отъ нищихъ, — на оуродство ся приложи“ [65]); житіе св. Іоанна Устюжскаго начинается такими словами: „мѣсяца маія въ 29 день, сказаніе и житіе св. праведнаго Иванна, иже Христа ради оуродиваго“, и немного ниже — и явися чудо отъ иконы святого праведнаго Прокопія, оуродиваго Христа ради“ [66]); рукописное житіе св. Прокопія Устюжскаго начинается такъ: „и якоже бо исперва глаголетъ о блаженныхъ оуродивыхъ и т. д. . . въ лѣто 6986 г., бѣ нѣкій мужъ, оуродивый Христа ради, именемъ Прокопій“ [67]); въ Степенной книгѣ [68]) про св. Василія блаженнаго говорится: и аще проходя съ беззлобіемъ богомудрственное уродство [69]); въ церковномъ уставѣ Троицкаго Лютикова монастыря (въ $6^1/_2$ верстахъ отъ г. Перемышля, Калужской губерніи), написанномъ между 1474 и 1513 гг., надобно полагать на югѣ, въ Кіевской митрополіи, — подъ 14 мая читается: „св. Исидора Христа ради Уродиваго чудотворца

---

[64]) СПБ. 1860 г., стр. 74. [65]) Голубинскій, Исторія русск. церкви, т. I, гл. VI, стр. 548, Москва 1881 г. [66]) Библіологическій словарь П. М. Строева, СПБ. 1882 г., стр. 332. [67]) Тамъ же стр. 343. [68]) Ч. 2, ст. 17 гл. 9. [69]) Бѣлянкинъ. Сказаніе о житіи и чудесахъ св. Василія блаженнаго. Москва 1884 г., стр. 37.

Ростовскаго“ [70]); въ общей Минеѣ, напечатанной при патріархѣ Іоакимѣ въ 1685 г., въ тропарѣ юродивымъ говорится: „мы оуроди . . . . оуродъ бысть Христа ради [71]); св. Исидоръ Твердисловъ „пріемъ уродственное, буйственное еже Христа ради житіе“ [72]).

Такимъ образомъ, древнее общее названіе св. юродивыхъ есть „оуродъ“, перешедшее, затѣмъ, въ „юродъ“. Юродъ = jurod'ъ = iu + rod'ъ. Частица u = санскритскому ava, латинскому au. Если сравнить санскритское ava + pat— низвергаться и ava + jna — мало цѣнить съ латинскими словами aufero и aufugio и съ славянскимъ словомъ— ubĕzăt'ь,—то смыслъ частицы iu (оу и ю) будетъ означать все то, что мало цѣнится, чего можно не знать, отъ чего можно убѣгать. Значитъ, частица оу (древній большой юсъ) означаетъ—отдѣленность, отходъ отъ чего нибудь. Rod'ъ; санскритское rudh—подниматься, расти [73]). Слѣдовательно, „юродъ“ будетъ означать нѣчто такое выросшее, поднявшееся, но что слишкомъ малоцѣнно, чтобы на него обращать вниманіе. Характеристичнымъ опредѣленіемъ слова „юродъ“, понимаемомъ въ указанномъ смыслѣ, служитъ славянское, отребіе міра [74]): „якоже отреби міру быхомъ“ (περικάθαρμα), говоритъ св. апостолъ Павелъ, выражая этимъ наименованіемъ ту мысль, что апостолы ничѣмъ не отличаются отъ того, что въ домахъ выбрасывается, какъ излишнее, какъ соръ, который выметаютъ изъ дома на дворъ, а потомъ и со двора [75]). Св. Іоаннъ Златоустъ въ толкованіи приведенныхъ словъ апостола Павла „отребіе“ называетъ прямо „буйство“ („буи“) [76]). На основаніи этихъ соображеній можно заключить, что „юродивый“ — это есть отверженный міромъ, обществомъ. Сравнивая же слово „уродъ“ (юродъ) съ словомъ „выродокъ“, мы получимъ еще подтвержденіе высказанному соображенію о смыслѣ

---

[70]) Блаженный Исидоръ Ростовскій, Ярославль. 1877 г., стр. 23. [71]) Ковалевскій. Юродство о Христѣ. Москва. 1900 г., стр. 91 прим. 2-е. [72]) Тамъ же стр. 239. [73]) Свѣдѣнія эти сообщены проф. прот. М. И. Орловымъ. [74]) I Кор. IV, 13. [75]) Толк. I-го посланія ап. Павла къ Коринѳ. Епископа Ѳеофана. Москва. 1882 г. стр. 161. [76]) Бесѣда Златоуста на 1-е посланіе къ Коринѳ. СПБ. 1858 г., стр. 226.

слова „юродивый"; „выродокъ" будетъ означать человѣка выкинутаго, выброшеннаго изъ рода, отверженнаго родомъ.

Такимъ образомъ, слово „юродивый", употребляемое св. Церковью, какъ эпитетъ нѣкоторыхъ подвижниковъ, имѣетъ чрезвычайный смыслъ; церковь этимъ названіемъ выражаетъ ихъ отдѣленность отъ общества и избранность Богомъ [77]), оттѣняетъ свойство ихъ благочестія, состоящее въ отверженіи ихъ міромъ, въ презрѣніи ихъ обществомъ, смотрѣвшимъ на нихъ не какъ на своихъ членовъ, а какъ на какихъ-то выродковъ, отщепенцевъ.

Вотъ первое значеніе слова „юродивый" и его внутренній смыслъ. Отсюда и „юродство", если не принимать, покамѣстъ, во вниманіе сакраментальной стороны слова, какъ дѣлаетъ сразу о. Ковалевскій, опредѣляя „юродство" [78]), будетъ означать не мнимое безуміе („буйство"), а отдѣленность нѣкоторыхъ лицъ обществомъ и сознательная ихъ отрѣшенность отъ общества для извѣстныхъ цѣлей спасенія. Но въ нашей литературѣ, при опредѣленіи словъ: „юродивый", „юродство" оставляется въ сторонѣ первое значеніе этихъ словъ, и опредѣленіе дается только на основаніи внутренняго смысла, заключающагося въ указанныхъ словахъ; вотъ оно: „юродство есть мнимое безуміе", а юродивые—мнимые безумные (эта мысль проходитъ чрезъ все сочиненіе о. Ковалевскаго); иногда же пренебрегается и эта сторона, и опредѣленіе слова „юродивый" дается съ одной стороны, не полное, а съ другой—нелѣпое, при отсутствіи всякихъ основаній подобное опредѣленіе встрѣчается въ энциклопедическомъ словарѣ Павленкова [79]): „юродивые, читаемъ тамъ, это есть пользующіеся въ народномъ быту особымъ уваженіемъ, какъ прорицатели и ясновидцы, психическія больныя лица, ведущія скитальческій образъ жизни и поражающія неразвитыхъ людей странностями, причудами и нелѣпымъ бредомъ". Почти тоже самое говоритъ и г. Скабичевскій: „въ жизни зачастую случается, что тамъ, гдѣ рисуется передъ нами могучая

[77]) I Кор. I, 27. [78]) Стр. 32, 33. [79]) Спб. 1899 г. стр., 2839.

сила, на самомъ дѣлѣ таится жалкое безсиліе. Такъ, крестьяне готовы бываютъ видѣть особеннаго избранника неба въ лишенномъ разума юродивомъ, которому мѣсто въ психіатрической больницѣ“ [80]). Такія опредѣленія или, точнѣе говоря, характеристики, могутъ получаться тогда, когда человѣкъ совершенно не знакомъ съ извѣстнымъ явленіемъ, и если имѣетъ о немъ какое-нибудь представленіе, то очень поверхностное и судитъ больше о явленіи, руководясь внѣшними качествами его, а не углубляясь во внутреннее его содержаніе.

Современники св. юродивыхъ тоже считали ихъ безумными и, конечно, потому, что руководились въ своихъ сужденіяхъ о нихъ соображеніями чисто внѣшняго характера: „иніи, говорится въ житіи св. Андрея [81]), ругахуся ему, яко безумну, иніи бѣсна его быти мняху; мнози же зряще на него глаголаху: неистовъ есть человѣкъ сей, погуби умъ, дабы тако не было и врагомъ нашимъ“ [82]). Ростовцы „мняху св. Исидора Твердислова умъ погубивша“ [83]). „Видящіи народи Іоанна Устюжскаго, мняху, яко цѣла ума не имуща“ [84]). Преп. Симеона „человѣцы яко юрода и бѣсна быти мняху даже до кончины его“, и постоянно говорили: „юродъ и бѣсенъ есть Симеонъ“ [85]). Дѣлать заключеніе о психическомъ разстройствѣ юродивыхъ побуждало ихъ современниковъ то обстоятельство, что св. юродивые сами старались казаться безумными, бѣсноватыми. Такъ св. Андрей „нача бѣгати по улицамъ, неистовъ творяшеся“ [86]). Св. Симеонъ „на новый мѣсяцъ притворяше себѣ бѣснованіе, и падаше аки бѣсенъ и на многая очесамъ человѣческимъ неугодная и нелѣпая дѣяше, всѣмъ себе безумна быти являя“ [87]). Такія дѣйствія св. юродивыхъ и вызывали поверхностныя, невѣрныя опредѣленія ихъ поведенія, и только тѣ немногіе, которые понимали сокровенный смыслъ этихъ мнимо ненормальныхъ дѣйствій,

---

[80]) Русская мысль, XI, 1900 г., стр. 47, статья: Аскетическіе недуги въ нашей современной интеллигенціи. [81]) 2 Окт., Четіи-Минеи св. Димитрія Ростов., л. 11. [82]) Ibid. л. 12 об. [83]) Прологъ л. 32 об. [84]) Idid. 29 Мая, л. 68. [85]) Чет.-мин. 21 Іюля, л. 146 и 148. [86]) Чет.-мин. 2 Окт., л. 11. [87]) Ibid. 21 Іюля, л. 149.

воздерживались отъ подобныхъ заключеній, хорошо зная, что все это св. юродивыми дѣлается для того, „да никтоже мнитъ ихъ быти святы“ [88]).

Изъ приведенныхъ мѣстъ уже ясно видно, что „юродство“ и „буйство“—понятія совершенно различныя, да и употребляются они въ житіяхъ другъ за другомъ, какъ не тождественныя понятія („мняху быти юрода и бѣсна“), а потому „безуміемъ“ опредѣлять „юродства“ не должно, а оно можетъ входить въ качествѣ главной характеристической черты подвига „юродства“, отличающей этотъ видъ аскетизма отъ всѣхъ другихъ (напр. отъ столпничества). Поэтому, не рѣшаясь опредѣлять „юродства“, какъ мнимое безуміе, осмѣлимся предложить такое опредѣленіе слова „юродство“: „оно есть отверженность извѣстнымъ родомъ, обществомъ нѣкоторыхъ лицъ“. А такъ какъ дѣйствія св. юродивыхъ, живущихъ въ мірѣ, но презирающемъ ихъ, напоминали безумныхъ, „буіихъ“, то, принимая это во вниманіе, частнѣе опредѣлимъ „юродство“—„оно есть образъ жизни мало цѣнный, совершенно отличный отъ обыкновеннаго образа жизни, принятаго въ обществѣ, считающемъ его безуміемъ“.

[88]) Тамъ-же.

ГЛАВА II-я.

Смыслъ употребляемаго въ Священномъ Писаніи слова „буйство“,— существеннаго признака „юродства“. Опредѣленіе „юродства“ въ тѣсномъ смыслѣ.

Въ Священномъ Писаніи нерѣдко употребляется слово „буйство“ въ значеніи безумія. Разсмотримъ эти мѣста св. Писанія для того, чтобы уяснить себѣ еще точнѣе смыслъ слова „юродство“ и опредѣлить его внутреннее значеніе. Такъ, св. царь и пророкъ Давидъ для того, чтобы его не узнали и не выдали Саулу „измѣни лице свое предъ Анхусомъ, царемъ Геѳскимъ, и притворися въ день той, и біяше во врата града, и паде у вратъ града, и слины своя точаше по брадѣ своей. И рече Анхусъ ко отрокомъ своимъ: се видѣсте мужа неистова, почто его введосте ко мнѣ, еда не имѣю азъ неистовыхъ, яко введосте его, да бѣснуется предо мною“ [1]).

Въ русской библіи слово „бѣснуется“ переведено юродствовалъ. Пророкъ Іеремія (IV, 32) говоритъ: „вожди людей Моихъ Мене не познаша: сынове буіи суть и безумни, мудри суть, еже творити злая, благо же творити не познаша“. Этими словами св. пророкъ высказываетъ ту мысль, что уклоненія человѣка отъ Бога повергаетъ его въ невѣжество, пребывая въ которомъ онъ становится искусенъ и мудръ въ злѣ, а въ добрѣ—невѣжда. Соломонъ въ весьма жалкомъ видѣ представляетъ человѣка, поверженнаго въ невѣжество, и подъ словомъ безумный разумѣетъ преданнаго порокамъ, потому что страсти и пороки, омрачая сердце человѣка, держатъ его въ глубокомъ невѣдѣніи о самомъ себѣ, о твореніи и о Творцѣ. Онъ говоритъ, что отъ невѣжества происходитъ ожесточеніе сердца: „наказаніе приводитъ въ сокрушеніе сердце мудраго, безумный же біемь не чувствуетъ ранъ“ [2]), что невѣжество доводитъ человѣка до величайшаго несчастія—утѣшаться своими грѣхами: „смѣхомъ безумный творитъ злая“ [3]). Іисусъ

[1]) Царст. I, XXI, 13—15. [2]) Притч. XVII, 10. [3]) Притч., X, 23.

сынъ Сираховъ говоритъ, что невѣжда самымъ дерзкимъ образомъ отвергаетъ всѣ средства ко спасенію: „буй, услышавъ слово, находится въ родахъ и силится низвергнуть его изъ себя“ [4]).

Въ священныхъ книгахъ новаго завѣта, „буйство“ (конечно духовное) прямо рекомендуется, какъ признакъ премудрости. Св. апостолъ Павелъ пишетъ: „аще кто мнится мудръ быти въ васъ, въ вѣцѣ семъ буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ“ [5]).

По толкованію преосвященнаго Θеофана смыслъ этихъ словъ апостола Павла заключается въ слѣдующемъ: „мудрецъ, имѣя свое міровоззрѣніе, ставитъ себя въ этомъ мірѣ на высоту и въ устроеніи своей участи, своего быта, въ веденіи своихъ дѣлъ руководствуется только своими собственными соображеніями, не сознавая нисколько нужды въ высшей помощи; предметы, которыми занята его мысль— все внѣшнее, земное „благобытіе“, тогда какъ забота о душѣ и о спасеніи ея ему на умъ не приходитъ. Не смотря на то, что житейская его мудрость и сумма познаній очень ограниченны, онъ всегда высоко ставитъ себя по мудрости и находится потому въ прелести, такъ какъ считаетъ себя имѣющимъ то, чего нѣтъ. Разсѣявая эту прелесть, апостолъ и говоритъ: всякій такой „буй да бываетъ“, т. е. прежде всего пусть познаетъ самъ себя, что не имѣетъ никакой мудрости, потомъ и самую мнимую мудрость пусть признаетъ не мудростію, а пустымъ призракомъ мудрости, затѣмъ, пусть приметъ ученіе и образъ жизни такіе, которые и самъ онъ прежде считалъ буйствомъ и всѣ, которые одинаковаго съ нимъ настроенія и считали и считаютъ буйствомъ, и такимъ буіимъ пусть явится предъ лицемъ всѣхъ мудрыхъ въ этомъ вѣкѣ. Буіимъ быть— значитъ—самого себя признать таковымъ по внѣшней мудрости, и чтобы другіе стали считать такимъ, потому что онъ во всемъ перемѣнился. А такой не можетъ уже обойтись безъ того, чтобы его не поносили, какъ буяго; онъ вѣруетъ

---

[4]) Сирах. XIX, 11. [5]) 1 Кор. III, 18.

въ Распятаго, раздаетъ имѣніе, умерщвляетъ плоть, ночи проводитъ въ молитвѣ, чуждается увеселеній; обижаетъ кто, не защищается; предъ нимъ—красоты въ разныхъ видахъ,—а онъ вкуса въ нихъ не находитъ; денежку не бережетъ про черный день; всегда о чемъ-то думаетъ и ждетъ себѣ того, чего не видитъ ни онъ и никто другой. По мудрости вѣка сего—это всякаго осужденія достойное буйство. Его то и предлагаетъ апостолъ, увѣряя, что кто такимъ сдѣлается, тотъ настоящимъ мудрецомъ и будетъ; да премудръ будетъ", т. е. иначе нельзя быть истинно премудрымъ, какъ явившись буіимъ предъ лицемъ мудрости вѣка сего. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ, „какъ апостолъ повелѣваетъ быть мертвымъ для міра [6]), и эта мертвость не только не вредитъ, но еще приноситъ пользу, содѣлываясь источникомъ жизни, такъ и теперь повелѣваетъ быть безумнымъ для міра, указывая намъ въ этомъ истинную мудрость. Безумнымъ для міра бываетъ тотъ, кто презираетъ внѣшнюю мудрость и убѣжденъ, что она нисколько не содѣйствуетъ ему въ дѣлѣ вѣры и спасенія. Потому, какъ нищета по Богу ведетъ къ богатству, смиреніе—къ величію, презрѣніе славы—къ славѣ, такъ и это безуміе дѣлаетъ человѣка мудрѣе всѣхъ, потому что у насъ все бываетъ напротивъ. Какъ крестъ, вещь повидимому, поносная, сдѣлался источникомъ безчисленныхъ благъ, причиною и виновникомъ неизреченной славы, такъ и кажущееся безуміе дѣлается для насъ виною мудрости" [7]).

Такимъ образомъ, истинное благочестіе, и какъ проявленіе его аскетизмъ, есть „буйство" въ глазахъ другихъ, но то, что представляется другимъ безразсудствомъ, на дѣлѣ есть мудрѣе всего того, что могутъ придумать люди, и сильнѣе всего того, что они могутъ сдѣлать. Эту мысль высказываетъ св. апостолъ Павелъ въ 1 посл. Корине. I, 25: „буее Божіе премудрѣе человѣкъ есть: и немощное Божіе, крѣпчае человѣкъ есть".

---

[6]) Колос. II, 20. [7]) Толк. на 1 посл. къ Корине. епископа Ѳеофана, Москва. 1893 г., стр. 148—150.

По толкованію блаженнаго Ѳеодорита буіимъ и немощнымъ Божіимъ, по мнѣнію несмысленныхъ, апостолъ называетъ тайну креста и доказываетъ, что она превозмогла и мудрыхъ и сильныхъ". Мудрости человѣческой казалось, что крестъ—свидѣтельство немощи и вѣровать въ него—неразуміе, а на самомъ дѣлѣ, совсѣмъ другое было: вѣрующіе въ него исполнялись силою и премудростію.

Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ, что апостолъ, „говоря о буйствѣ и немощи креста, разумѣетъ не то, что онъ дѣйствительно былъ таковъ, но кажется такимъ, такъ какъ онъ говоритъ примѣнительно къ мнѣнію противниковъ. Чего не могли сдѣлать философы посредствомъ разсужденій, то сдѣлано кажущимся безуміемъ. Кто же мудрѣе? тотъ ли, кто убѣждаетъ многихъ, или тотъ, кто не убѣждаетъ никого? Платонъ сколько старался доказать, что душа безсмертна, но не сказалъ ничего яснаго и не убѣдилъ никого! напротивъ крестъ чрезъ неученыхъ обратилъ и убѣдилъ цѣлую вселенную, убѣдилъ не въ предметахъ маловажныхъ, но въ ученіи о Богѣ, истинномъ благочестіи, евангельской жизни и будущемъ судѣ, онъ сдѣлалъ любомудрыми всѣхъ и земледѣльцевъ и неученыхъ. Такъ „буее Божіе премудрѣе и немощное Божіе крѣпчае человѣкъ есть". Сильнѣе и крѣпче тѣмъ, что оно распространилось по всей вселенной, покорило всѣхъ своей власти и, тогда какъ безчисленное множество людей усиливалось истребить имя Распятаго, сдѣлало противное. Это имя возрастало и прославлялось болѣе и болѣе, а они погибали и исчезали; живые, возставая противъ преданнаго смерти, не могли ничего сдѣлать. Что благодатію Божіею совершили мытари и рыбари, того и философы, и риторы, и властители, и вообще вся вселенная, при безчисленныхъ усиліяхъ, не могли даже и представить, понять того, что сдѣлалъ крестъ. Онъ ввелъ ученіе о безсмертіи, о воскресеніи тѣлъ, о презрѣніи настоящихъ благъ и надеждъ благъ будущихъ; онъ сдѣлалъ людей ангелами; имъ всѣ и вездѣ стали любомудрыми и способными ко всякой добродѣтели [8]).

[8]) 1 Кор. I, 27.

И вотъ безумныхъ, въ глазахъ общества, людей Господь и избралъ въ качествѣ провозвѣстниковъ великихъ христіанскихъ истинъ, какъ говоритъ св. апостолъ Павелъ: „буяя міра избра Богъ, да премудрыя посрамитъ: и немощная міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая“ [9]). По толкованію епископа Ѳеофана буяя міра—люди невѣжды; немощная—бѣдные, никакого вѣса въ обществѣ и власти не имѣющіе. Противоположные имъ люди премудрые, превозносящіеся своимъ (умомъ) знаніемъ; крѣпкіе—сильные властію и вѣсомъ въ обществѣ, полагающіе въ нихъ прочность своего состоянія.

Богъ избралъ первыхъ, чтобы посрамить и упразднить послѣднихъ и именно тѣмъ, что, оставляя первыхъ по внѣшности, какъ и были, исполнилъ ихъ совершенствами въ духѣ, такими высокими, такъ рѣзко выдавшимися, что послѣдніе не могли ихъ не замѣтить и не могли не сознать, что эти совершенства несравненно выше тѣхъ, какія они имѣютъ.

Сознать, что тѣ, которыхъ они ни во что вмѣняли, стали несравненно выше ихъ,—вотъ въ чемъ посрамленіе.

Входя въ соприкосновеніе съ ними благородные видѣли въ уничиженныхъ высокое благородство нрава, чувствъ и расположеній, которыхъ сами не имѣли и которыхъ не давало имъ рожденіе по плоти; крѣпкіе видѣли въ немощныхъ власть надъ собою, ненарушаемую никакими страстями и спокойствіе духа, неколеблемое никакимъ стеченіемъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, видѣли власть и спокойствіе, которыхъ были чужды сами и которыхъ не давала имъ ихъ внѣшняя власть; премудрые видѣли въ буіихъ свѣтлость понятій о всемъ: о Богѣ, о мірѣ и паче о человѣкѣ,—о его назначеніи на землѣ и о его загробной участи и о томъ, какъ сдѣлать, чтобы перейти въ иную жизнь не на муки, а на блаженство, видѣли понятія, предъ которыми ихъ собственныя, съ такимъ трудомъ добытыя, ничто и по скудости, и по не далекости, и по темнотѣ, и

---

[9]) Толк. на 1 посл. къ Кор. еп. Ѳеофана, Москва. 1893 г., стр. 75—76.

по неопредѣленности. Увидѣвъ все это, лица видныя не могли не чувствовать себя посрамленными. Опыты показали, что тѣ, которые увидѣли себя посрамленными, бросали все, что считали цѣннымъ, обращались къ вѣрѣ и смиренно вступали въ общество тѣхъ, которыхъ прежде вмѣняли ни во что.

Такъ Богъ устроилъ потому, что нельзя было иначе отвлечь умы отъ плотскаго и видимаго, какъ представивъ предъ очи ихъ такъ разительно преимущества духовныхъ совершенствъ, при внѣшней невидности и обнаженіи отъ преимуществъ плоти.

Блаженный Ѳеодоритъ говоритъ, что „апостолъ буіимъ, немощнымъ и худороднымъ назвалъ по мнѣнію человѣческому, потому что истинное безуміе (буйство)—отсутствіе вѣры. Богъ же всяческихъ неученымъ побѣдилъ ученыхъ, нищими—богатыхъ и рыбарями уловилъ вселенную".

„Великая побѣда, говоритъ святый Іоаннъ Златоустъ, побѣждать посредствомъ немудрыхъ. Язычники не столько посрамляются тогда, когда побѣждаются мудрецами, сколько тогда, когда видятъ, что люди, работающіе собственными руками и принадлежащіе къ простому народу, любомудрствуютъ лучше ихъ. Поэтому, святый апостолъ Павелъ и сказалъ: „да премудрыя посрамитъ".

Такъ онъ явилъ великую силу, низлагая великихъ чрезъ тѣхъ, которые казались ничѣмъ, какъ и въ другомъ мѣстѣ святый апостолъ Павелъ пишетъ: „сила моя въ немощи совершается [10]).

Въ самомъ дѣлѣ, нужна великая сила, чтобы людей униженныхъ и простыхъ вдругъ научить любомудрствовать о небесныхъ предметахъ. Врачу и всѣмъ другимъ мы удивляемся особенно тогда, когда они успѣшно убѣждаютъ и научаютъ невѣждъ. Если же великое дѣло есть научить, внушить невѣждѣ ученіе о какомъ-нибудь искусствѣ, то тѣмъ болѣе—такую мудрость. Богъ же допустилъ это не только для удивленія или для показанія своей силы, но

---

[10]) 2 Кор. XII, 9.

и для того, чтобы смирить превозносящихся, ихъ гордость и надменность, чтобы низложить самохвальство. Особенно же Онъ этимъ показалъ, что намъ самимъ собою спастись невозможно. Такъ онъ устроилъ въ началѣ, потому что и тогда невозможно было достигнуть спасенія самимъ собою, а нужно было созерцать красоту неба и величіе земли и изслѣдовать природу другихъ созданій, чтобы восходить къ Творцу тварей. Этимъ Онъ хотѣлъ низложить имѣвшую явиться надменность. Подобно тому, какъ учитель, приказавшій своему ученику слѣдовать туда, куда его ведетъ, когда видитъ, что ученикъ забѣгаетъ впередъ и хочетъ научиться всему самъ собою, то оставляетъ его блуждать и, давъ ему испытать, что онъ самъ собою научиться не можетъ, тогда уже начинаетъ самъ его руководить, такъ и Богъ въ началѣ повелѣлъ идти путемъ созерцанія тварей, а когда люди не захотѣли этого, то Онъ, давъ имъ испытать, что они сами собою идти не могутъ, сталъ вести ихъ къ Себѣ иначе. Онъ далъ намъ міръ, какъ бы дщицу. Философы не хотѣли повиноваться Господу и идти къ Нему тѣмъ путемъ, которымъ онъ повелѣлъ. Поэтому, Богъ предложилъ другой, яснѣйшій перваго, путь и научающій тому, что человѣкъ одинъ самъ по себѣ недостаточенъ для себя. Прежде можно было предаваться и разсужденіямъ, пользоваться и внѣшнею мудростію, при руководствѣ природы, а теперь, кто не будетъ буіимъ, т. е. не оставитъ всякія разсужденія и всякое мудрованіе и не отдастся вѣрѣ, тотъ не можетъ спастись [11]).

Такимъ образомъ, на основаніи приведенныхъ толкованій текстовъ 1-го посланія къ Коринѳянамъ, можно заключить, что подъ „буйствомъ“ слѣдуетъ разумѣть смиренную вѣру, которую надо предпочитать внѣшней мудрости; и если человѣкъ не уничтожилъ въ себѣ гордости и высокомѣрія, а въ замѣнъ ихъ не пріобрѣлъ покорности и преданности волѣ Божіей, то спасеніе для него невозможно. Богъ, лишивъ человѣка самохвальства, чтобы снабдить его

---

[11]) Толк. на I посл. Кор. еп. Ѳеофана, стр. 78—83.

духовными преимуществами самаго высокаго достоинства— каковы правда, освященіе и избавленіе о Христѣ Іисусѣ [12]), помогаетъ ему очищаться отъ грѣховъ, руководитъ въ борьбѣ съ міромъ, плотію, діаволомъ и способствуетъ ему достиженію чрезъ это чистоты души, получивъ которую и, всегда хвалясь о Господѣ, христіанинъ никогда не превозносится этимъ, но еще болѣе смиряется.

Вотъ смыслъ слова „буйство", употребляемаго священными писателями, при свѣтѣ толкованій святыхъ отцевъ и епископа Ѳеофана. „Буйство" составляетъ неотъемлемый признакъ „юродства"; оно есть главная существенная черта, прежде всего замѣчаемая въ св. юродивыхъ; оно есть то свойство человѣка, которое дѣлаетъ его „не сущимъ" [13]), мало цѣннымъ для того, чтобы обращать на него вниманіе, „худороднымъ", т. е. не такимъ, какъ другіе въ родѣ, а худымъ въ родѣ, простымъ, не похожимъ на другихъ и, значитъ, отличнымъ отъ нихъ, выдѣленнымъ изъ среды другихъ. Въ самомъ дѣлѣ, „буйство" по своимъ проявленіямъ побуждаетъ общество отдѣлять изъ его среды всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя обладаютъ имъ; вотъ почему и Анхусъ Геѳскій не принялъ мнимобезумнаго Давида въ свое общество, вотъ почему и міръ считалъ апостоловъ за ничто, признавая ихъ безумными, и подобно сору („отреби міра") выметалъ изъ своей среды; этотъ особый классъ людей, отдѣлившихся отъ общества и самимъ имъ отвергнутый, представлялъ изъ себя лицъ, преданныхъ всестороннему уничиженію [14]).

Эти признаки „буйства" апостольскаго составляютъ существенныя характеристическія черты и „юродства".

Что „буйство" (безуміе, глупость) является главнымъ признакомъ „юродства", это ясно видно изъ слѣдующихъ мѣстъ священнаго Писанія: Мѳ. V, 22 („аще речетъ уроде...), Мѳ. VII, 26 („уподобится мужу юродиву (безразсудному"), Мѳ. XXV, 2, 3, 8 („пять же бѣ юродивы"...), I Кор. II, 14 („юродство бо ему есть и не можетъ разумѣти"...), Ефес. V, 4, Тит. III, 9 („буіихъ стязаній отступай").

---

[12]) I Кор. I, 30. [13]) I Кор. I, 28. [14]) I Кор. IV, 9, 10.

Такимъ образомъ, теперь и можно сдѣлать то опредѣленіе „юродства“ въ тѣсномъ смыслѣ, какое встрѣчается во всѣхъ статьяхъ журнала „Воскресное чтеніе“ за указанные выше годы и у о. Ковалевскаго, т. е. „оно есть такой подвигъ, отличительною чертою послѣдователей котораго служитъ мнимое безуміе“.

ГЛАВА III-я.

Причины „юродства“ въ связи съ вопросомъ о назначеніи человѣка. Реализація священнаго текста св. юродивыми. Объясненіе подражанія ихъ Іисусу Христу.

Въ мірѣ Божіемъ всякое твореніе имѣетъ свою цѣль, свое назначеніе. Солнцу и свѣтиламъ назначено освѣщать землю, землѣ производить растенія, растеніямъ—служить пищею для одушевленныхъ тварей, безсловеснымъ животнымъ служить человѣку. А самъ человѣкъ долженъ служить, благоугождать Богу-Творцу своему и Владыкѣ. Изъ взаимнаго согласія и содѣйствія всѣхъ Божіихъ созданій одной общей цѣли происходитъ гармонія міра. Созданія бездушныя и животныя, не имѣющія разума, исполняютъ свое назначеніе по необходимости, непроизвольно, повинуются неизмѣнно опредѣленнымъ законамъ. Но человѣку, какъ разумному существу, предназначенному для иной, лучшей и высшей жизни, дана свобода. Онъ долженъ служить Богу и тѣмъ исполнять въ этомъ мірѣ свое назначеніе сознательно, добровольно. Всѣ люди имѣютъ одно общее главное назначеніе—познавать своего Творца, исполнять Его волю, любить и прославлять Его,—и въ этомъ находить свое высшее блаженство. Любовь къ Богу должна быть признана принципомъ нравственной дѣятельности человѣка: „Богъ любы есть, и пребываяй въ любви, въ Бозѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ пребываетъ“ [1]), а пребывать въ Богѣ,—значитъ тоже, что поступать согласно съ волею Божіей, исполнять Его заповѣди: „соблю-

[1]) 1 Іоанн. IV, 16.

даяй заповѣди Его, въ Немъ пребываетъ, и Той въ немъ“ [2]). Значитъ, при такой только любви возможна истинно христіанская жизнь. Далѣе, если человѣкъ—чадо Божіе [3]), если онъ чрезъ Іисуса Христа приведенъ во внутреннѣйшее и ближайшее общеніе съ Богомъ, какъ Отцомъ своимъ, то воля Божеская не есть уже нѣчто чуждое для него, внѣшнее, которой онъ подчинялся бы по принужденію, страху или въ надеждѣ на награду. Но, сознавая свое сыновнее общеніе съ Богомъ, сродство своего существа съ существомъ Божіимъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сознаетъ, что исполняя волю Божію, онъ поступаетъ сообразно съ своей собственной природой, что, поэтому, опредѣленія его воли должны постоянно согласоваться съ опредѣленіемъ воли Божіей. Въ самомъ дѣлѣ, въ обществѣ людей отецъ и сынъ стоятъ между собою въ ближайшей, непосредственной, кровной связи. Природы того и другого находятся между собою въ сродствѣ, и сынъ унаслѣдываетъ отъ отца такую или иную организацію тѣла, такой или иной психическій складъ. Вліяніе отца на развитіе сына увеличиваетъ сродство этого склада. Такимъ образомъ, сынъ является представителемъ отца въ новомъ поколѣніи. Далѣе, внутреннее общеніе природъ сына и отца производитъ между ними общеніе во внѣшней жизни, общеніе интересовъ и дѣйствій. Очевидно, что воля отца въ такомъ случаѣ не составляетъ для сына отвнѣ дѣйствующаго на него закона, а является его внутреннимъ самоопредѣленіемъ. слѣдовательно, волю отца онъ выполняетъ, не по принужденію, какъ рабъ, но свободно. Таковъ долженъ быть естественный ходъ отношенія сына и отца. Таково, конечно, и отношеніе человѣка къ Богу должно быть. Если человѣкъ—сынъ Божій [4]), то, значитъ, онъ и наслѣдникъ царства небеснаго [5]). Но это царство для него не есть еще нѣчто такое, что на самомъ дѣлѣ принадлежитъ ему, чѣмъ дѣй-

---

[2]) 1 Іоанн. III, 24 и Іоанн. XIV, 23; Мѳ. XXII, 40; Римл. XIII. 8—10; Галат. V, 14; 1 Кор. XIII, 1. [3]) Гал. III, 26, IV, 4. 5. 7; Римл. VIII, 13—17; Ефес. 1, 5; 1 Іоанн. III, 1. [4]) Римл. VIII, 2. 15; Гал. IV, 7. 22—31, V, 1; 1 Петр. II, 16. [5]) Гал. III, 29; Ефес. III, 6.

ствительно онъ обладаетъ; нѣтъ, оно есть для него только будущее, только имѣющее осуществиться. Слѣдовательно, и участіе его въ немъ есть не даръ только, но и задача и обязанность, если можно такъ сказать, постепенно преуспѣвать въ шествіи къ нему [6]). Затѣмъ, человѣкъ, какъ и всякое сотворенное существо не можетъ жить отдѣльною, независимою жизнію. Онъ поставленъ въ разнородныя отношенія къ другимъ существамъ, которыя имѣютъ на него неотразимое вліяніе и необходимы какъ для душевнаго, такъ и для тѣлеснаго его существованія. Въ этомъ отношеніи его можно уподобить растенію. Для органической жизни растенія необходимы—свѣтъ и теплота, которыми оно оживляется, согрѣвается, подъ вліяніемъ которыхъ оно растетъ, зрѣетъ; потомъ воздухъ и почва, отъ которыхъ оно получаетъ питаніе. Сверхъ того для растенія необходимо, чтобы собственные его органы были цѣлы, неповрежденны и исполняли, какъ должно, свое назначеніе. При недостаткѣ котораго либо изъ этихъ условій: свѣта, теплоты, воздуха, питанія, или при испорченности собственнаго его корня и стебля, растеніе останавливается въ своемъ ростѣ, вянетъ, сохнетъ. Такъ и человѣкъ для достиженія царства небеснаго долженъ поставить себя въ правильныя отношенія и къ ближнимъ, среди которыхъ назначено ему совершать свое служеніе, и къ тѣмъ главнымъ дѣятелямъ, изъ которыхъ слагается его жизнь: къ душѣ и къ тѣлу.

Мы видѣли, что взаимныя отношенія дѣтей и отца опредѣляются, какъ отношенія любви. Любовь къ Богу, какъ начало нравственной дѣятельности, должна всецѣло проникать существо человѣка, должна быть безусловна [7]). Любовь существенно всегда одна и та же, и потому она есть нѣчто цѣлое. Гдѣ она явилась однажды, тамъ она распространяетъ свой свѣтъ и свою теплоту во всѣ стороны. Въ комъ открылся источникъ любви, тотъ любитъ Бога и человѣка, животныхъ и деревья, словомъ—тотъ для

---

[6]) Мѳ. VI, 33. [7]) Мѳ. XXII, 37; Мр. XII, 30; Лк. X, 27.

всего открываетъ свое сердце. Открываться, распространяться во всѣ стороны — это существенное свойство любви. Слѣдовательно, съ любовію къ Богу въ человѣкѣ необходимо должна соединяться любовь и къ ближнимъ — людямъ. Побужденіе же этой любви къ ближнимъ Спаситель указываетъ въ томъ, что Самъ Богъ любитъ всѣхъ людей, что „Онъ повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ“ [8]) и что такая любовь Божія къ людямъ такъ велика и безгранична, что Онъ „отдалъ Сына Своего единороднаго, дабы всякій вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную“ [9]). Раньше было говорено о томъ, что основаніемъ нашей любви къ Богу служитъ то, что Онъ — нашъ высочайшій Отецъ, а мы Его дѣти; слѣдовательно, мы должны любить и людей, какъ дѣтей Божіихъ и нашихъ братьевъ во Христѣ. Значитъ, и любовь къ ближнимъ есть необходимое слѣдствіе нашей любви къ Богу и безъ этой послѣдней первая теряетъ свое значеніе и силу. Отсюда понятно, почему Спаситель наряду съ заповѣдью о любви къ Богу поставляетъ заповѣдь и о любви къ ближнимъ и на ту и другую вмѣстѣ смотритъ, какъ на единое начало нашей нравственной жизни [10]). Кто руководствуется этимъ началомъ и поставляетъ себя въ правильныя отношенія и къ Богу, и къ ближнимъ и къ самому себѣ, у того эта жизнь можетъ достигать полноты своего нравственнаго развитія. Въ поясненіе этого возьмемъ примѣръ изъ жизни. Представимъ себѣ, напримѣръ, юношу, воспитаннаго почтенными родителями, но находящагося вдали отъ родного очага и въ борьбѣ съ искушеніями. Дѣло идетъ о его совѣсти — быть можетъ, о его честности; онъ готовъ пасть. Въ эту минуту мысль о домашнихъ встаетъ передъ нимъ. Онъ можетъ отвернуться отъ этого спасительнаго образа и отдаться мечтаніямъ сердца, очарованнаго зломъ. Но если онъ встрѣчаетъ съ любовію благотворный лучъ, блеснувшій ему, если онъ

[8]) Мѳ. V, 45. [9]) Іоанн. III, 16. [10]) Іоанн. XIV, 15. 21. 23; Мѳ. VI, 24.

останавливается надолго мыслію на дорогомъ ему образѣ отца или матери, что мудренаго, если онъ, въ силу живого представленія этого любимаго для него образа, спасется отъ паденія. Слѣдовательно, любовь наша есть опора въ борьбѣ жизни. Вотъ почему нравственная жизнь можетъ достигать полноты своего развитія только въ томъ случаѣ, когда сердце раскрыло себя для чувства божественной любви и сосредоточило, такимъ образомъ, всѣ свои привязанности на одномъ существѣ, которое всегда и во всемъ абсолютно тождественно съ добромъ. Такимъ образомъ, любовь къ Богу и ближнимъ есть сила, побуждающая человѣка согласовать свою волю съ волею божественною и постепенно вводящая жизнь его въ общеніе съ жизнію Бога [11]).

Осуществить это начало въ своей жизни и стремились св. юродивые, вступая на трудный путь „юродства“ и шли твердымъ и неуклоннымъ шагомъ къ цѣли своего назначенія—единенія съ Богомъ [12]). Твердость этого пути обусловливалась ихъ отношеніемъ къ своей душѣ и къ своему тѣлу. Истинное стремленіе къ общенію съ Богомъ проявлялось въ нихъ сознаніемъ своей грѣховности, виновности [13]). Вѣдь и Іисусъ Христосъ побуждалъ людей углубляться въ самихъ себя, разсмотрѣть внимательно свою внутреннюю жизнь, свою природу, чтобы сознать всю грѣховность. Этимъ Онъ полагалъ въ человѣкѣ начало борьбы съ властію живущаго въ немъ грѣха,—борьбы, которая должна увеличиваться тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе и сильнѣе пробуждается въ немъ сознаніе своей грѣховности. Св. юродивые, по ученію Спасителя [14]), и вели упорную, самоотверженную борьбу съ чувственностью, гордостью, насиліемъ, вообще борьбу противъ всякаго рода грѣховныхъ удовольствій и склонностей,—путемъ различныхъ аскетическихъ лишеній плоти, чтобы самоотверженной борьбою съ грѣхомъ достигнуть спасенія [15]). И это вполнѣ естественно.

---

[11]) Мѳ. XXII, 39; Мр. XII, 31. [12]) Іоанн. XIV, 21. 23. [13]) Мѳ. IV, 17; Мр. 1, 15. [14]) Мѳ. X, 38; Мр. VIII, 34; Лк. IX, 23; XIV, 27. [15]) Мр. VIII, 35.

Не всякое сѣмя, въ землю брошенное, приноситъ плодъ, но только то, которое находитъ благопріятную почву [16]). Борясь съ тѣмъ, чѣмъ человѣкъ не долженъ быть, св. юродивые въ своей дѣятельной жизни осуществляли высокій образецъ Законоположника Христа. Вѣдь, Сынъ Божій, по ученію св. отцевъ, и „содѣлался человѣкомъ для того, чтобы послѣдователи Его уподоблялись Ему смиренномудріемъ, нестяжаніемъ, уничиженнымъ положеніемъ въ мірѣ, перенесеніемъ обидъ и поруганій, безпопечительностью о тѣлѣ, пренебреженіемъ навѣтами лукавыхъ демоновъ, чтобы, слѣдуя за Нимъ распинать плоть свою и умирать для Него и чтобы, побѣдивъ этою борьбою страсти, придти въ состояніе обновленія и назвать себя братомъ Іисуса“ [17]). Желая во всемъ подражать Христу, св. юродивые, живя въ мірѣ, оставляли міръ, чтобы „идти спасительной стезею“ [18]), такъ что „ни смущеніе мірское, ни власти держаніе, ни слава временная“ не могли отвратить ихъ отъ желанія слѣдовать за Христомъ [19]). Они, „послѣдуя глаголомъ божественнымъ и симъ выну поучаяся, исполнялись водъ благодатныхъ и были чужды всякаго плотскаго желанія“ [20]). Они являлись точными совершителями заповѣдей божественныхъ [21]), ничего не любили на землѣ „паче Зиждителя“ [22]), и, слѣдуя Ему, отвергались себя самихъ [23]). Но чтобы раздѣльнѣе представить себѣ — въ чемъ выразилось подражаніе св. юродивыхъ Христу, частнѣе разсмотримъ,— какъ происходитъ оно по ученію св. Писанія? Священное Писаніе учитъ, что Іисусъ Христосъ, являясь Творцемъ новой жизни, Основою и Источникомъ блага въ человѣкѣ, существуетъ не внѣ его, а въ немъ, что чрезъ Него человѣкъ получаетъ возможность, силу и стремленіе къ нравственной жизни; слѣдовательно, чрезъ Него происходитъ зарожденіе и развитіе нравственной жизни человѣка. Такое

---

[16]) Мѳ. XVIII, 3—8. [17]) О терпѣніи скорбей; ученіе св. отцевъ, собранное епископомъ Игнатіемъ Брянчаниновымъ, СПБ. 1892, стр. 127. [18]) Стих. св. Прокоп. Іюля 8. [19]) Икосъ по 6-й пѣсни въ службѣ св. Прокоп. 8 Іюля. [20]) Изъ канона св. Исидору 14 мая. [21]) Тамъ-же. [22]) Изъ канона 7-й пѣсни св. Андрею, 2 Окт. [23]) Тамъ-же стихира на хвалитехъ.

развитіе духовной жизни, очевидно, должно быть отображеніемъ или отпечатлѣніемъ образа Творца нравственной жизни. Другими словами: вслѣдствіе свободнаго стремленія человѣка къ внутреннему воспріятію въ себя Христа и даруемыхъ Имъ для нравственной жизни силъ, его внутренняя нравственная физіономія сама собою образуется подобно образу жизни Іисуса Христа [24]). Но слѣдованіе за Христомъ опредѣляется не внѣшнею только стороною, по которой Іисусъ Христосъ является не болѣе какъ только образцомъ жизни, но состоитъ во внутреннемъ общеніи жизни человѣка съ совершеннѣйшею жизнью Богочеловѣка, во внутреннемъ воздѣйствіи жизни Христа на жизнь человѣка, свободно стремящагося къ усвоенію этого воздѣйствія.

Въ Священномъ Писаніи мы не найдемъ такихъ мѣстъ, на основаніи которыхъ мы должны были бы признать Іисуса Христа только образцомъ, а свое отношеніе къ Нему опредѣлять только наружнымъ подражаніемъ Его жизни. Правда, есть мѣста, гдѣ дѣятельности Іисуса Христа усвояется, повидимому, значеніе простого образца, примѣра [25]), но всѣ они указываютъ на внутреннюю необходимость для человѣка осуществлять въ своей жизни Христа, а съ другой стороны—на характеръ и степень высоты какъ отдѣльныхъ добродѣтелей въ человѣкѣ, такъ и всей его нравственной жизни. Гдѣ же существуетъ внутреннее общеніе нравственной жизни человѣка съ жизнію Богочеловѣка, тамъ необходимо будетъ и внѣшнее послѣдованіе Ему: послѣднее есть необходимое слѣдствіе перваго [26]). Въ этомъ отношеніи послѣдователь Христа не есть простой только подражатель Его образа жизни, но, такъ сказать, центръ тяжести своей жизни онъ имѣетъ въ Господѣ; Христосъ для него есть жизнь [27]), такъ какъ онъ можетъ сказать, что не онъ живетъ, но живетъ въ немъ Христосъ [28]). Вотъ объясненіе подражательности св. юродивыхъ въ своей

---

[24]) Римл. VI, 4—6; Гал. IV, 19; Ефес. IV, 15; Колос. III, 3. 4. [25]) Іоан. XIII, 15; XV, 12; Мѳ. 11, 29. 1 Петр. II, 21; 1 Іоанна II, 6; III, 16, Ефес. V, 2. [26]) Іоан. XV, 5. [27]) Рим. 1, 21. [28]) Гал. II, 20.

жизни образу жизни Христа. И нельзя, поэтому, думать вмѣстѣ съ профессоромъ Петровымъ, что у нихъ было преднамѣренное желаніе подражать и слѣдовать священному Писанію, что они старались исполнять законъ Божій съ буквальною точностью, осуществить его на дѣлѣ, реализировать его. Въ числѣ примѣровъ реализаціи новозавѣтнаго текста профессоръ Петровъ указываетъ на св. юродиваго Серапіона, который Христову заповѣдь,—„продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ", старался осуществить въ своей жизни, ради нищелюбія продавъ даже евангеліе, съ которымъ никогда не разлучался. А своимъ постояннымъ странничествомъ, какъ и всѣ юродивые, онъ училъ другихъ слѣдующему правилу: „не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ" [29]). По примѣру Спасителя, пришедшаго призвать не праведниковъ, а грѣшныхъ къ покаянію, св. юродивые Виссаріонъ, Серапіонъ, Симеонъ спасали блудницъ [30]). „Буквально понимая, пишетъ профессоръ Петровъ, слова священнаго Писанія и прилагая ихъ къ жизни, св. подвижники тѣмъ самымъ ставили себя въ тѣ или подобныя имъ обстоятельства, при которыхъ совершались евангельскія событія. А одинаковыя обстоятельства и поступки имѣли и одинаковыя послѣдствія. Вслѣдствіе этого нравственные подвиги ихъ сопровождались чудесными проявленіями благодати Божіей въ духѣ евангельскихъ сказаній. „Такъ, св. юродивые: Андрей и Прокопій Устюжскій восходятъ на небо" [31]).

Но, смотря съ этой точки зрѣнія на овеществленіе св. юродивыми тѣхъ или другихъ мѣстъ священнаго Писанія въ ихъ жизни, профессоръ Петровъ, однако, долженъ былъ въ заключеніе разсужденія о реализаціи св. подвижниками священнаго текста, признать подвиги ихъ въ одномъ извѣстномъ направленіи не односторонними и исключающими себя взаимно, но находящимися въ гармоніи съ другими подвигами и считать монашескую жизнь древнихъ

[29]) О происхожденіи славяно-русскаго пролога. Кіевъ. 1875 г., стр. 121—123. [30]) Тамъ-же. [31]) Петровъ, о происхожденіи и сост. славяно-русскаго печ. пролога, стр. 125.

отцовъ школою высшаго совершенства, гдѣ путемъ упражненія въ разныхъ добродѣтеляхъ и особенно тѣхъ, которые соотвѣтствовали душевнымъ силамъ и внутреннему расположенію подвижниковъ, достигалось нравственное усовершенствованіе.

Конечно, говоритъ онъ, нельзя оспаривать того, что ни одинъ человѣкъ не имѣетъ гармоническаго развитія своихъ душевныхъ силъ и внутреннихъ помысловъ. Чтобы по возможности достигать этого равновѣсія, для этого надобно то ослабить одни расположенія, то усилить другія. При такомъ соотвѣтствіи подвиги св. отцевъ теряютъ свой кажущійся односторонній характеръ и не только гармонируютъ съ общей системой нравоученія, но и необходимо предполагаютъ ее. Какъ скоро извѣстными особенными подвигами возстановлены душевная гармонія и равновѣсіе нравственныхъ силъ, тогда уже человѣкъ можетъ стоять въ центрѣ всей системы нравоученія и исполнять всѣ заповѣди Господни [32]).

Пользуясь послѣдними словами профессора Петрова, заключимъ, что вся жизнь св. юродивыхъ была жизнью въ любви ко Христу — идеалу нравственнаго совершенства, жизнью, которая не знаетъ никакой другой цѣли, какъ только Его, никакого другого совершенства, какъ быть съ Нимъ, творить Его волю. Св. юродивые явились истинными выразителями Его ученія, точными исполнителями Его жизни. Во всей жизни Іисуса Христа рельефно обнаруживаются слѣдующія черты высшая нестяжательность, смиреніе, терпѣніе, безграничная самоотверженная любовь, самопожертвованіе, кротость, чистота сердца и воли всецѣло принадлежали Іисусу Христу; безусловное подчиненіе Его волѣ Бога Отца составляетъ высокое нравственное значеніе; жизнь Его была рядомъ человѣческихъ опредѣленій воли и поступковъ; припомнимъ Его сорокодневное пребываніе въ пустынѣ послѣ крещенія, — всѣ эти 40 дней прошли для Спасителя въ сильной внутренней борьбѣ между

---

[32]) Тамъ-же, стр. 128, 129.

долгомъ, волею Отца, съ одной стороны и слабостію природы человѣческой, съ другой жизнь Свою Онъ проводилъ въ обществѣ мытарей и грѣшниковъ и пр. и пр. Вотъ жизнь то Христа св. юродивые и воплотили въ себѣ, и, помня Его слова: „образъ дахъ вамъ, да яко же Азъ сотворихъ вамъ и вы творите“ [33]), и наставленія св. апостола Павла: „бывайте подражатели Богу и ходите въ любви, якоже и Христосъ“ [34]), они со всѣмъ усиліемъ воли подражали Ему, подобно св. апостоламъ [35]), и на дѣлѣ осуществили слова апостола—Христова подражателя: „мы юроди Христа ради“ [36]). Принимая на себя этотъ трудный подвигъ, св. юродивые исходили изъ мысли св. апостола Павла: „стойте въ вѣрѣ, мужайтеся, зане супостатъ вашъ діаволъ, яко левъ рыкая ходитъ искій кого поглотити... и облецытеся во вся оружія Божія, да возможете вся стрѣлы лукаваго разженныя угасити [37]). Стремленіе къ царствію небесному путемъ борьбы съ діаволомъ и со всѣми соблазнами, въ мірѣ отъ него происходящими,—вотъ главная причина „юродства“. Это подтверждается случаемъ изъ жизни св. юродиваго Андрея. Однажды онъ видѣлъ во снѣ такое видѣніе между дьяволами и ангелами происходили состязанія, супостаты съ гордостью вызывали ангеловъ выслать противъ нихъ борца для того, чтобы сразиться съ ихъ борцомъ. Изъ среды ангеловъ отдѣлился прекрасный юноша съ тремя вѣнцами, изъ которыхъ одинъ былъ чистаго золота и украшенъ дорогими камнями, другой—жемчужный, а третій—массивнѣе тѣхъ, отъ всякаго цвѣта червлена и бѣла, и отъ вѣтвій Божія рая исплетенъ, и неувядаемый никогдаже“. Очень желая пріобрѣсти одинъ изъ дорогихъ вѣнковъ, св. Андрей обратился къ ангелу съ вопросомъ: за сколько и какъ онъ можетъ купить вѣнецъ. Ангелъ отвѣтилъ ему, что и за всѣ богатства міра невозможно пріобрѣсти вѣнца, и только за борьбу съ супостатомъ можно получить всѣ три вѣнца. Св. Андрей выступилъ на борьбу съ супостатомъ и послѣ долгой и упорной борьбы, наконецъ, побѣдилъ его. Пре-

[33]) Іоанн. XIII, 15. [34]) Ефес. V, 1, 2. [35]) Кор. XI, 1. [36]) Кор. IV, 10. [37]) Ефес. VI, 10, 16.

красный юноша, вручая св. Андрею три вѣнца, сказалъ ему: „иди съ міромъ, и отселѣ буди нашъ другъ и братъ: тецы убо на добрый подвигъ, нагъ буди и юродъ Мене ради, и многому добру причастникъ будеши въ день царствія Моего". Послѣ этого видѣнія св. Андрей, сотворися юродъ Христа ради" [38]).

Вотъ первый моментъ вступленія св. юродивыхъ на трудный подвигъ. Въ самомъ дѣлѣ, подвигъ нравственнаго совершенства, по ученію св. отцевъ, начинается борьбою съ лукавымъ искусителемъ, по примѣру Христа Спасителя, и каждый подвижникъ подвергается коварнымъ искушеніямъ исконнаго человѣкоубійцы, цѣль которыхъ всегда одна и та же при всемъ разнообразіи искушеній—удалить человѣка отъ служенія Богу и воспламенить въ немъ грѣховныя похоти [39]). Поэтому то, нравственная дѣятельность христіанина естественно и принимаетъ характеръ борьбы или брани [40]). Общія вліянія злого искусителя подобны заразительнымъ міазмамъ, носящимся въ воздухѣ. Основаніе и начало этой борьбы лежитъ въ падшемъ естествѣ человѣка и открывается внутри его борьбою плоти съ духомъ, сѣмени прирожденнаго всѣмъ грѣха съ сѣменемъ новой благодатной жизни, или ветхаго человѣка съ новымъ [41]). А потому и первымъ орудіемъ діавола въ этой брани съ человѣкомъ служитъ тотъ же живущій въ человѣческомъ естествѣ грѣхъ; это та, прирожденная человѣку склонность къ злу, которая обнаруживается съ первымъ развитіемъ естественныхъ силъ человѣка, возгорается пламенемъ похотей въ юности, отвердѣваетъ въ видѣ постоянныхъ страстей въ лѣтахъ мужества и сопровождаетъ его до гроба. Эти возрасты прирожденнаго зла человѣческаго можно назвать періодами внутренней брани истиннаго сына церкви съ грѣхомъ, какъ исчадіемъ діавола. Поддерживается и усиливается эта борьба со стороны діавола кромѣ непосредствен-

---

[38]) Четьи Минеи, окт. 2, л. 10, изд. 1882 г. [39]) Мѳ. XIII, 39; I Іоанн. III, 8; Іоанн. VIII, 2; Дѣян. V, 3; I Петр. V, 8; Ефес. VI, 12. [40]) Ефес. VI, 13. [41]) Римл. VIII, 2; I Кор. IV, 16.

ныхъ дѣйствій его самаго на расположенія и желанія человѣка, тѣмъ же міромъ съ полчищемъ его соблазновъ, питающихъ и укрѣпляющихъ естественную склонность человѣка къ злу. Св. апостолъ Іоаннъ Богословъ сводитъ ихъ къ тремъ общимъ видамъ: „все, еже въ мірѣ, говоритъ онъ, похоть плотская, и похоть очесъ, и гордость житейская“ [42]), т. е. предметы мыслей, желаній и дѣйствій, самыя дѣйствія, склонности, обычаи, привычки и пр., словомъ—вся жизнь и дѣятельность всѣхъ, живущихъ не по духу евангельскаго ученія, проистекаетъ главнымъ образомъ изъ трехъ нечистыхъ побужденій: сластолюбія, любостяжательности и честолюбія. Этотъ то духъ языческаго міра діаволъ и поддерживаетъ въ мірѣ христіанскомъ, и этому-то духу св. юродивые и объявляли ожесточенную и упорную борьбу. Св. Симеонъ идетъ изъ пустыни „ругаться“ этому духу. Св. Аврамій Смоленскій въ юродство преложися, ругаяся міру и прелестемъ его“ [43]). Св. Исидора Твердислова побуждаетъ стремленіе къ истинной христіанской вѣрѣ, „пріять юродственное еже Христа ради буйственное житіе“ [44]). Св. Іоаннъ Устюжскій такъ опредѣляетъ своей матери, причины „юродства“: „да избавлюся отъ грѣховъ“ [45]). Далѣе, „юродство“ объявляло войну честолюбію. Св. Исидора, „творящеся быти бѣсна, добродѣтель свою предъ зрящими ю утаевающи мудрѣ“; списатель житія ея въ заключеніе прибавляетъ: „таково житіе потаенныя угодницы Божія, яже подъ образомъ юродства, аки подъ покровомъ поработа Господу втайнѣ“ [46]). Св. Николай Кочановъ издѣтства нача велію вѣру къ Богу держати, и явися на немъ Божія благодать: исхождаше бо изо устъ его молитва къ Богу, яко кадило благовонно, и любяше чистоту, и постъ, и колѣнное преклоненіе. Въ таковой добродѣтели ему пребывающу, начаша его вельможи и людіе блажити и славити. Сей же, не хотя славы отъ человѣкъ и желая наслѣдникъ быти царствія небеснаго, нача юродствовати Господа ради [47]). Когда братія и игуменъ

---

[42]) I Іоанн. II, 17. [43]) Четьи Минеи 21 августа, л. 99. [44]) Прологъ, мая 14, л. 32, об. [45]) Прологъ 29 мая, л. 57, об. [46]) Четьи Минеи 10 мая, л. 69 об. и 70. [47]) „Новг. еп. вѣд.“ 1898 г., № 14, стр. 863.

Клопскаго монастыря начали „велика имѣть преподобнаго Михаила, онъ, хотя утаитися отъ братіи, юрода себе во всемъ творяше“ [48]). Значитъ, въ данныхъ случаяхъ мотивомъ „юродства“ служило смиреніе. Стремленіе къ богомыслію, къ сосредоточенію себя въ цѣляхъ нелюбостяжанія тоже побуждало нѣкоторыхъ юродствовать; такъ св. Прокопій, принявъ православіе, не токмо міра съ похотьми его, но и самаго себе презрѣвъ: прія бо юродственное житіе, и творяшеся яко безуменъ и несмысленъ предъ человѣки, разумъ свой весь углубленъ въ Бозѣ имѣя [49]). Затѣмъ, самоотверженное служеніе спасенію ближнихъ было одною изъ главныхъ причинъ юродствованія: „творяше преподобный Симеонъ юродство не единаго себя, но и иныя спасая: многіе бо грѣшники наказуя словесы и дѣломъ, приводаше къ покаянію“ [50]). Предъ принятіемъ на себя, „юродства“ св. Симеонъ такъ опредѣляетъ причины измѣненія жизни другу своему — пустыннику Іоанну: „нѣсть уже намъ, брате, нужды въ пустыни сей пребывати, но пойдемъ послужити спасенію иныхъ: здѣ бо точію себѣ пользуемъ, а мзды отъ пользованія иныхъ не имамы. Не апостолъ ли глаголетъ: никтоже своего си да ищетъ, но еже ближняго кійждо; и паки: всѣмъ угождаю, не искій своея пользы, но многихъ, да спасутся. И паки: всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу“ [51]). Такимъ образомъ, св. Симеонъ вышелъ на подвигъ „юродства“ съ цѣлію спасать другихъ. Кіево-Печерскій Патерикъ весьма характерно отмѣчаетъ причину „юродства“ преподобнаго Исакія, „прельщеннаго отъ бѣса во образѣ Іисусъ Христовѣ, послѣди же каявшагося юродствомъ Христа ради“ [52]); значитъ, юродство преподобнаго Исакія было покаяніемъ, заглажденіемъ содѣяннаго грѣха, подавленіемъ прелести (гордости) смиреніемъ. Такимъ образомъ, „юродство“, на основаніи сказаннаго, есть одно изъ средствъ для борьбы человѣка съ міромъ и его прелестями.

---

[48]) Сказаніе о жизни и чудесахъ преподобнаго Михаила Спб., 1875 г., стр. 8. [49]) Четьи Минеи 8 іюля, л. 48. [50]) Четьи Минеи 21 іюля, л. 147 об. [51]) I Кор. X, 24, 33, I Кор. IX, 22. [52]) Л. 16 об.

Но, является вопросъ, почему нѣкоторые подвижники избирали этотъ именно видъ подвижничества? что собственно наталкивало ихъ на оригинальный образъ жизни? Объяснить это можно очень просто. Человѣкъ въ настоящей своей жизни приготовляется къ жизни вѣчной. Здѣсь, на землѣ онъ долженъ трудиться безпрестанно въ добродѣланіи. Вѣдь, допустить состояніе недѣятельное, а только праздно-созерцательное, значитъ допустить, что въ будущей жизни душа человѣка измѣнится въ своей природѣ, а это невозможно: душа безсмертна, а жизнь ея въ дѣятельности собственно и состоитъ. Слѣдовательно, въ будущей жизни люди будутъ находится въ дѣятельномъ состояніи, и къ этой-то вѣчной дѣятельности и должны они приготовляться въ настоящей жизни путемъ внутренняго надзора надъ собой, чтобы, восходя отъ силы въ силу [53]) и преобразуясь отъ славы въ славу [54]), достигнуть уподобленія самому Іисусу Христу, возстановить въ себѣ всецѣло образъ Божій и войти въ тѣснѣйшее единеніе съ Тріипостастнымъ Богомъ въ жизни вѣчной. Эта высочайшая, блаженнѣйшая и вожделеннѣйшая цѣль христіанской жизни, — предѣлъ всѣхъ желаній и стремленій св. юродивыхъ, — заставляющая ихъ во имя ея забывать все земное, внѣшнее. Эта цѣль, т. е. уподобленіе Христу, указывается и въ священномъ Писаніи: „образъ дахъ вамъ, да якоже Азъ сотворихъ, и вы творите“ [55]), говоритъ Спаситель; „Христосъ пострада по насъ намъ оставль образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его [56]), пишетъ св. апостолъ Петръ; св. Іоаннъ Богословъ свидѣтельствуетъ: „глаголяй и въ Немъ пребывати долженъ есть, якоже Онъ ходилъ есть, и сей такожде да ходитъ“ [57]), св. апостолъ Павелъ учитъ: „сіе да мудрствуется въ васъ еже и во Христѣ Іисусѣ“ [58]), „дондеже достигнемъ вси... въ мужа совершенна въ мѣру возраста исполненія Христова“ [59]). Далѣе, возстановленіе образа Божія указываетъ также Самъ Іисусъ Христосъ: „будите совершени, якоже и Отецъ

[53]) Псаломъ LXXXIII, 8. [54]) 2 Кор. III, 18. [55]) Іоанна XIII, 1, 5. [56]) I Петр. II, 21. [57]) I Іоанна II, 5, 6. [58]) Филип. II, 5. [59]) Ефесеямъ IV, 13; I Кор. II, 16; IV, 16.

вашъ небесный совершенъ есть“ [60]); Іоаннъ Богословъ говоритъ: „нынѣ чада Божія есмы, не у явися, что будемъ: вѣмы же, яко егда явится, подобни Ему будемъ, ибо узримъ Его, якоже есть“ [61]); св. апостолъ Павелъ пишетъ: „бывайте подражатели Богу, якоже чада возлюбленная“ [62]), подобаетъ „облещися вамъ въ новаго человѣка, созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины“ [63]).

Наконецъ, блаженное единеніе съ Тріипостастнымъ Богомъ указываетъ также Самъ Іисусъ Христосъ, когда говоритъ: „аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ: и Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ нему пріидемъ, и обитель у него сотворимъ“ [64]) и молится Отцу Своему: „да вси едино будутъ: якоже Ты, отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ насъ будутъ едино“ [65]). Поэтому то, истинно христіанская жизнь называется царствіемъ небеснымъ, царствіемъ Божіимъ внутри человѣка [66]), а св. апостолъ Павелъ называетъ христіанъ храмами Духа Святаго, церквами Бога живаго [67]).

Этого-то несказаннаго блага и стремились св. юродивые достигнуть здѣсь на землѣ, чтобы совершенно получить его въ жизни будущей на всю вѣчность. Они знали это ученіе, потому что упражнялись въ чтеніи божественныхъ книгъ. Св. Андрей былъ обученъ книгамъ и читалъ божественное Писаніе, Святый Ѳеодоръ Новгородскій воспитанъ былъ въ „добромъ наказаніи и изученъ божественному писанію и усердно прилежаше чтенію божественныхъ книгъ и житій святыхъ“ [68]). Они знали путь къ царствію небесному, указанный въ священномъ Писаніи и потому будучи „распаляеми желаніемъ къ Богу, оставляли все мірское, спутника обрѣтши Христа“ [69]). Въ канонѣ св. Прокопію еще яснѣе выражается стремленіе юродивыхъ: „обратитися никакоже истощаемыми возжелѣвъ, богатство и славу временную и пищу мимотекущую, и мірское достояніе они

---

[60]) Мѳ. V, 48. [61]) I Іоанна III, 2. [62]) Ефесеямъ V, I. [63]) Ефесеямъ IV, 24; Колоссаямъ III, 10. [64]) Іоанн. XIV, 23. [65]) Іоанн. XVII, 21. [66]) Лук. XVII, 21; Матѳ. XIII, 44. [67]) I Коринѳянамъ VI, 17, 19; 2 Коринѳянамъ VI, 16. [68]) Новг. еп. вѣд. № 14 стр. 861, 1898 г. [69]) Канонъ св. юрод. I пѣснь общая минея.

отринули“ [70]). „Мироуханная любя ученія, и во чтеніи св. Писаній упражняяся, Прокопіе, сластей уклонился еси смрадныхъ и безчестныхъ“ [71]), „единообразный смыслъ богоносный видѣвъ, божественными повѣстьми и божественною одеждою одѣялся еси“. Св. юродивые слѣдовали „глаголамъ божественнымъ и выну сими поучалися“, возвышались въ добродѣтеляхъ „божественными повелѣніи выну“ [72]) и „св. Духа дарованіе вниде въ помышленіе ихъ и они были всегда свободны о Господѣ“ [73]). Отъ земныхъ на небесная помысливъ и дѣломъ совершивъ, красная міра сего во уметы вмѣнилъ еси Христа ради, Василіе, юродъ бывъ на земли“ [74]); „онъ весь бывъ домъ Божій и жилище св. Духа, церковь своего тѣла непорочну соблюлъ еси, и пришедъ вселися въ него Отецъ и Сынъ и Св. Духъ [75]). Приготовленіе святыхъ юродивыхъ къ вѣчности состояло, какъ видно изъ богослужебныхъ книгъ, въ томъ, что они всѣ силы и способности своей души на землѣ развивали, образовывали и направляли сообразно съ будущею жизнью, помня при этомъ, что ничто скверное и лукавое въ царство Божіе допущено быть не можетъ, потому что добро и зло несовмѣстимы; отсюда, слыша ученіе Спасителя о спасеніи души, они заботились о томъ, какъ бы угодить Богу (канонъ святому Василію, 2 августа), и поэтому, свѣтъ Христовъ наполнялъ ихъ сердце и они, совлекшись ветхаго человѣка, являлись новыми, горя духомъ по Христовѣ заповѣди [76]). Такимъ образомъ, они вели жизнь сообразно съ спасительнымъ Христовымъ ученіемъ, которое есть единственно вѣрное и надежное руководство къ жизни вѣчной, которое служило для нихъ единственно вѣрною и надежною педагогикою, если можно такъ выразиться, для земной жизни; значитъ, слово Божіе—эта высшая педагогика—побуждало св. юродивыхъ вести ради спасенія странный, повидимому, образъ жизни. Святый Василій Великій,

---

[70]) Минея 8 іюля. [71]) Тамъ же. [72]) Изъ канона святому Исидору 14 мая. [73]) Тамъ же. [74]) Сѣдаленъ въ канонѣ. [75]) Сѣдаленъ другой въ канонѣ. [76]) Свѣтиленъ, 2 августа.

выясняя идеалъ аскетической жизни, указываетъ олицетвореніе этого идеала въ земной жизни Іисуса Христа; онъ говоритъ, что „всякое дѣйствіе и всякое слово Спасителя нашего Іисуса Христа есть правило и благочестія и добродѣтели. Для того и воплотился Онъ, какъ бы на иконѣ изображая и благочестіе и добродѣтель, чтобы каждый и каждая, взирая на него, по возможности, соревновали Первообразному. Ибо для того носитъ наше тѣло, чтобы и мы, сколько возможно, подражали Его житію. Подвижники суть точные подражатели Спасителя и Его житію во плоти. Ибо какъ Спаситель, составивъ ликъ апостоловъ, даже и себя содѣлалъ общимъ для апостоловъ, такъ и сіи, повинующіеся своему Вождю, прекрасно соблюдающіе правило жизни, въ точности подражаютъ житію Господа и апостоловъ“ [77]). Вотъ отвѣтъ на поставленные выше вопросы.

Далѣе, послѣдующіе юродивые слѣдовали по пути нравственнаго восхожденія, руководясь примѣрами первыхъ святыхъ юродивыхъ. Такъ св. Андрей ведетъ жизнь „во всемъ подобяся Симеону“ [78]), св. Ѳеодоръ началъ „юродство“, поревновавъ Христа ради юродивымъ Андрею, Симеону, Богу угодившимъ во „юродствѣ“, а особливо блаженному Христа ради юродивому Николаю Кочанову, въ то же время въ Великомъ Новгородѣ юродствовавшему [79]). Святый Іоаннъ Устюжскій подражаетъ святому юродивому Прокопію, а образцомъ для послѣдняго служитъ святый Андрей [80]). Кромѣ того они избирали этотъ подвигъ не безъ совѣта опытныхъ въ духовной жизни людей. Такъ, святый Андрей Тотемскій принимаетъ на себя иго „юродства“ для Христа по совѣту одного подвижника Стефана [81]). Подвижникъ Домникъ, ученикъ Оригена, даетъ подвижническія наставленія юродивому Серапіону [82]). Святый юродивый Виссаріонъ предъ вступленіемъ на подвигъ „юродства“ беретъ наставленія у Исидора Пелусіота († 436) и часто потомъ

---

[77]) Творенія святаго Василія Великаго, часть V, стр. 379 и 428. [78]) Четьи Минеи 2 октября. [79]) Новг. еп. вѣд. 1898 г. № 14, стр. 861. [80]) Кормчій № 21, стр. 307, 1897 г. [81]) Кормчій 1897 г. № 40, стр. 534. [82]) Ковал., стр. 107, 108.

бесѣдуетъ о духовной жизни съ преподобнымъ Герасимомъ († 475), Іорданскимъ пустынникомъ [83]). Преподобный Мартиніанъ, зная настроеніе святаго Галактіона и тайные его подвиги, благословляетъ ему юродствовать [84]). Святый Василій подражаетъ святому Андрею и Симеону: „уподобился еси, премудре Василіе, поетъ святая церковь, всѣми нравы и обычаемъ Симеону юродивому Христа ради, и Андрею цареградскому, и великому отцу Макарію, и Онуфрію, и Павлу Ѳивейскому, и Максиму (юродивому) чудному и Прокопію великому [85]). Аскетическіе подвиги св. Михаила Клопскаго напоминали собою труды святаго Макарія Египетскаго и Пахомія Великаго, какъ поется въ 4-й пѣсни канона: „Макарія Великаго, паче естества ангельское житіе на земли леганію, и прочимъ добродѣтелемъ, отче Михаиле, поревновалъ еси“ и „житію Пахомія великаго подражавъ“ [86]).

Не ограничиваясь такими образцами для подражанія въ своей жизни и совѣтами другихъ, святые юродивые приготовлялись къ подвигу „юродства“ и сами, съ одной стороны, изученіемъ аскетической жизни святыхъ отцовъ [87]), а съ другой,—самой главной,—молитвою къ Богу о томъ, чтобы онъ сказалъ путь, которымъ имъ надо идти ко спасенію: „сердце Николая Кочанова, изъмлада явися горящимъ Богу“ [88]). Святый Ѳеодоръ постоянно молилъ Бога указать ему путь спасенія, и Господь указалъ ему на „юродство“; значитъ, св. юродивые выступали на этотъ подвигъ по указанію свыше; мы видѣли, что святый Андрей былъ посланъ прекраснымъ юношей (т. е. Христомъ) юродствовать, святый Симеонъ говоритъ другу своему Іоанну, что Господь указываетъ ему этотъ подвигъ. Такимъ образомъ, можно заключить, что „юродство“ указано Самимъ Богомъ и есть подвигъ, Ему пріятный. Сами юродивые нерѣдко задавали себѣ вопросъ о томъ—пріятно ли ихъ

---

[83]) Ковал., стр. 259. [84]) Путевыя письма съ сѣвера. Графа Толстого. Москва. 1868 г., стр. 59. [85]) Изъ канона 2 августа святому Василію. [86]) Изъ канона 11 января. [87]) Напримѣръ святый Ѳеодоръ; Новг. еп. вѣд. 1898 г. № 14, стр. 861. [88]) Ковалевскій, стр. 185.

такое служеніе Богу и можетъ ли оно служить средствомъ къ спасенію? Такими мыслями смущался святый Андрей и желалъ узнать чрезъ молитву о богоугодности подвига своего, и было открыто ему, что „юродство“ пріятно Господу: „тако помышляющу Андрею, се пять женъ пріидоша тамо [89]), и единъ старецъ свѣтелъ съ ними, и хождаху посѣщающе немощныхъ. Пріидоша же и ко Андрею, и рече старецъ оный къ старѣйшей: госпоже Анастасіе, не врачуеши ли здѣ ничтоже. И рече ему она: Господи Учителю, той его врачева, иже ему рече: буди юродъ Мене ради, и многому добру причастникъ будеши въ день царствія Моего, и нѣсть потребно ему врачеванія. И разумѣвъ блаженный Андрей, яко пріятно Богу дѣло его, радовашеся духомъ, и болѣе подвижеся на молитву въ нощи, а въ день юродъ творяшеся [90]). Ангелъ Господень преподобному Питириму пустыннику Порфиритскому [91]) возвѣстилъ въ откровеніи о богоугодности „юродства“ и о его важности; явившись ему, ангелъ сказалъ: „почто величаешися во умѣ о добродѣтельномъ житіи твоемъ, и мнишися великъ быти сѣдя въ пустынномъ семъ мѣстѣ; хощеши ли видѣти жену добродѣтельнѣйшу и богоугоднѣйшу паче тебѣ; востав убо иди въ монастырь женскій, иже въ Тавенисіотѣхъ, и обрящеши тамо едину, носящую платъ сквернавъ на главѣ своей, та лучше есть предъ Богомъ паче тебе: понеже въ толицѣмъ соборѣ пребывающи и всѣмъ служащи выну, и отъ всѣхъ въ поруганіи сущи, никогдаже сердцемъ своимъ отлучися отъ Бога, но всегда умъ ея въ Бозѣ углубленъ есть. Ты же наединѣ здѣ самъ пребывая, и никогдаже отсюду тѣломъ исходя, вся грады умомъ твоимъ обходиши [92]). Св. Симеонъ повѣдалъ своему другу діакону Іоанну за два дня до смерти: „видѣлъ нѣкоего славна глаголюща ко мнѣ: гряде юроде, гряди, да пріимеши не единъ вѣнецъ, но многія вѣнцы за спасеніе многихъ душъ человѣческихъ“ [93]).

---

[89]) У церкви святой Анастасіи, гдѣ имѣлъ обыкновеніе молиться святый. [90]) Четьи Минеи—октября 2, л. 10 об. [91]) Ученику преподобнаго Антонія великаго. [92]) Четьи Минеи 10 мая, л. 70. [93]) Тамъ же 21 іюля, л. 152 об.

Такимъ образомъ, „юродство“ есть подвигъ, сообразный съ ученіемъ Христовымъ, не противорѣчащій священному Писанію, а вытекающій изъ духа христіанства, потому что, какъ видѣли, спасеніе души составляетъ необходимую принадлежность святыхъ юродивыхъ, а общеполезность подвига „юродства“, направленнаго, какъ сейчасъ говорили, на спасеніе и ближнихъ, служитъ краснорѣчивымъ подтвержденіемъ его сообразности съ духомъ христіанства.

ГЛАВА IV.

Сознательно-намѣренное принятіе святыми юродивыми безумства. Психологическій смыслъ ихъ притворнаго безумія. Отношеніе святыхъ юродивыхъ къ уму. Скрытность ихъ характера.

Въ самомъ названіи подвига оттѣняется особенное отношеніе святыхъ юродивыхъ къ своимъ умственнымъ силамъ. Названія: „юродство Христа ради“, „буйство Христа ради“—значитъ - безуміе, глупость для Христа. Итакъ, по самому названію подвигъ „юродства“ является тѣмъ, что нѣкоторые ревнители благочестія становятся безумными изъ за осуществленія въ себѣ завѣтовъ Спасителя. Профессоръ Е. Е. Голубинскій говоритъ, что подвигъ „юродства“ о Христѣ въ томъ и состоитъ, что подвижникъ дѣлался притворно глупцомъ и безумнымъ о Христѣ, чтобы терпѣть отъ людей поношенія и укоризны и чтобы обличать современниковъ“ [1]). Что святые юродивые притворно принимали на себя безуміе объ этомъ краснорѣчиво говорятъ выраженія житій святыхъ юродивыхъ: святый Симеонъ „юрода себе во всемъ творяше“; святый Ѳома Келесерійскій „творяшеся юродъ быти“ [2]); святый Исидоръ „пріемъ юродственное еже Христа ради буйственное житіе, якоже мнимо человѣки“; святый Аврамій Смоленскій „во юродство преложися“; „вси мняху святаго Прокопія, яко юрода“; святый Андрей „неистовъ дѣяся, несмысленъ и недобрѣ

[1]) Исторія русской церкви, томъ I, 2-я половина, стр. 547, Москва. 1881 г.
[2]) Четьи Минеи 24 апрѣля.

глаголющъ"; дѣйствія его напоминали дѣйствія бѣсноватаго, и святаго Андрея связывали желѣзными цѣпями; святая блаженная Исидóра „Бога ради притвори себе юродство, аки бы сущи бѣсна"; святый Симеонъ предъ вступленіемъ на этотъ подвигъ прямо „моляшеся прилежно Богу, яко безумнаго и несмысленнаго вси да имутъ его" и, живя въ міру „творяшеся бѣсенъ" [3]); святый Исидоръ Ростовскій „днемъ яко юродъ хождаше, въ нощи же непрестанно молитву къ Богу возсылаше", святый Ѳеодоръ Новгородскій, „оставя временное сіе и скоротекущее житіе, волею во юродство претворися" [4]); святый Николай Кочановъ „нача юродствовати Христа ради [5]) „творяшеся неистовъ и буй" [6]); святый Михаилъ Клопскій „яко похабъ творяшеся [7]); святый Василій блаженный „похабяся творя"...; святый Николай Псковскій „похабъ ся творя" [8]). „По смерти родителей своихъ преподобный Георгій нача похабствовати, буйное и юродственное проходя житіе, по апостолу Христа ради [9]). Ходя преподобный по лѣсамъ, въ непроходимыхъ мѣстахъ, удаляшеся отъ человѣкъ, творя видимымъ яко юродъ вмѣняшеся [10]). Егда же начинаху людіе имѣти св. Симеона яко свята, онъ абіе нѣчто таково содѣловаше, еже не святости, но безумія явнымъ бываше показаніемъ [11]), говорится въ его житіи. Послѣ же его смерти, замѣчаетъ біографъ его, современники Симеона познали, „яко юродивый не бѣ юродивый, но премудршій бяше паче всѣхъ мудрецовъ вѣка сего, и мнимый быти грѣшникъ, праведенъ и преподобенъ, образомъ юродства и грѣшничества покрываяй свое богомудрое и богоугодное житіе предъ человѣки" [12]). Святый Андрей „въ день аки неистовъ творяшеся, въ нощи же безпрестанно моляшеся Богу и святой Анастасіи" [13]). Святый Исидоръ Твердисловъ „въ день яко юродъ хождаше, въ нощи же непрестанно молитву къ Богу возсылаше" [14]).

---

[3]) Житіе, листъ 151 об. [4]) Новгородскія епархіальныя вѣдомости 1898 г. № 14, стр. 861. [5]) Тамъ же, стр. 863. [6]) Тамъ же, стр. 865. [7]) Тамъ же № 21, стр. 1396. [8]) Ковалевскій, стр. 92, примѣчаніе. [9]) Арх. пат., стр. 214. [10]) Тамъ же. [11]) Четьи Минеи 21 іюля, л. 149-й. [12]) Тамъ же, листъ 153 об. [13]) Четьи Минеи изданіе 1852 г. 2 октября, листъ 10 об. [14]) Прологъ 14 мая, листъ 33.

При томъ, святые юродивые не всѣмъ казались безумными. Такъ, когда святый Симеонъ „бываше съ Іоанномъ діакономъ (того города, гдѣ жилъ святый Симеонъ — Емессы) наединѣ, ничтоже юродиво творяше, но съ кротостію и сокрушеніемъ сердечнымъ бесѣдоваше полезная“ [15]). Святый Прокопій Вятскій каждое воскресенье исповѣдывался и пріобщался святыхъ Тайнъ у Вознесенскаго (города Вятки) священника Іоанна и съ нимъ говорилъ, „якоже и прочіи человѣцы, не яко нѣмъ и юродъ“, но подъ клятвою, „да не кому же повѣдаетъ о глаголаніи его, дондеже отъ земли преселится [16]). Святый Симонъ Юрьевецкій проситъ одного человѣка, видѣвшаго его переходящимъ черезъ Волгу, какъ по суху, никому не говорить о томъ, что онъ находится въ полномъ разумѣ, до его смерти [17]).

Но зачѣмъ святые юродивые предъ очами всего міра отказывались отъ владѣнія и употребленія самымъ высшимъ и цѣннымъ достояніемъ человѣка — разумомъ — для Христа? какъ понимать это и заповѣдуется ли такое отреченіе отъ ума священнымъ Писаніемъ? Конечно, нельзя сказать, что отреченіе отъ ума въ томъ видѣ, въ какомъ оно проявлялось въ святыхъ юродивыхъ, нигдѣ не заповѣдуется въ священномъ Писаніи. Священное Писаніе повелѣваетъ отрѣшаться отъ своего ума столько, сколько это нужно для спасенія: „никтоже себе да прельщаетъ: аще кто мнится мудръ быти въ васъ въ вѣцѣ семъ, буй да бываетъ, яко да премудръ будетъ“ [18]). Апостолъ Павелъ пишетъ это къ Коринѳянамъ, у которыхъ въ большой силѣ и уваженіи была языческая ученость. Эта ученость возбуждала въ христіанахъ самомнѣніе и кичливость и не допускала ихъ въ смиреніи сердца искать подкрѣпленія и силы въ благодати. Поэтому, св. апостолъ Павелъ и предлагаетъ христіанамъ истребить излишнюю довѣренность къ своему уму и съ глубокимъ смиреніемъ предать себя водительству вѣры въ силу креста. Теперь — если святымъ юро-

---

[15]) Четьи Минеи, 21 Іюля, листъ 151. [16]) Житіе святаго Трифона и Прокопія Вятскихъ (Вятка 1886 г., стр. 42). [17]) Поспѣловъ, стр. 22. [18]) I Коринѳянамъ III, 18.

дивымъ отреченіе отъ ума въ томъ видѣ, въ какомъ оно въ нихъ совершалось, представлялось нужнымъ и дѣйствительнымъ для спасенія, если въ этомъ увѣряла ихъ совѣсть, убѣждалъ разумъ, подтверждала вѣра, то ужели они не имѣли права рѣшиться на это средство для спасенія? и теряетъ ли это средство свою важность отъ того, что не заповѣдуется въ такомъ именно видѣ священнымъ Писаніемъ? Правда, съ перваго взгляда такое отреченіе отъ ума представляется даже и вовсе несовмѣстимымъ съ природою человѣка; отрѣшить себя отъ обязанностей ума, на которыхъ держится весь порядокъ человѣческой жизни на землѣ, значитъ — быть человѣку не человѣкомъ, по крайней мѣрѣ не такимъ, какимъ онъ долженъ быть въ этомъ мірѣ, въ настоящемъ состояніи. Но если глубже всмотрѣться въ наше существо, то основаніе для „юродства“ можно найти въ самой лучшей и высшей части его, въ которой одной сохранились остатки величія нашей природы, въ которой одной лежатъ сѣмена высокаго ея назначенія. Въ самомъ дѣлѣ, ужели духъ нашъ, назначенный для жизни высшей и безсмертной, долженъ быть въ рабскомъ подчиненіи только тому порядку, какой существуетъ на землѣ? ужели онъ для вѣчнаго не свободенъ отказаться отъ подчиненности тому, что носитъ на себѣ печать только временнаго и случайнаго? нѣтъ! назначеніе духа нашего выше. И если онъ несетъ бремя подчиненности порядку міра чувственнаго, то единственно потому, что его силы еще не вполнѣ раскрыты, потребности не пробуждены, что онъ еще не вполнѣ возвысился надъ временнымъ, скоропреходящимъ. Если перемѣнить это, не вполнѣ сродное ему, состояніе на болѣе сродное, на то, въ какомъ ему приличнѣе быть, которое ближе къ его назначенію, то человѣкъ во многихъ отношеніяхъ явится другимъ. Это состояніе человѣка, очевидно, будетъ естественное, ему сродное; но если посмотрѣть на этого человѣка въ различныхъ отношеніяхъ его къ міру, то въ немъ легко можно замѣтить черты юродиваго. По мѣрѣ того, какъ силы духа развиваются и усовершаются, человѣкъ не можетъ не отрѣшаться отъ види-

маго и временнаго и, слѣдовательно, не можетъ не отрѣшаться отъ той стороны своей души, которая приспособляется въ немъ къ настоящему его состоянію, въ которой находятся узлы, крѣпко связывающіе его съ видимымъ и временнымъ, — обязанности жизни его здѣсь, на землѣ. А при этомъ преобладающемъ развитіи силъ духа, при этой отрѣшенности отъ законовъ ума, приспособленныхъ къ настоящему состоянію, не можетъ не произойти разительнаго безпорядка во внѣшней, земной жизни, въ дѣятельности, относящейся къ земному положенію. Но такая дѣятельность не представляетъ изъ себя чего-нибудь несообразнаго съ нравственнымъ достоинствомъ человѣка. Вѣдь жизнь по законамъ нашего духа, во всякомъ случаѣ— естественна, и хотя тутъ будутъ отвергнуты законы того же духа, приспособленные къ земному его быту, но при всемъ томъ эта жизнь, какъ жизнь собственно духовная, всегда будетъ имѣть достоинство нравственно-доброй жизни въ глазахъ тѣхъ, для которыхъ духовная жизнь выше жизни, заключающейся въ предѣлахъ земной дѣятельности, — для которыхъ настоящая жизнь — приготовленіе къ жизни, сообразной съ существомъ свободно—разумнаго духа.

Отсюда, отреченіе отъ законовъ ума, приспособленныхъ къ настоящему состоянію человѣка при преобладающемъ развитіи высшихъ силъ ума, — естественно: дѣятельность, устрояемая по законамъ этого послѣдняго—вполнѣ достойна нравственно-разумнаго существа; слѣдовательно, если должно предположить, что святые юродивые находились подъ вліяніемъ этой стороны ума, устрояли жизнь по ея законамъ и требованіямъ, то ясно, что, „юродство“, несогласное съ обыкновеннымъ житейскимъ порядкомъ, имѣетъ свое основаніе въ природѣ нашего духа и вполнѣ согласно съ нравственнымъ закономъ.

Но для человѣка, слишкомъ далекаго и отъ той среды и отъ той жизни, какую рисуютъ прологи и четьи-минеи, отреченіе отъ законовъ ума святыхъ юродивыхъ представляется страннымъ, и онъ низводитъ ихъ на степень пси-

хически разстроенныхъ людей [19]), только потому, что они не подчиняются общественной логикѣ. Христіанскій правильный взглядъ на мнимое безуміе святыхъ юродивыхъ не такой. Раньше мы имѣли случай говорить о томъ, что святые юродивые подражаніемъ Христу стремились къ богоподобію. Исполняя въ точности законъ евангелія, они тѣмъ самымъ благоустроялись въ внутренней своей жизни и, стяжавъ любовью своею къ Богу и ближнимъ союзъ совершенствъ [20]), они старались исполняться, по апостолу, во всякой премудрости и разума духовнаго [21]), образовать и усовершать свой умъ въ духѣ евангелія. Умъ ихъ былъ устремленъ всегда къ Богу; такъ, святый Николай Кочановъ, „пребывая въ юродствѣ по стогнамъ града ходя, похабъ творяшеся, во устѣхъ же молитву имѣя къ Богу всегда“ [22]); святый Василій, „разумъ непрелестенъ стяжавъ, посредѣ молвъ сохранилъ себя“ [23]); онъ, крѣпостію ума непоколебимь пребылъ и надъ страстьми воцарился“; умъ его постоянно былъ занятъ богомысліемъ: „всегда Бога зря ума чистотою“. Его внутренній духовный взоръ, всегда обращенный къ Богу и совнѣ выражался тѣмъ, что глава его всегда была поднята къ небу, и очи его устремлены горѣ. „Много говорить — не миновать грѣха“ [24]), говаривалъ святый Василій. И руководясь этимъ указаніемъ премудраго, онъ, ничтоже глаголаше, аки безгласенъ творяшеся, утаитися мня отъ человѣкъ добродѣтельми, Богу же точію вѣдомъ быти“, „въ мірѣ жилъ безмолвно, яко въ пустыни, въ народѣ пребывая, яко въ кающихся обители [25]); святый Михаилъ Клопскій умъ свой обращалъ на пріобрѣтеніе душевной чистоты [26]); „егда умомъ возлетѣлъ еси отъ темныхъ на небесная, тогда невозвратнымъ путемъ управился въ царство небесное“, поетъ святая Церковь преподобному Михаилу въ канонѣ; святый Симеонъ „умъ свой непрестанно простиралъ къ Богу“ [27]) и заботился о томъ,

---

[19]) Скабичевскій въ „Русской Мысли“ за 1901 г. [20]) Колоссаямъ III, 14. [21]) Колоссаямъ I, 9. [22]) „Новгородскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1878 г., стр. 863, № 14. [23]) Стихира на стиховнѣ августа 2. [24]) Притч. X, 19. [25]) „Кормчій“, № 30, стр. 416, 1895 г. [26]) Стихира на великой вечернѣ 11 января. [27]) Изъ канона 21 іюля.

чтобы умъ свой „несмущенъ посредѣ плищей соблюсти“ [28]). Про святого Іоанна Устюжскаго разсказывается, что онъ, „присно безъ сна въ нощи пребываше, моляся Богу, и ходя унылымъ и сѣтованнымъ лицомъ“ [29]); святый Прокопій Устюжскій, „творяшеся яко безуменъ и несмысленъ предъ человѣки, разумъ свой весь углубленъ въ Бозѣ имѣяй“ [30]); фактъ притворнаго безумія отмѣченъ и въ нашей свѣтской литературѣ.—„Лицо юродиваго, когда остался онъ наединѣ, описываетъ одинъ писатель, не выражало, какъ обыкновенно, торопливости и тупоумія; напротивъ, онъ былъ спокоенъ, задумчивъ и даже величавъ. Движенія его были медленны и обдуманны“ [31]).

Значитъ, отрѣшенность отъ ума у святыхъ юродивыхъ была сознательная и не внутренняя. Послѣдней отрѣшенности въ святыхъ юродивыхъ предполагать нельзя; и въ возрожденномъ благодать хотя замѣняетъ умъ, такъ же какъ солнечный свѣтъ — свѣтъ возжигаемый, но не исключаетъ, однако, его дѣятельности. И возрожденному нуженъ указатель, который бы говорилъ ему, что онъ имѣетъ божественнаго руководителя и слѣдуетъ его велѣніямъ,—нуженъ наставникъ, который бы указывалъ средства, какъ сохранить и утвердить въ себѣ дары благодати. Сейчасъ только мы говорили о томъ, что умственная дѣятельность святыхъ юродивыхъ не была безсознательной; напротивъ, она совершалась по предварительно обдуманнымъ планамъ, (днемъ юродствуетъ, а ночью молится). Значитъ, внутреннее отношеніе къ уму у святыхъ юродивыхъ было естественное. Они отрѣшались отъ ума только во внѣшней жизни. Внѣшній образъ жизни составлялъ для нихъ то поприще, на которое они являлись, свергнувъ съ себя владычество ума. Здѣсь на совершеніе только нѣкоторыхъ дѣйствій простиралось это владычество ума, и именно тѣхъ, какъ видѣли, которые относились къ самому существу въ дѣлѣ спасенія, хотя у нихъ совершалось и это своимъ особеннымъ образомъ. Но

---

[28]) Стихиры на вечернѣ 21 іюля. [29]) Прологъ 29 мая, листъ 67. [30]) Четьи Минеи 8 іюля, листъ 48. [31]) „Новгородскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1898 г., № 20, стр. 1362.

для той стороны внѣшней жизни, которая не относится существенно къ вѣчному спасенію, но которую обязывается человѣкъ устроять по извѣстнымъ законамъ и правиламъ, какъ чувственно-духовное существо, какъ обитатель настоящаго міра, членъ видимаго общества вѣрующихъ, — для этой стороны святые юродивые и отвергались ума. А такъ какъ эта сторона внѣшней жизни ближайшимъ образомъ находится также подъ распоряженіями ума, утверждается на его законахъ, упорядочивается его правилами и предписаніями, то съ отреченіемъ для этой жизни отъ ума, во внѣшней жизни святыхъ юродивыхъ естественно долженъ произойти безпорядокъ. Послѣ этого они въ общественной жизни являлись подобными несмысленнымъ дѣтямъ. Попеченіе о пищѣ, одеждѣ, приличіи, словомъ — всѣ обязанности, изъ выполненія которыхъ большею частію слагается дѣятельность существа разумно-чувственнаго, для нихъ оставались какъ бы неизвѣстными, ненужными, и это то совершенно выдѣляло ихъ изъ среды окружающаго ихъ общества. Но, притворно отвергаясь ума, они расширяли его внутренно для Бога и наполняли его по выраженію церковной пѣсни, мыслей неизреченныхъ (изъ службы святому Лаврентію); измѣняя свои отношенія къ міру, но находясь въ немъ, святые юродивые старались быть внѣ его, увеличивая кругъ умственной дѣятельности для Бога, стараясь ввести себя въ Бога — уподобиться Ему, какъ Онъ сказалъ: „будите во Мнѣ“ [32]), возрасти въ себѣ внутренняго человѣка по заповѣди апостола [33]). Святые юродивые, какъ видѣли, старались имѣть и имѣли постоянно Бога въ своемъ разумѣ, по апостолу [34]), т. е. они не только истинное имѣли въ своемъ умѣ понятіе о Богѣ, но и сдѣлали его руководительнымъ правиломъ въ жизни, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, сообразуясь съ Нимъ, возжигая въ своемъ сердцѣ къ Нему чистѣйшую любовь.

Дѣлаясь сторонниками всего истиннаго, святого, святые юродивые главнымъ мотивомъ воли своей считали умъ и

---

[32]) Іоанна XV, 4. [33]) I. Петрово III, 4. [34]) Римлянамъ I, 28.

имъ опредѣляли къ дѣятельности свою волю, не давая чувственнымъ мотивамъ брать перевѣсъ. Эта мысль символически выражена святымъ Симеономъ юродивымъ въ слѣдующемъ дѣйствіи: онъ носилъ на своей головѣ вѣнокъ изъ масличныхъ вѣтвей и травы, а въ рукѣ вѣтку и, ходя по городу, громко взывалъ: „торжество побѣдителю царю и граду его"; впослѣдствіи онъ объяснилъ діакону Іоанну, своему другу, смыслъ этихъ словъ: „городомъ онъ называлъ душу, а царемъ—умъ, надъ страстями владычествующій [35]). Такимъ образомъ, святый Симеонъ символически проповѣдывалъ о той внутренней побѣдѣ надъ самимъ собою, которая состоитъ въ господствѣ надъ страстями, о той борьбѣ, какую ведутъ между собою разумъ и чувственность въ человѣкѣ и о умѣ, какъ о силѣ, противостоящей страстямъ. Преосвященный Ѳеофанъ говоритъ: „сила, борющаяся со страстьми, есть умъ, въ коемъ—сознаніе и свобода. Чрезъ него цѣлительная сила переходитъ къ силамъ сквозь подвиги, чрезъ него же сила, поражающая, разрушительная, проходитъ къ страстямъ въ бореніи. И обратно: когда страсти возстаютъ, то мѣтятъ прямо на умъ, т. е. на покореніе сознанія и свободы. Онѣ—во святилищѣ нашего внутренняго духа, куда врагъ черезъ страсти пускаетъ свои разженныя стрѣлы изъ душевной тѣлесности, какъ изъ засадъ. И пока цѣлы сознаніе и свобода, т. е. стоятъ на сторонѣ добра, то какъ бы ни было велико нападеніе—побѣда наша. Такимъ образомъ, точка опоры для страстей есть благодать" [36]). Нося на головѣ вѣнокъ, святый Симеонъ юродивый этимъ какъ бы показывалъ царственное назначеніе головы (ума), которая имѣетъ близкую и тѣсную связь съ явленіями душевной жизни и служитъ важнѣйшимъ ихъ органомъ. Въ самомъ дѣлѣ, человѣческое тѣло завершается головою и въ отношеніи къ цѣлямъ жизни и ихъ достиженію не тѣло носитъ голову, а голова тѣло, которымъ она управляетъ. Лицо головы служитъ выраженіемъ

---

[35]) Четьи Минеи 21 іюля, 152 листъ об. [36]) Путь ко спасенію 1892 г., отдѣлъ III, стр. 287.

и какъ бы живымъ зеркаломъ душевныхъ состояній человѣка [37]). Голова, такимъ образомъ, имѣетъ значеніе органа посредствующаго между цѣлостнымъ существомъ души и тѣми вліяніями, какія онъ испытываетъ со внѣ или свыше и ей приличествуетъ правительственное достоинство въ цѣлостной системѣ душевныхъ дѣйствій. Умъ имѣетъ значеніе свѣта, которымъ озаряется созданная Богомъ жизнь человѣческаго духа съ ея, Богомъ данными, законами. Сосредоточенности и неразсѣянности ума могутъ мѣшать не только внѣшнія впечатлѣнія, но и впечатлѣнія міра субъективнаго, внутренняго. Полная и безраздѣльная сосредоточенность ума на какомъ-либо предметѣ можетъ быть весьма значительно повреждаема или даже парализуема возбужденіемъ какихъ-нибудь стремленій и чувствованій, относящихся къ другимъ предметамъ и вызывающихъ иной рядъ представленій, стремящихся проникнуть въ умъ и овладѣть имъ. Давленіе со стороны этихъ инородныхъ стремленій, чувствованій или представленій, врывающихся въ умъ и сбивающихъ его съ того предмета, на который направляетъ его человѣкъ усиліемъ своей воли, бываетъ иногда такъ сильно, постоянно и настойчиво, что для освобожденія отъ нихъ, какъ должной или желаемой концентраціи ума, остается или осуществить ихъ на дѣлѣ и тѣмъ разрѣдить, такъ сказать, ихъ и лишить силы, или предпринять борьбу съ ними для уничтоженія ихъ въ основѣ. Освобожденіе отъ давленія разсѣивающихъ стремленій и представленій посредствомъ осуществленія ихъ всегда приноситъ лишь временный результатъ, не обезпечивающій въ будущемъ, даже болѣе или менѣе близкомъ отъ новаго появленія и возбужденія ихъ, отъ новаго вліянія, разсѣивающаго умъ. Отсюда является потребность и необходимость нѣкотораго болѣе радикальнаго ограниченія стремленій, своимъ пробужденіемъ отвлекающимъ умъ отъ предмета, на которомъ оно безраздѣльно и сполна должно быть сосредоточено, требуется нѣкоторое подавленіе потребностей,

[37]) Сираха XIX, 26, Экклезіастъ VIII, 1.

мѣшающихъ желаемой и нужной собранности духа. Это именно потому, что уже самая ясность, чистота и сила ума стоятъ въ связи съ нѣкоторымъ подавленіемъ чувственности и нѣкоторымъ, если не ослабленіемъ, то утонченіемъ тѣла посредствомъ строгаго воздержанія и умѣренности. „Однимъ словомъ, говоритъ святый Василій Великій въ своемъ наставленіи юношамъ, все тѣло долженъ презирать тотъ, кто не хочетъ погрязнуть, какъ въ тинѣ, въ его похотяхъ, или пусть нисходитъ ему столько, сколько по словамъ Платона, позволяетъ польза философіи. Сія мысль почти нисколько не различествуетъ отъ словъ апостола Павла, который увѣщаваетъ ни подъ какимъ видомъ не простирать попеченія о тѣлѣ до того, чтобы возникли похоти [38]). Ибо тѣ, кои заботятся о благосостояніи тѣла, а душу, управляющую онымъ пренебрегаютъ, какъ ничего не значущую, чѣмъ различаются отъ такихъ людей, которые стараются объ устройствѣ орудій, а въ искусствѣ, дѣйствующемъ сими орудіями, не усовершаются? Итакъ, заключаетъ святый Василій Великій, надлежитъ укрощать и удерживать въ повиновеніи тѣло, какъ удерживаютъ стремленіе какого либо звѣря, возбуждаемыя имъ въ душѣ смятенія усмирять умомъ, какъ бичемъ, и заботясь о духѣ, не давать воли страстямъ, дабы онѣ не увлекли его, подобно какъ необузданные и разъяренные кони увлекаютъ всадника. Здѣсь прилично упомянуть, говоритъ великій святитель, о Пиѳагорѣ: узнавъ, что одинъ изъ его знакомыхъ тѣлесными упражненіями и явствами болѣе и болѣе приращаетъ свою тучность, онъ сказалъ ему: перестанешь ли ты дѣлать темницу свою часъ отъ часу несноснѣе? по этой причинѣ, замѣчаетъ святый отецъ, говорятъ и Платонъ, зная вредъ, происходящій отъ тѣла, нарочно избралъ для академіи не очень здоровое мѣсто въ Аттикѣ, дабы отнять отъ тѣла излишекъ здравія, какъ отнимаютъ лишніе сучья винограда. А я слышалъ отъ врачей, добавляетъ святый отецъ, что чрезмѣрное здоровье даже опасно“ [39]). Но если отвлеченное

[38]) Римлянамъ XIII, 14. [39]) Творенія святаго Василія Великаго.

мышленіе требуетъ нѣкотораго ограниченія и подавленія чувственности съ ея разсѣивающимъ вліяніемъ, то особенно это требуется для умнаго созерцанія и умной, или духовной молитвы, тѣмъ болѣе что предметомъ ихъ служитъ существо нечувственное, высочайшее, святѣйшее, безусловное. Такой объектъ созерцанія необходимо требуетъ не только свободы отъ давленія разсѣявающихъ чувственныхъ пожеланій, но и положительной нравственной чистоты, потому что по слову Спасителя, только „чистіи сердцемъ Бога узрятъ“. Отсюда естественно должно проистекать строгое и даже суровое отношеніе къ чувственности, постоянная борьба съ нею, какъ представляющею помѣху для сосредоточеннаго, чистаго и напряженнаго созерцанія. Однако, цѣлью этой борьбы съ чувственностью должно служить одухотвореніе, такъ сказать, плоти, т. е. приведеніе ея въ такое состояніе, въ которомъ она, по крайней мѣрѣ не могла бы мѣшать паренію духа, напряженному умному созерцанію и умной, или духовной молитвѣ. Но здѣсь однимъ изъ важныхъ препятствій служитъ мыслящая сила. Человѣку мыслить столь же естественно, какъ и солнцу свѣтить. Умъ движется впередъ подъ вліяніемъ какого-то невидимаго и неодолимаго влеченія. Остановить его дѣятельность никто не въ состояніи, но управлять имъ должно. Главное зло для ума—это суетныя, пустыя мысли. Въ письмахъ путешественниковъ мы читаемъ, что въ жаркихъ странахъ часто налетаютъ такія тучи саранчи, что онѣ закрываютъ отъ путешественника солнечный свѣтъ и бросаютъ темную и холодную тѣнь. Тоже бываетъ и въ умѣ. Тучи суетныхъ мыслей постоянно носятся надъ умами людей, пересѣкаютъ лучи истины на ихъ пути къ сердцу и, такимъ образомъ, дѣлаютъ сердце чуждымъ добродѣтели; или, подобно стаѣ птицъ, налетѣвшихъ на недавно засѣянное поле, крылатыя мысли спускаются на сердце и выклевываютъ тѣ драгоцѣнныя сѣмена, которыя посѣяны въ немъ рукою небеснаго Сѣятеля и которыя принесли бы обильные плоды.

Для того, чтобы освободиться отъ такого состоянія и

получить божественный свѣтъ и истину необходимо, по ученію святыхъ отцевъ, вступить въ брань съ своимъ воображеніемъ и бороться съ нимъ всѣми силами, чтобы „обнажить“ умъ свой отъ всякихъ видовъ, цвѣтовъ и очертаній и вообще отъ всякаго воображенія и памяти чувственныхъ вещей, какъ хорошихъ, такъ и худыхъ, потому что, „все такое есть запятнаніе и затемнѣніе чистоты и свѣтлости ума, одебелѣніе его безвещественія и проводникъ къ отрастенію ума“, такъ какъ ни одна почти страсть душевная и тѣлесная не можетъ подступить къ уму иначе, какъ чрезъ воображеніе соотвѣтственныхъ имъ вещей чувственныхъ. Поэтому, необходимо хранить свой умъ безцвѣтнымъ, безъобразнымъ, безвиднымъ и чистымъ, какъ создалъ Богъ. Но достигнуть этого возможно лишь возвративъ умъ свой въ себя, заключивъ его въ тѣсномъ мѣстѣ своего сердца, и всего внутренняго человѣка, и научивъ его неотходно пребывать тамъ, внутри, внимая себѣ, себя разсуждая, наипаче же Бога созерцая и въ Немъ упокоеваясь. Подобно тому какъ змѣй, когда нужно ему бываетъ бросить старую кожу свою, идетъ и съ усиліемъ протискиваетъ себя сквозь какой-либо тѣсный проходъ, какъ говорятъ „естествословы“, такъ и умъ, чрезъ тѣснины сердца и умной въ сердцѣ молитвы протискиваясь, совлекается одежды воображенія чувственныхъ вещей и недобрыхъ чувственныхъ впечатлѣній, дѣлается чистымъ, свѣтлымъ и годнымъ къ единенію съ Богомъ, ради подобія Ему, какое воспринимаетъ чрезъ это. Или, — какъ вода, чѣмъ больше утѣсняется въ тѣсныхъ проходахъ, тѣмъ сильнѣе напираетъ и быстрѣе устремляется вверхъ, такъ и умъ, чѣмъ болѣе стѣсняется сокровеннымъ въ сердцѣ поученіемъ и себѣ вниманіемъ, тѣмъ дѣлается утонченнѣе и сильнѣе и, устремляясь горѣ, тѣмъ недоступнѣе бываетъ для всякой страсти и всякаго прилога помысловъ, и для всякаго образа вещей, не только чувственныхъ, но и мысленныхъ, такъ какъ онѣ въ такомъ случаѣ остаются внѣ и внутрь войти не могутъ. Или какъ лучи солнца, будучи разсѣяны въ воздухѣ и разъединены другъ съ другомъ,

бываютъ не такъ свѣтлы и теплородны, будучи же сосредоточены въ одну точку посредствомъ извѣстныхъ стеколъ, даютъ ослѣпительный свѣтъ и зажигательную теплоту, такъ и умъ, будучи собранъ въ центрѣ сердца себѣ вниманіемъ и сокровеннымъ поученіемъ, дѣлается свѣтоноснымъ и попалительнымъ, тьму вещественную и страстную разгоняющимъ и всякіе такого рода образы и движенія уничтожающимъ“ [40]). Святый Симеонъ юродивый и признавалъ умъ царемъ надъ страстями. Въ самомъ дѣлѣ, безъ умственнаго бодрствованія невозможно изгладить изъ души всѣ слѣды и остатки прежде воспринятыхъ впечатлѣній, возбуждающихъ и питающихъ страсти. Только непрерывною борьбою съ изгнаніемъ изъ души страстныхъ чувствъ можно стяжать себѣ вѣнецъ побѣды, и не дать діаволу играть своею душою, какъ мячикомъ, который старается держать человѣка въ страстномъ настроеніи, перебрасывая вниманіе отъ одного воспоминанія на другое и подъ ними шевеля пожеланія и страсти [41]).

Вотъ какой смыслъ можно усматривать въ символическомъ дѣйствіи святого юродиваго Симеона.

Значитъ, святые юродивые умъ свой пріучали къ борьбѣ съ страстями и старались развить его такъ, чтобы въ ихъ сердцѣ вкоренился вкусъ и навыкъ только къ тому, что раскрывало предъ ними Бога, а не къ тому, что льститъ чувственности, раздражаетъ ее, направляли умственныя силы къ тому, чтобы навсегда утвердить себя въ томъ, что свято и праведно, что питаетъ благочестіе и возбуждаетъ умиленіе и благоговѣніе къ Творцу и Промыслителю, Искупителю и Освятителю всего существа человѣка.

Такимъ образомъ, святые юродивые старались казаться и казались прежде всего не такими, каковы они были на самомъ дѣлѣ. Сообразно ли это съ достоинствомъ разумной человѣческой природы?

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что скрытность, ко-

---

[40]) Невидимая брань. Москва, 1892 г., стр. 113, 114. [41]) Невидимая брань, стр. 119.

торая внутреннюю срамоту хочетъ прикрыть благовиднымъ покровомъ, во всякомъ случаѣ отвратительна. Но несомнѣнно и то, что скрытность святыхъ юродивыхъ совсѣмъ другого рода. Основаніе скрытности ихъ, какъ видѣли, отчасти лежало въ глубокомъ смиреніи, которое на самой высшей ступени нравственнаго совершенства представляетъ себя ниже всѣхъ. Совмѣстность съ нашею природою такого рода скрытности не подлежитъ никакому сомнѣнію. Сознаніе собственнаго ничтожества и недостоинства предъ Богомъ естественно человѣку, — и когда сознаніе это доходитъ до высшей степени, тогда человѣкъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ будетъ видѣть одни только недостатки. Если Богъ и въ ангелахъ усматриваетъ нѣчто стропотное [42]), то тѣмъ болѣе это есть въ человѣкѣ, даже самомъ благочестивомъ. Усматривая недостатки и въ своихъ добродѣтеляхъ, смиренный подвижникъ благочестія желаетъ, чтобы и другіе также судили о немъ, а отсюда рождается мысль — скрывать отъ взора другихъ свои добродѣтели.

Далѣе, извѣстно, что сѣмя добра въ нашей душѣ гораздо удобнѣе утверждается, растетъ и созрѣваетъ втайнѣ, нежели когда оно выставляется на видъ. Прывычка услаждаться собственными совершенствами и одобреніе другихъ легко могутъ ослабить одно изъ важнѣйшихъ побужденій къ нравственному усовершенствованію себя, — сознаніе собственнаго ничтожества. Человѣкъ тѣмъ сильнѣе возбуждается къ исправленію нравственныхъ своихъ недостатковъ, чѣмъ яснѣе усматриваетъ ихъ. Слѣдовательно, лишь только человѣкъ начнетъ заниматься разсматриваніемъ своихъ совершенствъ и въ тоже время упускать изъ виду свои недостатки, — стремленіе къ нравственному усовершенствованію себя необходимо слабѣетъ, если не совсѣмъ прекращается.

Приложимъ сказанное къ святымъ юродивымъ. Предположимъ, что чувство собственнаго недостоинства и опасеніе, чрезъ обнаруженіе предъ собою и другими своихъ

---

[42]) Іова, XV, 15.

совершенствъ, ослабить въ себѣ стремленіе къ усовершенствованію, были развиты у нихъ до великой степени, и мы должны будемъ признать, что скрытность святыхъ юродивыхъ нисколько не противорѣчитъ достоинству природы человѣческой. Возражая, что многіе съ голубиною кротостію могли открыто возращать въ себѣ сѣмя добра, не имѣетъ силы въ глазахъ того, кто знаетъ, что люди одарены не одинаковыми дарованіями, какъ естественными, такъ и благодатными.

Значитъ, скрытность святыхъ юродивыхъ не можетъ служить основаніемъ того, чтобы считать, „юродство“ противнымъ природѣ человѣческой.

ГЛАВА V.

Видъ физической жизни святыхъ юродивыхъ: скитальческая жизнь, скудость въ одеждѣ, босоножіе, провожденіе жизни внѣ жилищъ или въ непокрытыхъ „хлѣвинахъ“, спанье на голой землѣ. Нравственный смыслъ этихъ лишеній.

Всѣ странности въ образѣ жизни святыхъ юродивыхъ происходили вслѣдствіе отрѣшенности ихъ отъ ума и отъ скрытности; иначе такой образъ жизни не могъ образоваться.

При взглядѣ на жизнь святыхъ юродивыхъ прежде всего бросается въ глаза ихъ скитальческая жизнь. Вступая на подвигъ „юродства“, они покидали все мірское, порывали всякую связь съ родными: святый Симеонъ покидаетъ нѣжно любящую свою мать, святый Андрей пренебрегаетъ своимъ положеніемъ у вельможи для „бѣганія“, святый Прокопій, раздавъ имѣніе свое, поселяется въ Хутынскомъ монастырѣ, а потомъ „юродствуетъ“ въ городѣ, святый Іоаннъ Устюжскій бѣгаетъ по улицамъ полуобнаженный, святый Михаилъ Клопскій пренебрегаетъ своимъ княжескимъ достоинствомъ, святые Николай и Ѳеодоръ Новгородскіе пребывали внѣ отеческаго дома и постоянно ходили по Новгороду, святый Максимъ Московскій, оставивъ свое жилище, родныхъ и близкихъ сердцу, бѣгалъ

по улицамъ Москвы, святый Василій блаженный, оставивъ родъ свой и домъ отеческій ходилъ по улицамъ Москвы, святый Исидоръ Ростовскій, „утаився всѣхъ, изыде изъ дому своего“ и, поселившись въ Ростовѣ, проводилъ дни на городскихъ торжищахъ, святый Прокопій Вятскій, оставивъ родителей своихъ, „хождаше по всякъ день отъ церкви къ церкви, по торгу и по улицамъ“, святый Андрей Тотемскій тоже постоянно странствовалъ, святый Симонъ Юрьевецкій, тайно удалившись отъ родныхъ и знакомыхъ, скитался по полямъ и въ безлюдныхъ мѣстахъ, святый Серапіонъ Синдонитъ тоже не имѣлъ опредѣленнаго пристанища и всегда странствовалъ, святый Виссаріонъ путешествовалъ по монастырямъ [1]).

Чѣмъ объяснить такой образъ жизни святыхъ юродивыхъ? конечно тѣмъ, что сердце ихъ невольно порывалось къ небу. Мысль о вѣчности, гдѣ конецъ всѣмъ превратностямъ, гдѣ ничѣмъ не стѣсняемая жизнь разольется широкою, величественною рѣкою, не встрѣчая никакихъ преградъ въ своемъ теченіи, внушала имъ, гдѣ источникъ надежды и упованія: онъ не на землѣ, но въ предѣлахъ выше земныхъ. Они, конечно, обращая взоры на себя, на свою плоть и пригвожденіе ея къ землѣ, потомъ, возводя ихъ горѣ, и вспоминая, что небо предназначено въ жилище имъ, что вѣчная слава прежде сложенія міра уготована въ ихъ наслѣдіе [2]), всегда вздыхали о лишеніи земныхъ благъ и сокрушали духъ свой и тѣло,—только бы обрѣсти Господа. Святый юродивый Серапіонъ часто сидѣлъ внѣ селенія и горько плакалъ. На вопросъ проходящихъ—о чемъ онъ плачетъ? онъ отвѣчалъ: „господинъ мнѣ поручилъ свое богатство, а я его растратилъ, и онъ хочетъ мучить меня“ [3]). Святый юродивый Виссаріонъ, когда приходилъ въ какой-либо монастырь, то садился у воротъ его и горько плакалъ. На вопросъ братіи: „что ты плачешь? если нуждаешься въ необходимомъ, то дадимъ

[1]) Ковалевскій, стр. 105—272. [2]) Мѳ. XXV, 34. [3]) Кормчій 1895 г. № 19, стр. 284.

тебѣ сколько можемъ, только войди къ намъ", онъ отвѣчалъ: „не могу оставаться подъ кровлею, пока не найду имущества своего. Я различнымъ образомъ лишился великаго имущества: я и попался морскимъ разбойникамъ, и потерпѣлъ кораблекрушеніе, и лишился славы своего рода, изъ знатныхъ сдѣлался незнатнымъ". Когда же ему приносили хлѣба и говорили: „прими это, отецъ, а прочее возвратитъ тебѣ Богъ, по словамъ твоимъ, — отечество, славу рода и богатство", то святый Виссаріонъ еще болѣе плакалъ и громко рыдалъ, приговаривая: не умѣю сказать, могу ли я найти, что потерявъ ищу" [4]). Мысль этихъ рѣчей та, что всѣ силы и способности своей души на землѣ человѣкъ долженъ развивать, образовывать и направлять сообразно съ будущей жизнью, чтобы тамъ, въ небесномъ отечествѣ, не подвергнуться отъ Господа наказанію. Значитъ, святые юродивые, смотря на себя, какъ на странниковъ и пришельцевъ на землѣ, обращали взоръ туда, откуда святыя точки озаряютъ положеніе человѣка въ мірѣ, постоянно стремились къ почести высшаго званія Божія [5]) и въ своей земной жизни шествовали къ горѣ неосязаемой, къ царствію Божію. Богъ одарилъ человѣка, какъ говорили святые Серапіонъ и Виссаріонъ, извѣстными силами и способностями, вложилъ въ его природу извѣстныя потребности и стремленія, чтобы они служили для него и постояннымъ побужденіемъ къ дѣятельности и постояннымъ указаніемъ того, что онъ долженъ дѣлать и какъ поступать,—а способности, чтобы служили для него средствами къ удовлетворенію его истинныхъ стремленій и сдѣлалъ это, конечно, для того, чтобы человѣкъ и былъ такимъ, какимъ онъ созданъ быть, чтобы, выполняя законы своего бытія, онъ былъ именно тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть, согласно съ волею Божіею, которую Богъ имѣлъ при его созданіи.

Стремиться къ достиженію этой цѣли, т. е. быть такимъ, какимъ Богъ создалъ человѣка, стремиться въ теченіи всей

---

[4]) Ковалевскій, стр. 114, 115. [5]) Филипп. III, 14.

жизни къ этому идеалу, есть не только священный и непремѣнный долгъ человѣка, налагаемый на него высочайшею волею Творца, но и источникъ всего счастія и блаженства человѣка. Чтобы выяснить послѣднюю мысль, употребимъ сравненіе. Какъ въ машинѣ все идетъ въ порядкѣ и какъ должно только до тѣхъ поръ, пока она дѣйствуетъ именно такъ, какъ она устроена механикомъ, — а въ противномъ случаѣ, когда она, вслѣдствіе какихъ бы то ни было причинъ, начинаетъ дѣйствовать неправильно, не такъ, какъ слѣдуетъ, и какъ она устроена, она не только производитъ безпорядокъ и вредъ во всемъ, что къ ней соприкасается, но и сама себя разстраиваетъ и повреждаетъ, — такъ точно бываетъ и въ человѣкѣ. Дѣлая не то, что должно дѣлать ему по повелѣнію Божію, поступая не такъ, какъ того требуетъ то духовное богатство, которое дано ему Богомъ — истинныя свойства и потребности, — нарушая т. е. тѣ законы своего бытія, по которымъ онъ долженъ дѣйствовать въ жизни и съ которыми долженъ согласовать всѣ свои поступки, человѣкъ, неизбѣжно, не только нарушаетъ должныя отношенія къ своему я, но производитъ разстройство въ самомъ себѣ, причиняетъ вредъ своей природѣ и, такимъ образомъ, самъ для себя дѣлается источникомъ несчастій и страданій.

Прекрасно сознавая свое предназначеніе къ вѣчному существованію, святые юродивые и взирали на себя, какъ на странниковъ и пришельцевъ на землѣ и на міръ этотъ, какъ на страну пришельствія. Такой взглядъ былъ обыкновеннымъ и у ветхозавѣтныхъ праведниковъ. Такъ, святые патріархи и праотцы и тѣломъ не имѣли постояннаго жилища и духомъ стремились къ тѣмъ будущимъ благамъ, которыя надѣялись имѣть въ обѣтованномъ Искупителѣ. Святый пророкъ Давидъ хотя былъ и царь, но и на престолѣ царскомъ взывалъ ко Господу: „азъ есмь пресельникъ у Тебе и пришлецъ, якоже и отцы наши“ [6]). Такъ и всѣ святые исповѣдывали съ апостоломъ, а святые юро-

[6]) Псаломъ XXXVIII, 13.

дивые и самымъ дѣломъ показывали, что они не имѣютъ здѣсь пребывающаго града, но грядущаго взыскуютъ [7]). Осуществляя въ своей бродячей жизни эти слова святаго апостола Павла, святые юродивые, конечно, сознавали, — а иначе они бы и не вели такой образъ жизни, — что мысль о себѣ, какъ о странникѣ въ мірѣ, презирающемъ все земное, особеннымъ образомъ способствуетъ удерживаться на пути добродѣланія, какъ учитъ объ этомъ и святой апостолъ Петръ: „возлюбленіи, увѣщеваетъ онъ современныхъ ему христіанъ къ чистой и духовной жизни, молю васъ, яко странниковъ и пришельцевъ, огребатися отъ плотскихъ похотей, иже воюютъ на душу“ [8]). Такимъ образомъ, мысль, что всѣ живущіе на землѣ странники и пришельцы, скорѣе всего даетъ понять — сколь враждебны и непріязненны для христіанина „плотскія похоти“ и какъ сильно онѣ воюютъ на душу. Эта мысль, срывая, такъ сказать, благовидную личину съ похотей, воюющихъ на душу, въ тоже время даетъ христіанину силу бороться съ ними. Сила эта заключается въ одной благодати Божіей, но такъ какъ и благодать не дѣйствуетъ тамъ, гдѣ нѣтъ собственныхъ со стороны человѣка усилій идти къ добру и избѣгать зла, то въ собственныхъ усиліяхъ христіанина къ преодолѣнію чувственности, что можетъ быть лучше, какъ не постоянная мысль въ душѣ христіанина о томъ, что міръ — страна для него чуждая, что истинное отечество его на небѣ, что онъ пользуется здѣсь временнымъ пріютомъ.

Одно то размышленіе, что переселившіеся туда святые жили, дѣйствовали и мыслили такъ, одна эта мысль, возникающая у святыхъ юродивыхъ, набрасывала самое мрачное покрывало на всѣ земныя прелести и незамѣтно развивала въ ихъ вкусъ къ вѣчнымъ благамъ, такъ что всѣ они, „оставивъ богатство, славу временную и пищу мимотекущую и мірское достояніе“, устремлялись къ небесному

---

[7]) Евреямъ XIII, 14. [8]) I Петр. II, 11.

отечеству [9]). Вотъ въ какихъ выраженіяхъ святая церковь опредѣляетъ стремленія святыхъ юродивыхъ къ вѣчности: „вышнія красоты желая, нижнія сласти тѣлесныя тощно оставилъ еси, нестяжаніемъ суетнаго міра, ангельское житіе проходя, скончався“, поется въ общемъ кондакѣ святымъ юродивымъ. Эта мысль рельефнѣе высказывается въ икосѣ: „радуйся, премѣнивый тлѣнная и настоящая, надеждою будущихъ благъ“ [10]) и въ свѣтильнѣ: святые юродивые „удалились бѣгая мірскаго сожительства, и Христу сущему надъ всѣми Богу непорочнымъ житіемъ старались благоугодить [11]). Стремленіе къ вѣчности побудило святаго Исидора отвергнуть отеческіе нравы и удалиться „нечестивыхъ сожительства“ [12]), и всѣхъ юродивыхъ имѣть „веліе нестяжаніе“ [13]), чтобы безпрепятственно. „живя съ дольними и ходяй плотію, ступать духомъ и стремиться къ горнему“ [14]).

Удаленная отъ мірскихъ треволненій жизнь всегда уже сопровождается скудостію и нищетою. Эта связь двухъ указанныхъ явленій имѣла мѣсто еще въ языческомъ мірѣ. Классъ кающихся индійцевъ былъ въ одно и тоже время и уединенно живущимъ и нищенствующимъ. Въ эллинскомъ язычествѣ встрѣчалось тоже самое. Послѣдователи Пиѳагора, Сократа и Платона въ ихъ философскихъ общинахъ, съ извѣстною степенью уединенія, соединяли нищенскую бѣдность; отказывались отъ всякаго личнаго имущества. Нѣчто подобное было и въ средѣ іудейскихъ ессеевъ. Жизнь Самого Господа Іисуса Христа представляетъ совершеннѣйшій образецъ истинно аскетической нищеты. полнаго отчужденія отъ всякаго земнаго стяжанія: Онъ говоритъ: „лиси язвины имутъ и птицы небесныя гнѣзда. Сынъ же Человѣческій не имѣетъ гдѣ главы подклонити“ [15]).

И святые юродивые вѣрно слѣдовали Основателю христіанства въ отношеніи къ земнымъ стяжаніямъ. Подражая Ему, они нестяжательность свою довели до высшей степени.

---

[9]) Изъ канона святымъ юродивымъ, общая минея. [10]) Общая минея. [11]) Служба на 8 іюля. [12]) Изъ канона святому Исидору 14 мая. [13]) Изъ стихиръ святому Андрею 2 октября. [14]) Стихира на стиховнѣ, общая минея. [15]) Мѳ. VIII, 20.

Аскетическія ихъ лишенія касаются прежде всего одежды и жилища. Разсмотримъ раздѣльно этотъ физическій видъ подвига „юродства". Предъ юродствованіемъ подвижники совлекались своей одежды и облекались въ рубище. Ношеніе вретища или волосяной рубашки на голомъ тѣлѣ подъ верхними одеждами составляетъ траурный или покаянный обычай, извѣстный съ древнѣйшихъ временъ Ветхаго завѣта; онъ встрѣчается какъ у іудейскаго народа, такъ и восточно-языческихъ народовъ [16]). Наряду съ ношеніемъ вретища употреблялись раздираніе одеждъ, посыпаніе главы пепломъ, сидѣніе на пеплѣ и прахѣ [17]). Вретище, это торжественная траурная одежда Ветхаго Завѣта, въ существѣ дѣла совершенно тоже, что и власяница христіанскихъ отшельниковъ и аскетовъ по ихъ первоначальной формѣ и по значенію. Оба выраженія: вретище и власяница обозначаютъ волосяныя, а никакъ не грубо-холщевыя одежды, въ высшей степени простого покроя; дѣлались онѣ изъ грубой шерстяной матеріи темнаго, а чаще всего—чернаго цвѣта (о цвѣтѣ вретища даютъ понятія слѣдующія мѣста священнаго Писанія: Исаіи L, 3: „я облекаю небеса мракомъ и вретище дѣлаю покровомъ ихъ", Апокалипсисъ VI, 12: „солнце стало мрачно, какъ вретище). Подъ именемъ власяницы (cilitium kilíkia) разумѣется собственно покровъ или одежда, сдѣланныя изъ колючей шерсти киликійскихъ козловъ [18]).

Въ христіанскія времена власяницей обыкновенно называется шерстяная одежда, носимая прямо на голомъ тѣлѣ, причемъ иногда она скрывалась подъ верхнею одеждою. Ношеніе на голомъ тѣлѣ власяницы основывалось на примѣрѣ пророка Иліи и святого Іоанна Предтечи, обыкновенною одеждою которыхъ была власяница изъ верблюжьяго волоса [19]). Съ третьяго вѣка о ней часто упоминаютъ христіанскіе писатели. Святый Кипріанъ внушаетъ падшимъ умилостивлять Бога слезами, уничиженнымъ ле-

---

[16]) У ниневитянъ, Іоны III, 6; Бытія XXXVIII, 34. [17]) 2 Царствъ III, 31; 3 Царствъ XXI, 27; 4 Царствъ XIX, 1; Мѳ. XI, 21; Луки X, 13. [18]) Исаія XX, 2. [19]) Мѳ. III, 4. 4 Царствъ I, 8.

жаніемъ на землѣ, ношеніемъ власяницы. Въ средѣ монашества съ четвертаго вѣка эта же одежда входитъ чуть не въ всеобщее употребленіе. Такъ святый Андрей, послѣ того, какъ его признали сумасшедшимъ и отпустили на волю, „вземъ ножъ, иде на студенецъ, и совлекъ съ себя ризу, раздроби ю на пласты [20]); святый Исидоръ Твердисловъ, рѣшивъ принять на себя подвигъ „юродства", „отъ ризъ совлечеся" [21]). Святый Василій блаженный „ни ризнаго одѣянія на тѣлѣ своемъ ношаше и нагъ хождаше и въ зимѣ и лѣтѣ" [22]); святый юродивый Устюжскій Іоаннъ „пребываше нагъ, точію едино рубище имѣя по чреслѣхъ своихъ. Егда же и въ срачицѣ прилучашеся ходити ему, и онъ ю ветху имѣяше, и никогдаже измовену" [23]); святый Прокопій Устюжскій ходилъ „въ единой ветхой рубищной и раздраной одеждѣ полунагъ сущи, рубищную же носимую одежду имѣяше съ единаго рама спущену и плещи обнажены [24]); святый Іоаннъ Большой Колпакъ по Москвѣ ходилъ почти нагой [25]); святый Георгій Шенкурскій носилъ „гнусную и раздраную ризу, студа ради тѣлеснаго покрывая тѣло свое, якоже достоитъ покрыти [26]); святый Андрей Тотемскій ходилъ въ раздранной одеждѣ [27]); святый Симонъ Юрьевецкій зимою и лѣтомъ имѣлъ одну длинную раздранную рубашку [28]); святый Николай Кочановъ носилъ ветхую одежду, а святый Ѳеодоръ Новгородскій ходилъ полунагимъ, святый Николай Псковскій носилъ длинную рубашку, подпоясанную веревкою: святый Максимъ Московскій почти нагимъ бѣгалъ по улицамъ Москвы; святый Лаврентій калужскій зимой и лѣтомъ ничего не носилъ, кромѣ рубашки и овчиннаго кожуха: святый Прокопій Вятскій всегда рвалъ одежду, которую ему давали носить [29]); святая Исидо́ра „простымъ платомъ сквернавымъ покрываше главу свою" [30]). Иные изъ юродивыхъ носили влася-

[20]) Четьи Минеи октября 2, листъ 10. [21]) Прологъ 14 мая листъ 32 об. [22]) Прологъ августа 2, листъ 5. [23]) Прологъ 29 мая, листъ 68. [24]) Четьи-Минеи 8 іюля, листъ 48. [25]) Кормчій 1895 г. № 26, стр. 367. [26]) Архангельскій Патерикъ 1900 г., стр. 214. [27]) Кормчій № 40, стр. 534. [28]) Кормчій № 44, стр. 582. [29]) Ковалевскій, стр. 183, 195, 202, 206, 251, 255. [30]) Четьи-Минеи 10 мая, листъ 69 об.

ницу какъ напримѣръ: Ѳаддей олонецкій [31]), Исáкій Печерскій [32]).

Подобнаго рода аскетизмъ встрѣчается въ исторіи съ глубокихъ языческихъ временъ. Такъ, индійскіе аскеты еще въ древнюю эпоху извѣстны были тѣмъ, что они лежали или на голой землѣ или прямо на камнѣ безъ всякой одежды, кромѣ того покрова, какой у нихъ состоялъ изъ клочка древесной коры или какой-нибудь шкурки; эти лица назывались гимнософистами. Нагимъ былъ извѣстный циникъ Діогенъ въ своей бочкѣ. Нагими ходятъ нѣкоторые дервиши ислама. Вполнѣ нагими ходили отшельники такъ называемой Скитской пустыни въ Египтѣ; при взглядѣ на нихъ преподобный Макарій Египетскій вынесъ для себя то назиданіе, что при всей суровости своей жизни, онъ еще не дошелъ до той степени въ самолишеніяхъ, до какой дошли эти отшельники. Подобное же повѣствуется объ одной монашеской сектѣ „пасущихся“, жившей въ Месопотаміи. Въ христіанской церкви съ глубокихъ временъ раздаются сильные и непрестающіе голоса, ратующіе за возможную простоту, безпритязательность въ одеждѣ. Климентъ Александрійскій предостерегаетъ отъ пестрыхъ и цвѣтныхъ одеждъ, какъ соблазнительныхъ, ласкающихъ взоръ. Тертулліанъ говоритъ о внѣшнихъ украшеніяхъ, въ особенности женщинъ, святый Іоаннъ Златоустъ извѣстенъ своими обличеніями по части одеждъ. Совѣты великихъ мужей христіанской древности принимались во вниманіе, и нѣкоторые изъ членовъ христіанскаго общества доводили слѣдованіе имъ свое до высшей степени, какъ видно на примѣрахъ святыхъ юродивыхъ; они буквально осуществляли слова святого апостола Павла: „скитаемся, наготуемъ“ [33]).

Отказывая себѣ въ одеждѣ, святые юродивые считали возможнымъ обходиться и безъ всякой обуви; почти всѣ они (за исключеніемъ Исаакія Печерскаго и Авраамія Смоленскаго) и зимою и лѣтомъ ходили босикомъ. Босоножіе

---

[31]) Русскій Паломникъ 1895 г. № 36, стр. 571. [32]) Кіево-печерскій Патерикъ. [33]) 1 Коринѳянамъ IV, 11.

извѣстно съ древности. Оно основывалось прежде всего на нѣкоторыхъ очень извѣстныхъ примѣрахъ изъ ветхаго завѣта; такъ, Моисею велѣно было снять обувь [34]), Давидъ босой спасается бѣгствомъ отъ Авессалома [35]), а пророку Исаіи повелѣно было снять сандаліи [36]). Въ богослужебной практикѣ язычниковъ босоножіе тоже встрѣчается нерѣдко, напримѣръ, при совершеніи жертвъ въ обществѣ пиѳагорейцевъ, при молитвенныхъ воззваніяхъ у римлянъ. Въ христіанской же древности встрѣчаемъ какъ увѣщанія къ босоножію, такъ и практику того же рода. Климентъ Александрійскій въ числѣ нравственныхъ предписаній, необходимыхъ для мужчины, поставляетъ и совѣтъ ходить безъ обуви. Онъ высказываетъ мнѣніе, что самое приличное дѣло для мужчины совсѣмъ не носить обуви, за исключеніемъ военной службы, такъ какъ привязываніе къ ногамъ сандалій есть, по его мнѣнію, дѣло постыдное и унизительное, признакъ рабства, подобно тому, какъ цѣпочки на ногахъ женщины—постыдны, противъ которыхъ вооружался святый пророкъ Исаія [37]). И дѣйствительно, объ ученикѣ Климента, Оригенѣ извѣстно, что онъ въ продолженіе многихъ лѣтъ ходилъ босой.

Святый Кассіанъ вотъ какія основанія представляетъ для босоножія: онъ говоритъ, что босоножіе предписываетъ самъ Іисусъ Христосъ Своимъ апостоламъ, когда заповѣдуетъ имъ не брать съ собою „ни двою ризу, ни сапогъ“ [38]); но въ данномъ случаѣ Христосъ воспрещалъ только апостоламъ брать съ собою запасную обувь, повелѣвая довольствоваться одною обувью: „заповѣда имъ быть обувени въ сандалія“ [39]). Существовали цѣлыя общества босоногихъ (рудипедалы, упоминаемые блаженнымъ Августиномъ, англійскіе лолларды, требовавшіе, чтобы всѣ обязательно ходили безъ обуви). Вообще надо сказать, обычай ходить босикомъ при извѣстныхъ случаяхъ, напримѣръ, во время эпитеміи, въ крестныхъ ходахъ, въ путешествіяхъ ко свя-

[34]) Исход. III, 5. [35]) 2 Царствъ XV, 30. [36]) XX, 2. 4. [37]) III, 16. 18. [38]) Матѳея X, 10; Луки X, 4. [39]) Марка VI, 9.

тымъ мѣстамъ, — считался всегда почтеннымъ. Извѣстно, что сами царственныя особы не пренебрегали этимъ обычаемъ (напримѣръ Ѳеодосій Великій). Словомъ, считалось вполнѣ достохвальнымъ, если кто, препобѣждая холодъ и трудности пути, ходилъ босой, въ видахъ угожденія Богу. И святые юродивые въ этихъ же цѣляхъ лишали себя обуви и, можно предполагать, что они стремились осуществить дѣятельно толкованіе Кассіаново еванг. Матѳея X, 10 и своимъ босоножіемъ выразить всегдашнюю покаянную настроенность своего духа.

Смыслъ и цѣль аскетическихъ лишеній святыхъ юродивыхъ въ одеждѣ и обуви выражена ясно и раздѣльно въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ: „егда озарился еси Духомъ божественнымъ, поется въ стихирѣ на стиховнѣ святому Василію, тогда міра вся красная отверглъ еси: ничтоже на тѣлѣ твоемъ носилъ еси отъ тлѣнныхъ одѣяній, наготою тѣлесною Христу работая, желая блаженства вѣчнаго“ [40]; „егда совлеклся еси тлѣнныхъ одѣяній, тогда облеклся еси въ новаго человѣка, обновляема Христовою кровію, отлагая ветхая мудрованія, задняя забывая, на предняя простираяся“ [41]; „всѣхъ земныхъ вещей житія сего суетнаго свободенъ былъ еси“, „въ народѣ нагъ ходилъ не срамляяся, яко же отъ чрева матерня изшелъ“ [42]; „презрѣвъ плотская одѣянія, процвѣлъ яко кринъ сельный, одѣявся добродѣтельми яко ризою свѣта и наготою тѣла послѣдовалъ еси Христу“; „все отложь мірское мудрованіе, потеклъ еси радуяся въ слѣдъ Христа Бога, Ему же во всемъ животѣ твоемъ неложно работая, показалъ еси труды и подвиги, и убѣлилъ еси ризу душевную, снѣга бѣлѣйши, да во всемъ послушливъ бывъ Христу“ [43]), поется въ службѣ святому Василію.

Что же касается аскетическихъ лишеній святыхъ юродивыхъ въ жилищахъ, то они были прямо поразительны. Святый Андрей „въ толикомъ градѣ (Царь-градѣ) посредѣ

---

[40]) Минея 2 августа. [41]) Тамъ же. [42]) Стихира на литіи 2 августа. [43]) Стихира на хвалитехъ августа 2.

множества людей живя, не имѣ гдѣ главы приклонити: нищіи бо его отъ кущъ своихъ прогоняху, богатіи во дворы своя не пускаху. И егда нужда бѣ уснути и упокоити мало многотрудное тѣло, смотряше, гдѣ же пси на сметищи лежатъ, и между ими полагашеся, и никогда подъ кровомъ ночи, но всегда на стужи и знои, на гноищахъ, и въ блатѣ валяшеся“ [44]); святый Серапіонъ Синдонитъ не имѣлъ нигдѣ никакого пристанища: „ни въ храминѣ покровеннѣй когда сидѣти или почити хотяше“ [45]); святый Симеонъ „имѣяше себѣ хлѣвину покоя ради, паче же нощныхъ ради молитвъ [46]); святый Исидоръ Твердисловъ въ Ростовѣ устроилъ себѣ „кущу въ хврастіи, непокровенну, на мѣстѣ сусѣ во градѣ, среди блатца нѣкоего порога: и отъ многаго труда покой во дни тѣлеси своему пріимаше на улицахъ градскихъ, на гноищахъ, или на сметіи, или въ своей кущи тѣло свое на землю пометаше, и тамо мало сна пріимаше“ [47]); блаженный Іоаннъ Устюжскій пребывалъ близъ соборныя церкви Пресвятыя Богородицы честнаго ея Успенія, „въ хижинѣ стражилищной, а почиваше на гноищѣ“ [48]); святый Прокопій Устюжскій „начáстѣ у церкви соборныя Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успенія, на паперти, въ зимѣ и лѣтѣ пребываше, и егда хотяше себѣ отъ труда покой обрѣсти и почити, тогда на улицахъ, на гноищи, или на сметищи, и въ непокровеннѣй храминѣ пометаше себе на голѣ“ [49]); святый Ѳеодоръ Новгородскій не имѣлъ постояннаго жилища, а находился всего болѣе на церковныхъ папертяхъ [50]).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что ветхое раздранное рубище служило юродивымъ одеждою, и то не всегда и не для всего тѣла; но они отлагали иногда и этотъ бѣдный покровъ наготы; большую часть жизни проводили подъ открытымъ небомъ; городскія торжища, паперти церквей были обыкновеннымъ ихъ пріютомъ, гноища—мѣстомъ краткаго покоя

---

[44]) Четьи-Минеи октября 2, листъ 11. [45]) Ковалевскій, стр. 105. [46]) Четьи-Минеи іюля 21, листъ 152 об. [47]) Прологъ 14 мая, листъ 33. [48]) Прологъ 29 мая, листъ 68. [49]) Прологъ 8 іюля, листъ 5. [50]) Русскій Паломникъ 1892 г. № 27, стр. 418.

отъ усталости. Таковъ видъ физической жизни святыхъ юродивыхъ.

Далѣе, аскетическія лишенія святыхъ юродивыхъ касались также и постели, которая есть, такъ сказать, ночная одежда, а вмѣстѣ съ нею и сна. Попытки, если не вполнѣ искоренить въ себѣ потребность во снѣ и ночномъ отдыхѣ, то по крайней мѣрѣ, сколько возможно ограничить удовлетвореніе этой потребности, попытки этого рода древни. Уже Гомеръ упоминаетъ объ одной древне Пелазгической жрицѣ Юпитера въ Додонѣ, что она ходила неумытыми ногами и спала на голой землѣ. Александръ Македонскій съ своими спутниками не только видѣлъ Діогена въ Коринѳѣ, лежащаго на жесткой землѣ предъ своей бочкой, но и встрѣчалъ на Востокѣ не мало индійскихъ аскетовъ, которые ложились или на раскаленномъ пескѣ, или на острыхъ камняхъ и которые, притомъ еще, наваливали себѣ камни на спину. О новѣйшихъ индійскихъ аскетахъ современные путешественники разсказываютъ, что они день и ночь бродятъ по обширнымъ раскаленнымъ отъ солнечнаго жара скалистымъ равнинамъ, или же зарываются въ землю, такъ что едва можно примѣчать ихъ дыханіе, или же обнаженные лежатъ на терновыхъ подстилкахъ; нѣкоторые изъ нихъ ложатся на ужасную постель, состоящую изъ желѣзныхъ острыхъ спицъ. Подобнаго рода формы аскетическаго самоистязанія встрѣчаются и среди святыхъ юродивыхъ. Такъ, блаженный Іоаннъ Устюжскій спалъ въ печкѣ на раскаленныхъ угольяхъ, что видѣлъ священникъ Григорій [51]). Чтобы отогнать сонъ святые юродивые цѣлыя ночи простаивали на молитвѣ въ своихъ убогихъ „хлѣвинахъ“ или на холодныхъ папертяхъ церковныхъ или на снѣгу (святый Симонъ Юрьевецкій); святый Симеонъ „по вся нощи въ молитвѣ пребываше до утрени“ [52]); святый Ѳеодоръ Новгородскій „днемъ ходя по стогнамъ града, творяше юродство, нощію же моляся Богу о избавленіи

---

[51]) Ковалевскій, стр. 174. [52]) Четьи Минеи 21 іюля, листъ 152 об.

града отъ огненнаго запаленія“ [53]; святый Исидоръ Твердисловъ „въ нощи непрестанно молитву возсылаше къ Богу и въ своей хврастной хижѣ всю нощь безъ сна въ молитвахъ, и въ слезахъ, и въ колѣнопреклоненіи пребываше“ [54], или же ложились спать на голой землѣ. Про святого Прокопія Вятскаго разсказывается, что онъ „пріимаше покоя своему тѣлеси овогда на улицахъ градскихъ, овогда за градомъ на гноищахъ, имѣя себѣ одръ—землю, а покровъ—небо“ [55], святый Виссаріонъ спалъ или сидя или стоя [56]. Первоначально въ древности такой способъ провожденія ночи предписывался грѣшникамъ въ знакъ покаянія и былъ тождественъ съ возлежаніемъ во вретищѣ и на пеплѣ и прахѣ, о чемъ говоритъ Библія [57]; но уже съ древнѣйшихъ временъ христіанства спанье на голой землѣ стало обыкновеннымъ явленіемъ въ средѣ наиболѣе строгихъ аскетовъ (Антоній Великій, Іаковъ Низибійскій, Ефремъ Сиринъ и др.). Не довольствуясь тѣмъ, чтобы дѣлать сонъ какъ можно менѣе покойнымъ и лишать его подкрѣпляющаго дѣйствія на человѣка, святые юродивые, употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы сколько возможно ограничить продолжительность сна и этого достигали чрезъ удлиненіе ночныхъ молитвъ (святый Симеонъ).

Евстафій Солунскій, перечисляя виды подвижничества въ Греціи, указываетъ, между прочимъ, на такихъ подвижниковъ, черты которыхъ всѣ соединились въ внѣшней жизни святыхъ юродивыхъ: „οἱ γυμνῆται“ — ходившіе нагишомъ; „οἱ τῶν τριχῶν ἀνεπίστροφοί“ — нечесы, космачи, гривачи; „χαμαιεῦναι“ — землепостельники; „ῥύπωνες“ — грязноноги; „ἔκοντες κατὰ πάντος τοῦ σώματος ῥῦπος“ — имѣющіе грязь по всему тѣлу [58].

Тяжелая обстановка внѣшней жизни не была неблагопріятной святымъ юродивымъ для нравственнаго ихъ раз

[53] Николо-Кочановская церковь, Новгородъ 1865 г., стр. 6. [54] Прологъ 14 мая, листъ 33. [55] Житіе святыхъ Трифона и Прокопія. Вятка. 1886 г., стр. 41. [56] Ковалевскій, стр. 112. [57] 2 Царствъ III, 31; 3 Царствъ XXI, 27; 4 Царствъ XIX, 1; Матѳея XI, 21; Луки X, 13. [58] Голубинскій. Церковная исторія томъ I вторая половина, гл. VI, Москва; 1881 г., стр. 549, примѣчаніе 3.

витія. То вѣрно, что подъ холодомъ полюса сжимается какъ то сердце, а подъ жаромъ экватора испаряется мысль, но то ложно, что внѣшняя неприглядная обстановка въ нравственномъ отношеніи подавляетъ зачастую высокія, свѣтлыя мысли и нѣжныя чувства. Святые юродивые всею своею жизнью краснорѣчиво говорятъ именно о томъ, что въ неприглядной житейской обстановкѣ, можно сохранить „цѣлымъ умъ“ и достигать того совершенства, къ которому обязанъ стремиться человѣкъ, простирая свою нѣжную любовь на всѣхъ ближнихъ добрыхъ и злыхъ и открывая свое любящее сердце для такихъ людей, которыхъ міръ презираетъ (блудницъ). Но объ этомъ рѣчь впереди. Теперь же стоитъ на очереди вопросъ—чѣмъ объясняется оригинальность физической жизни святыхъ юродивыхъ, замѣчаемая въ ихъ постоянномъ бродяжничествѣ, въ босоножіи, въ полномъ почти и постоянномъ отреченіи отъ всякой одежды, въ самолишеніяхъ касательно ночного отдыха, въ спаньѣ на голой землѣ? нравственное духовное совершенство—главная существенная цѣль жизни человѣка: „будите совершени“, говоритъ Спаситель, „якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть“ [59]); „мы созданы“, по слову апостола, „на дѣла благая, да въ нихъ ходимъ“ [60]), „Бога бойся, и заповѣди Его храни: яко сіе есть всякъ человѣкъ“ [61]), т. е. въ этомъ состоитъ сущность жизни человѣка—безъ этого человѣкъ какъ бы не человѣкъ. Но добродѣтель, составляющая истинное совершенство и цѣль жизни человѣка есть не столько естественная, совершаемая по однимъ побужденіямъ разума и совѣсти и по ихъ указаніямъ, сколько христіанская, содѣваемая по духу евангелія. Эта добродѣтель, какъ видѣли, есть посильное, но усердное стремленіе къ богоподобію. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ по самой природѣ своей предназначенъ къ богоподобію, о чемъ ясно засвидѣтельствовано въ 26-мъ стихѣ 1-й главы книги Бытія; приступая къ сотворенію человѣка, Богъ сказалъ: „сотворимъ человѣка по образу Нашему и

---

[59]) Матѳея V, 48. [60]) Ефесеямъ II, 10. [61]) Екклезіастъ XII, 13.

по подобію". Созданный по образу Божію, человѣкъ естественно долженъ стремиться къ своему Первообразу, болѣе и болѣе уподобляться Ему, восходя отъ подобія къ преподобію истины и правды [62]). Іисусъ Христосъ стремленіе къ богоподобію ближе и яснѣе указалъ, какъ говорили, въ стремленіи къ подражанію Ему, и вотъ святые юродивые, какъ вѣрные исполнители евангельскаго закона, въ точности исполняютъ слова Христовы, богатому юношѣ сказанныя: „иди, продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ и гряди въ слѣдъ Мене" [63]). Святый Прокопій Устюжскій раздаетъ все богатство нищимъ и начинаетъ юродствовать [64]); святый Аврамій Смоленскій по смерти своихъ родителей „оставшаяся послѣ ихъ имѣнія раздаде святымъ церквамъ, и монастыремъ и нищимъ, самъ же сотворися единъ отъ нищихъ" [65]); святый Ѳеодоръ Новгородскій оставляетъ для Господа—села, имѣніе, множество рабовъ и покидаетъ домъ родительскій съ его великими богатствами [66]); святый Максимъ Московскій оставляетъ жилище, родныхъ [67]); святый Іоаннъ Московскій (Большой Колпакъ) „остави красоту міра" [68]). Краснорѣчивымъ подтвержденіемъ того, что святые юродивые на дѣлѣ осуществляли заповѣди и совѣты евангельскія, служитъ случай, бывшій съ святымъ Серапіономъ: когда однажды онъ встрѣтился съ нищимъ, который дрожалъ отъ холода, то, остановившись, подумалъ: „меня почитаютъ постникомъ и исполнителемъ Христовыхъ заповѣдей, между тѣмъ я ношу одежду, а этотъ нищій—рабъ Христовъ погибаетъ отъ холода. По истинѣ, какъ убійца, буду осужденъ въ день страшнаго суда, если не покрою наготы его и попущу ему умереть отъ холода". Тотчасъ онъ снялъ съ себя „синдонъ" свой и отдалъ нищему; потомъ, сѣлъ нагой на распутіи, держа въ рукахъ евангеліе. Въ то время одинъ знакомый, проходя мимо его, спросилъ: „отецъ Серапіонъ, кто обнажилъ тебя?" Святый подвижникъ, указавъ на евангеліе, сказалъ: „оно раздѣло меня".

---

[62]) Ефесеямъ IV, 24. [63]) Матѳея XIX, 21. [64]) Изъ канона 8 іюля, 3 пѣснь. [65]) Четьи-минеи 21 августа л. 99. [66]) Ковалевскій, стр. 185. [67]) Ковалевскій, стр. 206. [68]) Тамъ же, стр. 234.

Потомъ, святый Серапіонъ увидѣлъ, что мимо него ведутъ должника въ темницу; сжалившись надъ нимъ и не имѣя, что дать ему, онъ продалъ евангеліе и отдалъ тому человѣку деньги для уплаты долга. Послѣ того, какъ святый Серапіонъ пришелъ въ келлію, ученикъ спросилъ его: „гдѣ евангеліе?“ старецъ сказалъ: „сынъ мой! оно постоянно твердило мнѣ: продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ, я послушалъ и сдѣлалъ такъ, чтобы за послушаніе получить дерзновеніе предъ Богомъ [69]).

Такой образъ жизни есть самый совершеннѣйшій по идеѣ святаго Василія Великаго, который говоритъ: „то общеніе жизни называю совершеннѣйшимъ, изъ котораго исключена всякая собственность“ [70]). Жизнь святыхъ юродивыхъ вполнѣ согласовалась съ этими словами великаго учителя. Они рѣшительно ничего не имѣли: въ хижинѣ святаго Симеона „не бѣ ничтоже, токмо бремя лозія“ [71]); святый Исидоръ Твердисловъ „не имѣяше у себе ничтоже въ хижинѣ своей, но токмо свое тѣло, и округъ его хврастіе, и то непокровено“ [72]); святый Михаилъ Клопскій „въ келліи ничтоже имѣяше, ни ризъ, ни рогожи, но токмо едину ризу, ею же тѣло покрываше“ [73]). Нестяжательность святыхъ юродивыхъ простиралась до того, что они работали даромъ или же получаемыя деньги отдавали обратно: такъ поступалъ святый Симонъ Юрьевецкій [74]): работая у крестьянъ за плату, онъ всегда являлся за полученіемъ ея, но платы никогда не бралъ, какъ неразумный; святый Іоаннъ Устюжскій „ничтоже отъ кого взимаше“ [75]); когда нѣкто богачъ, у котораго пропало 500 златницъ предлагалъ святому Симеону деньги за указаніе вора, то послѣдній отказался: „не хощу злата“ [76]); святый Андрей Тотемскій не беретъ денегъ отъ старшины дикарей Ажбаки за исцѣленіе глазъ его [77]). Серапіонъ Синдонитъ

---

[69]) Ковалевскій, стр. 106, 107. [70]) Творенія святаго Василія Великаго часть V, стр. 427. [71]) 21 іюля Четьи-Минеи, листъ 152. [72]) Прологъ 14 мая, листъ 33. [73]) Прологъ, 11 января, листъ 27. [74]) Ковалевскій, стр. 263. [75]) Прологъ, 29 мая, листъ 68. [76]) Четьи-Минеи, 21 іюля, листъ 151 об. [77]) Кормчій 1895 г. № 40, стр. 534.

отдаетъ обратно заработанныя деньги язычникамъ-комедіантамъ и нѣкоему лакедемонскому мужу [78]).

Такимъ образомъ, видно, что святые юродивые, желая слѣдовать за Христомъ, прежде всего исполняли Его совѣтъ о нестяжательности, чтобы безъ смущеній и заботъ посвятить себя служенію Богу. Приступая работать Богу, они прежде всего порывали связь съ міромъ и имуществомъ, какъ бы умирали для міра. Но какимъ образомъ могла возникнуть у нихъ мысль о такомъ крайнемъ нестяжаніи, выражающемся въ босоножіи, въ лишеніи одеждъ и пр.? Объясненіе этого найдемъ опять въ назначеніи человѣка. Жизнь духовная—дѣятельное приближеніе къ Богу, направленное къ вѣчному единенію съ Нимъ въ будущей жизни. Къ чему бы человѣкъ ни привязывался на землѣ, какъ бы сильно ни порабощала его чувственность, какія бы мечтательныя ни питалъ онъ желанія и какъ бы ни былъ счастливъ въ ихъ достиженіи,—ничто земное и временное его не удовлетворитъ. Это внутреннее недовольство настоящимъ и земнымъ служитъ несомнѣннымъ признакомъ того, что неизгладимо въ человѣческой душѣ стремленіе къ вѣчному, небесному. Путь туда—дѣятельная любовь къ Богу. Стремленіе и любовь почти одно и тоже, потому что, вѣдь, мы не стремимся къ тому, чего не любимъ, но нельзя не стремиться къ тому, что любимъ. Любовь, когда она движетъ умомъ и волею человѣка, даетъ свое направленіе и внѣшнимъ его дѣйствіямъ, тогда она есть дѣятельная любовь, которая и возводитъ человѣка къ Богу. Общій и обязательный законъ этой любви тотъ, чтобы ничего не поставлять для себя выше Бога, ничего на землѣ и въ мірѣ не предпочитать Ему, ни къ чему не прилѣпляться больше Его [79]). Это исканіе Бога и „прилѣпленіе“ къ Нему можетъ имѣть различныя степени. „Чѣмъ болѣе кто любитъ, говоритъ у святаго Григорія Богослова олицетворенная чистота, тѣмъ постояннѣе смотритъ на любимаго. И я, возлюбивъ Христа, оставила здѣшнюю жизнь и не могу

---

[78]) Кормчій № 44, стр. 582. [79]) Луки XIV, 26; Матеея X, 37.

обращать взоровъ на иные предметы“ [80]). „Сильно желающіе правды Божіей возносятся благочестивыми помыслами надъ всѣмъ видимымъ и въ радости живутъ съ ангелами превыше земли [81]). Вотъ что побуждало святыхъ юродивыхъ доводить нестяжательность до крайнихъ предѣловъ. Прекрасно сознавая безполезность мірской суеты, они отрекались отъ міра и жили въ немъ, какъ странники. „Кая польза намъ можетъ быти отъ суеты мірскія, говорилъ святый Симеонъ другу своему Іоанну предъ отреченіемъ отъ міра, и кую помощь обрящемъ отъ богатствъ въ день судный; не паче ли и повредятъ насъ, такожде и юность наша, и доброта тѣлесная. еда ли всегда пребудетъ; не измѣнится ли старостію; и не погибнетъ ли смертію; нѣсмы же извѣстны, дождемся ли старости; ибо и юніи, нечающіи смерти, умираютъ“ [82]). Значитъ, нестяжательность святыхъ юродивыхъ вызывалась ихъ желаніемъ свободно работать Господу. И дѣйствительно, по ученію святыхъ отцовъ, „о житейскихъ вещехъ пекущійся помыслъ имый, нѣсть свободенъ: попеченіемъ бо о сихъ содержимь есть и порабощаемь. аще о себѣ самомъ печется сими, аще о инѣхъ. Свободный же отъ сихъ, ни о себѣ самомъ, ни инѣхъ ради попечется о житейскихъ. Богоугоднѣ же вся творя и содѣвая, безъ попеченія во всѣхъ вещехъ пребудетъ, и во всемъ житіи“. говоритъ преподобный Симеонъ новый Богословъ [83]). „Подобно тому какъ песокъ, брошенный въ огонь гаситъ послѣдній, такъ точно и попеченія житейскія и всякое земное пристрастіе теплоту сердца истребляютъ“ [84]). „Если кто, говоритъ тотъ же святый Симеонъ новый Богословъ, отъ навыкновенія и желанія чувственныхъ отторже душу свою, и съ Богомъ связа сію, не точію и стяжанія и пѣнязи свои презритъ, и яко о чуждихъ и странныхъ лишаемь сихъ, не будетъ печалиться, но по слову апостола, будетъ обновляться внутренно [85]).

---

[80]) Творенія святаго Григорія Богослова, часть V, стр. 71. [81]) Слова преподобнаго Нила Синаита изъ письма къ Ѳеоклу. [82]) Четьи-Минеи, 21 іюля, листъ 140 об. [83]) Добротолюбіе, § 54, листъ 58, часть I. Москва, 1880 г. [84]) Тамъ же § 63, листъ 59. [85]) 2 Коринѳянамъ IV, 16; Добротолюбіе § 103, листъ 65.

Въ самомъ дѣлѣ, нестяжательность способствуетъ возводить умъ къ Богу и идти вполнѣ евангельскимъ путемъ, такъ какъ нестяжательный свободно можетъ служить Господу, какъ несвязанный попеченіями и пристрастіями житейскими. Какъ птица легко летитъ къ верху, когда крылья ея не связаны ничѣмъ, какъ корабль несется быстро по волнамъ морскимъ, когда онъ не обремененъ тяжелымъ грузомъ, такъ легко постоянно возноситься умомъ и сердцемъ къ Господу и человѣку, когда его мысль не связана попеченіями и думами о земныхъ стяжаніяхъ. Напротивъ, душа человѣка, постоянно вращаясь около предметовъ земныхъ, незамѣтно можетъ прилѣпляться къ земному, оземленѣть, какъ говоритъ преосвященный Ѳеофанъ, сдѣлаться безчувственной. Свѣтлость взгляда, живость чувствъ, какъ нѣжные цвѣты увядаютъ отъ грубаго соприкосновенія съ предметами эгоизма, съ разсчетами своекорыстія. Тутъ же убивается чистая вѣра во все божественное, истрачивается сердечная теплота, достойная чистыхъ и святыхъ предметовъ неба, и душа остается съ одними земными стремленіями и плотскими удовольствіями, что съ буквальною точностью представлено въ лицѣ евангельскаго богача, который именно душѣ своей предлагалъ самыя грубыя плотскія наслажденія: „душе, имаши многа блага, лежаща на лѣта многа: почивай, яжды, пій, веселися“ [86]). Такъ, отъ искушенія первыми потребностями жизни возможно дойти до совершеннаго рабства мамонѣ, до извращенія существенныхъ требованій человѣческой души, до пренебреженія и забвенія о вѣчности. Поэтому то, святые юродивые всячески противостояли столь губительному искушенію. Они отвращали сознаніе свое отъ суетнаго міра и обращали его къ міру духовному [87]); возненавидѣвъ временная, они старались собрать богатство духовное [88]): „возненавидѣвъ житіе міра сего, они разжигались любовію Господнею, яко огнемъ, попаляя помыслы гнусныя, и вся узы нынѣшняго

---

[86]) Лк. XII, 19. [87]) Изъ канона святому Симеону, 21 іюля. [88]) Изъ стихиръ святому Василію, 2 августа.

житія прелестныя расторгая, и благими искушеніи дара Христова душу очищая, яко злато въ горнилѣ, и обрѣтши бисера добра избранна небеснаго, и продавъ имѣнія своя вся, того единаго стяжали въ мысли своей [89]); бисеръ этотъ добрый, по пѣснопѣніямъ церковнымъ, есть Христосъ: „славы и богатства не восхотѣвъ, говорится въ сѣдальнѣ въ службѣ святому Василію, вся ни во чтоже вмѣнилъ еси да Христа пріобрящеши, Его же и получилъ еси". Стремясь къ богообщенію путемъ подражанія Христу, святые юродивые „о плотскихъ небрегли, всегда подвизаясь, умъ чистъ къ Богу представити", нечувствительны были „ко всѣмъ житейскимъ" [90]). Изъ церковныхъ пѣснопѣній явствуетъ, что святые юродивые, стремясь къ Богу, удалялись отъ міра въ мірѣ, т. е. отъ всего страстнаго, суетнаго, грѣховнаго, вошедшаго въ жизнь частную, семейную, общественную и ставшаго тамъ обычаемъ и правиломъ. Они не бѣжали изъ міра, но отбросили всѣ нравы, обычаи, правила, привычки, требованія, совершенно противоположныя духу Христову, презрѣли все, вредящее человѣку въ міру,—все же мірское ихъ не касалось. Они жили по апостолу: „требующіи міра сего, яко не требующе" [91]). По словамъ святаго Макарія такое поведеніе человѣка — есть высшая нестяжательность [92]). Между прочимъ онъ пишетъ: „въ законѣ Богъ повелѣлъ Моисею сдѣлать мѣднаго змія, вознести и пригвоздить его на верху дерева; и всѣ, уязвленные зміями, взирая на мѣднаго змія, получали исцѣленіе. Сіе было сдѣлано по особому смотрѣнію, чтобы одержимые земными попеченіями, идолослуженіемъ, сатанинскими удовольствіями и всякимъ нечестіемъ, будучи возбуждены симъ образомъ, хотя нѣсколько возвели взоръ свой горѣ, и отрезвившись отъ дольняго, обратили вниманіе на высшее, и отъ сего опять простерлись къ высочайшему, а такимъ образомъ, постепенно простираясь къ вышнему и горнему, познали, что есть Превысшій всея

---

[89]) Оттуда же. [90]) Оттуда же. [91]) 1 Кор. VII, 31. [92]) Бес. 24, § 2 стр. 236, Москва. 1880 г.

твари. Такъ и тебѣ Богъ повелѣлъ обнищать и, продавъ все, раздать нищимъ, чтобы, хотя и захотѣлъ бы ты ринуться долу, на землю, было уже сіе невозможно для тебя. Посему, допросивъ сердце свое, начни разсуждать съ своими помыслами: на землѣ ничего не имѣемъ у себя, обратимся же къ небу, гдѣ есть у насъ сокровище, гдѣ сдѣлана намъ купля? и умъ твой начнетъ возводить взоръ въ высоту, искать горняго и преспѣвать въ томъ" [93]). Высочайшую нестяжательность святыхъ юродивыхъ составляло преданіе себя въ волю Божію, полное отреченіе отъ себя; „любовію, поется въ одномъ пѣснопѣніи, предложилъ еси твою мудре къ Богу душу, и къ Тому прилѣпился еси" [94]); святый Василій „принеслъ себя, яко непорочну и благопріятну великому Архіерею жертву, представивъ ему душу свою" [95]). Въ чемъ же состоитъ отреченіе святыхъ юродивыхъ отъ себя, объ этомъ можно составить понятіе по ученію святыхъ отцевъ. Отречься отъ себя, по словамъ святаго Макарія Египетскаго значитъ—не водиться ни въ чемъ своею волею и не быть господиномъ чего бы то ни было, кромѣ единой ризы и подобно невольнику вести себя со всѣми, не домогаясь ни чести, ни славы, ни похвалы не предъ очима точію работая, аки человѣкоугодникъ, но почитая себя обязаннымъ во всемъ услуживать въ любви и простотѣ [96]). Далѣе, тотъ же св. отецъ поучаетъ: „тѣ непреткновенно совершаютъ теченіе до конца, которые вполнѣ возненавидѣли всѣ мірскія пожеланія, себя самихъ, всякую разсѣянность и удовольствія въ мірѣ и занятія мірскими дѣлами. Это и значитъ отречься себя самого" [97]). „Кто рѣшительно не чтитъ признаваемаго досточестнымъ въ мірѣ семъ, продолжаетъ святый Макарій Египетскій, отрекается отъ родныхъ, отрекается отъ всякой дольней славы, имѣетъ же въ виду небесную почесть, тому должно отречься вмѣстѣ съ міромъ и отъ души своей. Отреченіе

---

[93]) Бес. 11, § 8, стр. 113. [94]) Изъ службы святому Прокопію 8 іюля. [95]) Изъ канона святому Василію, августа 2. [96]) Колос. III, 22; слово 2-е о совершенствѣ духовномъ гл. 8. [97]) Гл. 23. стр. 518.

же отъ души состоитъ въ томъ, чтобы ни въ чемъ не искать своей воли [98]). По словамъ преп. Іоанна Лѣствичника отреченіе отъ своей воли возводитъ на высшую степень святости: „великъ тотъ, кто благочестно отказывается отъ обладанія имуществомъ, но святъ тотъ, кто отказывается отъ обладанія своею волею [99]). На этой ступени аскетизма нестяжательность подвижника принимаетъ тотъ видъ, какой мы видимъ въ „юродствѣ". Не имѣя у себя ничего вещественнаго, юродивый отрекается даже и отъ своей воли. Гдѣ въ подчиненіе отдана воля, тамъ—какая же собственность. И въ самомъ дѣлѣ, разъ человѣкъ отдалъ себя всего на служеніе Богу, покорился Ему всецѣло, разъ работаетъ Господу усердно по любви къ Нему, ввѣряетъ Его промыслительной десницѣ свою душу, то можетъ ли онъ интересоваться тѣмъ, что вмѣнилъ „въ уметы". Имѣя въ себѣ искреннюю вѣру въ Бога, онъ пренебрегаетъ вещественными благами міра, доводящими до тяжбъ и споровъ, постоянно же памятуя о смерти, отрекается даже и отъ своего тѣла [100]), по ученію св. Іоанна Лѣствичника. Отрѣшаясь отъ всего земного и помышляя о горнемъ, подвижникъ бываетъ чуждъ пристрастія къ кому бы то ни было изъ своихъ или чужихъ. „Какъ неудобно однимъ глазомъ смотрѣть на небо, а другимъ на землю, такъ невозможно избыть опасностей для души тому, кто не устранилъ себя совершенно и помысломъ и тѣломъ отъ домашнихъ и пришлыхъ", говоритъ св. Лѣствичникъ [101]). „Душки, всею любовью привязанныя къ Господу, съ Нимъ ходятъ, отъ всего отвращаясь, къ Нему устремляютъ молитвы и помышленія", говоритъ св. Макарій Египетскій [102]). „Душа, стремящаяся къ Господу, вся и всецѣло къ Нему простираетъ свою любовь и сколько есть силъ, къ Нему единому привязуется своимъ произволеніемъ, отрицается сама себя и не слѣдуетъ хотѣніямъ ума своего, потому что, по причинѣ неотлучнаго съ нами и обольщающаго насъ зла,

---

[98]) Посланіе св. Макарія Египет. стр. 431. [99]) Лѣствица, Москва, 1851 г., стр. 200. [100]) Лѣств., стр. 197, 201. [101]) Стр. 279. [102]) Бес. 4, § 6, стр. 33, Москва. 1880 г.

ходитъ онъ лукаво. Напротивъ того, она всецѣло предаетъ себя Господню слову, отрѣшается отъ всякихъ видимыхъ узъ, сколько возможно сіе для воли, и совершенно предается Господу, ибо какъ скоро возлюбила Господа, исхищается изъ сѣтей мірскихъ“ [103]), учитъ тотъ же святый отецъ. Преп. Іоаннъ говоритъ: „если мы заботимся о женѣ и о чадахъ, то Богъ уже не печется о нихъ. Если же оставимъ сіи заботы, то Богъ попечется и о нихъ и о насъ. Итакъ, не думай о томъ, чтобы заботиться или молиться о нихъ, дабы не удержать ихъ въ памяти и не сохранилась страсть въ душѣ твоей“ [104]). Далѣе, онъ пишетъ такое наставленіе одному безмолвнику, котораго смущали помыслы о родственникахъ своихъ по плоти: „Господь сказалъ, пишетъ онъ, кто есть мати Моя, и кто суть братія Моя [105]) и потому ты не долженъ нарушать заповѣди Божіей и имѣть дружбы съ плотскими братьями. Поруганный демонами, ты приводишь себѣ на память тѣхъ, которыхъ оставилъ Бога ради, и чрезъ то дѣлаешься преступникомъ. Горе намъ, братъ! что враги съ нами дѣлаютъ? Желаешь ли питать къ родственникамъ любовь, которую ты и ко всѣмъ долженъ имѣть? молись о нихъ, чтобы и они спаслись благодатію Христовою. Если хочешь спастись, понудь себя умереть для всего земного. Считай себя за ничто и стремись къ предлежащему, чтобы подъ предлогомъ добраго дѣла, не вовлекъ тебя діаволъ въ безвременныя заботы. Не пекись ни о чемъ — живы ли родные твои или умерли, не посылай узнавать о томъ. Вспомни Господа, сказавшаго: остави мертвыя погребсти своя мертвецы [106]). Себѣ внимай: родные не избавятъ тебя въ тотъ страшный день [107]).

При свѣтѣ святоотеческихъ наставленій о важности и степеняхъ нестяжательности, становится яснымъ та ея крайность, до какой доводили святые юродивые эту добродѣтель. Любя Христа совершенною любовію, они „ничтоже

---

[103]) Бес. V, § 10, стр. 64, 65. [104]) Рук. къ дух. жизни. 1883 г. отв. 64, стр. 57. [105]) Мѳ. XII, 48. [106]) Мѳ. VIII, 22. [107]) Рук. къ дух. жизни отв. 69, стр. 60, 61.

земное восхотѣли“ имѣть [108]) и по Златоусту, ихъ сердце поглощалось Господомъ, а Господь поглощалъ ихъ сердце [109]); Христосъ, какъ бы впечатлѣлся въ умѣ ихъ, по слову св. апостола Павла: „чадца моя, имиже паки болѣзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ“ [110]). А что это такъ—въ этомъ увѣряетъ насъ св. Церковь въ своихъ пѣснопѣніяхъ: „желаніемъ еже къ Богу распалаемь міръ оставилъ еси“, поется въ канонѣ св. Симеону [111]), „всѣмъ сердцемъ Троицѣ усердно возложився [112]); „радуйся, Прокопіе, возненавидѣвый родительскую любовь, Христа же единаго надъ всѣми сущаго Бога, всѣмъ сердцемъ возлюбивый, и Тому невозвратнымъ желаніемъ послѣдовавый [113]), все желаніе свое къ Богу возложившій [114]); „ты Христа возлюбилъ еси и къ Нему единому возжелѣлъ еси“, поется въ канонѣ св. Андрею; „Христа Бога истинно возлюбивъ, себе самаго отверглся еси и Тому послѣдовалъ еси, якоже Онъ рече: любяй душу свою спасти, погубитъ ю“ [115]), прославляетъ такъ св. церковь св. Андрея юродиваго; „волю хотѣнія своего отсѣцая, св. Исидоръ утвердилъ стопы разума своего на камени любви Христовы“ [116]); „св. Прокопій весь разумъ и сердце отъ суетнаго міра сего къ Зиждителю неуклонно возложилъ“ [117]). „Что тя наречемъ, Василіе чудне, поется въ стихирахъ, херувима ли: яко на тебѣ почилъ есть Христосъ“. Стремленіе ко Христу у св. юродивыхъ было, значитъ, непреодолимое; умъ ихъ простирался въ высь, и высшая премудрость замѣняла имъ ихъ одежду, какъ говорится въ стихирахъ на вечернѣ св. Василію. А такъ какъ назначеніе человѣка состоитъ въ нравственномъ совершенствованіи свободной личности, въ движеніи къ полнотѣ человѣческаго существа, въ жизни по Богу, въ развитіи божественной стихіи, лежащей сѣменемъ разумности во всемъ человѣчествѣ, то св. юродивые и стремились находиться во внутреннемъ,

---

[108]) Изъ канона, общ. минея. [109]) Доброт. М. 1880 г. л. 75 об. [110]) Галат. IV, 19. [111]) Іюльск. мин. 21. [112]) Кан. 9 пѣснь, 21 іюля. [113]) Икосъ по 6 пѣсни, 8 іюля. [114]) Кан. 9 пѣснь, 8 іюля. [115]) 9 пѣснь, окт. 2. [116]) Май, 14. [117]) Стих. на литіи 8 іюля.

живомъ союзѣ со всѣмъ истиннымъ, добрымъ, прекраснымъ, стремились стать тѣмъ человѣкомъ, какимъ былъ онъ до паденія, приблизиться путемъ различныхъ аскетическихъ лишеній, касающихся житейскихъ потребностей, прежде всего, къ Первообразу. Слова св. Максима московскаго юродиваго, сказанныя имъ въ объясненіе своей оригинальности въ аскетическихъ лишеніяхъ: „оттерпимся и мы люди будемъ“ [118]), имѣютъ именно этотъ глубокій смыслъ и краснорѣчиво подтверждаютъ высказанную нами мысль.

Далѣе, самъ міръ тѣснилъ и какъ бы гналъ отъ себя св. юродивыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если міръ, по Θеофану, есть „ходячія страсти въ лицахъ, обычаяхъ, дѣлахъ и, прикасаясь къ нему какою нибудь частью, нельзя не растревожить и соотвѣтственной въ себѣ раны, или страсти, по сходству ихъ и подобонастроенію [119]), то, естественно, что желающій себѣ спасенія не въ состояніи жить по его требованіямъ, разочаровывается въ его взглядахъ и разстается съ нимъ [120]). Да это и необходимо сдѣлать, потому что, какъ говоритъ преосвящ. Θеофанъ, суетное, страстьми пропитанное, неминуемо передаетъ въ душу человѣка тоже, возбуждаетъ или прививаетъ страсть. Какъ ходящій около сажи очерняется, или касающійся огня опаляется, такъ участвующій въ мірскомъ пропитывается богопротивнымъ. Потому мірскимъ омрачается умъ, рождается забвеніе, ослаба, плѣнъ и расхищеніе, а тамъ и уязвленіе сердца, за нимъ страсть и дѣло — человѣкъ палъ. Отсюда становится яснымъ, что должно оставить все, что опасно для духовной жизни, наноситъ суету и погашаетъ духъ [121]). Житейскія потребности, касающіяся жилища, одежды и пр. мѣшали св. юродивымъ вести духовную жизнь, и они ими пренебрегали для того, чтобы „благоспѣялась“, по апостолу, душа ихъ [122]), чтобы мысль о земныхъ потребностяхъ не довела ихъ сначала до забвенія о сокровищѣ небесномъ, потомъ, чтобъ, мало по малу

---

[118]) Ковал. стр. 207. [119]) Путь ко спасенію, стр. 292. [120]) Тамъ же отд. II, стр. 122. [121]) Отд. III, стр. 272. [122]) 3 Іоанн. I, 2.

не отуманила ихъ смыслъ и чувствъ до того, что они оказались бы неспособными служить Богу, услаждая душу свою вещественными и тлѣнными благами.

Такъ, значитъ, св. юродивые стремились къ почести вышняго званія Божія [123]) и въ своей земной нестяжательной жизни они развивали сокрытыя сѣмена и силы высшей духовной жизни, восходя отъ немощей поврежденной человѣческой природы къ достиженію полноты возраста Христова [124]), чтобы, облекшись силою свыше, возвыситься до Первообраза.

ГЛАВА VI.

Аскетическое терпѣніе въ „юродствѣ“: перенесеніе тѣлесныхъ страданій, добровольное перенесеніе позора и непріятностей и ихъ нравственное значеніе.

Желающій быть подражателемъ Христу, говоритъ св. Макарій Египетскій, чтобы при посредствѣ этого получить званіе сына Божія, рожденнаго Духомъ, прежде всего долженъ переносить благодушно и терпѣливо всѣ случающіяся съ нимъ скорби, какъ то: тѣлесныя болѣзни, обиды и поруганія отъ людей и навѣты отъ невидимыхъ враговъ, потому что, по Промыслу Божію, распоряжающемуся всѣмъ премудро и со всеблагою цѣлію, такія испытанія различными напастями попускаются душамъ, чтобъ обнаружилось явственно, которыя изъ нихъ любятъ Бога искренно. Отъ начала вѣка для св. патріарховъ, пророковъ, апостоловъ и мучениковъ было знаменіемъ избранія то, что они прошли по тѣсному пути искушеній и скорбей и такимъ образомъ благоугодили Богу. „Сыне, говоритъ Писаніе, аще приступаеши работати Богу, уготови душу твою во искушеніе: управи сердце твое и потерпи и все, елико аще нанесено ти будетъ пріемли“ [1]), какъ благое, зная, что безъ Бога ничего съ нами не случается. И потому душѣ, желающей благоугодить Богу, прежде всего должно вооружиться тер-

[123]) Филип. III, 14. [124]) Ефес. IV, 13. [1]) Сир. II, 1—4.

пѣніемъ и надеждою. Мученики, прошедши чрезъ многіе виды мученій, явили силу непобѣдимаго мужества, подчинившись и самой насильственной смерти;—послѣ этого они удостоиваемы были вѣнцовъ. Подобно этому и души, преданныя разнообразнымъ скорбямъ, или явно наносимымъ людьми, или возникающимъ въ самихъ душахъ отъ возстанія нелѣпыхъ помысловъ, или причиняемымъ впаденіемъ въ тѣлесныя болѣзни, если съ твердостію до конца все претерпятъ, сподобляются одинаковыхъ вѣнцовъ съ мучениками, одинаковаго дерзновенія къ Богу. Вожделѣвающій имѣть въ себѣ Христа и стяжать столь изящное наслѣдство долженъ, соотвѣтственно этому желанію, подражать Его страданіямъ. Говорящіе, что любятъ Господа, пусть докажутъ справедливость своихъ словъ не только великодушнымъ терпѣніемъ всѣхъ случающихся скорбей, но и терпѣніемъ охотнымъ, съ любовію, ради надежды, отложенной въ Господѣ [2]).

Такимъ образомъ, истинный подражатель Христовъ вслѣдъ за проявленіемъ высшей нестяжательности долженъ начать мужественную борьбу съ внѣшними и внутренними врагами своего спасенія, долженъ развить въ себѣ терпѣніе, чтобы имъ сообщить большую силу и крѣпость нестяжанію. И св. юродивые развивали въ себѣ эту добродѣтель; они своимъ смѣшнымъ, жалкимъ видомъ вызывали со стороны толпы массу насмѣшекъ. Но, зная, что „многими скорбями подобаетъ внити въ царствіе небесное“ [3]), зная, что апостолы терпѣли побои, гоненія, злословія, хуленія [4]), зная, что „нынѣшнія временныя страданія ничего не стоятъ въ сравненіи съ тою славою, которая откроется въ людяхъ [5]), св. юродивые имѣли желаніе „разрѣшитися и со Христомъ быти“, потому что это несравненно лучше [6]) и потому они смѣло могли говорить вмѣстѣ съ апостоломъ: „кто ны разлучитъ отъ любви Божіей: скорбь ли, тѣснота, или гоненіе, или голодъ, или нагота, или опасность, или мечъ“ [7]). И

---

[2]) Епископъ Игнатій Брянчаниновъ. Ученіе св. отцовъ о терпѣніи. СПБ. 1882 г., стр. 1—10. [3]) Дѣян. XIV, 22. [4]) I. Кор. IV, 11—13. [5]) Римл. VIII, 18. [6]) Филип. 1, 21, 23. [7]) Римл. VIII, 35.

особенно эта черта является характерною для русскихъ св. юродивыхъ, потому что основаніе ея лежитъ въ психологіи самой націи. Достоевскій не разъ отмѣчалъ эту черту нашего народа—вѣру въ спасительную силу невинныхъ, напрасныхъ страданій, а въ основѣ этой вѣры лежитъ глубокая религіозно-психологическая подкладка. „Каждый единый изъ насъ виновенъ за всѣхъ и за вся на землѣ несомнѣнно, говоритъ онъ устами старца Зосимы, не только по общей міровой винѣ, а единолично каждый за всѣхъ людей и за всякаго человѣка на сей землѣ“ [8]). Въ этихъ словахъ таится великая истина. Въ самомъ дѣлѣ, въ нравственной области не можетъ быть такого дѣйствія, которое приносило бы пользу или вредъ одному только дѣйствующему или страдающему отъ него лицу. Каждый хорошій поступокъ увеличиваетъ несомнѣнно силу добра въ человѣчествѣ, и наоборотъ, каждое худое дѣйствіе увеличиваетъ силу грѣха и тѣмъ наноситъ незамѣтно всеобщій ущербъ. Поэтому, съ точки зрѣнія истинно-христіанской самоотверженной любви, какая была у св. юродивыхъ, нѣтъ ничего естественнѣе и искреннѣе, какъ желать пострадать отъ другихъ безвинно и тѣмъ какъ бы искуплять другъ друга. Въ этомъ случаѣ св. юродивые носятъ какъ бы тяготы другихъ, потому что вліять на другихъ и страдать отъ другихъ есть высшій законъ, отъ котораго мало также можетъ уклониться атомъ, какъ и высшее разумное существо. По этой замѣчательной идеѣ добровольнаго страданія отъ другихъ подвигъ „юродства“ какъ бы сближается съ невинными страданіями Спасителя за родъ человѣческій. Вѣдь онъ, какъ говоритъ проф. Голубинскій, въ томъ и состоялъ, чтобы „терпѣть отъ людей поношенія и укоризны [9]). И въ самомъ дѣлѣ, св. юродивые казались безумными, чтобы скрыть свои добродѣтели, а отсюда неизбѣжно и вытекало терпѣніе. Но прежде, чѣмъ говорить о проявленіяхъ аскетическаго терпѣнія и о его нравственномъ значеніи необходимо рѣшить вопросъ есть ли терпѣніе добродѣ-

---

[8]) Братья Карамазовы, 1882 г., ч. II, стр. 186. [9]) См. гл. IV сочиненія.

тель? вопросъ этотъ важенъ и его рѣшалъ въ свое время преосв. Амвросій, архіепископъ Харьковскій и выясненіе его для насъ имѣетъ значеніе въ смыслѣ освѣщенія терпѣнія св. юродивыхъ. Итакъ, есть ли терпѣніе свободное и дѣятельное движеніе духа къ совершенству и составляетъ ли оно само по себѣ достоинство человѣка? вотъ какой отвѣтъ даетъ знаменитый церковный витія: „большею частію, говоритъ онъ, подъ терпѣніемъ мы разумѣемъ непроизвольное и угнетенное состояніе духа, поражаемаго неизбѣжными для насъ въ этой жизни затрудненіями, лишеніями и страданіями. Во всѣхъ такихъ состояніяхъ, когда прекращеніе страданій не зависитъ отъ нашей воли, мы находимся въ положеніи человѣка связаннаго, лишеннаго свободы дѣйствій и поражаемаго ударами, со стороны ему наносимыми. Такъ и понимали терпѣніе древніе философы, незнавшіе того взгляда на человѣческую жизнь, какой сообщаетъ божественное Откровеніе, такъ понимаютъ его и новые мыслители, отрицающіе этотъ взглядъ. Поэтому, жизнь человѣческая представляется имъ безотрадною, а неизбѣжное претерпѣваніе лишеній—унизительнымъ для свободнаго человѣческаго духа; потому они и не видятъ другого конца безплодному терпѣнію, кромѣ самоубійства. Христіанское же терпѣніе не таково: оно есть сознательное и свободное отношеніе къ бѣдствіямъ жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ безропотное перенесеніе страданій, соединенное съ несомнѣннымъ убѣжденіемъ въ счастливомъ ихъ окончаніи. Это есть нравственная выдержка духа въ трудномъ положеніи, дѣятельная борьба съ собственными тягостными ощущеніями въ виду побѣды не только надъ самимъ собою, но и надъ гнетущими обстоятельствами [10]).

Теперь если мы обратимъ свои взоры на проявленіе терпѣнія св. юродивыхъ, то увидимъ, что ихъ жизнь составляетъ иллюстрацію къ опредѣленію терпѣнія преосв. Амвросія. Оригинальная жизнь св. юродивыхъ, конечно,

---

[10]) Изъ слова преосв. Амвросія „о христіанскомъ терпѣніи"; Церковн. вѣдом. 1892 г. № 44, стр. 1517, 1518.

вызывала со стороны общества насмѣшки и другія, болѣе чувствительныя проявленія своего недовольства ихъ образомъ жизни. Такъ, „иніи ругахуся св. Андрею, иніи прогоняху отъ себя, гнушающеся имъ, аки псомъ смердящимъ, иніи бѣсна его быти мняху, друзіи отъ юныхъ отроковъ глумляшеся, біяху блаженнаго, пхаху же его и отгоняху, глаголюще: что ти есть, юроде, недостоинъ съ человѣки бесѣдовати; нѣцыи несмысленіи пястьми св. Андрея пхаху, а иніи біяху“ [11]). Когда во время сильныхъ морозовъ зимою св. Андрей хотѣлъ у нищихъ „подъ кровомъ съ ними приклонитися, то они палицами его отъ себе аки пса отгоняху, вопіюще на него и глаголюще; отъиди, отъиди, псе, отсюду“ [12]). Списатель его житія, вообще, замѣчаетъ, что св. Андрей „многа претерпѣ поруганія и біенія“ [13]). Св. Исидоръ Твердисловъ „многу досаду и укореніе пріемъ отъ безумныхъ, и біеніе, и яко юродъ вмѣняемъ ими и безуменъ, и многа досажденія, и укоренія, и раны пріятъ“ [14]). Св. Іоаннъ Устюжскій „многая озлобленія подъемъ, біенія, пханія и оплеванія отъ безумныхъ человѣкъ“ [15]). Св. блаженная Исидора „въ толицѣмъ бяше отъ всѣхъ сестеръ“ [16]) презрѣніи, яко ниже пищи съ нею кая вкусити хотяше, отъ всѣхъ же бѣ уничижаема, поношаема, и озлобляема и отъ всѣхъ часто бываше біема, и всегда ненавидима, и злословима“; сестры вотъ какъ сами сознавались съ плачемъ преподобному Питириму [17]) о поруганіяхъ, причиненныхъ ими св. Исидорѣ: „иная глаголаше: азъ всегда ругахся ей; иная: азъ помои возливахъ на ню; иная: азъ пястьми біяхъ ю; иная: азъ палицею ударяхъ ю; иніи же иныя отъ нихъ сотворенныя оной пакости исповѣдаху“ [18]). Св. Аврамія Смоленскаго братія монастыря изгнала вонъ изъ обители, въ которой онъ въ теченіи 5 лѣтъ терпѣлъ отъ завистливыхъ монаховъ озлобленія [19]). Св. Прокопій Устюжскій „бываше отъ многихъ поругаемый, многа зѣло озлобленія

---

[11]) Чет. Мин. окт. 2 л. 11, 12. [12]) Тамъ же, л. 14 об. [13]) Тамъ же, л. 15 об. [14]) Прол. 14 мая, л. 32 об. [15]) Прол. мая 29, л. 68. [16]) Которыхъ въ Тавенскомъ монастырѣ было 40. [17]) Посѣтившему Тавенскую обитель по повелѣнію ангела. [18]) Чет. Мин. 10 мая, л. 69, 70. [19]) Чет. Мин., 21 авг., л. 99 об.

отъ безумныхъ человѣкъ пріятъ, и ранами озлобляемый, а наипаче отъ несмысленныхъ дѣтей“ [20]). „Дѣти метаху на св. Симеона каменіемъ и палицами біяху, вопіюще: чернецъ юродивый, чернецъ юродивый“ [21]). Вѣтряная молодежь смѣялась надъ св. Ѳеодоромъ Новгородскимъ, поносила и била его [22]). Когда св. Михаилъ Клопскій былъ въ Новгородѣ, то толпа дѣтей на улицѣ стала смѣяться надъ его юродствомъ, бросая въ него камни и всякую нечистоту [23]). Св. Симонъ Юрьевецкій терпѣлъ много разнаго рода обидъ и оскорбленій: многіе смѣялись надъ нимъ, какъ надъ безумнымъ, укоряли его въ притворствѣ, толкали и били его [24]).

Говорятъ, что подобное терпѣніе св. юродивыхъ происходило отъ ихъ безчувствія, или равнодушія къ жизни. Но это не вѣрно. Оно проистекало у нихъ изъ яснаго и правильнаго взгляда на жизнь и на все то, что въ ней совершается. Они прекрасно знали, что все въ рукахъ Божіихъ, что безъ воли Божіей ничего случиться не можетъ и что для испытанія воли человѣка необходимы искушенія. Хотя имъ было извѣстно, что по пути, ведущему къ славѣ, много радостей, наслажденій, но они знали, что на этомъ пути должно ожидать и бурь: „въ мірѣ скорбни будете“ [25]), и опытъ всѣхъ святыхъ всѣхъ временъ показывалъ имъ, что одинъ только путь печали и слезъ ведетъ къ тому блаженному отечеству, гдѣ всякая слеза отымется отъ глазъ, онъ краснорѣчиво заявлялъ, что искушенія для подвижника необходимы и что они въ нихъ нуждаются для упражненія въ терпѣніи. Въ неизбѣжности скорбей для достиженія спасенія св. юродивыхъ увѣряло слово Божіе. Эта истина возвѣщается во многихъ мѣстахъ свящ. Писанія. Премудрый сынъ Сираховъ говоритъ: „аще приступаеши работати Господеви, уготови душу твою во искушеніе“ [26]). Іисусъ Христосъ учитъ, что блаженство царствія

---

[20]) Прол. 8 іюля, л. 73. [21]) Чет.-Мин. 21 іюля, л. 146. [22]) Русск. Пал. 1892 г., № 27, стр. 418. [23]) Кормчій 1895 г. № 1, стр. 10. [24]) Кормчій № 44, стр. 582. [25]) Іоанна XVI, 33. [26]) II. 1, 2.

небеснаго принадлежитъ плачущимъ, гонимымъ правды ради и терпящимъ поношеніе имене Его ради [27]), что ученикъ не выше учителя своего и рабъ господина своего, и потому послѣдователямъ Его, по Его примѣру, неизбѣжно надо терпѣть всякія скорби и гоненія, и только „претерпѣвый до конца спасется,... стяжетъ душу свою“ [28]), что какъ „жена егда раждаетъ скорбь имать, яко пріиде годъ ея“, такъ и христіанину необходимо имѣть скорбь [29]), апостолы также утверждали души своихъ учениковъ въ той истинѣ, что „многими скорбми подобаетъ внити въ царствіе небесное [30]) и повелѣвали даже радоваться скорбямъ и искушеніямъ: „блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе, зане искушенъ бывъ, пріиметъ вѣнецъ жизни“ [31]). Св. апостолъ Павелъ возвѣщаетъ, что „нынѣ легкое печали нашея по преумноженію въ преспѣяніе тяготу вѣчныя славы содѣлываетъ“ [32]); въ посланіи же къ Евреямъ онъ подробно учитъ о необходимости и благотворности скорбей и искушеній, называя ихъ несомнѣннымъ признакомъ отеческой любви Божіей къ людямъ и заключаетъ, что иначе нельзя пріобщиться святыни Христовой, и что „всякое наказаніе, хотя въ настоящее время не мнится радость быти, но печаль: послѣди же плодъ миренъ наученымъ тѣмъ воздаетъ правды“ [33]). „Христу пострадавшу за ны плотію, и вы въ ту же мысль вооружитеся“, говоритъ св. апостолъ Петръ [34]), „зане и Христосъ пострада по насъ намъ оставль образъ, да послѣдуемъ, стопамъ Его“, убѣждаетъ тотъ же св. апостолъ [35]); потому, „аще съ Нимъ терпимъ, съ Нимъ и воцаримся“ [36]), заключаетъ св. апостолъ Павелъ; слѣдовательно, неминуемо „если не терпимъ, то и не воцаримся [37]). Гоненія различныя слово Божіе поставляетъ отличительнымъ признакомъ истинно-благочестивыхъ: „вси хотящіи благочестно жити о Христѣ Іисусѣ, гоними будутъ“ [38]). Съ другой стороны,

---

[27]) Мѳ. V, 4, 10, 11. [28]) Мѳ. X, 16—18; 22—25; XXIV, 13; Лк. XXI, 19. [29]) Іоанна XVI, 20, 21, 23. [30]) Дѣян. XIV, 22. [31]) Іак. I, 12. [32]) 2 Кор. IV, 17. [33]) Евр. XII, 2—16. [34]) 1 Петр. IV, 1. [35]) 1 Петр. II, 21. [36]) 2 Тимоѳ. II, 12. [37]) Римл. VIII, 17. [38]) 2 Тим. III, 12.

вѣчное горе возвѣщается тѣмъ, которые проводятъ настоящую жизнь въ удовольствіяхъ и утѣхахъ: „горе вамъ смѣющимся нынѣ: яко возрыдаете и восплачете“ [39]), говоритъ Іисусъ Христосъ. „Помяни, сказано будетъ всякому сластолюбцу, яко воспріялъ еси благая твоя въ животѣ твоемъ: сего ради здѣ страждеши“ [40]). Съ такими, а не иными убѣжденіями св. юродивые мужественно, свободно и сознательно переносили искушенія и терпѣливо ждали конца ихъ, когда это будетъ угодно Богу. Нетерпѣливости, малодушія, унынія, ропота въ борьбѣ св. юродивыхъ съ искушеніями не замѣчается, а напротивъ, видно безмятежное состояніе ихъ духа, когда они готовы не только терпѣть для Бога всякія искушенія, но и не желаютъ для себя ни какого иного счастія, кромѣ служенія и угожденія Господу въ терпѣніи; они молятся за своихъ гонителей и сами напрашиваются на гоненія, но объ этомъ рѣчь ниже; теперь же необходимо выяснить нравственный смыслъ аскетическаго терпѣнія св. юродивыхъ.

Прежде всего причиняемыя св. юродивыхъ искушенія отъ людей напоминали имъ о небесномъ отечествѣ. Если бы они не встрѣчали на своемъ пути добродѣланія подобныхъ скорбей, то могли бы забыть ту лучшую страну, къ которой направлялись. Неудобства пути въ достиженіи добродѣтелей постоянно напоминали имъ о временности этой жизни: „злыя терпѣлъ еси муки, поетъ св. Церковь св. Андрею, вся дни живота твоего, въ небесное царство желая вселитися“ [41]), „предспѣяй добродѣтельнымъ подвигомъ и терпѣніемъ юродственное жительство избралъ св. Василій, желая сподобиться царства небеснаго“ [42]), научали познавать мірскую суету, непрочность благъ земныхъ и, взявъ крестъ Христова терпѣнія, слѣдовать Ему [43]), дѣлали ихъ душу болѣе чувствительною и тѣмъ усерднѣе побуждали ихъ искать Божіей помощи и обращать взоръ туда, гдѣ истинное прибѣжище. Всѣ христіанскія добродѣ-

---

[39]) Лк. VI, 25. [40]) Лк. XVI, 25. [41]) Изъ канона окт. 2. [42]) Изъ канона авг. 2. [43]) Изъ службы св. Іоанну Устюжскому, стих. на Господи воззвахъ, 29 мая.

тели становятся болѣе твердыми чрезъ духовное упражненіе; потому св. апостолъ Павелъ учитъ: „скорбь терпѣніе содѣлываетъ; терпѣніе же искусство, искусство же упованіе“ [44]); „всяку радость имѣйте, братія моя, егда во искушенія впадаете различна: вѣдяще, яко искушеніе вашея вѣры содѣлываеть терпѣніе“ [45]); св. апостолъ Петръ также ободряетъ вѣрующихъ къ терпѣнію и утѣшенію въ скорбяхъ. объясняя имъ, что „искушенія нашей вѣры многочестнѣйше злата гиблюща, огнемъ же искушена, обрящется въ похвалу въ честь и славу, во откровеніи Іисусъ Христовѣ“ [46]).

Вотъ какъ еще яснѣе и рельефнѣе можно представить себѣ нравственное значеніе аскетическаго терпѣнія св. юродивыхъ въ отношеніи къ нападкамъ на нихъ со стороны современнаго имъ общества. Рѣдко можно чувствовать всѣ благотворныя дѣйствія бури, пока она еще продолжается. Душа человѣка такъ можетъ быть возмущена страхомъ, проникнута скорбью, такъ обезсилена страданіями, что въ это время можетъ и не чувствовать добрыхъ послѣдствій бури; потому, св. апостолъ Павелъ и говоритъ для ободренія: „всякое наказаніе въ настоящее время не мнится радость быти, но печаль: послѣди же плодъ миренъ, наученымъ тѣмъ воздаетъ правды“ [47]). Во время бури порывъ вѣтра, котораго морякъ страшится, какъ угрожающаго погибелью кораблю, часто несетъ корабль весьма быстро къ его цѣли. Это можетъ быть и незамѣтно во время бури, но потомъ, когда небо прояснится, когда можно дѣлать нужныя наблюденія, часто находятъ, что корабль въ бурную ночь прошелъ несравненно болѣе, нежели въ тихіе ясные дни. Тоже бываетъ и съ бурями, нападающими на человѣка со внѣ. Онѣ скорѣе подвигаютъ его къ желаемой пристани, и хотя въ то время, какъ вѣтры нападеній шумятъ, и волны сокрушаются вокругъ него, и онъ можетъ сказать: всѣ возстали противъ меня, но потомъ, съ благодарностію открываетъ, что вѣтры преслѣдованій далеко подвинули его въ путешествіи и, что волны озлобленія, ко-

---

[44]) Римл. V, 5. [45]) Іак. I, 23. [46]) 1. Петр. I, 7. [47]) Евр. XII, 11.

торыя, казалось, должны были поглотить его, приблизили его къ небу. Горнило искушеній возжено не для истребленія, а для нравственнаго очищенія, для укрѣпленія въ покорности волѣ Божіей, для того, чтобы показана была искренность любви къ Богу и прославлено на землѣ имя Божіе: „и сядетъ, говоритъ пророкъ о Богѣ, разваряя и очищая яко сребро и яко злато“ [48]). Золотыхъ дѣлъ мастеръ бросаетъ драгоцѣнный металлъ въ огонь, но не забываетъ его, а внимательно наблюдаетъ, ожидая его полной очистки, такъ и Господь бодрствуетъ надъ горниломъ искушеній человѣка, ожидая, чтобы онъ вышелъ оттуда, какъ золото, очищенное седмерицею. Различныя нападенія со стороны общества на св. юродивыхъ, очищая ихъ, соединяли со Христомъ, въ подражаніе Которому они страдали и оставляли ихъ не только не побѣжденными, но болѣе чѣмъ побѣдителями: „во всѣхъ сихъ препобѣждаемъ за возлюбившаго ны“ [49]), потому что они, оставляя поле битвы, выходили совершенно здоровыми и еще болѣе укрѣпленными. Вѣдь побѣдителемъ считается тотъ, кто, рѣшительно противостоя нападенію, отражаетъ каждый ударъ и сохраняетъ себя невредимымъ и, наконецъ, какъ бы ни была жестока борьба, преодолѣваетъ своего врага и обезоруживаетъ его. Такова и была побѣда св. юродивыхъ надъ своими преслѣдователями;—своимъ терпѣніемъ они обезоруживали ихъ, и гоненія современниковъ лишены были оттого возможности причинять имъ дѣйствительное нравственное зло, а напротивъ, служили имъ орудіями для спасенія, утѣшенія, силы, такъ что они сами напрашивались на страданія; такъ св. Исáкій Печерскій, чтобы загладить свой грѣхъ прелести „юродъ сотворися, нача пакости наносити, ово игумену, ово же братіи, ово и мірскимъ человѣкомъ по міру ходя, яко и раны многимъ возлагати на него; поселившись же въ пещерѣ преп. Антонія, онъ началъ собирать къ себѣ мірскихъ юношей „на нихже возлагаше чернеческія рубы и тогда ово отъ игумена на-

---

[48]) Малах. III, 3. [49]) Римл. VIII, 37.

казаніе, иногда же отъ родителей дѣтей тѣхъ раны пріимаше, яже вся съ радостію терпяше“ [50]); св. Симеонъ своимъ смѣхомъ надъ евреемъ Манзеромъ вызвалъ со стороны того побои и ожоги горячею головнею [51]); онъ же былъ сильно побитъ за то, что самъ сталъ ѣсть и другимъ даромъ раздавать сочиво и бобы довѣрившаго ему торговлю одного мелкаго торговца [52]). Воевода Ѳеодоръ Петелинъ, разсерженный юродствомъ Симона Юрьевецкаго такъ жестоко побилъ его, что тотъ разболѣлся и умеръ [53]); св. Прокопій Вятскій, „яко въ чужомъ тѣлеси, многія досажденія и раны съ благодареніемъ терпяше“ [54]). Зачѣмъ же это они допускали? а затѣмъ, что они прекрасно знали, что какъ бы ни были грозны наступленія враговъ, какъ бы они ни казались тяжелыми, но на самомъ дѣлѣ они служили предвозвѣстниками спасенія: „за терпѣнье даетъ Богъ и спасенье“, говаривалъ св. юродивый московскій Максимъ [55]). Всѣ тѣ, которые смотрятъ на внѣшнее страданіе и не видятъ ни унынія, ни жалобы, — удивляются этому спокойствію потому, конечно, что не могутъ видѣть внутренняго утѣшенія, какимъ наслаждается человѣкъ, жизнь котораго сокровена со Христомъ въ Богѣ и тяжкія обиды и огорченія для котораго оттого становятся однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ пріобрѣтеній. Какъ вѣтры и волны, ударяя въ корабль, не только не разстраиваютъ его, но дѣлаютъ болѣе способнымъ выдерживать волненія моря, и мореплаваніе становится потому еще болѣе успѣшнымъ, а входъ въ пристань торжественнымъ, такъ и гоненія и оскорбленія, непріятныя сами по себѣ, дѣлаются неоцѣненными благодѣяніями, когда исходятъ отъ руки небеснаго Отца. По справедливости можно сказать о всѣхъ св. юродивыхъ, пребывающихъ теперь во славѣ, что Господь велъ ихъ прямымъ путемъ во градъ ихъ пребыванія. Этотъ путь былъ каменистъ, мраченъ, таинственъ, буренъ, но онъ

---

[50]) Кіево-Печерск. Патер. 14 февр., л. 146 об. [51]) Чет. Мин. 21 іюля, л. 152. [52]) Тамъ же. [53]) Кормч. № 44, стр. 583. [54]) Кормчій № 50, стр. 663. [55]) Ковалевск., стр. 207.

былъ прямымъ путемъ къ царствію небесному; Господь Самъ прошелъ этимъ путемъ и „далъ образецъ терпѣнія и мужества“ св. юродивымъ, какъ поется въ общей имъ службѣ въ стихирахъ [56]); Господь Самъ былъ презрѣнъ и отвергнутъ людьми; Его называли неистовымъ, Имъ всѣ гнушались. Значитъ, Онъ освятилъ этотъ путь страданій слѣдами ногъ Своихъ и придалъ ему особенное достоинство, оттого то св. юродивые „терпѣніемъ и страданіемъ послѣдовали Ему“ [57]), какъ рабы Его раздѣляли участіе Своего Господина. Любовь ихъ желала имѣть сходство съ Нимъ, и вотъ они отвѣдывали изъ той горькой чаши презрѣнія, которую Онъ испилъ и поэтому то. на нихъ несправедливо смотрѣть, какъ на стоическихъ мудрецовъ, полагавшихъ верхъ совершенства въ холодномъ равнодушіи и суровой безчувственности; стойкость св. юродивыхъ въ страданіяхъ отъ людей объясняется присутствіемъ въ нихъ крѣпкой вѣры въ Бога и высокой преданности и любви ко Христу. Такъ, когда надъ Константинополемъ разразилась буря, и св. Андрей, не имѣлъ гдѣ главы подклонити, чтобы укрыться отъ бѣды, то, совершенно отчаявшись въ своей жизни, сказалъ, подобно многострадальному Іову: „благословенъ Господь Богъ, аще и умру отъ зимы сея, любве его ради да умру, силенъ же есть Богъ съ зимою сею и терпѣніе ми подати“ [58]).

Далѣе, аскетическое терпѣніе св. юродивыхъ имѣло значеніе нравственной выдержки духа въ трудныхъ и тяжелыхъ обстоятельствахъ ихъ жизни. Эту мысль высказалъ и св. юродивый Максимъ московскій словами: „исподволь сырыя дрова загораются“ [59]). Значитъ, искушенія, страданія, какія несли св. юродивые служили какъ бы огнемъ, который охватывалъ сырую, грѣховную почву души. И въ самомъ дѣлѣ, страданія ослабляютъ и уничтожаютъ, подобно огню, самую коренную причину ихъ, т. е. приро-

---

[56]) Общ. минея. [57]) Стих. на литіи, окт. 2. [58]) Чет. Мин. 2 окт. 14 обор.
[59]) Ковал., стр. 207.

жденную грѣховность, какъ говоритъ св. апостолъ Петръ: „зане пострадавый плотію преста отъ грѣха, во еже не ктому человѣческимъ похотемъ, но воли Божіей прочее во плоти жити время“ [60]). При помощи тѣхъ нападеній, которыя причиняли св. юродивымъ современники, они изгоняли изъ сердца грѣхъ, глубоко взрывали землю сердца, чтобы исторгнуть корни грѣха; съ огнемъ, если можно такъ сказать, они прошли по стезямъ внутреннихъ чувствъ, чтобы очистить ихъ отъ остатковъ грѣховныхъ впечатлѣній и воцариться со Христомъ, какъ говоритъ св. апостолъ Павелъ: „аще терпимъ, съ Нимъ и воцаримся“ [61]). „Терпѣніе скорбей, говоритъ преп. Варсануфій, возводитъ трудящихся на седьмое небо“. Вотъ какъ достигается это состояніе по словамъ св. Варсануфія: „прежде всего къ человѣку приходитъ св. Духъ, научаетъ его всему, и тому, какъ надлежитъ смиренномудрствовать; потомъ, наставляемый этимъ первымъ воспламененіемъ, восходитъ онъ на первое небо, и такъ далѣе по мѣрѣ преуспѣянія, даже до седьмого. И тамъ удостоивается видѣть неизрѣченныя и страшныя вещи, коихъ никто не можетъ слышать, кромѣ достигающихъ этой мѣры. Совершенно умирающіе міру, терпѣніемъ и многими скорбями могутъ придти въ нее“ [62]). Св. авва Іоаннъ говоритъ: „желаешь ли избавиться отъ скорбей и не тяготиться ими? ожидай большихъ и успокоишься; пріобрѣти терпѣніе святыхъ, и утѣшится духъ твой“ [63]). Св. Варсануфій великій замѣчаетъ: „если не претерпишь страданій, не можешь взойти на крестъ. Когда же перенесешь сперва страданія, то войдешь и въ пристанище покоя Его, и потомъ будешь безмолвствовать безъ всякихъ заботъ, имѣя душу, утвержденную въ Господѣ и всегда прилѣпляющуюся къ Нему, вѣрою соблюдаемую, упованіемъ радующуюся“ [64]). Вотъ почему св. Исидоръ

---

[60]) Петр. IV, 2. [61]) 2 Тим. II, 12. [62]) Руководство къ дух. жизни. Москва. 1883 г., отв. 109, стр. 83, 84. [63]) Тамъ же, отв. 47, стр. 37. [64]) Тамъ же, отв. 152, стр. 120.

Твердисловъ всегда съ плачемъ говорилъ себѣ: „о Исидоре, многими скорбьми подобаетъ ти внити въ царствіе небесное, нуждно бо есть и нуждницы восхищаютъ е“ [65]). При свѣтѣ этихъ святоотеческихъ разсужденій можно сдѣлать выводъ въ отношеніи терпѣнія св. юродивыхъ такой: оно служило для нихъ искусствомъ въ борьбѣ съ грѣхомъ и облегчало ихъ нравственный трудъ.

Кромѣ добровольнаго перенесенія позора и непріятностей св. юродивые терпѣливо переносили и всѣ неблагопріятныя вліянія погоды и сознательно увеличивали свои страданія тѣмъ, что не жили въ домахъ, носили рубища, ходили босикомъ, такимъ образомъ,—голодъ, жажда, стужа, зной и всѣ лишенія, неразлучныя съ жизнью скитальческою ихъ сопровождали. Св. Исидоръ Твердисловъ, говорится въ его житіи, „егда мразу, или снѣгу или дождю бывати тѣло и хижу непокровену имѣяше и тако пребываше во вся дни живота своего и веліе терпѣніе показа отъ студени зимнія и отъ вара солнечнаго“ [66]). Св. Исáкій Печерскій „егда приспѣваше зима и мразы бяху люты, то стояше на утрени въ плесницахъ тако раздранныхъ, яко многажды примерзаху нозѣ его къ каменю, и не подвизаше ногами, дондеже отпояху утреню [67]). Св. Симонъ Юрьевецкій въ зимнія продолжительныя ночи, томимый жестокимъ морозомъ, ходилъ босикомъ и въ ветхой рубашкѣ по льду рѣки Волги [68]). Св. Прокопій Устюжскій въ зимній морозъ и снѣгъ, и солнечный варъ и зной съ радостію терпѣлъ и сице пребываше во вся дни живота своего [69]). Цѣль этихъ аскетическихъ самолишеній ясно выражена въ словахъ св. блаженнаго Василія: „если люта зима, то сладокъ рай“, говаривалъ онъ и при этомъ указывалъ на примѣръ 40 мучениковъ, которые ради царствія Божія скончались отъ мороза въ Севастійскомъ озерѣ, въ виду жарко натопленной бани [70]). Значитъ, самолишеніе указаннаго рода допу-

---

[65]) Прол. 14 мая, л. 33. [66]) Прол. 14 мая, л. 33, 34. [67]) Кіево-Печерск. Патер., л. 146, изд. 1883 г. [68]) Кормчій 1895 г. № 44, стр. 582. [69]) Прол. 8 іюля, л. 73. [70]) Кормчій № 30, стр. 416.

скалось св. юродивыми въ цѣляхъ спасенія; эта же мысль выражается и въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ: „удивленіе всѣмъ бысть видящимъ житіе твое, поется въ общей службѣ св. юродивымъ: на сметищи леганіе, и посреди града обнаженіе и колесничное попраніе. Но сія вся бысть ему пути правленіе въ небесное царствіе“ [71]); затѣмъ, смыслъ такого терпѣнія еще частнѣе выражается въ службѣ св. Андрею, который плоть свою жаждою, зноемъ, дождемъ, снѣгомъ и воздушною тягостію смирилъ для того, чтобы, „душу отъ страстей свободну соблюсти“ [72]). Къ тому, чтобы налагать на себя такія лишенія и такъ изнурять свою плоть, побуждало св. юродивыхъ желаніе, по выраженію церковной пѣсни, „вся Христова ученія дѣломъ исполнити“ [73]). Господь Іисусъ Христосъ указалъ путь для спасенія узкій, тернистый: „иже хощетъ по мнѣ ити, да отвержется себе и возметъ крестъ свой, и по мнѣ грядетъ“ [74]); „внидите узкими враты“ [75]); „иже Христовы суть плоть распяша со страстьми и похотьми“ [76]), т. е. всякій желающій вполнѣ принадлежать Христу,—быть Христовымъ, долженъ распинать себя духовно. Такъ и поступали св. юродивые, когда путемъ различнаго рода лишеній, смиряли свою душу, но этого мало: они не только распинали свои страсти, а, по апостолу, носили и язвы Христовы на тѣлѣ своемъ [77]), сораспинались Христу, причащались креста Христова. Но нравственно ли было такое поведеніе св. юродивыхъ? не дышетъ ли оно желаніемъ ихъ прекратить жизнь свою путемъ самоистязанія? такой Шопенгауэровскій противонравственный взглядъ совершенно не приложимъ къ аскетизму св. юродивыхъ. Они не были людьми, издававшими протяжный вздохъ изнеможенія и разочарованія; это не безсловесныя животныя, съ которыми сравниваетъ матеріалистовъ Ю. Ѳ. Самаринъ въ своихъ письмахъ о матеріализмѣ [78]), а люди, поставившіе цѣлію своей жизни самоотверженное служеніе Богу, имѣю-

---

[71]) Канонъ. [72]) Икосъ по 6 пѣсни, окт. 2. [73]) Авг. 2, стих. на стиховнѣ св. Василію. [74]) Мѳ. XVI, 24. [75]) Мѳ. VII, 13. [76]) Галат. V, 24. [77]) Галат. VI, 17. [78]) Прав. обозр. 1877 г. апр. и май.

щіе въ основѣ своей нравственной дѣятельности удовлетвореніе высшимъ потребностямъ духа, не взирая на то, что жизнь ихъ была исполнена самыхъ сильныхъ непріятностей, огорченій, страданій и бѣдствій, полагающіе счастье свое въ богоуподобленіи и достигающіе его путемъ распинанія своей плоти, т. е. грѣха, путемъ сначала внутренней борьбы, изъ которой само собою вытекала, потомъ, и внѣшняя — съ плотью.

Чѣмъ же объяснить спокойно-благодушное перенесеніе св. юродивыми страданій и различнаго рода самолишеній?

Исполненіе воли Божіей одно только и сообщало св. юродивымъ благодушіе въ перенесеніи скорбей. Но какимъ образомъ? истинное благодушіе рождается изъ истиннаго благобытія, или благосостоянія нашего существа, когда человѣкъ душею и тѣломъ находится въ состояніи благоустроенномъ, сообразномъ съ его естествомъ и цѣлію, для которой онъ созданъ Богомъ. Какъ музыкальное орудіе тогда издаетъ пріятные звуки, когда оно хорошо настроено, такъ и человѣкъ тогда имѣетъ благодушіе, когда существо его благонастроено, всѣ силы его имѣютъ правильное взаимное отношеніе, законно дѣйствуютъ и стремятся къ истинной своей цѣли. А въ это именно состояніе благонастроенія и приводитъ человѣка исполненіе Божіихъ заповѣдей. Господь, какъ любовь и благость, далъ человѣку благія заповѣди, вполнѣ сообразныя съ его существомъ въ его правильномъ состояніи: исполненіе заповѣдей Божіихъ и рождаетъ благоустройство во всемъ составѣ человѣка и невозмутимыя спокойствіе и благодушіе. Исполненіе воли Господа даетъ миръ и спокойствіе совѣсти, вноситъ въ духъ человѣка еще высшій миръ Божій, превосходящій всякій умъ [79]). Благочестивая душа, исполняющая заповѣди Господни, всегда чувствуетъ этотъ миръ. А это чувство, невыразимо сладостное и утѣшительное для человѣка, проливаетъ отрадный миръ въ его душу: „миръ многъ любящымъ законъ Твой, Господи, аки

---

[79]) Филипп. IV, 7.

рѣка миръ ихъ“ [80]), такъ что при всѣхъ случающихся съ нимъ скорбяхъ, онъ никогда не падаетъ духомъ и въ скорбяхъ радуется, по слову св. апостола Павла: „яко скорбяще, присно же радующеся“ [81]). Эта радость и сопровождала всегда страданія св. юродивыхъ, которые, созерцая мысленно вѣчную награду, уготованную имъ за лишенія, знали, что земныя страданія ихъ ничего не значатъ въ сравненіи съ тою неизреченною славою, какая ожидаетъ страдальцевъ на небѣ: они прекрасно сознавали, что они должны быть непремѣнно крестоносцами на землѣ, мучиться на землѣ. Вѣдь, какъ розы не растутъ безъ шиповъ, такъ и христіанинъ не можетъ проводить жизни безъ креста; имъ было извѣстно, что каждый человѣкъ отъ вѣчности предопредѣленъ къ несенію креста Самимъ Богомъ для того, чтобы онъ могъ уподобиться образу Единороднаго Сына Божія, Іисуса Христа. Смотря на время своей жизни, какъ на скорое теченіе къ вѣчному пристанищу и покою, св. юродивые благодушно и переносили всѣ лишенія въ твердомъ упованіи, что страданія ихъ въ будущей жизни явятъ имъ вѣчную славу [82]).

Но, говорятъ,—обречь себя на жизнь столь низкую и презренную, дѣлать изъ себя посмѣшище для другихъ, вызывать различныя страданія,—не значитъ-ли это унижать человѣчество? какъ согласить эти поступки св. юродивыхъ съ здравымъ разумомъ? но, во первыхъ, изъ началъ разума можно непосредственно производить одни всеобщія нравственныя правила, а не частныя, приличныя только немногимъ, или опредѣляющія необыкновенный образъ жизни: но по тѣмъ же началамъ нельзя и отвергать исключительныхъ такихъ правилъ, и, во вторыхъ, какъ ни страненъ образъ жизни св. юродивыхъ, но примѣры святыхъ показываютъ, что онъ былъ, при помощи благодати Божіей, средствомъ къ снисканію высокаго духовнаго совершенства, и въ немъ мы видимъ одно наружное, кажущееся униженіе человѣчества, но оно вознагра-

---

[80]) Пс. CXVIII, 165. [81]) 2 кор. VI, 10. [82]) 2 Кор. IV, 18.

ждается и даже совсѣмъ исчезаетъ при внутреннемъ, существенномъ возвышеніи духа.

Итакъ, „юродство“, освобождая человѣка отъ оковъ мірской жизни, подставляло его неприкрытымъ подъ удары людской ненависти, но въ замѣнъ этого дѣлало для него возможными и необходимыми Христовы страданія, давая ему соучастіе въ нихъ, по словамъ св. апостола Петра [83]). А участіе въ страданіяхъ Христовыхъ, необходимое условіе участія въ Его славѣ: „понеже пріобщаетеся Христовымъ страстемъ, радуйтеся, яко да и въ явленіе славы Его возрадуетеся веселящеся. Аще укоряемы бываете о имени Христовѣ, блажени есте: яко славы и Божій Духъ на васъ почиваетъ: онѣми убо хулится, а вами прославляется“ [84]). „Понеже съ Нимъ страждемъ, да съ нимъ и прославимся“ [85]), „сообразуяся смерти Его“ [86]). „Аще терпимъ, съ Нимъ и воцаримся“ [87]). „Аще міръ васъ ненавидитъ, вѣдите, яко Мене прежде васъ возненавидѣ. Аще отъ міра бысте были; міръ убо свое любилъ бы: якоже отъ міра нѣсте, но Азъ избрахъ вы отъ міра, сего ради ненавидитъ васъ міръ. Аще Мене изгнали и васъ ижденутъ“ [88]), говоритъ Іисусъ Христосъ св. апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ Своимъ послѣдователямъ.

Насколько для христіанина желательно участіе въ Христовой славѣ, которая есть истинная жизнь, настолько для него необходимо „юродство“. Оно открываетъ въ человѣкѣ славу Христа или, что то-же, истинную Его жизнь, посколько послѣдователь его носитъ въ своемъ тѣлѣ мертвость Его [89]).

---

[83]) Петр. IV, 15—17. [84]) Петр. IV, 13, 14. [85]) Римл. VIII, 17. [86]) Филипп. III, 10. [87]) 2 Тим. II, 11. [88]) Іоанн. XV, 18—20. [89]) 2 Кор. IV, 10; 2 Тим. II, 11, 12. Филипп. III, 10.

ГЛАВА VII.

Смиреніе въ „юродствѣ“ и его обнаруженія. Смиреніе духа.

Христа ради „юродство“ имѣетъ, такимъ образомъ, большое значеніе для роста духовной жизни человѣка. Тотъ переворотъ въ человѣкѣ, который служитъ условіемъ нарожденія въ немъ духовной жизни, прежде всего, какъ видѣли, заключаетъ въ себѣ сознаніе человѣкомъ своего ничтожества предъ Богомъ. Но чувства человѣка въ отношеніи къ Богу получаютъ полное значеніе, пріобрѣтаютъ надлежащую силу, лишь будучи проявлены въ отношеніяхъ его къ другимъ людямъ. Это смиреніе. Его истинный смыслъ въ сознаніи человѣкомъ своего матеріальнаго ничтожества въ отношеніи къ идеалу безусловнаго совершенства; но оно становится чувствомъ надлежащей силы, лишь становясь смиреніемъ человѣка въ отношеніи къ другимъ людямъ, какъ говоритъ св. апостолъ Петръ: „повинитеся вси другъ другу, стяжите смиренномудріе“ [1]). Смиреніе человѣка въ отношеніи къ людямъ и составляетъ „юродство“. Христіанину надлежитъ добровольно отказаться отъ всего, что ставитъ его внѣшнимъ образомъ впереди другихъ въ направленіи мірской жизни, въ направленіи къ идеаламъ естественнаго достоинства и благосостоянія, отъ власти, нарядной внѣшности, отъ репутаціи умнаго человѣка, отъ всего того, что ставитъ выше другихъ и, напротивъ, стремиться къ тому, что обезличиваетъ человѣка, унижаетъ, какъ учитъ Спаситель: „иже убо смирится яко отроча. той есть болій во царствіи небеснѣмъ“ [2]), „иже аще хощетъ вящшій быти, да будетъ вамъ слуга и иже аще хощетъ быти въ васъ первый, буди вамъ рабъ“ [3]), и Самъ показалъ примѣръ смиренія, умывъ ноги своимъ ученикамъ и заповѣдавъ имъ „творить такожде“ [4]). Въ этомъ же настроеніи смиренномудрія христіане должны

---

[1]) Петр. V, 5. [2]) Мѳ. XVIII, 4. [3]) Мѳ. XX, 26, 27. [4]) Іоанн. XIII, 14, 15.

признаваться другъ другу въ проступкахъ: „исповѣдайте другъ другу прегрѣшенія, яко да исцѣлѣете“ [5]).

Величіе „юродства“ и открывается изъ величія христіанскаго смиренія, выражающагося въ добровольномъ самоотреченіи; быть безъ всякой претензіи на внѣшнее достоинство, быть униженнѣе тѣхъ, съ которыми живешь и которые тебя знаютъ и, что тоже, не выдѣляться изъ толпы, быть свободнымъ отъ оковъ міра, жить такъ, чтобы внѣшній бытъ не препятствовалъ исполненію существенныхъ требованій христіанской нравственности, а совмѣщался съ христіанскимъ духомъ, питалъ его,—вотъ то, что, составляя величіе смиренія, возвышаетъ подвигъ „юродства“, возвышаетъ именно тѣмъ, что принявшій его на себя долженъ побороть самого себя, искоренивъ изъ своего сердца трудно искоренимое, самое живучее чувство въ душѣ человѣка—самолюбіе. Многое можетъ переносить человѣкъ, но съ оскорбленіемъ своего самолюбія ему трудно мириться. Высоко надъ всѣмъ земнымъ можетъ подняться человѣкъ, но и тутъ самолюбіе не покидаетъ его и служитъ иногда причиной его гибели. Сокрушить этого непримиримаго врага и стремились св. юродивые смиреніемъ, которое было непремѣннымъ спутникомъ всей ихъ жизни и которое составляло цѣль и конецъ ихъ уподобленія Іисусу Христу. Такого расположенія духа, въ которомъ человѣкъ бываетъ чуждъ всякой мысли о своихъ совершенствахъ, хотя бы и имѣлъ ихъ и со всею живостію чувствуетъ и сознаетъ свое ничтожество, немощь, требуетъ и самое существо дѣла, такъ какъ, во первыхъ, христіанская жизнь есть путь къ первобытному совершенству, въ какомъ человѣкъ былъ сотворенъ; но оно потеряно чрезъ гордость, слѣдовательно, возвращено можетъ быть не иначе, какъ чрезъ смиреніе; во вторыхъ, все дѣло спасенія нашего есть главнымъ образомъ дѣйствіе благодати Божіей, а не нашихъ собственныхъ силъ, значитъ, не намъ, а имени Господню принадлежитъ за все слава и

[5]) Іак. V, 16.

благодареніе. Поэтому то, въ третьихъ, Господь Іисусъ Христосъ первый источникъ блаженства указалъ именно въ нищетѣ духовной [6]) и путь къ возвышенію—въ смиреніи и уничиженіи: „всякъ возносяйся смирится смиряяй же себе вознесется“ [7]) и, призывая слѣдовать за собою всѣхъ желающихъ, внушаетъ, чтобы они наипаче поучались у Него кротости и смиренію: „научитеся отъ Мене яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ“ [8]). Наконецъ, въ четвертыхъ, св. подвижники также не находятъ довольно словъ, чтобы достаточно восхвалить и показать необходимость смиренія въ духовной жизни. „Прежде всего, сынъ мой, говоритъ св. Антоній великій, удаляйся гордости и люби смиреніе. Отъ смиренія рождается познаніе истины, отъ познанія истины вѣра, отъ вѣры—надежда, отъ надежды—любовь, отъ любви—повиновеніе, отъ повиновенія—постоянное исполненіе заповѣдей“ [9]). „Думаешь ли ты, говоритъ св. блаженный Августинъ, воздвигнуть великое зданіе въ высоту? позаботиться прежде всего объ основаніи его внизу; это основаніе есть смиреніе“. „Истинный признакъ христіанства въ томъ состоитъ, учитъ св. Макарій Египетскій, чтобы какой трудъ кто ни понесъ, какія бы добродѣтели ни совершилъ, такъ себя вести, какъ бы ничего не сдѣлалъ, и постящійся долженъ говорить—я не постился, и молящійся—я не молился, и бдящій въ молитвѣ—я не бдѣлъ, а только начинаю упражняться и трудиться, и праведный предъ Богомъ долженъ говорить—я не праведенъ и еще не подвизаюсь, а только начинаю каждый день“ [10]). „Какъ богатолюбивый, хотя соберетъ многія тысячи, не бываетъ тѣмъ доволенъ, но тѣмъ паче дѣлается несытымъ его желаніе; или, какъ лишенный сладкаго питія, прежде нежели насытился онымъ, еще большею воспламеняется жаждою, тако и вкушеніе Божіей сладости выше всякой сытости. Напротивъ того, чѣмъ болѣе кто обогащается симъ богатствомъ, тѣмъ паче пред-

---

[6]) Мѳ. V, 3. [7]) Лк. XVIII, 14. [8]) Мѳ. XI, 29. [9]) Христ. чтен. 1826 г. ч. XXIII. [10]) Бес. XXV, § 11.

ставляетъ себя нищимъ. Таковые христіане сами въ себѣ не высоко цѣнятъ душу свою, но крайне уничиженными пребываютъ предъ Богомъ и почитаютъ себя рабами всякаго человѣка“ [11]). „Тѣ, которые сподобились содѣлаться чадами Божіими и въ себѣ имѣютъ просвѣщающаго ихъ Христа столько уничижаютъ себя, что не представляютъ и человѣка, который былъ бы ихъ ниже, но себя почитаютъ изъ всѣхъ послѣдними“ [12]). „Душа истинно боголюбивая и христолюбивая, хотя бы совершила тысячи праведныхъ дѣлъ, по ненасытному своему стремленію къ Господу думаетъ о себѣ будто бы ничего еще она не сдѣлала: хотя бы изнурила тѣло свое постами и бдѣніями, при такихъ остается чувствованіяхъ, будто бы не начинала еще трудиться для добродѣтелей; хотя бы сподобилась достигнуть различныхъ духовныхъ дарованій, или откровеній и небесныхъ таинъ, по безмѣрной и ненасытимой любви своей ко Господу, сама въ себѣ находитъ, будто бы ничего еще не пріобрѣла; а напротивъ того, ежедневно алкая и жаждая, съ вѣрою и любовію пребывая въ молитвѣ, не можетъ насытиться благодатными тайнами и благоустроеніемъ себя во всякой добродѣтели. Она уязвлена любовію небеснаго Духа, при помощи благодати непрестанно возбуждаетъ въ себѣ пламенное стремленіе къ небесному Жениху, вожделѣваетъ совершенно сподобиться таинственнаго и неизреченнаго общенія съ Нимъ въ святынѣ Духа, съ откровеннымъ лицемъ души, взираетъ на небеснаго Жениха лицемъ къ лицу, въ духовномъ и неизглаголанномъ свѣтѣ, со всею несомнѣнностью входитъ въ единеніе съ Нимъ, сообразуется смерти Его, съ великимъ вожделѣніемъ непрестанно, ожидаетъ смерти Христа, несомнѣнно вѣруетъ, что чрезъ Духа пріиметъ совершенное избавленіе отъ грѣха и тьмы страстей и, очистившись Духомъ, освятившись душевно и тѣлесно, сподобится стать чистымъ сосудомъ для пріятія въ себя небеснаго міра и обителію небеснаго и истиннаго Царя Христа“, продолжа-

[11]) Сл. VI, гл. 3, стр. 545. [12]) Сл. VI, гл. 6, стр. 549.

етъ тотъ же св. отецъ [13]). Авва Дороѳей говоритъ: „старайся привести себя въ такое устроеніе, чтобы во всемъ находить себя достойнымъ укоренія. Вѣруй, что безчестія и досады суть врачества отъ гордости. Молись объ укоряющихъ тебя, объ истинныхъ врагахъ твоихъ, при несомнѣнномъ убѣжденіи, что ненавидящій безчестіе, ненавидитъ смиреніе, и убѣгающій отъ огорченій, бѣжитъ отъ кротости“ [14]). И въ этомъ то смиренномъ сознаніи своего ничтожества именно и заключается тайна возвышенія или преспѣянія христіанскаго. „Питай въ себѣ постоянно то чувство, что ты муравей и червь, говоритъ преподобный Ѳеогностъ, да содѣлаешься богозданнымъ человѣкомъ и сколько унизишь себя, столько же возвысишься. Если ты, подобно псалмопѣвцу, почитаешь себя, яко ничтоже предъ Богомъ [15]), то изъ малаго непремѣнно сдѣлаешься великимъ, и въ то время, когда думаешь, что не имѣешь и не знаешь ничего, обогащаешься и дѣятельностью и вѣдѣніемъ достохвальнымъ о Господѣ“ [16]). Совершенство смиренія, по словамъ св. Исаака Сирина, состоитъ въ томъ, чтобы съ радостью сносить ложныя обвиненія. Кто истинно смиренномудръ, тотъ, будучи обиженъ, не возмущается и ничего не говоритъ въ свою защиту о томъ, въ чемъ онъ обиженъ, принимаетъ клеветы, какъ истину, и не старается увѣрять людей, что онъ оклеветанъ, но проситъ прощенія. Иные добровольно навлекали на себя названіе непотребныхъ, не будучи таковыми; другіе же терпѣли именованіе прелюбодѣевъ, будучи далекими отъ прелюбодѣянія и слезами свидѣтельствовали, что несутъ на себѣ плодъ грѣха, котораго не дѣлали, и съ плачемъ просили у обидѣвшихъ прощенія въ беззаконіи, котораго не совершали, когда душа ихъ была увѣнчана всякою чистотою и непорочностію. Иные же, чтобы не прославляли ихъ за превосходныя правила жизни, соблюдаемыя ими въ тайнѣ, представлялись въ образѣ юродивыхъ, бывъ растворены божественною солію и непоколебимы въ своей тишинѣ, такъ

---

[13]) Бес. X, § 4, стр. 106, 107. [14]) Епископъ Игнатій Брянчаниновъ; о терпѣніи скорбей, стр. 25. [15]) Пс. XXXVIII, 6. [16]) Тамъ же.

что на высотѣ совершенства своего святыхъ ангеловъ имѣли провозвѣстниками своихъ добродѣтелей [17]). Непремѣнною чертою смиренія служитъ, значитъ, сокровенность, т. е. такое поведеніе, чтобы, гдѣ не требуетъ обязанность или настоятельная нужда, не обнаруживать своихъ подвиговъ предъ людьми, а совершать ихъ въ тайнѣ, предъ лицемъ одного Бога. Такая сокровенность, весьма необходимая человѣку для сохраненія, утвержденія и приведенія въ зрѣлость добродѣтели и требуемая Іисусомъ Христомъ [18]), и отличала жизнь и дѣятельность св. юродивыхъ, и „юродство“ дѣлала прямо противоположнымъ фарисейству. Тогда, какъ фарисей живетъ одною только показанностію, при своей духовной пустотѣ и скрываетъ чрезъ это развращенность своего ума, сердца и воли, юродивый, напротивъ, отъ внѣшнихъ дѣлъ добродѣтели отказывается даже и тогда, когда они являются необходимымъ выраженіемъ и плодомъ его дѣйствительной внутренно-добродѣтельной настроенности.

Можно сказать, что насколько велико до безмѣрности и преступно самолюбіе фарисея, настолько и даже болѣе величественно и достойно великой похвалы христіанское смиреніе юродиваго, добровольно отказывающагося не только отъ наградъ и чести, но и отъ добраго о себѣ мнѣнія со стороны людей, а потому оно, какъ одно изъ существенныхъ проявленій „юродства“ не представляетъ изъ себя родъ притворства, лицемѣрія противныхъ чувству истинно-любія и искренности христіанскихъ. Въ томъ, что оно происходило изъ началъ совершенно истинныхъ, увѣрятъ насъ фактическія данныя.

Смиреніе побуждало всѣхъ св. юродивыхъ держать себя ниже, чѣмъ какъ подобало имъ по сану и по положенію (напр. священства—Авраміи, монашества,—Симеонъ, Михаилъ и др.), слагать съ себя высокое достоинство и переходить въ низшее состояніе (св. Михаилъ Клопскій сложилъ княжеское достоинство), вращаться въ обществѣ

---

[17]) Ковал., стр. 65; твор. св. Ис. Сир. М. 1854 г. сл. 58, стр. 377, 8 и 53 и 285—92. [18]) Мѳ. VI, 1—6.

презрѣнныхъ людей и т. п. Съ этой стороны „юродство“ есть въ извѣстныхъ цѣляхъ роль, если можно употребить такое слово, личнаго спасенія, а главное—общественнаго служенія. Оставляя пока въ сторонѣ дѣло общественнаго служенія св. юродивыхъ, ограничимся теперь интересами личнаго спасенія ихъ.

Такъ, св. Симеонъ прежде чѣмъ выступить на подвигъ „юродства“, въ Іерусалимѣ, у гроба Господня молился, прилежно, дабы его дѣла Господь покрылъ предъ человѣки, дондеже отъ житія сего преставленъ будетъ, яко да убѣжитъ тщетныя славы и возношенія, но яко безумнаго и несмысленнаго всѣ да имѣютъ его, и самъ онъ „чудесная своя дѣла благодатію Божіею творимая, покрывалъ являемымъ изъ внѣ юродствомъ“ [19]). Когда, нѣцыи отъ знавшихъ св. Прокопія Устюжскаго, видяще его юродственное житіе, начаша того блажити, глаголюще: сей человѣкъ великъ есть предъ Богомъ, понеже отъ иныя страны, и отъ зловѣрія въ правовѣріе со многимъ имѣніемъ сѣмо пришедъ, вся раздаде неимущимъ, самъ же нищету возлюбивъ, юродъ творится Христа ради, тогда таковая словеса блаженный Прокопій многажды слышавъ, опечалися вельми, и не терпя отъ человѣкъ хвалимый быти, пойде оттуда къ восточнымъ странамъ, всюду юродствуя, и многая озлобленія отъ неразумныхъ пріемля [20]). Съ того времени, какъ въ Клопскомъ монастырѣ узнали о княжескомъ происхожденіи преподобнаго Михаила, то „вельми начаша чтити блаженнаго“, но онъ всего менѣе желалъ извѣстности у людей и потому больше прежняго сталъ юродствовать [21]). Св. Іоаннъ Устюжскій въ день творяшеся предъ человѣки аки юродъ, ристая по улицамъ, дабы его не познали“ [22]). Жизнь добродѣтельная св. Исидора Твердислова, „аки подъ спудомъ подъ образомъ юродства таима бѣ“ [23]). Преп. Исакій Печерскій, „не хотя славы отъ человѣкъ, нача юродство творити“ [24]). Не желая, чтобы добрыя дѣла св. юродивыхъ видѣли люди, они своими

[19]) Чет. Мин. 21 іюля, л. 146. [20]) Чет. Мин. 8 іюля, л. 48. [21]) Житія Филарета, архіеп. Черниг. янв. 11, стр. 128. [22]) Прол. 29 мая л. 68. [23]) Чет. Мин. 14 мая, л. 112. [24]) Кіев. печ. пат. 14 февр., л. 146.

странностями прикрывали свои добродѣтели и совершали ихъ въ тайнѣ. Св. Симеонъ, „покрыти хотя пощеніе свое, многажды по семидневномъ неяденіи ядяше мяса предъ всѣми, нарочно того ради, да не точію яко юрода, но и яко грѣшна мнятъ его вси быти“; онъ же „на большее мнимаго своего юродства показаніе, отлагаше стыдѣніе человѣческое, и множицею обнаженъ по торжищу хождаше, овогда храмля, овогда скача, овогда же по земли ползаше, и текущымъ по пути запинаше нозѣ, и лежя на земли біяше землю ногами и ина многая очесемъ человѣческимъ неугодная и нелѣпая дѣяше, всѣмъ себѣ безумна быти являя, да никтоже мнитъ его быти свята“ [25]). Однажды, пробывъ весь великій постъ безъ пищи, св. Симеонъ въ великій страстной четвергъ рано утромъ „на торжищи сѣдя ядяше“, чѣмъ приводилъ всѣхъ въ смущеніе и получалъ замѣчанія, „яко ни святаго четверга не почитаетъ, но рано ястъ“ [26]). Чтобы люди не могли знать о его чудесахъ, онъ „творяшеся бѣсенъ, и акибы отъ бѣсовскаго дѣйства вѣсть дѣемая въ тайнѣ въ человѣцѣхъ, того ради съ бѣснующимися хождаше яко единъ отъ нихъ сый“ [27]). Послѣ недѣльнаго поста одинъ разъ въ воскресенье утромъ св. Симеонъ взялъ колбасу, перекинулъ черезъ плечо, „аки орарь діаконскій“, а въ лѣвую руку горчицу и, „омокая колбасу въ горчицу тако ядяше: приходящимъ же къ нему играти, уста горчицею помазоваше“ [28]). Онъ же охотно принимаетъ на себя обвиненіе въ нецѣломудріи и вотъ по какому случаю: когда одинъ корчемникъ, раскаявшись въ томъ, что напрасно билъ св. Симеона, разбившаго сосудъ съ виномъ, куда выпустила ядъ змія, сталъ почитать его, то св. Симеонъ вотъ что сдѣлалъ, чтобы его ругали: „нѣкоего дне почивающей женѣ корчемниковой единой въ храминѣ своей, а корчемнику вино продающу, пріиде къ ней старецъ, и нача совлекати съ себе одежды, и творяшеся аки лещи съ женою хотяй. Она же видящи то, воскрича, и притече мужъ ея, и рече жена къ мужу: иждени

[25]) Чет. Мин. 21 іюля, л. 147, 149. [26]) Тамъ же, л. 149. [27]) л. 151 об. [28]) Тамъ же, л. 151.

проклятаго сего юрода, яко насиловати мя хощетъ. Бивъ убо мужъ старца заушенми, изгна его вонъ на стужу: бѣ бо мразъ велій и дождь, и сѣдяше старецъ внѣ, терпя хладъ, въ единой сый ветсѣй и раздраннѣй одеждѣ. Оттолѣ не точію самъ корчемникъ не вмѣняше его въ святаго, но и другимъ, аще кто глаголаше, яко Симеонъ Христа ради юродствуетъ, извѣщаваше съ клятвою глаголя: по истинѣ бѣсенъ есть, и ума не имать. еще же и блудникъ, жену бо мою насиловати хотѣ, и мясо ястъ, и иная неподобающая дѣла творитъ, яко не имый Бога“ [29]). Для того, чтобы предать забвенію свои добрыя дѣла, нѣкоторые изъ св. юродивыхъ покидали совсѣмъ или на время мѣста своего жительства. Такъ преп. Исидора послѣ того, какъ ушелъ изъ монастыря преп. Питиримъ, „не терпящи быти почитаема отъ сестеръ, изыде тайно изъ монастыря, и въ несвѣдомыхъ мѣстѣхъ крыяшеся даже до преставленія своего къ Богу“ [30]). Когда нѣкто торговецъ Фускарій, у котораго жилъ св. Симеонъ, и его жена стали почитать послѣдняго за совершенное имъ чудо (онъ голыми руками принесъ горячихъ угольевъ), то „онъ бѣжа изъ дому того, и не возвратися, дондеже то чудо въ забвеніе пріиде“ [31]). „Никтоже отъ человѣкъ вѣдяще добродѣтельнаго житія св. Прокопія Устюжскаго“ [32]). О св. Василіи московскомъ извѣстно, что онъ „ничтоже глаголаше, и аки безгласенъ творяшеся, утаитися мня отъ человѣкъ добродѣтельми, Богу же точію вѣдомъ быти“ [33]). „Никтоже вѣдяше добродѣтельнаго житія блаженнаго Исидора Ростовскаго“; онъ съ этою цѣлью устроилъ себѣ кущу въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы глазъ человѣческій не могъ замѣтить его молитвы [34]). „Мѣста идѣже обыче въ тайнѣ молитися св. Симеонъ никтоже вѣдяше“ [35]). Св. юродивые всегда запрещали разсказывать про свои добродѣтели, которыя какимъ либо образомъ становились явными. Такъ св. Іоаннъ Устюжскій взялъ клятву съ любопытнаго священника, подсмотрѣвшаго,

[29]) Тамъ же, л. 147. [30]) Чет. Мин. 10 мая, л. 70. [31]) Чет. Мин. 21 іюля л. 146 об. [32]) Прол. 8 іюля, л. 73. [33]) Прол. авг. 2, л. 5. [34]) Прол. 14 мая, л. 33. [35]) Чет. Мин. 21 іюля 151.

какъ онъ легъ на горячіе уголья,—не разсказывать объ этомъ никому [36]). Св. Прокопій Устюжскій повѣдалъ клирику Симеону о явленіи ему ангеловъ Божіихъ подъ условіемъ никому не говорить до его смерти [37]). Одна благочестивая константинопольская женщина по имени Варвара видѣла въ изступленіи одинъ разъ на площади близь „Константинова столпа св. блаженнаго Андрея, ходяща посредѣ многихъ, аки столпа пламеннаго блистающагося“ и бѣсовъ, въ образѣ черныхъ эѳіоповъ, ходящихъ сзади его и говорившихъ о томъ, чтобы Богъ другого такого не далъ на землѣ, такъ какъ и этотъ юродивый „изжеглъ сердца наша и ругается всему міру“, и научающихъ людей бить св. Андрея, который молился за нихъ. И вотъ видитъ Варвара,—раскрылось, подобно вратамъ, небо и вылетѣло оттуда множество красивыхъ ласточекъ и среди нихъ бѣлоснѣжный голубь большой величины, несшій въ клювѣ золотой масличный листъ; онъ человѣческимъ голосомъ проговорилъ: „пріими листъ сей, его же Господь Вседержитель посла ти отъ рая, въ знаменіе благодати Своея, занеже милостивъ еси и человѣколюбивъ, якоже и Самъ Онъ милостивъ, и прославитъ тя, и возвеличитъ милость Свою на тебѣ, занеже біющія тя прощаеши, и милуеши, и молишися о нихъ, да не имѣютъ въ семъ грѣха. Сія глагола голубь, сѣдѣ на главѣ святаго“. Видя такое видѣніе благочестивая Варвара искушалась мыслью разсказать о немъ, чтобы люди знали, какихъ свѣтильниковъ имѣетъ Господь на землѣ. Много разъ пыталась она повѣдать о бывшемъ видѣніи, но сила Божія „возбраняше ей“. Послѣ встрѣтилъ ее св. Андрей и сказалъ: „храни тайну мою, Варваро, и никомуже повѣдай то, еже видѣла еси, донелѣ же пройду въ мѣсто селенія дивна, даже до дому Божія“. Та сказала ему: „аще и хощу кому повѣдати, но не могу, честный свѣтильниче и святче Божій, возбраняетъ бо ми невидимая сила Божія“ [38]). Св. Андрей заповѣдуетъ одному монаху, избавившемуся отъ страсти

---

[36]) Жит. св. Фил., архіеп. черниг. май 29, стр. 285. [37]) Тамъ же, стр. 71, іюля 8. [38]) Чет. Мин. окт. 2, л. 13.

сребролюбія по его молитвѣ: „блюди, да не повѣси яже о мнѣ никомуже: азъ же поминати тя начну день и нощь въ молитвахъ моихъ, да Господь Іисусъ Христосъ управитъ путь твой на доброе [39]). Онъ же, разсказавъ своему другу пресвитеру Никифору о восхищеніи его до третьяго неба и о видѣніи Іисуса Христа, „клятвами закля его, не повѣдати сего никомуже дондеже отъ тѣлесныхъ узъ разрѣшится [40]). Избавивъ отъ смерти одного ростовскаго купца, спущеннаго съ корабля въ море, св. Исидоръ Твердисловъ запретилъ ему разсказывать объ этомъ чудѣ: „никомуже повѣдай о мнѣ, но сказуй, яко божественная сила избави тя отъ глубины морскія". Когда купецъ возвратился въ Ростовъ, то увидѣлъ здѣсь св. Исидора юродствовавша; онъ снова „прещаше ему, да ни кому же повѣсть бывшаго на мори, и храняше то въ молчаніи купецъ оный даже до преставленія угодника Божія, сице и другія чудодѣянія его тайно совершахуся [41]). Св. Симеонъ Юрьевецкій, когда увидѣлъ его нѣкто переходящимъ Волгу, какъ по суху, сказалъ ему не безумствуя: „именемъ Божіимъ заклинаю тебя—никому не сказывай, что ты видѣлъ, какъ я ходилъ по Волгѣ, доколѣ я не отойду къ Господу, иначе если ты объ этомъ разскажешь, то вмѣсто благословенія, получишь отъ Бога наказаніе. Богу угодно, чтобы ты узналъ о мнѣ недостойномъ рабѣ Его, послѣ же моей смерти объявишь это о мнѣ, если будетъ на то воля Божія [42]). Какая то невидимая сила удерживала тѣхъ, которые думали разсказывать про дѣла св. юродивыхъ. Такъ, избавленный отъ прелюбодѣянія нѣкій юноша, „не можаше исповѣдати Симеона, яко исцѣли его". Нѣкто Балій тоже, не можаше изъявити цѣлителя своей изсохшей руки, токмо глаголаше: „яко инокъ нѣкій, носяй на главѣ своей вѣнецъ отъ финиковыхъ вѣтвей, исцѣли мя" [43]).

Высшую степень смиренія св. юродивыхъ составляло то, что они отказывались не только отъ всѣхъ разсужденій самолюбиваго разума, но даже и отъ довѣрія свидѣ-

[39]) Тамъ же, л. 14. [40]) Тамъ же, л. 15 об. [41]) Чет. Мин. 14 мая, л. 112. [42]) Поспѣловъ 27, 28. [43]) Чет. Мин. 21 іюля, 147 об.

тельству чувствъ. Такъ, св. Симеонъ послѣ разсказа другу своему діакону Іоанну о той наградѣ, какую онъ удостоился получить въ видѣніи за спасеніе многихъ человѣческихъ душъ, со вздохомъ заключилъ: „господине діаконе, ничтоже вѣмъ себе сотворша таково, еже бы достойно было небеснаго воздаянія: юродъ бо и лишенный разума кую мзду имать пріяти; развѣ туне благодатію своею помилуетъ мя Владыка мой“ [44]) и добрыя дѣла свои онъ называлъ „лѣностію окаяннаго своего житія“ (тамъ же). Св. Андрей, когда въ сильный морозъ хотѣлъ согрѣться около пса и когда лишился и этого послѣдняго желанія, то сказалъ самъ себѣ: „о коль грѣшенъ еси окаянне, яко не точію человѣцы, но и пси гнушаются тобою“ [45]). Одинъ инокъ скитскій былъ высланъ пресвитеромъ за какой то грѣхъ изъ храма, и св. юродивый Виссаріонъ всталъ и вышелъ вмѣстѣ съ нимъ, говоря: „и я тоже грѣшникъ“ [46]). Такое смиреніе духа возникало въ св. юродивыхъ вслѣдствіе того, что ихъ взоръ постоянно прикованъ, такъ сказать, былъ къ созерцанію своей душевной нечистоты, и они считали себя потому послѣдними отребіями міра. „Симонъ, ты глупецъ, несытая гортань“, говорилъ самъ себѣ св. Симонъ Юрьевецкій [47]), выражая тѣмъ свое нравственное ничтожество.

Упражненіемъ въ духовномъ смиреніи для св. юродивыхъ служило терпѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, они принимаютъ различныя обвиненія на себя, подвергаются насмѣшкамъ, ударамъ, отрекаются отъ ума и т. п. для того, чтобы выработать въ себѣ нравственный характеръ, пріобрѣсти извѣстную стойкость въ добродѣтели, переломить себя, а это и составляетъ смиреніе. Въ этомъ увѣряетъ насъ ученіе св. подвижниковъ. „Для стяжанія смиренія, читаемъ въ одномъ аскетическомъ твореніи, понудь себя и напрягись принять въ любительныя объятія свои всякія неудовольствія и прискорбности, какъ родныхъ сестеръ и всячески убѣгать славы и почестей, желая паче быть отъ всякаго уничижаемымъ

---

[44]) Чет. Мин. 21 іюля, л. 152 об. [45]) Чет. Мин. л. 14 об. [46]) Ковал., стр. 114. [47]) Поспѣловъ, стр. 10.

и незнаемымъ и ни отъ кого не получать попеченія и утѣшенія, кромѣ единаго Бога. Утверди въ сердцѣ своемъ, убѣдясь въ благотворности его, такой помыслъ, что Богъ есть единое твое благо и единое убѣжище, а всѣ другія вещи суть для тебя тернія, которыя, если вложить ихъ въ сердце свое, причинятъ тебѣ вредъ смертоносный. Если же случится тебѣ отъ кого потерпѣть пораженіе, не печалься о томъ, но перенеси то съ радостью, держа увѣренность, что Богъ тогда съ тобой. И не желай другой чести и не ищи ничего другого, какъ страдать за любовь къ Богу и за то, что служитъ къ наибольшей Его славѣ. Понудь себя и понасиль радоваться, когда кто скажетъ тебѣ оскорбительное слово, или осудитъ тебя, или презрѣніе тебѣ покажетъ, потому что подъ такимъ поношеніемъ и безчестіемъ сокрыто великое сокровище, и если ты благоохотно примешь ихъ, то очень скоро окажешься богатымъ духовно. Не ищи никогда, чтобъ тебя любилъ кто въ этой жизни и почиталъ тебя, чтобъ тебѣ свободнѣе было спострадать Христу распятому, ни отъ кого и ни отъ чего не встрѣчая въ томъ препятствія. Берегись себя самого, какъ злѣйшаго какого врага своего и не слѣдуй волѣ своей, ни уму своему, ни своему вкусу и чувству, если не хочешь потеряться. Потому, держи всегда наготовѣ оружія противъ себя самого, и когда хотѣніе твое склонится на что-нибудь, хотя бы святое, положи его одно, обнаженное отъ всего сторонняго, предъ Богомъ твоимъ, съ глубочайшимъ смиреніемъ умоляя Его, да будетъ въ этомъ Его, а не твоя воля; и сдѣлай это съ искренно-сердечнымъ преданіемъ себя въ волю Божію, безъ всякой примѣси самолюбія, зная, что самъ въ себѣ ты ничего не имѣешь и самъ по себѣ ничего сдѣлать не можешь въ дѣлѣ своего спасенія. Когда почувствуешь, что твоя душа уязвляется какимъ нибудь остномъ ядовитаго тернія, т. е. страстію или страстнымъ помысломъ, то усугубь вниманіе и напрягись не допустить ихъ до сердца, ставъ противъ нихъ лицомъ съ сопротивленіемъ имъ и сердце держа за собой недосязаемымъ для нихъ и чистымъ предъ Богомъ, Котораго, такимъ образомъ,

ты всегда будешь имѣть сущимъ внутрь тебя, въ глубинѣ твоего сердца, ради чистоты настроенія его“ [48]). Вотъ прекрасная иллюстрація смиренія св. юродивыхъ, которые, хотя совершили и тысячи праведныхъ дѣлъ, хотя сподоблялись различныхъ дарованій св Духа, откровеній и таинъ, однако считали себя не пріобрѣтшими ничего добраго для спасенія; такъ св. Симонъ юрьевецкій всю свою жизнь молится о томъ, чтобы душа его была сохранена отъ злыхъ духовъ въ часъ смертный; св. Симеонъ говоритъ другу своему діакону Іоанну: „азъ многу печаль и великъ страхъ имамъ, донелѣже прейду грозная оная мѣста, на нихже вся человѣческая дѣла и словеса истязуются подробну“ [49]). Значитъ, св. юродивые, несмотря на то, что всю свою жизнь истребляли въ себѣ грѣхъ и старались свою душу освободить отъ всего того, что стѣсняетъ ее во всей ея нравственной дѣятельности и не даетъ ей свободно дышать, не полагались на свои добрыя дѣла, но постоянно въ своемъ сердцѣ хранили самоосужденіе и, не высокомудрствуя о себѣ, всегда пребывали въ покаянныхъ чувствахъ и расположеніяхъ. Ихъ самоосужденіе служило основаніемъ всѣхъ ихъ добродѣтелей. Самоосужденіе св. юродивыхъ и происходящее отсюда постоянное покаяніе естественно рождало плачъ и душевное умиленіе. Это объясняется существомъ покаяннаго самоосужденія. Вѣдь, самоосужденіе всегда бываетъ обращено на разсмотрѣніе и испытаніе внутренняго человѣка, на сердце, гдѣ зачинаются и образуются и откуда исходятъ разные мотивы человѣческой дѣятельности. И потому, чѣмъ глубже человѣкъ погружается въ себя,. чѣмъ раздѣльнѣе и яснѣе представляетъ себѣ требованія Христова закона, чѣмъ внимательнѣе проникаетъ онъ въ свое сердце, тѣмъ яснѣе усматриваетъ его нечистоту, несовершенства своего поведенія, далекость жизни отъ евангельскихъ идеаловъ и тѣмъ болѣе поражается глубиною своего паденія и поврежденія своей природы. Слѣдствіемъ такого самопознанія и было то же-

[48]) Невидимая брань. Москва. 1892 г. стр. 261 263. [49]) Чет. Мин. 21 іюль л. 152 об.

ланіе нѣкоторыхъ св. юродивыхъ, чтобы послѣ ихъ смерти тѣла ихъ были погребаемы на дорогѣ, въ концѣ кладбища, или у церкви; чтобы какъ можно болѣе ногъ попирало ихъ прахъ. Такое, напримѣръ, желаніе выразилъ св. Николай Кочановъ [50]). Сознаніемъ своей окаянности объясняется и то, что св. Исидора „нечистѣйшихъ въ монастырѣ дѣлъ не гнушающися, скверныя очищаще мѣста, и бяше монастырю аки губа всякую нечистоту омывающая и очищающая“ [51]). Смѣло можно утверждать, что жизнь св. юродивыхъ была непрерывнымъ подвигомъ покаяннаго смиренія.

Далѣе, смиреніе св. юродивыхъ характеризовало ихъ, какъ дѣтей. Въ самомъ дѣлѣ, они вполнѣ осуществляли слова Спасителя: „аще не обратитеся, и будете яко дѣти, не внидете въ царство небесное“ [52]). Этотъ образецъ жизни и воплотили въ себѣ св. юродивые. Какимъ образомъ? Въ жизни естественной чѣмъ больше человѣкъ независимъ и самостоятеленъ, чѣмъ больше имѣетъ своей собственности, своего ума, своей воли и силы, своей дѣятельности, тѣмъ считается выше, совершеннѣй и достойнѣй другихъ. Напримѣръ, взрослый человѣкъ, возмужалый—выше и совершеннѣе юноши, потому-что можетъ жить самъ по себѣ, независимо и отдѣльно отъ отца, жить своимъ собственнымъ умомъ, управляться своей волей, питаться своимъ трудомъ и своими средствами. Юноша совершеннѣе отрока и младенца, потому-что хотя и не отдѣлился еще отъ отца, живетъ подъ одной съ нимъ кровлей, не имѣетъ еще ни своего дома, ни своего семейства и состоянія, но начинаетъ уже порождать собственныя мысли, составлять свои планы и предположенія, воспитывать и приготовлять собственныя силы къ самостоятельной жизни и дѣятельности. А что такое младенецъ по естеству? Онъ и немощенъ, и бѣденъ, и безсиленъ, и несмысленъ и безволенъ. А въ благодатной жизни, напротивъ, младенецъ по духу, болій есть во царствіи небеснѣмъ [53]). Младенецъ по естеству не имѣетъ

[50]) Жизнь и чудеса его, стр. 19. [51]) Чет. Мин. 10 мая, л. 69 об. [52]) Мѳ. XVIII, 3. [53]) Мѳ. XVIII, 4.

еще собственности. Пока находился онъ во чревѣ матери своей, онъ весь какъ бы погруженъ былъ въ ея жизнь: ея дыханіемъ онъ дышалъ, ея пищею питался, ея кровью возрасталъ и двигался. Родившись потомъ на свѣтъ, хотя отпалъ отъ своего корня и начинаетъ жить отдѣльною жизнью, но еще долго живетъ жизнію своей матери: ея молокомъ питается, на ея рукахъ носится, ея руками водится. Чтобы войти въ царствіе небесное, необходимо нужно человѣку низойти духомъ свободно и добровольно въ жизнь младенческую, отрѣшиться отъ самолюбія, самоумія, самочинія— „отбѣгше, яже въ мірѣ, похотныя тли“ [54]) и всею душею, всѣмъ помышленіемъ и всѣмъ сердцемъ возлюбить Господа Бога—быть единъ духъ съ Господомъ. Чѣмъ меньше въ человѣкѣ будетъ своего, человѣческаго,—тѣмъ больше въ немъ будетъ Божьяго, тѣмъ онъ выше и совершеннѣе будетъ въ царствіи небесномъ. „Уничижи себе: и узриши славу Божію въ себѣ“, говоритъ св. Исаакъ Сиринъ [55]). Изъ характеристики жизни дитяти можно будетъ еще рельефнѣе представить себѣ величіе „юродства“. Какія дѣла дитяти? спрашиваетъ св. авва Исаія и отвѣчаетъ: дитя, когда наказываютъ его, плачетъ; съ радующимися оно радуется; если укоряютъ его, оно не гнѣвается; похвалами не превозносится; если предпочтутъ ему другого, оно не тревожится ревностью; если возьмутъ отъ него что-либо принадлежащее ему, оно не смущается; если оставятъ ему наслѣдство, оно пребываетъ къ этому равнодушнымъ; оно не судится ни съ кѣмъ, не вступаетъ ни въ какіе споры, не ненавидитъ никого изъ людей. Дитя, находясь въ нищетѣ, не печалится объ этомъ; находясь въ богатствѣ, не превозносится; увидѣвъ женщину, не ощущаетъ вожделѣнія; сластолюбіе и попечительность не обладаютъ имъ; оно не осуждаетъ никого, никѣмъ не владѣетъ, никому не завидуетъ, не хвалится тѣмъ, чего не знаетъ; не насмѣхается надъ ближнимъ; не питаетъ вражды ни къ кому; не лицемѣритъ, не ищетъ мірскихъ почестей, не собираетъ богатства, чуждо сребролюбія, дерзости, не учитъ другихъ по

[54]) I Петр. 1, 8. [55]) Твор. св. Исаака Сирина сл. 51. Москва. 1854 г.

страстному побужденію высокоумія; ни о чемъ не заботится, если снимутъ съ него одежду, не скорбитъ объ этомъ; не слѣдуетъ собственной волѣ; не боится ни голода, ни злодѣевъ, ни звѣря, ни войны, ни гоненія“ [56]). Какая прекрасная иллюстрація жизни св. юродивыхъ. Дѣйствительно, св. юродивые слѣдовали за Христомъ, какъ малое дитя за своимъ отцемъ или матерью и, отложьше, по апостолу, всяку злобу, и всяку лесть, и лицемѣріе и зависть и вся клеветы, яко новорождени младенцы словесное и неленостное млеко возлюбили, чтобы возрасти во спасеніе [57]), они со страхомъ и трепетомъ спасеніе свое содѣвали [58]), злобою младенствуя [59]).

Вся ихъ жизнь краснорѣчивѣе всякихъ словъ говоритъ о томъ, что они считали себя ниже и хуже всѣхъ, ни передъ кѣмъ не превозносились, не считали себя способными для совершенія великихъ дѣлъ, не хвалились какимъ либо дѣломъ, а прикрывали его странными поступками, не превозносились дарами природы или благодати; не могли радоваться о стяжаніи, которое презрѣли и котораго не домогались [60]), не могли они и сѣтовать объ утратѣ чего нибудь, но въ духѣ смиренія веселились только о Господѣ; глубокое смиреніе святыхъ юродивыхъ заставляло ихъ во всѣхъ скорбяхъ и искушеніяхъ, какимъ они подвергались со стороны людей, не жаловаться ни на кого, а принимать ихъ, какъ должное; св. юродивые старались убѣгать отъ похвалъ людскихъ и съ этою цѣлію они скрывались отъ всего мірского и отъ людей, представляя себя безумными во многихъ случаяхъ [61]). Смиреніе духа побуждало св. юродивыхъ естественно удаляться отъ всего того, что оскорбляетъ другихъ и эта ихъ черта возводитъ подвигъ „юродства“ на степень общественнаго служенія.

---

[56]) О терпѣніи скорбей. Епископъ Игнатій Брянчаниновъ, стр. 127, 128. [57]) 1, Петр. II, 1. [58]) Филипп. II, 12. [59]) 1 Кор. XIV, 20. [60]) Св Симонъ Юревецкій, попросивъ у избавленнаго имъ отъ потопленія купца рубашку и сапоги, отказывается потомъ, когда тотъ исполняетъ его просьбу: „мнѣ они не нужны“ Поспѣловъ, стр. 22. [61]) Такой совѣтъ для утвержденія себя въ смиреніи давалъ еще Нитрійскій пустынникъ Авва Оръ (прибавл. къ твор. св. отцевъ XIII, Москва 1854 г., стр. 224).

ГЛАВА VIII.

„Юродство“, какъ общественный дѣятельный типъ. Любовь, какъ основное начало общественной св. юродивыхъ дѣятельности и ея проявленія. Значеніе св. юродивыхъ въ обществѣ, опирающееся на ихъ необыкновенныхъ духовныхъ дарованіяхъ.

Такимъ образомъ, подвигъ „юродства“ о Христѣ не есть только личный подвигъ, но принимающій его выступаетъ на общественное служеніе; даже болѣе, общественное служеніе есть завершеніе подвига; на это служеніе юродивый посылается какъ мужъ избранный, уже устроившій свое собственное дѣло и могущій научать и направлять другихъ. Св. юродивые совершали свои дѣла на глазахъ міра; жили они преимущественно въ большихъ городахъ: св. Симеонъ—въ Эмессѣ; св. Андрей—въ Константинополѣ; св. Максимъ, Василій и Іоаннъ—въ Москвѣ; св. Николай и Ѳеодоръ — въ Новгородѣ; св. Прокопій и Іоаннъ — въ Устюгѣ; св. Николай (салосъ) — въ Псковѣ: св. Іоаннъ (Власатый) —въ Ростовѣ; св. Лаврентій—въ Калугѣ. Находясь въ обществѣ, св. юродивые уже по существу дѣла обязательно такъ или иначе вліяли на него. Какое ихъ было вліяніе? вліяніе будетъ пассивнымъ, когда человѣкъ, исключительно занятый собой и своими дѣлами, вовсе не думаетъ о другихъ, и если онъ въ житейскихъ сношеніяхъ съ послѣдними такъ или иначе воздѣйствуетъ на нихъ, то воздѣйствуетъ не намѣренно, хотя съ точки зрѣнія христіанской нравственности и не безотвѣтственно за послѣдствія своего поведенія; но оно можетъ быть и активнымъ, когда вся жизнь, всѣ поступки, слова и дѣйствія человѣка имѣютъ за собою какія-либо, добрыя или дурныя цѣли и разсчитаны на что-либо, касающееся окружающихъ. Вліяніе св. юродивыхъ на общество было съ ихъ стороны обязательно активнымъ. Внѣшній ихъ образъ жизни, странные для другихъ поступки и дѣйствія — все это было намѣреннымъ и основано именно на разсчетѣ такъ или иначе

и, конечно, всегда съ благою цѣлію, подѣйствовать на другихъ. Вотъ третья характерная черта „юродства“ въ опредѣленіи проф. Е. Е. Голубинскаго: „юродство состоитъ въ томъ..., чтобы обличить современниковъ“ [1]).

Но достигали-ли св. юродивые въ своей жизни и дѣятельности тѣхъ высокихъ цѣлей, какія ставились всѣми истинными послѣдователями Спасителя и подражателями Его высокому примѣру, выступающими на служеніе ближнему — или что тоже — было-ли воздѣйствіе св. юродивыхъ на общество положительнымъ?

На поставленный вопросъ должно отвѣтить прямо: положительное воздѣйствіе св. юродивыхъ на окружающее общество не подлежитъ сомнѣнію. Чтобы понять это, разсмотримъ ближе взаимоотношенія св. юродивыхъ о Христѣ и общества. Юродивые въ обществѣ были не простыми глупцами; напротивъ, они имѣли въ своемъ родѣ великій авторитетъ. Прежде всего, они представлялись обществу загадочными существами; затѣмъ, всѣмъ бросалась въ глаза ихъ религіозность. А при сравнительной живости религіознаго чувства народъ всегда расположенъ ко всему таинственному и чудесному. Слѣдовательно, уже одно то, что „юродство“ при всей своей особенности являлось не какъ что либо совершенно новое и чуждое обществу, а напротивъ, такъ сказать, удовлетворяло важнѣйшимъ духовнымъ запросамъ этого общества, должно было отразиться на отношеніяхъ общества къ св. юродивымъ и къ лучшему для послѣднихъ. Затѣмъ, и главнымъ образомъ, значеніе св. юродивыхъ въ обществѣ опиралось, конечно на ихъ необыкновенныхъ духовныхъ дарованіяхъ — прозорливости, силѣ чудесъ и молитвы. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не уважать и до извѣстной степени не благоговѣть предъ такимъ человѣкомъ, который, подобно древнимъ пророкамъ, безстрашно является къ правителямъ и вельможамъ, сурово обличаетъ ихъ, угрожаетъ, и угроза его потомъ сбывается; или который загадочно возвѣщаетъ грядущее бѣдствіе на

---

[1]) Истор. русск. церкви, т. I, втор. половина, стр. 547.

все общество, и оно потомъ постигаетъ его; или—еще по просьбѣ этого общества молится о предотвращеніи грозящей бѣды, имъ же предсказанной, и молитва его доходитъ до небесъ, прелагая гнѣвъ Божій на милость. Вотъ почему и отношенія къ св. юродивымъ такъ измѣнялись: то ихъ гнали въ шею и били, а то, когда нужно, когда въ трудныя минуты общественной или частной жизни ожидали руководительства свыше, взоры всѣхъ направлялись къ юродивому. Его отыскивали, приводили въ собраніе, ласкали, какъ дитя, примѣняясь къ его мнимому младенческому состоянію, дарили разныя бездѣлушки, давали нерѣдко и деньги, словомъ, всячески старались задобрить и расположить къ себѣ; въ то же время зорко слѣдили за нимъ, примѣчая всѣ его движенія и поступки и чутьемъ угадывая, какое въ его странныхъ дѣйствіяхъ скрывается указаніе на истину, которую надо было уловить, разгадать непонятное. И голосъ св. юродиваго былъ гласомъ Божіимъ.

Общественная жизнь св. юродивыхъ характеризуется, какъ самоотверженная дѣятельность на пользу ближнихъ, совершаемая въ духѣ евангельской любви, безъ которой человѣкъ бываетъ мертвъ духовно: „не любяй брата, въ смерти пребываетъ“ [2]). Любовь св. юродивыхъ къ ближнимъ прежде всего выразилась въ ихъ незлобіи и прощеніи наносимыхъ имъ со стороны общества обидъ, сопровождавшимся молитвою за враговъ. Такъ, св. Андрей „вся терпяше и о пакостящихъ ему и біющихъ его моляшеся: да не будетъ имъ грѣха о семъ, иже ми біеніе творятъ, въ невѣдѣніи бо сія содѣваютъ, и невѣдѣнія ради отпущеніе пріимутъ“ [3]). Когда св. Исидору оскорбляли сестры монастырскія она: „не сотвори оскорбленія каковаго никомуже, ниже сама когда прогнѣвася или опечалися, ни поропта о чесомъ либо, но всегда молчаше, никомуже отвѣщавающи словесе каковаго, ни мала ни велика“ и, когда сестры, раскаявшись преподобному Питириму въ своихъ обидахъ, нанесенныхъ ими св. Исидорѣ, „припадающе къ блаженнѣй, просяху

---

[2]) 1 Іоанн. III, 14. [3]) Чет. Мин. окт. 2, л. 12 об. и 13.

прощенія", то она вмѣстѣ съ преподобнымъ Питиримомъ „молитву къ Богу о сестрахъ сотвори прилежну, еже простити согрѣшеніямъ ихъ" [4]). Св. Исидоръ Твердисловъ, когда поселился въ Ростовѣ, то отъ здѣшнихъ жителей терпѣлъ страшныя гоненія и побои, но самъ „яко въ чуждемъ тѣлеси все съ благодареніемъ терпяше, и никако же досадителемъ воздаваше, но токмо въ умѣ своемъ глаголаше къ Богу: Господи, не постави имъ въ грѣхъ сего" [5]). Св. Авра́мій Смоленскій „вся съ кротостію и смирѣніемъ терпяше, благодарящи Бога о напущенномъ на него искушеніи, и моляшеся о ненавидящихъ и обидящихъ его" [6]). Св. Прокопій Устюжскій „въ день оскорбляемь и озлобляемь бываше, а въ нощи ни мала покоя себѣ пріимаше, но по граду хождаше по всѣмъ св. церквамъ, и моляшеся Господеви со слезами за градъ и люди и за озлобителей своихъ, глаголя: Господи, не постави имъ грѣха сего" [7]). Св. Симонъ Юрьевецкій не только не отвѣчалъ зломъ на оскорбленія, но смиренно молился за обижавшихъ его [8]).

Такимъ образомъ, св. юродивые твердо держались одной цѣли, — чтобы, подвергаясь разнымъ обидамъ отъ людей, радоваться, а не скорбѣть; и они радовались, но радовались не безсмысленно, а на томъ основаніи, что обрѣтали благопріятный случай къ полученію прощенія своихъ грѣховъ, прощая ближнему, въ чемъ и заключается, по мнѣнію св. Марка подвижника, разумъ истины, который обильнѣе всякаго иного вѣдѣнія, потому что „изъ него, говоритъ онъ, можно умолять Бога, навѣрное зная, что молитва будетъ услышана; онъ — плодъ вѣры и доказательство вѣры во Христа; посредствомъ его можно легко нести крестъ; при его посредствѣ можемъ любить Бога отъ всего сердца и ближняго, какъ самаго себя; для его снисканія мы должны возложить на себя: постъ, бдѣніе и пр. подвиги и лишенія, чтобы и сердце и внутреннее рас-

[4]) Чет. Мин. 10 мая, л. 69 об. и 70. [5]) Прот. 14 мая, л. 32 об. и 33. [6]) Чет. Мин. авг. 21 л. 99 об. [7]) Чет. Мин. 8 іюля, л. 48. [8]) Кормч. 1895 г. № 44, стр. 582.

положеніе наше отверзлись, приняли его въ себя и уже не извергали. Тогда за прощеніе ближнему его согрѣшеній, усмотримъ въ себѣ дѣйствіе благодати, таинственно данной намъ св. крещеніемъ; она будетъ дѣйствовать на насъ не непримѣтно, но со всею очевидностію, вполнѣ ощутительно [9]). Но такому состоянію могло противодѣйствовать и, притомъ, очень сильно, тщеславіе; и вотъ молитва—то за враговъ научала смиряться предъ ближнимъ, и была единственнѣйшимъ средствомъ противъ памятозлобія и служила знаменіемъ любви и милованія. Эту мысль прекрасно выразилъ св. юродивый Симеонъ въ своемъ наставленіи другу діакону Іоанну: „блюди говорилъ онъ, да не приступаеши къ божественному служенію, имый гнѣвъ на кого, яко да не возбранятъ твоя грѣхи быти пришествію духа“ [10]). Главнѣйшимъ обнаруженіемъ любви къ ближнему св. юродивыхъ служила ихъ милостивость. Сущность ихъ милостивости заключается прежде всего въ состраданіи и жалостливости сердца ко всѣмъ чувствующимъ созданіямъ Божіимъ, а заслуга достоинства ея—въ самопожертвованіи для другихъ. Чувство милостивости, какъ и всякая вообще добродѣтель, проявлялось въ свят. юродивыхъ путемъ самопринужденія и обращалось потомъ уже въ навыкъ. Служеніе Богу, какъ мы видѣли, всѣ св. юродивые начинаютъ съ того, что все свое имущество раздаютъ бѣднымъ для того, чтобы „обнажиться отъ земныхъ вещей и быть духомъ съ небесными“, какъ говоритъ св. Варсануфій великій [11]). Въ самомъ дѣлѣ, рѣшившійся оставить все мірское, поступаетъ весьма благоразумно, когда, по слову Спасителя [12]), разомъ разстается съ своимъ стяжаніемъ, такъ какъ, по ученію блаженнаго Діадоха, „полезное дѣло при самомъ познаніи истины, съ выступленіемъ въ благое служеніе,—оставить безразсудное тщеславіе и не хвалиться богатствомъ, возненавидѣвъ свои пожеланія, дабы намъ не радоваться расточенію имѣнія, и чрезъ то болѣе уничижить свою душу такъ, какъ бы мы ничего добраго не

[9]) Епископъ Игнатій Брянчаниновъ, стр. 65, 66. [10]) Чет. Мин. 21 іюля, л 153. [11]) Рук. къ дух. жизни, отв. 629, стр. 437. [12]) Мѳ. XIX, 21.

дѣлали. Ибо доколѣ изобилуемъ богатствомъ, весьма увеселяемся, если дѣйствуетъ въ насъ сила добродѣтели, расточеніемъ онаго, какъ свидѣтельствомъ нашего усерднаго повиновенія Божію повелѣнію, а когда все издержимъ, постигаетъ насъ скорбь безмѣрная и уничиженіе, ибо намъ представляется, что мы не дѣлаемъ ничего достойнаго правды. Посему душа обращается, тогда съ великимъ смиреніемъ къ себѣ самой, дабы то, чего не можемъ пріобрѣтать себѣ каждодневно милостынею, стяжать посредствомъ прилежной молитвы, терпѣнія и смиренія“ [13]). Св. Исаакъ Сиринъ совѣтуетъ имѣющему имѣніе расточить его вдругъ и стать нищимъ для того, чтобы „по благодати Божіей, освободившись отъ попеченій, нищетою своею стать выше міра“ [14]). Съ этою цѣлью св. юродивые и раздавали свое имущество бѣднымъ и все то, что получали отъ добрыхъ людей, отдавали нищимъ. Такъ, св. Прокопій Вятскій, когда получалъ отъ кого хлѣбъ, деньги и т. п., то все это бросалъ нищимъ, больше же всего онъ ничего не бралъ [15]). Про св. Андрея извѣстно, что „аще кто отъ милостивыхъ нищелюбцевъ подаваше ему милостыню, онъ взимая инымъ убогимъ даяше ю, обаче не тако даяше, да познанъ будетъ яко милостыню даетъ, но яко юродъ, сваряся на нихъ, и аки бити ихъ хотя, меташе на лица имъ цаты, яже въ рукахъ имяше, и тако ихъ они собираху“ [16]). Св. Аврамій смоленскій „подаваемая ему раздаваше нищимъ“ [17]). Все, что давали добрые люди св. Андрею Тотемскому, онъ тайно раздавалъ нищимъ [18]). Св. Ѳеодоръ Новгородскій „убогимъ всякое требованіе творяше милостыню неоскудну подавая, и кто подаваше ему въ милостыню что денегъ, одежды, обуви и съѣсного, вся раздаваше убогимъ и неимущимъ“, не оставляя себѣ ничего [19]).

Интересны пріемы, съ какими нѣкоторые изъ св. юродивыхъ давали милостыню: когда св. Андрей получалъ

---

[13]) Христ. чт. 1827 г., ч. XXVIII, стр. 58. [14]) Сл. 56, стр. 341, 351. [15]) Житія св. Прокоп. и Триф. Вятскихъ. Вятка 1886 г., стр. 42. [16]) Чет. Мин. окт. 2 л. 11. [17]) Авг. 2 л. 100 Чет. Мин. [18]) Кормч. № 40 стр,. 534. [19]) Новг. еп. вѣд. 1898 г. № 14, стр. 861.

деньги, то, проходя мимо нищихъ, „игру творяше сребренники; нищіе же аки юрода порѣваху его, и похищаху сребренники. Онъ же ударяше ихъ пястію яко сваряся, и тамо пометая сребренники вси, и отбѣгаше отъ нихъ: нищіе же вземше сребренники и дѣляху на главы“, или однажды, онъ проходилъ мимо дома, гдѣ жили блудницы, одна изъ блудницъ схватила его за одежду, прибѣжали другія, вырвали у него одежду и покрыли его рогожей [20]). Объясненія такого страннаго способа благотворительности св. Андрея дается въ его жизнеописаніи: „се же творчше св. Андрей, да не явѣ будетъ милостыня его“ [21]).

Значитъ, глубокое чувство смиренія побуждало св. юродивыхъ скрывать такимъ образомъ свои добрыя дѣла. Вотъ съ какими свойствами проявлялась дѣятельная любовь св. юродивыхъ къ ближнимъ. Она носила характеръ, согласный съ основными требованіями закона Божія о любви къ ближнему, ибо въ дѣлахъ любви (милостыня) спасеніе [22]). А что именно такъ на милостивость смотрѣли св. юродивые, это ясно видимъ изъ наставленія св. Симеона юродиваго діакону Іоанну: „молю тя, брате, да никогоже отъ нищихъ, паче же отъ иноковъ презираеши, и укоряеши: да вѣсть любовь твоя, яко мнози въ нихъ злостраданіемъ очищени суть, и яко солнце сіяютъ предъ Богомъ. Молю тя, чадо и брате мой Іоанне, всячески тщися быти милосердъ, ибо въ грозный оный часъ милосердіе паче иныхъ добродѣтелей помощи намъ можетъ, пишется бо: блаженъ разумѣваяй на нища и убога, въ день лютъ избавитъ его Господь“ [23]).

На основаніи этихъ словъ св. юродиваго Симеона можно заключать, что онъ милосердіе поставлялъ на самую высшую степень нравственнаго совершенства, такъ какъ милостивіи и будутъ помилованы. Кромѣ того милостыня, по словамъ св. Симеона, оказываетъ сильное дѣйствіе на очищеніе и просвѣщеніе души. Въ этомъ увѣряетъ и ученіе св. отцевъ. „Какъ купель крещенія угашаетъ

[20]) Прол. 2 окт., л. 87. [21]) Тамъ же. [22]) Прологъ 20 янв., л. 525 об. [23]) Пс. XL, 2; Чет. Мин. 21 іюля, л. 152.

огнь геенскій, такъ милостыня истребляетъ пламень грѣховный. И какъ въ крещеніи однажды дается отпущеніе грѣховъ, такъ непрестанное упражненіе въ благотворительности постоянно низводитъ на человѣка благоволеніе Божіе", говоритъ преп. Кассіанъ" [24]). „Милосердіе одно все можетъ, увѣряетъ св. патріархъ Іеремія, ибо кто милосердствуетъ и любитъ бѣдныхъ ради Господа, тотъ и освобождается отъ невыплатимаго долга грѣховъ и пріобрѣтаетъ весь міръ за ничтожную цѣну, и вдругъ юнѣетъ и дѣлается безсмертнымъ, и царствуетъ въ небесномъ царствѣ и, какъ вѣрный рабъ, во всемъ послѣдуетъ Господу и царски богатѣетъ по призванію Царя: пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра и пр. и, свободный отъ вѣчнаго наказанія, наслаждается всякаго рода радостями въ вѣки" [25]).

Далѣе, почему св. Симеонъ настаивалъ на нищелюбіи? онъ говорилъ, что многіе изъ бѣдныхъ „яко солнце сіяютъ предъ Богомъ" и, значитъ, милостынею имъ можно привлечь и къ себѣ это сіяніе. Очищая душу отъ помрачающихъ ее страстей, милостыня въ пламенѣющей чистотѣ любвеобильнаго чувства приближаетъ сердце человѣка къ Богу и въ мірѣ совѣсти открываетъ уму его живыя черты образа Божія. „Ничто не можетъ такъ приблизить сердце къ Богу, говоритъ преп. Исаакъ Сиринъ, какъ милостыня, и лично не производитъ въ душѣ такой тишины, какъ произвольная нищета. Наше милосердіе, говоритъ онъ далѣе, пусть будетъ зерцаломъ, чтобы видѣть намъ въ себѣ самихъ то подобіе и тотъ истинный образъ, какой есть въ Божіемъ естествѣ и сущности Божіей" [26]). И Самъ Господь сказалъ: будите милосерди, якоже и Отецъ вашъ милосердъ есть [27]), добавляетъ преп. Дороѳей, ибо сія добродѣтель особенно дѣлаетъ богоподобнымъ и того, въ комъ она обитаетъ, напечатлѣвая на немъ образъ первобытнаго, нетлѣннаго, благого и непостижимаго существа [28]).

---

[24]) Христ. чтен. 1835 г., ч. IV, стр. 8. [25]) Христ. чтен. 1842 г., ч. I, стр. 248. [26]) Слов. 41 и 56, стр. 313 и 350. [27]) Лк. VI. 36. [28]) Христ. чт. 1835 г. ч. II, стр. 246.

„Какъ тотъ, кто имѣлъ бы другомъ своимъ Бога, замѣчаетъ св. патріархъ Іеремія, чрезъ это самое имѣлъ бы друзьями своими и всѣхъ святыхъ, такъ и тотъ, кто имѣетъ милосердіе, имѣетъ уже и всѣ добродѣтели“ [29]). Такимъ образомъ, чрезъ любовь къ бѣднымъ происходитъ непосредственное общеніе человѣка съ Богомъ. „Хочешь ли умомъ своимъ быть въ общеніи съ Богомъ, пріявъ въ себя ощущеніе онаго услажденія, непорабощеннаго чувствомъ?“ спрашиваетъ св. Исаакъ Сиринъ и отвѣчаетъ: „когда внутри тебя обрѣтается она, тогда изображается въ тебѣ оная святая красота, которою уподобляешься Богу. Всеобъемлемость дѣлъ милостыни производитъ въ душѣ общеніе съ Божествомъ безъ посредства какого-либо времени къ единенію съ славою вѣчности“ [30]).

Прилагая это возвышенное ученіе о милостынѣ къ милостивости св. юродивыхъ, мы легко замѣтимъ то ея значеніе и то великое свойство, какія она сообщала св. юродивымъ. Они по истинѣ были великими милостивцами, потому что милостыня ихъ была чистая, правая, „необидимая“, не отъ лихвы и грабежа. Они не разбирали тѣхъ, кому благотворили, а подавали милостыню достойнымъ и недостойнымъ (блудницамъ); не похвалялись милосердіемъ своимъ и не выставлялись съ нимъ на показъ. Но мы видѣли, что св. юродивые брали всетаки подаянія и раздавали ихъ нищимъ. Св. же Исаакъ Сиринъ говоритъ: „не возлюби стяжанія по нищелюбію, для подаянія милостыни, не ввергни души своей въ смятеніе тѣмъ, что будешь брать у одного и давать другому, не уничтожь чести своей подчиненностію людямъ и, прося у нихъ, не утрать свободы и благородства ума своего въ попеченіи о житейскомъ [31]). Какъ согласить этотъ взглядъ св. отца съ поведеніемъ св. юродивыхъ? Они, какъ извѣстно не просили милостыни. Правда, св. Симонъ Юрьевецкій юродивый просилъ отъ купца Зубарева за спасеніе отъ потопленія купить ему сапоги и рубашку, но просьба св. Симона касалась не столько

---

[29]) Христ. чт. 1842 г., ч. I, стр. 246. [30]) Сл. 1. [31]) Сл. 56, стр. 351.

его самого, сколько купца, которому онъ послѣ того какъ онъ забылъ объ обѣщаніи купить сапоги и рубаху, напомнилъ о томъ, что надо быть благодарнымъ за благодѣянія Божіи и милосерднымъ: „нищему протягивай руку твою, говорилъ Зубареву св. Симонъ, если хочешь, чтобы почивало на тебѣ благословеніе Божіе, да не готовь мнѣ рубашки и сапоговъ; они мнѣ не нужны“ [32]). Извѣстно также про св. Василія московскаго, что онъ не отказался принять отъ одного вельможи, котораго любилъ, лисью алаго цвѣта шубу: „добре, добре, господине твори ты якоже хощеши, я люблю тебя“, говорилъ онъ боярину [33]), но потомъ онъ очень скоро разстался съ этимъ подаркомъ. Если нѣкоторые св. юродивые и раздавали принятую милостыню за давшихъ и тѣмъ самымъ располагали ихъ къ милостивости, то иные св. юродивые, какъ напр. св. Серапіонъ, вовсе отказывались отъ раздачи чужого: „я не раздаю чужихъ денегъ“, отвѣчалъ св. Серапіонъ на предложеніе одного человѣка взять для раздачи денегъ (Ковел.). Значитъ, вся суть милостивости св. юродивыхъ зависѣла отъ цѣли, съ какою они ее совершали: они подавали ее въ исходатайствованіе отъ Бога умилостивленія тѣмъ, которые давали имъ, или вызывали ихъ на благотворительность ближнимъ.

Состраданіе св. юродивыхъ выражалось въ ихъ жалостливости къ ближнимъ и состояло прежде всего въ томъ, что они оказывали сильное нравственное вліяніе на ближнихъ, какъ отчасти уже и было замѣчено: гнѣвъ ихъ смиряли своимъ терпѣніемъ, обиды—молчаніемъ, грѣхи, содѣянные противъ себя, прощали съ молитвою за обидѣвшихъ и по апостолу: „съ плачущими плакали, съ радующимися радовались“ [34]). Препод. Исаакъ Сиринъ говоритъ: „тотъ милостивъ, кто когда услышитъ, или увидитъ что-либо опечаливающее брата его, возгорится сердцемъ, а равно и тотъ, кто будучи заушенъ братомъ своимъ, не возъимѣлъ столько безтыдства, чтобы отвѣчать и опечалить сердце

---

[32]) Поспѣловъ, стр. 22. [33]) Кормчій № 32, стр. 436. [34]) Римл. XII, 15.

его. Милостивый не только даетъ людямъ милостыню, но и съ радостію терпитъ отъ другихъ неправду и милуетъ ихъ [35]). Это одна сторона сострадательности св. юродивыхъ къ ближнимъ. Другая сторона характеризуетъ ихъ со стороны ихъ жалостливости къ людямъ и особенно плохимъ въ нравственномъ отношеніи. Св. юродивые, какъ истинные нищелюбцы, забывали о самихъ себѣ, сами терпѣли всевозможныя лишенія, памятуя лишь о нуждающихся и не имущихъ, потому-что для нихъ не составляло большей и совершеннѣйшей любви, какъ злострадать со други своими и душу свою положить за брата своего. Св. Симонъ Юрьевецкій изъ чувства жалостливости къ бѣднымъ крестьянамъ со всякимъ усердіемъ и немедленно исполнялъ всѣ дѣла, какія ему поручали: безпрекословно мололъ хлѣбъ въ ручныхъ жерновахъ, рубилъ дрова въ лѣсу и носилъ ихъ на себѣ; каждый день много воды носилъ на своихъ плечахъ и помогалъ въ работѣ всѣмъ, кому требовалось [36]). Жалостливость св. юродивыхъ рельефно выступаетъ на фонѣ ихъ нравственной дѣятельности въ тѣхъ ихъ поступкахъ, которыми характеризуются ихъ отношенія къ блудницамъ и вообще къ подонкамъ общества, когда они спускаются до настроенія этого презрѣннаго другими класса людей, чтобы знать и ихъ мысли и чувствованія. Св. Василій блаженный (московскій) вращается среди пьяницъ, сидящихъ въ бражныхъ тюрьмахъ [37]); св. Симонъ Юрьевецкій часто посѣщалъ кабаки [38]); св. Андрей находится въ обществѣ блудницъ [39]). Конечно, такое поведеніе св. юродивыхъ и можно только объяснять ихъ сострадательностью къ этимъ погибающимъ людямъ, которыхъ они пытались исправлять и исправляли, о чемъ рѣчь будетъ ниже. Насколь сильна была сострадательность св. юродивыхъ къ погибшимъ созданіямъ, это видно вотъ изъ какого случая изъ жизни св. Симеона. Однажды замѣтили, что онъ вошелъ въ домъ распутной

---

[35]) Слов. 56, стр. 341. [36]) Кормчій № 44, стр. 582. [37]) Законъ XVI в. на Руси позволялъ только веселиться свободно въ корчмахъ на святкахъ и на святой недѣлѣ, а въ остальное время года буянившихъ пьяницъ помѣщали въ бражныя тюрьмы. Кормчій № 30, стр. 416. [38]) Тамъ же № 44, стр. 583. [39]) Чет. Мин. 20 окт.

женщины и, заперевъ за собою дверь, остался съ ней наединѣ. Потомъ онъ отворилъ дверь и поспѣшно вышелъ, озираясь по всѣмъ сторонамъ, не смотритъ-ли кто на него. Послѣ того подозрѣніе еще болѣе усилилось, такъ что видѣвшіе его позвали къ себѣ женщину и спросили ее, зачѣмъ у ней былъ Симеонъ и такъ долго. Но женщина клятвенно увѣряла, что уже третій день по бѣдности не было у ней ничего во рту, кромѣ воды, а св. Симеонъ принесъ ей мяса, хлѣба и вина и, заперевъ дверь, предложилъ трапезу съ приказаніемъ, чтобы она ѣла до-сыта, потому что довольно терпѣла отъ недостатка въ пищѣ, остатки же всего принесеннаго взялъ съ собою [40]). Такимъ образомъ, видно изъ разсказаннаго факта, что св. Симеонъ руководился въ данномъ случаѣ тѣмъ соображеніемъ, чтобы доставить блудницѣ прежде всего возможность удовлетворить ея насущнымъ потребностямъ. Для него чуждо было ея занятіе, ея скверное поведеніе, а онъ въ мысляхъ имѣлъ одну только цѣль—накормить блудницу и, въ дальнѣйшемъ можетъ быть, своею сострадательностью привести ее къ покаянію. Сострадательность св. юродивыхъ простиралась и на враговъ. Такъ, препод. Михаилъ Клопскій упрашиваетъ игумена обители накормить 30 разбойниковъ, пришедшихъ въ монастырь съ злымъ умысломъ—ограбить обитель [41]). Св. юродивый Симеонъ обѣщаетъ одному человѣку отыскать его вора, но подъ клятвою, что тотъ не будетъ бить вора [42]). Нѣжность чувствъ къ людямъ не была чужда св. юродивыхъ. Св. Прокопій Устюжскій часто приходилъ на берегъ рѣки Сухоны и тамъ сидѣлъ на камнѣ, слѣдя за плавающими на лодкахъ и молился „съ жалостію къ Богу о нихъ да сотворитъ имъ тихое плаваніе“ [43]). Св. Симеонъ, нѣжно любящій діакона Іоанна, совѣтуетъ ему позаботиться, сколько возможно, о своей душѣ [44]). Сострадательность св. Андрея къ грѣшникамъ была удивительна: онъ горько плачетъ и молится о прощеніи грѣховъ одного умершаго бо-

[40]) Ковал., стр. 118. [41]) Жит. св. Филарета архіеп. Черниг., стр. 129. [42]) Чет. Мин. 21 мая, л. 151 об. [43]) Чет. Мин. 8 іюля, л. 50. [44]) Чет. Мин. 21 іюля, л. 152.

гача, часто посѣщаетъ кладбища и молится о умершихъ [45]). Высшую степень милосердія св. юродивыхъ составляло самопожертвованіе. Св. Серапіонъ Синдонитъ отдаетъ нищему, дрожащему отъ холода, свой послѣдній синдонъ [46]), а самъ остается нагой и, наконецъ, продаетъ послѣднее евангеліе, съ которымъ никогда не разставался, для того, чтобы выручить изъ бѣды одного должника [47]). Одинъ разъ онъ въ Лакедемонѣ продалъ себя въ рабство для спасенія одного семейства отъ ереси [47*]). Значитъ, въ данномъ случаѣ онъ за ближнихъ полагалъ свою душу.

Наконецъ, въ высочайшей степени чувство милосердія у св. юродивыхъ сливается съ чувствомъ безграничной любви. Вотъ какъ описываетъ это чувство св. Исаакъ Сиринъ: „сердце милующаго есть возгорѣніе сердца у человѣка о всемъ твореніи,—о людяхъ, о птицахъ, о животныхъ и о всякой твари. При воспоминаніи о нихъ и при воззрѣніи на нихъ, очи у человѣка источаютъ слезы. Отъ великой и сильной жалости, объемлющей сердце и отъ великаго терпѣнія умиляется сердце его и не можетъ онъ вынести, или слышать, или видѣть какого-либо вреда, или малой печали, претерпѣваемыхъ тварію. А посему, и о безсловесныхъ, и о врагахъ истины, и о дѣлающихъ ему вредъ, ежечасно со слезами приноситъ молитву, чтобы сохранились и были они помилованы“ [48]). Такою именно любовью и отличались св. юродивые. Любя совершенною любовью Бога, они совершенную же любовь переносили и на всѣхъ ближнихъ. Отчасти мы уже познакомились съ фактическими данными, характеризующими такую любовь св. юродивыхъ къ ближнимъ. Теперь же добавимъ нѣсколько еще фактовъ для полноты представленія безграничной ихъ любви. Св. Ѳеодоръ новгородскій, лишь только спускалась ночь надъ Новгородомъ, бывшимъ въ то время на высотѣ своего ве-

---

[45]) Окт. 2, л. 12 об. [46]) Египетскіе монахи, чтобы показать свое отреченіе отъ дѣлъ мірскихъ и общенія съ землею, носили по свидѣтельству преп. Кассіана, льняныя туники, безъ рукавовъ, едва достававшія до локтей, такъ что у нихъ руки всегда были совсѣмъ голы. [47]) Кормчій, 1895 г. № 19, стр. 285. [47*]) Кормчій, стр. 285. [48]) Сл. 48, стр. 254.

личія и политической славы, и шумный городъ предавался сну, обходилъ обители и храмы новгородскіе и молился за свой вольный городъ, за благодѣтелей своихъ, за людей презиравшихъ и гнавшихъ его и за всю Русь православную. Св. Михаилъ Клопскій „всегда молитву приношаше къ Богу, не яко ту о себѣ требоваше, но о другихъ“ [49]). Св. Василій блаженный со слезами молится вмѣстѣ съ нѣкоторыми благочестивыми людьми объ избавленіи москвичей отъ нашествія татаръ [50]). Онъ же неутѣшно плачетъ, предвидя пожаръ Москвы и молится Богу о избавленіи города [51]). Когда св. Андрей хотѣлъ согрѣться во время сильной стужи у псовъ, то „иніи кусающе его, отгоняху отъ себя, иніи же сами оставльше его, отвѣчаху“, а онъ вознесъ молитву къ Богу: „буди воля Господня“ [52]).

Безграничная любовь св. юродивыхъ къ ближнимъ въ высшей степени знаменательный признакъ ихъ послѣдованія Христу. „О семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою“ [53]), сказалъ Онъ своимъ апостоламъ. Вотъ критерій, опредѣляющій отношенія св. юродивыхъ къ ближнимъ. Кто любитъ Бога, тотъ любитъ и брата своего. Св. юродивые любили Бога, значитъ, они любили и ближнихъ, а любя ближнихъ, они любили и Бога, такъ какъ „не любяй брата своего, его же видѣ, Бога, Его же не видѣ, како можетъ любити“ [54])? Дѣйствія любви св. юродивыхъ отличались чистотою. Чистая любовь не ищетъ своихъ си [55]), не ищетъ своей пользы, а угождаетъ ближнему, во благо, къ назиданію [56]). Видя брата, впадающаго въ нѣкое прегрѣшеніе, св. юродивые молятся. чтобы Господь возставилъ его [57]). Такимъ образомъ, будучи чистыми отъ всякаго пристрастія къ земнымъ благамъ и жизненнымъ удобствамъ св. юродивые могли служить ближнимъ безкорыстно и честно со всею пылкостію своего любящаго сердца и, зная, что „сынъ человѣческій не пріиде, да послужатъ Ему, но послужити, и дати душу

---

[49]) Новг. епар. вѣд. № 24, стр. 1648. [50]) Кормчій № 30, стр. 416. [51]) Бѣлянкинъ, стр. 17. [52]) Чет. Мин., л. 11. [53]) Іоанн. XIII, 35. [54]) 1 Іоанн. IV, 20. [55]) 1 Кор. XIII, 5. [56]) Римл. XV, 2. [57]) 1 Іоанн. V, 16.

свою избавленіе за многихъ“ [58]), они не мечтали никогда о своемъ превосходствѣ надъ ближними и ничего не предпринимали по сварливости, или по тщеславію, но, руководясь смиренною любовью, всегда служили братіямъ своимъ, какъ высшимъ себя.

Этими всѣми разсужденіями устраняется то возраженіе, что строгое и суровое подвижничество, сосредоточивая подвижника на помыслахъ о личномъ духовномъ благѣ и спасеніи, способно якобы ослаблять въ немъ чувство христіанской любви къ ближнимъ, участія къ земнымъ невзгодамъ, къ тѣлеснымъ нуждамъ и страданіямъ внѣшняго міра, остающагося за предѣлами ихъ. Мы видѣли, что св. юродивые, обрекавшіе себя на тяжкіе труды и лишенія, были вмѣстѣ и глубоко любящими и участливыми къ людскимъ страданіямъ и несчастіямъ. Участливость иныхъ изъ нихъ не ограничивалась единицами, а простиралась на цѣлое общество, на всю страну, которая подвергалась несчастію. Въ житіи преп. Михаила Клопскаго передается слѣдующее: послѣ продолжительной засухи въ новгородской странѣ оказался неурожай, а за нимъ голодъ. Голодающіе бѣдняки изъ поселянъ толпами стекались къ Клопскому монастырю, прося хлѣба. Не особенно велики были хлѣбные запасы и въ самомъ монастырѣ. Игуменъ спрашивалъ братію „что намъ дѣлать“? преп. Михаилъ отвѣчалъ: „Господь, семью хлѣбами насытившій 4000 народа, не оставитъ и насъ, если будемъ подавать нуждающимся“. Когда продолжалась раздача хлѣба изъ запасовъ монастыря, среди братіи поднялся ропотъ, внушаемый опасеніемъ, что самъ монастырь останется безъ хлѣба. Но исполнились слова вѣры, сказанныя преп. Михаиломъ: по милости Божіей обитель не оскудѣла хлѣбомъ, въ чемъ скоро увѣрились игуменъ и братія. Правда, здѣсь мы видимъ ропотъ монаховъ по поводу милосердія монастыря. Но это значитъ, что источникъ ропота и неподатливости на помощь ближнимъ былъ въ малодушіи или двоедушіи, а не въ духѣ истиннаго подвижничества,

---

[58]) Мѳ. XX, 28.

до котораго еще не смогли возвыситься такіе изъ братіи. Съ другой стороны, въ виду борьбы съ малодушіемъ братіи, тѣмъ выше является подвигъ св. Михаила, кормителя голодавшаго народа, умѣвшаго побѣждать малодушіе и вразумлять малодушныхъ силою своей любви, вѣры и власти духовной.

Общественное служеніе св. юродивыхъ не ограничивалось ихъ милосердіемъ въ указанномъ смыслѣ, оно простиралось еще дальше. Св. юродивые являлись проповѣдниками покаянія. Какъ Іисусъ Христосъ придавалъ столь великую важность покаянію, что проповѣдь о немъ считалъ цѣлію Своего пришествія на землю: „не пріидохъ призвати праведники, говорилъ Онъ, но грѣшники на покаяніе“ [59]; а потому, входилъ въ общеніе съ мытарями и грѣшниками; простилъ жену грѣшницу, слезами омывшую ноги Его въ домѣ фарисея Симона [60]; не осудилъ, но простилъ блудницу: „ни Азъ тебѣ осуждаю: иди и ктому не согрѣшай“ [61], такъ и св. юродивые въ своемъ поведеніи подражали Іисусу Христу; они находились въ обществѣ порочныхъ лицъ, чтобы привести ихъ къ покаянію, никогда не осуждали грѣшниковъ, а всегда заботились объ ихъ исправленіи. Такъ, св. Василій блаженный посѣщаетъ бражныя тюрьмы и тамъ употребляетъ всѣ усилія къ тому, чтобы исправить пьяницъ [62]. Св. Прокопій Вятскій часто заходитъ въ корчемницы и въ кабацкія поварни и тамъ насколько ему возможно старается такъ или иначе повліять на грѣшниковъ [63]. Св. Симонъ Юрьевецкій тоже весьма часто приходилъ въ кабаки, конечно, съ цѣлію оказать какое-либо благотворное нравственное вліяніе на пьяницъ [64]. Но особенно св. юродивые любили заниматься спасеніемъ блудницъ. Св. Симеонъ ходилъ къ блудницамъ, „ища ихъ спасенія“. Иногда онъ говаривалъ блудницамъ,—хотите-ли, что-бы я имѣлъ васъ своими друзьями? я дамъ вамъ 100 златницъ, только не грѣшите. Блудницы, смѣясь надъ нимъ, обѣщались, но

[59]) Мр. II, 17. [60]) Лк. VII, 37—50. [61]) Іоанн. VIII, II. [62]) Кормчій № 30 стр. 416. [63]) Жит. свв. Трифона и Прокопія Вятскихъ. Вятка. 1886 г., стр. 41. [64]) Поспѣловъ, стр. 22.

онъ требовалъ отъ нихъ клятвы, и которая изъ блудницъ давала клятву, онъ дарилъ той деньги, а въ случаѣ новаго ея паденія въ грѣхъ, св. Симеонъ обличалъ ее и до тѣхъ поръ такъ поступалъ, „дондеже истиннаго покаянія нелож-ное обѣщаніе сотворитъ: и тако святый многія спасе блуд-ницы“ [65]). Св. Андрей обличалъ блудницъ и уговаривалъ ихъ всѣхъ совлечься той злосмрадной одежды, въ какую облекъ ихъ діаволъ [66]). Про св. Виссаріона разсказывается: „шелъ онъ нѣкогда чрезъ одну египетскую деревню и, уви-дѣвъ блудницу, которая стояла у своего дома, сказалъ ей: „ожидай меня вечеромъ, приду къ тебѣ и ночую съ тобою“. Хорошо, авва! отвѣчала блудница. Она приготовилась и постлала ложе. Вечеромъ св. Виссаріонъ пошелъ къ ней и, вошедши въ ея горницу, спросилъ: „приготовила-ли ложе? приготовила авва. Св. юродивый заперъ дверь и ска-залъ ей: подожди немного; я только исполню наше обычное правило. И св. Виссаріонъ началъ молиться. Читалъ онъ псалтырь; послѣ каждаго псалма молился Богу о ней, прося Его даровать блудницѣ покаяніе и спасеніе, и Богъ услы-шалъ его. Блудница стояла въ трепетѣ и молилась подлѣ св. Виссаріона. Когда онъ окончилъ чтеніе псалтири, она пала на землю. Св. Виссаріонъ взялъ апостолъ, много прочиталъ изъ него и окончилъ свое молитвословіе. Блудница пришла въ сокрушеніе и, узнавъ, что св. юродивый пришелъ къ ней не для грѣха, но чтобы спасти ея душу, поверглась предъ нимъ и просила: „сдѣлай милость, авва, отведи меня туда, гдѣ могу я угодить Богу“. Св. Виссаріонъ повелъ ее въ женскій монастырь и поручилъ ее настоятельницѣ: „прими сію сестру и не налагай на нее бремени или запо-вѣди, какъ на другихъ сестеръ, но давай ей, чего она за-хочетъ, и если захочетъ идти, позволяй ей“. Здѣсь бывшая блудница стала великой постницей и всю остальную свою жизнь благоугождала Богу [67]).

Лица, отступавшія отъ православной вѣры, составляли предметъ заботливости св. юродивыхъ, и нѣкоторые изъ

---

[65]) Чет. Мин. 21 іюля, л. 149 об. [66]) Проп. 12 окт., л. 87. [67]) Ковал., стр. 69.

нихъ употребляли всѣ возможныя средства для того, чтобы спасти погибшихъ. Такъ, св. Серапіонъ въ Лакедемонѣ продаетъ себя въ рабство одному благочестивому мужу, впавшему въ манихейство, и въ теченіе двухъ лѣтъ своими наставленіями старается отклонить его и все семейство отъ ереси и, достигнувъ цѣли, скрывается отъ нихъ. Онъ же, продаетъ себя за 20 монетъ комедіантамъ-язычникамъ и, живя у нихъ въ великомъ постѣ (питаясь только хлѣбомъ и водою), проповѣдуетъ имъ слово Божіе до тѣхъ поръ, пока они не обратились въ христіанство, съ принятіемъ христіанства они отстали отъ театра и начали жить честно и благочестиво; они говорили своему избавителю: „теперь, братъ, мы отпустимъ тебя на свободу, такъ какъ ты самъ освободилъ насъ отъ постыднаго рабства". Св. Серапіонъ отвѣчалъ: „поелику Богъ устроилъ, а вы содѣйствовали, чтобы ваша душа чрезъ меня была спасена, то я скажу вамъ всю тайну этого дѣла: сжалившись надъ вашею душею, которая была въ великомъ заблужденіи, я, свободный подвижникъ, родомъ египтянинъ, ради вашего спасенія продался вамъ, чтобы вы освободились отъ великихъ грѣховъ. И теперь я радуюсь, что Богъ совершилъ сіе чрезъ мое смиреніе. Я оставляю васъ и пойду о спасеніи другихъ пещися" [68]). Св. Симеонъ обращаетъ въ христіанство семейство нѣкоего харчевника и еврея [69]).

По требованіямъ обстоятельствъ св. юродивые являлись то въ роли грозныхъ обличителей грѣшниковъ, то въ роли кроткихъ наказателей. Св. Симеонъ ударяетъ по щекѣ юношу и говоритъ ему „не прелюбодѣйствуй"; этотъ способъ достигъ цѣли, и юноша бросилъ гнусное занятіе" [70]). Св. Андрей, встрѣтивъ однажды нѣкоего вельможу, плюнулъ на него и сказалъ: „лукавый блудникъ, ругатель церковный! Ты идешь къ утрени какъ будто, а самъ ходишь къ сатанѣ на скверныя дѣла! беззаконникъ, встающій въ полночь и прогнѣвляющій Бога! пришло уже время принять награду по дѣламъ твоимъ! или ты думаешь, что утаишься

[68]) Кормчій № 19, стр. 284 и 285. [69]) Чет. Мин. 21 іюля, л. 149. [70]) Чет. Мин. 21 іюля, л. 147.

страшнаго и всевидящаго ока Божія, „вся испытующаго“ [71]). Въ другомъ же случаѣ онъ является кроткимъ учителемъ благочестія и достигаетъ спасенія ближняго. Одинъ монахъ велъ добродѣтельную жизнь. Всѣ восхваляли его благочестіе, но оно было напускнымъ. Инокъ этотъ страдалъ страстію сребролюбія, и даваемыя ему для раздачи бѣднымъ деньги не употреблялъ по назначенію, но „вся въ корвану влагаше, и видя, умножающееся сребро, радовашеся“. Съ этимъ то лицемѣрнымъ инокомъ сребролюбцемъ и встрѣтился однажды св. юродивый Андрей и сталъ пристально на него смотрѣть, а монахъ, принимая его за нищаго и полагая, что онъ хочетъ получить что-нибудь отъ него, сказалъ ему: „Богъ тя да помилуетъ, брате, не имѣю бо ти что дати“. Въ другой разъ, когда св. Андрей снова встрѣтился съ инокомъ-сребролюбцемъ, то, взявъ его за правую руку, сталъ умолять его: „рабъ Божій, безъ гнѣва выслушай меня твоего раба и милостиво пріими убогія мои слова, такъ какъ изъ за тебя я нахожусь въ великой печали и переносить ее уже болѣе не могу, потому что ты сначала былъ другъ Божій, а теперь сталъ слуга сатаны. Имѣвшій серафимскія крылья, зачѣмъ отдался сатанѣ, чтобы съ корнемъ онъ ихъ вырѣзалъ? имѣвшій молніинъ образъ, зачѣмъ сдѣлался темнообразнымъ? горе мнѣ, что ослѣпилъ тебя змій сребролюбія. Ты былъ солнце, но зашелъ въ темную ночь и злую. Зачѣмъ, брате, погубилъ свою душу? зачѣмъ подружился съ сребролюбивымъ бѣсомъ? зачѣмъ далъ ему почивать на тебѣ! зачѣмъ копишь золото? развѣ погребенъ съ нимъ будешь? по смерти твоей все другимъ достанется. Зачѣмъ чужіе грѣхи держишь и хочешь удавиться скупостію? тогда какъ другія умираютъ отъ холода, жажды и голода, а ты, любуясь на свои сокровища, веселишься! Это-ли есть путь покаянія! таковъ-ли чинъ иноческій! такъ-ли отвергся ты міра и яже суть въ мірѣ! такъ-ли распялся міру и всѣмъ суетнымъ! развѣ не слышалъ Господа говорящаго: „не стяжите злата, ни сребра, ни мѣди, ни двою ризу“ [72])? зачѣмъ

[71]) Чет. Мин. окт. 2. [72]) Мѳ. X, 9.

забылъ эти заповѣди? вотъ сегодня или завтра умрешь, а „яже уготовалъ еси кому будутъ“ [73])? не знаешь, что ангелъ хранитель далеко отъ тебя ушелъ съ плачемъ, а діаволъ стоитъ возлѣ и змій сребролюбія обвился вокругъ шеи твоей, а ты его не чувствуешь; умоляю тебя, послушай меня и раздай имѣніе твое нищимъ, вдовицамъ, сиротамъ, убогимъ, страннымъ и не имѣющимъ гдѣ главы подклонити, да поторопись и снова будешь другъ Божій. А если меня не послушаешь, то погибнешь!“ Кроткое увѣщаніе св. Андрея произвело сильное впечатлѣніе, и монахъ роздалъ все свое имѣніе нищимъ, чѣмъ больше пріобрѣлъ къ себѣ уваженія и распространилъ свою благотворительность [74]). Изъ этого разсказа видно, какъ сильна была любовь блаженнаго къ грѣшнику и какое сильное желаніе онъ имѣлъ къ тому, чтобы направить на путь спасенія погибшаго. Онъ скорбитъ душею о его погибели, не можетъ терпѣть того вреда, въ какой впалъ сребролюбецъ и кротко умоляетъ его, напоминая о данныхъ отреченіяхъ отъ міра, бросить сребролюбіе. Въ духѣ же кротости и св. Серапіонъ обличилъ гордость одного пустынника. У него былъ обычай молиться вмѣстѣ съ приходящими къ нему. Такъ онъ предложилъ совершить молитву и посѣтившему его одному пустыннику, но тотъ замѣтилъ св. Серапіону, что не смѣетъ молиться съ нимъ по причинѣ множества грѣховъ, что онъ недостоинъ дышать даже однимъ съ нимъ воздухомъ. Св. Серапіонъ хотѣлъ омыть ему ноги, но тотъ не позволилъ по той-же причинѣ. Св. юродивый предложилъ пустыннику ѣсть, и самъ съ нимъ вмѣстѣ сталъ ѣсть. Послѣ этого онъ далъ такое наставленіе пустынножителю: „сынъ мой, если хочешь себѣ пользы, то сиди въ своей кельѣ, будь внимателенъ къ себѣ и своему рукодѣлью, такъ какъ по молодости для тебя полезнѣе сидѣть въ кельѣ, чѣмъ выходить изъ нея“. Пустынникъ огорчился. Лицо его измѣнилось, что не укрылось отъ глазъ св. юродиваго, который сказалъ обидѣвшемуся: „вотъ ты сейчасъ говорилъ: я грѣшникъ,—

[73]) Лк. XII, 20. [74]) Чет. Мин. окт. 2, л. 13 об. и 14.

обвинялъ себя, какъ недостойнаго, а теперь такъ разсердился, когда я съ любовію давалъ тебѣ совѣтъ! если хочешь быть смиреннымъ, то учись великодушно переносить обиды отъ другихъ и удерживайся отъ празднословія". Пустынникъ раскаялся предъ св. Серапіономъ и удалился отъ него, получивъ большую пользу для души [75]). Такимъ образомъ, наставленіе св. Серапіона дышетъ любвеобильнымъ характеромъ и имѣетъ значеніе характеристики его взгляда на подвижническую жизнь. По его мнѣнію практическій аскетизмъ, проявляющійся въ трудолюбіи, не долженъ быть отдѣляемъ отъ созерцательнаго, напротивъ,—практическія занятія (рукодѣліе) являются, по его мнѣнію необходимыми—будь внимателенъ къ себѣ и своему рукодѣлью.—Значитъ св. Серапіонъ поставляетъ рядомъ самонаблюденіе и трудолюбіе, какъ два явленія, необходимыя въ аскетической жизни. Проявленіе практическаго аскетизма, какъ видно изъ словъ св. Серапіона, идетъ еще далѣе—оно простирается на терпѣливое перенесеніе различнаго рода обидъ отъ другихъ, для укрѣпленія себя въ смиреніи. Такимъ образомъ, при смиреніи предполагать должно въ подвижникѣ терпѣніе и наоборотъ. Вниманіе къ себѣ удерживаетъ отъ празднословія. Значитъ, въ этомъ наставленіи св. Серапіона мы находимъ еще ученіе о трезвеніи, или сердечномъ безмолвіи, пріобрѣтаемомъ прежде всего тогда, когда подвижникъ не выходитъ изъ своей кельи и отдается самонаблюденію.

Иногда обращеніе грѣшниковъ св. юродивые совершали силою своей вѣры въ чудодѣйственную помощь Божію. Такъ, однажды св. Симеонъ юродивый поступилъ въ качествѣ продавца овощей къ нѣкоему Фускарію, зараженному севировой ересью. Св. юродивый товаръ весь роздалъ безплатно нищимъ, а самъ съѣлъ оставшійся—„уже бо цѣлую седмицу не ядяше".—Фускарій жестоко побилъ св. Симеона и вырвалъ даже ему бороду. Выгналъ онъ его вонъ; св. Симеонъ сѣлъ у воротъ дома. Въ это время женѣ Фускарія потре-

---

[75]) Кормчій № 19, стр. 285.

бовались горячіе уголья для кажденія въ домѣ. Св. юродивый взялъ изъ печки горячихъ угольевъ голыми руками и потомъ, къ удивленію Фускарія и его жены, высыпалъ ихъ въ полу и держалъ уголья до тѣхъ поръ, пока они не истлѣли. Чудо это такъ поразило Фускарія съ его женою, что они тотчасъ-же приняли православіе [76]). Въ нѣкоего Балія, „смѣхотворная игрища на позорищи творяща, именамъ Псифасъ", св. Симеонъ бросилъ камнемъ, который перекрестилъ. Камень ударилъ по правой рукѣ, и она отерпла. Явившись во снѣ Балію, св. Симеонъ взялъ съ него клятвенное слово „не творити болѣе того смѣхотворнаго художества" и покаяться. И, „воспрянувъ, Балій обрѣтеся здравъ, и рука его бяша исцѣлена" [77]).

Св. юродивые не стѣснялись обличать и сильныхъ міра. Св. Іоаннъ Большой Колпакъ, встрѣчаясь съ Борисомъ Годуновымъ, порицалъ его: „умная голова, разбирай Божьи дѣла, Богъ долго ждетъ, да больно бьётъ" [78]). Въ молодые годы Іоанна Грознаго, во время губительныхъ боярскихъ смутъ, когда деспотизмъ и право сильнаго господствовали въ обществѣ, жизнь св. Василія блаженнаго была живымъ укоромъ людямъ безнравственнымъ и утѣшала невинно страдавшихъ отъ произвола дикихъ страстей. Св. Михаилъ Клопскій запрещаетъ братіи открывать монастырскія ворота одному вельможѣ Григорію и велитъ не принимать его вкладовъ за запрещеніе вельможею пользоваться землею, расположенною вокругъ монастыря и рыбною ловлею [79]). Св. Николай Псковскій обличаетъ Іоанна Грознаго и предлагаетъ ему покушать хлѣба-соли, а не человѣческой крови и на замѣчаніе царя: „я христіанинъ и не ѣмъ мяса въ постъ", говоритъ ему: „ты дѣлаешь хуже, питаешься плотію и кровію христіанскою, забывая не только постъ, но и Бога" [80]).

Св. Михаилъ Клопскій, когда князь Димитрій Шемяка просилъ блаженнаго помолиться за него, отвѣчалъ: „довольно бѣдъ натворилъ ты; если еще примешься за тоже,

---

[76]) Чет. Мин. 21 іюля, л. 146 об. [77]) Чет. Мин. 21 іюля, л. 147. [78]) Кормчій № 26, стр. 367. [79]) Новг. еп. вѣд. 1898 г. № 24, стр. 1642. [80]) Ковал., 203.

то со стыдомъ воротишься сюда, гдѣ гробъ ждетъ тебя“ [81]). Архіепископа Евѳимія (Брадатаго) 1424—1428 г. св. Михаилъ обличалъ за корыстолюбіе и лихоимство: „дозволяютъ-ли правила пастырю расхищать свое стадо? для кого ты собираешь?“ въ глаза онъ говорилъ архіепископу [82]).

Св. юродивые, не страшась земныхъ страданій, старались выставить на видъ всѣ болѣзни и скорби растлѣннаго человѣчества. „Божница домашня, а совѣсть продажна. По бородѣ Авраамъ, а по дѣламъ Хамъ. Всякъ крестится, да не всякъ молится“, говаривалъ св. Михаилъ московскимъ купцамъ и знати московской. „Аминь, аминь, а головой въ овинъ. Богъ всякую неправду сыщетъ: ни Онъ тебя, ни ты Его не обманешь“, обличалъ онъ распутныхъ женщинъ [83]). Св. Симеонъ „въ притворномъ бѣснованіи премногіе человѣки обличаше о тайныхъ грѣсѣхъ ихъ: овыя о нечистотѣ, о татьбѣ, о клятвопреступленіи, и когождо о всякомъ грѣсѣ его. Обличаше же иныя особь, иныя предъ другими, инымъ притчами сказоваше злая дѣла ихъ, да познаютъ свою совѣсть, а инымъ явѣ поношаше о твори мыхъ беззаконіяхъ: и тако весь градъ удержаваше отъ грѣховъ смертныхъ, приводя люди въ чувство и въ покаяніе“ [84]). Св. Николай Кочановъ „глаголаше на улицахъ Новгорода словеса неумѣстныя, обаче нѣкіимъ предстоящимъ весьма учительная и полезная: являше иногда движенія странная, обаче не единому соблазнъ дающая, паче же многихъ вразумляющая“ [85]).

Такимъ образомъ, на основаніи сказаннаго можно заключить, что св. юродивые центральною цѣлію своего подвижничества полагали спасеніе другихъ. Св. Симеонъ предъ тѣмъ, какъ выступить на это поприще, говорилъ другу своему пустыннику Іоанну: „я пойду въ міръ спасать другихъ и ругаться міру, а здѣсь въ пустынѣ, мы никого не спасёмъ, кромѣ себя“. Эта цѣль „юродства“ весьма ярко оттѣняется въ службахъ св. юродивымъ. Всѣ они были

---

[81]) Жит. св.; Филарета, стр. 130. [82]) Тамъ же, стр. 325. [83]) Ковал., стр. 207. [84]) Чет. Мин. 21 іюля л., 151 об. [85]) Жизнь и чудеса блаженн. Николая Кочанова. Москва. 1891 г., стр. 11.

„содержимы христоподобною любовью божественною спасать другихъ“ [86]). Св. Іоаннъ Устюжскій „многимъ образъ къ добродѣтели своего житія исправленіемъ положилъ“ [87]). Вся жизнь св. юродивыхъ была училищемъ благочестія для современниковъ: „яко солнце свѣтозарно, добродѣтельнаго ради житія твоего повсюду просіялъ еси, поется въ общей службѣ св. юродивымъ, ибо добродѣтелей твоихъ уясниша вѣрныхъ сердца: кто-бо слышавъ безмѣрное твое смиреніе и терпѣніе не удивится; еже ко всѣмъ кротость и беззлобіе, къ скорбящимъ милованіе и къ сущимъ въ бѣдахъ скорое поможеніе“ [88]). Ихъ добровольныя страданія служили во спасеніе другихъ. Вольнымъ своимъ терпѣніемъ св. юродивые учили общество терпѣнію, смиренію и самоисправленію. „Не всё по шерсти, говаривалъ св. Максимъ, ино и напротивъ. Блудливой чушкѣ полѣно на шею. За дѣло побьютъ, повинись, да пониже поклонись. Не плачь битый, плачь небитый“ [89]), говорилъ св. Максимъ.

Значитъ, св. юродивые самою своею жизнію составляли всегдашній протестъ противъ тяготѣнія къ земному и мірскому. Своимъ оригинальнымъ поведеніемъ они говорили, что жизнь общества ихъ еще не устроилась по евангелію. Она такъ несовершенна, что, оставаясь среди мірского, можно стать скорѣе на путь стремленій къ богоравенству, указанный діаволомъ для нашихъ прародителей [90]), нежели на путь богоуподобленія, завѣщанный Спасителемъ. Такъ или иначе, „юродство“ есть протестъ противъ несогласія жизни общества съ евангельскимъ ученіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только вникнуть въ то, чѣмъ занятъ мірской человѣкъ, какими заботами поглощена его душа для того, чтобы яснѣе, рельефнѣе представить себѣ значеніе „юродства“. Вѣдь внѣшнія заботы и чувственныя попеченія гораздо шире у человѣка, чѣмъ требованія его плоти. Напримѣръ, вниманіе, удѣляемое имъ плотской половой любви, требующей и большихъ затратъ и времени и душевныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ, далеко не покрывается

[86]) Стих. на веч. общ. минея. [87]) Стих., мая 29. [88]) Общ. минея. [89]) Ковал. стр. 207. [90]) Быт. III, 5.

запросами плоти. „Юродство“ въ данномъ случаѣ своею необычайностію и оригинальностію говорило о томъ, что обычная жизнь міра ненормальна. Раздача св. юродивыми безплатно товара торговцевъ, ихъ обличенія людской неправды, даже сильныхъ міра, ихъ одинаковое безразличное обращеніе съ худшими членами общества (пьяницами, блудницами),—не есть-ли это явный протестъ противъ злоупотребленія правами имущества, противъ произвола власти, противъ сословнаго высокомѣрія. Они картиною порока учили добродѣтели, спасали погибавшихъ, жертвуя своимъ добрымъ именемъ. Они разоблачали ту гордость и ненависть, которыя бываютъ неизбѣжными спутниками половой похоти, доводящей её до громадныхъ размѣровъ. Въ этомъ случаѣ „юродство“ является отрицательнымъ способомъ выраженія евангельскаго идеала. Оно научало любить добродѣтель не прямо, а посредствомъ изображенія всей гнусности грѣховъ и страстей и посредствомъ яркихъ картинъ порока. Вѣдь и по истинѣ, для того, чтобы научить добродѣтели, настроить человѣка на истинный путь, отвлечь отъ грѣха, надобно низойти на степень его уровня и по апостолу, быть съ беззаконнымъ, яко беззаконникъ, дабы пріобрѣсть беззаконника; съ немощнымъ, яко немощенъ, чтобы пріобрѣсть немощныхъ, быть, словомъ, всѣмъ вся, чтобы спасти другихъ [91]).

Юродивые поэтому—исключительные типы, выразившіе собою идеально тоску больной совѣсти человѣка. Они важны, какъ яркое свидѣтельство о душевномъ настроеніи человѣка, который хотя сколько-нибудь похожъ на человѣка. Въ иныхъ натурахъ это душевное настроеніе сказывается не такъ ярко, но все же сказывается. Это душевное настроеніе сказывается не только въ трагическихъ, но даже и въ комическихъ явленіяхъ нашей жизни. Такъ, напримѣръ, у Островскаго, его Титъ Титычъ, послѣ всѣхъ своихъ смѣшныхъ похожденій, совершенно неожиданно объясняетъ, что „деньги и все это тлѣнъ и прахъ“ и дѣйствуетъ сообразно съ этими

---

[91]) 1, Кор. IX, 21, 22.

своими мыслями, потому что онѣ живутъ въ немъ надъ всѣми наслоеніями дикости, грубости, самодурства. Эти мысли даютъ окраску его жизни, въ нихъ, а не въ безобразіи самая ея сущность. Для иныхъ интеллигентныхъ лицъ подобные переходы отъ безобразія къ покаянію психологически невозможны; имъ становится непонятнымъ общее настроеніе, дѣлающее возможнымъ подобное явленіе. Интеллигентъ самъ до того уже не способенъ къ подвигу, до того уже не понимаетъ красоту подвига, что въ дѣлѣ, которое совершаетъ юродивый видитъ не глубокій и трогательный подвигъ, а одно суевѣріе, эгоизмъ, фанатизмъ, ненормальность. Если кто нибудь всю жизнь звѣрствовавшій и грабившій, совершаетъ въ своей нравственной жизни переломъ къ лучшему и начинаетъ жить по евангелію, то интеллигентный человѣкъ обыкновенно всѣ подобные факты приводитъ въ доказательство безсилія религіи, видитъ въ нихъ результатъ грубаго ханжества. Между тѣмъ подобный то переходъ отъ худшаго къ лучшему и свидѣтельствуетъ именно о дѣйствіи больной совѣсти и о безконечной силѣ религіозныхъ вліяній. Для народа „юродство“ и служитъ выразителемъ того состоянія, которое характеризуетъ его, какъ живущаго ненормально, что на его сторонѣ ложь, а на сторонѣ юродиваго правда, потому что правда несомнѣнно на сторонѣ того, кто не имѣетъ гдѣ главы подклонить, кто терпѣливъ, кто не стремится ни къ какимъ правамъ, не ищетъ и не признаетъ этихъ своихъ правъ, кто думаетъ, что человѣкъ не имѣетъ никакихъ правъ, а имѣетъ только обязанности предъ Богомъ, кто отрѣшается отъ всего мірского и считаетъ все Божіимъ, кто свободенъ отъ заботъ и гнетущихъ нуждъ этой земной жизни; правда, словомъ, на сторонѣ того, кто или своею мыслію и жизнію, какъ многіе св. подвижники, или хотя одною только жизнью, отрицаетъ ту нехристіанскую общественность, среди которой, во имя которой и мыслью которой мы живемъ, отрицаютъ во имя правды Божіей и завѣтовъ Христовыхъ, отрицаютъ эту общественность съ ея банками, позволимъ выражаться современно, биржами, правами, съ ея принци-

пами комфорта, съ ея парламентомъ и домами терпимости всѣхъ видовъ, родовъ и наименованій. Своею жизнью св. юродивые служили этому именно дѣлу нравственнаго возсозданія человѣчества; они напоминали всѣмъ, имѣющимъ уши, чтобы слышать, о томъ единомъ, что есть на потребу, напоминали о томъ, что они живутъ среди страшной и безмѣрной лжи. Скудные притворнымъ умомъ они имѣли умное сердце, которое дальновиднѣе ума, и это сердце указывало имъ путь ихъ жизни, и вотъ почему юродивый не психопатъ, не дурачокъ, какъ многіе думаютъ, а Божій человѣкъ, который смѣло, какъ небесный посланникъ, какъ пророкъ, бичуетъ людскую неправду и, движимый, какою то неземною силою, а не своимъ разсудкомъ, не своею волею, обличаетъ сильныхъ міра. Русскіе художники—историки: Карамзинъ, Соловьевъ, Костомаровъ изображали историческихъ св. юродивыхъ, какъ положительные типы, какъ носителей Христовой правды, какъ самыхъ яркихъ выразителей больной совѣсти, являющейся въ складѣ русскаго народнаго характера. Если среди интеллигенціи перестаютъ понимать то настроеніе, которое создаетъ юродивыхъ, то въ людяхъ изъ образованнаго общества, на болѣе или менѣе исключительныхъ, тоже настроеніе отражается иногда душевнымъ состояніемъ, приводящимъ къ безумію и преступленію,—тѣмъ душевнымъ состояніемъ, которое изобразилъ съ такою силою Достоевскій въ „преступленіи и наказаніи“. Высшая мечта, высшая тоска, свившія себѣ гнѣздо уже въ опустошенной душѣ, приводятъ Раскольникова къ преступленію. Изъ его души была вытравлена вѣра въ Существо безконечно справедливое и милосердное, но потребность вѣры, потребность высшей мечты, тоска по этой мечтѣ остались, и онъ увѣровалъ въ свою фантасмагорію, которою замѣнилъ для себя высшую мечту. Въ концѣ концевъ Раскольниковъ приходитъ къ просвѣтлѣнію. Великое страданіе снова приводитъ его къ Богу. Это и понятно.

Св. юродивые были средствомъ для откровенія воли Божіей подобно тому, какъ прежде Господь говорилъ и чрезъ Валаамову ослицу. А почему именно Господь изби-

раетъ для этой цѣли именно простецовъ, это объяснялось съ народной точки зрѣнія кажется такъ: блаженненькіе болѣе другихъ достойны того, чтобы Господь ихъ устами изрекалъ Свою волю; во первыхъ, по самой своей простотѣ они были чужды главнаго порока, которымъ страдало человѣчество—лжи и обмана; во вторыхъ, св. юродивые много переносили, много страдали, страданія же искупляютъ грѣхи и приближаютъ человѣка къ Богу, а св. юродивые и были страдальцами за все общество, искавшими случаевъ перенести, потерпѣть. Вотъ почему и правда была на сторонѣ св. юродивыхъ—общественныхъ страдальцевъ, несшихъ на своихъ плечахъ тяготу общества. Притомъ, и народное сознаніе уже давно подмѣтило убійственную силу правды, высказываемую глупымъ или малымъ: „глупый да малый скажутъ правду", говоритъ русская пословица. И опытъ постоянно подтверждаетъ это. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ тягостнѣе положенія, какъ положеніе родителей, уличаемыхъ въ чемъ-нибудь правдою, почти несознательно высказанною дѣтьми. Шекспиръ во всѣхъ трагедіяхъ своихъ вывелъ шутовъ—по внѣшности глупыхъ людей, роль которыхъ сводилась къ высказыванію правды сильнымъ міра сего—королямъ, правды, прикрытой прибаутками. Это дѣйствіе правды въ устахъ глупыхъ оправдывается и въ исторіи св. юродивыхъ. Іоаннъ Грозный не выносилъ обличеній ни со стороны митрополита Филиппа, ни со стороны бояръ, подвергая ихъ опалѣ и наказанію, но онъ выслушалъ сильное обличеніе изъ устъ Псковскаго юродиваго св. Николая. Вообще надо согласиться съ тѣмъ, что тѣ, въ комъ жила еще непосредственность и нравственное чувство: дѣти, юродивые, старцы—тѣ лучшіе проповѣдники правды. Они изъ природы берутъ её и изъ своего сердца. Вотъ почему въ произведеніяхъ Достоевскаго,—этого знатока страдающихъ и падшихъ душъ,— какъ справедливо отмѣтилъ преосв. Антоній, архіепископъ Волынскій [92]), посредниками въ спасеніи и обращеніи на правый путь являются дѣти, женщины

[92]) Т. III, стр. 313.

и старцы. И по слову Спасителя, въ дѣлахъ вѣры и религіи то, что скрыто отъ премудрыхъ и разумныхъ, то открыто младенцамъ [93]), и по слову апостола: „буяя міра избра Богъ, да премудрыя посрамитъ: и немощная міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая“ [94]).

Значитъ, можно заключать, примыкая къ мнѣнію проф. Олесницкаго, что цѣль „юродства“ составляло отрицательное представленіе нравственнаго идеала и отрицательное воздѣйствіе противъ испорченнаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, исходя изъ безумія и безпорядочности жизни, которыми проникнутъ грѣховный міръ, св. юродивые хотѣли сокровеннымъ и незамѣтнымъ образомъ вести его къ мудрости Божіей и къ нравственному исправленію [95]), всѣмъ своимъ поведеніемъ показывая окружающему обществу, что оно уклонилось отъ того нравственнаго начала, которое должно управлять человѣкомъ въ его нравственномъ поступаніи. Св. юродивые обличали человѣчество своими ненормальными дѣйствіями въ томъ, что у него отсутствуетъ внутренняя внимательность, непрестанное самопознаніе, что, уклоняясь отъ своего назначенія, оно дѣйствуетъ не по волѣ Божіей, опредѣляющей всю дѣятельность человѣка, а по волѣ и влеченію своего единственнаго грѣховнаго сердца. Частнѣе, напримѣръ, нарушеніемъ постовъ (св. Симеонъ ѣлъ колбасу), кощунствомъ въ церкви (онъ же бросалъ орѣхи въ женщинъ въ церкви и въ свѣчи), небрежнымъ отношеніемъ къ церковнымъ постановленіямъ, они являлись строгими обличителями тогдашняго индеферентизма, болѣзни крайне опасной, такъ какъ страждующіе ею не только не сознаютъ своего бѣдственнаго положенія, но и считаютъ его часто вполнѣ законнымъ, естественнымъ, прикрывая его лицемѣріемъ (напр.. сребролюбецъ — монахъ, обличенный св. Андреемъ), охлажденія религіознаго чувства и ослабленія нравственной энергіи воли. Но являясь въ качествѣ проповѣдниковъ положительнаго нравственнаго идеала путемъ отрицательнаго его представленія,

[93]) Мѳ. XI, 25. [94]) 1, Кор. I, 27. [95]) Прав. богос. Олесницкаго, Кіевъ. 1893 г. § 57, стр. 211.

св. юродивые врачебныя средства для того, чтобы вызвать внутреннія силы человѣка на борьбу со зломъ для достиженія нравственнаго идеала, употребляли такого рода, чтобы они дѣйствовали не столько на умъ, сколько на сердце и волю. Своимъ удивительнымъ смиреніемъ они старались уничтожить гордую и пагубную для нравственнаго возрастанія человѣка самоувѣренность въ достоинство своего положенія, пробудить своимъ поведеніемъ ложность такого положенія и желанія освободиться отъ него. Презрѣніемъ даже самаго необходимаго въ жизни св. юродивые научали современниковъ нестяжательности и обличали тѣхъ, которые, руководясь практическими цѣлями, думали въ пристрастіи къ внѣшнимъ удобствамъ жизни, къ матеріальному довольству съ пренебреженіемъ, даже забвеніемъ высшихъ духовныхъ потребностей, думали устроить свое счастье. Общеніемъ съ подонками общества, напр., блудницами, кромѣ сакраментальнаго значенія для себя, какъ способа пріученія къ индеферентному обращенію съ женщинами, они опровергали самоувѣренное отчужденіе прочихъ отъ этихъ лицъ, какъ будто не заслуживающихъ никакого вниманія, холодное пренебреженіе ими. Ученіе св. юродивыхъ похоже было на то, что извѣстно въ поэзіи подъ именемъ отрицательнаго обнаруженія эстетическаго идеала. „Возможно, говоритъ Покровскій въ своемъ учебникѣ по нравственному богословію, чтобы поэтъ плакалъ незримыми міру слезами въ то время, какъ смѣется, повидимому, надъ недостатками и пошлостію жизни; возможно, чтобы въ это время предносился ему положительный, чистый, свѣтлый ея идеалъ,— поэтому возможно и отрицательное изображеніе добродѣтели [96]).

Значеніе св. юродивыхъ особенно сказалось во время общественныхъ бѣдствій. Когда, по благоразумію житейскому, люди стараются унести собственную жизнь и свое достояніе изъ подъ ударовъ грядущаго бѣдствія, мало думая о томъ, куда упадутъ эти удары, лишь бы мимо ихъ, въ

[96]) Нравств. богосл. Самара. 1891 г., стр. 201.

то время люди, руководимые божественною мудростію, забывая о собственныхъ интересахъ, стараются не о томъ, какъ бы скрыться отъ грядущей опасности, а о томъ, чтобы отдалить угрожающее бѣдствіе отъ своихъ собратій, и въ самоотверженной любви, готовой положить душу за други своя, возсылаютъ молитвы къ Богу объ отвращеніи или прекращеніи бѣдствія, внушая и другимъ тоже самое. О св. Прокопіи Устюжскомъ разсказываютъ, что онъ призывалъ устюжанъ къ покаянію, чтобы отвратить народное бѣдствіе: „покайтеся, братіе, о грѣсѣхъ своихъ, взывалъ онъ, и умилостивите Бога пощеніемъ и молитвами, аще ли не покаетеся, вси имате вскорѣ погибнути огненнымъ градомъ; гнѣвъ бо Божій приходитъ; бдите и молитеся, да не внидете въ напасть". Но когда проповѣди св. Прокопія не внимали, онъ пошелъ по всему городу „проповѣдуя всѣмъ людямъ со многими слезами и съ воплемъ крѣпкимъ, яко приближается казнь отъ Бога, и глаголаше: покайтеся, о человѣцы, плачитеся о грѣсѣхъ своихъ и молитеся, дабы Господь Богъ отвратилъ праведный гнѣвъ свой и не погубилъ бы града, якоже Содома и Гоморры, за умножившіяся беззаконія". Когда же и этой проповѣди не послушали („сей человѣкъ безуменъ есть, и никогда-же смысленно что глаголетъ, почто его слушати" говорили) и когда наказаніе Божіе не замедлило наступить, то св. Прокопій со слезами молится Богу словами св. пророка Моисея: „остави, Господи, людемъ грѣхи ихъ, аще же ни, изглади мя изъ книги Твоея" [97]). Св. Василій блаженный предъ большимъ Московскимъ пожаромъ (въ 1547 г.) плачетъ неутѣшно и молится Богу о помилованіи людей [98]). Кромѣ того, изъ житій св. юродивыхъ видно, что они трезвостью и высотою своихъ сужденій прямо возвышались надъ современниками. Многіе изъ нихъ лучше, чѣмъ наиболѣе опытные и проницательные руководители современнаго имъ общества, умѣютъ поднять ходъ общественной жизни, схватить характерныя черты какъ ея дѣятелей, такъ и окружающей

[97]) Исх. XXXII, 32 Чет. Мин. 8 іюля, л. 48 об. и 49. [98]) Кормчій № 30 стр. 416.

послѣднихъ среды. Такъ, св. Лаврентій во время убѣждаетъ князя Симеона напасть на крымскихъ татаръ въ 1512 г. [99]); св. Николай Псковскій вмѣстѣ съ княземъ Юріемъ Токмаковымъ научаютъ псковичей, какъ принять Грознаго царя, чтобы смягчить его гнѣвъ на милость,—и устроенная, по ихъ наученію, добрая встрѣча царя, тронула ожесточенное сердце послѣдняго [100]). Или—прямыя, иногда до грубости, обличенія, направляемыя св. юродивыми противъ могущественныхъ и властныхъ деспотовъ-правителей [101]); св. Василій блаженный, прозрѣвая настроеніе того-же царя, мечтающаго постоянно о лютыхъ казняхъ, замѣтилъ ему однажды, что онъ былъ не въ храмѣ, а на Воробьевыхъ горахъ, всегда при удобномъ случаѣ и прямо подъ настроеніе,—обнаруживаютъ въ св. юродивыхъ и высоко-проницательный умъ и глубокое знаніе ими человѣческаго сердца. Послѣднее обстоятельство обезпечивало для св. юродивыхъ возможность быть въ самомъ близкомъ сообщеніи съ людьми, входить во всѣ дома безъ различія званій и состояній и въ нужныхъ случаяхъ давать различные совѣты и указанія. Гибкая проницательность ихъ ума и уважалась современниками, и св. юродивыхъ, когда было нужно, приводили къ правителямъ, которые оказывали имъ готовность снисходительно выслушивать ихъ, конечно, ради ихъ наивной простоты да убожества, а не ради добродѣтели, (потому что добродѣтели свои они смиренно скрывали отъ людей, которые, считая ихъ болѣе, чѣмъ ограниченными и нечуждыми обыкновенныхъ внѣшнихъ грѣховъ, не могли и подумать о величіи и разумности ихъ нравственныхъ подвиговъ, если имъ приходилось ихъ замѣчать) и въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращаться за разъясненіями; нѣкоторые св. юродивые несли какъ бы государственную службу при дворѣ. Такъ, св. Лаврентій частенько бываетъ въ домѣ Калужскаго князя Симеона, который посвящаетъ его въ государственныя дѣла

---

[99]) Карамз. VII, прим. 86. [100]) Заслуга св. Николая выражена ясно въ кондакѣ: „чудотворецъ явися, Николае, царску державу и смысла свирѣпство на милость обративъ", 27 іюля. [101]) Тотъ же св. Николай приглашаетъ Грознаго покушать хлѣба-соли, а не человѣческой крови.

(напр., битва съ татарами); онъ же во время битвы его съ татарами присутствуетъ въ сраженіи и укрѣпляетъ все воинство: „не бойтесь“! [102]); св. Василій блаженный ходитъ къ царю публично при стеченіи знаменитыхъ особъ; насколь онъ пользовался расположеніемъ за свою дѣтскую простоту видно изъ того, что предъ его смертію московскіе граждане приходили къ нему съ утра до ночи за благословеніемъ и со слезами прощались съ нимъ, прося не забывать ихъ и по смерти [103]); князь ростовскій и особенно жена его Наталія „призываху св. Прокопія Вятскаго въ домъ свой и служаху ему, сама княгиня тѣло блаженнаго омывающе своима рукама и облачающе его въ новыя сра-чицы, и приводяще его съ собою къ церкви Вознесенія“ [104]). Когда черезъ вельможу Іоанна Немира (новгородскаго) св. Михаилъ Клопскій узналъ о томъ, что великій князь хочетъ идти войною на Новгородъ за то, что граждане противъ воли его выбрали себѣ князя изъ Литвы, по имени Михаила, то онъ сказалъ упомянутому вельможѣ: „зачѣмъ мятутся новгородцы, какъ будто безумные или пьяные; если не утолите гнѣва великаго князя Іоанна, то постигнутъ васъ великія бѣды: придетъ сюда Іоаннъ, станетъ на берегахъ Волхова, поплѣнитъ страну вашу, казнитъ многихъ вельможъ, а другихъ отведетъ въ плѣнъ, тотъ же князь, на котораго вы полагаете надежду, не можетъ помочь ни вамъ, ни самому себѣ и обратится въ бѣгство. Разошлите послы къ великому князю, добивайте челомъ [105]). Высшія духовныя лица тоже обращались къ Михаилу Клопскому и поступали согласно съ его указаніями: архіепископъ Евѳимій проситъ молитвъ св. Михаила и послѣ поставленія на каѳедру новгородскую получаетъ отъ него повелѣніе идти въ Москву и тамъ „царствующаго благословеннаго царя Василія гнѣвъ на ся утолити“ [106]). Св. Михаилъ являлся даже третейскимъ судьею. Такъ, когда два вельможи Елевферій и Іоаннъ поссо-

[102]) Кал. еп. вѣд. 1862 г. № 1, стр. 6. [103]) Бѣлянкинъ, стр. 21, 27. [104]) Жит. св. Трифона и Прокопія, стр. 40. [105]) Толстой, стр. 202. [106]) Новг. еп. вѣд. № 21, стр. 1403. Царь Василій могъ сердиться на Евѳимія за то, что тотъ рукоположеніе получилъ не въ Москвѣ, а во Владимірѣ по благословенію св. Михаила Клопскаго.

рились, то за разрѣшеніемъ обиды пошли къ св. юродивому Михаилу, который одному изъ нихъ сказалъ: „чадо, отвергни отъ себя насилуемая, и самъ припади къ необидимому судьи, яко да ущедритъ тя: зрю бо тя въ велицѣй бѣдѣ суща. Аще ли же не сотвориши сице, яже заповѣдахъ тебѣ, то извѣстно буди ти, яко днесь будеши нѣмъ, ни двигнутися могій, ни очима воззрѣти“ [107]); князю Димитрію Шемякѣ, пришедшему къ св. Михаилу за благословеніемъ и молитвою о возвращеніи ему престола, онъ предсказалъ погибель [108]); князь Константинъ, лишенный своей отчины въ 1419 г., снова ее возвращаетъ при посредствѣ св. юродиваго Михаила въ 1421 г. [109]); св. юродивые новгородскіе Ѳеодоръ и Николай Кочановъ (юродствовавшіе въ одно время), всегда какъ будто взаимно преслѣдовали другъ друга. Когда блаженному Ѳеодору приходилось быть на Софійской сторонѣ, то св. Николай гналъ его на Торговую; тоже дѣлалъ и св. Ѳеодоръ, когда заставалъ блаженнаго Николая на Торговой сторонѣ. Эта кажущаяся вражда двухъ противниковъ была назидательнымъ урокомъ для буйной новгородской вольницы, а не вражда двухъ сердецъ, хорошо понимавшихъ другъ друга, и прекрасной характеристикой духа того времени. Въ самомъ дѣлѣ, въ Новгородѣ, во время жизни св. юродивыхъ Ѳеодора и Николая, изъ за самыхъ пустяковъ были постоянныя междоусобія, кончавшіяся весьма часто кровопролитіемъ, разграбленіемъ имуществъ, пожарами и убійствами [110]).

Но чѣмъ объяснить то обстоятельство, что какіе то нищіе вмѣшиваются въ дѣла государственныя, и голосъ ихъ имѣетъ часто рѣшающее значеніе? г. Рущинскій любовь русскихъ къ юродивымъ объясняетъ своеобразностію сложившагося на Руси идеала христіанской благочестивой жизни, особеннымъ свойствомъ практическаго нравственнаго религіознаго быта, который, по его мнѣнію, сводился къ двумъ видамъ: это необыкновенное уваженіе къ отшельническимъ подвигамъ и привязанность къ внѣшнимъ пред-

[107]) Тамъ же, стр. 1402. [108]) Тамъ же № 24, стр. 1644. [109]) Филар. архіеписк. Чернигов. жит. св., стр. 325, янв. 11. [110]) Русс. Пал. № 27, 1892 г., п. 418.

метамъ и пріемамъ благочестія. „Русскіе, говоритъ онъ, имѣли наклонность придавать большое значеніе внѣшнимъ дѣйствіямъ и формамъ благочестія, съ которыми они привыкли отождествлять самую нравственность, благочестіе, русскихъ, ихъ идеалъ нравственнаго совершенства, носилъ строго внѣшній и отчасти дѣтскій характеръ. При отсутствіи просвѣщенія и происходящемъ отсюда дѣтскомъ, простосердечномъ, воззрѣніи на вещи и при практическомъ складѣ характера, русскій человѣкъ, подобно дитяти, желалъ постоянно имѣть вблизи и окружать себя предметами своего благоговѣнія и почитанія. При отсутствіи религіознаго просвѣщенія и истиннаго пониманія христіанскаго идеала нравственности, русскій человѣкъ видѣлъ высшій образецъ благочестивой и совершенной жизни въ подвигахъ отшельничества. Русскій человѣкъ любилъ все то, что только поражало внѣшнее чувство, что близко было его дѣтскому уму и свойству; этимъ само собою объясняется его любовь и уваженіе къ юродивымъ, которые не встрѣчаютъ ничего себѣ подобнаго въ религіозномъ быту и сознаніи другихъ народовъ и религіозныхъ обществъ [111]). Такого взгляда г. Рущинскій держится, конечно, подъ вліяніемъ мнѣнія иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію въ XVI и XVII в., а иностранцы (напр. Горсей и Флетчеръ), какъ онъ самъ говоритъ, не щадили рѣзкихъ остротъ и насмѣшекъ при изображеніи какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ сторонъ русскаго народа, дѣтскій оттѣнокъ благочестія котораго, дѣтскую простоту въ созданіи идеаловъ нравственнаго совершенства и подвижничества, они нашли въ столь свойственномъ русскимъ, необыкновенномъ уваженіи къ юродивымъ, этимъ обманщикамъ, волшебникамъ, оракуламъ, по своей жизни и поведенію, но далеко не по знаніямъ своимъ, напоминавшихъ гимнософистовъ [112]). Значитъ, придавать большое значеніе мнѣнію иностранныхъ писателей нельзя, а находить основанія уваженіе къ св. юродивымъ якобы въ дѣтской простотѣ, характеризующей религіозныя

[111]) Рущинскій. Религіозный бытъ русскихъ у иностранцевъ XVI и XXII в.в. Москва. 1871 г., стр. 105, 106. [112]) Стр. 104, 105.

воззрѣнія русскихъ и въ вытекающемъ отсюда дѣтскомъ желаніи окружать себя предметами своего почитанія, рискованно. Причины уваженія къ св. юродивымъ русскихъ людей надо искать глубже, въ психологіи самой русской націи. Мы выше имѣли случай говорить о томъ, что русскій человѣкъ цѣнилъ и цѣнитъ разнаго рода страданія и уничиженія въ дѣлѣ спасенія. И въ настоящее время въ деревняхъ нерѣдко можно видѣть, какъ крестьяне, особенно женщины, утѣшаютъ больныхъ тѣмъ, что самая болѣзнь послѣднихъ посылается во спасеніе души, что она есть посѣщеніе Божіе, а поэтому, надо радоваться, что дается возможность пострадать за свои грѣхи. Мы говорили, что по наблюденіямъ Ѳ. М. Достоевскаго — могучая русская душа разъ сознала свои недостатки и необходимость исправленія—то она требуетъ страданія за всѣхъ и только на этомъ и успокаивается. Въ этомъ то и заключается причина уваженія къ св. юродивымъ русскихъ. Далѣе, ихъ любовь къ ближнимъ должна была снискивать себѣ уваженіе, а глубокое пониманіе юродивыми жизни, влекло народъ русскій къ св. юродивымъ. Св. юродивые не шли ни къ кому, а ихъ самихъ розыскивали и приводили въ дома въ нужныхъ случаяхъ; такъ, новгородскій вельможа, кланяясь въ землю, просилъ св. Николая Кочанова посѣтить его и считаетъ присутствіе его великой для себя честью [113]), такъ какъ съ его присутствіемъ водворяется миръ и спокойствіе въ его домѣ. „Множество людей прихождаше къ Аврамію смоленскому влекоми поученіи его, имиже наставляше ихъ на путь спасенія, со слезами къ покаянію увѣщавая грѣшныя, и мнози умиляющеся сердцы своими, преставаху отъ грѣховъ, и исправляху житіе свое истиннымъ покаяніемъ“ [114]). Св. юродивые, какъ извѣстно, бѣгали людей, т. е. не бывали въ домахъ (напр. Георгій Шенкурскій, Василій блаженный), а когда было необходимо ихъ присутствіе, то сами являлись въ извѣстные дома. „И прихождаше, говорится въ житіи св. Прокопія Вятскаго,

[113]) Новгор. еп. вѣд., стр. 864, № 14. [114]) Чет. Мин. авг. 21, л. 100.

во многіе домы къ жителямъ города Хлынова, идѣже зритъ болящаго человѣка, и которому возстати отъ болѣзни, того пріемля рукама своима, со одра возставляетъ и радуется о немъ; а которому въ болѣзни той умрети, надъ тѣмъ начнетъ плакати и лобзати руцѣ свои, къ персемъ прилагающе и указаніемъ веляше погребальная творити". Однажды онъ пришелъ въ приказную избу и съ воеводы Жемчужникова снялъ шапку [115]) и надѣлъ ее на свою голову. Тотъ съ улыбкой уступилъ ему и мѣсто свое. Св. же Прокопій взялъ его за руку и увелъ въ арестантскую. Прошло немного дней, и воевода по царскому повелѣнію былъ арестованъ на 7 дней за неисправность по службѣ [116]). Значитъ, св. юродивые являлись въ дома въ исключительныхъ случаяхъ. За проницательность ума, за правоту и прозорливость и почитали, особенно русскіе, св. юродивыхъ. Когда св. Василій блаженный обличилъ Іоанна Грознаго въ томъ, что онъ будучи въ храмѣ, думалъ о постройкѣ дворца на Воробьевыхъ горахъ, то царь началъ „чтити и боятися его, провидца сердецъ и мыслей человѣческихъ" [117]). Народъ чувствовалъ влеченіе своего сердца къ св. юродивымъ, къ ихъ дѣтской простотѣ, любилъ ихъ за то, что они были вѣстниками правды Божіей, сосудами благодати Божіей, за то, что они, предсказывая грядущія бѣдствія, вели народъ къ покаянію и къ молитвѣ объ избавленіи отъ нихъ, уважалъ за то, что они проливали слезы въ горячей молитвѣ за своихъ современниковъ, почиталъ за то, что они были вѣрными сынами церкви и преданными гражданами отечества.

Такимъ образомъ, эти внутреннія чувства, привлекали уваженіе народа къ святымъ юродивымъ, а не скудость просвѣщенія, или дѣтскость религіозныхъ понятій русскихъ. Впечатлѣніе, какое производили св. юродивые на общество не умирало въ немъ, а напротивъ закрѣпляло уваженіе къ св. юродивымъ и заставляло преклоняться предъ нравственнымъ величіемъ этихъ людей, вѣра которыхъ была

---

[115]) Воеводы по татарскому обычаю сидѣли въ шапкахъ въ то время. [116]) Кормчій № 50, стр. 604. [117]) Тамъ же, № 30, стр. 417.

такъ сильна, что они чувствовали близость Бога, любовь которыхъ была такъ велика, что невольно покоряла себѣ сердца всѣхъ. Это выражалось особенно сильно послѣ смерти св. юродивыхъ, когда всѣ жители плакали по нимъ неутѣшно. По смерти, напр., св. Михаила Клопскаго „пріде архіепископъ со многимъ освященнымъ соборомъ и всенароднымъ множествомъ течаху бо быстринамъ рѣчнымъ подобящеся, слезы непрестанно ліюще. Старѣйшины града яко наказателя рыдаху; юноши хранителя и буести воздержника; вдовицы заступника; сирые питателя; младенцы наказателя; иноцы спутника; странные упокоеніе и вси общаго предстателя плакаху, а иже невѣдуще погребенія преподобнаго слезами своими себе обливаху, укоряюще себе и недостойными нарицающеся“ [118]).

Но возвратимся къ выясненію служенія св. юродивыхъ обществу. Ихъ подвигъ на степень государственной службы возвышался даромъ предвѣдѣнія и предсказыванія будущаго. Такъ, св. Симеонъ предсказываетъ въ 588 г. землетрясеніе [119]), моровую язву [120]); св. Михаилъ Клопскій предсказалъ паденіе Новгорода, архіепископство Іонѣ, провидѣлъ рожденіе собирателя русской земли [121]); предвѣщали пожары (напр. св. Ѳеодоръ Новгородскій говаривалъ вслухъ: „Это мѣсто чисто будетъ“; или „хорошо будетъ сѣять рѣпу“ [122]); или св. Николай Псковскій предупреждалъ предъ пожаромъ: „желѣзныя двери, желѣзные затворы“ [123]). Св. Прокопій Вятскій предъ пожарами билъ въ набатъ за нѣсколько дней [124]); предсказывали голодъ [125]), урожай [126]), извѣщали о строгихъ царскихъ указахъ [127]), предвѣщали

[118]) Новг. еп. вѣд., стр. 1647, № 24. [119]) Въ царствов. Маврикія. [120]) Чет. Мин. 21 іюля, л. 148. [121]) Толстой. Святыни и древности Новгор., стр. 198, 202. „Той будетъ всему русскому царствію наслѣдникъ и всѣмъ окрестнымъ странамъ страшенъ будетъ и сей Новаграда обладателемъ будетъ и гордыню вашу упразнитъ и въ свою волю васъ приведетъ и все самовластіе ваше разрушитъ“. Дѣйствительно, въ 1440 г. 22 янв. род. Иванъ III и въ 1471 г. покорилъ Новгородъ. [122]) Русск. Пал. 1892 г., № 27, стр. 418. [123]) Словарь историческій, стр. 120. [124]) Кормчій № 50, стр. 663. [125]) Св. Ѳеодоръ: „берегите хлѣбъ“, предупреждалъ бывало. [126]) Св. Прокопій Устюжскій носилъ въ лѣвой рукѣ 3 кочерги и если въ который годъ держалъ ихъ вверхъ, то былъ урожай, а внизъ, то голодъ, л. 49 и 50 Чет. Мин. 8 іюля. [127]) Св. Прокопій Вятскій предъ тѣмъ, какъ должно быть строгимъ указамъ, „ходя по торгу, поставляше древца поряду и біяше тѣ, аки людей“; тамъ же.

общественныя бѣдствія [128]), рожденіе великихъ людей [129]), общественныя должности нѣкоторыхъ [130]), будущее положеніе сильныхъ лицъ [131]), смерть иныхъ [132]), отвращали своею прозорливостью отъ преступленій и т. подоб. [132*]). Значитъ, св. юродивые являлись для современнаго имъ общества вѣстниками правды Божіей. Разсматриваемое съ этой стороны „юродство" напоминаетъ ветхозавѣтное пророческое служеніе. Проведемъ параллель между этимъ служеніемъ и „юродствомъ". Ветхозавѣтные пророки, выходя изъ всѣхъ классовъ еврейскаго народа, имѣли различныя служенія. Одни изъ нихъ, какъ Илія и Елисей, были мужи труда и борьбы; другіе, какъ Исаія, Іеремія и Амосъ, учили и пророчествовали; одни возставали противъ насилія и нечестія царей, другіе—вообще противъ пороковъ и развращенія нравовъ. Но всѣ они одушевлялись однимъ и тѣмъ же мотивомъ и духомъ; всѣ они защищали вѣру въ единаго Бога противъ идолопоклонства, правду и право — противъ чужого господства. Свое высоко-нравственное ученіе пророки ясно и открыто возвѣщали всѣмъ и каждому. Отъ ихъ громкаго гласа не скрывался ни царь, ни

[128]) Св. Прокопій Устюжскій предсказалъ бѣду Устюжанамъ отъ погибели огнемъ и градомъ, Прол. 8 іюля, л. 73 об. [129]) Онъ же поклонился въ землю за вечерней въ церкви трехлѣтней дѣвочкѣ Маріи и пророчески сказалъ: „се грядетъ матерь великаго Стефана епископа, учителя Пермскаго", такъ что слышавшіе удивились, потому что Пермь была тогда страной языческой. Чет. Мин. 8 іюля, л. 49 об. [130]) Св. Михаилъ Клопскій предсказалъ архіепископство игумену Ѳеодосію и его удаленіе съ каѳедры. Филар. арх. Черниг. житія св. янв. 11, стр. 128. [131]) Св. Василій блаженный предъ смертью своею царевичу Ѳеодору пророчески сказалъ: „вся прародителей твоихъ, твоя будутъ, и наслѣдникъ будеши имъ". Прол. 2 авг., л. 5. [132]) Св. Ѳома Келесерійскій предсказалъ смерть нѣкоему Анастасію, Чет. Мин. 24 апр., л. 108 об., св. Прокопій Вятскій—смерть сына одного священника. [132*]) Однажды у одного Константинопольскаго вельможи умерла дочь, завѣщавшая предъ смертью похоронить себя въ склепѣ, устроенномъ въ загородномъ виноградникѣ. Просьба ея была исполнена. Въ то время, когда несли гробъ на погребеніе, за похоронной процессіей слѣдилъ одинъ воръ, грабившій драгоцѣнныя вещи съ покойниковъ, чтобы съ наступленіемъ ночи похитить всѣ драгоцѣнности. Проходившій здѣсь же св. Андрей уразумѣлъ злыя мысли вора и, желая отвлечь его отъ худого дѣла, предсказалъ ему слѣпоту въ случаѣ, если онъ вздумаетъ воровать. Хотя воръ удивился прозорливости св. Андрея, но всетаки отправился совершать гнусное дѣло. Но лишь только онъ снялъ всѣ одежды съ покойницы, какъ вдругъ она поднялась и ударила его рукой по лицу, и воръ ослѣпъ отъ страха. И вспомнилъ онъ тогда святаго Андрея и „дивляшеся, яко провидѣ и прорече все имущее ему быти и исполнися его пророчество". Чет. Мин. 2 окт., л. 11 об. и 12.

вельможа, ни священникъ, ни простолюдинъ. Они вездѣ— и въ храмѣ, и при городскихъ воротахъ, въ чертогахъ царя и въ тюрьмахъ изрекали свое слово, возвѣщали истину всякому желавшему и не желавшему слышать ихъ проповѣдь. Къ царю Давиду, какъ къ простому смертному, явился пророкъ Наѳанъ и смѣло обличилъ его въ совершенномъ преступленіи. Будучи, такимъ образомъ, вѣстниками божественной воли, пророки своею жизнію первые показывали примѣръ ея исполненія. И дѣйствительно, ихъ жизнь была вполнѣ безукоризненна. Предъ вступленіемъ въ свое служеніе, они оставляли всѣ мірскія заботы, забывали свой домъ, родныхъ и даже семейства. Они скитались, не заботясь о своихъ чувственныхъ потребностяхъ и до того отличались нестяжательностью, что цари посылали имъ вмѣсто драгоцѣнностей нѣсколько хлѣбовъ [133]). Этого мало. Пророки готовы были переносить всѣ угрозы, упреки, заключенія, страданія; они готовы были даже на смерть [134]). Дѣйствія пророковъ облекались таинственностью и имѣли глубокій символическій смыслъ. Такъ, напр., супружескій союзъ пророковъ былъ не слѣдствіемъ побужденій природы, а дѣломъ высокаго ихъ служенія, или непосредственно открытой имъ воли Божіей „иди“, говоритъ Господь, св. пророку Осіи, пойми себѣ жену блуженія, и опять возлюби жену любящую зло и любодѣйцу“ [135]), для того, конечно, чтобы этимъ дѣйствіемъ изобразить развратъ еврейскаго народа. Предсказывая трехъ-лѣтній плѣнъ египетскій и еѳіопскій отъ ассиріянъ съ его послѣдствіями, Господь велитъ св. пророку Исаіи: „иди и сверзи вретище съ чреслъ своихъ, и сандалія твоя иззуй съ ногъ твоихъ, и сотвори сице, ходя нагъ и босъ“ [136]), св. пророку Іезекіилю Господь повелѣваетъ сдѣлать слѣдующее для изображенія плѣна: „возьми себѣ плинѳу и положи ю предъ лицемъ твоимъ, и да напишеши на ней градъ Іерусалимъ: и да даси окрестъ его огражденіе, и да соградиши надъ нимъ забрала, и обложиши его острогомъ, и да поставиши окрестъ его полки,

[133]) 3. Цар. XIV, 3. [134]) Мѳ. XXIII, 30, 31; Дѣят. V, 52. [135]) Осіи I, 2, III, 1. [136]) XX, 2.

и да учиниши поставленія стрѣльницъ окрестъ. Ты же возьми себѣ сковраду желѣзну, и да положиши ю въ стѣну желѣзну между тобою и между градомъ, и да уготовиши лице твое нань, и будетъ въ затворѣ, и затвориши и: знаменіе сіе есть сыномъ израилевымъ. Ты же да спиши на лѣвомъ боку твоемъ, и да положиши неправды дому Израилева на немъ, по числу дней пятьдесятъ и сто, въ няже поспиши на немъ и возмеши неправды ихъ. И совершиши сія, и поспиши на деснѣхъ ребрѣхъ твоихъ второе, и возмеши неправды дому Іудина четыредесять дней, день за едино лѣто положихъ тебѣ“ [137]). Одинъ изъ сыновъ пророческихъ въ искаженномъ видѣ, съ покрываломъ на головѣ предсталъ Ахаву [138]). Іеремія нѣсколько времени носилъ на шеѣ яремъ и чрезъ пословъ, приходившихъ къ Седекіи, послалъ его къ сосѣднимъ царямъ [139]). Іезекіиль обрилъ голову и бороду мечемъ и одну часть волосъ сжегъ среди города, другую изрубилъ мечемъ, а третью развѣялъ по вѣтру [140]). Пророчества свои они обращаютъ часто не къ людямъ, а къ неодушевленнымъ предметамъ, напр. горамъ [141]) и говорятъ имъ, какъ одушевленнымъ существамъ [142]) и проч.

Св. юродивые, тоже принадлежа къ всякому классу общества [143]) хотя общественное свое служеніе проходили различнымъ образомъ, но были всѣ одушевлены однимъ желаніемъ возвѣщать вездѣ и всюду правду Божію, ведя людей къ покаянію, всѣ они возставали противъ произвола власти, противъ проявленія грубо-дикихъ страстей. Чуждые мірскихъ интересовъ, преслѣдуемые и озлобляемые людьми, св. юродивые подобно пророкамъ были всегда преданы человѣчеству и во всѣхъ его опасностяхъ и скорбяхъ являлись первыми поборниками и утѣшителями. Угрожала ли небесная кара? молитвенный вопль ихъ смягчаетъ грозное опредѣленіе суда Божія. Тяготѣло-ли на плечахъ народа ярмо рабства? они, на защиту его, небоязненно являлись

---

[137]) IV, 1—6. [138]) 3 цар. XX, 37, 43. [139]) XXVIII, 23. [140]) V, 1—3. [141]) Іезек. VI, 3. [142]) Тамъ же, 34. [143]) Были среди нихъ князья, крестьяне, священники, купцы, монахи и пр.

предъ царей съ обличеніемъ и угрозою; они мужественно возвышали свой голосъ, обличали, преслѣдовали нечестіе въ чертогахъ сильнаго, не щадили соблазна и въ порфирѣ. И жизнь св. юродивыхъ вполнѣ соотвѣтствовала той правдѣ, какую они возвѣщали людямъ. Прежде всего страхъ Божій рождалъ въ ихъ сердцѣ благое послушаніе, это въ свою очередь производило отверженіе отъ міра и презрѣніе всего земного, а отъ этого происходило терпѣніе, рождающее смиреніе, отъ ихъ глубокаго смиренія проистекало умерщвленіе своей воли, отъ чего увядали у нихъ всѣ корни чувственныхъ потребностей, а цвѣли только и приносили плодъ однѣ добродѣтели, а отъ умноженія добродѣтелей получалась чистота сердца и, затѣмъ, апостольское совершенство, завершаемое любовью. При такихъ своихъ добродѣтеляхъ св. юродивые становились, подобно пророкамъ, сосудами чрезвычайныхъ Божьихъ дарованій и были здѣсь, на землѣ представителями небеснаго Царя. Дѣйствія ихъ, направленныя къ исправленію грѣшниковъ, отличались сакраментальностью и имѣли символическое значеніе. Извѣстно, что св. юродивые, подобно пророкамъ, предсказывали юродствуя, загадочными фразами [144]), нравственное воздѣйствіе старались оказать на другихъ путемъ различныхъ ненормальныхъ дѣйствій, намековъ и т. п. [145]).

Такимъ образомъ, пророчество, какъ общественное служеніе въ юродствѣ имѣетъ своимъ основаніемъ великіе примѣры въ жизни и дѣяніяхъ св. пророковъ, которые дѣйствовали не отъ себя, но по внушенію Духа Божія. Но такое ихъ служеніе нѣкоторыми не признается, какъ имѣющее право гражданства, и самые представители его считаются лжепророками. Это доказывалъ еще въ 1860 году на страницахъ „Нашего времени“ (№ 34) г. Прыжовъ въ статьѣ объ одномъ юродивомъ: „Иванъ Яковличъ, лжепро-

---

[144]) Св. Симеонъ „непознавательно будущая провѣщаваше“ Чет. Мин. 21 іюля. [145]) Пр. Михаилъ Клопскій, предсказалъ архіепископство Іонѣ, поднявъ его за уши, когда онъ былъ маленькимъ и сказавъ: „учись книгамъ, великъ будешь“. Новг. еп. вѣд. № 24; св. Симеонъ предъ землетрясеніемъ ударяетъ палкою по домамъ; св. Прокопій предъ неурожаемъ держитъ 3 кочерги внизъ и пр.

рокъ". Лжепророчество—это такое ужасное преступленіе, въ которомъ посягаютъ на имя Божіе и даже на вдохновеніе божественное въ дѣлахъ и словахъ одной лжи и обмана; это самый губительный и нетерпимый видъ духовнаго святотатства. Поэтому, сколько не простительно было бы, замѣтивъ такое преступленіе, молчать о немъ, не выводить его на чистую воду истины, столько же въ обличеніи его надобно быть основательнымъ и осмотрительнымъ. И такъ, стоитъ разобрать, на сколько основателенъ отзывъ г. Прыжова о И. Я. Корейшѣ, юродивомъ студентѣ Петербургской Духовной Академіи.

Основаніе къ разбору труднаго вопроса о лжепророчествѣ находимъ у св. апостола Іоанна Богослова: „возлюбленніи, не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи, аще отъ Бога суть: яко мнози лжепророцы изыдоша въ міръ", и далѣе дается такое правило къ распознаванію лжепророковъ: „о семъ познавайте Духа Божія и духа лестча: всякъ духъ, иже исповѣдуетъ Іисуса Христа во плоти пришедша отъ Бога есть"; исповѣдуетъ, разумѣется, не такою вѣрою, которою исповѣдуютъ иные Бога вѣдѣти, дѣлы же отмещутся Его, но вѣрою, входящею въ самую силу исповѣдуемаго боговоплощенія, слѣдовательно, исповѣдуетъ, движась Христовымъ человѣколюбіемъ къ очищенію самого плотского или матеріальнаго и земного отъ грѣховныхъ сквернъ. „И всякъ духъ иже не исповѣдуетъ Іисуса Христа во плоти пришедша", т. е. не признавая основанія истины и добра въ Богѣ Словѣ и именно въ духѣ той Его любви къ человѣчеству, по которой Онъ „плоть бысть",—такой духъ „отъ Бога нѣсть" [146]). По такому-ли правилу изучалъ г. Прыжовъ юродиваго И. Я.? напротивъ, во всей его статьѣ, показывающей впрочемъ въ немъ спеціальное знакомство съ древностями, по крайней мѣрѣ со старинной русской жизнью, нѣтъ ни одной черты, взятой изъ искусства распознавать лжепророковъ, какому учитъ св. Іоаннъ Богословъ. Надобно или быть совсѣмъ безумнымъ, безъ всякаго

---

[146]) 1 Іоан. IV, 1—3.

остатка здраваго смысла, или смотрѣть на каждаго человѣка прямо глазами той вѣры, что ради этого человѣка сдѣлался человѣкомъ, жилъ и умеръ плотію самъ Сынъ Божій, надо входить по возможности и въ самую силу расположенія этой любви Христовой къ человѣчеству, чтобы вести ненормальный образъ жизни съ цѣлью слѣдить за житейскими нуждами и заниматься вопросами людей, къ чему собственно и сводилось „юродство". Смотря очами Христова человѣколюбія на людей, дѣйствительно удобно замѣчать свѣтящійся и въ житейскихъ нашихъ дѣлахъ и затрудненіяхъ, даже во тьмѣ разныхъ дрязгъ земныхъ, свѣтъ любви Отца Небеснаго, не отвергающаго пока еще ни одного грѣшника. И вотъ св. юродивые и ихъ истинные подражатели (въ родѣ И. Я. Корейша) слѣдили во всемъ и на всѣхъ за этимъ духовнымъ свѣтомъ къ намъ во Христѣ, т. е. любви. Въ комъ они примѣчали чистоту и свѣжесть души, требующую только духовной поддержки, чтобы послужить къ духовному освѣженію и другихъ въ этомъ мірѣ,—такимъ у нихъ и была готова нужная поддержка. Въ комъ они замѣчали, что духовная красота даровъ Божіихъ, относящихся къ душѣ или тѣлу, растеряна въ разсѣянности или даже замѣнилась безобразною наготою разныхъ житейскихъ гадостей и духовнаго безчувствія, такимъ они прямо и наглядно показывали это духовное ихъ нечестіе [147]). Ужасъ и отвратительность того положенія людей, въ которомъ знать они не хотятъ Сына Божія въ своей жизни или мысли, въ которомъ потому нѣтъ мѣста и для любви Отца Небеснаго, почивающей только въ Сынѣ и, ради Его благодати, простирающейся на созданія, они выражали своимъ негодованіемъ (ударяли иногда такихъ людей, напр. св. Андрей ударилъ по щекѣ блудника). Такія дѣйствія св. юродивыхъ имѣли значеніе, очевидно, болѣе, нежели только символическое; символы составляютъ нѣчто внѣшнее по отношенію къ означеннымъ ими предметамъ, а въ дѣй-

147) Напр. св. Симеонъ Юрьевецкій въ кабакѣ пьетъ водку, когда ему подносятъ, но такъ, что она течетъ только по нему, а въ ротъ не попадаетъ; Поспѣловъ, стр. 22.

ствіяхъ св. юродивыхъ выражалась непосредственно мысль и движеніе его духа.

Св. Андрей посмотрѣлъ на „вора звѣрообразно и яко гнѣваяся рече“ (л. 11).

Но г. Прыжова смущаетъ темная загадочность дѣйствій юродивыхъ. И въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ имъ надо было выражать свои предреченія и вообще мысли не прямо? но, вѣдь, дѣлать дѣло, со всею открытостью его значенія и силы, хорошо и кстати было бы только тогда, когда мы находимся среди готоваго вниманія и сочувствія именно къ силѣ своего дѣла. Много-ли у насъ занимающихся житейскими дѣлами съ духовнымъ разсужденіемъ; съ пониманіемъ духовнаго и въ житейскихъ матеріальныхъ вещахъ? много-ли ведущихъ духовную жизнь, жизнь по благочестію, но такъ, чтобы умѣть или только хотѣть и въ дѣлахъ земныхъ прозирать и выдерживать силу духовную, духъ и силу Христа, сошедшаго ради насъ съ неба на землю? у насъ ужъ если захотятъ жить по Божьи, то для такихъ уже всѣ среды, гдѣ труждаются и обременяются разнымъ образомъ люди, составляютъ только грѣшный погибающій міръ. Или если уже кто, руководясь исключительно практическими цѣлями, займется дѣлами или вещами, относящимися къ земному, то онъ словно черезъ рубиконъ перешелъ отъ всего духовнаго, Христова. Что-же теперь дѣлать человѣку, который живетъ по Божьи, но такъ, что входитъ и въ духъ Божьей любви къ намъ немощнымъ и грѣшнымъ людямъ и потому стремится помочь братьямъ въ несеніи тяготы житейскихъ нуждъ и дѣлъ, въ которыхъ обыкновенно проводитъ всю свою жизнь человѣкъ,—помочь именно чрезъ упроченіе духовнаго значенія и за этими дѣлами и нуждами человѣческими? Прямо и открыто повести это дѣло—значитъ почти только увеличить отвѣтственность людей за духовную ихъ невнимательность. „Такъ пусть же буду я въ глазахъ людей дуракомъ и безумцемъ, пока наконецъ сами люди не образумятся вести по духовному и житейскія свои дѣла, въ которыя погружены“, разсуждали такъ св. юродивые. И въ такомъ случаѣ зага-

дочность, приточность словъ, дѣйствій остается единственнымъ средствомъ къ возбужденію въ людяхъ духовной внимательности и разсудительности, или по крайней мѣрѣ, только духовнаго сочувствія. Для этой цѣли, и по тѣмъ же причинамъ, Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Первообразъ и Первооснова для всякаго истинно добраго и разумнаго дѣла, во время земной жизни, употреблялъ приточно-загадочный образъ рѣчи и дѣйствій, имѣя прямое назначеніе научать людей истинѣ, для этой же цѣли и пророки рѣчь свою и дѣйствія прикрывали символами.

Св. юродивые, предвидя въ цѣляхъ спасенія другихъ то, что имѣетъ быть впереди, не основывались, при этомъ, ни на какихъ внѣшнихъ данныхъ, подобно астроному или политику. Не лишне кстати объяснить—какимъ образомъ сообщается человѣку даръ вѣдѣнія будущаго для того, чтобы устранить возраженіе, что св. юродивые въ предсказываніи будущаго уподоблялись якобы языческимъ прорицателямъ и дѣйствовали въ состояніи сумашествія, какъ полагали еще даже современники ихъ. Такъ, о св. Симеонѣ юродивомъ говорили, что онъ знаетъ будущее не отъ Бога, а отъ бѣса и что предсказываетъ въ состояніи безумія [148]), а предсказанія св. Прокопія Устюжскаго считали безсмысленнымъ бредомъ: „сей человѣкъ безуменъ есть, и никогда-же смысленно что глаголетъ, почто его слушать [149]).

При сообщеніи человѣку истиннаго пророчества происходитъ воздѣйствіе Духа Божія на духъ человѣческій, которое возвышаетъ естественныя силы человѣка до сверхестественнаго состоянія. Въ этомъ состояніи человѣческій духъ не пассивенъ, но настолько-же активенъ, насколько и при воспріятіи впечатлѣній внѣшняго міра. По этому взаимодѣйствію божественнаго Духа на человѣческій духъ, божественная истина усвояется не механически послѣднимъ, но, говоря нѣсколько вульгарно, переваривается въ сознаніи и дѣлается собственностью воспринимающаго лица. Очевидно,здѣсь личныя силы человѣка служатъ содѣйствую-

---

[148]) Чет. Мин. 21 іюля, л. 151 об. [149]) Чет. Мин. 8 іюля, л. 48 об.

щими факторами откровенія и условливаютъ его. Такъ и должно быть. Только на этой гармоніи силъ божескихъ и человѣческихъ и основывается откровеніе. Св. юродивые— не мечтательные умы, не болѣзненныя натуры, носящія въ своей крови много магнитной силы и потому могущія говорить свободно о будущемъ. Нѣтъ, это умы здоровые, ясные и спокойные. Предсказанія ихъ имѣютъ твердый характеръ, какъ-бы часто ни обманывала надежда, повидимому, какъ бы далеко не затягивалось исполненіе предсказанія, какъ бы сильно не противорѣчилъ предреченію дѣйствительный ходъ вещей,—все это не смущало св. юродивыхъ, не безпокоило и не сбивало съ толку. Они съ неподвижностью скалы держались за свои откровенія. Они, подобно живописцу, рельефно рисовали картину будущаго, внося въ нее новыя и, притомъ, самыя мелкія, опредѣленныя черты (напр. предсказаніе св. Михаила Клопскаго о паденіи Новгорода, предреченіе св. Николая Псковскаго о томъ, что Іоанну Грозному не придется громить Псковъ и т. п.). Есть-ли какое-нибудь сходство св. юродивыхъ съ языческими прорицателями? всѣ операціи, по которымъ изрекали языческіе прорицатели будущее, основывались на обманѣ. Чрезъ хитрость они старались распространить свою практику. Отъ обмана наживали себѣ деньги и развивали корыстолюбіе. Вотъ черты, говорящія о нравственной испорченности языческихъ прорицателей. Затѣмъ, самыя предсказанія угадывались по шуму листьевъ въ Додонѣ. Шумъ листьевъ додонскаго дуба язычники принимали за таинственный голосъ самаго Зевса и всячески пытались разгадать его волю. По сказанію Геродота отвѣты давались женщинами, а истолкователями ихъ были жрецы. Для истолкованія шума листьевъ священнаго дуба требовалось особенное вдохновеніе. Средствами вызыванія вдохновенія служили обряды: омовенія, куренія, питье воды изъ священнаго источника и т. п. Кромѣ шума листьевъ священнаго дуба, провѣщательное значеніе видѣли въ пѣніи птицъ, гнѣздившихся на вѣтвяхъ дерева, въ звукѣ мѣдныхъ сосудовъ, въ журчаніи источника и въ снахъ, видѣнныхъ

жрецами, когда они засыпáли на землѣ на принесенныхъ дарахъ. Въ Дельфійскомъ прорицалищѣ шарлатаны вдохновлялись еще болѣе, чѣмъ въ Додонскомъ. Главною сценою прорицалища была пещера, изъ которой выходили одуряющіе холодные газы, приводившіе человѣка въ болѣзненное, ненормальное состояніе. Дѣйствіе этихъ холодныхъ испареній доводило пиѳію до того, что она вздрагивала, металась, говорила или кричала самыя безсвязныя, непонятныя фразы. Предъ процессомъ одуренія пиѳія постилась, купалась въ Касталійскомъ источникѣ, надѣвала длинную мантію, распускала волосы, на голову надѣвала золотой вѣнецъ, жевала лавровый листъ и садилась надъ упомянутой пещерой на треножникѣ. Ея безсвязныя сентенціи и фразы, изреченныя въ экстатическомъ состояніи, истолковались, какъ и въ додонскомъ прорицалищѣ, жрецами; послѣдніе, конечно, объясняли эти фразы по своему субъективному взгляду, а главное, соображаясь съ обстоятельствами тѣхъ лицъ, къ которымъ относилось пророчество.

Изъ представленнаго краткаго очерка о главныхъ греческихъ оракулахъ легко можно видѣть—отъ чего зависѣло и въ чемъ состояло вдохновеніе языческихъ прорицателей. Здѣсь мы видимъ совершеннѣйшій контрастъ св. юродивымъ—предсказателямъ. У послѣднихъ вдохновеніе становилось сознательнымъ актомъ и сообщенное чрезъ вдохновеніе воспринималось, хотя въ возвышенномъ, но всетаки нормальномъ настроеніи духа. Не то у языческихъ прорицателей. У нихъ была полная потеря сознанія. И къ великому удивленію, только это болѣзненное настроеніе духа и считалось у язычниковъ единственнымъ средствомъ къ воспріятію сверхъестественныхъ откровеній. Даже знаменитая александрійская школа учила, что истинное откровеніе возможно тогда, когда духъ познающій выступитъ изъ того состоянія, въ которомъ онъ сознаетъ различіе между началомъ познающимъ и предметомъ познанія. Для познанія верховной истины и верховнаго начала единственное средство заключается въ непосредственномъ созерцаніи или въ такомъ состояніи сознанія, когда въ немъ умолкаютъ всѣ

опредѣленныя мысли, представленія, и весь духъ приходитъ въ нераздѣльное единство съ самимъ собою и съ источникомъ бытія. Такое состояніе александрійскіе мыслители называли экстазомъ. Только въ такомъ состояніи человѣческому духу непосредственно предстаетъ верховное, несказанное начало всякаго бытія. Въ этомъ состояніи и находились св. юродивые, когда пророчествовали; такъ, о св. Андреѣ замѣчается, что предъ пророчествованіемъ „онъ нечувствовати себе нача на многъ часъ“ [150]).

Затѣмъ, выше мы имѣли случай замѣтить, что значеніе св. юродивыхъ въ обществѣ опиралось на ихъ чудодѣйственной силѣ. Они выступали въ качествѣ чудотворцевъ тогда, когда нужно было помочь людямъ въ тѣлесныхъ нуждахъ, или привести народъ къ покаянію и спасенію. Такъ, о св. юродивомъ Михаилѣ Клопскомъ разсказывается: „бывшу бездождію въ великомъ Новгородѣ, и въ окрестныхъ мѣстахъ три лѣта: не токмо же источникомъ, но и рѣкамъ изсохнути отъ бездождія. И абіе помолися святой, и потрясеся мѣсто, и изыде источникъ воды неизчерпаемыя, даже до днесь. И всѣ приходящіи людіе пріимаху отъ него воду на потребу себѣ“ [151]). Будучи вообще снисходительными къ слабостямъ человѣческимъ св. юродивые употребляли иногда свою чудодѣйственную силу для наказанія явной несправедливости, наглой обиды ближняго безстыдною ложью и для вразумленія забывающихъ Бога и идущихъ противъ своей совѣсти. Такъ, св. Симеонъ, подобно древнему пророку Елисею, наказалъ издѣвавшихся надъ нимъ отроковицъ искривленіемъ глазъ и лобзаніемъ искривленныхъ глазъ исцѣлилъ ихъ; гнушавшіяся же цѣлованія дѣвицы остались такъ, не смотря на всѣ свои просьбы потомъ исцѣлить ихъ. Причину своей невнимательности къ нимъ св. Симеонъ объяснилъ такъ: „аще не бы искривилъ очесъ ихъ Богъ, то превзошли бы блудодѣйствомъ всѣхъ женъ сирійскихъ, искривленія же ради очесъ ихъ не имутъ быти таковы“ [150]). Мнимо умершій дѣйстви-

[150]) Чет. Мин. октяб. 2, л. 12. [151]) Прол. 11 янв., л. 27 об. [152]) Чет. Мин. 21 іюля, л. 150.

тельно умираетъ послѣ того, какъ св. Василій блаженный покрылъ его шубою, выпрошенной недобрыми людьми, якобы на погребеніе мнимо-умершаго товарища и сказалъ: „буди отнынѣ мертвъ во вѣки за лукавство твое—лукавнующіе погребятся“ [153]). Насмѣхавшіяся дѣвушки-продавщицы надъ наготою блаж. Василія теряютъ зрѣніе и послѣ слезныхъ моленій и глубокаго смиреннаго раскаянія получаютъ исцѣленіе послѣ того, какъ Василій подулъ каждой въ глаза [154]). Исцѣливъ глаза одного крестьянина, св. Симеонъ отпускаетъ его съ такимъ наставленіемъ: „се здравъ еси, ктому не кради козъ у сосѣда твоего“, а знатнаго эмесскаго гражданина послѣ исцѣленія предупреждаетъ не прелюбодѣйствовать [155]).

Не входя въ детальное разсмотрѣніе чудесной стороны подвига „юродства“ и не останавливаясь на рѣшеніи вопросовъ, какіе обыкновенно ставятъ протестанты, отвергающіе чудеса временъ послѣ апостольскихъ, что противно св. Писанію [156]), на томъ основаніи, что они или невозможны или безполезны, или несовмѣстимы съ порядкомъ и управленіемъ вселенной, замѣтимъ только, что чудесное относится ближайшимъ образомъ къ божественному откровенію, къ вѣрѣ христіанской, которая сама имѣетъ основаніе въ предвѣчныхъ и преестественныхъ совѣтахъ Божіихъ, и что чудо и составляетъ объясненіе и доказательство Промысла Божія. Чудо предполагаетъ собою паденіе человѣка: если бы не было паденія, то не было бы нужды и въ чудесахъ. Такъ какъ люди заблудились, выступили за предѣлы нормальнаго порядка вещей и сдѣлались неспособными къ спасенію безъ Божіей помощи, то Богъ подалъ людямъ Свою помощь и подаетъ ее въ лицѣ своихъ избранниковъ, и это божественное благодѣяніе составляетъ источникъ всѣхъ чудесъ. Значитъ, всѣ чудеса направлены къ духовному назиданію и утвержденію въ добрѣ, и подлинно: всѣ св. юродивые употребляли чудесную силу то для исправленія грѣшниковъ, то для вразумленія и предупрежденія другихъ,

---

[153]) Кормчій № 32, стр. 436. [154]) Тамъ же. [155]) Чет. Мин. 21 іюля, л. 151, 152. [156]) Мѳ. XVII, 21; XXI, 21; XVI, 17, 18; Іакова V, 14—18.

то для обращенія въ христіанство (св. Симеонъ исцѣляетъ еврея, и тотъ принимаетъ крещеніе и т. п.). Такимъ образомъ, можно заключить, что Господь посредствомъ чудесъ Своихъ избранныхъ свидѣтелей истины все сильнѣе и сильнѣе напоминалъ, какъ и теперь напоминаетъ, о высшей цѣли, къ которой должны стремиться члены Его Царства и о превосходномъ пути любви, которымъ здѣсь, на землѣ, должно шествовать.

Еще одинъ вопросъ—о посредствѣ или орудіяхъ, употребляемыхъ св. юродивыми при чудотвореніяхъ (напр. дуютъ въ глаза, цѣлуютъ въ больныя мѣста, наступаютъ на больную ногу, какъ св. Іоаннъ Устюжскій, умываютъ снѣгомъ, какъ св. Андрей Тотемскій старшину дикарей Ажбака и прочая). Эти посредства не приближаютъ св. юродивыхъ къ какимъ-либо оракуламъ или волшебникамъ, какъ несправедливо думали иностранцы (Горсей и Флетчеръ) и современные фельетонисты въ родѣ г. Розанова и Скабичевскаго, а показываютъ только то, что источникъ силы чудесъ не въ юродивомъ, а внѣ его—въ всемогущей силѣ Господней. Вѣдь, и Самъ Господь Спаситель, вполнѣ обладая собственною чудотворною силою, однимъ словомъ утишившій бурю и воскресавшій мертвыхъ, иногда находилъ нужнымъ употреблять посредства: влагалъ персты въ уши, дѣлалъ бреніе отъ плюновенія, касался слюною языка нѣмыхъ и т. п. Эти посредства нужны были не для Его чудотворной силы, которая была дѣйствительна и безъ нихъ, а для возбужденія вѣры въ исцѣляемомъ и въ народѣ, для показанія, что и въ другихъ средствахъ врачеванія дѣйствуетъ Его-же чудодѣйственная сила и для смиренія человѣческой гордости и въ особенности гордости ума—этого тягостнѣйшаго и погибельнѣйшаго грѣха. Отсюда, въ орудіяхъ, употребляемыхъ св. юродивыми при чудотвореніяхъ мы должны усматривать желаніе ихъ нравственно воздѣйствовать на души исцѣляемыхъ и возбудить въ нихъ вѣру въ силу Божію.

Сводя все сказанное къ одному общему знаменателю, нельзя не придти къ тому заключенію, что самоотверженная

любовь къ ближнимъ проходитъ красною нитью чрезъ всю общественную дѣятельность св. юродивыхъ, источникомъ святыхъ чувствованій въ сердцахъ которыхъ было божественное сердце Спасителя. Какъ вѣрные Его подражатели, сравнивающіе постоянно свою душу съ житіемъ Христовымъ [157]), по словамъ св. Тихона Задонскаго, преобразуясь въ Его образъ, воспринимая отъ Него силу Его любви, св. юродивые обращали изліянную въ ихъ сердцахъ часть божественной любви на тѣхъ людей, съ которыми они поставлены были въ общеніе. Какъ Господь поднялъ на рамо Свое заблудшее овча,—родъ человѣческій—и понесъ на Себѣ его немощи, страданія и грѣхи, такъ и св. юродивые возлагали на душу свою душу брата своего и испытывали въ самихъ себѣ его искушенія, болѣзни и скорби (напр. общеніе съ падшими людьми). Они, очевидно, живо чувствовали, что всѣ члены церкви суть члены одного тѣла Христова и, потому, когда страдалъ какой-нибудь членъ, близкій къ нимъ, страдали и они (напр. согрѣшившій монахъ высылается изъ храма, и св. юродивый Виссаріонъ считаетъ свое присутствіе въ храмѣ недостойнымъ по причинѣ грѣховъ и тоже уходитъ). Когда огонь соблазна воспламенялся въ ближнихъ, онъ дѣйствовалъ и на ихъ сердце, возбуждая въ немъ иной огонь, огонь жалости, любви и ревности о славѣ Божіей и о спасеніи ближнихъ (молитвы слезныя св. юродивыхъ). Потери для св. юродивыхъ—пріобрѣтеніе, страданіе изъ любви—потребность души, жизнь—непристанное служеніе для другихъ. Такое самоотверженіе въ св. юродивыхъ проистекало изъ подражанія Христу [158]) и св. апостолу Павлу, который, подражая Спасителю, и всѣхъ вѣрныхъ увѣщаваетъ облегчать состраданіемъ и участіемъ въ немощи немощныхъ и не себѣ угождать, но ближнему въ созиданіе, указывая на образецъ божественнаго искупителя: „ибо Христосъ не Себѣ угоди“ [159]).

Такимъ образомъ, сила любви Іисуса Христа, изливающаяся въ сердца чадъ Своихъ, есть чистый источникъ

---

[157]) Излож. Христ. ученія. Спб. 1869 г., стр. 286. [158]) 1 Кор. XI, 1. [159]) Римл. XV, стр. 1—3.

состраданія къ немощнымъ и падающимъ для истинныхъ учениковъ Христовыхъ. Но для этого небеснаго источника въ самой душѣ подражателей Христовыхъ есть глубокое основаніе, много способствующее къ сохраненію состраданія, есть чувство, служащее къ подкрѣпленію христіанскаго состраданія къ ближнимъ—это смиренное ощущеніе своей немощи и склонности къ грѣху. Это ощущеніе, доведенное св. юродивыми до высшей степени совершенства, усиливало и охраняло въ нихъ чувствованія снисхожденія и состраданія къ грѣшнымъ собратьямъ, побуждая любить ихъ, какъ самихъ себя [160]), принимать участіе въ ихъ несчастіяхъ съ тѣмъ внутреннимъ чувствомъ, съ какимъ онъ испытываетъ эти несчастія въ самомъ себѣ. Такая самоотверженная любовь св. юродивыхъ къ ближнимъ и служила подательницею пророчествъ, была причиною и чудотвореній [161]). Св. Симеонъ „милосердствуя о бѣсноватыхъ молитвою своею многихъ прогна бѣсовъ [162]). Эта любовь побуждала ихъ „чтити всѣхъ, какъ образы Божіи, всѣмъ благожелать и благодѣтельствовать, предъ всѣми смиряться и всѣмъ угождать въ предѣлахъ добра, съ радующимися радоваться и соскорбѣть скорбящимъ, никого не осуждать и не уничижать, даже въ мысли и въ чувствѣ, истины не скрывать, въ учителя не навязываться и больше всего хранить миръ и согласіе со всѣми,—съ готовностію на всякія для того съ своей стороны жертвы [163]).

ГЛАВА IX.

Безстрастіе, какъ завершеніе подвига „юродства". Проявленіе высшей степени святости въ св. юродивыхъ. Выясненіе факта восхищенія св. юродиваго Андрея въ рай и сущность полученнаго имъ откровенія въ раю.

Св. юродивые, живя въ міру, вращаясь среди людей и соблазновъ міра, не отклоняли своего сердца отъ христіанской настроенности, потому что свою жизнь они не только

[160]) Мѳ. XXII, 39; Іоанна XV, 18. [161]) Путь ко спасен. ч. III, стр. 331.
[162]) Чет. Мин. 21 іюля, л. 156 об. [163]) Невидимая брань. Москва. 1892 г. стр. 244.

начинали во Христѣ, но и продолжали ее въ Немъ. Они служили Богу въ мірѣ, но жили духомъ въ удаленіи отъ міра [1]). Какъ въ духовномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи необходимо уединеніе для образованія сильныхъ и глубокихъ характеровъ. Обдуманность, самопознаніе, умѣнье владѣть собою, самоиспытаніе, духовная мудрость бываютъ плодомъ молитвъ и созерцаній. Въ такихъ духовныхъ упражненіяхъ св. юродивые приближались къ небу, и мірскія блага теряли въ ихъ глазахъ свою преувеличенную цѣну; силы ихъ послѣ молитвенныхъ подвиговъ возобновлялись, и св. юродивые всегда были готовы къ новой духовной дѣятельности съ полною вѣрою въ то, что ихъ подкрѣпитъ такая помощь, которая выше всякой земной. Увлекаемые силою воли къ внѣшнимъ и внутреннимъ подвигамъ, св. юродивые старались достигнуть такого состоянія, чтобы ни во внутренней, ни во внѣшней природѣ своей ничего не слышать, никакихъ не ощущать движеній, кромѣ одной мысли, которая бы, какъ струя свѣта, была неподвижно устремлена къ Богу, т. е. состоянія безстрастія. Вся ихъ жизнь и была временемъ пріученія себя къ безстрастію. Мысль о Богѣ была насущною потребностію св. юродивыхъ, которые представляли себя постоянно въ присутствіи Божіемъ, или въ памятованіи о Богѣ. Но это составляетъ только одну сторону созерцанія св. юродивыхъ. Другую же высшую сторону созерцанія ихъ составляло постоянное ихъ размышленіе о безконечномъ величіи Божіемъ, требующее для себя всего человѣка. Такое-то созерцаніе и вело св. юродивыхъ къ безстрастію. При такомъ созерцаніи по ученію св. отцевъ „прежде всего должно всѣми мѣрами удерживать помыслъ, установивъ надъ нимъ трезвенный надзоръ ума, чтобы не дозволять душѣ предаваться не обузданнымъ стремленіямъ по влеченіямъ тѣла, ибо когда душа, приводя въ движеніе свою мысленную силу, какая естественно вложена въ нее сотворившею ее св. Троицею, желаетъ должнаго и надлежащаго, тогда избѣгаетъ она нападеній тѣла,

---

[1]) Аки безплотенъ, аки ангелъ и т. п., такъ воспѣваетъ церковь.

предусматривая и обуздывая безпорядочныя его движенія, блюдетъ въ себѣ приличную ей тишину, и среди безмолвнаго досуга занимается свойственными ей созерцаніями; и сіе дѣлаетъ, по возможности, возводя внимательный взоръ къ достопоклоняемой Троицѣ, и умозаключая о неприступности Божіей славы по преизбытку ея сіянія о свѣтлости блаженства, о безпредѣльной премудрости, о постоянствѣ и неволненности безмятежія, объ естествѣ безстрастномъ и неподвижномъ. Посему душа, соблюдающая мысленную свою силу въ трезвѣніи и приличныхъ дѣйствіяхъ, утвердится въ описанныхъ выше созерцаніяхъ и будетъ упражнять свою нравственность въ томъ, что правильно, справедливо, благопристойно, мирно. А какъ скоро прекратитъ размышленіе и перестанетъ углубляться въ надлежащія созерцанія, возставшія тѣлесныя страсти, какъ безчинные и наглые псы, надъ которыми нѣтъ надсмотрщика, начинаютъ сильно лаять на душу, и каждая страсть усиливается всячески истерзать ее, отдѣляя себѣ часть ея жизненной силы [2]). Очевидно такъ широко понимаемое созерцаніе должно было составлять постоянное занятіе всей жизни св. юродивыхъ. Св. Григорій Богословъ, на себѣ испытавшій благотворныя слѣдствія созерцанія, такъ восторженно говоритъ о немъ: „сѣдая моя голова и согбенные члены склонились уже къ вечеру болѣзненной жизни. Много скорбей встрѣчало мое сердце, и между ними много и кратковременныхъ наслажденій, но я не видалъ еще славы, которая была бы выше и прочнѣе славы—приближаться къ Божеству пренебеснаго Бога“ [3]). Путь къ этой славѣ—созерцаніе, или, какъ выражается Григорій Богословъ, „мысленное переселеніе къ Богу“ [4]), только при такомъ состояніи духа и возможна безстрастность какъ къ своему внутреннему я, такъ въ отношеніи другъ къ другу. Св. Василій Великій такъ развиваетъ эту мысль: „человѣкъ сотворенъ по образу Божію, а грѣхъ, увлекая душу въ страстныя пожеланія, измѣнилъ красоту образа. Итакъ,

---

[2]) Твор. св. Василія Велик. ч. V, стр. 390, 391. [3]) Твор. св. Григ. Богосл. ч. V, стр. 256. [4]) Тамъ же, стр. 123.

необходимо возвратиться къ первоначальной благодати, которой люди стали чуждыми чрезъ грѣхъ, чтобы снова украсить себя по образу Божію, безстрастіемъ уподобившись Творцу, необходимо направить попеченіе на то, чтобы душа никогда не была обладаема никакою страстью, а напротивъ того, чтобы мысль при нападеніи искушеній, оставалась непоколебимою, и чтобы чрезъ то сдѣлались мы причастниками Божія блаженства“ [5]). Эти слова ставятъ насъ на ту точку зрѣнія, на которой стоялъ св. Василій Великій, строя идеалъ подвижника. Подвижникъ долженъ достигнуть такого самообладанія, чтобы быть выше всѣхъ и внутреннихъ и внѣшнихъ случайностей въ своей жизни и строго заправлять всѣмъ ея ходомъ, не допуская ни малѣйшихъ уклоненій. Самая любовь, которая должна быть душою всей его дѣятельности [6]), должна быть вполнѣ сознательною и находиться подъ неуклоннымъ наблюденіемъ разума [7]). Вообще, какъ можно больше разумно-духовнаго, и какъ можно меньше безсознательнаго, случайнаго—плотскаго—вотъ задача внутренней жизни и внѣшней дѣятельности подвижника, надъ которою онъ долженъ трудиться цѣлую жизнь, чтобы достигнуть безстрастія. Чѣмъ ближе подходитъ подвижникъ къ безстрастности, тѣмъ больше онъ является аскетомъ [8]). Такимъ образомъ, безстрастіе есть стремленіе къ богоподобію, при которомъ всѣ страсти утихаютъ. Какъ тѣло человѣка находитъ удовлетвореніе потребностямъ своимъ въ жизненныхъ началахъ, изъ которыхъ оно составлено, въ воздухѣ, водѣ и въ сродныхъ ему питательныхъ веществахъ, а разобщенное съ ними умираетъ, такъ и богоподобный духъ его только тогда можетъ найти полное удовлетвореніе своимъ потребностямъ и жить истинно свойственною ему жизнію, когда будетъ въ непрерывномъ союзѣ съ Богомъ, Котораго онъ есть дыханіе и образъ. Орелъ, надѣленный способностью къ высшему полету не довольствуется пареніемъ около земли, или въ низшихъ слояхъ воздуха, а любитъ устремляться въ воздушныя высоты,

---

[5]) Ч. V, стр. 68. [6]) Ч. V, стр. 81. [7]) Тамъ же, стр. 290. [8]) Ч. VI, стр. 390, 391.

парить выше и выше, чтобы ближе наслаждаться видѣніемъ солнца, такъ и богоподобный человѣческій духъ, созданный съ преимущественнымъ стремленіемъ парить умомъ своимъ въ небо и Вѣчность, къ Самому Солнцу міра духовнаго, не можетъ удовлетвориться познаніемъ не только земныхъ вещей, но и всего сотвореннаго. Богоподобный человѣческій духъ, созданный съ безграничнымъ стремленіемъ, естественно стремится къ своему безпредѣльному Началу и Первообразу, и въ Немъ только находитъ полное удовлетвореніе всѣмъ своимъ духовнымъ потребностямъ и стремленіямъ, а все вещественное, временное и конечное, какъ несродное ему и несоотвѣтствующее безграничнымъ его стремленіямъ, не можетъ потому его удовлетворить. Вотъ причина того, почему св. юродивые всѣ силы своего ума устремляли къ Богу. Посвящая почти все время благоговѣйнымъ размышленіямъ о Богѣ, созерцая отраженіе Его совершенствъ въ видимомъ мірѣ и въ собственномъ духѣ, разсматривая пути промысла Божія въ мірѣ и въ особенности стараясь, при свѣтѣ сверхъестественнаго откровенія Божія, уразумѣвать чрезвычайное проявленіе благости, правды и премудрости Божіей въ дѣлахъ людей, при пособіи указанныхъ средствъ богопознанія и при непосредственномъ озареніи отъ Отца свѣтовъ, со дня на день яснѣе познавали Бога, побуждаясь безпредѣльностію и непостижимостію существа и совершенства Его къ новымъ и новымъ размышленіямъ о Немъ. Въ непрерывно-прирашающемся вѣдѣніи о Богѣ св. юродивые для своего ума находили наиболѣе сродную, самую питательную и никогда неоскудѣвающую пищу и высокое наслажденіе. Подобно тому, какъ дѣти естественно влекутся къ своимъ родителямъ по единству природы ихъ съ природою родителей, такъ и духъ св. юродивыхъ естественно всѣми силами и всѣмъ своимъ существомъ неудержимо стремился къ соединенію съ своимъ Первообразомъ. Стремясь познать Бога, уподобиться Ему въ нравственномъ совершенствѣ, св. юродивые при свѣтѣ этого познанія и при озареніи свыше яснѣе познавали и самихъ себя. Преуспѣвая, при

помощи благодати Божіей, болѣе и болѣе въ любви къ Богу и для стяжанія этой любви подавляя въ себѣ самолюбіе, охраняя сердце свое отъ любви къ міру и силою самой любви къ Богу покоряя и истребляя всѣ страсти, св. юродивые нравственно возвышались свободою духа и въ самомъ чувствѣ собственной любви къ Богу, вкушая уже неизъяснимую сладость, чувствовали они себя вполнѣ блаженными, когда удостоивались возчувствовать въ сердцѣ своемъ и любовь къ себѣ Божію, по слову Господа: „Азъ любящія Мя люблю“ [9]), воспламеняясь чрезъ то еще большею любовью къ Нему. Ревнуя уподобиться Богу въ святости, стараясь быть совершенными [10]), осуществляя въ себѣ образъ совершенствъ, явленныхъ въ жизни и дѣлахъ Богочеловѣка, св. юродивые, при помощи благодати Божіей, со дня на день болѣе украшались богоподобными совершенствами, при сознаніи которыхъ, въ духѣ благодаренія къ Богу и смиренія, исполнялись чистою радостію, подобно той, какую естественно чувствуютъ при видѣ своего тѣлеснаго благообразія и изящества своей одежды, не говоря уже о спокойствіи совѣсти, о сладкомъ чувствѣ безстрастія, которыя всегда естественно сопутствуютъ добродѣтельной жизни. Постоянное же молитвенное настроеніе св. юродивыхъ облекало ихъ силою Божіею, окружало и охраняло ихъ помыслъ отъ страстныхъ мечтаній и дѣлало ихъ безстрастными. Пріобрѣтенію состоянія безстрастности способствовало еще сильнымъ образомъ та житейская обстановка, среди которой дѣйствовали св. юродивые, пріучавшіе себя къ индеферентному безстрастному обращенію съ людьми (напр. съ блудницами). Нельзя отрицать того, что св. юродивые обращались къ своему внутреннему я, провѣряли себя, призывали себя на судъ собственной совѣсти съ цѣлью опредѣлить—чего больше накопилось у нихъ въ душѣ: добра или зла. Правда, они вращались въ обществѣ, но умъ то ихъ былъ занятъ постоянно богомысліемъ; удаленія ихъ въ тайныя укромныя

---

[9]) Притч. VIII, 17. [10]) Мѳ. V, 48.

мѣста, всенощныя бдѣнія—что это—какъ не средства для того, чтобы вызвать бодренность сердца, трезвенность мысли, повѣрку себя! вѣдь и всѣ ихъ пощенія, бдѣнія, колѣнопреклоненія, спанье на голой землѣ и др. виды аскетизма суть только дѣйствительныя средства къ достиженію совершенства къ пріобрѣтенію мощи противъ грѣха; они „постятся, чтобы смирить свою буйную плоть, совершаютъ бдѣнія, чтобы изощрять свое умное око; спятъ на голой землѣ, чтобы не разнѣживаться сномъ; уединяются, чтобы избѣжать и малѣйшихъ поводовъ къ учиненію чего-либо оскорбляющаго Всесвятаго Бога; творятъ молитвы и иныя совершаютъ дѣла благочестія, чтобъ вниманіе ихъ не отходило отъ небесныхъ вещей,—дѣлаютъ все это не для чего другого, какъ для того, чтобы лучше познать свою собственную худость и благосердную благость Божію, чтобы научиться и расположить ее послѣдовать Господу Іисусу Христу, съ самоотверженіемъ и крестомъ на раменахъ своихъ и чтобъ больше и больше возгрѣвать въ себѣ любовь къ Богу“ [11]). Если этими мотивами руководились св. юродивые, а иными они не могли руководиться, въ достиженіи нравственнаго совершенства, то, значитъ, самоиспытаніе для достиженія безстрастія было главнѣйшимъ ихъ духовнымъ занятіемъ. И дѣйствительно, по взгляду св. отцевъ (препод. Іоанна Лѣствичника, Исаака Сирина и др.) безстрастіе, понимаемое въ смыслѣ окончательнаго погашанія взыграній плоти и помысловъ, достигается лишь тогда, когда человѣкъ не только разбираетъ ту или другую свою мысль въ отдѣльности, то или иное чувство или желаніе, но бываетъ занятъ настроеніемъ своей душевной жизни, а условіемъ къ установкѣ вполнѣ здраваго, нормальнаго настроенія человѣческаго духа и служитъ провѣрка личныхъ ощущеній и взглядовъ на свою внутреннюю жизнь, или, выражаясь точнѣе—бодрственность сердца, когда человѣкъ съ спокойно, но съ углубленнымъ и сосредоточеннымъ вниманіемъ, разсматриваетъ себя, на всемъ пути

---

[11]) Невидимая брань. Москва. 1892 г., стр. 13.

своей жизни, сопоставляя всякаго рода случаи и впечатлѣнія, входящіе обыкновенно въ его жизнь. Присутствія такого самоуглубленія въ св. юродивыхъ отрицать нельзя и св. Церковь, воспѣвая ихъ подвиги, постоянно отмѣчаетъ это ихъ самосозерцаніе. „Мудрою мыслію утвердилъ еси душу свою, поработивъ плотская мудрованія духу“, поется въ общей службѣ св. юродивыхъ [12]). „Сердце твое скрижаль очищену св. Духа благодать обрѣтши, отче, написа совершенно безстрастіе“, говорится въ канонѣ [13]). „Иже себе познавый, постиглъ еси страхъ Господень“, поетъ св. Церковь св. Василію блаж. Духовная жизнь св. юродивыхъ и состояла только въ сближеніи съ Богомъ, а въ связи съ этимъ единеніемъ, по ученію св. отцевъ стоитъ „и сознаніе собственной ничтожности и склонности на всякое зло; частнѣе, духовная жизнь выражается: въ любви къ Богу и нелюбіи къ самому себѣ, въ подчиненіи себя не только Богу, но и всѣмъ тварямъ изъ любви къ Богу,— въ отверженіи отъ всякой собственной своей воли и совершенной покорности волѣ Божіей и въ желаніи совершать все это отъ чистаго сердца, въ славу Божію [14]), только для одного благоугожденія Богу, только потому, что такъ хочетъ Онъ Самъ, что такъ надлежитъ любить Его и работать Ему. Но для достиженія такого совершенства необходимо подавить сначала собственныя волненія и, наконецъ, совсѣмъ ихъ погасить и умертвить“ [15]). При помощи Божіей св. юродивые, какъ вѣритъ св. Церковь, и умерщвляли свои волненія [16]), путемъ аскетическихъ подвиговъ (поста, молитвы, созерцаній и пр.), порабощали всѣ чувства [17]) духу для того, чтобы взойти на гору безстрастія. А восходъ этотъ и совершается, по словамъ епископа Ѳеофана, только тогда, когда огонь божественнаго духа, внѣдряясь въ человѣка, начинаетъ дѣйствовать въ немъ. Онъ дѣйствуетъ во все продолженіе духовнаго труда надъ очищеніемъ сердца, и всю силу свою являетъ только

---

[12]) Сѣдал. по поліели. [13]) Общая минея. [14]) 1 Кор. X, 31. [15]) Невид. брань, стр. 16, 17. [16]) Общая минея и служба 14 мая св. Исидору, канонъ. [17]) Изъ службы св. Андрею 2 окт.

тогда, когда умолкнутъ страсти. Вещество страстей, будучи изнуряемо божественнымъ огнемъ, потребляется, а по мѣрѣ того, какъ вещество искореняется, и душа очищается, отходятъ и страсти. Безстрастіе есть какъ бы воскресеніе души прежде воскресенія тѣла, когда въ человѣкѣ ничего не остается ветхаго, а появляется все новое [18]). Это полное и, между тѣмъ, всегда возрастающее совершенство совершившихся о Господѣ такъ освящаетъ умъ и восхищаетъ его отъ вещества, что часто отъ жизни въ тѣлѣ изступленіемъ возноситъ на небо къ видѣнію. Безстрастный ко всѣмъ предметамъ, возбуждающимъ и питающимъ страсти нечувствителенъ, и они никакого дѣйствія на него не производятъ, хотя находятся предъ его глазами. Это оттого, что онъ весь соединенъ съ Богомъ. Приходитъ онъ въ блудилище—и не только не чувствуетъ движеній страсти, но и блудницу приводитъ къ чистому и подвижническому житію" [19]).

Сознанію св. юродивыхъ ясно предносилось чувство любви къ Богу и правды, которыя и вытѣсняли изъ ихъ сердца всякое страстное движеніе. Затѣмъ, извѣстно, что они никогда не позволяли себѣ осуждать ближняго, а относились ко всѣмъ съ чувствомъ состраданія. Наконецъ, вообще, они всегда были внимательны къ своимъ чувствамъ и никогда не допускали того, чтобы воспринимаемое чрезъ нихъ возбуждало и питало страсти, а напротивъ такъ имъ пользовались, чтобы оно, не уклоняя ихъ отъ главной цѣли, способствовало имъ выражать свою твердость въ стояніи въ волѣ Божіей, для чего всѣ чувственныя впечатлѣнія они обращали въ нравственно-назидательные для себя уроки (напр. впечатлѣнія, получаемыя отъ обращенія съ блудницами) и совершенно какъ-бы умирали для страстей. Они, въ отношеніи, къ міру поступали такъ, какъ учитъ св. Лѣствичникъ, считающій безстрастнымъ того, кто на одушевленные предметы смотритъ какъ на неодушевленные [20]) и одинаковое испытываетъ расположеніе при видѣ тѣхъ и другихъ [21]): „великъ тотъ, говоритъ св. Лѣствичникъ, кто

---

[18]) Iезек. XXXVI, 26. [19]) Путь ко спасенію, стр. 328. 329. [20]) Степ. 29, § 10. [21]) Тамъ-же степ. 15, § 8.

пребываетъ безстрастнымъ при соприкосновеніи и по истинѣ блаженъ тотъ, кто пріобрѣлъ совершенную нечувствительность ко всякому тѣлу, цвѣту и красотѣ [22]). Св. Аѳанасій Великій сравниваетъ безстрастныхъ съ мертвецами и говоритъ, что „они уподобляются болѣе мѣхамъ, нежели людямъ, охладѣвъ, какъ отвердѣвшій иней: зане быхъ, яко мѣхъ на сланѣ [23]). Дѣлается мѣхомъ на сланѣ тотъ, кто истниваетъ плоть свою, не оставляетъ въ ней ничего воспламененнаго и похотнаго, но какъ бы оледеняетъ ее [24]). Св. юродивые и смотрѣли на свой подвигъ, какъ на средство къ совершенному умерщвленію плоти для достиженія безстрастія. Они поступали въ жизни своей такъ, какъ научилъ нѣкогда св. Макарій Египетскій одного монаха, спрашивавшаго — какъ спастись? онъ послалъ его на кладбище и велѣлъ сначала хвалить мертвыхъ, а потомъ ругать и послѣ этого сдѣлалъ наставленіе подражать мертвецамъ [25]). Взглядъ св. юродивыхъ на свой подвигъ, какъ на пріученіе себя къ безстрастію, весьма ясно выраженъ св. юродивымъ Серапіономъ Синдонитомъ въ его бесѣдѣ съ одною затворницею. Узнавъ о ней, св. Серапіонъ пришелъ туда, гдѣ 25 лѣтъ подвизалась затворница и сказалъ прислуживавшей ей старицѣ: „скажи дѣвицѣ, что одинъ монахъ непремѣнно желаетъ съ нею видѣться“. „Затворница много лѣтъ никого не видитъ“, отвѣчала старица. „Поди, скажи, что я долженъ съ нею видѣться, ибо меня послалъ къ ней Богъ“. Но и тутъ она не послушалась. Только черезъ 3 дня св. Серапіонъ получилъ доступъ къ затворницѣ и сказалъ ей: „что ты здѣсь сидишь?“. Затворница отвѣчала: „я не сижу, но иду“. „Куда ты идешь?“ спросилъ св. Серапіонъ. „Къ Богу моему“. „Жива ты или умерла?“ обратился съ вопросомъ св. юродивый. „Вѣрую Богу моему, что умерла для міра, ибо кто живетъ по плоти, тотъ не пойдетъ къ Богу“. „Если хочешь, сказалъ св. Серапіонъ, увѣрить меня въ томъ, что ты умерла для міра, то сдѣлай то, что я дѣлаю“. „Приказывай, но только возможное, и я сдѣлаю“.

---

[22]) Тамъ-же. [23]) Пс. CXVIII, 83. [24]) Твор. св. отц. 1854 г., т. XX, стр. 42.
[25]) Дост. сказ. о подвижнич. свят. Москва. 1845 г., стр. 148.

„Для мертваго, продолжалъ св. юродивый, подобнаго тебѣ, все возможно, кромѣ нечестія—сойди внизъ и пройди". „Я не выхожу 25 лѣтъ, какъ-же теперь пойду?" отвѣчала затворница. „Вотъ не говорила-ли ты, замѣтилъ св. Серапіонъ, я умерла для міра, очевидно, поэтому, что и міръ для тебя не существуетъ. А если такъ, то мертвый ничего не чувствуетъ и для тебя должно быть все равно—выйти или не выйти". Затворница пошла. Когда она дошла до одной церкви, св. Серапіонъ сказалъ ей: „если хочешь меня увѣрить, что ты умерла, а не живешь для людей, то сними съ себя все платье, какъ вотъ я, положи его на плечо и ступай по городу, а я пойду впереди тебя въ такомъ же видѣ". „Но если, отвѣтила она, я сдѣлаю это, то многихъ соблазню такимъ безстыдствомъ и кто-нибудь скажетъ, что это сумасшедшая или бѣснующаяся". „А тебѣ что за дѣло, если это скажутъ, отвѣчалъ св. Серапіонъ; вѣдь, ты говорила, что умерла для людей, а мертвецу нѣтъ никакой до того нужды, бранитъ-ли его кто или смѣется надъ нимъ, потому-что онъ нечувствителенъ ко всему". Тогда затворница сказала: „прикажи мнѣ сдѣлать другой подвигъ; теперь я еще не дошла, а только молюсь о томъ, чтобы дойти до такой степени". „Смотри же, сестра, сказалъ св. юродивый, не величайся, будто ты святѣе всѣхъ, и не хвались, что умерла для сего міра. Вотъ ты узнала, что жива еще и угождаешь людямъ. Я могу быть болѣе мертвымъ, чѣмъ ты, и что я умеръ для міра, могу доказать дѣломъ,—именно тѣмъ, что равнодушно взираю на него, ибо не стыдясь и не соблазняясь, могу сдѣлать то, что приказываю тебѣ" [26]). Такимъ образомъ, на основаніи разсказаннаго можно заключать, что св. юродивые, препобѣдивъ свою плоть, препобѣждали естество и становились выше его, такъ что все окружающее не могло оказывать на нихъ растлѣвающаго дѣйствія и потому, они пребывали въ міру безстрастными. „Св. Симеонъ въ толикое пріиде безстрастіе, яко плоть его бяше, аки нѣкое нечувственное древо, ника-

---

[26]) Ковал., стр. 109, 110.

коваже въ себѣ вожделѣнія ощущающа, умерщвленнымъ бывшимъ удомъ его весьма“ [27]); онъ, посредѣ женъ играющи пребываше, якоже чистое посредѣ огня злато, и множицею отъ безстудницъ руцѣ въ нѣдра его влагающихъ, скоктаемый сущи, пребываше яко мертвъ тѣломъ, древу нечувственну подобный [28]). Надо думать, что безстрастность такая въ св. юродивыхъ была вслѣдствіе того, что они постоянно слѣдили за своими душевными движеніями и сохраняли свой умъ отъ страстныхъ помысловъ непрестаннымъ молитвеннымъ созерцаніемъ Бога, такъ какъ страсти, по ученію преподобнаго Ѳеона и Діокла, охватываютъ существо человѣка тогда, когда умъ его перестаетъ мыслить о Богѣ, и по необходимости подпадаетъ человѣкъ подъ власть духа плоти [29]). Вотъ объясненіе того случая, когда св. Симеонъ, однажды пройдя по городу нагой, зашелъ нагой же въ женскую баню. Притомъ, онъ и самъ другу своему Іоанну діакону объяснилъ свои чувствованія въ женской банѣ: „вѣру ими мнѣ, братъ, говорилъ св. Симеонъ, якоже древо посредѣ древесъ, сице азъ бѣхъ тогда посредѣ оныхъ, ни ощущахъ, яко тѣло имамъ, ниже помышляхъ, яко къ тѣлесамъ внидохъ, но весь умъ мой въ дѣлѣ Божіи бяше“ [30]). Св. Виссаріонъ, находясь у блудницы, остается безстрастнымъ. Всѣ св. юродивые именуются св. церковью мужами безстрастія [31]).

Безстрастность св. юродивыхъ происходила отъ ихъ мертвенности плоти, которую они убили великими аскетическими подвигами. Кромѣ того непрестанное занятіе души высокими помыслами уцѣломудривало созерцаніе ихъ ума (какъ говорилъ св. Симеонъ), который уже не внималъ безстыднымъ непотребнымъ помысламъ. Св. Нилъ Синайскій вотъ какъ опредѣляетъ значеніе созерцанія въ пріобрѣтеніи безстрастія: „трудъ строгаго житія, изнуряя тѣло, даетъ еще можетъ быть, время страстямъ подвигнуть праздную мысль къ тому, что составляетъ собственно вещество страстей. Умозрѣніе же, содержа привлеченнымъ къ себѣ

---

[27]) Чет. Мин. 21 іюля, л. 145. [28]) Тамъ-же, стр. 149 об. [29]) Дост. сказ., стр. 289. [30]) Тамъ же, л. 147 об. [31]) Общ. Минея.

всецѣлый умъ, не даетъ мѣста, не говорю страсти, но даже и человѣческому помыслу, призывающему можетъ быть и къ необходимой потребности. Не только страстное сластолюбіе препобѣждаетъ услажденіе умозрѣніемъ, въ которомъ съ полезнымъ срастворено пріятное, но и естественную нужду [32]). И въ самомъ дѣлѣ, кто всегда смотритъ въ глубину своего сердца съ непрестаннымъ памятованіемъ о Богѣ, тотъ удаленъ отъ всего житейскаго, такъ какъ ходящій по духу не можетъ знать похотей плоти. Св. Ефремъ Сиринъ говоритъ, что кто постоянно имѣетъ предъ своими очами Іисуса Христа, взираетъ на Него, того не обольститъ никакой грѣхъ, у того ничѣмъ другимъ духъ не возмущается [33]). Но достиженіе св. юродивыми безстрастія стоило имъ великихъ трудовъ; они достигали его путемъ непрестанныхъ аскетическихъ подвиговъ: „постомъ, и воздержаніемъ, и на земли леганіемъ, увядилъ еси плотскія страсти: душу же просвѣтилъ еси“, воспѣваетъ св. Церковь въ общей службѣ св. юродивымъ [34]). Но, не смотря на такіе аскетическія лишенія, св. юродивые всетаки подвергались страстнымъ искушеніямъ, и только въ молитвѣ къ Богу находили себѣ упокоеніе и облегченіе. Вотъ что св. Симеонъ юродивый разсказывалъ своему другу Іоанну-діакону: „егда бѣхъ въ пустынѣ, и многое изъ начала отъ плотскихъ страстей имѣяхъ служеніе, и моляхся со слезами къ Богу о облегченіи брани, явися мнѣ св. Никонъ, глаголя: како пребываеши братъ; азъ же рѣхъ ему: злѣ стражду, отче, и аще ты мнѣ не поможеши, не вѣмъ, что творити, плоть бо ратуетъ мя зѣло. Осклабився же старецъ почерпе воду отъ святаго Іордана и возлія на чрево мое и знаменіе крестное сотвори, и глагола: се здравъ еси, и оттолѣ не начахъ ощущати плотскаго вожделѣнія ни во снѣ, ни на явѣ“ [35]). Такимъ образомъ, видно, что не безъ тяжкой борьбы и сильныхъ внутреннихъ страданій св. юродивые достигали безстрастія. Не смотря на то, что они всецѣло всю силу своей духовной ревности обращали на дѣла само-

---

[32]) Твор. св. отцевъ 1858 г., стр. 319. [33]) Слова о покаян. 3, стр. 200
[34]) Сѣд. по 2-й каѳизмѣ. [35]) Чет. Мин. 21 іюля, л. 149 об.

исправленія себя отъ нечистотъ и страстей, на высвобожденіе, выразимся словами преосвящ. Ѳеофана, своихъ силъ и укрѣпленіе ихъ въ богоугодной дѣятельности, не взирая на то, что эта работа поглощала все ихъ вниманіе, всѣ труды и все время [36]), однако упорядоченіе и организація въ себѣ безстрастности требовали высшей, божественной помощи, и только божественною помощью, при собственныхъ напряженныхъ усиліяхъ ума и воли, и можно объяснить то явленіе, что св. юродивые, вращаясь почти нагіе въ кругу женщинъ, оставались нечувствительными къ женскимъ прикосновеніямъ. Далѣе, постоянное тяготѣніе ихъ къ Богу („весь умъ св. Симеона въ дѣлѣ Божіи бяше“, когда онъ находился въ женской банѣ), внутреннее умное безмолвіе ихъ, не выходя „извнутрь“, способно было подать помощь тяготѣнію души къ Богу. Преосв. Ѳеофанъ весьма отчетливо объясняетъ созерцательное состояніе подвижника, постепенно достигающаго безстрастія. „Первымъ условіемъ духовной жизни, пишетъ епископъ-затворникъ, служитъ внутрь пребываніе, которое есть господство человѣка надъ самимъ собою, ибо подвижникъ долженъ стяжать чистоту ума отъ помысловъ, чистоту воли отъ пожеланій, чистоту сердца отъ пристрастій и страстей. Значитъ, условіемъ и средствомъ къ внутрь пребыванію служатъ боренія съ помыслами въ душѣ, а въ тѣлѣ—связаніе его, а за ними измѣненіе внѣшняго порядка“ [37]). Когда-же подвижникъ самоуглубится, тогда онъ будетъ видѣть иной міръ невидимый, но и не воображаемый, а предносящійся сознанію. „Старайся войти въ храмину, находящуюся внутри тебя и увидишь храмину небесную“, говоритъ преп. Исаакъ Сиринъ. По объясненію св. Василія Великаго это состояніе есть то, когда человѣкъ чувствуетъ, что онъ „назираемъ“. Святитель Ѳеофанъ, какъ бы въ разъясненіе этихъ словъ, говоритъ: „зри себя содержимымъ десницею Божіею и зримымъ окомъ Божіимъ, спасаемымъ въ Господѣ, стоящимъ въ смерти, подъ судомъ, чтобы вслѣдствіе того рай вос-

[36]) Путь ко спас., стр. 316. [37]) Путь ко спас. III отд., стр. 232.

пріять". Когда же подвижникъ будетъ созерцать все это, тогда онъ достигнетъ зрѣнія высшаго; при непрерывности же и напряженности упражненій въ духовныхъ созерцательныхъ подвигахъ подвижникъ достигаетъ стоянія постояннаго въ духовномъ мірѣ, предъ Богомъ. Кто-же воспринялъ при помощи Божіей созерцаніе другого, невидимаго міра, тотъ уже изшелъ изъ настоящаго міра и пребываетъ въ другомъ своимъ сознаніемъ и сердцемъ, вошелъ въ царствіе Божіе или воспріялъ его въ себя. Выступленіе изъ настоящаго міра и вступленіе въ другой составляетъ, по Ѳеофану, главную цѣль и предметъ напряженнаго исканія подвижника. Трудъ, напряженіе, усиліе скоро приводятъ къ желанной цѣли. Зрѣніе же другого міра способствуетъ содержать въ себѣ и возгрѣвать духъ ревности тѣмъ, что доставляетъ истинное поприще для дѣйствованія ревнующему духу. „Ты—не здѣшній, говоритъ св. Златоустъ, а изъ другого міра, слѣдовательно, и дѣйствовать долженъ, какъ бы въ томъ мірѣ, а для того и зрѣть его". Съ другой стороны, кто зритъ его, тотъ постоянно будетъ имѣть предъ глазами какъ бы норму, какъ бы образчикъ, напоминающій о томъ, чтобы не уклониться, не сдѣлать чего либо криво [38]). При такомъ состояніи духовномъ подвижникъ естественно погружался въ созерцаніе и, отрѣшаясь совсѣмъ отъ земного, становился земнымъ ангеломъ, небеснымъ человѣкомъ. И св. юродивые, предавъ себя Богу, жили и дѣйствовали только въ Богѣ и для Бога и были вполнѣ безстрастными.

Постоянно и неизмѣнно содержа въ себѣ истинную и живую вѣру, усвояя ее себѣ не только умомъ но и чистымъ сердцемъ, св. юродивые исполнялись чувствомъ высочайшаго благоговѣнія и совершеннѣйшей преданности къ Богу, дѣятельно стремясь проявить эту преданность во всемъ своемъ внутреннемъ поведеніи. Живая вѣра въ Бога вводила ихъ въ непосредственное присутствіе Божіе, давала имъ созерцать безконечное величіе свойствъ и совер-

---

[38]) Путь ко спасенію III отд., стр. 236—238.

шенствъ Божіихъ, а созерцаніе этихъ свойствъ вызывало въ нихъ благоговѣніе къ Богу, всецѣлую преданность святой Его волѣ. Вполнѣ сознавая свою зависимость отъ Бога, свое въ Немъ возрожденіе, жизнь, спасеніе, они поставляли Бога средоточіемъ всей своей жизни и „преображались". Для достиженія состоянія преображенія со стороны св. юродивыхъ употреблялись: молитва, благочестіе, размышленіе, созерцаніе. Размышленіе, возбуждаемое молитвою и благочестіемъ, возводило ихъ умъ къ созерцанію Высочайшаго Существа. Созерцать, вѣдь, и значитъ—забыть все и себя самого, умереть совсѣмъ для внѣшняго міра, отказаться отъ всякихъ собственныхъ мыслей и всецѣло съ безпредѣльною ревностью погрузиться въ Богѣ и преобразоваться. Принимая это во вниманіе, легко понять непонятныя тѣ состоянія преображенія, которыхъ достигали путемъ аскетическаго созерцанія св. юродивые [39]). Разсмотримъ одно изъ проявленій высшаго созерцательнаго аскетизма въ подвигѣ „юродства", описанное пресвитеромъ константинопольскимъ Никифоромъ со словъ того лица, которое испытывало такое состояніе, т. е. св. Андрея юродиваго. Вотъ что онъ ему разсказывалъ: „въ сладкомъ двухъ-недѣльномъ снѣ я видѣлъ неизреченныя откровенія Божіи. Я находился въ прекрасномъ и дивномъ раю и не знаю, какъ я сюда попалъ—въ тѣлѣ или не въ тѣлѣ—не знаю. Но я замѣтилъ на себѣ свѣтлое одѣяніе и на головѣ вѣнецъ изъ цвѣтовъ; царскій поясъ опоясывалъ мое одѣяніе. Я восхищался красотами райскими: тамъ было много садовъ и въ нихъ росли высокія деревья, испускающія отъ вѣтвей благоуханіе. Одни изъ деревьевъ цвѣли непрестанно, другія—украшались златовидными листьями, иныя—имѣли различные, несказанной красоты, плоды. Невозможно сравнить райскія деревья съ земными, „Божія бо рука, нечеловѣческая насади я". Находилось тамъ безчисленное мно-

---

[39]) Напр. св. Михаилъ Клопскій „нѣкогда во единомъ часѣ обрѣтеся въ притворѣ св. Софіи, и паки въ обители св. Троицы" (Новг. еп. вѣд. № 21, 1898 г., стр. 1401), или св. Василій блаж. одновременно, находясь въ Москвѣ, заливалъ пожаръ въ Новгородѣ и пр. и пр.

жество птицъ; у однѣхъ были золотыя крылья, у другихъ были бѣлаго цвѣта, а у нѣкоторыхъ—пестраго. Онѣ сидѣли на вѣткахъ райскихъ деревъ и пѣли. Отъ ихъ пѣнія услаждалось мое сердце. Сады тѣ были расположены въ стройномъ порядкѣ („якоже станетъ полкъ противу полка"). Они орошались большою рѣкою, протекавшею посединѣ рая. По ея берегамъ раскинулъ свои вѣтви виноградъ съ золотыми листьями. Тихій вѣтеръ колебалъ деревья райскихъ садовъ. На меня напалъ страхъ и мнѣ думалось, что я стою вверху тверди небесной. Юноша, одѣтый въ багряницу, проходилъ мимо меня. Я послѣдовалъ за нимъ и вотъ увидѣлъ большой красивый крестъ радужнаго цвѣта; вокругъ него стояли огнезрачные пѣвцы и пѣли какую-то сладкую хвалебную пѣснь. Юноша, подойдя къ кресту, поцѣловалъ его и мнѣ велѣлъ тоже приложиться къ нему. Я съ радостію и страхомъ лобызалъ крестъ усердно. Посмотрѣвъ внизъ, я увидѣлъ подъ собою нѣчто въ родѣ морской бездны и, думая, что я хожу по воздуху, испугался и началъ кричать своему проводнику: „Господи, боюся, да не ниспаду въ глубину". Онъ же сказалъ мнѣ: „не бойся, подобаетъ бо намъ взойти выше" и подалъ мнѣ руку. Тотчасъ мы поднялись выше второй тверди, и увидѣлъ я тамъ дивныхъ мужей и ихъ покой. Послѣ этого мы вошли въ чудный пламень, который насъ не опалялъ, но только освѣщалъ. Я опять сталъ бояться. Но спутникъ мой, подавъ мнѣ руку, сказалъ: „еще выше взойти подобаетъ намъ", и тотчасъ мы поднялись выше третьяго неба, гдѣ я услышалъ пѣніе множества небесныхъ силъ. Затѣмъ, подошли мы къ блестящей, молніевидной завѣсѣ, предъ которой стояли огненные юноши съ блестящими лицами и съ огненными оружіями въ рукахъ. Здѣсь же увидѣлъ я безчисленное множество воинства небеснаго. Проводникъ мой сказалъ: „какъ только откроется завѣса, тогда увидишь Владыку Христа и поклонись престолу славы Его". Я, слыша это, трепеталъ и радовался. Лишь только открылась завѣса, я увидѣлъ Господа моего, какъ нѣкогда пророкъ Исаія [40]),

[40]) VI, 1—2.

„сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ, и серафимы стояху окрестъ; бѣ же оболченъ въ ризу багряну, лице же Его пресвѣтло, и очи прелюбезнѣ взирающіи на мя". Я упалъ предъ Нимъ. Невозможно передать той радости, какая меня тогда объяла. Я слышалъ и три слова, сказанныя мнѣ пресладкими и пречистыми устами Спасителя. Тогда всѣ небесныя воинства воспѣли предивную пѣснь. Проснувшись, я увидѣлъ себя „на мѣстѣ, идѣже бѣхъ первѣе, во углѣ лежащъ" [41]). Этотъ разсказъ, какъ таинственный, касающійся духовнаго міра, закрытаго отъ насъ почти непроницаемымъ покровомъ, можетъ быть и объясненъ только тѣмъ, кто самъ находился въ сообщеніи съ нимъ, кто самъ былъ созерцателемъ.

Прежде всего надо рѣшить вопросъ о мѣстѣ восхищенія св. Андрея. Область, куда былъ восхищенъ св. юродивый Андрей названа третьемъ небомъ, раемъ [42]). Что это за область третье небо? гдѣ она находилась? Подъ именемъ неба въ священномъ писаніи часто разумѣется воздушное пространство, висящее надъ нашею землею [43]), въ которомъ замѣчаются явленія: вѣтра, мрака, облаковъ, тучъ, града, грозной бури, бывающія въ воздухѣ. Впрочемъ, воздухъ въ св. писаніи называется небомъ не въ собственномъ значеніи этого слова; подъ именемъ неба собственно разумѣется то необъятное для взора человѣческаго пространство, которое заключаетъ въ себѣ небесныя тѣла и оканчивается въ глазахъ шарообразнымъ сводомъ [44]). Затѣмъ, въ св. писаніи подъ именемъ неба разумѣется небо высшее всѣхъ небесъ. На этомъ небѣ обитаетъ Самъ Богъ [45]), безплотные духи [46]) и праведные души людей [47]). Отъ того оно и называется обиталищемъ Божіимъ [48]), домомъ Отца Небеснаго [49]), небомъ небесе [50]), градомъ, котораго художникъ и строитель есть Богъ [51]) и др. именами, которыя всѣ на человѣческомъ языкѣ означаютъ не что

---

[41]) Чет. Мин. окт. 2, л. 13 об., 14—15. [42]) Св. Андрей говорилъ: „азъ видѣхъ себѣ въ раи красномъ, тамъ же, л. 14 об. [43]) Пс. XVII, 28. [44]) Быт. XXVII, 28. [45]) Ефес. IV, 1, 10. [46]) Евр. XII, 22. [47]) Лк. X, 12; Ефес. II, (.; Филипп. III, 20. [48]) 3 царств. VIII, 27. [49]) Іоанн. XIV, 2. [50]) 3 царств. VIII, 27. [51]) Евр. XI, 10.

другое, какъ міръ духовный. Вѣроятно, и разумѣется подъ третьимъ небомъ или раемъ, куда восхищенъ былъ св. Андрей, міръ духовный. Въ основаніе этой вѣроятности можно полагать какъ самое названіе неба, куда былъ восхищенъ св. Андрей, третьимъ, такъ и названіе рая, тождественное третьему небу. Небо третье, т. е. высшее, совершеннѣйшее; оборотъ рѣчи — еврейскій, замѣчаемый и въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ [52]) и выражающій собою полноту и совершенство предмета. Раемъ называлось всякое пріятное мѣсто, но преимущественно тотъ едемскій садъ, гдѣ пребывали наши прародители. Такъ какъ на землѣ нѣтъ ничего того, чтобы человѣкъ зналъ и могъ представлять выше и вожделеннѣе невиннаго состоянія первобытной четы, то слово Божіе примѣнительно къ человѣческому понятію, употребляетъ слово рай и для выраженія будущаго его блаженства: „днесь со Мною будеши въ раи“ сказалъ Спаситель раскаявшему разбойнику“ [53]), „наше жилище на небесѣхъ есть“ [54]), „въ дому Отца небеснаго обители многи суть“ [55]). Поэтому то, и надо думать, что св. Андрей былъ восхищенъ въ блаженное жилище небожителей, какъ самъ онъ о томъ разсказывалъ [56]). Гдѣ же находится это жилище? по буквальному смыслу словъ св. Андрея блаженное жилище небожителей представляется въ высотѣ стихійной („выше вторыя тверди“). Свящ. писаніе тоже учитъ, что Богъ оттуда говорилъ человѣку въ началѣ временъ и продолжаетъ подавать свои наставленія устами пророковъ, апостоловъ, оттуда ангелы нисходятъ и по возвѣщеніи воли Божіей опять удаляются [57]), туда вошелъ Богочеловѣкъ [58]), наконецъ, ангелами возносятся и блаженныя души [59]). Но это только символы, подъ которыми изображается міръ духовный, а не самые предметы. „Богъ представляется живущимъ на высотѣ, которая надъ нами, только въ означеніе Его славы, могущества, величія

---

[52]) О треблаженное древо, треокаянный и т. п. [53]) Лк. XXIII. 43. [54]) Филипп. III, 20. [55]) Іоанн. XIV. [56]) „видѣхъ тамо, въ раю, вышше вторыя тверди, дивныя мужи, и покой ихъ, и радость праздника ихъ неизглаголанна языкомъ человѣческимъ“, Чет. Мин. 2 окт., л. 15. [57]) Суд. XIII, 20. [58]) Ефес. IV, 10. [59]) Лк. XVI, 22.

и власти, ибо естественно человѣку представлять себѣ Царя, живущимъ или сидящимъ, на высотѣ, что такъ люди, по внушенію самой природы, обращаютъ очи горѣ, когда призываютъ Бога въ свидѣтели, или просятъ Его помощи. На землѣ нѣтъ языка, способнаго къ изображенію предметовъ духовныхъ. Почему и св. Писаніе не иначе изображаетъ ихъ, какъ подобіями, взятыми изъ видимой природы. Небеса стихійныя, какъ по своей высотѣ и величію, такъ и по своему постоянству и безпредѣльности, особенно способны быть символами вещей духовныхъ, которыя сами по себѣ славны и вѣчны. А такъ какъ и умныя силы и праведныя души по внутренней чистотѣ и святости близки къ Богу и ясно видятъ славу Тріипостаснаго Божества, ибо управляются уже видѣніемъ, а не вѣрою, то и ихъ блаженство, проистекающее изъ созерцанія величія Божія, представляется подъ видомъ неба или царства небеснаго. При чемъ однако никогда не должно сливать образовъ съ предметами изображаемыми“ [60]). И Господь, съ мѣста жилища своего взирающій на сыновъ человѣческихъ [61]), есть вмѣстѣ Богъ приближающійся, а не Богъ издалеча [62]). Господь, слышащій съ небесъ [63]), въ то время близокъ ко всѣмъ призывающимъ Его [64]); Богъ, посылающій свою помощь, тѣмъ не менѣе пребываетъ съ нами въ скорби [65]); Господь, возшедшій превыше всѣхъ небесъ, есть и будетъ съ нами до скончанія вѣка [66]). Тоже должно думать и о мірѣ духовномъ вообще. Духовный міръ не ограничивается извѣстнымъ пространствомъ и не заключается въ извѣстномъ мѣстѣ. Его предѣлъ не есть предѣлъ чувственности, какъ бы, т. е., начало Его было тамъ, гдѣ оканчивается чувственность. Итакъ, третье небо, по внутреннему смыслу св. Писанія, не означаетъ стихійной высоты, или какого-нибудь мѣста, но высоту блаженства духовнаго. Оно есть небо умное, небо чистоты и славы. Это небо близь насъ есть: ангелы, хранители людей, всегда присутствуя при нихъ, ввѣренныхъ ихъ попеченію, постоянно предстоятъ

---

[60]) Христ. чт. 1827 г., ч. 27, стр. 206. [61]) Пс. XIII, 2. [62]) Іерем. XIII, 23, 24. [63]) 2 Парал. XIV, 23. [64]) Пс. CXLIV, 18. [65]) Пс. XI, 15. [66]) Ме. XXVIII, 20.

и на небѣ предъ лицемъ Отца небеснаго [67]). Это понятіе берется съ первыхъ чиновъ близкихъ къ особѣ государя. Это небо при насъ; напр. Іаковъ говоритъ послѣ видѣнія лѣствицы: „Господь есть на мѣстѣ семъ, азъ же не вѣдѣхъ“ [68]). Это небо даже внутрь насъ есть: „малъ сосудъ есть сердце, говоритъ св. Макарій Великій, но въ немъ пріяты бываютъ вся вещи: тамо Богъ, тамо ангелы. тамо животъ и царство, тамо небесные грады, тамо сокровища благодати“ [69]). Короче: такъ какъ Богъ не имѣетъ нужды въ томъ или другомъ мѣстѣ, и такъ какъ блаженство духовъ состоитъ въ созерцаніи Божества, то рай или третье небо можетъ быть вездѣ, ибо Богъ вездѣ, преимущественно же тамъ, гдѣ Онъ являетъ или свое величіе или свою безмѣрную благость. Прекрасно выражаетъ эту мысль св. Церковь въ трипѣснцѣ въ навечеріи Рождества Христова: „обхождаху ангели, якоже престолъ херувимскій, ясли; вертепъ-бо небо зряху, лежащу въ немъ Владыцѣ“. По вшествіи Богочеловѣка въ вертепъ, вошло съ Нимъ туда и небо съ цѣлымъ небеснымъ величіемъ. Теперь нѣсколько словъ объ образѣ восхищенія св. Андрея юродиваго. Онъ разсказываетъ о немъ, какъ о чемъ-то неизвѣстномъ; „не рѣзумѣхъ же себе, аще въ тѣлѣ быхъ, или кромѣ тѣла, Богъ вѣсть, что ми бысть, не вѣмъ, яко же бо кто всю нощь спитъ сладко, и заутра востанетъ, тако азъ чрезъ двѣ недѣли пребывахъ въ сладкомъ видѣніи, якоже Божіе изволеніе веляше“ [70]). Внѣ-ли тѣла св. Андрей восхищенъ былъ въ рай или въ тѣлѣ? безъ тѣла-ли душа его созерцала тайны міра духовнаго, или въ тѣлѣ, но приведенная въ состояніе сверхъ естественное? конечно, для всемогущества Божія ничего не значило восхитить на время душу св. Андрея изъ тѣла; но трудно усмотрѣть необходимость въ такомъ безпримѣрно чудесномъ дѣйствіи, каково отлученіе души отъ тѣла въ живомъ человѣкѣ; міръ духовный, какъ видѣли,—близъ насъ: преграда, отдѣляющая человѣка, есть чувственность послѣдняго. Поэтому, со стороны чело-

---

[67]) Мѳ. XVII, 10. [68]) Быт. XXVIII, 16. [69]) Смотр. Дим. Ростовск. въ словѣ на Р. Хр. ч. III. [70]) Ч. М. Окт. 2, л. 14 об.

вѣка нужно только, чтобъ уничтожилось въ немъ преобладаніе чувственности, чтобъ въ его душѣ раскрылась способность сообщенія съ міромъ духовнымъ и, человѣкъ, оставаясь въ тѣлѣ, безъ всякой перемѣны мѣста, по мѣрѣ раскрытія духовной стороны его, будетъ въ обществѣ небожителей. Такъ, Іаковъ видитъ въ сновидѣніи лѣствицу, „утвержденную на земли, еяже глава досягаше до небесъ, и ангели Божіи восхождаху по ней. Господь же утверждашеся на ней“ [71]). Тайновидецъ, восхищенный въ духѣ на великую и высокую гору, созерцаетъ св. Іерусалимъ, „нисходящь съ небесе отъ Бога, имущь славу Божію [72]). Но можетъ ли человѣкъ, оставаясь въ тѣлѣ, быть въ такомъ тѣсномъ чрезвычайномъ сообщеніи съ горнимъ міромъ, въ какомъ находился св. Андрей? онъ былъ восхищенъ въ рай, до третьяго неба и слышалъ 3 слова отъ самого І. Христа, не сознавая былъ-ли онъ тогда въ тѣлѣ, или кромѣ тѣла. По свидѣтельству мужей, опытныхъ въ тайнахъ міра духовнаго, которые сами были зрителями, или приняли наставленіе отъ отцевъ и изъ устъ ихъ научились истинѣ, такое сообщеніе человѣка съ горнимъ міромъ въ тѣлѣ возможно. Св. отцы говорятъ, что подобныя видѣнія бываютъ:

а) внезапны и быстры: человѣкъ мгновенно, божественною силою, переносится изъ страны чувственной въ духовную,

б) столь сладостны для ума и сердца, что человѣкъ, если бы это зависѣло отъ его воли, никогда не разлучался бы съ ними,

с) способны до такой степени восторгать духъ нашъ, что онъ какъ-бы вовсе отдѣляется отъ тѣла, забываетъ его, вслѣдствіе чего дѣлается оно тогда безчувственнымъ и какъ бы мертвымъ. „Егда бываетъ неизреченное видѣніе, говоритъ св. Исаакъ Сиринъ, перестанутъ тогда уста и языкъ и сердце, иже помысломъ хранитель, и умъ чувствомъ кормникъ, и мысль скоро летящая: и не ктому имать

---

[71]) Быт. XXVIII, 12 [72]) Апок. XXI, 10, 11.

мысль молитву, ни движеніе, ни самовластіе, но наставленіемъ наставляется силою иною и плѣненіемъ содержится въ часъ онъ, и бываетъ въ непостижимѣхъ вещехъ, идѣже не вѣсть, ни хотѣніе имать чего и въ изступленіи бываетъ, и по словеси апостолову, аще въ тѣлѣ, или внѣ тѣла— не вѣсть". Въ другомъ мѣстѣ: „внегда дѣйствомъ духовнымъ движется душа къ онымъ Божественнымъ и подобно Божеству, уставлена будетъ непостижимымъ соединеніемъ, и просвѣтится лучею высокаго свѣта въ своихъ движеніяхъ; и егда сподобится умъ почувствовати будущаго блаженства, и себе забываетъ и всѣхъ сущихъ здѣ, и не ктому взимаетъ движеніе въ чемъ, но пребываетъ внѣ хотѣнія въ мысли безплотныхъ, въ яже убо не повелѣна быша чувства сказати, то вжизается въ тебѣ радость, умолчающая языкъ неуподобленіи пищи его. Кипитъ изъ сердца сладость нѣкая, и привлачитъ человѣка всего изъ всего неощутнѣ, на время и время; нападаетъ на все тѣло пища нѣкая и радованіе, якоже плотскій языкъ не можетъ изрещи сія, дондеже вся земная пепелъ и уметы вмѣнитъ въ памяти сей, и егда найдетъ человѣку она пища, сице непщуетъ сицевый въ онъ часъ, яко нѣсть ино что небесное царство, точію се. И аще не бы Богъ предѣлъ положилъ въ животѣ семъ таковымъ вещемъ, не имѣлъ бы человѣкъ изыти оттуда отъ видѣнія ихъ дивнаго. Но сія суть неизреченна, не неизглаголанна и страшна, якоже глаголетъ Симеонъ, Новый богословъ. Воистину страшна и паче слова. Зрю свѣтъ, его же міръ не имать, посредѣ келліи на одрѣ сѣдя; внутрь себя зрю Творца міру, Который на небеси будучи, и въ сердцѣ моемъ есть, здѣ и тамо зритъ ми ся, и бесѣдую, и люблю, и ямъ питая ся добрѣ единымъ Боговидѣніемъ, и съединився ему, небеса превосхожу. И сіе вѣмъ извѣстно и истинно. Гдѣ же тогда тѣло, не вѣмъ [73]). Причина, отчего при такихъ видѣніяхъ человѣку кажется, что онъ переносится куда-то, не зная, въ тѣлѣ, или кромѣ тѣла, скрывается въ измѣненіи состоянія со-

---

[73]) Творенія св. Исаака Сирина. Москва. 1854 г., стр. 290 и слѣд.

зерцающаго. Внезапное, быстрое измѣненіе естественнаго состоянія, мгновенный переходъ изъ чувственной страны въ духовную, созерцаніе невѣдомыхъ предметовъ, которыхъ красота невыразима, чѣмъ другимъ можетъ показаться, какъ не перенесеніемъ въ прекрасный міръ? а быстрая смѣна сверхъестественнаго состоянія, незамѣтный переходъ отъ духовнаго къ чувственному, мгновенное сокрытіе неизреченной красоты, чѣмъ другимъ можетъ показаться, какъ не снисшествіемъ изъ прекраснаго міра? Во время такихъ видѣній духъ необходимо долженъ былъ раскрыться (этимъ легко объясняется разность повѣствованій о раѣ и небѣ въ жизнеописаніяхъ святыхъ. Святые видѣли рай по степени раскрытія духовной способности и ослабленія союза души съ тѣломъ, такъ какъ по замѣчанію Премудраго „тѣло тлѣнное отягощаетъ душу, и земное жилище обременяетъ умъ и не попускаетъ ему возноситься въ свойственную область духовъ“ [74]). Отсюда, находящемуся въ сверхъестественномъ состояніи человѣку и потомъ пришедшему въ себя, естественнѣе подумать, что тѣла съ нимъ не было, нежели, что онъ находился въ тѣлѣ. Если же такъ, если человѣкъ, находясь въ тѣлѣ, безъ всякой перемѣны мѣста (какъ видно изъ словъ св. Андрея: „воспрянувъ, обрѣтохся на мѣстѣ, идѣже бѣхъ первѣе, во углѣ лежащъ, и удивляхся, гдѣ бѣхъ въ видѣніи, и что сподобихся видѣти“ [75]), можетъ быть восхищенъ до слышанія неизреченныхъ глаголовъ, и не сознавать, въ тѣлѣ-ли онъ тогда находится, или кромѣ тѣла, то можно и, кажется, должно думать, что и св. Андрей, во время сообщенія съ горнимъ міромъ, находился въ сверхъестественномъ состояніи духа, т. е. душа его раскрылась въ это время для духовнаго міра до возможной степени раскрытія въ тѣлѣ, такъ что узы, соединявшія ее съ тѣломъ, какъ бы вовсе уничтожились, прервались. Значитъ, св. Андрей во время восхищенія былъ въ тѣлѣ, такъ сказать, кромѣ тѣла, былъ весь въ духѣ, а духъ весь въ Богѣ.

---

[74]) Прем. Сол. IX, 9, 15. [75]) Ч. М. Окт. 2, л. 15 об.

Св. Андрей юродивый выражаетъ сущность полученнаго имъ откровенія въ раю въ слѣдующихъ словахъ: „слышахъ же премилосердаго Творца моего, пресладкими и пречистыми своими усты, три словеса Божественная изрекшаго ко мнѣ, коихъ св. Андрей не восхотѣ явити". Можно думать, что св. Андрей восхищенъ былъ въ рай, или до третьяго неба, не столько для слуха, сколько для зрѣнія. Это было прямое видѣніе; св. Андрею позволено было въ этомъ восхищеніи, такъ сказать, заглянуть въ блаженное жилище духовъ и праведныхъ душъ,—посмотрѣть на ихъ состояніе, на занятія [76]), на предметы ихъ окружающіе, на взаимныя отношенія, вообще, если можно такъ выразиться, на ихъ небесный бытъ. Такъ, св. Андрею позволено было вознестись духомъ въ блаженное мѣстопребываніе небожителей, взглянуть на убранство и красоту небеснаго свода, отъ дивнаго созерцанія которой никогда не согласился бы оторваться созерцающій, по словамъ преп. Нила Сорскаго [77]), если бы только это было въ его волѣ, и если бы Богъ не положилъ предѣла таковымъ видѣніямъ. Но отчего св. Андрей не хотѣлъ сказать, что ему говорилъ Іисусъ Христосъ? отъ того, должно быть, что, находясь въ состояніи сверхъестественномъ, онъ слышалъ эти слова и имѣлъ видѣніе, а когда закрылся отъ него духовный міръ, то въ немъ осталось впечатлѣніе высокое: отъ умаленія и сознанія своего окаянства, трепета и ужаса, охватившихъ его при воспоминаніи о семъ, онъ и „не восхотѣ явити" сказанныхъ ему Іисусомъ Христомъ трехъ словъ.

Въ чемъ нравственный смыслъ разбираемаго видѣнія? для чего оно нужно было св. Андрею? а для того, чтобы укрѣпить его въ подвигѣ юродства, который съ начала пріятія его и до конца былъ устланъ терніями. Видѣніе и слова Христа были, такъ сказать, опорою для св. Андрея въ его трудномъ подвижничествѣ „да утѣшится здѣ на время", какъ разсказывалъ св. Андрей въ началѣ видѣнія [78]).

---

[76]) Видѣхъ и слышахъ множество небесныхъ силъ поющихъ и славословящихъ Бога и пр., ibid л. 15. [77]) Цер. Іер. т. V, стр. 251. [78]) Л. 14 об.

Безъ нравственной высшей поддержки человѣкъ, сколько бы ни были велики силы его духа, не устоитъ никогда противъ безпрестанно вооружающихся на него бурь и смятеній и падетъ подъ ихъ тягостью. Св. Андрей въ своей многоскорбной жизни только въ Богѣ и могъ находить себѣ утѣшеніе; на землѣ же онъ былъ почитаемъ, „яко юродъ“; къ Нему то онъ мысленно и переносился въ горькія минуты своей жизни. Послѣ чего горести его растворялись сладостью, и изнемогавшій духъ воодушевлялся новою силою: „егда и нынѣ помыслю оное видѣніе, говорилъ св. Андрей, исполняюся неизреченныя радости [79]).

ГЛАВА X.

Разборъ возраженій противъ цѣлесообразности „юродства“. Значеніе „юродства“, какъ высшаго самоотверженія. Заключеніе.

Намъ остается еще разобраться въ тѣхъ возраженіяхъ и недоумѣніяхъ,—которыя вызываетъ и можетъ вызывать „юродство“ о Христѣ въ малопонимающихъ сущность этого подвига. Возраженія эти касаются прежде всего „юродства“, какъ явленія страннаго, непонятнаго, соблазнительнаго. Подобныя возраженія вызываются при поверхностномъ знакомствѣ съ жизнію св. юродивыхъ у интеллигентнаго человѣка, и притомъ, слишкомъ далекаго отъ той среды, отъ той жизни, какую рисуютъ Четьи-Минеи. Думается, что такому человѣку необходимо напомнить, прежде всего, что понятія — „странный“, „грубый“ — слишкомъ широкія понятія, объемъ и содержаніе которыхъ необходимо съузить, когда мы начинаемъ разбирать поведеніе и жизнь лицъ иной среды, другого времени и, наконецъ, иного направленія. Нравы и обычаи различны въ разныхъ классахъ общества и мѣняются съ годами. Безспорно для всякаго, что человѣкъ высшаго круга, вращающійся въ сферахъ

---

[79]) Чет. Мин. Окт. 2, л. 15.

сложныхъ и утонченныхъ взаимоотношеній между людьми, найдетъ много очень наивнаго въ жизни нашихъ прямодушныхъ и простыхъ крестьянъ. Не менѣе очевидно и то, что нынѣшнее время, — время утонченной вѣжливости и приличій,—далеко ушло отъ старины, и современный человѣкъ уже начинаетъ стыдиться исполнять многіе даже изъ добрыхъ и естественныхъ обычаевъ ея; его щекотитъ то, къ чему былъ равнодушенъ или даже, чѣмъ дорожилъ его предокъ. Но, кажется, всего болѣе можетъ отдѣлять одного человѣка отъ другого рознь въ мысляхъ, чувствахъ, словомъ, въ направленіи всей духовной жизни.

Когда эта рознь обнаруживается между тѣмъ, что принято всѣми въ обществѣ, какъ здоровое трезвое, и взглядами отдѣльнаго человѣка, не желающаго подчиняться общественной логикѣ,—то послѣдній является оригиналомъ, эксцентричнымъ. По сложившимся условіямъ людской, общественной жизни, насквозь пропитанной явною и скрытною ложью и неправдой, попасть въ чинъ юродиваго—самое легкое дѣло. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ рѣшиться только говорить всѣмъ и всегда правду безъ прикрасъ, безъ лицемѣрія и лести, стоитъ не дозволять себѣ ни одного изъ тѣхъ лживо-гнилыхъ словъ, которыми покрываютъ себя часто неискренность, обманъ и даже вражда, чтобы тотчасъ же прослыть за идіота, юродиваго. Герои Достоевскаго—Левъ Николаевичъ Мышкинъ и Алексѣй Ѳедоровичъ Карамазовъ („Идіотъ“ и „Братья Карамазовы“) разсуждаютъ и дѣйствуютъ не по логикѣ окружающаго ихъ общества, а потому и являются странными.

Вотъ что на этотъ счетъ говоритъ у него старецъ Зосима своимъ прежнимъ товарищамъ послѣ того, какъ совершенно измѣнилъ свою жизнь: „гдѣ вамъ познать это (т. е. мою жизнь). Я разъ въ жизни поступилъ предъ вами истинно, и что же, сталъ для васъ точно юродивый: хоть и полюбили меня, а всетаки надо мной смѣетесь“ [1]). Но о св. юродивыхъ мы должны сказать, что рознь между

---

[1]) Братья Карамазовы, стр. 347.

ними и современнымъ имъ обществомъ простирается еще далѣе, чѣмъ указано и доходитъ до полной противоположности интересовъ той и другой стороны, потому что св. юродивые ни во что вмѣняютъ все то, чѣмъ живетъ окружающій ихъ міръ. По отношенію къ нимъ и обществу въ данномъ случаѣ сбываются слова святого апостола Павла: „душевный человѣкъ, не принимаетъ того, что отъ духа Божія, потому что онъ почитаетъ это безуміемъ и не можетъ разумѣть, потомучто о семъ надобно судить духовно. Но духовный судитъ о всемъ, а о немъ судить никто не можетъ“ [2]). Св. юродивыхъ, какъ людей духовныхъ, могли понимать только такіе же, какъ и они, духовные люди, т. е. вполнѣ отрѣшившіеся отъ міра. Характерный случай представляетъ житіе св. Исидоры тавеннисіотской, о чемъ было говорено выше. Изъ житія св. Кипріана Устюжскаго извѣстно, что онъ любилъ принимать къ себѣ св. юродиваго Прокопія (Устюжскаго) и много утѣшался посѣщеніемъ этого угодника Божія [3]). Изъ житія преп. Иринарха затворника видно, что на его духовное развитіе много вліялъ св. юродивый Іоаннъ Власатый, и что, когда Иринархъ терпѣлъ временное изгнаніе изъ обители, то пользовался совѣтами и утѣшеніемъ отъ него [4]). Словомъ, для людей того же духовнаго склада, какимъ отличались св. юродивые, для соучастниковъ въ одной общей брани духовной, какая ведется всѣми св. угодниками, странности св. юродивыхъ не казались таковыми, такъ какъ въ духовной жизни они естественны и цѣлесообразны. Въ самомъ дѣлѣ, духовная жизнь на высшихъ ступеняхъ ея развитія очень развѣтвляется; брань съ невидимымъ врагомъ, старающимся при всякомъ случаѣ привнести въ эту жизнь что либо свое, усложняется, видоизмѣняются пріемы и средства въ этой брани. Вотъ одинъ изъ нихъ, указываемый св. Лѣствичникомъ: „постараемся, говоритъ онъ, не только бороться съ демонами, но и нападать на нихъ. Кто побѣдилъ страсти, тотъ поражаетъ демоновъ, при-

---

[2]) 1 Кор., X, 4, 15. [3]) Чет. минеи, сент. 29. [4]) Тамъ же, сент. 3.

творно показывая, что имѣетъ страсти и тѣмъ обманываетъ своихъ враговъ, оставаясь неуязвленнымъ для нихъ [5]). И здѣсь заключается разгадка такихъ непонятныхъ явленій въ жизни св. юродивыхъ, какъ напримѣръ—одинъ блаженный съѣлъ торопливо принесенную ему нѣкіимъ виноградную кисть, показывая демонамъ въ себѣ чревоугодника; или другой изъ братіи, вовсе не желавшій первенства, притворялся, что домогается этого [6]).

Но „юродство“ непонятно съ той стороны, что въ жизни св. юродивыхъ часто проявлялись и такіе поступки, которыхъ имъ, повидимому, не слѣдовало бы совершать и которые, кажется, не могутъ служить предметомъ подражанія для другихъ, напримѣръ, иногда они не наблюдали правилъ приличія въ церкви. Такъ о св. Симеонѣ юродивомъ извѣстно, что онъ, придя однажды въ церковь, сталъ гасить свѣчи орѣхами, а когда его хотѣли оттуда выгнать, то онъ началъ бросать ихъ въ женщинъ; волочилъ по улицамъ мертвую собаку и пр., св. юродивые являли полное невоздержаніе, иногда не посѣщали церкви и т. п. Относительно этихъ поступковъ можно сдѣлать вотъ какое замѣчаніе. Не всякій законъ имѣетъ обязательную силу для всѣхъ состояній человѣчества. Законъ есть средство, ведущее человѣка къ духовной жизни. А степени духовной жизни различны, слѣдовательно, и средства, возводящія отъ одной ступени къ другой, также неодинаковы. Значитъ, кромѣ главныхъ существенныхъ законовъ, обязательная сила которыхъ простирается на всѣ возрасты духовной жизни, есть и такіе, которые при переходѣ отъ низшей степени къ высшей, теряютъ свою обязательность. Въ новой жизни—новый законъ, значитъ, прежній законъ, приспособленный къ низшимъ степенямъ жизни, для человѣка, достигшаго высшихъ ея степеней, не имѣетъ прежней обязательности. Поэтому, неудивительно, если св. юродивые, достигшіе высшей степени духовнаго совершенства, иногда не выполняли требованій законовъ церкви.

---

[5]) Ковалев., стр. 76. [6]) Тамъ же.

Потомъ, правила церкви, отъ которыхъ отступали иногда св. юродивые, не суть совершенно безусловныя. Цѣль выше средствъ. Поэтому, для нравственной цѣли, и слѣдовательно для тѣхъ цѣлей, отъ которыхъ зависитъ достиженіе этой высшей цѣли, нисколько не предосудительно, если св. юродивый, послѣ долговременнаго поста, прибѣгалъ къ такому средству, которое правилами церкви возбраняется не безусловно (ѣлъ. напр., съ жадностію—какъ св. Симеонъ и пр.).

Затѣмъ, ѣду послѣ чрезмѣрнаго поста можно объяснить чисто личнымъ желаніемъ св. юродивыхъ избавить себя отъ гордости, которая унижаетъ человѣка и упраздняетъ добродѣтели; значитъ, они ѣли послѣ усиленнаго поста открыто потому, чтобы скрыть свой подвигъ и отогнать отъ себя демона, который, по словамъ преп. Исидора Пелусіота, внушаетъ иногда чрезмѣрный постъ, такъ какъ знаетъ, что постникъ такъ можетъ разслабѣть тѣломъ, что будетъ безполезенъ и для себя и для другихъ; и когда болѣзнь отъ времени усилится, то отпадетъ отъ вѣры, предастся отчаянію и начнетъ богохульствовать [7]). Кромѣ того, вкушеніе послѣ долговременнаго поста вовсе не свидѣтельствовало о жадности св. юродивыхъ. Они ѣли не для удовольствія, но какъ дѣлатели Божіи, для бодрости въ дѣлахъ Христовыхъ.

Св. Нифонтъ цареградскій смущеніе нѣкоего брата, удивлявшагося тому, что нѣкоторые хотя и изнуряютъ тѣла свои воздержаніемъ, все таки не могутъ возобладать надъ страстями и надъ ними царствуютъ: гнѣвъ, вражда, памятозлобіе, зависть и злѣйшее всѣхъ немилосердіе и скупость, а иные изъ добродѣтельныхъ ѣдятъ и пьютъ вино, а въ нихъ не видно никакого грѣха, разрѣшилъ такъ: „многопостящіеся и неисправляющіеся претерпѣваютъ это отъ устъ своихъ, ибо тотъ, кто не хранитъ всегда своихъ устъ, если и весь годъ постится, не получаетъ никакой пользы. Итакъ, раздражаетъ ли тебя діаволъ на гнѣвъ,

---

[7]) Христ. чт. 1844 г. ч. I, стр. 37.

не говори ничего,—и ты одержишь побѣду надъ страстію. Опять возбуждаетъ ли тебя врагъ на зависть, не клевещи,—и ты побѣдишь лукаваго, ибо плодъ зависти есть оклеветаніе. Если ражжетъ тебя обольститель на блудъ, не отверзай устъ своихъ для бесѣды съ женщинами. О тѣхъ же добродѣтельныхъ, которые ѣдятъ и пьютъ, повидимому свободно, знай, что они суть доблестные воины, поправшіе грѣховныя страсти и теперь сдѣлавшіеся господами и властелинами, получивъ отъ Бога даръ безстрастія (Симеонъ юродивый). Они сперва предались воздержанію и, подвизаясь, достигли, наконецъ, цѣли, которой желали. Впрочемъ, дѣлающіе такъ, часто дѣлаютъ это лишь предъ людьми, пребывая же наединѣ—въ безмолвіи, подвизаются въ воздержаніи, вознаграждая поученіемъ то, чего они лишили себя малымъ разрѣшеніемъ передъ людьми“ [8]). Эти слова вполнѣ разрѣшаютъ вышеприведенное недоумѣніе.

Но опять возникаетъ недоумѣніе: св. юродивые подобными поступками могли соблазнять другихъ? Безспорно, что на каждомъ христіанинѣ лежитъ строгая обязанность—не подавать повода своимъ поведеніемъ къ соблазну другихъ. Спаситель говоритъ: „горе“ тому „его же ради соблазнъ приходитъ. Уне ему было бы, аще жерновъ осельскій облежалъ бы о выи его, и ввержен въ море, ниже да соблазнитъ отъ малыхъ сихъ единаго“ [9]). И св. апостолъ Павелъ заповѣдуетъ вѣрующимъ всячески удаляться отъ случаевъ, могущихъ быть поводомъ къ соблазну другихъ [10]). Но поступки св. юродивыхъ, которыхъ признавали безумными, могутъ ли служить поводомъ къ соблазну? кто станетъ подражать безумному? Если бы кто, падая въ грѣхъ, сталъ бы ссылаться на примѣръ св. юродиваго, то едва ли кто бы ему повѣрилъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему онъ беретъ въ примѣръ одного юродиваго? ясно, что причина и корень зла въ самомъ человѣкѣ, въ его дурной настроенности, при которой для него всюду соблазнъ. Но

---

[8]) Руков. къ духовн. жизни, преп. отцевъ Варсонуфія Велик. и Іоанна. Москва. 1883 г., стр. 530—531. [9]) Лк. XVII, 2. [10]) 1 Кор. VIII, 9.

они, могутъ намъ возразить, подавали поводъ къ осужденію себя? Дѣйствительно, св. юродивые были постояннымъ предметомъ насмѣшекъ и поношенія. Справедливо и то, что поводомъ къ этому служили странные ихъ поступки. Но виновны ли въ этомъ св. юродивые? Они казались лишенными ума; но какое правило ума при обращеніи съ такими несчастными? не насмѣхаться, но скорбѣть о нихъ повелѣваетъ долгъ человѣколюбія; не презирать ихъ долженъ христіанинъ, но молить Господа, чтобы Онъ просвѣтилъ умъ этихъ несчастливцевъ, въ которыхъ страждетъ человѣческая природа; не издѣваться надъ ними, но въ глубокомъ смиреніи повергаться предъ Господомъ, чтобы Онъ не подвергъ насъ подобному несчастію. Послѣ этого для кого св. юродивые могутъ быть предметомъ соблазна? Очевидно для тѣхъ, въ комъ совершенно утратилось чувство человѣколюбія, такіе люди вовсе не стоятъ того, чтобы изъ за нихъ осуждать „юродство“.

Кто искушается отъ своея похоти, въ комъ владычествуетъ грѣхъ, для того вездѣ искушенія, тотъ всегда грѣшитъ не потому, что поводъ къ грѣху приходитъ отвнѣ, но потому, что въ немъ самомъ живетъ грѣхъ. Да если бы св. юродивые и сняли съ себя покровъ безумія, то прекратился ли бы для нечестивцевъ поводъ къ соблазну? напротивъ, еще увеличился бы. Открытое благочестіе также не сносно для нечестія и разврата, какъ свѣтъ солнечный нестерпимъ для больного глаза. Поэтому, если бы св. юродивые въ полномъ свѣтѣ представили міру свои добродѣтели, то для нечестивыхъ сдѣлались бы еще большимъ камнемъ преткновенія. Кто изъ святыхъ Божіихъ, открыто свѣтившихъ на свѣщницѣ міра, не былъ поносимъ и преслѣдуемъ отъ грѣшнаго и развращеннаго міра? Если же кто и послѣ этого хочетъ видѣть въ жизни св. юродивыхъ поводъ къ соблазну для другихъ, тотъ пусть вспомнитъ, что св. юродивые всегда молили Господа, чтобы Онъ простилъ невѣдѣніе поносившихъ ихъ, а иногда, когда то находили нужнымъ, и сами вразумляли соблазнявшихся ихъ поведеніемъ.

Такъ, когда нѣкій протокомитъ близъ Емессы видѣлъ св. юродиваго Симеона, носимаго блудницей на плечахъ, погоняемой сзади другою блудницею ремнемъ, пришелъ въ смущеніе отъ этого, то св. юродивый разсѣялъ его мысли такъ: „ударивъ его въ лице, откры одежду свою, и показавъ не стыдяся тѣло свое умерщвленное, сказа предъ нимъ глаголаше: здѣ ли взыгранію быти помышляеши, окаянне“ [11]). Итакъ, для тѣхъ, которые считали св. юродивыхъ безумными, поступки ихъ не могли служить поводомъ къ соблазну.

Но, вѣдь, могли соблазняться тѣ, которые понимали св. юродивыхъ и считали ихъ святыми. Эти люди могли видѣть причину отступленія св. юродивыхъ отъ нѣкоторыхъ постановленій св. церкви и дѣйствительно видѣли. Такъ, діаконъ емесскій Іоаннъ, понимавшій св. Симеона, понялъ также и то, почему онъ однажды съ жадностью ѣлъ бобъ (послѣ 40-дневнаго поста) или рано утромъ въ виду всѣхъ въ великій четвергъ принималъ пищу [12]).

Значитъ для благонастроеннаго человѣка св. юродивый никогда не могъ быть камнемъ преткновенія; хорошій человѣкъ всегда съ сочувствіемъ долженъ отнестись къ бѣдственному положенію своего собрата, если онъ и не пойметъ его образа жизни и поведенія. „Чистымъ вся чиста“ [13]), невѣрнымъ же, преданнымъ страстямъ, грѣхолюбивымъ и оскверненнымъ все кажется нечистымъ и все ихъ влечетъ къ грѣху: пища, питіе, одежда, мѣсто, время, лицо, дѣйствіе, бесѣда, взглядъ, осязаніе, обоняніе, вкусъ, слухъ, видъ, движеніе и все ихъ вызываетъ на беззаконіе“, говоритъ преп. Нилъ подвижникъ“ [14]).

Видоизмѣнимъ разбираемое недоумѣніе относительно „юродства“: не лучше ли было бы угодившему Богу, не принимая такого опаснаго подвига, жить благочестиво въ обществѣ и, такимъ образомъ, оказывать лишь одно положительное вліяніе на него, не будучи хотя бы косвеннымъ соблазномъ для другихъ?

---

[11]) Чет. Мин. 21 іюля, л. 150. [12]) Тамъ же. [13]) Тит. 1, 15. [14]) Христ. чт. 1844 г. ч. IV, стр. 56.

Но, во-первыхъ, подвигъ „юродства“ есть подвигъ для избранныхъ и принимается подъ воздѣйствіемъ божественной благодати. Надо имѣть въ виду, что на этотъ подвигъ вступали мужи нравственной зрѣлости; одни изъ подвижниковъ приготовлялись къ нему пустыническими подвигами (какъ напр. св. Симеонъ, прожившій до юродства въ пустынѣ 29 лѣтъ), иные шли спасать другихъ, приготовясь съ дѣтства къ смиренномудрію и къ созерцанію [15]), другіе руководились совѣтами духовныхъ своихъ отцевъ [16]). Прекрасную характеристику положенія св. юродивыхъ въ обществѣ можно усматривать въ словахъ св. Симеона новаго Богослова: „иже страхомъ Божіимъ ходитъ, сей съ мужи лукавыми обращаяся не боится, страхъ его внутрь имѣя, и нося необоримое вѣры оружіе, съ ними же возможетъ и можетъ вся творити, и яже мнятся многимъ неудобна и невозможна. Но яко-же нѣкій исполинъ посредѣ — обезьянъ или, левъ, рыкающій посредѣ псовъ и лисовъ пребываяй, уповаетъ на Господа: и твердостію мудрованія уязвляетъ ихъ, и устрашаетъ смыслы ихъ, яко жезлъ желѣзный, премудрое наводя слово [17]).

Во-вторыхъ, безъ того, чтобы не быть предметомъ соблазна для кого либо и въ чемъ либо, нельзя обойтись и живя благочестиво. Лица, составляющія общество, всегда слишкомъ различны во взглядахъ, вкусахъ и по степени умственнаго и нравственнаго развитія, такъ что при такомъ различіи цѣнителей многіе добрые поступки однимъ могутъ казаться не благоразумными и, слѣдовательно, не произведутъ на нихъ желаемаго воздѣйствія, а другими будутъ истолкованы даже въ дурную сторону. Не слѣдуетъ еще забывать и того, что злоба и зависть не только не изгнаны изъ міра, но даже и не обезсилены по сравненію съ прежними временами. Исторія можетъ убѣдить въ этомъ.

---

[15]) Св. Николай Кочановъ „весьма изъ млада сердце свое яви горящимъ Богу и выну пребываше въ помышленіи о Бозѣ, Ковал., стр. 185. [16]) Такъ, затворникъ Иринархъ, благословляя св. Іоанна Большого Колпака на подвигъ „юродства“ и давъ ему совѣтъ носить желѣзные кресты, сказалъ ему пророчески; „дастъ тебѣ Богъ поучать людей отъ востока до запада, наполнять землю учениками, отводить людей отъ пьянства; Ковалев., стр. 235. [17]) Добротол. § 52, л. 57 об.

Возьмемъ самое крупное изъ нея: чистѣйшая и святѣйшая жизнь Спасителя, Его безпримѣрные поступки, исполненное одной правдой ученіе, вліяли, толковались, вліяютъ и толкуются на протяженіи уже девятнадцати слишкомъ вѣковъ далеко неодинаково и часто превратно!

Но не лучше ли, возникаетъ опять недоразумѣніе, жить человѣку такъ, чтобы дѣятельность его и угодна была Богу и вмѣстѣ съ тѣмъ сообразна съ настоящею земною жизнію,—съ положеніемъ его въ обществѣ? Но никто не можетъ и не имѣетъ права назначать другому образъ жизни, чтобы онъ тѣмъ, а не другимъ путемъ достигалъ спасенія. Силы у людей различны, и всякій лучше самъ знаетъ свои силы, нежели кто нибудь другой; поэтому, всякій самъ лучше можетъ опредѣлить для себя и образъ дѣятельности, нежели кто другой.

По крайней мѣрѣ, никто не имѣетъ права упрекать другого въ томъ, что онъ избралъ тотъ, а не иной путь спасенія, которое совершается, надо еще замѣтить, не однѣми силами человѣка, но и содѣйствіемъ благодати, и тамъ, гдѣ дѣйствуетъ благодать, наставляя человѣка на всѣхъ путяхъ его жизни, тамъ разсчеты ума должны умолкнуть.

Далѣе, недоумѣніе относительно „юродства“ носитъ чисто юридическій характеръ. Профессоръ Голубинскій въ своей исторіи русской церкви [18]) высказываетъ такое мнѣніе: „юродство по отношенію къ монахамъ, строго говоря, противоканоническій подвигъ, ибо юродствовать можно только въ міру, а монахъ неисходно долженъ пребывать въ монастырѣ“.

Такой взглядъ можетъ высказываться только тогда, когда имѣется въ виду одна внѣшняя сторона „юродства“ и совершенно опускается внутренній смыслъ подвига. Но изъ предыдущихъ разсужденій можно видѣть, что хотя св. юродивые жили въ міру, но они были одиноки не менѣе, чѣмъ монахи. Для другихъ людей они казались не тѣмъ,

---

[18]) Стр. 547.

чѣмъ были на самомъ дѣлѣ—окружающіе ихъ не всѣ понимали. Монашество и духовное созерцаніе св. юродивыхъ продолжалось и среди міра. „Въ мірѣ живый безмолвствовалъ, яко въ пустыни; въ народѣ пребывая, яко въ кающихся обители“, говорится въ житіи св. Василія блаженнаго. Тоже самое можно сказать и относительно всѣхъ св. юродивыхъ.

Преосв. митрополитъ Макарій въ своей церковной исторіи говоритъ, что „юродство“ поражало общество не столько внутреннимъ значеніемъ своимъ, сколько внѣшнимъ видомъ [19]). Вѣрнѣе думать, что народъ любилъ св. юродивыхъ за то, что они были носителями и выразителями правды Божіей и за то, что они несли тяготу народа на себѣ.

Вѣдь и Грозный изъ уваженія къ св. Василію блаженному несъ его гробъ на своихъ плечахъ, на что указываетъ преосвященный историкъ [20]) не потому, что поражался внѣшнею стороною „юродства“ св. Василія, а потому, что тотъ своими прямыми обличеніями пробуждалъ совѣсть Грознаго царя и побуждалъ его одуматься.

Извѣстно изъ его житія, что когда св. Василій обличилъ Грознаго въ его намѣреніяхъ о постройкѣ дворца на Воробьевыхъ горахъ, то царь съ тѣхъ поръ „нача вельми чтити“ св. юродиваго.

Наконецъ, „юродство“ на первый взглядъ имѣетъ сходство съ цинизмомъ. Въ жизни св. юродивыхъ мы замѣчаемъ: суровый постъ, наготу, пріютъ—гноища и кучи мусора. То же самое по внѣшности находимъ и въ жизни циниковъ [21]). Антисѳенъ ходилъ въ поношенномъ плащѣ, съ сумою и посохомъ; щеголяя своею бѣдностію, отказывалъ себѣ во всякой пищѣ, кромѣ самой суровой. Діогенъ ограничивалъ свои желанія самымъ необходимымъ; ѣлъ мало, сырую или грубую пищу; вся его одежда состояла изъ плаща, сложеннаго вдвое; сума и огромный посохъ

---

[19]) Истор. русск. церкви т. VIII. СПБ. 1877 г., стр. 324—325. [20]) Тамъ же. [21]) Вѣра и разумъ 1891 г. II, стр. 97—121, стат. проф. Ѳ. Зеленогорскаго: „циники“ (психологическій, моральный и соціальный этюдъ).

дополняли его нарядъ; спалъ онъ въ своей знаменитой бочкѣ; ѣлъ при всѣхъ, а также публично совершалъ свои отправленія, которыя совершаются скрытно; словомъ, онъ намѣренно оскорблялъ всѣ житейскія приличія. Такимъ образомъ, пріемы въ жизни св. юродивыхъ и циниковъ, повидимому, были одинаковы, но только повидимому. Велика разница между ними, если обратить вниманіе на исходную точку и мотивы тѣхъ и другихъ. Намѣренныя оскорбленія и нарушенія житейскихъ правилъ у циниковъ вытекали изъ презрѣнія къ окружающему міру и изъ личной гордости. Типичнымъ съ этой стороны является слѣдующій случай изъ жизни Діогена. Платонъ, устроивъ однажды пиръ для друзей, не пригласилъ на него Діогена. Во время самаго пира является Діогенъ въ своемъ обычномъ странномъ нарядѣ и, топча грязными босыми ногами богатый коверъ, говоритъ: „такъ я попираю гордость Платона". „Еще съ большею гордостію", замѣтилъ Платонъ. Не такъ поступали св. юродивые. Когда св. Николая Кочанова, пришедшаго по приглашенію новгородскаго вельможи на обѣдъ къ нему, избили слуги и изругали, онъ, „видѣвъ, яко не отъ своея воли се творятъ, но учими діаволомъ, терпяше съ радостью, благодаря и хваля Бога [22]). Св. Исидоръ Твердисловъ, когда ему не далъ пить слуга княжескаго двора и выгналъ его вонъ и когда князь, узнавъ о случившемся, послалъ за св. юродивымъ и спросилъ его: „что нужно сдѣлать съ этимъ негодяемъ?", то св. Исидоръ все простилъ служителю и безъ ропота вышелъ изъ дому. Значитъ, у древнихъ циниковъ за странными поступками скрывались гордость и эгоизмъ, а у св. юродивыхъ—смиреніе и любовь. Далѣе, въ достиженіи безстрастія между циниками и св. юродивыми замѣчается громадное различіе. Св. юродивые, какъ мы уже говорили объ этомъ, стремились достигнуть безстрастія путемъ непрерывныхъ аскетическихъ самолишеній, а циники думали, что существуетъ лишь два дѣйствительнѣйшихъ средства

---

[22]) Новг. еп. вѣд. № 14, 1898 г., стр. 864.

противъ сладострастія: голодъ и веревка. Это же ученіе встрѣчается въ ученіи стоиковъ и буддистовъ. Разумѣется, поступающіе такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы развязать узелъ, разсѣкаютъ его; вмѣсто того, чтобы найти путь къ добродѣтели, самую добродѣтель укладываютъ въ гробъ.

Наконецъ, и энциклопедическій словарь, составленный учеными и литераторами въ 1861 г. имѣетъ о св. юродивыхъ неправильное понятіе, и совсѣмъ ихъ не чтитъ, уподобляя ихъ помѣшаннымъ странствующимъ дервишамъ-абдалямъ [23]), какіе бываютъ у персіянъ и въ Индіи. По ученію персидскаго суфизма или мистицизма, абдали, въ числѣ 400, составляютъ второй разрядъ святыхъ, и на каждую эпоху считается 7 абдалей, представителей 7 земныхъ поясовъ [24]). Можетъ ли подобное подраздѣленіе имѣть хоть тѣнь сходства съ „юродствомъ“!

Прославленіе Богомъ св. юродивыхъ ясно доказываетъ, что „юродство“ Христа ради пріятно Богу и слѣдовательно, спасительно; но эта важность „юродства“ въ дѣлѣ спасенія еще яснѣе откроется тогда, когда глубже вникнемъ въ существо „юродства“, какъ высшаго рода самоотверженія, гдѣ св. юродивые отрѣшались отъ той стороны ума, подъ вліяніемъ которой устраняется дѣятельность человѣка, какъ существа чувственнаго, какъ обитателя міра чувственнаго. При помощи выясненія сути самоотверженія, мы можемъ опредѣлить значеніе „юродства“, какъ проявленія самаго высшаго самоотверженія. Что такое самоотверженіе? оно есть такое состояніе человѣка, при которомъ онъ добровольно отвергается отъ всего, что въ немъ есть отъ естества и отъ ветхой жизни и отъ самой своей личности. Отсюда, значитъ, оно простирается, на все плотское въ человѣкѣ: всѣ побужденія, ощущенія, желанія, удовольствія, привязанности, корень которыхъ въ плоти и которыя проникнуты и заражены грѣхомъ, должны въ человѣкѣ какъ бы престать и умереть, такъ чтобы плоть нисколько

---

[23]) Абдаль-отшельникъ. [24]) Словарь, СПБ. 1861 г., стр. 41.

не стѣсняла и не подавляла духа, а жила только имъ и ради его; 2) на все душевное: человѣку должно отказаться и ни во что вмѣнить свой естественный разумъ со всѣмъ его мудрованіемъ, со всѣмъ знаніемъ, со всѣми началами и законами, сдѣлаться буіимъ Христа ради и признать себя ничего незнающимъ и немогущимъ знать своими силами, а воспринять вмѣсто того разумъ Христовъ и плѣнить себя совершенно въ послушаніе евангелію, должно отречься отъ своей воли и отъ всѣхъ ея естественныхъ побужденій, хотѣній, привычекъ, пристрастій, ни во что вмѣнить самыя свои совершенства и добродѣтели и волею своею сдѣлать законъ Христовъ, должно отвергнуться отъ своего сердца со всѣмъ тѣмъ, что оно любитъ по естественному побужденію, къ чему стремится, чѣмъ услаждается и все его устремить къ единому Іисусу Христу, въ Немъ только и для Него любя и другіе предметы; 3) наконецъ, на самую личность: человѣку должно забыть себя, ничего не дѣлать для себя, а напротивъ, во всемъ видѣть и искать одного Іисуса Христа, все дѣлать ради Его и въ угожденіе Ему.

Можетъ быть, повидимому, такое самоотверженіе и не возможно и не должно быть такъ понимаемо, но въ такомъ то именно видѣ оно вполнѣ и осуществлено св. юродивыми. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что безъ такого самоотверженія нѣтъ истиннаго христіанства, такъ какъ христіанская жизнь есть, вѣдь, не наша собственная жизнь, а жизнь Христова, жизнь Духа Божія въ насъ; слѣдовательно, она не иначе можетъ привиться, какъ только тогда, когда природа и личность наши уступятъ ей свое мѣсто и, такимъ образомъ, ничто собственно наше, ничто ветхое и естественное не будетъ ей препятствовать, и дѣятельность наша вездѣ будетъ проистекать не изъ естества, а отъ Іисуса Христа и благодати Св. Духа. Иначе же, чтобы человѣкъ ни дѣлалъ, какъ бы ни старался исправлять свою жизнь и украшать ее добрыми дѣлами, если все это будетъ происходить отъ насъ самихъ, отъ нашего ума, отъ нашей воли, будетъ походить на новый платъ, пришиваемый къ ветхой одеждѣ, по слову Христа Спасителя, послѣ

чего только горшая дира будетъ [25]), или же на вино новое, вливаемое въ мѣхи ветхи, или же на прекрасные плоды, привѣшанные на ниткѣ къ безплодному дереву, а не выросшіе изъ его корня. Священное писаніе несомнѣнно предписываетъ самоотверженіе во всемъ строгомъ смыслѣ этого слова.

Іисусъ Христосъ учитъ: „аще кто хощетъ по мнѣ ити, да отвержется себе“ [26]) и далѣе указываетъ погубленіе души, какъ непремѣнное условіе къ обрѣтенію или спасенію ея. Въ другомъ мѣстѣ Христосъ говоритъ, что предъ любовью къ Нему должна уступать всякая естественная привязанность къ чему бы то ни было [27]) И еще: „аминь, аминь глаголю вамъ, аще зерно пшенично, падъ на землю, не умретъ, то едино пребываетъ: аще же умретъ, многъ плодъ принесетъ. Любяй душу свою погубитъ ю, и не навидяй души своея въ мірѣ семъ, въ животъ вѣчный сохранитъ ю“ [28]).

Также и собственнымъ Своимъ примѣромъ Іисусъ Христосъ показалъ, что надлежитъ непремѣнно умереть, чтобы воскреснуть. Св. апостолъ Павелъ говоритъ, что Христосъ за всѣхъ умре для того, да живущіи не ктому себе живутъ, но умершему за насъ и воскресшему [29]), и о себѣ утверждаетъ, что онъ не самъ живетъ, но живетъ въ немъ Христосъ [30]); что внутренній человѣкъ обновляется въ немъ по мѣрѣ истлѣнія внѣшняго [31]); что онъ вмѣнилъ тщету и уметы быти не только всѣ свои пріобрѣтенія и преимущества, но и самую непорочность по правдѣ законной, и всѣмъ отщетился, да Христа пріобрящетъ [32]). Въ другихъ мѣстахъ своихъ посланій жизнь христіанскую онъ называетъ подобіемъ и пріобщеніемъ страданій Христовыхъ, сраспятіемъ съ Іисусомъ Христомъ, крещеніемъ въ смерть Его, спогребеніемъ Ему, и такое распятіе и смерть съ Спасителемъ поставляетъ непремѣннымъ признакомъ хри-

---

[25]) Мѳ. IX, 16, 17. [26]) Мѳ. XVI, 24, 25, Мр. VIII, 34. [27]) Мѳ. X, 37—39. [28]) Іоанн. XII, 24, 25. [29]) 2 Кор. V, 15. [30]) Гал. II, 19. [31]) 2 Кор. XIV, 16. [32]) Филипп. III, 3.

стіанства: „иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми [35]).

Само собою разумѣется, что самоотверженіе въ такомъ смыслѣ не вдругъ пріобрѣтается и мы знаемъ, что св. юродивые умирали мало по малу для міра, постепенно порабощая тѣло духу, по слову апостола [34]). Такимъ образомъ, самоотверженіе есть смерть ветхой человѣческой природы, но не есть потеря личности, совершенное уничтоженіе природы. Напротивъ, самоотверженіе возвращаетъ человѣку власть надъ самимъ собою, дѣлаетъ его свободнымъ, такъ какъ самоотверженный человѣкъ, становится выше всего, его окружающаго, выше даже самого себя, ни къ чему на землѣ онъ не влечется и ни къ чему не привязывается, и поэтому, по духу своему является свободнымъ.

Въ чемъ же выражается духовная свобода самоотверженнаго человѣка?

Такъ какъ эгоизмъ владѣетъ чувственною природою человѣка посредствомъ плотскихъ удовольствій и наслажденій, то духовная свобода силою самоотверженія прежде всего возвышается надъ человѣкомъ, побѣждая похоть плоти [35]).

Эгоизмъ держитъ волю человѣка въ цѣпяхъ, скованныхъ, такъ сказать, изъ сокровищъ и благъ міра, самоотверженіе расторгаетъ эти цѣпи, и человѣкъ, разрывая связь сердца съ земными сокровищами, разсуждаетъ такъ съ апостоломъ: „ничтоже внесохомъ въ міръ сей явѣ, яко ниже изнести что можемъ: имѣюще же пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ“ [36]).

Эгоизмъ увлекаетъ многихъ приманкою почестей и славы, самоотверженіе доставляетъ плѣнникамъ этимъ свободу, увлекая ихъ къ почести вышняго званія [37]). Эгоизмъ основываетъ свое величіе въ умѣ человѣка на умственныхъ отличіяхъ, самоотверженіе, ставя это величіе ни во что, ничего болѣе знать не хочетъ, точію Іисуса Христа [38]). Эго-

[33]) Гал. V, 24; VI, 24; Рим. VI, 3—11; VII, 4, 6; VIII, 13; 2 Кор. IV, 10, 11; Колос. II, 11, 12; XX, 3; 2 Тимоѳ. II, 11, 12. [34]) 1 Кор. IX, 27. [35]) 1 Петр. II, 11. [36]) Тим. VI, 7, 8. [37]) Филипп. III, 4—8, 14. [38]) 1 Кор. II, 2.

измъ извращаетъ въ сердцѣ человѣка и самую естественную любовь къ жизни, поставивъ цѣлію настоящей жизни эту же самую жизнь, самоотверженіе разрушаетъ этотъ оплотъ эгоизма, поставляя цѣлію жизни и смерти человѣка Христа Спасителя, потому что самоотверженный возвышается до такой свободы духа, что и самая жизнь нисколько не привязываетъ его къ себѣ и что ему и „еже жити Христосъ; и еже умрети, пріобрѣтеніе“ [39]).

Такое именно христіанское самоотверженіе мы и видимъ въ подвигѣ „юродства“. Оно въ немъ является не столько внѣшнимъ, сколько внутреннимъ, состоящимъ въ отсѣченіи отъ сердца нечистыхъ помысловъ и страстей. Но внутреннее самоотверженіе само собою вызываетъ внѣшнее, а чаще внѣшнее самоотверженіе производитъ внутреннее; такъ въ жизни всѣхъ св. подвижниковъ, а въ частности, св. юродивыхъ, мы замѣчаемъ, что они всегда почти восходили къ внутреннему самоотверженію чрезъ внѣшнее, хотя одно внѣшнее самоотверженіе безъ внутренняго не составляетъ истиннаго самоотверженія и не производитъ духовной свободы, которая побуждаетъ самоотверженно спасать другихъ отъ зноя и холода (св. Серапіонъ), помогать бѣднымъ, полагать душу свою за спасеніе падшихъ и пр. и пр.

Далѣе, „юродство“ есть родъ высшей степени самообладанія. Вѣдь, св. юродивые, достигая высшихъ ступеней нравственнаго развитія, не были тутъ навсегда гарантированы отъ преобладанія страстей низшихъ надъ высшими требованіями нравственнаго закона [40]): и здѣсь то имъ пришлось проявить во всей своей силѣ самоуправленіе. Прежде всего, живя въ міру, они естественно — могли согрѣшать мыслію. Значитъ, и первымъ проявленіемъ самообладанія св. юродивыхъ было надлежащее управленіе своими мыслями, умомъ. Кто научится здраво, спасительно мыслить, тотъ возьметъ верхъ надъ низшими страстями плоти, и

[39]) Филипп. I, 21. [40]) Св. Исаакій Печерскій, возмечтавшій о своей святости, поклонился до земли діаволу, явившемуся въ образѣ Іисуса Христа; Кіево-Печ. Патер. 14 февр.

христіанскія мысли своею чистотою могутъ прогонять тѣ унизительныя и развращающія мысли, которымъ люди часто любятъ предаваться и отъ которыхъ часто нравственно гибнутъ. Надо полагать, что и чистота отношеній, полнѣйшее безстрастіе св. юродивыхъ (напр. св. Симеона) было проявленіемъ ихъ свѣтлыхъ мыслей. Чистотою мыслей (св. Симеонъ въ женской банѣ) они отгоняли отъ себя всякія плотскія пожеланія, и умъ ихъ не разбѣгался по распутіямъ міра.

Наконецъ, если мы обратимъ вниманіе на употребленіе ума и на его значеніе во внѣшней жизни, гдѣ онъ является силою, которая чрезъ сообщеніе другимъ нашихъ мыслей и чувствованій въ словѣ, сближаетъ насъ съ ними и соединяетъ, то смѣло можемъ признать „юродство“ съ этой стороны подвигомъ безпримѣрнаго самоотверженія, отказаться отъ ума для внѣшней жизни, значитъ отвергнуться всего себя, оставить почти одно имя человѣка, прервать обыкновенный союзъ съ ближними, закрыть свою душу отъ всѣхъ и каждаго, осудить себя на перенесеніе отъ нихъ всего, что обыкновенно бываетъ слѣдствіемъ безумія,—это значитъ осудить себя на всѣ лишенія, не имѣть нужнаго для поддержанія внѣшняго своего бытія—пищи для пропитанія, одежды для прикрытія наготы, жилища для пріюта. Проводя жизнь въ обществѣ, св. юродивые были не менѣе одиноки, какъ и живущіе въ дикихъ пустыняхъ, ихъ души, исполненныя высокими, святыми чувствами, съ обѣтомъ „юродства“ до конца жизни, большею частію, закрыты для всѣхъ и каждаго. Не каждому изъ нихъ случалось въ продолженіи цѣлой жизни найти человѣка, которому бы можно или должно было сказать нѣсколько словъ, могущихъ дать понятіе, что онъ не тотъ, какимъ его считаютъ, что онъ знаетъ Бога, знаетъ присныхъ о Христѣ братій и молится за нихъ. Чтобы имѣть такую силу самообладанія, какую мы замѣчаемъ въ „юродствѣ“, для этого необходимо самопознаніе, требующее того, чтобы человѣкъ, отвлекая свой взглядъ отъ внѣшнихъ предметовъ, обращался къ себѣ и замѣчалъ въ своей природѣ всѣ,

представляющіяся ему общія или частныя, существенныя или случайныя, хорошія или худыя свойства.

Самопознаніе было непрерывнымъ дѣломъ цѣлой жизни св. юродивыхъ. Они съ неослабною бдительностію наблюдали за каждымъ проявленіемъ своей мысли, внимательно слѣдили за самыми тайными своими чувствованіями и желаніями и силою Божіей благодати, призываемой молитвою и самоотверженіемъ, прозорливо предотвращали даже малѣйшее поползновеніе своей природы къ нарушенію небесной правды, внушаемой начертаннымъ въ человѣкѣ закономъ духа и гласно проповѣдуемой въ словѣ Божіемъ. Самопознаніе св. юродивыхъ не только благотворно было для нихъ самихъ, но имѣло еще обширнѣйшее и благодѣтельнѣйшее вліяніе на самое окружавшее ихъ общество. Оно обуздывало въ немъ порывы эгоистическаго самомнѣнія, сообщало ему прекрасный характеръ христіанской скромности и сдержанности и располагало его къ жизни мѣрной и равной, къ дѣятельности строгой и обдуманной, къ основательности во всѣхъ его предначинаніяхъ. Такимъ образомъ, чрезъ самоотверженіе въ „юродствѣ“ происходило отложеніе или совлеченіе ветхаго человѣка съ дѣяньми его [41]), измѣненіе грѣховнаго образа мыслей, желаній, чувствованій и дѣйствій, совершенное исправленіе своей жизни и осуществленіе евангельскихъ добродѣтелей, совокупность которыхъ составляетъ святость.

Въ заключеніе I-ой части сочиненія, очень кратко коснемся современнаго „юродства“.

Въ настоящее время въ рѣдкомъ городѣ нельзя не встрѣтить лицъ мужскаго и женскаго пола, которыя своимъ образомъ жизни, своими поступками, вообще своимъ поведеніемъ напоминаютъ прославленныхъ св. церковію Христа ради юродивыхъ, потому и извѣстны въ народѣ также подъ именами юродивыхъ, Божіихъ людей, или просто подъ своими уменьшительными именами; Иванушка, Антонушка, Павлуша, Петруша, Маша, Аннушка, Дарьюшка и

---

41) Ефес. IV, 22.

т. п. Ихъ нерѣдко можно видѣть на улицахъ, а всего болѣе они витаютъ около храмовъ Божіихъ, ходятъ босые въ худыхъ рубищахъ, съ растрепанными волосами, съ посохами въ рукахъ, обвѣшанные различными побрякушками, четками, веревочками и т. п. Своими словами, замѣчаніями и разными странными поступками вызываютъ они у однихъ улыбку, у другихъ насмѣшку, у иныхъ отвращеніе. Такъ какъ подобные люди не причиняютъ никому существеннаго зла, и своимъ поведеніемъ, выходящимъ изъ обыкновеннаго порядка жизни, не производятъ замѣтныхъ безпорядковъ, то и остаются большею частію безъ присмотра и наблюденія. Гдѣ они имѣютъ пристанища, чѣмъ питаются, до этого многимъ нѣтъ дѣла; только сердобольныя вдовы, набожныя старыя барыни, особенно купчихи, даютъ имъ у себя пріютъ и столъ, и въ сладость слушаютъ ихъ наставленія.

Таковъ былъ въ 60 годахъ прошлаго столѣтія въ Муромѣ нѣкто Антоній. Жилъ онъ въ тѣсной кельѣ, рѣдко являлся въ храмѣ, а больше нигдѣ. Волосы носилъ длинные, въ безпорядкѣ разбросанные, такъ что они закрывали все его лицо. Въ храмѣ становился онъ всегда на одномъ мѣстѣ и ни на кого изъ присутствующихъ не обращалъ вниманія. Въ народѣ пользовался большимъ уваженіемъ. Такого рода Божьи люди живутъ обыкновенно въ тѣсныхъ келійкахъ, построенныхъ усердствующими, имѣютъ при себѣ послушника или послушницу, которые докладываютъ о приходящихъ и принимаютъ отъ нихъ приношеніе. Образъ жизни этихъ затворниковъ большею частію мало извѣстенъ, потому что рѣдко они выходятъ изъ своего постояннаго затвора, а при посѣтителяхъ ведутъ себя вообще осторожно. Въ бесѣдѣ съ посѣтителемъ они не словоохотливы; впрочемъ у иныхъ въ этомъ отношеніи замѣчается нѣкоторая разборчивость,—съ одними изъ посѣтителей говорятъ больше, съ другими очень мало; весьма нерѣдко эта разборчивость опредѣляется званіемъ и состояніемъ приходящихъ, еще чаще—различными приношеніями. Малыя приношенія удостоиваются краткихъ отвѣтовъ, а иногда и никакихъ

не удостоиваются; большія же приношенія встрѣчаютъ радушный пріемъ и обильную рѣчь; только рѣчь эта всегда иносказательна, загадочна, представляется въ различныхъ притчахъ, такъ что слушатели сначала большею частію не понимаютъ сказаннаго, а потомъ уже сказанное прилагаютъ къ тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ своей жизни, желая истолковать загадочныя слова юродивыхъ.

Первое основаніе уваженія и довѣрія къ юродивымъ заключается въ томъ, что въ нашемъ народѣ живо преданіе о святыхъ, прославленныхъ церковію, извѣстныхъ именемъ юродивыхъ или блаженныхъ. Очень многіе изъ простолюдиновъ, даже неграмотныхъ, знаютъ житіе и подвиги св. Андрея юродиваго, Василія блаженнаго и пр. и потому, когда замѣчаютъ что либо подобное въ жизни и дѣйствіяхъ теперь появляющихся юродивыхъ и блаженныхъ, тотчасъ переносятъ на нихъ свои готовыя представленія и думаютъ видѣть въ этихъ лицахъ такихъ же точно блаженныхъ, каковы были св. Андрей и др. Послѣ этого, естественно, обращаются къ нимъ, какъ людямъ, особенно угоднымъ Богу, во всякомъ поступкѣ и словѣ ихъ думаютъ видѣть что либо необычайное, пророческое. Если юродивый посѣтитъ домъ, почитаютъ это великимъ счастіемъ; если даже изругаетъ, и то принимаютъ съ благоговѣніемъ. Съ другой стороны, причина уваженія и довѣрія ко всякаго рода юродивымъ заключается въ особомъ характерѣ этихъ лицъ, которыя принимаютъ ихъ. Это люди съ религіознымъ настроеніемъ, но не имѣющіе ясныхъ и твердыхъ понятій о религіи, съ мягкимъ и добрымъ сердцемъ, способные подчиняться вліянію всякаго, въ комъ только видятъ что-нибудь особенное, выходящее изъ круга обыкновенныхъ явленій въ религіозномъ отношеніи; это по преимуществу женщины и простой народъ. Вѣра женщинъ, даже образованныхъ, тѣмъ болѣе вѣра простого народа—тепла, искренна: но она не имѣетъ въ нихъ самыхъ твердыхъ нравственныхъ опоръ, не освящена ясными понятіями о божественномъ промыслѣ, о силѣ благодати, о значеніи молитвъ церкви, особенно приношенія безкровной жертвы и о дру-

гихъ религіозныхъ истинахъ, которыя могутъ служить руководствомъ, отрадою и утѣшеніемъ во всѣхъ случаяхъ жизни; потому то люди съ подобнымъ характеромъ вѣры большею частію суевѣрны, легкомысленны, безразлично довѣрчивы и, по своей безотчетной религіозности, почитаютъ святымъ дѣломъ ухаживать безъ разбору за всякими странниками и юродивыми и въ сладость слушаютъ ихъ наставленія, почитаютъ для себя великимъ счастіемъ, если эти люди оказываютъ какое либо вниманіе къ ихъ усердію и нравственнымъ ихъ нуждамъ. Кто глубоко проникнутъ истиннымъ христіанскимъ духомъ, имѣетъ твердыя нравственныя убѣжденія, достаточно знакомъ съ истинами вѣры и требованіями церкви, тотъ, въ случаѣ какихъ либо недоумѣній или тревогъ совѣсти, въ себѣ самомъ, въ своихъ убѣжденіяхъ найдетъ источникъ успокоенія и ободренія; если этого недостаточно, поспѣшитъ за разрѣшеніемъ своихъ недоумѣній, туда, гдѣ есть истинное и всегда готовое разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ совѣсти и нравственной жизни, т. е. къ церкви, къ ея пастырямъ и учителямъ. Напротивъ, кто и въ себѣ самомъ не имѣетъ твердыхъ нравственныхъ опоръ и не знаетъ, гдѣ найти ихъ, кто въ простотѣ сердца способенъ вѣрить всякому внушенію, лишь бы оно носило характеръ религіозности, особенно, если исходитъ изъ устъ людей, кажущихся необыкновенными, похожими на чрезвычайныхъ посланниковъ Божіихъ, каковыми считаются мнимо юродивые, тотъ естественно обращается къ подобнымъ лицамъ и ввѣряетъ имъ всю свою душу.

Наконецъ, одною не изъ послѣднихъ, а, можетъ быть, и изъ первыхъ причинъ уваженія и довѣрія къ мнимо-юродивымъ и блаженнымъ можно почесть то, что пастыри церкви мало обращаютъ вниманія какъ на самихъ мнимо-юродивыхъ, такъ и на нравственное состояніе своихъ пасомыхъ. Все знакомство пастыря съ нравственными потребностями пасомыхъ ограничивается по большей части одною исповѣдію, а послѣ того ему мало нужды, насколько совѣты его оправдываются дѣломъ; онъ и не заботится о томъ, чтобы пасомые во всякой душевной нуждѣ, при каждомъ недо-

умѣніи совѣсти обращались къ нему за совѣтомъ и вразумленіемъ, Такая отдаленность пастыря отъ своихъ пасомыхъ и побуждаетъ послѣднихъ со своими духовными нуждами обращаться къ лицамъ постороннимъ, помимо своихъ пастырей, и стоитъ только человѣку высказать какое-либо знаніе случайныхъ обстоятельствъ изъ семейной жизни (а знаніе это пріобрѣтается весьма легко—сами же приходящіе разсказываютъ, что случается у другихъ) заинтересовать загадочною рѣчью, явить себя въ своемъ образѣ жизни и дѣйствіяхъ не похожимъ на всѣхъ,—онъ войдетъ въ славу и не отобьется отъ приходящихъ за совѣтами. При близости мнимо-юродивыхъ къ простому народу, при безцеремонности ихъ обращенія, которое нравится простолюдинамъ, загадочность и таинственность рѣчи особенно привлекаетъ къ нимъ слушателей. Пройди только юродивый мимо смиренной, задумавшейся богомолки. скажи ей какъ бы мимоходомъ неопредѣленное замѣчаніе въ родѣ слѣдующаго: „затопила баба печку, а дымъ то такъ клубомъ, клубомъ и пошелъ“. Или: „поѣхалъ мужикъ за дровами, наложилъ большой возъ, везъ его, да и не доѣхалъ“. Какъ смутится бѣдная, услышавши такое замѣчаніе! ей непремѣнно представится, что въ домѣ не все благополучно, или съ ней какое-либо случится несчастіе, и послѣ она сама уже будетъ искать случая встрѣтиться съ Божіимъ человѣкомъ, съ тѣмъ, чтобы услышать отъ него что-либо опредѣленное.

Пастырь церкви и долженъ слѣдить за всякимъ особеннымъ явленіемъ въ жизни своихъ пасомыхъ, и дѣйствія юродивыхъ повѣрять сказаніями о прославленныхъ святыхъ и всѣми мѣрами стараться узнавать о нравственномъ качествѣ самихъ юродивыхъ. Поставляя себя въ близкое отношеніе къ своимъ пасомымъ, которые не будутъ чувствовать никакого стѣсненія или затрудненія, когда откроется надобность обратиться къ своему духовному отцу,—заявляя предъ ними полную готовность помогать и содѣйствовать имъ въ духовныхъ нуждахъ, когда бы они не обратились къ нему,—пастырь тѣмъ самымъ уже устранитъ мысль о потребности учителей, прямымъ образомъ не призванныхъ

къ этому дѣлу, и пасомые не будутъ имѣтъ надобности искать себѣ совѣтниковъ и руководителей помимо тѣхъ, которые благодатію Божіею призваны и посвящены на это служеніе.

Часть II.

ГЛАВА I.

Предварительныя свѣдѣнія о св. столпникахъ и о „столпничествѣ".

Названіе столпниковъ (στυλῖται, κιονῖται, columnares) въ церкви христіанской дано не многимъ пустынникамъ, подвизавшимся на столпахъ. Къ числу ихъ относятся:

1) Св. Симеонъ, сирійскій пустынникъ (1 Сент.), о которомъ, какъ о первомъ столпникѣ, повѣствуетъ блаж. Ѳеодоритъ; родиною св. Симеона было селеніе Сисаны Киликійской области; отца его звали Сусотіанъ, а мать—Марѳа; относительно времени стоянія его на столпѣ историки разногласятъ: нѣкоторые говорятъ, что св. Симеонъ подвизался на столпѣ 47 лѣтъ, другіе — 40, а иные — 80 лѣтъ; первыя мнѣнія не вѣрны. Извѣстно, что св. Симеонъ жилъ всего 103 года: на 12 году вступилъ въ монастырь, а на 18-мъ постригся въ монахи, и вскорѣ удалился на гору близъ села Таланиссы; черезъ 3 года потомъ взошелъ онъ на столпъ, на которомъ оставался до конца своей жизни, слѣдовательно 80 лѣтъ, какъ говорится въ книгѣ „обѣдъ душевный" въ 1-мъ словѣ, въ нед. 2-ю по святомъ Духѣ, на л. 123. Невѣрность произошла, вѣроятно, отъ того, что первыя свѣдѣнія основаны на свидѣтельствѣ блаж. Ѳеодорита и др. писателей, не дожившихъ до кончины св. Симеона, умершаго въ царствованіе Льва Великаго въ 459 г. [1]). Въ прологѣ

[1]) По свидѣтельству Кедрина.

помѣщены: „слово отъ Лимониса о Минѣ діаконѣ, иже иде въ міръ, свергъ иноческій образъ, и паки отъ св. Симеона облеченъ въ него, и спасеся“, „чудо о пресвитерѣ“ и „чудо о друзѣмъ пресвитерѣ“ [2]). О подвигахъ св. Симеона повѣствуютъ его ученики: Антоній и Косьма [3]).

2) Св. Даніилъ (11 декабря) родомъ изъ Месопотаміи, но не изъ села Виѳара, — между Тигромъ и Евфратомъ, близъ города Самосаты, какъ говорится въ Четіихъ Минеяхъ, а изъ Мараѳа, какъ сказано въ патрологіи Миня [4]); родителей его звали Илія и Марѳа; подробное житіе св. Даніила находится у Симеона Метафраста. Хронологическія показанія и подробное раскрытіе различныхъ обстоятельствъ жизни св. Даніила столпника въ метафрастовомъ сказаніи ведутъ къ предположенію, что оно заимствовано изъ современнаго источника, а можетъ быть, изъ житія святаго Даніила, извѣстнаго по рукописямъ и составленнаго современникомъ и отчасти очевидцемъ [5]). Святый Іоаннъ Дамаскинъ въ 3-мъ словѣ объ иконахъ ссылается на житіе св. Даніила, по свидѣтельству Баронія и Еводія Ассемани. Ѳеодоръ чтецъ говоритъ о св. Даніилѣ, что онъ, пришедши изъ монастыря Симеонова (перваго столпника), восшелъ на столпъ въ Анаплѣ, что онъ возсталъ противъ царя Василиска, отвергнувшаго указомъ Халкидонскій (IV) соборъ [6]). Св. Даніилъ жилъ 80 л. и 3 мѣс. по сказанію св. Димитрія Ростовскаго. Годъ смерти его опредѣляется различно: Вершинскій (въ своемъ мѣсяцесловѣ) показываетъ 489 г., а Штадлеръ 490 г.

3) Св. Іоаннъ и

4) Св. Симеонъ Дивногорецъ, называемый младшимъ (24 декабря). Онъ родился въ царствованіе Юстина I въ 521 г. въ Антіохіи, столицѣ Сиріи. О жизни св. Симеона Дивногорца, попутно съ которой описываются и подвиги св. столпника Іоанна, его современника,—повѣствуетъ Ева-

---

[2]) Л. 2 и 3. [3]) Патрологія Филарета, архіеп. Черниговск. т. III, § 191 стр. 8; св. Димитрій Ростовскій, Горскаго, стр. 133—134; Петровъ о происхожден. и сост. пролога, стр. 33. [4]) Мѣсяцесловъ Востока, Сергій, архіеп. Владим. 1901 г. Владиміръ II т. Замѣтки, стр. 500. [5]) Горскій, св. Димитрій Ростовскій. Москва. 1849 г., стр. 149. [6]) Мѣсяцесловъ Востока, стр. 500, II т. Замѣтки.

грій, очевидецъ, часто посѣщавшій св. столпника на его столпѣ. Полная его жизнь была написана Аркадіемъ, епископомъ Кипрскимъ (630—638). Твореніе это теперь потеряно, но его зналъ препод. Іоаннъ Дамаскинъ, ссылавшійся на него во 2-мъ словѣ объ иконахъ и достовѣрность его засвидѣтельствовалъ VII вселенскій соборъ въ 4 засѣданіи, по сказанію котораго, св. Дивногорецъ совершилъ 132 чуда. Сказаніе о подвигахъ и чудесахъ его заимствуютъ изъ сочиненія Никифора, магистра Антіохіи, по прозванію Οὐρανός, жившаго при императорѣ Василіи II (976—1025), которое представляетъ собою риторическую обработку перваго житія и изъ βίος ἐν συντόμῳ, имѣющагося въ одномъ спискѣ парижской національной библіотеки и, наконецъ, изъ житія, написаннаго Іоанномъ Петринымъ (XI в.), воспользовавшимся пространнымъ сказаніемъ Никифора Урана (X в.). Въ мученическихъ актахъ помѣщено нѣсколько отрывковъ изъ устныхъ бесѣдъ св. Дивногорца, который извѣстенъ еще и какъ творецъ церковныхъ пѣснопѣній [7]) и посланія къ императору Юстиніану, читаннаго на засѣданіяхъ VII всел. собора [8]). Сохранились также письма его, посланныя со столпа къ императору Юстиніану и Юстину II и касающіяся возникшихъ въ то время ересей несторіанъ и самаритянъ. Кромѣ того онъ сочинилъ рядъ аскетическихъ статей. Приписывается ему и уцѣлѣвшій апокалипсисъ, но здѣсь авторство св. Симеона сомнительно, хотя это откровеніе уже въ VII в. упоминается, какъ его сочиненіе [9]). Умеръ св. Симеонъ въ 596 г.

5) Антоній—столпникъ Марткопскій. Антоній Марткопскій принадлежалъ къ числу 13 сирскихъ или каппадокійскихъ отцевъ, прибывшихъ въ Грузію въ VI в. Ученикъ св. Іоанна, инокъ Антоній, благовѣствовалъ Христа сперва около Зедазнійской горы, въ Кахетіи, затѣмъ поселился въ Лопатанскомъ ущельѣ и тутъ за рѣкою Алазаною устроилъ

---

[7]) О чемъ есть изслѣдованіе г. Попадопуло-Керамевса въ Визант. Врем. за 1894 г. „Симонъ Θавмасторитъ, какъ пѣснописецъ и составитель церковныхъ мелодій“, стр. 141—150. [8]) Виз. Врем. 1899 г. отд. II, стр. 538—542. [9]) Виз. Врем. 1899 г. отд. III, стр. 537—538.

для своихъ учениковъ монастырь, наконецъ, удалился въ лѣсную и непроходимую гору Акріанскую, гдѣ также основалъ монастырь Марткопскій; водворивъ въ этой обители чинъ и порядокъ среди братіи, преп. Антоній на сосѣднемъ высокомъ утесѣ Марткопской горы устроилъ для себя каменный столпъ съ церковью во имя Симеона столпника и провелъ здѣсь послѣдніе 15 лѣтъ своей жизни. Подъ руководствомъ св. Іоанна Зедазнели онъ просвѣщалъ народъ свѣтомъ христіанскаго знанія и водворилъ здѣсь истинное подвижничество [10]).

6) Св. Алипій (26 ноября) родился въ Адріанополѣ пафлагонитскомъ при импер. Ираклiи (610 — 641). Житіе его описано Метафрастомъ, который пользовался жизнеописаніемъ, составленнымъ однимъ изъ его учениковъ и помѣщеннымъ у Сурія подъ 26-мъ ноября. Что житіе св. Алипія писано ближайшимъ его ученикомъ и соотечественникомъ, это ясно видно изъ слѣдующаго: описывая возвращеніе св. Алипія въ отечество, въ Адріанополь, откуда онъ удалился было искать болѣе удобнаго мѣста для своихъ подвиговъ, біографъ говоритъ: „Богу угодно было явить намъ такую милость, что Онъ даровалъ спасительный плодъ тому самому городу, въ которомъ онъ возросъ". Жизнеописатель и прямо называетъ его своимъ отцомъ, а себя отраслью его сада, хотя и позднею. Въ концѣ житія онъ обращается къ святому съ воззваніемъ и молитъ его: „призри на насъ и сжалься надъ нами, которыхъ ты собралъ и оставилъ сиротами и пр.". Словомъ, все жизнеописаніе проникнуто благоговѣйнымъ чувствомъ ученика, съ которымъ недавно обращался святый столпникъ [11]). Св. Алипій стоялъ на столпѣ 53 года и умеръ 118 лѣтъ.

7) Св. Ѳеодосій Эдесскій (конца VIII в. и начала IX в.), упоминаемый въ житіи св. Ѳеодора Эдесскаго (9 іюля); стоялъ на столпѣ болѣе 50 лѣтъ.

---

[10]) Епископъ Кирiонъ. Жизнь и подвиги преп. Антонія столпника, чудотворца Марткопскаго. Тифлисъ; стр. 16. 1899 г. [11]) Горскій, св. Димитрій Ростов. стр. 146.

8) Св. Лука халкидонскій, новый столпникъ (11 декабря). Онъ воевалъ съ болгарами при греческихъ царяхъ Романѣ I (917 — 944) и Константинѣ Багрянородномъ (912—959), а послѣ того 50 лѣтъ подвизался въ монашествѣ. Годъ смерти его падаетъ на 970—980. Дѣло въ томъ, что съ греками воевалъ и едва не сокрушилъ греческую имперію Симеонъ, царь Болгарскій (896—927); послѣ него съ греками былъ миръ; слѣдовательно, кончина св. Луки была между 970 — 980 г., а такъ какъ описанная въ прологѣ битва его была въ 917 году, то, значитъ, вѣрнѣе кончину св. Луки полагать около 970 г. [12]).

9) Св. Никита (24 мая), уроженецъ г. Переяславля Залѣсскаго, жилъ въ XII вѣкѣ. Житіе св. столпника Никиты помѣщается въ рукописномъ житіи, хранящемся въ Переяславскомъ Никитскомъ монастырѣ. Краткое извлеченіе изъ него сдѣлано въ прологѣ подъ 24 мая и въ книгѣ магистра богословія іеромонаха Іосафа: „краткія свѣдѣнія о св. угодникахъ Божіихъ и мѣстно чтимыхъ подвижникахъ благочестія, коихъ св. мощи почиваютъ въ церквахъ Владимірской епархіи. Владиміръ, 1860 г., стр. 81. А. Кадлубовскій, разсматривая происхожденіе и литературную исторію житія св. Никиты Переяславскаго столпника въ Филологическомъ вѣстникѣ за 1898 г. [13]), говоритъ, что оно составлено подъ вліяніемъ греческаго житія св. великомученика Никиты. Св. столпникъ Никита былъ убитъ ворами съ цѣлію грабежа въ 1186 г. по Калайдовичу [14]), а по историческому словарю въ 1189 г. [15]). Едва ли св. Никита былъ убитъ своими учениками, какъ думаетъ г. Толстой въ своемъ описаніи (стр. 87), такъ какъ ученики знали, вѣроятно, — какія носилъ онъ вериги — серебряныя или желѣзныя, да и были ли у него ученики?

10) Св. Кириллъ Туровскій, жившій въ одно время съ Никитою Переяславскимъ; но онъ не можетъ быть названъ столпникомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ называются осталь-

---

[12]) Полн. Мѣсяц. Востока, стр. 381 и замѣтки II т., стр. 500, 501. [13]) № 3 и 4, стр. 118 и сл. [14]) Пред. къ памятн. россійск. словесн. XII в., стр. XXII. Москва. 1821 г. [15]) Стр. 180.

ные. Св. Кириллъ имѣлъ обыкновеніе только по временамъ заключаться въ узкую башню и стоять въ ней по нѣсколько дней.

11) Св. Савва Вишерскій (1 окт.), сынъ боярина Ивана Васильевича Борозды (изъ Твери), родился въ 1381 г. въ г. Кашинѣ. По сказанію краткой лѣтописи монастырской [16]), онъ самъ построилъ свой монастырь съ деревянною церковію по благословенію Симеона, архіепископа Новгородскаго въ 1417 г., „при великомъ князѣ Василіи Димитріевичѣ. Толстой, основываясь на новгородской лѣтописи, гдѣ надъ 6926 г. записано: „поставили четыре церкви древянныхъ... Вознесенія Христова въ Савинѣ пустынѣ у Саввы Вишерскаго", утверждаетъ, что воздвигнутъ храмъ былъ въ 1418 г.: онъ вѣроятно имѣетъ въ виду окончаніе храма — освященіе его [17]). Св. Савва въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ церкви [18]) создалъ для себя столпъ, на которомъ имѣлъ обыкновеніе стоять всю недѣлю, сходя съ него въ субботу къ братіи. Житіе св. Саввы писано Пахоміемъ Логоѳетомъ и не въ 1460 — 1461 годахъ, когда Пахомій жилъ у архіепископа Іоны въ Новгородѣ, а въ 1464 году [19]). Годъ смерти св. Саввы Вишерскаго падаетъ на 1460 г.

12) Св. Симеонъ, третій столпникъ (26 іюля). По извѣстію мѣсяцеслова преосв. Сергія онъ упоминается въ минеяхъ XI в. и ему имѣется канонъ съ акростихомъ: „τοὺς αὐταδέλφους", т. е. и его брату Георгію. Преосвящ. Сергій полагаетъ, что здѣсь имѣется въ виду киликійскій столпникъ, убіенный молніею въ VI вѣкѣ, хотя нѣкоторые желаютъ видѣть въ воспоминаніи „св. Симеона въ пещерѣ, въ оградѣ", 1-го столпника [20]). Имя этого столпника упоминается въ пѣснопѣніяхъ сырной субботы [21]).

---

[16]) Іеромонаха Алексія, стр. 1. [17]) Святыни и древности Новгорода Великаго 1860 г., стр. 220. [18]) По Толстому—близъ обители, стр. 220. [19]) Древне-русск. жит. св., какъ истор. источникъ. М. 1871 г. Ключевскій, стр. 123, 157. [20]) Мѣсяцесловъ Востока. Владиміръ. 1901 г. т. II, стр. 123 и 534 и замѣтки, стр. 286. [21]) Кайдаловъ упоминаетъ еще о Даніилѣ столпникѣ, подвизавшемся въ Ануфріевѣ-Тропневѣ монастырѣ (выписки изъ святцевъ конца XVII в.) и преосв. Сергій о Лукѣ, стоявшемъ на столпѣ въ Евтропіевѣ монастырѣ, Новгор. губ. (стр. 569.) Они не канонизованы.

На Западѣ, сколько извѣстно, „столпничество“ не привилось. Григорій Турскій въ своей исторіи франковъ повѣствуетъ: когда одинъ отшельникъ, вѣроятно, Вульфляйхъ, по примѣру восточныхъ столпниковъ, устроилъ себѣ столпъ близъ Трира, въ Арденскихъ горахъ, то Галльскіе епископы взглянули на это не благосклонно и приказали столпъ разрушить [22]).

На востокѣ же подвиги стоянія на столпѣ ради благочестія встрѣчаются еще ранѣе IV вѣка. Св. Ефремъ Сиринъ въ 29 поученіи къ египетскимъ монахамъ говоритъ, что онъ видѣлъ человѣка, который ради добродѣтели стоялъ на столпѣ. Продолжались подвиги столпничества, по свидѣтельству Никиты Хоніата, до XII вѣка, а въ Россіи до половины XV вѣка. Древность „столпничества“ подтверждаетъ св. Григорій Назіанзинъ (IV в.). Онъ говоритъ: „нѣкто, о чудо! цѣлые годы стоитъ на священномъ мѣстѣ, простирая честныя руки и не спитъ, превращенный въ живой камень Христомъ“, и дальше: „на божественной горѣ, съ коей, претерпѣвшій страданія, вознесся Христосъ, когда оставилъ сей міръ, стоитъ поражаемый снѣжной мятелью и вѣтромъ, нѣкій человѣкъ, не смущаемый ни мыслью, ни рѣчью“. Въ житіи Павла Латросскаго говорится, что „онъ, вышедъ изъ монастыря, при чемъ благочестивый Димитрій, не противился разлукѣ, возвратился быстрыми шагами къ горѣ Латросу. Тамъ онъ, воспѣвая псалмы Давида, обошелъ всѣ пещеры и вершины. Встрѣтивъ одного монаха, по имени Аѳанасія, онъ просилъ его соорудить ему, вблизи лавры Спасителя, столпъ для того, чтобы не только отъ людей удалиться на него, но чтобы и тѣломъ желать приблизиться къ небесамъ. Аѳанасій указалъ ему другой столпъ нерукотворный; это была весьма высокая скала, достигавшая до облаковъ“. Изъ приведеннаго разсказа видно, что подвигъ непрестаннаго стоянія на ровномъ мѣстѣ не удовлетворялъ еще нѣкоторыхъ подвижниковъ; они, желая усугубить его, восходили на вершины высокихъ скалъ и,

---

[22]) Семеновъ. Житіе св. Дивногорца по Мюнхенской рукописи, стр. 6. Кіевъ, 1898 г.

стоя тамъ на молитвѣ, присоединяли къ тягостямъ неустаннаго стоянія и неусыпнаго бдѣнія еще тягость непрерывнаго вниманія, дабы не слетѣть въ пропасть. Но такъ какъ не повсюду встрѣчались природныя скалы, то нѣкоторые подвижники искали подобіе ихъ въ столпахъ, оставшихся отъ древнихъ разрушенныхъ зданій, или же сами строили столпы, на которыхъ и спасались. Въ VI и VII в. по Р. Хр. число столпниковъ было столь значительно, особенно въ Сиріи, что Византійская имперія признала ихъ закономъ за особое сословіе въ государствѣ [23]).

Въ XIII и XIV в., какъ видѣли, „столпничество" на Востокѣ уменьшается и быстро исчезаетъ. По мнѣнію г. Семенова такое быстрое исчезновеніе „столпничества" на Востокѣ произошло отъ измѣненія всего государственнаго и общественнаго строя въ Сиріи и Палестинѣ [24]), гдѣ преимущественно и встрѣчались столпники, послѣ того какъ тамъ утвердились фанатически преслѣдующіе христіанство турки [25]).

Митрополитъ Евстаѳій Солунскій упоминаетъ о какихъ-то подвижникахъ деревлянахъ (δενδροκομούμενοι, οἱ ἐπὶ τῶν δένδρων — подвизающіеся на деревьяхъ). По мнѣнію проф. Голубинскаго эти деревляне представляли собою видъ столпниковъ, которые вмѣсто столповъ подвизались въ стояніи на деревьяхъ, устраивая, разумѣется, подмостки [26]).

Столпническая жизнь составляетъ рѣдкое явленіе въ церкви христіанской и какъ такое оно возбуждаетъ сомнѣнія въ своей цѣлесообразности. Но сомнѣнія эти происходятъ лишь отъ поверхностнаго знакомства съ такимъ оригинальнымъ явленіемъ. Чтобы правильно судить объ извѣстныхъ дѣйствіяхъ человѣка, надобно знать его побужденія и цѣли и разсмотрѣть ихъ въ отношеніи къ природѣ человѣка и духу вѣры. Если эту мѣрку мы приложимъ къ явленію „столпничества", то найдемъ, что оно есть одно

---

[23]) А. Ѳ. Семеновъ. Житіе св. Дивногорца. Кіевъ, 1898 г., стр. 4. [24]) Въ другихъ странахъ, кромѣ Сиріи и Палестины, столпники были рѣдки. Объ нихъ упоминаютъ еще на Аѳонѣ и на Синаѣ. [25]) Тамъ же, стр. 5. [26]) Истор. церкв. Москва. 1881 г. т. I гл. VI, стр. 549, прим. 3-е.

изъ благодѣяній божественнаго промысла для церкви, особенно благотворныхъ тогда, когда общественная жизнь не сообразовалась съ началами жизни христіанской. Оно показывало образецъ благочестивой жизни; ревнителямъ же высшаго совершенства, предписываемаго евангеліемъ, раскрывало обширное поприще для подвиговъ самоумерщвленія. „Столпничество“, такимъ образомъ, представляло новый видъ добровольнаго мученичества и возникло-то оно какъ разъ тогда, когда прекратился подвигъ мученичества. Оно есть какъ бы продолженіе его. Что совершили св. мученики, то довершили св. столпники. Какъ страданіями и терпѣніемъ тѣхъ возбуждались вѣра и нравственность первенствующихъ христіанъ, такъ строгими аскетическими подвигами св. столпниковъ возбуждались къ благочестивой жизни вѣрующіе. Какъ твердость св. мучениковъ сокрушила силу язычества, такъ ревность св. столпниковъ разрушала идольскія капища. Какъ изъ радости, съ какою св. мученики шли на страданія, открывалась сила христіанства, такъ изъ готовности, съ какою св. столпники самоумерщвляли себя и отрекались отъ всѣхъ удовольствій плоти и міра, открывалась сила ученія Христова. Для своего времени св. столпники были тѣмъ же, чѣмъ были мученики въ первыя времена христіанства, т. е. живымъ свидѣтельствомъ святости Христовой вѣры, образцомъ чистѣйшей нравственности, побужденіемъ и подкрѣпленіемъ для колеблющихся орудіемъ обращенія для невѣрныхъ, о чемъ подробно будетъ рѣчь ниже.

Далѣе, отступленіе св. столпниковъ отъ обыкновенной подвижнической жизни, выразившееся въ стояніи на столпахъ, имѣло свой глубокій смыслъ и значеніе: „столпничество“ являлось противоположнымъ культомъ языческому почитанію горъ и холмовъ. Какимъ образомъ? Извѣстно, что „столпничество“ развилось въ Сиріи, а общей характеристикой сирійскаго подвижничества, по мнѣнію проф. Петрова, можетъ служить характеристика ветхозавѣтныхъ праведниковъ, данная апостоломъ Павломъ въ его посланіи къ Евреямъ, гдѣ онъ говоритъ, что ветхозавѣтные

праведники были побиваемы камнями, скитались въ милостяхъ и козьихъ кожахъ, терпя недостатки, скорби, озлобленія. Тѣ, которыхъ весь міръ былъ недостоинъ, скитались по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущеліямъ земли [27]); и сирійскіе подвижники въ подражаніе ветхозавѣтнымъ жили на горахъ, въ вертепахъ, въ „хлѣвинахъ“ до того узкихъ и тѣсныхъ, что въ нихъ можно было жить сгорбясь или лежа, нерѣдко оставались подъ открытымъ небомъ, подвергались зною и непогодѣ. Преподобный же Евсевій (18 Февр. Прологъ), не довольствуясь жизнію на горѣ, окружилъ себя каменною оградою [28]); здѣсь можно усматривать переходъ къ „столпничеству“. Сирійское подвижничество, значитъ, было какъ бы культомъ горъ; а „столпничество“, какъ одинъ изъ видовъ сирійскаго подвижничества, по нашему мнѣнію, представляло собою противоположность языческому религіозному культу горъ, горныхъ духовъ и исполиновъ. Такъ какъ высоты по своему назначенію имѣли непосредственное отношеніе къ священнымъ богослужебнымъ дѣйствіямъ, то онѣ, какъ богослужебныя мѣста, пользовались у язычниковъ большимъ уваженіемъ и любовью, чѣмъ какія-либо другія мѣста, не возвышавшіяся надъ землею. Причина этого понятна. У языческихъ народовъ особенное почтеніе къ высотамъ вызывалось ихъ взглядомъ на божество. Признавая своихъ боговъ за существа высшія всего земного, они старались и найти ихъ не на землѣ, а выше земли. Чрезъ совершеніе богослуженія на возвышенныхъ мѣстахъ, горахъ и холмахъ, высившихся къ небу, или впослѣдствіи на искусственныхъ возвышеніяхъ, язычники думали стать въ болѣе близкое отношеніе къ богамъ. Большимъ уваженіемъ у нихъ пользовались, поэтому, тѣ горы, гдѣ небо и земля какъ бы соприкасались. Эти горы имѣли значеніе мѣстопребыванія боговъ. Таково было значеніе горъ у арійскихъ народовъ: у грековъ почитался Олимпъ—гора боговъ, у Индійцевъ—Меру и пр. Религіозное почитаніе возвышенностей съ языческой почвы

[27]) XI, 37 и дал. [28]) Петровъ, о происхожд. и составѣ славяно-русск. печ. пролога, стр. 156.

перенесено было потомъ на почву истинной религіи, и на языческихъ высотахъ начало славиться имя Іеговы. Что еврейскія священныя горы прежде почитались язычниками это видно изъ указаній Библіи. Такъ, напр., на горѣ Синаѣ былъ культъ языческаго бога Сина. Названіе возвышенности Ваалъ-Ермонъ [29]) указываетъ на почитаніе тамъ Ваала; на горѣ Ермонъ нѣкогда стоялъ храмъ Ваала, какъ подтверждаютъ до нынѣ сохранившіеся на склонѣ горы и на южной ея вершинѣ обломки храма и свидѣтельство блаженнаго Іеронима. Сирійцы называли еврейскаго Бога Богомъ горъ [30]). Этотъ фактъ даетъ возможность видѣть, что у нихъ господствовало вѣрованіе въ то, что горы суть мѣста пребыванія боговъ, покровительствующихъ живущимъ подлѣ нихъ народамъ. Такое же представленіе о горахъ, какъ жилищахъ боговъ, имѣли и вавилоняне, что подтверждается словами пророка Исаіи о погибшемъ вавилонскомъ царѣ [31]). Въ свидѣтельствахъ внѣ библейскихъ [32]) можно находить указаніе на многія другія горы, не названныя въ ветхомъ завѣтѣ, но имѣвшія для язычниковъ священное значеніе, какъ мѣста пребыванія боговъ. Особенно цѣны въ этомъ отношеніи надписи набатейскія, гавранскія и свидѣтельства христіанскихъ и языческихъ писателей. Изъ нихъ открывается, какъ широко былъ развитъ культъ высотъ у язычниковъ [33]). Не былъ онъ чуждъ и евреевъ. Извѣстно, что онъ существовалъ особенно въ царствѣ израильскомъ и отъ первыхъ временъ судей и почти до самаго плѣна совершалось почитаніе Іеговы въ жертвахъ закланія и куренія, приносившихся на алтаряхъ, устраивавшихся большею частію на возвышенностяхъ и холмахъ. Высоты эти, по словамъ Евальда, были похожи на древне-ханаанитскія капища и состояли изъ высокаго каменнаго конуса (символа святости), изъ высоты въ собственномъ смыслѣ, изъ алтаря, священнаго дерева или рощи и изображенія отдѣльнаго божества. По мнѣнію Тенія

---

[29]) 1 Пар. V, 23; Суд. III, 3. [30]) 3 Цар. XX, 28. [31]) XIV, 13. [32]) Позднѣйшаго происхожденія. [33]) М. Пальмовъ. Идолопоклонство у древнихъ евреевъ. СПБ. 1897 г. гл. II, стр. 152, 176.

высота представляла огражденіе, огороженную площадь, священную ограду [34]). Этотъ то культъ высотъ и былъ положительнымъ идолопоклонствомъ у язычниковъ всѣхъ временъ. Понятно, что христіанскіе подвижники не могли быть равнодушными зрителями такого языческаго культа и не могли допускать дальнѣйшаго его существованія. И вотъ въ лицѣ св. столпниковъ они занимаютъ сначала, въ глазахъ язычниковъ высоты горъ и ущелья, а затѣмъ устраиваютъ столпы, напоминавшіе собою языческіе священные ограды и жертвенники, чтобы ниспровергнуть культъ идолопоклонства въ самомъ его центрѣ и замѣнить его христіанскимъ богопочтеніемъ.

Это подтверждается и разсказами изъ житій св. столпниковъ, поселявшихся часто въ идольскихъ капищахъ. Такъ, св. Алипій поселился именно въ идольскомъ капищѣ и построилъ потомъ на его мѣстѣ церковь въ честь св. мученицы Евѳиміи [35]). Св. Даніилъ тоже имѣлъ сначала пребываніе въ пустомъ идольскомъ храмѣ въ Филимпорѣ, а потомъ воздвигъ здѣсь столпъ [36]). Поселяясь на горахъ [37]), св. подвижники дѣлали ихъ мѣстомъ служенія истинному Богу, подобно тому, какъ въ ветхомъ завѣтѣ высоты, гдѣ совершались жертвоприношенія въ честь языческихъ боговъ, замѣнялись служеніемъ Іеговѣ.

Но кромѣ этой главной причины столпостоянія св. подвижниковъ тамъ, гдѣ раньше было служеніе идоламъ, имѣются еще и другія основанія къ отступленію св. столпниковъ отъ обыкновенной подвижнической жизни, которыя опредѣляются личными соображеніями подвижниковъ, а именно: стремленіе къ безмолвію, желаніе противоборствовать свободно діавольскимъ кознямъ, жажда смиренія и и умерщвленія плоти, а главное достиженіе богоуподобленія путемъ аскетическаго созерцанія. Но объ этомъ подробно поговоримъ ниже, теперь же не лишне высказать вотъ какое соображеніе относительно „столпничества“. Го-

---

[34]) Петровъ. О происх. слав.-русск. прол., стр. 157. [35]) Чет. мин. 26 ноября. [36]) Чет. мин. 11 дек. [37]) Св. Симеонъ младшій подвизался на Дивной горѣ, св. Симеонъ 1-ый тоже предъ столпостояніемъ обиталъ на горѣ.

ворятъ, что психологическихъ основаній къ столпостоянію не имѣется [38]), и мы не можемъ знать того, почему нѣкоторые св. подвижники спасались на столпахъ. Конечно, въ житіяхъ святыхъ столпниковъ не говорится опредѣленно, что по такой-то причинѣ святой взошелъ на столпъ, хотя указывается, что желаніе „безмолвнѣйшаго“ житія побуждало ихъ удаляться отъ общества и сооружать себѣ столпы [39]), но можно находить въ восшествіи на столпъ подвижниковъ и болѣе глубокій смыслъ.

Изъ исторіи извѣстно, что заключеніе на столпы или въ столпы служило нѣкогда наказаніемъ. Такъ, заключенъ былъ на столпъ царевичъ Іоасафъ; царевичъ Камаральзаманъ, не желавшій жениться по волѣ своего отца, былъ тоже заключенъ на столпъ [40]); св. мученицы: Варвара († 306 г.), Ирина [41]) при императорѣ Траянѣ и Христина († 300) при Діоклетіанѣ, тоже были заключены на столпъ [42]). Можно предположить, что св. столпники знали о фактахъ заключенія въ видѣ наказанія на столпы нѣкоторыхъ святыхъ; но даже если имъ и неизвѣстны были эти случаи, то по крайней мѣрѣ они знакомы были съ существовавшимъ тогда обычаемъ заключенія преступниковъ въ башни за извѣстныя провинности.

Отсюда можно сдѣлать вотъ какое вѣроятное предположеніе: столпники, живя на столпахъ, добровольно себя наказывали, какъ грѣшниковъ Божіихъ по способу, существовавшему въ странѣ въ отношеніи къ гражданскимъ преступникамъ.

Такимъ образомъ, св. столпники фактически выражали свою преступность противъ Бога и первымъ долгомъ своимъ очевидно, считали—поставить самихъ себя въ должныя границы и направить свои дѣйствія, чувства и мысли согласно съ закономъ Божіимъ, который нарушителей своихъ караетъ и заботится о томъ, чтобы быть въ состояніи

---

[38]) Семеновъ. Житіе св. Дивногорца, стр. 8. [39]) Въ житіи Дивногорца. [40]) А. Веселовскій, изъ истор. литературн. образ. востока и запада. 1872 г., стр. 160. [41]) Ученица св. апост. Тимофея († 300), при Діоклетіанѣ. [42]) Прологъ 4 дек., 5 мая и 24 іюля

исполнить свое назначеніе путемъ борьбы со зломъ. Рѣдкій преступникъ, отдѣленный отъ общества, не обращался къ своему я. Это и понятно по причинѣ его одиночества. Такъ и св. столпники, живя на столпѣ, какъ заключенные за грѣхи, естественно должны были заниматься собой и провѣдывать о своемъ внутреннемъ состояніи. Познаніе и изслѣдованіе самого себя скоро показывало имъ ту бездну, изъ которой исходятъ пороки и беззаконія. Увидѣвъ же въ себѣ эту бездну, извергающую изъ себя все скверное и нечистое, они, по понятной причинѣ, могли придти въ ужасъ, возчувствовать всю мерзость пороковъ и вмѣстѣ омерзеніе къ нимъ; признавая себя ужаснѣйшими грѣшниками, св. столпники начинали скорбѣть, презирать себя и осуждали себя добровольно на постоянное заключеніе на столпѣ. Въ качествѣ добровольныхъ узниковъ св. столпники имѣли естественное желаніе освободиться отъ тяжкаго рабства страстей, подобно тому, какъ преступники стремятся вырваться изъ темницы или башни на свѣтъ Божій и ощущали въ себѣ пламенное желаніе къ исправленію себя путемъ непрерывной аскетической борьбы со зломъ. Значитъ, св. столпники заключали себя на столпы въ качествѣ преступниковъ Божіихъ и представляли изъ себя въ дальнѣйшемъ стояніи борцовъ со зломъ.

Теперь нѣсколько словъ объ устройствѣ столповъ. Столпы дѣлались различнаго вида и высоты. Устроялась столпообразная башня στυλοειδες μικρὸν ἔγκλυστρον, ἐγκλειστήριος, τοῦλος, т. е. столпообразный малый затворъ, затворный столпъ съ балкономъ на верху [43]). Верхняя площадка столпа, на которой стоялъ подвижникъ, была весьма небольшая, на столпѣ св. Симеона I она, по вычисленію Вогюэ, едва равнялась одной квадратной сажени. Гиббонъ говоритъ, что, по словамъ Евагрія, площадка столпа имѣла окружность въ 3 фута (въ 2 локтя) [44]), но такой незначительный размѣръ противорѣчитъ и здравому смыслу, и фактамъ и правиламъ архитектуры. Глядя на нее снизу

---

[43]) Истор. русск. церк. Голубинскаго, т. I, 2 пол., стр. 547. Москва. 1881 г.
[44]) Истор. паденія рим. имперіи, стр. 135, прим. IV.

легко было впасть въ заблужденіе. Эта площадка иногда окружалась деревянною, досчатою, сплошною рѣшеткою (βαῦτης, μόδιος), изъ за которой видны были только голова и плечи подвижника, или же просто рѣшеткою (κιγκλίδες). Изображеніе подобныхъ столповъ можно видѣть на миніатюрахъ Кондакова [45]). Для защиты отъ солнечнаго зноя и непогоды устраивался иногда на столпахъ навѣсъ или даже родъ малой келліи, какъ можно предположить изъ выраженія ἐγκλειστήριος στῦλος. О существованіи навѣсовъ извѣстно изъ Четій-миней, гдѣ въ житіи св. Даніила столпника [46]) разсказывается о томъ, что ему былъ устроенъ навѣсъ надъ столпомъ императоромъ Львомъ; или въ житіи св. Алипія разсказывается, что онъ сбросилъ свой навѣсъ. Поднятіе на верхнюю площадку столпа возможно было только посредствомъ подъемной лѣстницы. Г. Семеновъ говоритъ, что столпникъ лѣстницу обыкновенно держалъ у себя на верху и спускалъ ее только въ крайнихъ случаяхъ, тогда, продолжаетъ онъ, они вовсе не имѣли никакихъ подъемныхъ лѣстницъ, а все необходимое для себя принимали по веревкѣ, спускавшейся внизъ на блокѣ [47]). Это невѣрно. Въ существованіи блока необходимо усомниться, такъ какъ едвали св. столпники, отказывавшіе себѣ во всемъ необходимомъ, могли пользоваться услугами блока для принятія на столпъ пищи. А что лѣстница для восхожденія на столпъ была снаружи, въ этомъ увѣряютъ насъ житія святыхъ. Такъ, когда св. Симеонъ I по повелѣнію посольства, присланнаго сирійскими епископами для изслѣдованія подвига святаго Симеона столпника, хотѣлъ сойти со столпа, то посланные не велѣли сходить ему [48]). Значитъ, они видѣли, какъ онъ вступалъ на лѣстницу; когда св. Даніила возвели въ санъ пресвитера, то была приставлена лѣстница къ столпу и туда вошелъ епископъ, или

[45]) Histoire de l'art bysantiné II, 102. [46]) Семеновъ. Житіе св. Дивногорца. стр. 5. [47]) Семеновъ, стр. 5. [48]) На столпѣ св. Симеона I была наверху дверь, вѣроятно, ведущая на лѣстницу: случися бо иногда открытымъ быти дверцамъ, и не малой части стѣны верхнія разсыпанной отъ ветхости, и доколѣ же стѣна и дверцы обновившася, бысть всѣми зримый святый не малое время". Чет. мин. Сент. 1, л. 7 об.

когда нѣкто Геласій разсердился на св. Даніила за столпостояніе въ его владѣніяхъ и велѣлъ ему сойти со столпа, и когда св. Даніилъ началъ сходить со столпа, то Геласій и народъ, видя его опухшія ноги и то затрудненіе, съ какимъ онъ прошелъ 6 ступеней, велѣлъ вернуться ему обратно. Можно предполагать, что и внутри столпа устраивалась лѣстница. Восхожденіе столпника на построенный столпъ совершалось съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ обрядовъ. Въ древнихъ рукописяхъ Ассемани сохранился полный чинъ такихъ восхожденій [49]).

Столпы воздвигали различной высоты. Такъ, первый столпъ св. Симеона I, на которомъ онъ стоялъ 4 года былъ въ 6 локтей (πήχεων), второй—въ 12 локтей, третій—въ 22 и четвертый, гдѣ онъ пребывалъ 20 лѣтъ, былъ вышиною въ 36 локтей, а по сказанію блаженнаго Ѳеодорита и другихъ историковъ, въ 40 локтей. Столпъ св. Даніила былъ вышиною въ два человѣческихъ роста. Столпъ св. Луки—новаго столпника—въ 12 локтей. Столпъ св. Симеона Дивногорца имѣлъ въ вышину 40 ступеней [50]).

Столпы воздвигали отчасти сами св. столпники или посторонніе. Св. Симеонъ I построилъ первый столпъ самъ, а остальные столпы были воздвигнуты его почитателями. Св. Даніилу построилъ первый столпъ другъ его Маркъ, а второй—Геласій, владѣлецъ той земли, гдѣ подвизался св. столпникъ; императоръ Левъ тоже создалъ столпъ и крышу надъ нимъ въ благодарность за полезную общественную дѣятельность св. Даніила. Св. Симеону Дивногорцу сначала былъ созданъ столпъ монахами, а потомъ—его почитателями.

Самое первое понятіе о подвигѣ „столпничества“ даетъ уже видѣть, что вся высота христіанскаго самоотверженія состояла и выражалась здѣсь по преимуществу во внѣшнихъ подвигахъ, въ борьбѣ св. столпниковъ съ внѣшними скорбями, которыя, по самому образу подвига, болѣе всего поражали ихъ тѣлесную природу. Въ самомъ дѣлѣ, что иное

---

[49]) Чет. мин. 1 сент. л. 5; 26 ноября п. 142 об.; 24 мая л. 158 об. Семеновъ, стр. 5. [50]) Тамъ же, 24 мая; л. 156 об.

были столпы для св. подвижниковъ, какъ не особаго рода кресты, на которыхъ они распинали плоть свою, подвергая ее всевозможнымъ лишеніямъ и жестокому вліянію воздушныхъ перемѣнъ. „Владыцѣ подобяся, на столпъ восшелъ еси, яко на крестъ: но Онъ рукописаніе всѣхъ растерза, ты же возстанія страстей растерзалъ еси: Онъ яко овча, ты же яко заколеніе; Онъ взыде на крестъ, ты же на столпъ“, поется въ стихирахъ св. Симеону I-му. Восходя на столпы и переходя постепенно съ низшихъ на высшіе, св. столпники, какъ бы по лѣстницѣ восходили отъ совершенства къ совершенству и, живя между небомъ и землей, „оныя устраняяся къ сему же приближаяся плотію и духомъ“, сообразно съ своимъ назначеніемъ стремиться къ высшему, духовному, невидимому, — они заблаговременно, такъ сказать, переносили туда и умъ свой и сердце. Вся жизнь ихъ служила постояннымъ оправданіемъ апостольскаго изреченія: „*елико внѣшній человѣкъ нашъ тлѣетъ, толико внутренній обновляется*“ [51]). Въ лицѣ ихъ духъ является торжествующимъ надъ плотію; все, что отъ плоти и крови, служило въ нихъ духу, — оттого всѣ аскетическіе подвиги св. столпники совершали какъ бы въ иномъ естествѣ. Въ лицѣ ихъ очищенная и возвышенная надъ всѣмъ дольнимъ духовная наша природа достигала такого совершенства, что еще здѣсь на землѣ, обнаруживала свое богоподобное величіе и дѣлалась способною къ ближайшему общенію съ самимъ Богомъ. Служеніе св. столпниковъ справедливо можно назвать предстояніемъ предъ Богомъ, разумѣя это предстояніе въ самомъ точномъ смыслѣ слова. Стоя между небомъ и землею они призывали Бога, славословили Его, отъ земли вознося ко Господу молитвы за всѣхъ, а съ неба низводя на людей Божіе благословеніе.

---

[51]) 2 Кор. IV, 16.

ГЛАВА II.

Особенныя дѣйствія благодати Божіей въ избраніи святыхъ столпниковъ на служеніе Богу.

Нельзя не остановиться съ благовѣйнымъ вниманіемъ при созерцаніи тѣхъ путей, которыми промыслъ Божій приготовлялъ св. столпниковъ въ наставники и руководители другихъ. Они проходили всѣ степени духовной жизни для того, чтобы изъ нихъ могли образоваться превосходные руководители душъ. Сначала они находились подъ руководствомъ домашнихъ, затѣмъ, старцевъ. Нѣкоторое время жили въ неизвѣстности, въ затворѣ для того, чтобы имѣть возможность безопасно образовать и усовершать себя. Испытывали искушенія, чтобы знать, какъ помочь другимъ бороться съ ними. Подвизались, непрестанно молясь, борясь, умерщвляя плоть для того, чтобы показать, что великое дѣло служенія спасенію душъ другихъ требуетъ приготовленія дѣятельнымъ, непрерывнымъ упражненіемъ въ добродѣтеляхъ и уединеніемъ, безъ которыхъ легко сдѣлаться жертвою неразумной и самонадѣянной ревности.

Итакъ, подготовка св. столпниковъ къ нравственному совершенству давалась имъ въ домашнемъ воспитаніи. „Отрокъ Симеонъ (1-ый) воспитывашеся не въ книжномъ наказаніи, но въ простотѣ и незлобіи: обаче Духа Божія премудрость и въ простыя вселятися обыче, и невѣжи избирати вѣсть, да посрамится вѣка сего мудрованіе“ [1]). Святаго Алипія воспитывала въ страсѣ Божіемъ вдовамать, проводившая жизнь „въ пощеніи и молитвахъ и возлагающи себе съ сыномъ на промыслъ Христа, Иже есть Отецъ сиротамъ и вдовицамъ; она роздала по смерти мужа все свое имѣніе и служила при церкви въ чинѣ діаконіссы [2]). Родители святаго Даніила желали его 5-лѣтнимъ оставить

---

[1]) Четьи минеи, л. 3 об. 1 сентября. [2]) Тамъ же, 26 ноября, л. 163.

въ монастырѣ, но по совѣту игумена взяли его обратно домой; когда же святый Даніилъ будучи 12 лѣтъ тайно ушелъ отъ родителей въ монастырь, то они, узнавъ объ этомъ, пришли къ игумену и просили его постричь ихъ сына въ монахи въ ихъ присутствіи [3]). Святый Симеонъ Дивногорецъ, испрошенный у Бога молитвами матери и посвященный Богу, въ отрочествѣ отличался незлобіемъ, кротостію и молчаніемъ [4]). Домашнее воспитаніе имѣло громадное значеніе для будущихъ подвижниковъ. Вотъ почему мать святаго Симеона Дивногорца получила (въ видѣніи) такое повелѣніе отъ Іоанна Предтечи: „подобаетъ тебѣ Симеона въ дѣтствѣ со всякимъ опасствомъ блюсти, яко сосудъ святъ быти имущаго на службу Господу Богу [5]). Руководимые Промысломъ Божіимъ, святые столпники свободно избирали себѣ путь шествія къ нравственному совершенству. Когда святый Даніилъ 12 лѣтній пришелъ самъ въ монастырь, то игуменъ долго не соглашался принять его, совѣтуя ему возвратиться къ родителямъ, но „егда не возможе отъ намѣренія его премѣнити и узрѣ въ немъ веліе къ Богу тщаніе и усердную любовь“, созвалъ монастырскую братію и совѣтовался съ нею—принять ли отрока Даніила въ монастырь или нѣтъ? братія, подивившись великодушію и постоянству и Божіе званіе въ немъ познающе, соизволиша пріяту тому въ сопребываніе ихъ быти“; и такимъ образомъ „отрокъ самъ себе введе на службу Богу“. Святый Симеонъ Дивногорецъ, водимый благодатію Божіею, самъ, будучи 6 лѣтъ, приходитъ въ Пильскій монастырь, гдѣ и поселяется на удивленіе братіи и игумена Іоанна столпника.

Такимъ образомъ видно, что святые столпники находились подъ особымъ дѣйствіемъ благодати Божіей, освятившей ихъ на службу Богу отъ чрева матери: „отъ корене благаго благій плодъ прозябе, отъ младенства святый Симеонъ 1-й благодатію паче неже млекомъ воспитанъ“, поется въ стихирахъ святому столпнику Симеону „отъ

---

[3]) Тамъ же, 11 декабря, л. 138. [4]) Тамъ же, 24 мая, л. 156. [5]) Тамъ же.

младыхъ ногтей подвижникъ изряденъ израслъ еси", прославляетъ въ канонѣ святая церковь святаго Дивногорца.

При помощи этой благодати св. столпники и достигали совершенства въ духовной жизни еще въ младенчествѣ [6]). Вѣдь начало и источникъ благодатной и духовной жизни не заключается въ самомъ человѣкѣ,—въ его разумѣ или волѣ, и природа человѣческая совершенно безсильна произвести сама изъ себя не только совершенство, но и зародышъ духовной жизни, а потому самоспасеніе для человѣка рѣшительно невозможно. Это очевидно само собою для здраваго разума и ясно открывается изъ опыта, такъ какъ если начала и физической жизни нѣтъ въ самомъ человѣкѣ и, вообще, изъ ничего ничто не можетъ быть само собою, и что въ произведеніи не можетъ быть болѣе, чѣмъ сколько есть въ причинѣ, равно какъ и въ природѣ неизмѣнный законъ такой, что каковъ корень, таковы и плоды, то какимъ образомъ духовная жизнь можетъ произойти въ плотскомъ человѣкѣ сама собою, новое возникнуть изъ ветхаго, доброе изъ злого, святое изъ грѣховнаго, живое изъ мертваго? Всѣ, вѣдь, примѣры обращенія грѣшниковъ на путь добродѣтелей, при всемъ своемъ разнообразіи, въ томъ имѣютъ сходство, что всѣ они совершались не собственными человѣческими силами, а постороннею, высшею силою, безъ которой [7]) никто никогда не могъ самъ собою исправить въ себѣ самаго малаго недостатка и преодолѣть самую легкую порочную склонность, а тѣмъ болѣе совершенно перемѣнить себя и сдѣлаться новымъ и духовнымъ человѣкомъ изъ ветхаго и плотскаго.

Въ священномъ Писаніи эта истина утверждается со всею силою [8]). Такъ какъ въ собственномъ существѣ человѣка нѣтъ сѣмени, начала и источника новой жизни, а есть только въ Іисусѣ Христѣ, то очевидно, что человѣкъ

---

[6]) Про св. Симеона Дивногорца житіе его говоритъ, что онъ отъ пеленъ спаспялся Христу. Извѣстно, что всѣ святые столпники (кромѣ св. Никиты, Саввы Вишерскаго, Кирилла Туровскаго, Алипія), начали аскетическіе подвиги самоумерщвленія съ юношескихъ лѣтъ. [7]) Что ясно увидимъ тогда, когда будетъ рѣчь объ обращеніи святаго столпника Никиты. [8]) Исаіи VIII, 20; Римл. VIII, 3, 7, 8; VII, 14—25; 1 Кор. XV, 55; Ефес. II, 8; Мѳ. VII, 16—18; Лк. XVII, 5; Іоанн. III, 6.

не только не можетъ произвести его самъ изъ себя, но даже и взять готовое, сохранить и произрастить не можетъ самъ собою, никакимъ усиліемъ своей воли и дѣятельности, то онъ нуждается въ посредствующей силѣ между собою и источникомъ духовной жизни Іисусомъ Христомъ. Сила эта, или благодать и усвояетъ человѣку жизнь Христову, зачиная, сохраняя и возращая её. Ей то Священное писаніе и приписываетъ главнымъ образомъ все дѣло духовной жизни въ человѣкѣ [9]). Благодать Божія, вселившись въ человѣка, проникаетъ всю его природу, всѣ силы его существа, всѣ движенія его духа и, многоразлично измѣняясь и преобразуясь въ немъ, всюду показываетъ свое благотворное вліяніе, все оживотворяетъ, освящаетъ, преобразуетъ по свойству жизни Христовой и, такимъ образомъ, мало-по-малу вноситъ въ человѣка новую жизнь.

Дѣйствіемъ благодати только и можно объяснить непреодолимое влеченіе святыхъ столпниковъ съ юныхъ лѣтъ къ Богу. Отъ ея дѣйствій въ умѣ ихъ были свѣтъ, истина и добрыя помышленія,—въ волѣ—благочестивое желаніе и намѣреніе служить Богу и въ сердцѣ—ощущеніе мира, радости и упованія.

Подъ вліяніемъ благодати Божіей св. столпники конечною цѣлію своей жизни полагали любовь къ Богу, высочайшей Истинѣ, Добру и Красотѣ и въ Немъ стремились найти совершенное удовлетвореніе потребностямъ своего сердца. Отсюда земные предметы уже по самой своей сущности, какъ предметы тлѣнные и скоропреходящіе, недостойны были того, чтобы имѣть къ нимъ пристрастіе.

Но любовь къ Богу есть, вѣдь, даръ Божій, который подается ищущимъ Его и способнымъ принять и сохранить его. Этой то божественной любовью и наполнено было сердце святыхъ столпниковъ, которые пріобрѣли ее при помощи благодати Божіей, а не могли воспринять ее однимъ своимъ дѣтскимъ размышленіемъ, одними собственными усиліями. Заложенныя въ ихъ души домашнимъ воспита-

[9]) Римл. III, 23, VIII, 14—16; 1 Кор. XII, 3; XV, 10; 2 Кор. III, 5; XII, 9; Галат. IV, 5, 6; Ефес. III, 16, 17; Тит. III, 5, 6; Іоанн. VI, 44.

ніемъ благія стремленія при помощи благодати Божіей, родились въ порывы, и они, несмотря на свои дѣтскіе годы, презираютъ уже міръ и вмѣняютъ ни во что земныя утѣхи, желая умереть для міра.

Святый Даніилъ „егда бѣ дванадесяти лѣтъ, изыде изъ дому отца своего, никомуже повѣдая о своемъ отшествіи и о намѣреніи: презрѣ бо уже Христа ради родителей своихъ, и отечество, и сродники, и други, и иде въ монастырь, иже бѣ двадесять стадій отъ возрастившія его веси“ [10]).

Святый Симеонъ Дивногорецъ 6 лѣтъ приходитъ въ Пильскій монастырь и черезъ годъ, постригшись въ монахи, восходитъ на столпъ [11]).

Эти факты краснорѣчиво говорятъ о томъ, что при помощи Божіей благодати, высшую цѣль стремленій этихъ юныхъ подвижниковъ составлялъ Богъ. Идея о Богѣ, внѣдренная въ сердце каждаго человѣка Самимъ Богомъ, Сотворившимъ человѣка по образу и по подобію Своему, не осталась безплодною въ душѣ святыхъ юныхъ подвижниковъ. Она стремилась выйти своимъ росткомъ вонъ.

Но это не все; при помощи благодати Божіей, святые юные подвижники своимъ дѣтскимъ сердцемъ чувствовали, что они должны воздать Богу отъ себя все, что у нихъ есть, а именно: умъ, сердце и слово, посвятить эти вещи Богу и непрестанно познавать Его, любить Его и молиться Ему.

Въ этомъ смыслѣ и можно понимать слова 12-лѣтняго Даніила, сказанныя имъ игумену того монастыря, куда онъ пришелъ на жительство: „азъ того ради пріидохъ сѣмо, да живу Христу, умру же міру, аще же ми отъ красныхъ тѣхъ иноческихъ трудовъ будетъ и умрети, то лучше есть, неже отъити тщу отсюду, и возложшу руку свою на рало, и зрящу вспять возвратитися“ [12]).

Такимъ образомъ, спасительная благодать Божія дѣйствовала въ святыхъ юныхъ подвижникахъ такъ, что разсѣявала воображаемую силу міра и воспламеняла ихъ

---

[10]) Четьи минеи. 11 декабря, л. 137 оборот. изданіе 1875 г. [11]) Четьи минеи, 24 мая, л. 156 об. [12]) Четьи минеи, декабря, л. 138.

ревностію о своемъ спасеніи, такъ что они оставляли все мірское и сразу порывали всякую связь съ міромъ.

Про святаго Симеона (I-го) разсказывается въ его житіи, какъ онъ, стоя въ одинъ воскресный день въ церкви и слыша чтеніе евангелія о блаженствахъ [13]), попросилъ одного старца разъяснить ему смыслъ этихъ словъ, и когда тотъ, „Духомъ Божіимъ наставленъ, отверзъ уста своя, на многъ часъ поучаше его, показуя путь къ нищетѣ духовнѣй, и чистотѣ, и любви Божіей и ко всему добродѣтельному житію на совершеніе ведущій", святый Симеонъ, выйдя изъ церкви, „не возвращаяся въ домъ, но на особное зайде удобное къ моленію мѣсто, и тамо единъ бывъ паде ницъ крестообразно на землю, съ плачемъ моля Бога, да покажетъ ему путь ко спасенію, и лежа долго на молитвѣ, усну, и узрѣ видѣніе": какъ будто бы онъ сталъ копать землю и когда остановился копать, думая, что довольно уже, то услышалъ повелѣніе копать еще и еще [14]). Послѣ этого видѣнія св. Симеонъ отправился въ монастырь „и падъ лежаше предъ враты монастырскими безъ пищи и питія, терпя 7 дней"; на 8-й день игуменъ монастырскій, придя къ св. Симеону, спросилъ его о цѣли прибытія его сюда; св. Симеонъ съ плачемъ сказалъ ему: „ищу работати Богу всѣмъ усердіемъ помилуй мя, грѣшнаго и повели ми внити въ монастырь и всѣмъ послужити [15]). Затѣмъ, благодать Божія, какъ учитъ преосв. Ѳеофанъ, исторгаетъ человѣка изъ узъ міра тѣмъ, что иногда ему представляетъ жизнь, противоположную той, которую онъ ведетъ и его взору рисуетъ лицъ, обладающихъ извѣстнымъ подвигомъ, неизвѣстнымъ для него [16]). Такъ, св. Алипій столпникъ имѣетъ непреодолимое желаніе идти въ восточную страну, „яко слышу тамо многихъ святыхъ отецъ, говорилъ онъ своей матери, въ пустыняхъ живущихъ безмолвно; вселюся убо съ ними, и взирающе на богоугодное житіе ихъ, имамъ помощію Божіею подражати добродѣтелемъ ихъ" [17]). Св. Даніилъ столпникъ „го-

---

[13]) Матеея V, 3. [14]) Четьи минеи. 1 сент., л. 3 об. [15]) Тамъ же. [16]) Путь ко спасенію, стр. 121. [17]) Четьи-минеи, 26 ноября.

ряше духомъ видѣти великаго мужа Симеона столпника и къ подражанію того возбуждашеся“ [18]). Св. Лука, новый столпникъ, измѣняетъ образъ своей жизни и постригается въ монашество послѣ того, какъ „Божіимъ промышленіемъ“ былъ сохраненъ невредимымъ во время войны съ болгарами [19]). Особенное дѣйствіе благодати Божіей на измѣненіе образа жизни человѣка замѣчается въ обращеніи св. Никиты Переяславскаго. Онъ „измлада бяше суровъ и обидливъ, и мятежникъ, и многія человѣкомъ пакости творя, повлачая на судища, и грабя: такожде и ины други имяше подобны себѣ“. Однажды въ церкви за вечернимъ богослуженіемъ Никита услышалъ чтеніе слѣдующихъ словъ изъ книги пророка Исаіи: „тако глаголетъ Господь, измыйтеся, и чисти будете, отымите лукавствія отъ душъ вашихъ и пр.“. Никита пришелъ въ ужасъ и, придя домой, онъ всю ночь не могъ заснуть, размышляя о слышанныхъ въ церкви словахъ. На другой день въ обществѣ веселыхъ друзей Никита позабылъ о вчерашнемъ своемъ размышленіи; онъ даже пригласилъ своихъ друзей къ себѣ въ гости и, придя домой, велѣлъ своей женѣ варить мясо. Когда та стала мыть мясо, то вдругъ увидѣла кровь, „необычно пѣнящуся, егда же вложи въ горнецъ мясо и начатъ варити, то видѣ въ горнцѣ кипящу кровь, и въ немъ восплавающу, ово главу человѣчу, ово руку, и плеснѣ ножныя, и ужасеся, и повѣда мужу своему“. Тотъ, видя это видѣніе, испугался и долго не могъ придти въ себя. Когда же немного успокоился, то, глубоко вздохнувъ, сказалъ: „увы мнѣ, много я согрѣшилъ“. Съ плачемъ вышелъ Никита изъ дома и отправился въ монастырь св. великомученика Никиты, и „падь на ногу игумену обители тоя, глагола: спаси душу погибающую“ [20]).

Пробужденіе св. Никиты отъ грѣховнаго сна совершилось такимъ образомъ мгновенно. Онъ, вразумленный свыше бывшимъ ему видѣніемъ, быстро „втѣсняется въ иной чинъ бытія и жизни и, пораженный, стоитъ въ немъ“,

---

[18]) Четьи Минеи, 11 декабря. [19]) Прологъ, ч. I, 11 декабря. [20]) Прологъ, 24 мая, л. 48 об.

какъ говоритъ преосвящ. Ѳеофанъ [21]), и съ ужасомъ оглядывается на пройденный имъ путь нечестія; предъ взоромъ его совѣсти раскрываются всѣ душевныя раны, вся мерзость прошедшихъ дѣлъ, вся тяжесть совершенныхъ злодѣяній, и вотъ въ св. Никитѣ возрастаетъ, умножается сознаніе своей грѣховности, своей виновности предъ Богомъ, расширяется чувство раскаянія, возрастаетъ желаніе примиренія съ правосудіемъ Божіимъ и, озаренный благодатію Божіею, онъ рѣшаетъ бросить міръ и „вся, яже въ мірѣ“ и идти въ монастырь для очищенія себя отъ грѣховъ. Чтобы разрѣшить свое сердце отъ прежнихъ мірскихъ узъ, освободить его отъ всего внѣшняго, сдѣлавъ его свободнымъ для служенія Богу, св. Никита свободно избираетъ новый образъ жизни—иночество, а затѣмъ и „столпничество“ и вдали отъ всего того, что можетъ такъ или иначе нарушать сердечный миръ, упражняется въ подвигахъ самообладанія и умерщвленія плоти, служившей долго грѣху. Въ житіи св. Никиты говорится, что послѣ того, какъ онъ увидѣлъ видѣніе, то „во ужасѣ бысть на многъ часъ“ [22]). „Замѣчательно, пишетъ преосвящ. Ѳеофанъ, что благодатное возбужденіе всегда сопровождается пораженіемъ и нѣкотораго рода испугомъ: потому ли, что оно вдругъ, какъ бы врасплохъ, схватываетъ грѣшника на распутіяхъ жизни, какъ преступника и представляетъ неотклонимому судилищу Божію или потому, что новый порядокъ, раскрываемый въ сознаніи, совершенно новъ для него и разительно противоположенъ прежнему,—и не только новъ, но и совершенно, во всѣхъ частяхъ, блаженствоподателенъ, тогда какъ въ первомъ ничтожномъ, одна туча сердца и крушеніе духа“ [23]). Ужасъ преподобнаго Никиты именно и можно объяснить неожиданностію дѣйствія благодати Божіей. „Пришедъ въ себе“ [24]) преп. Никита свѣрилъ себя съ своими настроеніями и, вспомнивъ то, чѣмъ прежде жилъ и услаждался, увидѣлъ ту опасность погибели, къ которой привелъ его путь грѣха, и то нравственное безо-

[21]) Путь ко спасенію, стр. 115. [22]) Прол., л. 2. [23]) Путь ко спас., ч. II, стр. 112—113. [24]) Прологъ, 24 мая.

бразіе, которымъ была покрыта грѣхолюбивая его душа,— и вотъ справедливый укоръ совѣсти вызываетъ въ немъ сознаніе своей грѣховности: „увы мнѣ, много согрѣшихъ“ [25]), восклицаетъ съ глубокимъ вздохомъ преп. Никита, и предъ его сознаніемъ тотчасъ ясно проходитъ вся прежняя грѣховная жизнь, достойная презрѣнія. Лишь только явилось такое сознаніе грѣховности у преп. Никиты, онъ немедленно разрываетъ удерживающія его въ міру узы, стряхиваетъ съ себя покровы и сѣти грѣха, и тогда возжигается въ его душѣ искра любви къ Богу, которая, разгораясь, обнимаетъ все его существо, воспламеняетъ всѣ его силы, и онъ даетъ волю своему облагодатствованному сердцу.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что преп. Никита, лишь только благодать Божія коснулась его, какъ онъ принялъ сразу же на себя подвигъ продолжительнаго истязанія своей совѣсти и, ужасаясь страшной участи, уготованной грѣшникамъ, обращается тотчасъ же отъ области сатаны къ Богу и не только воздыхаетъ у монастыря, куда привлекла его благодать Божія, но съ великою скорбію проливаетъ слезы, такъ какъ душа его, послѣ долговременнаго разлученія съ Богомъ, увидѣвъ Его, какъ Отца, возбуждается къ пролитію слезъ, какъ говоритъ св. Ефремъ Сиринъ [26]). Получивъ прощеніе отъ Бога, знакомъ чего было принятіе его въ монастырь, св. Никита, какъ искренно кающійся, самъ себя наказываетъ за всѣ прежнія беззаконія, за вѣроломную измѣну любвеобильному Отцу, за безчувственность и неблагодарность Щедродателю Богу. Въ состояніи тяжкаго стыда предъ лицемъ милосерднѣйшаго Отца небеснаго, Котораго онъ оскорблялъ и прогнѣвлялъ своими беззаконіями, при страшныхъ угрызеніяхъ пробудившейся совѣсти, св. Никита обрекаетъ себя на всевозможныя жертвы для умилостивленія Бога и осуждаетъ себя на самые тяжелые подвиги на столпѣ, какъ бы желая вознаградить погибшее время своего заблужденія. Самоумерщвленіе его вытекало изъ любви ко Христу, потому что, кто любитъ Христа, говоритъ

---

[25]) Тамъ же, [26]) Слов. 99 о покаян., стр, 160.

св. Іоаннъ Златоустъ, какъ должно любить, тотъ самъ не потерпитъ остаться безъ наказанія, хотя бы Христосъ и простилъ его, такъ какъ одно оскорбленіе Его составляетъ уже величайшее наказаніе [27]). „Душа, давшая на расхищеніе сокровища дарованій, отвергшая завѣтъ Господень, угасившая прекрасный огнь душевныхъ слезъ, болѣзненно терзаемая воспоминаніемъ о томъ, не только со всею готовностію пріемлетъ всякіе труды, но благочестно рѣшается умертвить себя подвигами", говоритъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ (ст. 5). Съ одной стороны, подвиги на столпѣ сопровождали св. Никиту, а съ другой — непрестанное, постоянно возрастающее томленіе его кающейся души, доходящее до самозабвенія и какъ бы истощанія въ мукахъ раскаянія. Очевиднымъ и самымъ вѣрнымъ признакомъ истиннаго сокрушенія св. Никиты о своихъ грѣхахъ служилъ строгій образъ жизни, возненавидѣніе всякаго тѣлеснаго утѣшенія; отвращаясь тѣла своего, какъ врага, по слову св. Лѣствичника (ст. 7), онъ изнурялъ его тяжелыми веригами, жилъ въ скорбяхъ, въ тяготѣ, въ трудахъ, въ скудости, въ наготѣ, въ одиночествѣ, въ нуждѣ, въ болѣзняхъ, въ уничиженіи, въ оскорбленіяхъ, въ сердечномъ сокрушеніи, въ отреченіи отъ жены и отъ сродниковъ, въ борьбѣ съ своими страстями. Значитъ, благодать Божія чрезъ видимое посредство (видѣніе) невидимо и непосредственно прикоснулась къ духу преп. Никиты и извлекла его изъ томящихъ узъ въ свѣтъ Божій, въ область божественной жизни, вывела изъ грѣховнаго состоянія съ помощію средства, состоящаго въ томъ, что Господь попускаетъ грѣшнику идти по пути беззаконій [28]) для того, чтобы онъ самъ увидѣлъ и созналъ опасность своей погибели.

Итакъ, св. столпники находились подъ особымъ воздѣйствіемъ на нихъ благодати Божіей, приготовлявшей ихъ къ высшимъ подвигамъ столпостоянія. О нѣкоторыхъ изъ нихъ даже извѣстно изъ житій, что ихъ предъизбраніе быть путеводными свѣтилами для ищущихъ спасенія выра-

---

[27]) Бѣс. 11 на Мѳ., стр. 266. [28]) Римл. I, 21—32.

жалось въ знаменательныхъ видѣніяхъ, бывшихъ ихъ родителямъ, да и самое рожденіе св. столпниковъ, какъ дѣйствіе ближайшаго попеченія Божія, приготовляло ихъ къ чему то особенному въ путяхъ промысла Божія.

Такъ, мать св. Алипія предъ его рожденіемъ видѣла во снѣ, что она какъ будто держитъ на своихъ рукахъ агнца, очень красиваго, и на рогахъ у него—двѣ заженныя свѣчи. А когда родился св. Алипій, то „нѣкая божественная свѣтлость велія храмину исполняше". Эти видѣнія служили знаменіемъ благодати Божіей и свѣтлости его добродѣтелей, „яко имѣяше свѣтъ быти міру". Послѣ снова было видѣніе его матери: весь адріанопольскій народъ стекался къ ея дому, воспѣвая рожденіе младенца" [29]). Въ житіи св. столпника Даніила разсказывается, что его мать, долго не имѣвшая дѣтей и подвергавшаяся за то упрекамъ со стороны мужа, такъ и своихъ родныхъ, обратилась съ молитвою къ Господу о разрѣшеніи своего неплодства и дала обѣтъ посвятить „дарованное" Богу, „якоже древле Анна Самуила". Уснувъ послѣ молитвы, она видитъ видѣніе! 2 большихъ свѣтильника на подобіе блюдъ спускаются надъ ея главою; „то бяше, говорится въ житіи, прознаменованіе имущаго произыти изъ нея таковаго плода, иже сіяніемъ добродѣтелей паче звѣздъ будетъ свѣтлѣйшій". Вскорѣ у нея родился сынъ и ему не давали имени въ теченіи 5 лѣтъ, „но отъ Бога тому нарещися желаху, да иже Божіимъ дарованіемъ родися, той отъ Бога и имя себѣ пріиметъ". Родители съ этою цѣлію взяли новорожденнаго и отправились съ нимъ въ ближайшій монастырь съ просьбою къ игумену — дать ихъ сыну имя. Игуменъ сказалъ имъ, „яко тѣмъ именемъ его подобаетъ нарещи, еже Самъ открыетъ Богъ". Взявъ Библію, онъ раскрылъ ее и „обрѣте нѣкая словеса св. пророка Даніила, и разумѣвъ, яко тако благоволитъ Богъ, да тоеже пророческое имя и тому наречется отроку, именова его Даніиломъ: отнюдуже знаменовашеся, яко

---

[29]) Четьи-Минеи, 26 ноября, л. 163.

имѣяше той отрокъ великому оному пророку, якоже именемъ, тако и нравы быти подобенъ“ [30]). Мать св. Симеона II-го Марфа не хотѣла выходить замужъ, думая постричься въ монахини, но по внушенію Божію, она сочеталась бракомъ съ однимъ антіохійцемъ Іоанномъ, на котораго она оказывала сильное нравственное вліяніе, „возставляющи его на всякое дѣло благое, и оба они украшаху житіе свое пощеніемъ, воздержаніемъ и молитвами, тщашеся угодить Богу“. Марѳа очень часто ходила въ церковь св. Іоанна Предтечи и здѣсь дала обѣщаніе—если родится у нея сынъ, то посвятить его Богу. Чрезъ годъ послѣ ночной молитвы, Марѳѣ явился во снѣ св. Іоаннъ Предтеча и возвѣстилъ ей, что она родитъ сына Симеона, который „будетъ сынъ десницы, мяса и вина и кія-либо человѣческою хитростію творимыя снѣди не вкуситъ, но хлѣбъ, и медъ, и соль, и вода питаніе ему будетъ. По дву же отъ рожденія его лѣтѣхъ, имаши принести того сѣмо въ мою церковь, и крестити, и егда крещенія благодати сподобится, тогда извѣстится, что имать отроча мое быти“. Предсказаніе исполнилось и Марѳа безъ болѣзни родила сына. Послѣ крещенія младенецъ ясно проговорилъ: „имѣю отца и не имѣю отца, имѣю мать и не имѣю матери“ и повторялъ эти слова въ продолженіи 7 дней, чему всѣ удивлялись и „проразумѣваху того быти имуща не земныхъ, но небесныхъ подражателя“ [31]). Значитъ, Господь благоволилъ призвать св. столпниковъ къ особенному жребію, къ высшимъ подвигамъ, но притомъ такъ, чтобы было видно свободное участіе призываемыхъ въ дѣтской покорности ихъ опредѣленію влекущей ихъ къ себѣ волѣ Божіей. Убѣжденіе въ этомъ можно находить въ ветхозавѣтной исторіи, представляющей много примѣровъ того, что отличные мужи, предназначенные для особенныхъ важныхъ цѣлей, рождались отъ безплодныхъ родителей (напр. Исаакъ, Самсонъ, Самуилъ и др.).

Посвященный или посвятившій себя на служеніе Гос-

[30]) Четьи-Минеи, 11 дек., л. 137 об. [31]) Четьи-Минеи, 24 мая, л. 153.

поду долженъ прежде всего очистить себя, приготовиться къ служенію Богу. Съ первыхъ шаговъ своего усовершенствованія онъ обязанъ противиться требованіямъ плоти, принуждая себя къ добру, противясь злу. Самопротивленіе и самопринужденіе это и есть какъ бы „форменныя начала подвижничества", по словамъ епископа Ѳеофана. То и другое составляетъ „бореніе" человѣка съ собою, или иначе подвигъ. А такъ какъ подвигъ (бореніе) есть сущность добродѣланія, то подвижнику необходимо ревновать о подвигахъ самопринужденія и самопротивленія съ цѣлію возведенія себя на степень первозданной чистоты, достиженія богоуподобленія. И чѣмъ кто рѣшительнѣе дѣйствуетъ, тѣмъ тотъ скорѣе достигаетъ чистоты. Слѣдствіемъ такой рѣшительности и бываютъ тѣ внѣшніе подвиги самоумерщвленія, какіе налагали на себя св. подвижники вслѣдъ за своимъ обращеніемъ къ Богу (уединеніе, постъ, умерщвленіе плоти и т. п.), причемъ, по мнѣнію преосв. Ѳеофана, это была сознательно избранная, благодатію Божіею внушенная мѣра, принятая къ скорѣйшему созрѣнію въ нравственномъ отношеніи [32]). Значитъ, чтобы въ душѣ подвижника созрѣло внутреннее тяготѣніе къ Господу, ему необходимо рѣшительное отреченіе отъ всего въ цѣляхъ истребленія въ себѣ страстности и очищенія себя путемъ борьбы, чтобы установить себя въ подвигахъ добродѣланія, ему необходимо предать себя всецѣло Богу и поступить, такъ сказать, подъ Его непосредственное руководство [33]). Св. столпники и принадлежали къ числу тѣхъ избранниковъ Божіихъ, которые неимовѣрно быстрымъ порывомъ отдавали себя Богу, были Имъ принимаемы и водимы.

Они поставляли своею цѣлію—достигать нравственнаго совершенства въ своей жизни. Первый и основной обѣтъ ихъ жизни было иночество, съ которымъ тѣсно связывалось и дѣвство. Такъ какъ съ этими обѣтами исключалась привязанность къ землѣ и земнымъ выгодамъ, то св. столпникамъ не было нужды искать земныхъ благъ. Отсюда—

---

[32]) Путь ко спас. III, стр. 212—215. [33]) Тамъ же, стр. 286, 287, 217,

третій обѣтъ, входящій въ жизнь св. столпниковъ—нестяжательность. Въ виду же того, что св. столпники разрывали связь съ міромъ и людьми, то имъ уже нечего было искать у людей на землѣ, а только находить все у Бога на небѣ. Отсюда проистекали обѣты всецѣлой покорности Господу и послушанія людямъ, преуспѣвшимъ на поприщѣ духовной жизни. При этихъ строгихъ обѣтахъ у св. столпниковъ-иноковъ было одно общее стремленіе — распять свою плоть съ ея страстями и похотями и утвердить въ себѣ господство духа и благодати. Они умерщвляли свое тѣло трудами, постомъ, молитвеннымъ бдѣніемъ; они возвышались и стремились духомъ къ единому Богу, изгоняя изъ своего ума всякій земной помыслъ, изъ своей воли—всякое своевольное желаніе, изъ своего сердца—всякое грѣховное вождѣленіе. Св. столпники являлись среди этого человѣческаго міра инымъ неземнымъ міромъ,—это были земные ангелы и небесные человѣки. Иночество св. столпниковъ, служа для нихъ самихъ прекрасною школою и разсадникомъ духовнаго испытанія, такъ какъ оно покоилось на самомъ строгомъ, серьезномъ основаніи жизни,—на побужденіи къ совершенному господству духа надъ плотію, разума надъ чувственностію, сверхъестественнаго надъ естественнымъ для высшей степени святости и вѣчнаго союза съ Богомъ, составляло реакцію противъ разложенія господствующаго порядка вещей въ обществѣ, выражая собою стремленіе спасти чистоту и дѣвственность христіанскаго общества. Признавая за обществомъ, за семействомъ, за бракомъ, за собственностію божественное учрежденіе, св. столпники оставляли все это потому только, что оно представляло единственное препятствіе для созерцательной жизни и дѣятельности. Св. столпники-монахи своимъ героическимъ высоконравственнымъ характеромъ невольно вызывали себѣ у современниковъ сочувствіе и подражаніе, являясь защитниками и охранителями чистой вѣры и христіанской нравственности [34]).

---

[34]) Объ этомъ подробнѣе сказано въ VII главѣ.

Живя въ монастыряхъ, будущіе столпники подвергали себя самымъ строгимъ лишеніямъ, какъ бы подготовляясь къ „столпничеству". Такъ, св. Симеонъ (I-й) такъ твердо стягивалъ свое тѣло веревкою, сплетенною изъ финиковыхъ вѣтвей, что она проникала до костей; черезъ 10 дней тѣло его загноилось и покрылось червями, издавая отъ себя сильный дурной запахъ [35]). Затѣмъ, онъ пріучилъ себя ѣсть только однажды въ недѣлю, въ воскресенье. Во время великаго поста св. Симеонъ по 20 дней воздерживался отъ принятія пищи. Первая такая попытка едва не привела его къ смерти. Св. Лука „желѣзы себе обложилъ по всей плоти" [36]). Св. Симеонъ Дивногорецъ тайно обвилъ свое тѣло волосяной веревкой, которая разъѣдала его плоть до костей, такъ что вытекло много крови, и власяница прильнула къ тѣлу, начавшему гнить [37]). Св. Никита „тяжкая желѣза ношаше" [38]). Послѣ такихъ предварительныхъ аскетическихъ самолишеній св. столпники [39]), покинувъ монастыри, поселялись въ пустыняхъ, гдѣ въ пещерахъ или въ пустыхъ идольскихъ капищахъ проводили затворническую жизнь: общество ихъ вмѣсто людей составляли звѣри. Такъ, св. Симеонъ (I-й) поселяется въ колодцѣ, наполненномъ различными гадами, и тамъ проводитъ созерцательную жизнь въ теченіе трехъ лѣтъ, а потомъ восходитъ на гору и приковываетъ себя за ногу къ горѣ желѣзной цѣпью въ 20 локтей длины [40]). Св. Даніилъ поселяется въ идольскомъ капищѣ, заваливъ всѣ входы и оставивъ только „оконце едино мало приходящихъ ради" [41]). Св. Алипій, имѣя непремѣнное желаніе жить уединенно „на мѣстѣ безмолвнѣйшемъ, занимаетъ съ этою цѣлію эллинскій склепъ въ одномъ изъ идольскихъ капищъ для того, чтобы, наслаждаясь богомысліемъ непрестаннымъ, усерднѣе работать Господу" [42]).

---

[35]) Это обстоятельство послужило поводомъ къ увольненію св. Симеона изъ монастыря: игуменъ и братія „да не како иніи братія немощнѣйшіи подражати ему хотяще будутъ сами себѣ виновны смерти, повелѣша ему изыти изъ монастыря", Четьи-Минеи, 1 сен., л. 4. [36]) Прологъ 11 декабря, л. 34 об. [37]) Четьи-Минеи, 24 мая, л. 157 об. [38]) Прологъ, 24 мая, л. 58 об. [39]) За исключеніемъ св. Никиты, Саввы Вишерскаго и Кирилла Туровскаго. [40]) Четьи-Минеи, 1 сент., л. 4 об. [41]) Четьи-Минеи, 11 дек. [42]) Тамъ же, 26 ноября.

Св. Симеонъ Дивногорецъ до поселенія въ монастырѣ живетъ въ Пильской пещерѣ [43]) „со звѣрьми, аки со агнцы: тѣхъ бо точію имѣ сожителей, отъ человѣкъ же невидимый бяше отнюдъ“ [44]). Жизнь затворническая пустынная имѣла громадное значеніе для св. столпниковъ въ смыслѣ выработки въ нихъ созерцательнаго аскетизма и пріученія къ твердому перенесенію искушеній. Вѣдь, въ затворнической жизни, свободной отъ внѣшнихъ искушеній, возникаетъ для подвижника внутренняя духовная борьба. То являются образы удовольствій міра, то возникаютъ помыслы гордости, то низлагаютъ душу помыслы унынія. Къ борьбѣ разнообразныхъ помысловъ, которые тѣмъ сильнѣе воюютъ на душу, чѣмъ менѣе для нея внѣшняго развлеченія, присоединяются самыя сильныя искушенія духовъ злобы. Пріучивъ себя къ постоянному бодрствованію надъ собою въ затворѣ, къ сохраненію молитвеннаго духа, къ огражденію себя смиреніемъ, св. столпники въ пламенной любви къ вѣчной жизни и свѣту увлекались высшими подвигами и стремились увеличивать свои труды, и вотъ они покидаютъ затворъ и восходятъ на столпы, причемъ, кстати сказать, сооружаютъ нѣкоторые тамъ, гдѣ раньше были идольскія капища и мѣста служенія идоламъ замѣняютъ служеніемъ истинному Богу.

ГЛАВА III.

Безмолвіе и молчаніе, какъ средства, подготовлявшія св. столпниковъ къ созерцанію.

Такимъ образомъ, послѣ подготовительныхъ подвиговъ самоумерщвленія и затворничества святые подвижники, уже испытавшіе себя въ самоотверженіи и терпѣніи, восходятъ на столпы, сооружая ихъ въ замѣнъ идольскихъ капищъ. Но отъ чего и какъ родилась у нихъ мысль о „столпни-

---

43) Тамъ же, 24 мая. 44) Пещера эта находилась въ Тиверинской странѣ на границѣ съ Селевкіею.

чествѣ“? Раньше мы высказали свои соображенія объ этомъ (1-я глава), а теперь познакомимся съ мнѣніемъ дѣписателей о св. столпникахъ. Мысль о „столпничествѣ“ св. Симеону I-му внушилъ особенный случай. Кротостію своего характера и строгостію жизни, еще въ отроческихъ лѣтахъ, св. Симеонъ возбуждалъ къ себѣ вниманіе и удивленіе многихъ. Но, когда, удалившись на гору близъ селенія Таланисса въ затворъ и тамъ усугубивши подвиги самоумерщвленія, онъ началъ исцѣлять приходившихъ къ нему, тогда слава его подвиговъ и чудотвореній разнеслась далеко, такъ что начали стекаться къ нему всѣ, не только вблизи живущіе, но и отъ странъ далекихъ. При необыкновенномъ стеченіи и усердіи народа къ св. подвижнику, происходилъ безпорядокъ: каждый изъ приходившихъ хотѣлъ ближе видѣть св. Симеона, прикоснуться къ нему и скорѣе получить отъ него благословеніе и помощь. Народъ, стѣсняясь самъ, тѣснилъ св. Симеона, возмущалъ его душевное спокойствіе и препятствовалъ его дѣятельности. Что же долженъ былъ сдѣлать св. Симеонъ въ такомъ затруднительномъ положеніи? скрыться отъ людей? но, съ одной стороны, это было и невозможно: народъ съ воплемъ послѣдовалъ бы за нимъ всюду, что случилось съ св. Симеономъ Дивногорцемъ, послѣ того какъ онъ ушелъ на Дивную гору [1]); а съ другой—можетъ быть праведникъ считалъ такое уклоненіе отъ народа не позволительнымъ. Онъ видѣлъ, что богатство духовныхъ даровъ сообщено ему не для того, чтобы онъ скрывалъ его подъ спудомъ, но чтобы употреблялъ его на пользу своихъ ближнихъ. Св. Симеонъ хотѣлъ благодѣтельствовать народу и между тѣмъ встрѣчалъ препятствія со стороны самого же народа. Чтобы освободиться отъ такого затруднительнаго положенія, св. Симеонъ вздумалъ отдѣлиться отъ народа, не уклоняясь отъ него стать на возвышенное мѣсто, на столпъ: „стуживъ блаженный, говорится въ житіи св. Симеона, отъ такого почитанія и отъ непокоя, изобрѣте страненъ образъ житія:

---

[1]) Четьи-Минеи, 24 мая, л. 161 об.

умысли бо создати столпъ и на немъ стояти“ [2]). Впрочемъ, мысль о „столпничествѣ“, внушенная св. Симеону особеннымъ случаемъ, утверждена была Самимъ Богомъ, и святой вступилъ въ новый подвигъ не прежде, какъ получивъ на то повелѣніе отъ Бога. Козьма, халдейскій священникъ, не разъ бесѣдовавшій съ св. Симеономъ, говоритъ, что ангелъ Господень трижды являлся св. Симеону на скалѣ и призывалъ его къ „столпничеству“. Епископы и прочіе сирійскіе посланники, по строгомъ изслѣдованіи жизни св. Симеона, доносили своей церкви, что начатое имъ дѣло отъ Бога. Вообще, всѣ современники св. Симеона смотрѣли на его столпническій подвигъ не какъ на вымыселъ ума человѣческаго, но какъ на дѣло божественное. Ученикъ Симеоновъ св. Даніилъ взошелъ на столпъ также по Божію призванію, и притомъ неоднократному. Преданный своему учителю, онъ хотѣлъ подражать его жизни, но страшился ея необыкновенной трудности. Богъ ободрилъ его слѣдующимъ видѣніемъ: „видѣ Даніилъ столпъ стоящъ предъ собою, и высотою превосходящъ облаки, преподобнаго Симеона верху столпа стояща и глаголюща: взыди сѣмо Даніиле!“ и когда св. Даніилъ представлялъ невозможность взойти на такую высоту, два свѣтоносные юноши восхитили его и поставили предъ св. Симеономъ, который облобызалъ своего ученика и сказалъ ему: мужайся Даніилъ, великодушенъ и крѣпокъ будь, и стой добрѣ и мужественно; „прознаменоваше же то видѣніе, яко подобаетъ ему подобіемъ св. Симеона столпника на столпъ взыти“. Но св. Даніилъ медлилъ исполнить повелѣнное, какъ бы не довѣряя самому себѣ и ожидая болѣе яснаго призыванія. Въ самомъ дѣлѣ, спустя немного времени, Богъ снова объявилъ ему Свою волю чрезъ преп. Сергія, которому было такое явленіе: три юноши пришли къ нему и сказали: „встань Сергій и скажи Даніилу, чтобы онъ приготовилъ себя къ большему подвигу“. Возставъ отъ сна, преп. Сергій разсказалъ это св. Даніилу, который понялъ, что Богъ по-

---

[2]) Четьи-Минеи, 1 сент., л. 5.

велѣваетъ ему подражать житію св. Симеона. Послѣ этого св. Даніилъ уже не сомнѣвался въ божественномъ призываніи къ „столпничеству"; съ помощію преп. Сергія устроилъ столпъ на мѣстѣ, показанномъ Самимъ Богомъ [3]) и, съ благодареніемъ Богу, ночью, чтобы никто не узналъ, вступилъ въ новый подвигъ „столпничества". „Слава Тебѣ, Христе Боже, взывалъ св. Даніилъ, яко сподобляеши мя таковаго житія. Ты же вѣси, Господи, яко о Тебѣ утверждаяся и на Тебе надѣяся, восхожду на сей столпъ [4]). Десница Божія, воздвигавшая такихъ великихъ и необычайныхъ подвижниковъ, самымъ яснымъ образомъ открылась на св. Симеонѣ Дивногорцѣ, который съ пеленъ началъ подвижническую жизнь. О его „столпничествѣ" было открыто св. Іоанну столпнику, игумену Пильскаго монастыря: предъ приходомъ св. Дивногорца въ обитель онъ видѣлъ его стоящимъ на столпѣ и съ нимъ приближающимся къ обители [5]). Когда св. Дивногорцу было 15 лѣтъ онъ особеннымъ откровеніемъ Божіимъ былъ вызванъ на гору Дивную и здѣсь, по повелѣнію Божію, продолжалъ столпостояніе, причемъ, самый столпъ былъ освященъ Самимъ Іисусомъ Христомъ, явившимся вмѣстѣ съ ангелами [6]). Нѣтъ ясныхъ свидѣтельствъ о томъ,—были ли подобныя откровенія и призыванія другихъ св. столпниковъ, но изъ описанія ихъ жизни видно, что всѣ они дѣйствовали подъ особеннымъ водительствомъ Духа Божія, а поэтому, нельзя думать, что они рѣшались на великій подвигъ „столпничества", не испросивъ прежде на то благословенія Божія.

Итакъ, св. столпники старательно избѣгали публичной жизни, и всѣ они восходили на столпы съ цѣлію безмолвія [7]), наиболѣе способствующаго къ богомыслію. Такого

---

[3]) Преп. Сергій во снѣ видѣлъ бѣлаго голубя и хотѣлъ его схватить, но услышалъ голосъ: думаешь ли сѣтью поймать его? нѣтъ; но руками надобно взять его; голубь полетѣлъ вверхъ „и ктому невидимъ бѣ". Разумѣвъ же Сергій, яко тамо ему показа Богъ къ созиданію столпа мѣсто, сказа Даніилу, еже видя и слыша", (Чет.-Мин., 11 дек.). [4]) Тамъ же, 11 дек., л. 143. [5]) Четьи-Минеи, 24 мая, л. 156. [6]) Тамъже, л. 162. [7]) Св. Алипію „пріиде желаніе особнаго уединенаго житія, да безмолвно живущи, усерднѣе Единому работаетъ Богу и Его наслаждается богомышленіемъ непрестаннымъ" (26 ноябрь, л. 163). Св. Даніилъ, взойдя на столпъ „нача жити Богу между землею и небомъ, оныя устраняяся плотію и духомъ" (11 дек., л. 143).

рода проявленіе аскетизма извѣстно было еще въ древности, во времена дохристіанскія. Законодательная книга индусовъ Ману, а также древнѣйшія индійскія эпическія сказанія знакомятъ насъ съ такими изъ числа кающихся индійцевъ, которые жили въ лѣсахъ, въ уединенныхъ хижинахъ и въ постройкахъ, имѣвшихъ однѣ стѣны безъ крыши. Такія жилища или отдѣльно встрѣчались въ глухихъ мѣстахъ, или же составляли поселки, когда нѣсколько аскетовъ проводили удаленную отъ общества жизнь. Этотъ послѣдній видъ аскетическаго отчужденія встрѣчается въ средѣ буддійскаго отшельничества; напротивъ, у отшельниковъ браманизма преобладаетъ уединенная жизнь въ собственномъ смыслѣ, вдали отъ людей. Греки и римляне понимали также достоинство уединенной жизни и ея значеніе въ нравственномъ и религіозномъ отношеніяхъ, какъ это можно видѣть изъ разсужденій философовъ Платона и Сенеки. Уединенную жизнь высоко цѣнили двѣ іудейскія секты: ессеи и ѳерапевты. Та же жизнь находитъ себѣ почитателей въ средѣ дервишей Ислама. Христіанская аскетико-уединенная жизнь ведетъ свое начало отъ великихъ ветхозавѣтныхъ пророковъ: Иліи и Елисея, а также и отъ Іоанна Предтечи. Самъ Іисусъ Христосъ имѣлъ обычай уединяться для молитвы: „утромъ, вставъ весьма рано вышелъ и удалился въ пустынное мѣсто и тамъ молился“ [8]). Наклонность къ уединенной жизни весьма рано появляется въ христіанскомъ обществѣ, въ особенности въ Египтѣ, гдѣ предъ глазами христіанъ былъ примѣръ уединенной жизни ѳерапевтовъ. Въ III-мъ вѣкѣ въ Египтѣ существовало общество уединенныхъ аскетовъ, названныхъ іеракитами, отъ имени ихъ руководителя Іерака, ученика Оригена. Съ IV-го вѣка уединенную жизнь мы находимъ среди столпниковъ. Для чего нужно было св. столпникамъ уединеніе? зачѣмъ они бѣгали того иноческаго общества, среди котораго имъ суждено было Богомъ жить? для чего удалялись людей, когда сама природа побуждаетъ къ общи-

[8]) Мр. 1, 35; Мѳ. XIV, 13.

тельности? такъ, если бы всѣ люди единодушно стремились къ небу, если бы въ мірѣ не было соблазновъ и искушеній на каждомъ, можно сказать, шагу, если бы о каждомъ кружкѣ людей можно было сказать, что онъ собранъ для добрыхъ цѣлей, во имя Божіе, тогда, не ища нарочно уединенія, легко было бы пріобрѣсти наклонность къ благочестію и спастись. Но духъ міра противоположенъ духу Христову, потому и заповѣдуетъ св. апостолъ Іоаннъ Богословъ: „не любите міра, ни яже въ мірѣ: аще кто любитъ міръ, нѣсть любви Отчи въ немъ [9]). Здѣсь не сказано: не любите людей, бѣгайте всѣхъ ихъ, а—не любите міра, т. е. не увлекайтесь духомъ не христіанскимъ, удаляйтесь отъ сообщества съ порочными людьми, отъ обычаевъ и правилъ, развращающихъ душу, отъ поводовъ къ грѣху. А уберечься отъ многоразличныхъ соблазновъ міра можно при помощи уединенія отъ нихъ. Вѣдь, уединеніе вовсе не исключаетъ общенія съ людьми и въ жизни св. юродивыхъ мы видѣли, что они, находились всегда въ обществѣ, но уединялись отъ соблазновъ. Св. столпники, также бѣгая міра, не оставляли и приходящихъ къ нимъ, помогая имъ своими молитвами и наставленіями, о чемъ подробно скажемъ, когда будемъ разбирать общественную ихъ дѣятельность. Въ чемъ же заключается нравственный смыслъ уединенія св. столпниковъ? оно оказывало весьма благотворное вліяніе на успѣхъ ихъ самоиспытанія. Дѣйствительно, разсматривая жизнь св. столпниковъ, легко замѣтить, что они все свое вниманіе сосредоточивали на себѣ, и притомъ, вниманіе не поверхностное, а самое глубокое для того, чтобы знать—какъ совершается путь восхожденія къ добродѣтелямъ. Безъ уединенія невозможна провѣрка себя: нельзя имѣть самособранности духа, когда вокругъ не будетъ безмолвія. Далѣе, уединеніе служило для св. столпниковъ благотворнымъ средствомъ для богомыслія и молитвы. Извѣстно, что св. столпники поселялись въ пустыхъ капищахъ, на горахъ, въ узкихъ хлѣвинахъ и на

---

[9]) 1 Іоанн. II, 15.

столпахъ потому, что эти мѣста „отъ всякія молвы были свободны и къ богомыслію удобны [10]). Люди, занимающіеся учеными трудами, по опыту знаютъ, что не иначе можно основательно обдумать какую-либо важную истину, какъ устранивъ отъ себя всѣ препятствія, развлекающія вниманіе на извѣстный предметъ. При бесѣдѣ же съ Богомъ—невидимымъ Существомъ—надобно совершенно отрѣшиться отъ земли, устремиться всѣми силами души горѣ, забыть все для Бога [11]). Наконецъ, уединеніе укрѣпляло благочестивый характеръ св. столпниковъ. И въ жизни обыкновенной разсѣянные люди бываютъ не тверды въ своихъ правилахъ, слабы волею и не умѣютъ въ трудныхъ случаяхъ сохранить присутствіе духа, и это отъ того, что они не привыкли обдумывать своихъ поступковъ, не имѣли времени вникнуть въ себя. И наоборотъ, люди самособранные и въ житейскомъ быту бываютъ тверды и разсудительны, потому что имѣютъ время укрѣпить себя въ характерѣ. Что же касается жизни духовной, представляющей такъ много трудностей, борьбы и съ самимъ собою и съ внѣшними препятствіями, то здѣсь въ выработкѣ нравственнаго характера очень много требуется осторожности, обдуманности, твердости воли. А эти качества и пріобрѣтаются при усиленныхъ уединенныхъ молитвенныхъ подвигахъ, что ясно видно на примѣрахъ св. столпниковъ, благочестивая твердость которыхъ поражала всѣхъ; напр. св. Даніилъ, сойдя со столпа, преслѣдуетъ императора Василиска, отвергавшаго Халкидонскій соборъ и добивается умиротворенія церкви [12]). Итакъ, св. столпники уединялись для самоуглубленія, самоиспытанія и богомыслія, чтобы болѣе укрѣпляться въ силахъ нравственныхъ и преуспѣвать въ жизни духовной.

---

[10]) Четьи Минеи, 26 ноябрь, л. 163 об. [11]) Говоря это, мы никакъ не ослабляемъ важности общественной молитвы: кто удаляется отъ нея, тотъ отчуждаетъ себя отъ тѣла церкви, лишается благодатныхъ даровъ, подаваемыхъ въ церкви и подвергаетъ себя опасности духовной гибели. Но при общественной молитвѣ непремѣнно должна быть и уединенная. Іисусъ Христосъ, утвердившій Своимъ примѣромъ необходимость общественной молитвы, посѣщая храмъ іерусалимскій, Самъ же подалъ примѣръ и уединенной молитны (Мѳ. XXVII, 37), и далъ заповѣдь: „ты же егда молишися, вниди въ клѣть твою и затворивъ двери твоя, помолися Отцу твоему, иже въ тайнѣ, и Отецъ твой видяй въ тайнѣ, воздастъ тебѣ явѣ“ (Мѳ. V, 6). [12]) Четьи Минеи, 11 дек.

Уединеніе св. столпниковъ, такимъ образомъ, служило подготовительнымъ средствомъ къ возбужденію духа созерцательности. Вторымъ средствомъ, полезнымъ въ этомъ отношеніи, было ихъ молчаніе, которое являлось важнѣйшимъ внѣшнимъ условіемъ, дѣлавшимъ возможнымъ религіозное углубленное размышленіе. Подъ молчаніемъ разумѣется какъ вообще обузданіе языка, выражающееся въ малоглаголаніи, такъ болѣе или менѣе продолжительное воздержаніе отъ употребленія дара слова. „Столпничество“ было выраженіемъ второго вида молчанія. Св. Дивногорецъ, „соблюдаше себе отъ бесѣдъ человѣческихъ по вся бо дни до девятаго часа затворенъ пребываше, ни съ кимже хотя бесѣдовати, точію съ единымъ Богомъ“ „и пребываше особь молчащи“ [13]). Всѣ св. столпники въ цѣляхъ свободнаго аскетическаго упражненія въ самосозерцаніи проводили жизнь на столпахъ, а иные употребляли и другія средства, для упражненія въ молчаніи. Такъ св. Лука новый столпникъ влагалъ камень въ уста „молчанія ради [14]). Какимъ образомъ упражненіе въ молчаніи св. столпниковъ могло служить для нихъ подготовительнымъ средствомъ въ переходѣ къ другому виду аскетическаго упражненія—самосозерцанію и вести къ духовному совершенству?

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что молчаніе св. столпниковъ или безмолвіе, съ одной стороны, было выраженіемъ глубокаго самоотверженія св. столпниковъ, а съ другой,—служило самодѣйствительнымъ средствомъ къ упражненію въ самоотверженіи. Языкъ есть одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ органовъ въ составѣ человѣческаго тѣла, движеніе которыхъ, при чрезвычайной легкости и быстротѣ, сильно и неудержимо. Что быстрѣе и стремительнѣе мысли? и однако языкъ, нѣкоторымъ образомъ, подражаетъ быстротѣ ея движенія. Поэтому, обращенный на злое, онъ, какъ замѣчаетъ апост. Іаковъ, есть неудержимое зло. А отсюда уже нельзя не видѣть, что безмолвіе—не малый подвигъ, потому что тѣмъ, которые обрекали себя на безмолвіе,

---

[13]) Четьи Минеи, 24 мая. [14]) Прологъ, 11 дек.

надлежало постоянно бдѣть надъ собою и удерживать стремленіе своей природы тамъ, гдѣ она дѣйствуетъ всего сильнѣе и упорнѣе. Какъ трудно удерживать стремленіе огня, такъ и почти столько же трудно удерживать языкъ, ибо злой языкъ, по выраженію апостола, есть огнь палящій коло рожденія и опаляяся отъ геенны [15]). Но трудность безмолвія еще болѣе увеличивается, когда представимъ себѣ, что слово составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній разумной нашей природы, что въ немъ и чрезъ него преимущественно проявляются самыя внутреннія стороны человѣческаго духа,—его разумѣніе и свобода, неистощимое богатство его мыслей и чувствованій, что человѣкъ естественно и неудержимо стремится проявлять внутреннюю дѣятельность духа чрезъ слово, такъ какъ отсюда у человѣка сильное влеченіе передавать другимъ почти всѣ возникающія въ душѣ мысли и чувствованія, отсюда болѣзненная трудность—носить, а тѣмъ болѣе навсегда погребать въ сердцѣ какую-либо тайну. Поэтому, кто посвящалъ себя безмолвію, тотъ долженъ былъ постоянно бороться съ самимъ собою, останавливая стремительный потокъ мыслей и чувствованій, всегда готовый излиться въ словѣ и заставляя эти душевныя волны сокрушаться въ себѣ самомъ. Замѣтимъ, наконецъ, и то, что въ словѣ заключается для человѣка обильный источникъ услажденія и отрады. Посредствомъ слова изливаются душевныя наши радости и дѣлаются оттого какъ бы полнѣе и обильнѣе; чрезъ слово открываются для насъ источники новыхъ радостей, проистекающихъ отъ взаимнаго собесѣдованія съ подобными намъ; съ словомъ проходитъ всякая скорбь и душевная горечь, и мы чувствуемъ нѣкоторую отраду. Слѣдовательно, заключить уста свои на болѣе или менѣе продолжительное время значитъ—закрыть для себя одинъ изъ источниковъ земныхъ удовольствій. Но, состоя главнымъ образомъ въ обузданіи языка, безмолвіе приводитъ естественно и къ другимъ видамъ самоотверженія. „Аще кто въ словѣ не

---

[15]) Іак. III, 6.

согрѣшаетъ, говоритъ св. ап. Іаковъ, сей совершенъ мужъ, силенъ обуздати и все тѣло“ [16]). И дѣйствительно, кто имѣетъ столько силы духа, чтобы обуздать и связать языкъ, по своему устройству, легкій и быстроподвижный, тотъ можетъ обуздать и другіе члены тѣла, болѣе грубыя и недѣятельные,—удержать руки отъ хищенія, ноги отъ неправаго теченія. Языкъ, по выраженію апост.—какъ бы нѣкоторое кормило въ нашей тѣлесной природѣ. „Се и корабли велицы суще и отъ жестокихъ вѣтровъ заточаеми, обращаются малымъ кормильцемъ, аможе стремленіе правящаго хощетъ: такоже и языкъ малъ убо есть, и велми хвалится“ [17]). Отсюда, кто искусенъ въ управленіи своимъ языкомъ, тотъ управитъ и всѣмъ тѣломъ, не смотря на самые сильные порывы страстей и пожеланій чувственныхъ. И какъ языкъ легкостію и быстротою движенія подражаетъ быстротѣ душевныхъ движеній, то научившійся постоянно обуздывать языкъ не неопытенъ будетъ и въ управленіи своими помыслами и самою свободою. „Стяжи безмолвіе, говоритъ св. Ефремъ Сиринъ, и оно возвыситъ тебя надъ страстьми“ [18]); кто возшелъ на степень этой добродѣтели (т. е. молчанія), говоритъ Іоаннъ Лѣствичникъ, тотъ въ состояніи однимъ ударомъ разсѣчь крѣпко сплетенный узелъ пороковъ“ [19]).

Св. царь и пророкъ Давидъ говоритъ: „охраню пути моя, еже не согрѣшати ми языкомъ моимъ: положихъ устомъ моимъ хранило, внегда востати грѣшному предо мною [20]). Такой обѣтъ далъ нѣкогда себѣ и Богу прошедшій едва ли не всѣ пути духовные Давидъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и св. столпники, обрекая себя на молчаніе, одною изъ главныхъ цѣлей своего подвижничества поставляли—не согрѣшать языкомъ. Въ самомъ дѣлѣ, слово наше, по превратному его употребленію, служитъ источникомъ многихъ нравственныхъ золъ. „Словеса орудіе суть міра сего“, сказалъ св. Исаакъ Сиринъ [21]), имѣя въ виду превратное употребленіе слова. И въ самомъ дѣлѣ, это

---

[16]) Іак. III, 2. [17]) Іак. III, 4, 5. [18]) Слово о безмолвіи, л. 126 об. [19]) Лѣствица, ст. II-я. [20]) Пс. XXXVIII, 2. [21]) Добр. 11, 49.

такое орудіе, помощію котораго міръ преимущественно можетъ дѣйствовать и оказывать могущественное и вмѣстѣ гибельное свое вліяніе на человѣка. „Тлятъ обычаи благи бесѣды злы“ [22]), говоритъ апостолъ. Будучи постоянно чисты и свободны отъ грѣховъ словесныхъ, столпники самымъ дѣйствительнымъ и надежнѣйшимъ образомъ защищали себя отъ вреднаго вліянія со стороны человѣческихъ обществъ, преграждали главный входъ въ душу свою злу, текущему въ мірѣ и становились недоступными для многихъ соблазновъ и искушеній его.

„Безмолвіе есть надзиратель помысловъ, учитель размышленій, приращеніе ума“, говоритъ св. Іоаннъ Лѣствичникъ [23]). И въ самомъ дѣлѣ, ничто такъ не содѣйствуетъ размышленію, чистотѣ и возвышенности мысли, какъ совершенное безмолвіе. Употребленіе слова, по большей части, ведетъ къ разсѣянности, а ничто столько не препятствуетъ здравому разсужденію, какъ разсѣянность. И древніе мудрецы понимали достоинство молчанія и, можно сказать, полагали въ немъ тайну своей мудрости. Такова была школа Пиѳагорейская: она не прежде открывала для своихъ питомцевъ сокровищницу мудрости, какъ послѣ трехлѣтняго искуса ихъ въ молчаніи [24]). Поэтому, св. столпники, заключая уста свои, безъ сомнѣнія, непрестанно питали духъ свой благочестивыми размышленіями, восходя мыслію къ высочайшимъ предметамъ вѣры, что извѣстно у аскетовъ подъ именемъ умнаго дѣланія, занимались богомысліемъ, умною молитвою, безпрерывно, такъ сказать, священнодѣйствовали и служили въ тайнѣ духа своего Богу.

Безмолвіе, заключая человѣка въ себѣ и, сосредоточивая внутреннюю его дѣятельность въ немъ самомъ, сообщаетъ ему полноту внутренней жизни, особенную крѣпость и силу духа. „Исцѣленіе языка древо жизни: храняй же его, исполнится духа“, говоритъ премудрый Соломонъ [25]). Вообще, благочестивое молчаніе и жизнь безмолвная могутъ служить наилучшимъ средствомъ къ прес-

---

[22]) Кор. XV, 33. [23]) Ст. II-я. [24]) Лекц. проф. Миртова по ист. ф-іи 1898 г. [25]) Притчи XV, 4.

пѣнію въ духовномъ совершенствѣ и къ возрастанію внутренняго человѣка. „Безмолвіе нива Христова, плодоносная, плоды приносящая благіе“, говоритъ св. Ефремъ Сиринъ [26]). Таково вообще свойство добродѣтелей христіанскихъ и совершенствъ духовныхъ, что онѣ всего болѣе любятъ зачинаться, расти и созрѣвать въ тайнѣ сердца человѣческаго, и чѣмъ глубже корень ихъ и сокровеннѣе во внутренней жизни человѣка, тѣмъ и самыя добродѣтели бываютъ выше и плодовитѣе. Ап. Петръ поставляетъ даже молчаніе отличительною чертою внутренней жизни человѣка: „и потаенный сердца человѣкъ, говоритъ онъ, въ неистлѣніи кроткаго и молчаливаго духа“ [27]).

Но подвигъ молчанія представляется несообразнымъ съ природою человѣка, какъ существа разумно словеснаго. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, каждый можетъ собственнымъ опытомъ убѣдиться, какъ несродна и тяжела намъ жизнь уединенная, въ отчужденіи отъ всякаго сообщества съ подобными намъ людьми. Такъ что, кто обрекаетъ себя на безмолвіе, тотъ, повидимому, оставляетъ въ небреженіи даръ Божій и дѣлаетъ насиліе надъ своей природой. Но, съ другой стороны, если оно было вовсе противно требованіямъ и законамъ земной нашей природы,—его и въ такомъ случаѣ можно было бы оправдать высшими нравственными цѣлями, требованіями и законами, которыми человѣкъ преимущественно и долженъ управляться. И естественный разумъ внушаетъ низшія земныя требованія природы подчинять высшимъ, духовнымъ, удовлетворяя первымъ столько и тогда, сколько и когда онѣ служатъ къ достиженію нравственнаго совершенства, совѣтуетъ также нерѣдко, для этой цѣли, вовсе отказывать нѣкоторымъ низшимъ требованіямъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ повелѣваетъ даже самую жизнь земную приносить въ жертву добродѣтели. Христіанство же тѣмъ болѣе заповѣдуетъ покорять плоть духу, земное—небесному, такъ какъ духъ и основаніе всего

---

[26]) Слово о безмолвіи, л. 126 об. [27]) 1 Петр. III, 4.

христіанства состоитъ въ самоотверженіи, по которому человѣкъ — христіанинъ долженъ отречься всего себя,—со всѣми требованіями грѣховной своей природы, для воли Божіей и собственнаго спасенія. Поэтому, св. столпники, избиравшіе молчаніе, какъ средство къ высшему духовному совершенству, поступая нѣкоторымъ образомъ вопреки земной природѣ, въ тоже время дѣйствовали вполнѣ сообразно съ высшимъ предназначеніемъ и въ духѣ истиннаго христіанства. Они то, можно сказать, прямымъ образомъ осуществили въ своей жизни то, что совѣтуетъ Спаситель касательно управленія естественными требованіями и органами тѣлесной нашей природы. „Аще око твое десное соблазняетъ тя, изми е и верзи отъ себе: уне бо ти есть, да погибнетъ единъ отъ удъ твоихъ, а не все тѣло твое ввержено будетъ въ геенну огненную“ [28]). Впрочемъ молчаніе имѣетъ нѣкоторое основаніе и въ человѣческой природѣ. Если въ человѣкѣ есть естественная потребность и стремленіе бесѣдовать съ подобными себѣ, то ему равно естественно, по временамъ, заключаться въ себя и бесѣдовать только съ самимъ собою, внутренно—въ тайнѣ своихъ помысловъ. Отсюда всѣмъ, болѣе или менѣе, свойственна скрытность, склонность къ уединенію, и такъ сказать, къ самособесѣдованію. Поэтому, и собесѣдованіе и молчаніе равно естественны человѣку и въ словесной дѣятельности его обыкновенно смѣняются одно другимъ. Даже можно сказать, что основаніе безмолвія въ природѣ человѣческой лежитъ еще глубже. Если потребность собесѣдованія съ подобными себѣ вытекаетъ изъ предназначенія человѣка для жизни общественной, то безмолвіе, или, что тоже, самособесѣдованіе, основывается на томъ, что, онъ долженъ жить въ себѣ и съ собою; но, очевидно, человѣкъ всегда ближе къ самому себѣ, нежели къ другимъ. Въ нѣкоторыхъ людяхъ эта наклонность къ безмолвію и самособесѣдованію, дѣйствительно, беретъ весьма замѣтный перевѣсъ надъ потребностью бесѣдовать съ другими, такъ что

---

[28]) Мѳ. V, 29.

они чаще и наиболѣе любятъ жить въ себѣ и неохотно прерываютъ свою внутреннюю тайную бесѣду, чтобы предаваться собесѣдованіямъ общимъ. Вотъ уже и естественный переходъ и начальный шагъ къ постоянному безмолвію. И съ этой точки зрѣнія безмолвіе св. столпниковъ не можетъ казаться страннымъ, противоестественнымъ.

Далѣе, молчаніе св. столпниковъ можетъ представляться противнымъ обязанности человѣка-христіанина—назидать и утѣшать братій своихъ словомъ. Въ самомъ дѣлѣ, бываютъ случаи, когда нужно преподать совѣтъ и утѣшеніе страждущему, вразумить неопытнаго, обличить заблуждающагося и упорнаго,—вообще, послужить словомъ пользѣ ближняго. Подвижникъ молчанія, повидимому, отрекается отъ исполненія этой спасительной, по своимъ дѣйствіямъ, обязанности.—Но, вѣдь, св. столпники только временно отрекались отъ этой обязанности, и безъ сомнѣнія потому, что, глубоко смиряясь, признавали себя недостойными учить [29]), а тщательно занимались самоисправленіемъ и заботились только о томъ, чтобы опытомъ жизни самимъ научиться дѣятельному благочестію. Притомъ, какъ извѣстно, столпники не всегда безмолвствовали, а поучали народъ, да кромѣ того сама ихъ жизнь была внятнымъ и многознаменательнымъ урокомъ для разумныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ поучительно было видѣть человѣка на землѣ, нѣкоторымъ образомъ уже не принадлежащаго землѣ, своимъ постояннымъ пребываніемъ въ себѣ, внутреннею и внѣшнею тишиною и всегдашнимъ самообладаніемъ разительно изобличающаго разсѣянность міролюбцевъ, необузданность страстей и вожделѣній.

---

[29]) Они, какъ извѣстно, отказывались отъ пресвитерства, главною обязанностью котораго было учительство.

ГЛАВА IV.

Проявленіе созерцательнаго аскетизма въ „столпничествѣ". Самосозерцаніе св. столпниковъ, или стремленіе къ собранности духа и къ самообличенію своей грѣховности.

Въ связи съ уединеніемъ и молчаніемъ св. столпниковъ стоитъ другой видъ аскетическаго столпническаго упражненія — созерцаніе, къ которому молчаніе служило лишь подготовительною ступенью. Подъ созерцаніемъ въ области религіозно-нравственной жизни вообще разумѣется такая дѣятельность духа, вслѣдствіе которой намѣренно долго останавливается мысль и размышленіе на предметѣ религіознаго значенія. Такими предметами могутъ быть: самъ Богъ, божественное откровеніе въ священномъ писаніи, природѣ и исторіи или же самъ человѣкъ въ его настоящемъ и будущемъ (жизнь и смерть). Уже въ языческомъ мірѣ религіозное созерцаніе занимаетъ видное мѣсто среди предметовъ, принадлежащихъ къ сферѣ аскетической дѣятельности. Пиѳагорейцы упражнялись въ созерцаніи, которое сопровождалось у нихъ молчаніемъ и самымъ строгимъ самоиспытаніемъ. То же самое встрѣчаемъ у стоиковъ, которые высоко цѣнили созерцаніе; неоплатоники созерцаніе Божества считали высшею обязанностію разумнаго человѣка. Св. столпники, уединяясь и пребывая въ молчаніи, „душу свою направляли къ небеснымъ; по выраженію церковной пѣсни [1]); умъ ихъ виталъ въ горнемъ [2]). Съ мыслью о Богѣ у св. столпниковъ неотлучна была и мысль о своемъ сердцѣ, которое они тщательно охраняли отъ всякихъ даже помысловъ. Св. Симеонъ Дивногорецъ „соблюдаше себе отъ помышленій находящихъ" [3]), и всѣ другіе св. столпники, естественно, заботились о томъ же. Но такъ какъ они, прервавъ всякія связи съ людьми, предоставлены были самимъ себѣ и водительству собственнаго разума и

[1]) Кан. 9 пѣснь, 26 ноябр. [2]) Кан. 6 пѣснь, 26 ноября. [3]) Четьи-Минеи, 24 мая.

легко могли подвергнуться опасности впасть въ мечтательность, т. е. въ такое состояніе, въ которомъ человѣкъ дѣлается открытымъ для искушеній, то они должны были слѣдить за собою для того, чтобы не разсѣяваться множественностію вещей міра сего, чтобы подвергнуть искусу собственное сердце и сдѣлать его способнымъ къ размышленію о Богѣ, къ молитвенному обращенію къ Богу. Отсюда естественно являлось у нихъ самосозерцаніе, которое есть дѣятельность размышляющаго ума, направляющаго свои взоры на собственное свое я.

Въ этой формѣ созерцаніе, какъ собранность духа, какъ стремленіе къ самоиспытанію и самонаблюденію и сопровождало аскетическую жизнь св. столпниковъ. Житія ихъ не говорятъ подробно и раздѣльно о томъ, какъ происходило самосозерцаніе у св. столпниковъ, носило ли оно систематическій характеръ и совершалось ли по извѣстнымъ правиламъ и въ извѣстное время, хотя можно изъ описанія уставовъ столпническихъ отчасти догадываться о предметахъ созерцанія и о времени созерцанія: св. Симеонъ первый съ утра до 9 часовъ вечера молился Богу: послѣ 9 час. до солнечнаго захода занимался чтеніемъ божественныхъ книгъ и писаніемъ; по заходѣ солнца снова начиналъ молитву, которую продолжалъ всю ночь до зари. „Свѣтающу же дню, повелѣваше сну, аки рабу, да приступитъ къ нему мало“; послѣ немногаго отдыха снова начиналъ свое молитвенное правило [4]). Св. Симеонъ Дивногорецъ держался такого же почти порядка [5]). Про другихъ св. столпниковъ извѣстно, что они почти цѣлыя сутки посвящали созерцанію (св. Алипій, св. Даніилъ). Фактическимъ подтвержденіемъ этого можетъ служить и самое столпостояніе ихъ. „Чувственное жилище имѣя столпъ твой, мысленный же и небесный градъ горній Сіонъ“, поется въ стихирахъ св. Симеону I. „Тѣло твое на столпѣ оградивъ, умомъ шествовати невозбранно къ желаемому попустилъ еси“ [6]). „Тѣломъ возшедъ на столпъ, умъ же возвысивъ на премірная“ [7]). Мы

---

[4]) Четьи-Минеи, 1 сент., л. 8. [5]) Тамъ же, 24 мая, л. 159 об. [6]) Изъ службы св. Алипію, 26 ноября. [7]) Изъ службы св. Никитѣ.

знаемъ, что подвижники восходили на столпы для свободнаго, ничѣмъ не стѣсняемаго, богомыслія. Со столповъ они не сходили, за исключеніемъ важныхъ случаевъ [8]) и потому, принимая во вниманіе ихъ личную цѣль, преслѣдуемую ими въ столпостояніи (стремленіе къ богомыслію), смѣло можно утверждать, что созерцаніе и самопознаніе св. столпниковъ было непрерывнымъ и едва ли нарушалось приходящими къ нимъ въ виду того, что умъ ихъ и тогда могъ возноситься горѣ и въ самой бесѣдѣ съ людьми они могли упражняться въ созерцаніи, а особенно въ самосозерцаніи, изучая человѣческую природу. Непрерывность аскетическаго созерцанія съ его видами налагаетъ особый отпечатокъ на подвигъ „столпничества“ и отличаетъ его отъ всѣхъ другихъ видовъ подвижничества, въ которыхъ созерцаніе не было непрерывнымъ и нарушалось тѣми обязанностями, какія соединялись съ званіемъ инока, игумена и пр. Итакъ, самосозерцаніе, какъ одинъ изъ видовъ созерцанія, было непрерывнымъ дѣломъ цѣлой жизни св. столпниковъ. Удалившись отъ міра, отъ монашескаго чина, заключившись на столпахъ, они съ неослабной бдительностію наблюдали за каждымъ проявленіемъ своей мысли, внимательно слѣдили за самыми тайными своими чувствованіями и желаніями, и силою Божіей благодати, призываемой молитвою и аскетическими самоотверженными подвигами, св. столпники прозорливо предотвращали даже малѣйшее поползновеніе своей природы къ нарушенію небесной правды; такъ, св. Симеонъ I-й побѣдилъ тщеславіе, которому чуть было не подпалъ обольщенный діаволомъ, явившимся ему на колесницѣ съ приглашеніемъ вознестись на небеса, въ виду якобы окончанія нравственнаго усовершенствованія своего. Постоянно изучая въ себѣ человѣческое существо, прислушиваясь къ непреложнымъ его требованіямъ и наблюдая, за что, для чего и отчего оно находится въ вѣч-

---

[8]) Напр. св. Даніилъ во время безпорядковъ, поднятыхъ царемъ Василискомъ, отвергавшимъ IV-й вселенскій соборъ; св. Савва Вишерскій—разъ въ недѣлю для поученій братіи и св. Кириллъ Туровскій,—остальные не сходили со столповъ, если не считать ихъ переходовъ съ низшихъ столповъ на высшіе.

ной борьбѣ съ самимъ собою, они лучше всѣхъ мудрецовъ понимали истинное достоинство и назначеніе человѣка и небеснаго не приносили въ жертву земному, а земного не чтили, какъ небесное. Эта мысль ясно выражена въ пѣснопѣніяхъ церковныхъ: „привременная вся презрѣвъ, Христу послѣдовалъ еси, небесную славу присно провидя", поется въ сѣдальнѣ по поліелеѣ въ службѣ св. Симеону, „всеблаженне Алипіе, твою изъ млада возложилъ еси жизнь Христу Богу, отъ Негоже укрѣпляемь горшее подчинилъ еси лучшему" [9]); св. Даніилъ „душу вперилъ еси къ небеснымъ" [10]); св. Симеонъ Дивногорецъ „земныхъ отступль, къ небеснымъ возвышаемь, къ Богу взимался присно" [11]). Словомъ, во всѣхъ пѣснопѣніяхъ въ честь св. столпниковъ выражается та мысль, что они въ виду всегда имѣли свое назначеніе и потому обращали особенное вниманіе на внутреннее свое содержаніе, на очищеніе души [12]), какъ храма Божія [13]), стремились къ соблюденію законовъ духа [14]), къ свѣтлости душевной [15]), къ ангелоподобной чистотѣ [16]). Изъ тѣхъ же пѣснопѣній видно, что св. столпники обращали вниманіе не на то, какъ они были обставлены извнѣ, а на то, чѣмъ обусловлено ихъ самобытіе и какимъ оно являлось въ ихъ сознаніи. Они въ данномъ случаѣ забывали не только все принадлежащее имъ мірское, но и собственную свою личность для того, чтобы между сознаніемъ ихъ и ими самими не посредствовали никакіе эгоистическіе интересы, но смотрѣли на себя, какъ на предметъ посторонній. Умъ св. столпниковъ принадлежалъ всецѣло Богу, а тѣло не составляло какъ бы ихъ достоянія потому, что они умерщвляли его великими аскетическими подвигами и старались покорить его духу [17]). Объявлля борьбу плоти, распиная ее, св. столпники чрезъ это объявляли непримиримую вражду тому, что противно истинной жизни, чрезъ эту борьбу они и стремились искоренить въ самомъ заро-

---

[9]) Стих. на Госп. воззв., 26 ноября. [10]) 11 дек., изъ канона. [11]) 24 мая, стихиры. [12]) „Тѣло омочивъ слезами, душу очистилъ", поется въ службѣ св. Симеону I-му. [13]) Сѣдал., 1 сент. [14]) Изъ канона св. Алипію, 26 ноября. [15]) Св. столпники именуются мужами свѣта, свѣтоподобными и пр. [16]) Называются ангелами на земли. [17]) Изъ службы св. Даніилу, 11 дек., изъ канона.

дышѣ нравственныя бѣдствія. А достигнуть этого и можно было не иначе, какъ подъ условіемъ распятія плоти, умерщвленія, уничтоженія ея, чтобы духъ могъ пріобрѣсти полный просторъ и свободу, т. е. стремленіе къ тому, что даетъ жизнь всему случайному, измѣнчивому. Вѣдь, плоть врывается всюду и на все полагаетъ свой характеръ мертвенности и тлѣнія, такъ какъ вездѣ есть для нея пища, потому что во всемъ есть сторона не только внутренняя, но и внѣшняя, не только существенная, но и случайная, не только неизмѣнная, но и подлежащая измѣненію. Это ясно видно изъ того, что св. столпники, упражнявшіеся только въ богомысліи и молитвѣ, подчинялись иногда плоти. Св. Симеонъ I-й едва не подпалъ грѣху тщеславія; св. Симеонъ Дивногорецъ попущеніемъ Божіимъ, „да не хвалится всяка плоть предъ Богомъ", подвергся сильному плотскому искушенію во снѣ и едва не осквернился во снѣ [18]). Чтобы истребить въ себѣ грѣхъ (плоть), св. столпники и умерщвляли тѣло. Такъ, св. Симеонъ Дивногорецъ „часто многіе дни и нощи безъ сна провождаше. Единою же тридесятъ дней и тридесятъ нощей отнюдъ не воздремася, моля Бога, да весьма отъиметъ отъ него сонъ, и бысть ему отъ благодати Божія речено: подобаетъ тебѣ мало нѣчто сномъ тѣло упокоевати" [19]). Св. Симеонъ I-й, по сказанію блаженнаго Ѳеодорита, „овогда стояше неподвижимъ надолзѣ, овогда же частыя творя поклоны, молитвы принося Богу". Одинъ любопытный хотѣлъ сосчитать—сколько положитъ поклоновъ св. Симеонъ и могъ насчитать только 1244 поклона, послѣ чего усталъ, „не могій болѣе смотрѣти на высоту столпную: обаче святый не изнеможе отъ поклоненія [20]). Св. Алипій „свергъ покровъ малый со столпа, иже бѣ надъ главою, его, стояше имущи покровъ небо, зиму же и зной и вся воздушная премѣненія, дожди и грады, снѣгъ же и ледъ, и мразъ доблественно терпящи". Пораженный язвами на ногахъ, за 14 лѣтъ до своей смерти, и лишенный возможности стоять, св. Алипій сталъ лежать

---

[18]) Четьи-Минеи, 24 мая, л. 158 об. [19]) Четьи-Минеи, 24 мая, л. 159 об.
[20]) Четьи-Минеи, 1 сент., л. 7 об.

на одномъ боку до конца жизни, и когда ученики его хотѣли перевернуть его на другой бокъ, то „онъ никакоже сему быти попускаше, но терпяше, благодаря Бога“ [21]). Вотъ какъ охарактеризовалъ аскетизмъ св. Даніила Киръ, епископъ фригійскій, въ благодарность за исцѣленіе своей бѣсноватой дочери и жены одного воина, написавшій на столпѣ св. Даніила слѣдующіе стихи: „здѣ стоитъ мужъ, отвсюду вѣтры біемъ не боясь; пищу имый безсмертну, сластемъ мірскимъ не общася; основанія давый глубокая зданію, столпы двоезрачны; есть же корень Симеоновъ, славящь Сына Матери неискусобрачны“ [22]).

Св. Никита Переяславскій нагой отдавалъ себя на съѣденіе комарамъ и мошкамъ, которые покрывали его тѣло такъ, „яко ни плоти его познаватися, и мнозѣй крови текущи отъ него“ [23]). Отъ многаго стоянія у св. Симеона I-го загноилась лѣвая нога, на которой онъ стоялъ цѣлый годъ въ наказаніе за то, что хотѣлъ поддаться діавольскому искушенію и сѣсть въ колесницу, чтобы вознестись на небо; черви падали со столпа на землю, а Антоній, ученикъ св. Симеона, по повелѣнію его, собиралъ черви и носилъ ему на столпъ; св. же Симеонъ „прилагаше черви къ язвѣ, говоря: ядите, яже вамъ даде Богъ“ [24]). Сильная боль въ ногѣ „не возможе св. Симеона отторгнути отъ богомыслія“ [25]). Св. Лука, новый столпникъ, „желѣзы себе обложилъ по всей плоти“ [26]). Цѣль такого самоумерщвленія св. столпниковъ выражена списателями житій св. Симеона I-го и св. Дивногорца. Они путемъ такихъ аскетическихъ самолишеній „низлагали помышленія и плѣняли всякій разумъ въ послушаніе Христово“ [27]), стремились къ тому, чтобы не подпасть унынію, а привлечь бы свыше на себя благодать св. Духа [28]). Итакъ, св. столпники изнуряли свою плоть, несли великіе, высокіе подвиги христіанскаго самоотверженія для того, чтобы, побѣдивъ плоть, вознести

---

[21]) Тамъ же, 26 ноября, л. 155 об. [22]) Четьи-Минеи, 11 дек., л. 144. [23]) Прол., 24 мая, л. 58 об. [24]) Четьи-Минеи, 1 сент., л. 5 об. [25]) Тамъ же, л. 7 об. [26]) Прологъ, 11 дек., л. 34 об. [27]) Четьи-Минеи, 1 сент., л. 4 об. [28]) Тамъ же, 24 мая, л. 156 об.

свой духъ къ Тому, Кто превыше всего и всю ее излить предъ Нимъ; надо думать, что самоотверженные подвиги св. столпниковъ проистекали изъ чистаго пониманія ими ученія Христова и яснаго сознанія высокаго назначенія человѣка для жизни на небесахъ, а поэтому, св. церковь и чтитъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы совлечься ветхаго человѣка надобно прилѣпиться ко Христу. По ученію св. отцевъ, Сынъ Божій сдѣлался для спасенія людей человѣкомъ, а человѣку ради Его надо сдѣлаться богоподобнымъ, для чего надобно умерщвлять плоть, потому что всякій тѣлесный покой мерзокъ Богу, Который сказалъ, что узкій и тѣсный путь вводитъ въ животъ [29]). Избирающій этотъ путь произвольно избираетъ себѣ и скорбь по силѣ своей. какъ говоритъ св. апостолъ Павелъ: „умерщвляю тѣло мое и порабощаю“ [30]). Имѣющій это доброе намѣреніе примѣшиваетъ и тѣлесную скорбь: напр.: могу лечь спать на мягкой постелѣ, пишетъ св. авва Іоаннъ, но предпочитаю небольшую скорбь и по собственному желанію ложусь на рогожѣ, ради немощи тѣлесной стыдясь и этого потому, что другіе упокоиваются на голой землѣ, а иные на изголовьяхъ, набитыхъ мякиною, а иные клали и терновникъ подъ голову, предпочитая скорбь [31]). Истинно хотящій спастись говоритъ авва Іоаннъ, долженъ освободиться отъ вліянія своихъ чувствъ и тогда уже пойти въ совершенное безмолвіе, какъ явилъ въ Себѣ и Самъ Іисусъ Христосъ, ибо Онъ, претерпѣвъ гоненія отъ людей, взошелъ, наконецъ, на святой крестъ, что означаетъ умерщвленіе плоти и страстей и святое совершенное успокоеніе [32]). Совершенно умирающіе міру терпѣніемъ и многими скорбями сподобляются пріятія святаго Духа [33]). Святые столпники, умерщвляя свое тѣло, освобождались, такимъ образомъ, отъ вліянія своихъ чувствъ и совершенно отдавались созерцанію. Объяснить это можно вотъ какъ. Нравственная дѣятельность человѣка должна состоять въ сообраз-

---

[29]) Мѳ. VII, 14. [30]) 1 Кор. IX, 27. [31]) Руководство къ духовной жизни. Москва. 1883 г. отв. 113 и 132, стр. 89 и 101. [32]) Руководство къ духовной жизни. Москва. 1883 г. отв. 108, стр. 82. [33]) Тамъ же, стр. 84, отв. 109.

ности его чувствованій, мыслей и дѣйствій съ внушеніями откровенной Іисусомъ Христомъ истины, съ требованіями нравственнаго закона, съ святостью воли и совершенствъ Божіихъ. Когда сердце человѣка предаетъ себя всецѣло въ волю Божію и въ ней одной ищетъ своего утѣшенія, тогда способности его и всѣ силы приходятъ въ порядокъ и согласіе. Плоть обновляется, ощущаетъ въ себѣ новыя и до того неизвѣстныя силы дѣйствовать для Бога и для своего блаженства. Озаренный высшимъ свѣтомъ разумъ видитъ тогда ясно тѣ заблужденія, въ которыя влечетъ его растлѣнное грѣхомъ естество, видитъ ту бездну гибели, къ какой приближаютъ его воюющія въ удѣхъ человѣка страсти и то богатство небесныхъ дарованій, которое Богъ предуготовилъ человѣку ради заслугъ Искупителя. По мѣрѣ же того какъ свѣтъ спасительнаго познанія озаряетъ умъ человѣка и очищаетъ его чувствованія, онъ возносится къ Богу умомъ своимъ и стремится познать волю Божію и исполнить ее. Познаніе воли Божіей открываетъ разуму человѣка все богатство благости Божіей и Его долготерпѣнія, а исполненіе воли Божіей отъ подвиговъ вѣры и преданности простираетъ къ подвигамъ упованія и терпѣнія, правды и мужества.

ГЛАВА V.

Аскетическое воздержаніе св. столпниковъ, какъ сдѣдствіе созерцательнаго ихъ аскетизма и какъ противоборство плотской страсти.

Такимъ образомъ, видно, что св. столпники стремились достигнуть безстрастія и святости, но безстрастія не того, которое проповѣдывали нѣкоторые философы, и которое состоитъ въ умерщвленіи всѣхъ чувствъ, даже святыхъ и благородныхъ. Признательность къ благодѣтелямъ [1]), со-

[1]) Однажды „толика бысть снѣжная буря, яко ученицы св. Даніила столпника ниже очесъ на столпъ возвести, ниже помощи что преподобному можаху. По дни же томъ паки бысть нощь лютѣйша, и паки день такожде до нощи, и едва въ третій

чувствіе и состраданіе къ людямъ бѣднымъ и несчастнымъ [2]), привѣтливость и любовь ко всѣмъ [3]), добродѣтели, которыми отличались св. столпники, показываютъ, что они не умерщвляли и не хотѣли умерщвлять въ себѣ чувствъ. Они, какъ и всѣ св. подвижники, хотѣли только умерщвлять въ себѣ ветхаго человѣка, „да упразднится тѣло грѣховное, яко къ тому не работати имъ грѣху“ [4]); стремились очистить свои чувства отъ всего чуждаго человѣческой природѣ, привлеченнаго въ нее паденіемъ Адама, и поставить ихъ въ зависимости отъ духа, чтобы они не только не препятствовали, но еще содѣйствовали его возвышенію и дѣятельности. И этой высокой цѣли св. столпники достигли, сколько возможно достигнуть человѣку въ этой жизни. Необыкновенная сила ихъ духа, устремленнаго всегда горѣ и преданнаго созерцанію Бога, казалось, одухотворяла самую ихъ плоть и дѣлала ее способною къ перенесенію невѣроятныхъ подвиговъ, направленныхъ къ тому, чтобы достигнуть безстрастія и одухотворенія плоти. Съ этою цѣлью св. столпники до невѣроятности презирали естественныя и необходимыя требованія своей человѣческой природы; они налагали на себя чрезвычайные посты. Св. Симеонъ I-й „чрезъ всю седмицу не ядый пребываше“, а пищу принималъ разъ въ недѣлю и то „зѣло мало и легку“ [5]), отчего „сотворися легокъ и удобенъ къ частому кланянію“. Постничество св. Симеона I-го удивляло современниковъ; такъ, одинъ благочестивый аравійскій священникъ, придя къ св. Симеону и, пораженный его воздержаніемъ, спросилъ его: „человѣкъ ли ты или естество безтѣлесное? Слышалъ я,

---

день утишися, воздухъ: тогда ученицы приставиша лѣствицу, взыдоша на столпъ ко отцу, и обрѣтоша его всего ледомъ омерзша отъ главы до ногъ, мало дыханіе имуща, и едва согрѣяша его, теплотою и губою отирающе тѣло его. Пришедъ же въ себѣ преподобный рече: почто стужаете ми, возбуждаете мя уснувша сладцѣ, моляся бо уснухъ мало: обаче благо вамъ буди, чада, яко толикое имѣете о отцѣ попеченіе“. Чет.-Мин., 11 дек., л. 148. [2]) О чемъ свидѣтельствуютъ чудотворенія св. столпниковъ и ихъ наставленія приходящимъ. [3]) Св. Симеонъ (I-й) всѣмъ равнѣ показоваше и лице свѣтло и слово любовно якоже вельможи тако и рабу, яко богачу, тако и убогу и послѣднѣйшему извергу. (Чет.-Мин., 1 сент.). [4]) Римл. VI, 6. [5]) „ядь его бѣ сочиво моченое и питіе вода“ (Чет.-Мин., 1 сент., л. 5.

что ты не ѣшь, не пьешь, не спишь, а безъ этого человѣкъ жить не можетъ". Св. Симеонъ разсѣялъ его мысли тѣмъ, что пригласивъ къ себѣ на столпъ, показалъ язву на ногѣ, какъ доказательство того, что онъ имѣетъ такую же человѣческую плоть, какъ и всѣ люди [6]). Св. Лука, новый столпникъ, „до шести дней постяся, ничтоже ино въ седмый день вкушая, точію приношаемую ему просфору и зеліе сурово" [7]). Св. Симеонъ Дивногорецъ еще съ дѣтства показалъ свое чудное воздержаніе: въ тотъ день, когда его мать ѣла мясо и пила вино, онъ „не хотяше ссати сосца, и пребываше алченъ даже до заутра", также не вкушалъ отъ лѣваго сосца, а если мать и хотѣла кормить его лѣвымъ, то онъ съ плачемъ отвращался отъ него. Когда ему было 2 года, онъ ѣлъ хлѣбъ, медъ и пилъ воду, а „мяса, ниже коего варенія отнюдь хотяше пріяти"; 6-ти лѣтнимъ послушникомъ въ Пильскомъ монастырѣ св. Симеонъ еще былъ строже, „пощеніе его бѣ сицевое: овогда по тріехъ днехъ, овогда же по седми, а иногда по десяти днехъ вкушаше сочива мочена водою, и воды мало піяше, о чесомъ блаженный столпникъ Іоаннъ игуменъ удивляшеся зѣло" и умолялъ св. Дивногорца подкрѣплять себя пищею [8]). Смыслъ такихъ аскетическихъ пощеній указалъ самъ св. столпникъ Дивногорецъ. Онъ говорилъ своему игумену, что пища рождаетъ скверныя помыслы, помрачаетъ умъ, увеличиваетъ страсть и обращаетъ духовнаго человѣка въ плотскаго, приковывая его мысли къ земнымъ вожделѣніямъ" [9]). Въ самомъ дѣлѣ, по ученію св. отцевъ, постъ является главнымъ средствомъ, способствующимъ человѣку распинать плоть съ ея страстями, особенно же съ самыми пагубными, каковы всѣ виды плотскихъ страстей. „Кто постится, тотъ угашаетъ злыя страсти", говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ [10]). Постъ отнимаетъ у плоти, такъ сказать, ея душу, т. е. все то, чѣмъ она живетъ и сильна. Отнимая у ней пищу и питіё, онъ какъ бы распинаетъ ее, не давая ей ни преобладать надъ духомъ, ни дѣлать ея любимыхъ

---

[6]) Чет.-Мин., 1 сент., л. 4, 5 и 7. [7]) Проп., 11 дек., л. 34 об. [8]) Чет.-Мин., 24 мая, л. 155 и 156. [9]) Тамъ же. [10]) Бес. 57, на Ме.

дѣлъ, каковы по указанію св. апостола Павла: прелюбодѣяніе, блудъ, нечистота, студодѣяніе, идолослуженіе, чародѣяніе, вражды, рвенія, зависть, ярость, разженія, распри, соблазны, ереси, убійства, пьянство, безчинны кличи и под. [11]). Поэтому-то, одинъ опытный въ духовной жизни мужъ сказалъ своимъ ученикамъ: „наши отцы вкушали только хлѣбъ съ солью и говорили: не должно намъ обременять себя и хлѣбомъ съ солью. Потому они и сильны были въ дѣлѣ Божіемъ“. Онъ же говорилъ: „кто изъ животныхъ сильнѣе льва? Но изъ-за чрева своего и онъ попадаетъ въ сѣти, и тогда все могущество его прекращается“. „Если какой царь захочетъ взять непріятельскій городъ, то прежде всего удерживаетъ воду и съѣстные припасы, и непріятели, погибая отъ голода и жажды, покоряются ему. То же бываетъ и съ плотскими страстями. Если человѣкъ будетъ жить въ постѣ и голодѣ, то враги, ослабѣвъ, оставятъ его душу“ [12]).

Св. Симеонъ Дивногорецъ говорилъ, что пища помрачаетъ умъ. Значитъ, постъ напротивъ, просвѣтляетъ и укрѣпляетъ его. Это открывается изъ слѣдующихъ словъ св. подвижниковъ: „если хочешь сдѣлать крѣпкимъ умъ, говоритъ св. Василій Великій, обуздай плоть постомъ. Это и значитъ то самое, что сказалъ апостолъ: въ какой мѣрѣ внѣшній человѣкъ тлѣетъ, въ такой внутренній обновляется [13]) и еще: когда немощствую, тогда силенъ есть [14]). „Кто пребываетъ въ постѣ, говоритъ препод. Исаакъ Сиринъ, у того умъ непоколебимъ и готовъ срѣтить и отразить всѣ лютыя страсти“ [15]).

Такъ, постъ, служа дѣйствительнымъ и необходимымъ средствомъ къ достиженію высшихъ христіанскихъ добродѣтелей, налагался св. столпниками, во-первыхъ, для выраженія ихъ живой любви къ Богу, какая цѣль проистекаетъ изъ общаго христіанскаго нравственнаго начала, обязывающаго всѣхъ съ плачущими плакать, съ радующи-

---

[11]) Гал. V, 19—31. [12]) Дост. сказ. о подвижн. свят. 1846 г. стр. 128, 129. [13]) 1 Кор. IV, 16. [14]) 2 Кор. XII, 10; 1 бес. о постѣ. Твор. св. отцевъ. 1846 г., кн. III, стр. 13. [15]) Твор. св. Исаака Сирина, Москва, 1854 г., сл. 21.

мися радоваться [16]) и, во-вторыхъ,—въ цѣляхъ освященія. Оттого-то „столпничество“ (а также и „юродство“) было сплошнымъ подвигомъ постничества, при помощи котораго св. подвижники свободно могли возносить умъ на небо. Дѣйствительно, „какъ скоро кто начнетъ поститься, говоритъ преподобный Исаакъ Сиринъ, вожделѣваетъ уже съ этого времени умомъ своимъ пріити въ вожделѣніе собесѣдованія съ Богомъ. Ибо тѣло постящееся не терпитъ того, чтобы цѣлую ночь проспать на постели своей. Когда на уста человѣку налагается печать постовъ, тогда помыслъ его поучается въ умиленіи, сердце его источаетъ молитву, на лицѣ у него грусть, и срамные помыслы далеки отъ него, не видно веселости въ его очахъ, врагъ онъ похотѣній и суетныхъ бесѣдъ. Никто никогда не видалъ, чтобы разсудительный постникъ сталъ рабомъ худого вожделѣнія“ [17]).

Кромѣ того, своимъ непрерывнымъ постничествомъ св. столпники, подобно ветхозавѣтнымъ пророкамъ (напр. Іезекіилю) несли, такъ сказать, на себѣ кару Божію за неправды общества.

Въ этомъ увѣряетъ то обстоятельство, что св. столпники постились иногда по 40 дней, въ подражаніе св. пророкамъ. Св. Симеонъ I-й столпникъ ежегодно ничего не ѣлъ [18]) въ св. Четыредесятницу [19]). Почему постился онъ сорокъ дней? Число 40 въ священномъ писаніи всегда являлось числомъ, означающимъ кару, сѣтованіе, исповѣданіе грѣха или наказаніе за его [20]).

Принимая во вниманіе вышесказанное соображеніе, должно думать, что св. столпники 40-дневнымъ своимъ постомъ желали подвергнуть себя наказанію за грѣхи и выразить свое покаянно-сѣтованное настроеніе. Но какъ понимать столь продолжительный почти непрерывный постъ св. столпниковъ, повидимому невозможный для человѣка при обыкновенныхъ условіяхъ? Опытъ нашей ежедневной

---

[16]) Римл. XII, 15. [17]) Сл. 21. [18]) Св. Симеонъ юродивый (21 іюля) тоже въ великій постъ ничего не ѣлъ. [19]) Чет.-Мин.. 1 сент. [20]) Быт. VII, 4, 12; Числ, XIV,—33; XXX, II, 13: Исх. XCV, III; Втор. IX, 25; Втор. XXV, 8; Іезек. XXI, 11; 1 Іоинн. III, 4; 2 Кор. XI, 24; Іезек. IV, 6.

жизни показываетъ, что область высшая вліяетъ на низшую. Изнуренный, измученный полкъ, который черезъ силу тащится, услышавъ звуки хорошо знакомой ему пѣсни, ободряется, забываетъ всю свою усталость: не есть ли это доказательство того, что духъ царитъ не только въ собственной области, но предназначенъ господствовать и господствуетъ уже не въ малой мѣрѣ надъ тою областью жизни человѣческой, которая ниже его? Матерія вмѣсто того, чтобы упорно сопротивляться духу, часто является чудно ему служащею. Чувственность искажаетъ и лишаетъ достоинства наружность человѣка; чистота и любовь облагораживаютъ ее, проливая лучи своего свѣта и на наружный видъ. И что такое самое воскресеніе тѣла, т. е. конечное прославленіе естества или большинство тѣхъ чудесъ, которыя были творимы Господомъ во время Его земной жизни, какъ не дѣйствія духа на вещество? Въ жизни людей можно достаточно находить случаевъ, свидѣтельствующихъ о томъ преобладаніи духа, какое онъ можетъ являть надъ требованіями естественной жизни. Всѣ сильныя страсти, какъ-то: необычайная радость, удручающая скорбь, восторженная набожность, всѣ онѣ, какъ мы всегда видимъ, заставляютъ временно забывать о нуждахъ животной жизни, отложить и прервать ея требованія на время, хотя и не очень продолжительное. Такъ, св. апостолъ Павелъ послѣ своего обращенія три дня не ѣлъ и не пилъ [21]). Св. столпники всю свою жизнь заботились о своемъ внутреннемъ очищеніи и обращеніи и потому, естественно, что они забывали объ удовлетвореніи необходимыхъ естественныхъ потребностей. Кромѣ того, они находились всегда въ борьбѣ съ діаволомъ и въ созерцаніи, приковывавшихъ ихъ умъ къ себѣ и къ тому высшему существу, которое наполняло всецѣло ихъ сердце.

Значитъ, постъ являлся въ жизни св. столпниковъ однимъ изъ способовъ, которыми они распинали и умерщвляли въ себѣ ветхаго и плотскаго человѣка и созидали

---

[21]) Дѣян. IX, 9.

новаго и духовнаго. Подражая примѣру Подвигоположника Іисуса Христа, Который, готовясь выйти на подвигъ искупленія людей, вооружилъ и укрѣпилъ себя сорокодневнымъ постомъ [22]), и св. столпники не иначе приступали работать Господу, какъ укрѣпивъ себя постомъ. Не иначе они совершали крестный свой путь, какъ въ сопутствіи поста; не иначе боролись они съ искушеніями, становились на молитву и прочія совершали подвижническія дѣла, какъ съ постомъ. Самые успѣхи свои въ духовной жизни они измѣряли успѣхами въ постничествѣ [23]), глубоко понимая смыслъ словъ св. апостола Павла: „аще внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется“ [24]).

Вкушая невкусную пищу и послѣ продолжительныхъ промежутковъ, они наблюдали еще при этомъ самую строгую умѣренность. Свойство пищи уже было таково, что не могло возбуждать большого аппетита, однако, мѣрою воздержанія у нихъ былъ не аппетитъ, и они никогда не вкушали до удовлетворенія; „ѣсть не до сыта, оставлять пищу тогда, какъ есть еще нѣкоторый позывъ на нее“, — вотъ какое было правило у св. столпниковъ [25]). Вообще, долговременный опытъ очень хорошо научалъ св. столпниковъ тому — сколько требовала плоть для поддержанія своихъ силъ, чтобы не разслабѣть отъ голода, не сдѣлать ее неспособною къ подвигамъ и совсѣмъ не разрушить ее. Они, надо полагать, смотрѣли на пищу, какъ на лѣкарство, что ясно видно изъ словъ столпника Іоанна, сказанныхъ св. Дивногорцу: „подобаетъ тебѣ о тѣлеси твоемъ имѣти нѣкое попеченіе и подаяти пищу въ мѣру, да возможетъ до конца понести труды постническаго житія“ [26]).

Привыкая къ строгому посту, св. столпники приводили свое тѣло въ такое состояніе, что постъ не только не былъ имъ въ тягость, но напротивъ, малѣйшее невоздержаніе было для нихъ вредно. При такомъ чрезвычайномъ постѣ,

---

[22]) Мѳ. IV, 21; Лк. IV, 2. [23]) Св. Симеонъ I столпникъ постепенно упражнялся въ постничествѣ и усовершался въ этомъ подвигѣ. [24]) 2 Кор. IV 16. [25]) Св. Симеонъ I (1 сент.) просилъ предъ сорокадневнымъ постомъ нѣкоего Вассона запереть себя и оставить хлѣбъ и воду, которые остались нетронутыми въ теченіи 40 дней. [26]) Чет.-Мин., 24 мая.

который, казалось, долженъ былъ изнурить и преждевременно уморить ихъ, св. столпники сохраняли свое тѣло въ полномъ здоровьи, крѣпости и силѣ. Съ утонченіемъ и очищеніемъ плоти, она у нихъ изъ мрачной темницы превращалась въ свѣтлую храмину, и душа ихъ все свободно созерцала и познавала, и постъ св. столпниковъ, такимъ образомъ, являлся слѣдствіемъ ихъ созерцанія, этого святого и благоговѣйнаго расположенія души. Но, вѣдь, какая повидимому связь между благочестивыми помыслами души и употребленіемъ тучной или скудной пищи,—а связь между тѣмъ, есть и очень тѣсная. Дѣло въ томъ, что тотъ, у кого все вниманіе и сердце занято благочестивымъ дѣломъ по необходимости забываетъ объ излишней пищѣ; для него одно требованіе природы служитъ побужденіемъ и мѣрою питанія. И по самому закону естества развитіе духовныхъ силъ, частое упражненіе въ дѣлахъ благочестія постепенно умѣряютъ силу прихотей, укрощаютъ, утончаютъ плоть до того, что она начинаетъ ограничиваться самымъ малымъ количествомъ брашна безъ всякаго ущерба для своей долговѣчности. Таковъ и былъ постъ св. столпниковъ. Долговременная подвижническая жизнь такъ возвышала ихъ духъ надъ плотію, что они, за духовною радостью, не внимали скорби побѣжденной плоти. Значитъ, постъ былъ важенъ для св. столпниковъ въ порядкѣ исправленія жизни, какъ средство или путь къ совершенству. Кто, хотя сколько нибудь, былъ внимателенъ къ своему внутреннему состоянію, тотъ не могъ не замѣтить, сколько нашъ духъ въ настоящемъ состояніи находитъ препятствій въ плоти. Часто мы хотимъ размышлять о небесномъ, а плоть, сокрытыми отъ насъ путями, вноситъ въ душу гнусные образы своихъ страстей; хотимъ рѣшиться на какое-нибудь доброе дѣло, а плоть ослабляетъ эту рѣшимость, и мы откладываемъ добро до другого времени, а потомъ и совсѣмъ забываемъ. Не начинающіе только, но и совершившіеся въ дѣлахъ самоотверженія испытываютъ тягостное ея иго. Самъ св. апостолъ Павелъ жалуется на ея враждебную силу. Потому, чтобы удержать грѣховное вліяніе плоти, надобно укротить ея

силу—распять плоть. А постъ и есть это распятіе плоти со стороны самой плоти. Съ укрощеніемъ страстей и бурныхъ взыграній плоти, постъ, какъ по лѣствицѣ, ведетъ къ богомыслію, потому что духъ и силы человѣка освобождаются постомъ отъ преобладанія плоти. Въ самомъ дѣлѣ, двѣ стороны нашей природы: духовная и тѣлесная поставлены въ такое отношеніе, что одна сторона большею частью усиливается на счетъ другой. И вотъ, когда неправильныя, безпорядочныя требованія низшей природы удержаны въ человѣкѣ строгостію воздержанія, когда отвлечено вниманіе отъ суетныхъ предметовъ, тогда душа уже менѣе находитъ препятствій для высшей, себѣ сродной, дѣятельности, легче сосредоточивается, легче обращается къ самой себѣ. Когда плоть укрощена постомъ и не въ силѣ занимать умъ образами своихъ страстей, въ душѣ удобнѣе открывается другой взоръ, другіе предметы созерцанія—ближайшіе къ духу, небесные, душеспасительные. Какъ скоро постъ оградилъ сердце отъ предметовъ, къ которымъ влечетъ чувственность, въ душѣ скоро возгораетъ пламень чистѣйшей любви, а съ нею и умной молитвы. Оттого и видно, что богомысліе, боговѣдѣніе и всѣ созерцательные аскетическіе подвиги всегда сопровождаются постомъ. Совлекаясь грубой плоти, св. столпники оставались съ тонкимъ и легкимъ тѣломъ, и духовная жизнь раскрывалась въ нихъ во всей своей полнотѣ, приходила въ мѣру совершенства и обнаруживала себя чудесными явленіями. Ихъ духъ такъ былъ свободенъ отъ узъ плоти, что подлинно, по словамъ св. Григорія Нисскаго, совершалъ свои дѣйствія какъ бы въ безтѣлесномъ видѣ. Когда св. столпники становились на молитву или предавались созерцанію, то ихъ душа такъ отрѣшалась отъ земли, возносилась къ небу, умъ такъ занятъ былъ богомысліемъ, что, казалось, онѣ были внѣ тѣла. Внѣшнія чувства всѣ закрывались; ихъ не смущало ни зрѣніе, ни слухъ, ни что другое. Такое состояніе отмѣчено въ житіяхъ св. столпниковъ восторгомъ [27]). Въ

---

[27]) Св. Симеонъ Дивногорецъ „бысть въ восторзѣ".

познаніи своей души, ея внутренняго состоянія, недостатковъ и совершенствъ, страстей и наклонностей св. столпники были необыкновенно проницательными. Всегда трезвенное ихъ око усматривало малѣйшее движеніе души, и самый непримѣтный зародышъ страсти не скрывался отъ ихъ наблюденія. Чувства ихъ были такъ тонки, что проникали въ душу и узнавали внутреннее состояніе каждаго, т. е. имъ свойственно было то, что извѣстно подъ именемъ прозорливости. Ослабивъ и почти расторгнувъ узы, привязывающія ихъ къ землѣ, постъ поставлялъ св. столпниковъ въ состояніе, весьма близкое къ ожидаемому нами безсмертію, какъ говоритъ св. Григорій Нисскій. Они еще здѣсь, на землѣ, начинали жить въ мірѣ будущемъ и духовномъ и отрѣшались отъ формъ пространства и времени. Отсюда св. столпники знали будущее, какъ настоящее, видѣли отдаленное, какъ близкое [28]). Смертный часъ у св. столпниковъ былъ всегда предъ глазами, будущая жизнь съ своимъ раемъ и адомъ такъ имъ казалась близкою, что они, какъ-бы на рубежѣ уже стояли и созерцали, что тамъ дѣлается [29]) и знали, когда совсѣмъ перейдутъ въ небесное жилище. Отсюда у нихъ являлось безпрестанное слезоистеченіе, что называется на святоотеческомъ языкѣ даромъ умиленія.

Утонченная и очищенная постомъ плоть св. столпниковъ нерѣдко показывала въ себѣ чудесныя явленія, свойственныя уже тѣлу будущему и прославленному. Отъ нихъ исходило сіяніе [30]).

Наконецъ, тѣла св. столпниковъ, преображенныя постомъ, остаются нетлѣнны, потому что они, съ помощію благодати, еще заживо умерщвляли въ себѣ причину тлѣнія.

Такимъ образомъ, св. столпники такъ направляли силы души и тѣла, чтобы не отдать ихъ въ плѣнъ плотоугодію,

---

[28]) Св. Симеонъ Дивногорецъ со всею очевидностію и подробностію предсказалъ нападеніе на Антіоха варваровъ, указалъ—какими воротами они войдутъ въ городъ, что и какъ разрушатъ, кого возьмутъ въ плѣнъ и пр. [29]) О чемъ говорятъ видѣнія св. столпникомъ загробнаго міра. [30]) Св. Алипій „толико благоугоденъ Богу бысть, яко въ животѣ еще своемъ небеснымъ свѣтомъ просвѣщаемый бываше". (Чет.-Мин., 26 ноября),

а сколько возможно старались преобладать надъ плотію, обезсиливать ее и доводить до безвредности. „Питаніе, по мнѣнію епископа Ѳеофана, въ нравственномъ отношеніи есть сѣдалище страсти къ грѣховному услажденію плоти или поприще его развитія. Незамѣтно можно развить сластолюбіе и неумѣренность въ пищѣ—два вида чревоугодія, эти губительныя для тѣла и души склонности, прививающіяся къ питанію". Такъ какъ, по мнѣнію преосв. Ѳеофана, въ отношеніи къ тѣлу жалѣніе его является главнымъ зломъ; потому-что оно отнимаетъ всякую власть у души надъ тѣломъ и дѣлаетъ первую рабою послѣдняго, то вполнѣ естественно строгое отношеніе къ тѣлу —этому сѣдалищу самыхъ свирѣпыхъ страстей,—каковы: похоть и гнѣвъ, въ виду того, что нетѣлолюбіе заграждаетъ входъ въ душу непотребному зелью чувственныхъ наслажденій, своеволія, саможалѣнія, образуя противоположныя имъ расположенія и вообще пріучая владѣть тѣломъ, какъ органомъ и не подчиняться ему [31]).

Св. Варсануфій Великій говоритъ: „презри тѣло, которое будутъ есть черви; оно нисколько не поможетъ, когда предастся тлѣнію" [32]). Св. Іоаннъ Великій пишетъ, что о тѣлѣ надобно заботиться только какъ объ орудіи души [33]). Умерщвленіе плоти полезно для души, по его словамъ, такъ какъ она черезъ это не впадаетъ въ болѣзнь [34]). Прилагая сказанное къ поведенію св. столпниковъ, мы находимъ, что они совершенно избѣгали всяческаго „саможалѣнія" и, сокрушая тѣло различными аскетическими подвигами на столпахъ [35]), они тѣмъ самымъ дѣлали все наперекоръ живущему въ плоти грѣху, стремясь самихъ себя поставить въ должныя границы и направить свои дѣйствія, чувства и мысли согласно съ требованіями духа, а не плоти, борясь съ нею до окончательнаго уничтоженія грѣха. Силу для такой борьбы св. столпники пріобрѣтали

---

[31]) Путь ко спасенію, стр. 29, 32, 33. [32]) Рук. къ дух. ж. Москва. 1883 г. отв. 614. [33]) Отв. 515. [34]) Отв. 517, стр. 359, [35]) Стояніемъ на одной ногѣ,—какъ св. Симеонъ I; лежаньемъ на одномъ боку,—какъ св. Даніилъ; борьбою съ холодомъ и жаромъ и пр.

путемъ аскетическихъ подвиговъ. Вѣдь, духовная сила, подобно физической, возрастаетъ отъ упражненія, какъ объ этомъ говорятъ всѣ подвижники [36]), и притомъ, упражненія непрерывнаго, для чего она нуждается въ пищѣ. „Душа, говоритъ преосв. Ѳеофанъ, является въ міръ голою силою, возрастаетъ, богатѣетъ во внутреннемъ содержаніи, а разнообразится въ дѣятельности уже послѣ. Первую пищу для своего образованія она получаетъ извнѣ,—отъ чувствъ, чрезъ воображеніе [37]). Значитъ, духовная пища состоитъ изъ мыслей и чувствъ. Силу же души развиваютъ содержаніе и обсужденіе нравственнаго закона: „чувства доставляютъ матеріалъ воображенію, а воображенный предметъ хранится въ памяти и составляетъ содержаніе души“ [38]). Вслѣдствіе постояннаго созерцанія св. столпники, конечно, забывали о пищѣ, мало заботясь о тѣлѣ, а все свое вниманіе устремивъ на развитіе души. Вслѣдствіе такого сильнаго созерцательнаго напряженія иные изъ св. столпниковъ достигали, при помощи Божіей, того, что вовсе не принимали пищи. Св. Симеонъ Дивногорепъ, послѣ бывшихъ ему небесныхъ откровеній и видѣній, отказался навсегда отъ земной пищи, и питался небесною пищею, приносимою ему ангеломъ. Такое состояніе св. Дивногорца можно объяснить только дѣйствіемъ св. Духа, а со стороны св. подвижника слѣдствіемъ его непрестаннаго созерцанія и самоуглубленія: „никто не освобождается отъ чревоугодія, кромѣ пришедшаго въ мѣру того, который сказалъ: „забыхъ снѣсти хлѣбъ мой. Отъ гласа воздыханія моего прильпе кость моя плоти моей“ [39]). Такой скоро достигаетъ уменьшенія пищи и питья, ибо слезы служатъ ему хлѣбомъ, и наконецъ, доходитъ до того, что питается Духомъ Святымъ“ [40]).

Ничто такъ не мучило св. столпниковъ, какъ плотская страсть и ни надъ чѣмъ не пролито ими столько пота и слёзъ, какъ надъ истребленіемъ этой страсти. Они своимъ опытомъ дознали, что безъ строгаго поста до этого дойти не-

---

[36]) Напр. св. Макарій Египетскій, св. Іоаннъ Лѣствичникъ и др. [37]) Путь ко спас., стр. 33. [38]) Тамъ же, стр. 34. [39]) Пс. CI, 5, 6. [40]) Руков. къ духъ жизни, отв. 96 и 97, стр. 76, 77.

возможно, а посредствомъ усиленнаго воздержанія легко достигнуть безстрастія. Въ виду этого св. столпники принимали на себя подвигъ дѣвственности въ видахъ аскетическаго совершенства въ отношеніи къ безстрастію. Они стремились къ дѣвству, а тѣ, которые состояли въ бракѣ, оставляли женъ (какъ напр., св. Никита Переяславскій столпникъ). Конечно, св. столпники принимали на себя дѣвство не потому, чтобы гнушались бракомъ. Они во всей своей жизни сообразовались Христу, точно исполняя всѣ Его предписанія. Далѣе, всѣ почти св. столпники были посвящены Богу еще до рожденія и принадлежали, значитъ, Ему отъ ложеснъ матери своей. Когда же вступали они на путь подвиговъ, тогда всѣ ихъ мысли были заняты однимъ Господомъ; умъ св. столпниковъ „неразвлекаемо“ [41]) пребывалъ въ любви Божіей и въ памятованіи о Богѣ; стараясь отрезвиться отъ живущаго въ себѣ грѣха, св. столпники не интересовались ужъ земнымъ и прилѣпившись всею любовью ко Христу, естественно удалялись отъ всего того, что такъ или иначе могло мѣшать имъ въ проявленіи своей любви къ Христу. Въ виду этого св. столпники аскетическое воздержаніе для достиженія совершенной дѣвственности доводили до крайней степени. Они совсѣмъ не принимали женщинъ, и онѣ не могли переступать порога ограды столпа. Такъ, царица измаильтянская, при всемъ своемъ желаніи лично поблагодарить св. Симеона столпника (I) и получить его благословеніе, не могла осуществить свое благое намѣреніе [42]). Императоръ Зенонъ, прибывшій къ св. Даніилу столпнику, принужденъ былъ одинъ идти на столпъ, а императрицу оставить внѣ ограды [43]). Избѣганіе женщинъ простиралось до того, что св. столпники подавляли въ себѣ даже родственныя чувства и не хотѣли видѣться ни съ сестрами, ни съ матерью. Св Симеонъ I-й ни подъ какимъ

---

[41]) Твор. преп. Макарія египетск., стр. 482. [42]) Приходящіи жены не дерзаху приближнуся съ оградѣ, но стояху отдалеча, и творяху молитвы своя на столпѣ взирающе, не лишахуся же благодати преп. Симеона, но помощь и различная пріемляху съ вѣрою приходящіи, и возвращахуся съ радостію, благодаряще Бога“. (Чет.-Мин., 1 сент., л. 7. [43]) Тамъ же, стр. 150 об., 11 декабря.

условіемъ не хотѣлъ видѣться со своею матерью. Чѣмъ объясняется такое отношеніе къ женщинамъ вообще и въ частности къ роднымъ? надо полагать, что св. столпники допускали такое отношеніе къ женщинамъ вообще въ видахъ усмиренія жара внутреннихъ своихъ страстей; они старались отсѣкать мерзкую похоть и плотскую страсть даже въ самомалѣйшихъ ея проявленіяхъ, а потому, чтобы не соблазниться мысленно при видѣ женщины, а тѣмъ болѣе глядя ей въ лицо, они рѣшительно избѣгали встрѣчъ съ ними. Препод. Исаакъ Сиринъ говоритъ: „въ борьбѣ съ блудомъ почитай для себя крѣпкимъ и непреодолимымъ оружіемъ удаляться отъ лицезрѣнія женщинъ, такъ какъ противникъ не можетъ произвести въ насъ того, что въ состояніи сдѣлать природа своею силою, ибо не думай, что природа забываетъ о томъ, что всѣяно въ нее Богомъ для чадородія и для испытанія пребывающихъ въ семъ подвигѣ. Но удаленіе отъ предметовъ вожделѣнія умерщвляетъ въ членахъ похоть, производитъ забвеніе о ней и истребляетъ ее“ [44]). Родственныя чувства подавлялись св. столпниками не изъ ненависти ихъ къ женщинамъ, а изъ желанія въ точности осуществить евангеліе [45]), а можетъ быть и по другимъ, какимъ-либо причинамъ, извѣстнымъ св. столпникамъ, но не намъ. Быть можетъ мать, посѣтившая св. Симеона I-го, могла соблазнительно подѣйствовать на него своими разсказами о мірѣ, быть можетъ она пробудила бы загасшія чувства и пр. и пр. Напротивъ, св. Дивногорецъ заботится о своей матери и строитъ ей на нѣкоторомъ разстояніи отъ своего столпа келлію [46]). Св. Алипій постригаетъ свою мать въ монахини, и она, „облечена бывши, нача подвизатися, труды къ трудамъ прилагающи“ [47]). Такимъ образомъ, въ отношеніи къ женщинамъ св. столпники руководились чисто личными своими соображеніями. Одно только можно сказать общее о ихъ отношеніяхъ къ женщинамъ,—общеніе съ ними прямо бы противодѣйствовали ихъ созерцательному направленію.

---

[44]) Сл. 77. [45]) Мѳ. XII, 50. [46]) Семеновъ. Житіе св. Дивногорца. Кіевъ. 1898 г., стр. 21). [47]) Четьи-Минеи, 26 ноября.

Наконецъ, всѣ аскетическія самолишенія св. столпниковъ были слѣдствіемъ ихъ созерцанія и поста. Такъ, изнемогая подъ тяжестью постоянно носимыхъ нѣкоторыми св. столпниками [48]) веригъ, они надѣялись на то, что съ изнеможеніемъ плоти утихнутъ и уничтожатся плотскія страсти. Когда съ св. Симеона I-го сняли вериги, то онъ попросилъ игумена: „пустите меня яко пса смердящаго, достоинъ бо есмь грѣховъ ради моихъ". Игуменъ сказалъ ему: „осьмнадесятъ лѣтъ едва имаши, и которіи суть грѣси твои?" св. Симеонъ отвѣчалъ: „отче, пророкъ глаголетъ: въ беззаконіяхъ зачатъ есмь, и во грѣсѣхъ роди мя мати моя" [49]). — Слѣдствіемъ созерцанія и поста было и продолжительно-непрерывное молитвенное стояніе св. столпниковъ, какъ выраженія покаянія о своихъ грѣхахъ, и всегдашнее умиленіе, какъ плодъ размышленій о грѣховности своей.

ГЛАВА VI.

Аскетическій экстазъ, или самовосхищеніе въ „столпничествѣ". Вопросъ о нравственномъ смыслѣ сновидѣній св. столпниковъ.

Такимъ образомъ, духъ св. столпниковъ постоянно порывался къ своему источнику—Богу, небу, св. Духу. Онъ постоянно усиливался сбросить и стряхнуть съ себя тяжесть плоти и земли и вознестись на небо. Для исполненія своихъ нравственныхъ обязанностей, для удовлетворенія своихъ небесныхъ нуждъ, св. столпники пренебрегали всѣми земными радостями. Для достиженія своихъ высокихъ цѣлей они обрекали себя на лишенія и нужды, бѣдствія, нищету, на постъ усиленный, на всякаго рода жертвы, даже на самомученичество: „вселивъ тѣло твое въ жилище жестоко, поется въ службѣ св. Симеону I-му, страхомъ

---

[48]) Св. Никита Переяславскій.—Къ развитію этого рода аскетизма послужили отчасти евангельскія упоминанія объ узахъ, какія претерпѣлъ ради насъ Іисусъ Христосъ (Іоанн. XVIII, 12. 24; XXI, 18), отчасти указанія на узы первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла. [49]) Пс. L, 7; Четьи-Минеи, 1 сентября.

пригвоздилъ еси духа, укротилъ еси тѣлесныя сокровенныя страсти“ [1]: „всякаго сладострастія, оные, отверглся съ зимою и варомъ боряся пострадалъ еси“, прославляетъ св. церковь св. Алипія, который „успи страсти многообразныя бдѣніи“ [2]. Стоя на этой точкѣ аскетизма, св. столпники уже переставали быть земными и плотяными; они возвышались надъ землею, отдѣлялись совершенно отъ ряда всѣхъ земныхъ существъ, становясь ангелоподобными, небесными, какъ воспѣваетъ св. церковь. „Ума твоего священная движенія творя къ соблюденію божественныхъ законовъ духа, ангелъ явился еси на земли, ангельское жительство съ плотію воспріемъ“, поется въ канонѣ св. Алипію. Такая жизнь уже теряетъ свойства земной жизни; это уже жизнь небесная, жизнь небожителей; для такой жизни уже какъ-бы не существуетъ земли, тѣла, земныхъ радостей, земныхъ удовольствій, даже тѣлесныхъ нуждъ и потребностей. Тѣло, какъ вещь земная, при такой жизни представлялось св. столпникамъ какимъ-то домашнимъ врагомъ, за которымъ не только слѣдуетъ постоянно наблюдать, но и постоянно укрощать, изнурять, преслѣдовать, подчинять духу и, такъ сказать, постоянно одухотворять и лишать его земныхъ и вещественныхъ началъ. Отсюда-то и происходила постоянная борьба св. столпниковъ съ плотью въ цѣляхъ ея одухотворенія и стремленія къ небу: „къ высотѣ небеснѣй имѣя жительство, о тѣлеси небреглъ еси, яко растлѣтися имущемъ“, поется въ службѣ св. Алипію. Подчиняя плоть духу, св. столпники достигали безстрастія: „жезломъ воздержанія страстей море, отче, растерзавъ, прешелъ еси непотопленно и гору достиглъ еси истиннаго безстрастія, и Богу бесѣдовалъ еси ума чистотою“, поется въ канонѣ св. Даніилу столпнику. Такъ, путемъ стремленія къ собранности духа, слѣдствіемъ чего были постъ и всѣ аскетическія лишенія св. столпники достигали высшаго совершенства — безстрастія и сподоблялись величайшихъ откровеній Божіихъ, или, выражаясь аскетическимъ терми-

---

[1]) Изъ канона 9 пѣснь. [2]) Изъ канона 9 пѣснь, 26 ноября.

номъ, „вкушенія“ Бога [3]), котораго достигали они путемъ напряженнаго созерцанія. Такое состояніе можно опредѣлить, какъ экстатическое. Въ жизни св. столпниковъ оно вполнѣ возможно и весьма характерно, такъ какъ экстазъ столпническій не имѣетъ въ другихъ видахъ подвижничества сходства. Св. столпники все время стояли на столпахъ; умъ ихъ углубленъ былъ въ себя и устремленъ на небо, а потому, ничего нѣтъ удивительнаго, что у иныхъ изъ нихъ замѣчалось просіяніе лица, какъ будто лучъ солнца озарялъ св. столпника [4]), или сіяніе звѣзды разливало свои лучи отъ столпа на всю окрестность [5]). Въ житіи св. Симеона Дивногорца повѣствуется, что однажды въ видѣніи Іисусъ Христосъ явился ему, и ангелы по Его повелѣнію возложили на главу св. Симеона „царскій вѣнецъ, каменіемъ честнымъ украшенный, на его же версѣ бяше крестъ блистающъ яко молнія“ [6]). Духъ святый въ видѣ горящей свѣщи сходитъ на св. Дивногорца и наполняетъ премудростію и разумомъ сердце его [7]). Однажды, по сказанію житія, онъ видѣлъ „небо отверсто и Господа Іисуса Христа, окружаема неизреченнымъ сіяніемъ, аки огненными пламенми и святіи архангели Михаилъ и Гавріилъ овъ одесную страну, овъ же ошуюю стоящіи и облакъ подъ ногами его багрянъ; Господь помаваніемъ божественныхъ Своихъ перстовъ благослови Симеона трижды и даде ему финиковъ жезлъ во утвержденіе власти его надъ бѣсами [8]). Три крестообразныхъ звѣзды сіяли надъ столпомъ св. Даніила [9]). Слухъ св. столпниковъ воспринималъ звуки невыразимо гармонической музыки. Св. Симеонъ Дивногорецъ слышалъ пѣніе ангеловъ: „славенъ и препрославенъ есть Христосъ Богъ Царь небесе и земли и рабъ Его Симеонъ похваленъ да будетъ“ [10]). Послѣ того, какъ Самъ Господь освятилъ третій его столпъ, въ воздухѣ раздалось пѣніе:

---

[3]) Невид. брань. Москва 1892 г., стр. 270. [4]) Необыкновенный свѣтъ осіялъ св. Симеона Дивногорца, когда она жилъ на одной Пильской горѣ. [5]) Евагрій схоластикъ-современникъ св. Симеона Столпника (1-го) самъ видѣлъ надъ столпомъ его большую звѣзду, озаряющую всю страну (Прим. къ житію св. Симеона 1 сентября Четьи-Минеи). [6]) Четьи-Минея 24 мая л. 169). [7]) Тамъ-же л. 158 об. [8]) Тамъ-же. [9]) Четьи-Минеи, 11 декабря. [10]) Четьи-Минеи, 24 мая.

аминь [11]). Св. Алипій столпникъ слышитъ пѣніе: „осанна мѣсту сему", т. е. гдѣ должна быть построена церковь во имя св. Евѳимія [12]). Они бесѣдовали съ невидимыми для другихъ существами; такъ св. Симеонъ Дивногорецъ проситъ явившагося Ему Господа Іисуса Христа въ видѣ отрока показать ему—какъ Онъ былъ распятъ іудеями [13]). Жизнь св. столпниковъ полна была аскетическихъ самовосхищеній и откровеній. Св. Дивногорецъ видитъ однажды высокій престолъ; на немъ возсѣдалъ Господь; къ Нему стекалось множество праведниковъ; предъ Нимъ была раскрыта книга жизни, и „творяшеся судъ"; на востокѣ виднѣлся рай сладости, а на западѣ—геена огненная. И сказалъ св. Духъ св. Симеону: „слушай, отрокъ, и разумѣй, что здѣсь видишь; постарайся угодить Господу, чтобы сподобиться чести со святыми и получить неизреченная блага" [14]). Чувство обонянія св. столпниковъ услаждалось невѣдомыми пріятными запахами. Такъ, послѣ возліянія мира (въ видѣніи) на главу св. Дивногорца распространилось благоуханіе [15]). Словомъ, житія св. столпниковъ переполнены описаніемъ ихъ экстатическаго состоянія, котораго они сподоблялись въ состояніи „восторга", какъ замѣчаютъ ихъ житія. Кромѣ того жизнь св. столпниковъ наполнена видѣніями и различнаго рода откровеніями, которыя давались имъ во снѣ. Такъ, св. Даніилъ видѣлъ разъ во снѣ высокій столпъ, на которомъ будто бы стоялъ и спасался св. Симеонъ столпникъ съ двумя ангелами; ангелы будто бы звали его къ себѣ, и когда св. Даніилъ сказалъ, что онъ не можетъ туда подняться, ангелы сами будто-бы подняли его на столпъ, а св. Симеонъ принялъ его и обнялъ. Это предзнаменовало столпосостояніе св. Даніила [16]). Св. Симеонъ I-й во снѣ получаетъ откровеніе о томъ, что онъ долженъ неустанно трудиться въ добродѣланіи. Ему приснилось, что онъ будто-бы копалъ колодезь и копалъ до

---

[11]) Во время молитвы св. Дивногорца въ воздухѣ слышалось иногда пѣніе аллилуія (Четьи-Минеи, 24 мая). [12]) 26 ноября Четьи-Минеи. [13]) Четьи-Минеи 24 мая. [14]) Тамъ-же. [15]) Четьи-Минеи, 14 мая л. 157. [16]) Четьи-Минеи 11 декабря.

тѣхъ поръ, пока невидимый голосъ не остановилъ его: „сіе видѣніе, замѣчаетъ его житіе, сбысться въ немъ, егда сицевое къ созиданію себе и инѣхъ въ смиреніи глубоцѣ положилъ основаніе, яко добродѣтели его естество человѣческое превосходити видяхуся“ [17]). Св. Алипій видитъ во снѣ двухъ лицъ въ священническихъ облаченіяхъ, которые повелѣваютъ ему „умножити“ въ безлюдной пустынѣ славословіе Богу. Въ цареградской церкви онъ во снѣ видитъ св. великомученицу Евѳимію, обѣщающуюся ему быть помощницею въ умноженіи благочестія въ пустынѣ [18]) и пр. и пр.

Какъ объяснить подобныя явленія въ жизни св. столпниковъ? что такое аскетическій экстазъ св. столпниковъ?

У насъ есть такія состоянія, при которыхъ самая напряженная дѣятельность мозга соединяется съ нечувствительностью къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Въ нѣкоторой степени такое состояніе всякому случалось испытывать. Всякому, вѣроятно, приходилось до такой степени быть занятымъ сильно какою-нибудь мыслью, что его нужно было нѣсколько разъ громко звать прежде, чѣмъ онъ услышитъ это. Впечатлѣніе, полученное слуховымъ нервомъ въ этомъ случаѣ безпрепятственно доходитъ до мозга, но оно не сознается, потому что вниманіе сознающаго центра обращено въ другую сторону, приковано къ какому-нибудь образу, возставшему въ нашемъ воспоминаніи или поглощено работой соображенія. Въ довольно сильной степени такія состоянія часто встрѣчаются у мыслителей, поэтовъ, математиковъ, у художниковъ. Самая сильная степень этого состоянія, когда человѣкъ до того поглощенъ внутренней работой мозга, что становится совершенно нечувствительнымъ даже къ самымъ сильнымъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, когда его можно колоть, щипать, рѣзать или жечь, не причиняя ему боли, и есть экстазъ. У людей, пришедшихъ въ подобное состояніе, по взгляду, неподвижно устремленному на воображаемый предметъ, по выраженію

---

[17]) Четьи-Минеи, 1 сентября. [18]) Четьи-Минеи, 26 ноября.

лица, на которомъ изображается высшая степень изумленія, восторга, однимъ словомъ, по всей наружности, сразу видно, что мозгъ у нихъ находится въ состояніи самой напряженной дѣятельности, и что дѣятельность эта обращена исключительно на одинъ предметъ, вниманіе приковано къ одному представленію. Созерцательное положеніе св. столпниковъ на столпахъ и приводило ихъ въ такое экстатическое состояніе, и они были совершенно нечувствительны къ внѣшнимъ ощущеніямъ [19]). Но оно было быть можетъ состояніемъ обморочнымъ? по мнѣнію преосв. Серафима экстазъ есть состояніе бодрственное, въ которомъ человѣкъ и воспринимаетъ возникающія изъ глубины его духа образы, какъ образы внѣшней дѣйствительности, помимо всякихъ другихъ внѣшнихъ впечатлѣній, но похожее на особенный сонъ. Св. Василій Великій вотъ какъ опредѣляетъ экстатическое состояніе: „думаю, что не чувственнымъ слухомъ, не при сотрясеніи воздуха пророки внимали слову Божію, но поелику у разумной души есть свой слухъ, то безъ всякаго голоса достигало сего слуха самое означаемое. И сіе бывало съ ними, когда лучъ истиннаго свѣта достигалъ до владычественнаго въ нихъ и служилъ къ просвѣщенію пророковъ. А гласъ сей внимали тѣ, которые находились внѣ бренныхъ чувствъ и приближались къ исшествію изъ тѣла, ибо когда душа бываетъ въ созерцаніи божественнаго, собираясь сама въ себя чрезъ отрѣшеніе отъ союза съ тѣломъ, тогда говорится, что она въ изступленіи. А когда она занята дѣлами человѣческими или по необходимости служенія тѣлу, или потому, что не можетъ болѣе простираться къ высшему, тогда она какъ-бы переходитъ извнѣ внутрь, какъ-бы въ какой-то домъ или въ городъ, возвращаясь въ сострастіе съ тѣломъ“. Поэтому, св. апостолы Петръ и Павелъ воспринимаютъ видѣнія въ состояніи экстаза [20]) или изступленія. Предъ видѣніемъ

---

[19]) Такъ лица ихъ сіяли радостью и привѣтливостью и не выражали ни тѣни страданія отъ тѣхъ мукъ, какія они испытывали, изнуряя плоть свою, что отмѣчено и въ житіяхъ ихъ „лице же св. Симеона бѣ свѣтло“, 1 сентября. [20]) Дѣян. X, 10; XXII, 17; XII, 9. 11.

славы Господа на Ѳаворѣ св. апостолы, были отягчены сномъ [21]), находились въ страхѣ [22]); во время видѣнія славы Божіей св. Петръ сказалъ: хорошо намъ здѣсь быть... не зная, что говорилъ [23]). По словамъ препод. Исаака Сирина сподобившійся божественнаго вдохновенія во время видѣній бываетъ въ состояніи изступленія („тѣло бездыханно ужаснутъ"), а не просто созерцаетъ видъ чего-либо, „зракъ или образъ возмечтанъ". Въ этомъ состояніи прекращается молитва, движеніе, скорбь или радость, желаніе, самообладаніе, способность къ мышленію, къ движенію представленій согласно сущности ума, а бываетъ оцѣпененное удивленіе, пребываніе въ своемъ видѣніи безъ всякаго движенія. Откровеніе, по взгляду св. Исаака Сирина, большею частію означаетъ явленіе, обнаруженіе чего-либо тайнаго и имѣетъ своимъ предметомъ познаваемое, испытываемое и постигаемое умомъ. Видѣніе же бываетъ иногда въ ясныхъ образахъ, а иногда нѣсколько неясно, такъ что созерцающій видѣніе не знаетъ—на яву-ли видитъ или во снѣ: „еже бо пріемлетъ тѣлесными, говоритъ преп. Исаакъ Сиринъ, можетъ паки тѣми и сказати во странѣ тѣлесъ, а еже внутрь себѣ, во странѣ Духа ощутительнѣ зритъ, или слышитъ, или ощущаетъ внегда возвращается къ тѣлу, не довлѣетъ исповѣсти, вспоминаетъ же точію, яко видѣта; како же,—не вѣсть ясно исповѣсти" [24]). По мнѣнію преосвящ. епископа Хрисанѳа, въ состояніи изступленія человѣкъ, не лишается сознанія, личнаго чувства и активности: „личное сознаніе, говоритъ преосв. Хрисанѳъ, остается неприкосновеннымъ; Духъ Божій нисходитъ и почиваетъ въ человѣкѣ, но не вселяется въ немъ до уничтоженія личности; Онъ объемлетъ человѣческій духъ [25]), облекаетъ его Своею силою [26]), возбуждаетъ, но не нарушаетъ его нормальнаго состоянія, не повергаетъ въ безсознательность". Человѣкъ во время сновидѣнія не лишается сознанія, такъ и въ состояніи экстаза [27]) личное чувство остается при

---

[21]) Лк. IX, 32. [22]) Мр. IX, 6. [23]) Мк. IX, 33. [24]) Епископъ Серафимъ; прорицатель Валаамъ; Спб. 1899 г., стр. 278—280. [25]) Суд. VI, 34; 1 Парал. XII, 18. [26]) 2 Паралл. XXIV, 20. [27]) Слав. „восторга".

немъ, сподобившіеся экстатическихъ состояній сознаютъ, что это откровеніе или видѣніе на яву [28]), высказываютъ свое мнѣніе [29]), ярко и отчетливо помнятъ его всю жизнь и описываютъ [30]) съ мельчайшими подробностями [31]).

Сказанное вполнѣ можно приложить и къ состоянію св. столпниковъ. Откровенія свои они получали въ состояніи „восторга“ („бысть въ восторзѣ“), т. е. такомъ состояніи изступленія, въ которомъ дѣйствія низшей жизни понижаются или отчасти прерываются для того, чтобы сдѣлать возможнымъ лучшее воспріятіе впечатлѣній или сообщеній изъ высшаго міра. Допустимъ, что „восторгъ“, или экстазъ есть обморочное состояніе. Но, вѣдь, сознаніе не прерывается, какъ извѣстно, въ обморокѣ. Внѣшняя, правда, жизнь здѣсь на время останавливается; мышленіе же и чувствованіе не оказываютъ себя ничѣмъ внѣшнимъ образомъ, но мыслящее и чувствующее существо тѣмъ не менѣе сохраняетъ свою внутреннюю жизнь. Экстазъ св. столпниковъ можно опредѣлить какъ заходъ блестящаго солнца здѣшняго міра, чтобы явились ясныя звѣзды небесной тверди. Что личное чувство во время экстаза не покидало св. столпниковъ, въ этомъ утверждаетъ насъ яркое отчетливое воспроизведеніе того, что получено было ими въ экстатическомъ состояніи. Св. столпники подробно описываютъ бывшія имъ видѣнія. Такъ, св. Дивногорецъ описалъ видѣніе рая св. Іоанну игумену [32]). Св. Даніилъ разсказывалъ о видѣніи столпа препод. Сергію и пр. Св. столпники, находясь въ экстатическомъ состояніи, разговаривали съ Богомъ. Такъ, въ началѣ столпническихъ подвиговъ св. Симеона Дивногорца ему явился Іисусъ Христосъ въ образѣ прекраснаго отрока; св. Симеонъ, всѣмъ сердцемъ и любовію къ Нему разгорѣся: позна бо быти Владыку своего и пріі-

[28]) Дан. X, 16; Дѣян. XII, 9. [29]) Дѣян. X, 12-14; XXII, 18. [30]) Дѣян. IX, 3—16; XXII, 6—16; 2 кор. X, 2—4. [31]) Тамъ-же, стр. 274, 275. [32]) Св. Симеонъ Дивногорецъ „бысть въ восторзѣ“, видѣлъ себя восхищеннымъ въ высоту и пространно по всѣхъ вселенныя частяхъ, аки крилата, летающа“, потомъ, онъ взошелъ какъ бы по 7 лѣстницамъ на гору и восхищенъ былъ оттуда на седьмое небо, гдѣ видѣлъ рай, сады прекрасные, палаты великолѣпные, источникъ, откуда миро истекало, Адама и благоразумнаго разбойника“ (Четьи-Минеи, 24 мая, л. 158).

емши дерзновеніе рече: Господи, како Тя распяша іудеи? Господь же крестообразно руцѣ распростеръ, рече: сице іудеи Мя распяша, обаче Самому Мнѣ распятися изволившу. Ты же мужайся и крѣпися сраспинаяся Мнѣ по вся дни“ [33]). Извѣщенный въ откровеніи о имѣющемъ быть нападеніи на Антіохію Хозроя, св. Дивногорецъ молится Богу о томъ, чтобы Онъ отвратилъ Свой праведный гнѣвъ и услышалъ голосъ Божій: „се вопль грѣховъ града сего взыде предъ Мя, гнѣвъ же Мой и ярость подвиже на ся: погублю убо той во грѣсѣхъ его, пославши огнь и мечъ и смерть; той Мя раздражи въ нечестіяхъ своихъ, Азъ же предамъ той въ плѣненіе языку неразумну“. Объ этомъ видѣніи св. Симеонъ Дивногорецъ разсказывалъ приходившимъ къ нему изъ Антіохіи благоговѣйнымъ людямъ и призывалъ всѣхъ къ покаянію [34]). Какъ понять бесѣду св. Симеона съ Богомъ? Это высшая форма откровенія, по мнѣнію преосвящ. Хрисанѳа, есть всего болѣе духовная и всего менѣе чувственная или внѣшняя. Она означала непосредственное знаніе божественной мысли, непосредственное общеніе человѣческаго духа съ Духомъ Божіимъ [35]). Какой же нравственный смыслъ заключается въ подобныхъ откровеніяхъ? Такъ какъ исходной точкой всѣхъ благихъ дѣйствій, пишетъ преосв. Ѳеофанъ, благодатнаго возбужденія служитъ живое сознаніе новаго божественнаго порядка, то милосердый Господь различнымъ образомъ раскрываетъ предъ сознаніемъ обращаемаго Свой божественный міръ, въ которомъ опредѣлено служить человѣческому духу: раскрытіе этого божественнаго чина производится двоякимъ образомъ: а) иногда тотъ самый порядокъ весь или въ частяхъ видимо, ощутительно, самымъ дѣломъ представляется человѣку и б) иногда же духъ человѣка вводится въ него и ощущаетъ его внутренно. Такъ, иногда самый міръ небесный и особенно его чинъ и какъ-бы основныя начала живописуются предъ невѣдущимъ сознаніемъ въ поразительномъ какомъ-либо образѣ, какъ напр. св. Симеону

[33]) Четьи-Минеи, 24 мая. [34]) Тамъ-же. [35]) Религіи древняго міра, Спб. 1873 г. III, стр. 288, 289.

Дивногорцу представленъ былъ весь міръ св. ангеловъ въ противоположность полчищу темныхъ силъ [36]). Иногда дается осязательно ощутить невидимую нѣкоторую силу, среди видимыхъ силъ и явленій дѣйствующую, но разительно отличную отъ нихъ и исходящую изъ иного міра [37]).

Затѣмъ, мы имѣли случай замѣтить, что св. столпники сподоблялись видѣній въ сонномъ состояніи. Въ дополненіе къ приведеннымъ откровеніямъ укажемъ еще нѣсколько сновидѣній. Такъ, св. Іоаннъ столпникъ во снѣ видѣлъ „божественную нѣкую силу, имущую въ десницѣ сотъ медовный и изгнѣтающую надъ главою отрока Симеона, и течаше медъ отъ сота по главѣ его". Монахъ Пильскаго монастыря во снѣ видѣлъ „свѣтоноснаго голубя, дверцами къ св. Симеону влетѣвша и по часѣ излетѣвша, и выспрь къ небеси паряща"; нѣкоторые изъ братіи того же монастыря видѣли во снѣ 3 чертога, а въ нихъ 3 престола, на которыхъ лежали 3 вѣнца; на вопросъ ихъ—кому эта слава уготована? былъ отвѣтъ: Симеону отроку [38]).

Нѣкоторыми за видѣніями святыхъ полученными во снѣ не признается никакого нравственнаго смысла, а самыя видѣнія считаются бредомъ разстроеннаго воображенія святыхъ, галлюцинаціями, т. е. ощущеніями, образующимися безъ внѣшняго раздражителя. Профессоръ П. И. Ковалевскій говоритъ, что видѣнія могутъ вызываться внѣшней обстановкой, располагающей къ мечтательности. „У мечтательныхъ людей, особенно рѣзко выражена образная жизнь. У нихъ главную роль играютъ образныя представленія и ощущенія. Путемъ постояннаго упражненія образность эта бываетъ столь велика, что она подавляюще дѣйствуетъ на мышленіе. Область видѣній—достояніе людей суевѣрныхъ, фанатиковъ" [39]). Въ книгѣ чудесъ, въ физіологіи незримаго міра Дебэ, переведенной на русскій языкъ въ 1864 г., пишется: „эпидимическое распространеніе отшельничества есть бичъ государства. Однимъ изъ патологическихъ послѣдствій аскетической жизни, которой посвя-

---

[36]) Четьи-Минеи, 24 мая. [37]) Путь ко спас., от. 2, стр. 133, 114. [38]) Четьи-Минеи, 24 мая. [39]) Книжки „Недѣли" 1897 г. іюнь, стр. 111, 112.

щали себя монахи и отшельники, было сосредоточеніе нервной жидкости въ одномъ пунктѣ мозга и происходящія отъ того видѣнія. Если кажущійся сверхъестественнымъ фактъ не повторяется болѣе, то можно смѣло ручаться, что это обманъ и тогда должно отвергнуть его“ [40]). Въ виду такого взгляда на видѣнія является необходимость разсмотрѣть вообще видѣніе съ нравственной точки зрѣнія, предпославъ ей нѣсколько словъ о томъ, какъ священное писаніе вообще относится къ явленіямъ психической жизни человѣка.

Сны, по ученію священнаго Писанія, бываютъ средствомъ нравственнаго наставленія человѣка, при непосредственномъ воздѣйствіи въ этомъ случаѣ высшаго духовнаго міра. Совѣсть, руководящая человѣкомъ, можетъ, по ученію свящ. писанія, получать, такъ сказать, въ подкрѣпленіе себя непосредственныя божественныя указанія во время сна человѣка. Такъ, Богъ являлся ночью во снѣ Авимелеху угрожающимъ и увѣщавающимъ за Сарру жену Аврама [41]) и Лавану [42]). Жена Пилата проситъ своего мужа не дѣлать ничего Праведнику „много бо пострадахъ днесь во снѣ Его ради“ [43]). Въ книгѣ Іова разсказывается о явленіи такого рода съ цѣлью показать человѣку его грѣховность и ничтожество: „возглаголетъ Господь, говоритъ Еліусъ, во снѣ, или въ поученіи нощнѣмъ, или яко егда нападаетъ страхъ лютъ на человѣки, во дреманіихъ на ложи: тогда открыетъ умъ человѣческій, видѣнми страха тацѣми ихъ устрашитъ. Да возвратитъ человѣка отъ неправды, тѣло-же его отъ паденія избави. Пощадѣ же душу его отъ смерти, еже не пасти ему на брани“ [44]). Такіе сны останавливаютъ человѣка на пути его къ погибели, заставляютъ его размыслить о своемъ поведеніи и служатъ, такимъ образомъ, однимъ изъ безчисленныхъ предупредительныхъ благодатныхъ средствъ, доказательствомъ неисчерпаемаго милосердія Божія къ человѣку. Далѣе, изъ свящ. писанія извѣстны такіе сны, въ которыхъ

---

[40]) Христ. чт. 1866 г. августъ: совр. матер. и церк. средст. прот. него. [41]) Быт. XX, 3. [42]) — XXXI, 24. [43]) Мѳ. XXVII. [44]) Іов. XXXIII, 14—18.

Богъ открывалъ людямъ Свою волю относительно какого-либо обстоятельства и въ которыхъ даетъ имъ свѣдѣнія о такого рода будущихъ событіяхъ, какія не могутъ быть предвидимы человѣкомъ. Таковы сны Навуходоносора, св. Даніила пророка и др. Если такія сновидѣнія посылаются человѣку, избранному Богомъ для возвѣщенія Его воли людямъ, то они суть пророческія сновидѣнія въ собственномъ смыслѣ. Такимъ характеромъ и отличались сновидѣнія св. Дивногорца, который предъ нашествіемъ на Антіохію Хозроя видѣлъ взятіе города, слышалъ вопли и плачъ жителей, одни изъ которыхъ были убиваемы, другіе—отводимы въ плѣнъ и др. подробности, въ видѣніи же ему было сообщено, что мѣсто около столпа будетъ безопасно [45]), а также и св. Симеона I-го о нашествіи персовъ и скиѳовъ [46]). Нравственный смыслъ сновидѣній опредѣляется самими же житіями св. столпниковъ. Св. Дивногорецъ разсказывалъ о бывшемъ ему видѣніи нѣкоторымъ антіохійцамъ и призывалъ ихъ къ покаянію. Послушавшіе его и оставшіеся у его столпа, остались невредимы. Также, персы и скиѳы совсѣмъ уже приготовились на брань, но молитвами св. Симеона были остановлены въ своемъ намѣреніи [47]).

Смыслъ сновидѣній и видѣній св. Дивногорца св. столпникъ Іоаннъ, послѣ того какъ разсказалъ ему св. Симеонъ о видѣніи имъ рая, объяснилъ такъ: „благословенъ Богъ, о чадо, давый тебѣ благодать такую". Значитъ, видѣнія—это та сила благодати Божіей, которая укрѣпляла, съ одной стороны св. подвижниковъ въ аскетическихъ подвигахъ [48]),—а съ другой—наставляла и вразумляла грѣшниковъ [49]).

---

[45]) Четьи-Минеи, 24 мая. [46]) Тамъ-же, 1 сентября. [47]) Четьи-Минеи, 24 мая и 1 сентября. [48]) „Св. Симеонъ и преуспѣваше въ постническихъ трудѣхъ" послѣ видѣній „вразумлялся божественною премудростію, и дадеся ему недовѣдомыхъ откровеніе"; св. Симеонъ I-й столпникъ во снѣ получаетъ откровеніе о томъ, что онъ долженъ непрестанно трудиться въ добродѣланіи. [49]) Сновидѣніемъ игуменъ, изгнавшій св. Симеона I-го изъ монастыря за чрезвычайные аскетическіе подвиги, вразумляется и исправляется въ своемъ поступкѣ. Онъ видѣлъ множество народа, окружавшаго монастырь съ свѣщами и съ оружіемъ и спрашивавшаго „гдѣ находится рабъ Божій Симеонъ? покажите намъ того, кого любитъ Богъ и ангелу, а если не покажете, то васъ сожжемъ вмѣстѣ съ монастыремъ, такъ какъ тотъ совершеннѣе васъ есть, и чрезъ него Господь сотворитъ многія чудеса на землѣ".

Поэтому, сновидѣнія св. столпниковъ служили для нихъ и для общества предостерегающимъ и руководящимъ средствомъ въ дѣлѣ нравственнаго усовершенствованія. Опытъ показываетъ, что видѣнія, особенно соединенныя съ обмороками, глубоко проникаютъ въ сердце человѣка, сильно потрясаютъ его душу и почти всегда сопровождаются рѣшительною перемѣною жизни. Такъ, удачная борьба во снѣ съ страшнымъ эѳіопомъ и награжденіе отъ ангела драгоцѣнными вѣнцами съ обѣщаніемъ еще большихъ наградъ, вызвали св. Андрея на трудное поприще „юродства", а видѣніе Бога въ образѣ царя укрѣпило его на этомъ поприщѣ [50]). Видѣніе св. Даніиломъ столпа св. Симеона побудило его избрать подвигъ „столпничества" [51]). Св. Алипій послѣ бывшихъ ему сновидѣній стремится въ безлюдной пустынѣ водворить и водворяетъ „славословіе Богу", и самъ восходитъ на столпъ [52]). Св. Никита Переяславскій, пораженный видѣніемъ, сразу измѣняетъ свой образъ жизни и принимаетъ подвигъ „столпничества".

ГЛАВА VII.

Общественное служеніе святыхъ столпниковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если созерцательная жизнь св. столпниковъ состояла въ самоуглубленіи, въ изученіи своей души въ ея тончайшихъ изгибахъ, непрестанномъ изслѣдованіи своихъ помысловъ, въ постоянной борьбѣ съ грѣховными движеніями души, въ молитвенномъ общеніи съ Богомъ, если они, при помощи этой работы надъ собою, дѣлались иногда глубокими психологами, хотя были даже совсѣмъ простецами, какъ это мы видимъ на примѣрѣ св. Симеона I-го столпника, бывшаго пастухомъ, то кто же, какъ не такое лицо, можетъ подать лучшій совѣтъ въ затрудненіи, исцѣлить душевныя язвы, примирить сомнѣнія,

---

[50]) Четьи-Минеи, 2 октября. [51]) Тамъ-же, 11 декабря. [52]) Тамъ-же, 26 ноября.

поднять падшаго, очистить, успокоить? вотъ потому нѣкогда и стремился народъ толпами къ Іоанну Предтечѣ, жившему въ пустынѣ и углубленному только въ Бога и въ свою душу. Потому-то тысячи духовно-страждующихъ шли въ пустыни къ св. столпникамъ, которые щедрою рукою раздавали всѣмъ плоды своей созерцательной жизни. Не смотря на то, что св. столпники бѣжали отъ людей, ради безмолвія восходили на столпы, однако массы народа стекались отовсюду къ спасительнымъ маякамъ-столпамъ: „стекахуся вси, читаемъ въ житіи св. Симеона I-го [1]), не точію близь живущіи, но и отъ странъ далекихъ, имже многіе дни путь творити потребно бяше. Иніи несуще къ нему больныя своя, иніи же больнымъ въ домѣхъ лежащимъ просяще здравія, иніи напастьми и скорбьми одержими, иніи-же отъ бѣсовъ мучими, и кійждо ихъ не тощъ возвращащеся, но пріимаше овъ цѣльбу, овъ утѣшеніе, овъ пользу, овъ иную кую помощь, и съ радостью отхождаху во свояси, прославляюще Бога. И бѣ у него видѣти аки рѣки отвсюду стекающіяся различныя народы, племена и языки: исмаилите и персы, армены-же и ивери и гомериты, испаны, вританы и италіане“ [2]). Къ столпу св. Алипія „собирашеся множество народа мужей и женъ, старцевъ съ юнотами [3]). Къ св. Симеону Дивногорцу „отъ всѣхъ странъ безчисленное множество народа прихождаху“. И иноки, и мірскіе люди: одни посмотрѣть на него, другіе—послушать его бесѣды, третьи получить исцѣленіе [4]). Отъ чего зависѣло то, что св. столпники привлекали къ себѣ народъ? объяснить это можно просто. Какъ въ мірѣ физическомъ небесныя свѣтила притягиваются другъ къ другу безъ всякаго вещественнаго посредства, такъ и въ мірѣ духовномъ каждая духовная личность, даже безъ видимаго дѣйствія,—уже однимъ своимъ пребываніемъ на нравственной высотѣ, поднимаетъ и привлекаетъ къ себѣ все сродное въ душахъ человѣческихъ (напр. покойный отецъ Іоаннъ Кронштадтскій). Это одно. Затѣмъ, св. столпники — созерцатели,

---

[1]) Четьи-Минеи, 1 сентября. [2]) Четьи-Минеи, 1 сентября, л. 5. [3]) Тамъ-же, 26 ноября, л. 165. [4]) Тамъ-же, 24 мая, л. 157—161.

обращая вниманіе на свое сердце, способное обнять любовію всю вселенную и особенно на то, какъ дорога душа человѣка въ очахъ Божіихъ, что она искуплена честною кровію Сына Божія и въ обиліи снабжена благодатными силами къ животу и благочестію, конечно, считали себя призванными къ тому, чтобы изъ своего сердца изливать на всѣхъ добро, быть въ нѣкоторомъ отношеніи, позволимъ себѣ смѣлость выразиться, творцомъ блаженства другихъ. Въ ихъ любви къ ближнему, этому второму ихъ я, заключалась всякая власть, и сила, и истина. Вслѣдствіе этой любви и слово св. столпниковъ горѣло огнемъ неотразимаго убѣжденія, согрѣвая теплотою умиленное сердце, услышавшее его и чуждое холоднаго, мертваго нравоученія, оно давало ему миръ и счастіе. Вотъ разгадка того, что столпы были окружены народомъ. Надо полагать, что нравственное величіе подвига „столпничества“ возвышается участіемъ послѣдователей его въ счастіи и спасеніи ближнихъ, отъ спасенія которыхъ зависѣло и ихъ нравственное благополучіе. Какимъ образомъ? Вѣдь, нравственный законъ долженъ быть исполненъ въ духовномъ обществѣ и всѣ повелѣнія этого закона могутъ быть подведены подъ одно общее велѣніе,—именно: обязанность, заключающая въ себѣ всѣ обязанности, состоитъ въ посвященіи себя, со стороны каждаго члена духовнаго общества, общему благу этого общества, т. е. его счастію, понимая подъ этимъ счастіемъ не преходящія радости, которыя могутъ расходиться съ долгомъ и противорѣчить ему, но счастливое состояніе, присущее тому порядку, выраженіе котораго и есть нравственный законъ. Св. столпники, провидя созерцательный образъ жизни, служили себѣ и вмѣстѣ содѣйствовали нравственному благу общества и духовный законъ, такимъ образомъ, осуществляли въ духовномъ обществѣ. Вѣдь, чрезъ исполненіе духовнаго закона чрезъ посвященіе себя общему благу и можетъ только осуществиться благо духовнаго общества. Общимъ выраженіемъ отношеній св. столпниковъ къ ближнимъ былъ законъ человѣколюбія, какъ мы уже говорили, и этотъ-то законъ красною нитью проходилъ чрезъ всю ихъ жизнь.

Признавая въ ближнихъ достоинство и права своей собственной природы, св. столпники самоотверженно стремились облегчать себѣ подобныхъ въ ихъ тѣлесныхъ прежде всего нуждахъ. Когда кто приходилъ къ св. Симеону Дивногорцу „наготствуяй“, то онъ, снявъ съ себя свою одежду, отдавалъ тому, а самъ стоялъ нагой; дѣлалъ онъ это не только лѣтомъ, но и зимой „многажды“ [5]). Св. столпники заботились удовлетворять и духовнымъ нуждамъ общества. Они входили въ состояніе и нужды несчастныхъ и давали необходимые жизненные совѣты. Ко св. Алипію собирались люди „послушати отъ него полезнаго словесе и исцѣлиться отъ недуговъ своихъ душевныхъ же и тѣлесныхъ [6]). Св. Симеонъ I-й „на всякъ день напаяше слышащихъ сердца рѣкою ученія и всякаго пришедшаго къ нему потребы и прошенія послушаше и свары и пренія человѣческая укрощаще и миръ творяше [7]). Св. Симеонъ Дивногорецъ по повелѣнію игумена столпника Іоанна поучаетъ братію, и самъ игуменъ въ сладость его слушаше. „И бяше юный отрокъ, замѣчаетъ житіе, старымъ инокомъ премудръ и полезенъ учитель“ [8]). Такимъ образомъ, стоя на столпѣ и подвизаясь на немъ, св. столпники привлекали къ себѣ массы народа и выступали въ качествѣ учителей съ импровизированной каѳедры. Даже одинъ взглядъ на отрѣшенную отъ всего земного жизнь св. столпниковъ давалъ чувствовать мірскимъ людямъ, чего требуетъ отъ христіанина его небесное званіе, гдѣ его истинное отечество, истинныя радости. Живымъ стремленіемъ къ духовному совершенству св. столпники пробуждали безпечность осуетившихся мірскими заботами и показывали, что значитъ быть истиннымъ христіаниномъ. Истинная ихъ христіанственность и привлекала къ столпамъ не только простыхъ людей, но и царей, и высшихъ духовныхъ лицъ, жаждущихъ наставленія и нравственнаго утѣшенія. Патріархъ антіохійскій Домнъ нарочно изъ Антіохіи прибылъ къ св. Симеону I-му, который много съ нимъ о пользѣ души бе-

---

[5]) Четьи-Минеи, 24 мая. [6]) Четьи-Минеи, 26 ноября, л. 165. [7]) Четьи-Минеи, 1 сентября, л. 8. [8]) Четьи-Минеи, 24 мая, л. 157 об.

сѣдовалъ [9]). Императоръ Маркіанъ (преемникъ Ѳеодосія) часто посѣщаше препод. Симеона столпника (I-го) тайно и много отъ него пользовашеся [10]). Богатому запасу духовной опытности св. столпниковъ способствовали: трезвенность ихъ души, постоянная бдительность надъ собою, борьба съ различными искушеніями на пути къ духовному совершенству; но болѣе всего благодать св. Духа, обильно изливающаяся на усердно работающихъ Господу, — и отсюда даръ сердцевѣдѣнія, ученія и духовнаго помазанія были причиною необыкновенной дѣйственности ихъ наставленій на сердца мірянъ. Оттого „вси не можаху насытитися, замѣчаетъ житіе св. Симеона I-го столпника, сладкоглаголивыя бесѣды его: уста бо его благодати св. Духа исполнена бяху [11]). Св. Даніилъ „имѣ во устнахъ своихъ благодать многу, яко отъ словесъ его умилятися послушающимъ [12]).

Далѣе, св. столпники почитались мудрецами своего времени, глубокими знатоками предметовъ религіозныхъ: ихъ мудрость засвидѣтельствована и прославлена всѣми современниками, напр. Ѳеодоритомъ Кирскимъ [13]), Евагріемъ, Ѳеодоритомъ чтецомъ, Космою халдейскимъ священникомъ и др. Императоры: Ѳеодосій, Леонъ, Маркіанъ, Левъ, Зенонъ не разъ въ затруднительныхъ случаяхъ пользовались наставленіями св. столпниковъ; царей и князей и всякихъ властителей св. Симеонъ I-й наставлялъ посредствомъ своихъ писемъ и располагалъ ихъ къ страху Божію, къ милосердію, любви, къ защищенію Божіей церкви [14]). Св. Даніилъ столпникъ совѣтуетъ императору Льву и патріарху Геннадію „дважды въ седмицѣ“ совершать соборныя молебствія, чтобы избѣжать наказанія Божія, грядущаго на городъ. Императоръ Левъ такъ уважалъ св. Даніила, что неоднократно посѣщалъ его столпъ, прося благословенія св. столпника и наставленій; императорскія

---

[9]) Четьи-Минеи, 1 сентября, л. 5. [10]) Тамъ-же, л. 7 об. [11]) Четьи-Минеи, 1 сентября, л. 8. [12]) Четьи-Минеи, 11 декабря, л. 149. [13]) За обширныя свѣдѣнія и мудрость наванный чудомъ своего вѣка. [14]) Четьи-Минеи, 1 сентября, л. 8 об. и 9.

посѣщенія были исполнены глубокаго чувства смиренія; „царь совлечеся царскаго одѣянія, читаемъ въ житіи св. Даніила и смиренно къ нему на столпъ припаде къ святымъ ногамъ его, яже видѣвъ отекшыя и согнившыя отъ многаго стоянія, удивися великому терпѣнію его, и пріемъ благословеніе съ веселіемъ возвратися". Въ другой разъ императоръ Левъ посѣщаетъ св. Даніила послѣ бывшей страшной осенней бури и лично наводитъ справки о томъ—не причинила-ли она вреда св. столпнику и приказываетъ сдѣлать новыя желѣзныя связи въ замѣнъ сломавшихся отъ бури [15]). Въ другой разъ онъ на колѣняхъ умоляетъ со слезами св. Даніила сдѣлать крышу надъ столпомъ: „пощади себе, аще не тебе ради, то нашея ради пользы, да не умреши прежде времени и оставиши насъ сирыхъ. Онъ же слезное моленіе царево видя, попусти создатися покрову не своего ради упокоенія, но прилежнаго ради моленія царева [16]). Императоръ Левъ „всѣхъ отъ различныхъ земель приходящихъ къ нему пословъ и великихъ князей привождаше къ столпу св. Даніила, ово самимъ собою, ово же иными честными. Тіи же удивляющеся великому преподобнаго отца терпѣнію, како зиму и зной днемъ и нощію претерпѣваетъ, умиляхуся душею, и со многою возвращахуся пользою". Губазія, царя Лясарскаго, импер. Левъ, послѣ перемирія съ нимъ, свелъ къ св. Даніилу и, показывая его, сказалъ: „се есть чудо въ царствіи моемъ"; Губазій, подивився терпѣнію св. столпника, не только кланялся св. Даніилу, но и самому столпу и со слезами говорилъ: „благодарю Тя, Царю небесный, яко пришедша мя къ царю земному, сподобилъ еси видѣти небеснаго мужа и его пребываніе". Возвратившись домой, онъ часто вспоминалъ предъ своими подданными св. столпника Даніила и „писанія своя къ нему посылаше, прося святыхъ его молитвъ о защищеніи царства своего". Святость жизни и неподражаемый аскетизмъ по истинѣ могъ удивлять всѣхъ приходящихъ къ св. столпникамъ [17]), уваженіе къ

[15]) Четьи-Минеи, 11 декабря, л. 145 об., 147. [16]) Тамъ-же, л. 149. [17]) „И бѣ св. Даніилъ веліе всѣмъ удивленіе, ближнимъ и дальнимъ, и пришельцамъ, царемъ и

которымъ было такъ велико, что владѣтельныя особы считали счастіемъ для своей страны имѣть въ ней такого подвижника. Такъ, царица Евдокія [18]), посѣтивъ св. Даніила, приглашала его поселиться въ безмолвныхъ мѣстахъ ея державы, но св. Даніилъ, похваливъ ея благое намѣреніе, отказался отъ предложенія и, благословивъ императрицу, отпустилъ ее съ миромъ [19]). Антіохіяне не отдаютъ мощей св. Симеона I-го импер. Льву въ Царьградъ, сказавъ ему: „они стѣна и защищеніе граду [20]).

Хотя св. столпники безпрерывно стояли на столпѣ, удаленномъ отъ мірской суеты, но они не были чужды хода мірскихъ событій и интересовъ, волнующихъ души ихъ современниковъ. Къ нимъ императоры обращаются за благословеніемъ и совѣтомъ предъ выступленіемъ въ походъ. Императоръ Левъ, прежде чѣмъ выступить на брань противъ Генсериха, царя вандальскаго, осадившаго г. Александрію, со всѣмъ синклитомъ отправляется къ св. Даніилу столпнику и проситъ его молитвъ. Св. столпникъ предсказываетъ, что Генсерихъ не только не возьметъ Александріи, но не успѣетъ осуществить еще и другихъ предварительныхъ плановъ „и тощь во своя возвратится“. Импер. Зенонъ Исаврянинъ [21]) тоже идетъ за благословеніемъ къ св. Даніилу предъ битвой съ варварами, опустошавшими Ѳракію, и св. столпникъ предсказываетъ ему успѣхъ въ битвѣ, воцареніе по смерти Льва, изгнаніе съ престола и новое возвращеніе на царство [22]). Св. столпники, способствуя душевному благу вѣрующихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовали распространенію православія, обличая ереси того времени и разные непорядки церковные. Императоръ Ѳеодосій, по случаю распри, возникшей между Кирилломъ и Іоанномъ антіохійскимъ на Ефесскомъ соборѣ, писалъ къ св. Симеону I-му, какъ къ такому мужу, кото-

---

всѣмъ народамъ: грекамъ же и римлянамъ, и варваромъ: иже приходяще къ нему, яко къ ангелу Божію, и отходяще, въ помощь себѣ его призываху, и получаху, чего просяху, святыми его молитвами“ (Четьи-Минеи, 11 декабря, л. 148). [18]) Жена Ѳеодосія Младшаго. [19]) Тамъ-же, л. 144. [20]) Четьи-Минеи, 1 сентября, л. 9. [21]) Зять Льва Великаго; женатъ былъ на его дочери Аріаднѣ. [22]) Тамъ-же, 11 дек. л. 150.

рый одинъ мудростію своихъ совѣтовъ и силою молитвъ можетъ положить конецъ несогласіямъ и возстановить миръ въ церкви. Св. Симеонъ пишетъ посланіе къ импер. Ѳеодосію о томъ, чтобы была возвращена христіанамъ ихъ церковь, отданная іудеямъ, „наказуя его и страша гнѣвомъ Божіимъ, не обинуяся лица царска“. Получивъ посланіе св. Симеона, Ѳеодосій распорядился возвратить обратно церковь христіанамъ, а эпарха, посовѣтовавшаго отдать ее іудеямъ, низложилъ, а къ св. столпнику послалъ моленіе, „прощенія прося, и да молитву о немъ сотворитъ къ Богу“. Царицу Евдокію, впавшую въ евтихіанство послѣ смерти мужа [23]) св. Симеонъ „писмены своими увѣща, и ко благочестію по четырехъ лѣтѣхъ обрати, яже по обращеніи своемъ другія 4 лѣта въ покаяніи поживши, блаженныя кончины сподобися въ Іерусалимѣ [24]). Св. Даніилъ для умиротворенія церкви сходитъ даже съ столпа: когда въ 476 году Василискъ свергнулъ съ императорскаго престола Зенона, то „нача зѣло смущати церковь Божію, соборъ Халкидонскій отметая, разсѣвая же еретическія ученіи“. Соборъ епископовъ во главѣ съ патріархомъ Цареградскимъ Акакіемъ оказывалъ возможное сопротивленіе Василиску, „но ничто же успѣ“. Тогда были посланы нѣсколько епископовъ къ св. столпнику Даніилу съ просьбою о томъ, „да сошедъ съ столпа, къ нимъ въ царствующій градъ на помощь церкви воюющей пріидетъ. Преподобный же аще и не хотяше ниже на малое время снити отъ мѣста своего, обаче нужду церкве видя, къ сему же и свыше божественнымъ гласомъ увѣщанъ бывъ, сниде съ столпа, и во градъ къ патріарху и къ сущимъ съ нимъ епископомъ пріиде“. Василискъ, узнавъ о прибытіи св. столпника, скрылся отъ него въ одно селеніе, но преподобный послѣдовалъ за нимъ, но такъ какъ, по причинѣ болѣзни отекшихъ ногъ, онъ идти не могъ, то его несли на рукахъ. Василискъ не хочетъ видѣться съ св. Даніиломъ, и тотъ возвращается въ городъ. Василискъ является къ св. столпнику и на колѣ-

[23]) Импер. Ѳеодосія. [24]) Чет.-Мин., 1 сент., л. 7 об.

няхъ и со слезами проситъ у него прощенія. Св. Даніилъ разоблачаетъ его лицемѣріе; „вскорѣ отъимется отъ тебя царство; прогнѣвляяй Царя небеснаго, сокровиществуетъ себѣ злая многая, смиреніе твое и умиленіе притворно есть, одеждою овчею прикровенный волчій нравъ, но вскорѣ узрите всевидящее око Божіе и всесильную Его руку, сильныхъ съ престола низлагающую". Послѣ этого свиданія съ Василискомъ св. Даніилъ опять возвращается на свой столпъ [25]). Св. Симеонъ Дивногорецъ пишетъ письма императорамъ Юстиніану и Юстину о возникшихъ въ то время ересяхъ несторіанъ и самаританъ, какія посланія читались въ 4-мъ и 5-мъ засѣданіяхъ на VII вселенскомъ соборѣ [26]). Когда св. Кириллъ Туровскій подвизался на столпѣ, въ то время на епископскихъ каѳедрахъ явились недостойные пастыри: Леонъ, епископъ сперва ростовскій, а потомъ суздальскій и Ѳеодоръ, епископъ ростовскій [27]). Леонъ запрещалъ разрѣшать постъ среды и пятницы въ праздники, не исключая даже праздниковъ Рождества Христова и Богоявленія; Ѳеодоръ, напротивъ, училъ, что должно разрѣшать постъ среды и пятницы не только для всѣхъ господскихъ праздниковъ, но и для праздниковъ нарочитыхъ святыхъ и въ теченіе всей пятидесятницы. Св. Кириллъ возсталъ противъ нихъ со всею ревностью: обличалъ одного, увѣщавалъ, умолялъ и, наконецъ, проклялъ другого [28]).

Св. столпники были и миссіонерами. Про св. Симеона говорится: „не подобаетъ же и сего умолчати, яко преподобный отецъ нашъ Симеонъ, аки свѣща на свѣщницѣ на столпѣ стоя, свѣтъ міру явися, просвѣщая потемненныя идолобѣсіемъ языки и наставляя ихъ къ свѣту познанія истиннаго Бога. Слава дивной въ немъ Божіей благодати, сице дѣйствующей, яко на единомъ стоя мѣстѣ, многія къ вѣрѣ приведе, аки бы кто проходилъ вселенную уча и проповѣдуя. Добродѣтельнаго бо житія своего, и сладкоглаголиваго ученія лучи, якоже солнце испущаше, и окрест-

---

[25]) Чет.-Мин., 11 дек., л. 150. [26]) Дѣян. всел. соборовъ. Казань, т. VII, 1875 г. стр. 299—303; 383—386. [27]) Пам. росс. слов., стр. XXIII. [28]) Прологъ, 28 апр., л. 51.

ныя страны просвѣщаше, понеже ту бѣ видѣти Иверовъ, персовъ и арменовъ божественное пріемлющихъ крещеніе: исмаилитовъ же полками приходящихъ, по двѣстѣ, по триста, иногда и по тысящи, иже съ крикомъ заблужденія отецъ своихъ отвергахуся, и яже отъ древнихъ лѣтъ почитаху идолы, кланяющеся имъ, ту приносяще при столпѣ сокрушаху, и ногами попираху, пріемлюще законъ отъ медоточиваго онаго языка: и божественныхъ таинъ сподобляющеся возвращахуся съ радостію веліею, свѣтомъ разума святаго евангелія просвѣщени [29]). Св. столпники, значитъ, были великими благодѣтелями человѣчества, отрадными свѣтилами, разливавшими теплоту, жизнь и радость вокругъ себя. Оттого многіе изъ приходившихъ къ нимъ не хотѣли отойти отъ нихъ и, оставляя свои дома и имѣнія, поселялись при столпахъ для того, чтобы непрестанно наслаждаться лицезрѣніемъ св. столпниковъ и поучаться ихъ бесѣдами. Столпы, поэтому, являлись центрами, гдѣ сосредоточивалась религіозная жизнь. Возлѣ каждаго св. столпника мало по малу возникали обители и устроялись монастыри. Объединяясь въ братскія общины съ цѣлію молиться и трудиться для своего спасенія въ братскомъ единодушіи, при взаимной другъ другу помощи, при поощреніи и утѣшеніи въ подвигахъ духовныхъ со стороны св. столпниковъ, эти подвижники при столпахъ разливали свой подвижническій духъ по окрестностямъ, привлекая къ себѣ массы народа. Вотъ что читаемъ въ житіи св. Симеона I-го: „мнози ученіемъ его наставляеми, оставляху вся земная, и аки пернаты возвышахуся горѣ, овы въ монастыри, овы же въ пустыни отходяще, иніи при немъ жити хотяще“ [30]). Нѣкоторые жити при столпѣ св. Алипія изволяху [31]). Такъ какъ около столповъ организовывались общины, то св. столпники заботились объ объединеніи членовъ общины путемъ построенія монастырей съ церквами. У столпа св. Симеона „создаша людіе церковь крестообразну, зѣло красну и монастырь великъ устроиша“ [32]).

[29]) Чет. Мин., 1 сент., л. 7. [30]) Чет.-Мин., 1 сент. [31]) Тамъ же, 26 нояб., л. 165. [32]) Чет.-Мин., 1 сент., л. 9.

На Дивной горѣ созданъ былъ тоже монастырь съ церковью, устроенною руками исцѣленныхъ [33]). Императоръ Левъ по желанію св. Даніила строитъ церковь во имя св. Симеона столпника, на сѣверъ отъ столпа Даніилова, куда съ честію переноситъ часть мощей св. Симеона, „о чесомъ св. Даніилъ зѣло радовашеся и довольное къ народу слово простре на то пренесеніе"; воздвигаетъ также при церкви и страннопріимницу [34]). Св. Алипій столпникъ располагаетъ знакомыхъ своихъ гражданъ и сосѣднихъ жителей къ построенію храма въ честь св. великомученицы Евѳиміи на мѣстѣ эллинскихъ гробовъ и „освященнѣй ей бывшей, начаша приходити отъ града людіе на славословіе Божіе, и слышати полезная святаго поученія, иніи же и жити при ней изволяху". Въ виду громаднаго стеченія народа къ своему столпу св. Алипій построилъ по ту и другую сторону столпа два монастыря—мужской и женскій и „самъ посредѣ на столпѣ, аки свѣща на свѣщницѣ стоя, оба монастыря и ученіемъ и образомъ ангельскаго житія своего просвѣщаше, и молитвами своими защищаше, и законы имъ и уставы иноческаго житія подаваше, повелѣвающе имъ блюсти себе опасно отъ бѣсовскихъ козней: наипаче же заповѣдаше женамъ, да не видѣны будутъ мужескими очесы никогдаже [35]). Можетъ возникать недоумѣніе относительно близости монастырей мужского и женскаго. Оно устраняется обычаемъ тогдашняго христіанскаго востока, по которому женскія обители располагались по сосѣдству съ мужскими, на небольшомъ разстояніи. Управляясь самостоятельно въ своей внутренней жизни, онѣ пользовались отъ мужскихъ монастырей только руководствомъ опытныхъ въ духовной жизни старцевъ, назначавшихся обыкновенно на это дѣло настоятелями мужскихъ обителей по просьбѣ настоятельницъ обителей женскихъ, или же лицами, близкими къ монастырю [36]). Близъ этихъ

---

[33]) Чет.-Мин., 24 мая, л. 162. [34]) Чет.-Мин., 11 дек., л. 148 об. [35]) Чет.-Мин., 26 ноября, л. 165. [36]) Прав. св. Василія Великаго, пространно изложенныя въ вопросахъ и отвѣтахъ прав. 33, стр. 165—167 т. V и прав. кратко излож. въ вопр. и отв. прав. 108, 109, 110, 111, стр. 265--266.

монастырей часто жили благочестивыя лица того и другого пола, иногда съ цѣлыми семействами. Они не принадлежали обыкновенно ни къ одной обители, а жили своею самостоятельною жизнію, посвящая себя молитвамъ, воздержанію и цѣломудрію. Они также поселялись вблизи обителей для того, чтобы пользоваться уроками духовной опытности подвижниковъ [37]). Св. столпники отчасти управляли монастырями сами, какъ сейчасъ мы видѣли изъ житія св. Алипія, или поручали близкимъ себѣ; напр., тотъ-же св. Алипій столпникъ послѣ того, какъ постригъ свою мать діаконниссу въ инокини, поручилъ ей управленіе женскимъ монастыремъ при столпѣ [38]).

Смиреніе и кротость являются характеристическими чертами жизни св. столпниковъ, какъ въ отношеніи къ себѣ, такъ и къ ближнимъ. Всѣ ихъ слова и поступки ознаменованы глубокимъ уничиженіемъ. Св. Симеонъ I-й, уважая всякаго безъ исключенія, называлъ себя не иначе какъ презрѣннымъ и отверженнымъ монахомъ, псомъ смердящимъ [39]). Мудрость своихъ совѣтовъ всегда старался прикрывать какою-то особенною простотою и скромностію и самъ внималъ совѣтамъ другихъ (напр., когда велѣли ему снять цѣпь съ ноги, которою онъ приковался къ горѣ, въ виду того, что надобно связывать волю, то онъ со смиреніемъ исполнилъ приказаніе и съ любовію послушалъ поученіе о связываніи воли). Безчисленныя и многоразличныя исцѣленія, совершаемыя св. столпниками, они относили единственно къ благодати Божіей, запрещая исцѣленнымъ говорить про нихъ: „наказываше преп. Симеонъ (I-й), егда кого исцѣли, глаголя: прославляй Бога, исцѣлившаго тя, и никакоже дерзни рещи, яко Симеонъ тя исцѣли, да не горше ти, что будетъ“ [40]). Св. Даніилъ „силу чудотворенія не своей добродѣтели причиташе, но молитвамъ св. Симеона: ибо приходящихъ къ себѣ больныхъ отсылаше въ церковь Симеонову къ св. его мощамъ“ [41]). Св. Симеонъ,

[37]) Письмо св. Григорія Богослова къ Θеклѣ 212, стр. 311. [38]) Чет.-Мин., 26 ноября. [39]) Св. Симеонъ 1-й „бѣ кротокъ и смиренъ, и всѣхъ человѣкъ бѣ мній и непотребенъ“ (Чет.-Мин., 1 сент., л. 7 об.). [40]) Чет.-Мин., 1 сент., л. 5. [41]) Тамъ же, 11 дек., л. 151.

сознавая непрестанно свою виновность и недостоинство предъ Богомъ, обыкновенно поручалъ себя молитвамъ другихъ просіявшихъ подвигами и добродѣтелями [42]). Онъ безъ ропота принялъ несправедливое отлученіе его отъ монашескаго общества и безъ всякаго прекословія повиновался требованію Сирійскихъ посланниковъ, повелѣвавшихъ ему сойти со столпа [43]). Св. Даніилъ по приказанію Геласія [44]) сходитъ съ столпа и снова возвращается на него по просьбѣ того же Геласія [45]). Никакія клеветы и оскорбленія не могли возбудить въ св. столпникахъ негодованія. Св. Симеона I-го обвиняли въ тщеславіи [46]); мѣстные клирики клевещутъ на св. Даніила цареградскому патріарху Анатолію, называя его чародѣемъ, лицемѣромъ, льстецомъ, волшебникомъ и просятъ изгнать св. Даніила изъ той мѣстности [47]). Патріархъ Геннадій хотѣлъ казнить св. Даніила за столпостояніе [48]). Нѣкоторые изъ еретиковъ, которыхъ, вѣроятно, обличалъ св. Даніилъ, подкупаютъ блудницу Вассіану и распускаютъ молву о блудодѣйствѣ съ нею св. столпника [49]). Нѣкто публично ругаетъ св. Даніила и, показывая народу печеную рыбу, съ насмѣшкою говоритъ: „вотъ что ѣстъ вашъ постникъ“ [50]). Братія Пильскаго монастыря, гдѣ подвизался на столпѣ св. Симеонъ Дивногорецъ, ненавидитъ его, и когда случилось съ св. Симеономъ діавольское навожденіе (плотская брань), то они злорадостно говорили: „гдѣ нынѣ есть пощеніе его, человѣческія силы превосходящее; гдѣ подвиги его; гдѣ чудотворенія; да поможетъ нынѣ самъ себѣ“ [51]). Св. столпники обидъ не помнили, молились за своихъ враговъ и исцѣляли клеветниковъ. Св. Даніилъ наказаннаго клеветника (показывавшаго рыбу) бѣснованіемъ исцѣляетъ своею молитвою, „не памятозлобствуя, ни воздая досажденія за

---

[42]) Напр. св. Ѳеодосію великому каппадокійскому (род. окт. 425 г.—Душ. Чт. 1884 г. IV). [43]) Чет.-Мин., 1 сент., 5 л. [44]) Владѣльца того мѣста, гдѣ находился столпъ св. Даніила. [45]) Чет.-Мин., 11 дек., л. 143 об. [46]) „Нѣцыи отъ неискусныхъ мняху святаго ради тщеславія таковая терпяща“. Чет.-Мен., 11 дек., л. 138 об. [47]) Потому что всѣ шли къ нему и прославляли его подвиги. Тамъ же, л. 141. [48]) Тамъ же. [49]) Тамъ же, л. 144 об. [50]) Тамъ же, л. 148 об. [51]) Чет.-Мин., 24 мая, л. 157 об.

досажденіе [52]). Жесточайшій врагъ св. Даніила Геласій становится чрезъ кротость св. столпника почитателемъ его и предъ царемъ (Львомъ) прославляетъ его добродѣтели [53]). Св. Даніилъ исцѣляетъ блудницу Вассіану отъ бѣсно-ванія, несмотря на то, что она оклеветала его въ блудѣ съ нею по наущенію еретиковъ [54]). Словомъ, св. Даніилъ, по замѣчанію его житія, бѣ милостивъ и незлобивъ нра-вомъ, добротворя ненавидящимъ его [55]). Св. Дивногорецъ исцѣляетъ пастуха, который хотѣлъ убить его [56]). Ради смиренія св. столпники отказывались отъ всякаго началь-ствованія, даже отъ пресвитерства. Св. Даніилъ, несмотря на усиленныя просьбы братіи отказывается отъ игуменства и уходитъ въ затворъ. [57]). Св. Дивногорецъ, долго отка-зывавшійся отъ пресвитерства, только 33-хъ лѣтъ согла-шается принять священство отъ Діонисія, епископа Селев-кійскаго [58]). Самое восхожденіе на столпы носило характеръ смиренія. Св. Даніилъ, „да не увѣсть о немъ никтоже“, ночью уходитъ изъ затвора и восходитъ на столпъ [59]). Св. Дивногорецъ тоже тайно удаляется на Дивную гору [60]). Смиреніе, кротость, послушаніе, любовь св. столпники счи-тали главными добродѣтелями инока. Это ясно засвидѣ-тельствовано нѣкоторыми изъ нихъ въ ихъ предсмертныхъ завѣщаніяхъ. Вотъ что написалъ св. Даніилъ своимъ уче-никамъ, повелѣвъ прочитать этотъ завѣтъ всѣмъ инокамъ: „гоните смиреніе, служите послушанію, любите странно-пріимство, постъ, бдѣніе, нищету, и яже первая и большая есть заповѣдь любовь; та, яже благочестію суть прилична, право держите. еретическихъ плевелъ блюдитеся, матери же вашея св. церкви нимало же отлучайтеся: и аще та вся сотворите, будете добродѣтелію совершени [61]) „Хощу, за-вѣщалъ предъ смертію св. столпникъ Іоаннъ, да вси бу-дутъ подражатели св. Симеона (Дивногорца) въ пламенно-сердечной его любви къ Богу“ [62]). Св. Савва Вишерскій

---

[52]) Чет.-Мин., 11 дек., л. 149. [53]) Тамъ же. л. 143. [54]) Тамъ же. л. 145. [55]) Тамъ же, л. 143—148. [56]) Чет.-Мин., 24 мая. [57]) Тамъ же, 11 дек., л. 139. [58]) Тамъ же, 24 мая, л. 162, [59]) Тамъ же, 11 дек., л. 143. [60]) Тамъ же, 24 мая, л. 161. [61]) Чет.-Мин., 11 дек., л. 152. [62]) Чет.-Мин., 24 мая, л. 159.

предъ смертію завѣщалъ ученикамъ своимъ быть смиренными, а насколько онъ самъ былъ смиренъ можно заключать изъ слѣдующей его предсмертной просьбы къ ученикамъ: „егда отъ тѣла душа моя разлучится, да не коея же чести мя сподобите, но тако: просто по земли влекуще до гроба, земли предадите“ [63]).

Пророчества св. столпниковъ направлены были къ тому, чтобы путемъ предсказанія бѣдствій обратить къ покаянію и исправленію нерадивыхъ. Такъ св. Симеонъ I-й предсказывалъ голодъ, засухи, нападенія враговъ и призывалъ народъ къ покаянію, и самъ многими слезами и непрестанной мольбою умилостивлялъ Бога [64]). Св. Симеонъ Дивногорецъ увѣщаетъ антіохійцевъ принести раскаяніе въ грѣхахъ въ виду нашествія Хозроя, и самъ молится объ избавленіи города [65]) и пр. и пр. Точно также для возбужденія грѣшниковъ направлены были и всѣ чудеса св. столпниковъ. Вѣдь, и Іисусъ Христосъ Свою любовь къ человѣческому роду излилъ въ благодѣтельныхъ чудесахъ, и людей привлекалъ къ Себѣ чудеснымъ благодѣтельствованіемъ несчастнымъ, такъ что большая часть Его первыхъ послѣдователей были люди, освобожденные Имъ отъ неисцѣльныхъ болѣзней и мучительства бѣсовъ; и, посылая учениковъ Своихъ на проповѣдь, заповѣдалъ имъ: „болящія исцѣляйте, прокаженныя очищайте, мертвыя воскрешайте, бѣсы изгоняйте“ [66]), и этимъ то путемъ въ короткое время привлечены къ Христу многія тысячи послѣдователей. Этотъ путь къ возбужденію грѣшниковъ наиболѣе свойственъ Промыслу Божію, Который свое божественное дѣйствіе проявляетъ и чрезъ святыхъ рабовъ Божіихъ. Св. столпники своими чудотвореніями возстановляли человѣка въ его истинномъ достоинствѣ, освобождая отъ грѣховъ или приводили путемъ ихъ къ истинной вѣрѣ. Исцѣленная св. Даніиломъ блудница Вассіана перемѣняетъ образъ жизни. Св. Симеонъ прежде чѣмъ исцѣлить разслабленнаго сарацина наставляетъ его въ вѣрѣ и спрашиваетъ: „отрицаеши ли ся злочестія отецъ

---

[63]) Новг. еп. вѣд. 1899 г., № 7, стр. 454. [64]) Чет.-Мин., 1 сент., л. 7. [65]) Чет.-Мин., 24 мая, л. 160 об. [66]) Мѳ. X, 8.

твоихъ; онъ же рече: отрицаюся. И паки: вѣруеши ли во Отца и Сына и Святаго Духа; онъ же исповѣда, яко вѣруетъ несумнѣнно. Тогда рече святый: востани“ [67]). Предъ исцѣленіемъ одного бѣсноватаго св. Даніилъ утверждаетъ въ вѣрѣ его отца: „аще вѣруеши, яко Господь мой Іисусъ Христосъ исцѣлитъ сына твоего мною, то по вѣрѣ твоей буди тебѣ“ [68]). Св. Никита Переяславскій „всѣмъ приходящимъ къ нему пользы ради исцѣленіе подаваше“ [69]). Св. Симеонъ Дивногорецъ со слезами молится Богу о томъ, чтобы Онъ помиловалъ людей Своихъ и отвратилъ бы отъ нихъ смертныя болѣзни, посылаемыя имъ въ наказанія; „и бысть къ нему гласъ глаголющъ отъ Господа: почто болиши сердцемъ о людехъ сихъ; еда ли ты болѣе ихъ любиши, неже Азъ; по понеже умножишася беззаконія ихъ, потребно убо имъ есть и наказаніе: обаче да не опечалю тебя, даю тебѣ власть исцѣляти всякія въ нихъ недуги“ [70]).

Значитъ, исцѣленіе болѣзней тѣлесныхъ служило предуказаніемъ исцѣленія души и изъ житій св. столпниковъ видно, что исцѣленные оставляли прежній образъ жизни, перемѣняя его на хорошій. Такъ, напр. блудница Вассіана исправила свою жизнь. Конюхъ Іорданъ императора Льва оставилъ аріанство [71]), благодаря увѣщаніямъ св. Даніила. Разбойникъ Іонаѳанъ перемѣняетъ образъ жизни и становится праведникомъ чрезъ увѣщаніе Симеона [72]). По ученію священнаго писанія всѣ болѣзни обязаны своимъ происхожденіемъ грѣху и исцѣляющіе отъ болѣзней тѣмъ самымъ врачевали отъ грѣховъ.

Такимъ образомъ, основу всей нравственной дѣятельности св. столпниковъ въ отношеніи къ ближнимъ составляла любовь, проникавшая, какъ можно видѣть изъ представленнаго обзора общественной дѣятельности св. столпниковъ, во всѣ мельчайшіе оттѣнки ихъ отношеній къ ближнимъ. Она являлась у нихъ чувствомъ благорасположенія, участія, снисхожденія ко всякому человѣку, истекаю-

---

[67]) Чет.-Мин., 1 сент., л. 7. [68]) Чет.-Мин., 11 дек., л. 143 об. [69]) Прол., 24 мая, л. 59. [70]) Чет.-Мин., 24 мая, л. 161 об. [71]) Чет.-Мин., 11 дек. [72]) Тамъ же, 1 сент.

щимъ изъ мысли, что всѣ люди суть творенія Божіи и братья во Христѣ. Любовь возбуждала въ св. столпникахъ самое искреннее, горячее желаніе выполнить высокія и святыя правила, предписываемыя евангеліемъ. И вотъ это-то обстоятельство и было причиною того, что около св. столпниковъ собирались люди разныхъ званій и состояній, объединявшіеся здѣсь взаимною любовью.

ГЛАВА VIII.

Разборъ нѣкоторыхъ мнѣній, отрицающихъ цѣлесообразность подвига „столпничества“.

„Столпничество“ съ первыхъ дней своего существованія подверглось нападеніямъ со стороны своихъ противниковъ. Этотъ великій подвигъ былъ объясняемъ, какъ проявленіе духа гордости, какъ желаніе восходящихъ на столпы отличиться странностью, пріобрѣсть славу необыкновенныхъ подвижниковъ и привлечь къ себѣ массу поклонниковъ. Такъ думали нѣкоторые изъ современниковъ перваго столпника св. Симеона, услышавшіе въ первый разъ о его необыкновенной жизни. Египетскіе монахи, узнавъ о столпостояніи сирійскаго подвижника св. Симеона, сначала чрезвычайно раздражены были этою новостію, объясняя ее гордостію. „Зачѣмъ, говорили они, Симеонъ не хочетъ идти обыкновеннымъ путемъ отцевъ, но выдумываетъ новый, неслыханный образъ жизни?“ и послали къ нему отлучительную грамоту. Но послѣ эти же самые монахи, узнавъ подробнѣе и вѣрнѣе о жизни св. Симеона, сознались въ своей ошибкѣ и приняли его въ свое общество. Подобнымъ образомъ и сирійскіе иноки, удивленные и недовольные необычайными подвигами св. Симеона, отъ лица своего собора отправили нарочитое посольство для того, чтобы изслѣдовать образъ жизни св. Симеона и узнать его побужденія къ столпостоянію. Посланные, посмотрѣвъ на жизнь св. Симеона и убѣдившись въ его кротости и

смиреніи, прославили Бога и призывали благодать его на утвержденіе праведника въ новомъ и великомъ подвигѣ [1]).

Въ настоящее время тоже не новость слышать подобныя мнѣнія относительно „столпничества“. Между тѣмъ очень легко замѣтить—какую несообразность между побужденіемъ и дѣйствіемъ допускаютъ въ своемъ объясненіи тѣ, которые началомъ „столпничества“ считаютъ гордость. Для произведенія необычайныхъ и великихъ подвиговъ нужно имѣть сильное побужденіе. Но добровольно отказаться отъ всѣхъ удобствъ жизни, подвергать тѣло свое необычайнымъ изнуреніямъ, страдать въ продолженіи десятковъ лѣтъ, только изъ за одного гордаго желанія обратить на себя взоры людей и заставить говорить о себѣ, какъ о великомъ подвижникѣ,—совершенно невѣроятно. Противъ голоса природы и чувства самосохраненія не устоитъ голосъ какой-то странной и непонятной гордости, которую хотятъ видѣть въ св. столпникахъ. Человѣкъ, дѣйствующій по внушенію гордости, жертвуетъ иногда многимъ для достиженія своихъ цѣлей, но его жертвы кратковременны и никогда не могутъ простираться до такого удивительнаго самоотверженія, какому подвергали себя св. столпники. Гордецъ бережетъ себя, стараясь достигать своихъ цѣлей посредствомъ другихъ. Притомъ, характеръ человѣка обнаруживается въ его дѣятельности. Но что мы видѣли въ жизни св. столпниковъ? образцы смиренія, кротости, послушанія, съ которыми мы уже познакомились въ предыдущемъ отдѣлѣ.

Затѣмъ, объясняютъ столпническую жизнь фанатизмомъ. Такого взгляда держится Гиббонъ († 1794 г.). Вотъ что пишетъ онъ въ своей „исторіи упадка и разрушенія римской имперіи“ [2]): „отшельники давали полную волю

---

[1]) Условіемъ богоугодности „столпничества“ св. Симеона было поставлено послушаніе: если св. Симеонъ по приказанію посольства захочетъ сойти со столпа, то значитъ подвигъ его угоденъ Богу. Св. Симеонъ сразу же хотѣлъ исполнить приказаніе сирійскаго собора, но посланные удержали его: „не сходи, но пребывай, якоже началъ еси, нынѣ бо вѣмы, яко твое зачатое дѣло отъ Бога есть, иже помощникъ тебѣ до конца да будетъ“. Чет.-Мин., 1 сент., л. 5. [2]) Часть IV, Москва 1884 г. перев. Невѣдомскаго.

своему фанатизму. Между ними самые благочестивые или самые честолюбивые отказывались отъ матерей такъ-же, какъ они отказывались отъ свѣта. Они жили отдѣльно отъ монастырей, и одобреніе и соревнованіе служили имъ стимуломъ для сумасбродныхъ подвиговъ покаянія. Они изнемогали подъ тяжестью крестовъ и цѣпей и сковывали свои исхудалые члены кольцами. Они презрительно отвергали заботу объ одеждѣ. Высшее достоинство пустынниковъ заключалось въ томъ, чтобы провести нѣсколько дней безъ пищи, нѣсколько ночей безъ сна, и особенную славу пріобрѣталъ тотъ человѣкъ,—если дозволено будетъ такъ злоупотреблять этимъ именемъ,—которому приходилось держать себя въ самой неудобной позѣ и выносить всѣ перемѣны погоды. Между этими героями монашества имя и геній Симеона столпника пріобрѣли безсмертіе, благодаря оригинальной его выдумкѣ совершать покаяніе въ воздушномъ пространствѣ. Привычка и упражненіе научили его держаться на столпѣ безъ опасенія свалиться и безъ головокруженія и поперемѣнно становиться въ различныя благочестивыя позы. Иногда онъ молился съ сложенными крестомъ руками; но всего чаще онъ сгибалъ свой тощій скелетъ такъ, что голова почти касалась ногъ, а любознательный зритель, насчитавшій 1244 такихъ поклона, отказывался отъ счета, которому не предвидѣлось конца. Язва, образовавшаяся на бедрѣ, сократила его жизнь, но не прекращала его святыхъ подвиговъ, и терпѣливый отшельникъ испустилъ духъ, не сходя съ своего столпа. Монархъ, который вздумалъ бы кого-нибудь осудить на такую пытку, прослылъ бы за тирана, но и власть тирана не была-бы въ состояніи принудить жертву своей жестокости долго вести такую ужасную жизнь. Это добровольное мученичество должно было мало-по-малу довести и тѣло и душу до безчувственности и нѣтъ возможности допустить, чтобы фанатикъ, терзавшій самого себя, могъ питать состраданіе къ другимъ. Жестокосердая безчувственность была отличительной чертой монаховъ во всѣ вѣка и во всѣхъ странахъ; ихъ суровое безсердечіе, рѣдко смягчавшееся подъ вліяніемъ

личной дружбы, усиливалось отъ религіозной ненависти. Монашеская святость, возбуждающая въ философѣ лишь презрѣніе и сожалѣніе, служила предметомъ глубокаго уваженія и едва ли не обожанія для монаховъ и народовъ. Толпы пилигримовъ, приходившія изъ Галліи и изъ Индіи, преклонялись передъ божественнымъ столпомъ Симеона; племена сарациновъ съ оружіемъ въ рукахъ одно у другого оспаривали честь его благословенія; царицы Персіи и Аравіи съ признательностью отдавали должную дань его сверхъестественнымъ добродѣтелямъ, а младшій Ѳеодосій обращался къ св. столпнику за совѣтами въ самыхъ важныхъ церковныхъ и государственныхъ дѣлахъ. Его смертные останки были перенесены съ торжественной процессіей патріархомъ, главнымъ начальникомъ восточныхъ армій, 6-ю епископами, 21-мъ графомъ или трибуномъ и 6.000 солдатъ съ горы Таланиссы въ Антіохію, которая его мощи считала за самое почетное изъ своихъ украшеній и за самый надежный оплотъ своей безопасности“ [3]).

Смотрѣть на св. столпниковъ, какъ на фанатиковъ, можетъ только тотъ, кто не знаетъ хорошо ихъ жизни и характера или не имѣетъ надлежащаго понятія о фанатизмѣ. Что такое фанатизмъ? фанатизмъ есть такое состояніе, въ которомъ человѣкъ, обольщенный какою-либо идеею, безотчетно стремится къ осуществленію своей идеи. Поэтому, фанатизмъ въ своемъ началѣ показываетъ недостатокъ благоразумія и вѣрнаго взгляда на предметы, въ своемъ дѣйствіи всегда соединенъ съ жестокостію, которая большею частію обращена бываетъ на другихъ. Справедливо замѣчаетъ Гиббонъ, относящій св. столпниковъ къ фанатикамъ, что фанатики не имѣютъ и не могутъ имѣть сочувствія къ другимъ и, презирая всѣхъ, сами дѣлаются презрѣнными въ глазахъ другихъ [4]). Наконецъ, фанатизмъ, если онъ не охладѣваетъ и не проходитъ со временемъ, въ своемъ слѣдствіи бываетъ гибеленъ: человѣкъ не можетъ долго держаться въ неестественномъ положеніи,—онъ необходимо

---

[3]) Гиббонъ, стр. 134—138. [4]) См. выше.

падаетъ, увлекая за собою и другихъ, имъ обольщенныхъ. Ни одного изъ этихъ признаковъ фанатизма мы не замѣтили въ св. столпникахъ. Во первыхъ, ихъ нельзя упрекнуть въ отсутствіи мудрости и вѣрнаго познанія предметовъ, особенно религіозныхъ, иначе надобно несправедливо предположить крайнюю степень невѣжества въ ихъ современникахъ, считавшихъ св. столпниковъ мудрецами. Во вторыхъ, ни въ характерѣ, ни въ дѣйствіяхъ ихъ не видно суровости и жестокости; сострадательность, снисходительность, ласковость ко всѣмъ и т. п. отличали жизнь св. столпниковъ, какъ объ этомъ подробно сказано въ VII главѣ. И, наконецъ, въ третьихъ, слѣдствія столпнической жизни были спасительны, какъ для самихъ св. столпниковъ, такъ и для народа. Оставаясь вѣрными своимъ правиламъ и достигая высокихъ своихъ цѣлей, св. столпники были примѣромъ добродѣтели для всѣхъ и причиною спасенія многихъ, о чемъ сказано въ VII главѣ, а поэтому заслужили всеобщее уваженіе отъ современниковъ, прославлены и до сихъ поръ прославляются всею православною церковью.

Такимъ образомъ, не гордость и не фанатизмъ были побудительными причинами и началомъ столпнической жизни. Отчасти эти причины указаны въ I-й главѣ. Въ дополненіе къ нимъ можно сказать еще слѣдующее. Духъ и направленіе монашества IV и V вв. способствовали появленію „столпничества“. Ревность въ умерщвленіи плоти, какъ бы въ замѣнъ мученичества, была необыкновенная. Старцы и настоятели подавали примѣръ самоотверженія своимъ ученикамъ, ученики старались превзойти учителей. При такомъ аскетическомъ духѣ, при такомъ религіозномъ героизмѣ пустынниковъ, вполнѣ можно было ожидать великихъ и необычайныхъ подвижниковъ. И вотъ среди пустынь, какъ цвѣтъ подвижничества, является „столпничество“, засвидѣтельствованное современниками не какъ вымыселъ ума человѣческаго, а какъ дѣло божественное. Далѣе, вникая въ состояніе и духъ христіанства въ IV и V вв. и слѣдя за дѣйствіями св. столпниковъ, можно усматривать особенную цѣль промысла Божія, воздвигавшаго такихъ

необычайныхъ подвижниковъ. Духъ благочестія и ревности, отличавшій первенствующихъ христіанъ, съ IV-го вѣка видимо сталъ ослабѣвать. Религія христіанская сдѣлалась предметомъ гибельныхъ споровъ и распрей; появились ереси, волновавшія христіанъ, вооружавшія ихъ другъ противъ друга и подававшія язычникамъ случай къ уничтоженію вѣры христіанской. По мѣрѣ того, какъ въ обществѣ разливалось нечестіе, движимые Духомъ Божіимъ пустынники усугубляли свои подвиги и господствующему духу времени, обращенному къ гибельнымъ спорамъ и распрямъ о вѣрѣ, противоставили истинный духъ христіанства. Но ихъ жизнь была замѣтна и назидательна только для немногихъ. И вотъ, вызванный промысломъ Божіимъ изъ среды сирійскихъ пустынниковъ св. Симеонъ восходитъ на столпъ „къ созиданію себе и тѣхъ“ [5]). Новый и дивный образъ жизни св. Симеона возбуждаетъ всеобщее вниманіе къ нему и удивленіе. Изъ отдаленныхъ странъ христіане и язычники идутъ къ нему. Конечно, не всѣ приходили къ нему съ набожнымъ чувствомъ; многіе шли изъ одного любопытства, нѣкоторые — даже съ злымъ намѣреніемъ поругаться надъ праведникомъ. Но высокая святость столпника, благодать Божія, сіявшая въ немъ, его сила чудодѣйственная, простыя рѣчи и т. п. возбуждали благоговѣніе и производили необыкновенное дѣйствіе. Еретики отрицались отъ своихъ мудрованій, язычники разбивали при столпѣ своихъ идоловъ, и всѣ невольно умилялись, славя Бога. Духъ благочестія, обитавшій въ св. Симеонѣ, переходилъ на всѣхъ окружавшихъ его, такъ что закоренѣлые злодѣи дѣлались праведниками [6]), подобно тому, какъ нѣкогда приходившіе къ св. пророку Самуилу съ намѣреніемъ взять его, сами становились пророками [7]).

Называютъ, потомъ, „столпничество“ безплоднымъ отчужденіемъ отъ трудовъ и удобствъ общественной жизни

[5]) Чет.-Мин., 1 сент., л. 3 об. [6]) Такъ раскаялся у св. Симеона въ своихъ грѣхахъ разбойникъ Іонаванъ — антіохіецъ, наводившій своими разбоями страхъ и ужасъ на всѣхъ жителей того мѣста. По замѣчанію житія, Іонаванъ 7 дней жилъ при столпѣ, молясь Богу и исповѣдаясь въ своихъ грѣхахъ съ великимъ плачемъ, такъ что и другихъ привелъ въ умиленіе (1 сент.). [7]) 1 Царств. XIX, 20.

и сравниваютъ подвиги св. столпниковъ съ самоистязаніями индійскихъ факировъ [8]).

Причина такихъ отзывовъ заключается въ незнаніи истиннаго значенія христіанскаго подвижничества, которое есть совершенное и рѣшительное устремленіе духа, руководимаго благодатіею Божіею, къ Богу и міру духовному, съ отчужденіемъ отъ всего міра земного. Дѣятельность этихъ искателей высшаго христіанскаго совершенства состоитъ въ искорененіи въ себѣ всѣхъ остатковъ грѣха, въ молитвѣ, объемлющей весь міръ любовію и въ ходатайствѣ за спасеніе всѣхъ людей.

Сравненіе св. столпниковъ съ факирами неосновательно. Если и есть между ними сходство, то оно только внѣшнее. Факиры — нищенствующіе дервиши на востокѣ (въ Индіи), которые налагаютъ на себя всевозможныя истязанія. Одни изъ нихъ безъ движеній остаются на одномъ мѣстѣ долгое время, иногда нѣсколько лѣтъ. Другіе сидятъ неподвижно на корточкахъ. Иные лежатъ на землѣ и походятъ на трупы, закапываютъ себя по шею въ землю и въ такомъ положеніи остаются въ продолженіи цѣлаго праздника, ярмарки или даже въ теченіе мѣсяцевъ и лѣтъ. Затѣмъ, факиры держатъ одну руку вверхъ, какъ-бы для молитвы. Также можно видѣть факира, привѣшеннаго за ноги къ дереву, который въ этомъ положеніи остается цѣлый день, перебирая четки, причемъ лицо его не измѣняется, и разговоръ свободенъ и пр. и пр. Подобныя самоистязанія факировъ вытекаютъ изъ того общаго воззрѣнія индійцевъ, что жизнь есть бѣдствіе, полна горести, страданія. Жить и страдать — для индійца понятія тождественныя. Жизнь есть печальная драма, въ которой совершаетъ игру свою Вѣчный; она сама въ себѣ есть источникъ зла и мученій. Міръ только мечта. Все тщетно, все ничтожно въ этомъ круговоротѣ бытія. Дни смертнаго исчезаютъ, какъ дрожащая капля воды на лотосовомъ листѣ, какъ влага,

---

[8]) Фарраръ.

изсушаемая солнечнымъ жаромъ. „Я, ты, весь міръ и все въ мірѣ будетъ поглощено всесокрушающимъ временемъ". Глубоко скорбную пѣснь влагаетъ Магабарата въ уста брамина, постигнутаго несчастіемъ. „Жизнь есть только страданіе; кто живетъ, тотъ не можетъ не страдать". Такова мысль о жизни, проникающая собою все міровоззрѣніе индійца. Въ этихъ жалобахъ на жизнь высказывается не просто скорбное чувство, вызываемое ея скоротечностью, а убѣжденіе во внутреннемъ ничтожествѣ жизни, т. е. въ томъ, что жизнь, по самому своему существу, ничтожна, что бытіе само въ себѣ есть уже несовершенство, зло. Вотъ почему мудрый смотритъ на міръ, какъ на зрѣлище фокусника, видитъ въ немъ обольщеніе [9]). Отсюда и становятся понятными всѣ самоистязанія индійскихъ факировъ. Напротивъ, въ христіанствѣ человѣкъ не представляется существомъ, каждый шагъ котораго есть страданіе, плѣнникомъ, которому нѣтъ никакой надежды на спасеніе, а существомъ, властно отражающимъ всѣ препоны и препятствія на пути къ совершенству; зная, что настоящая жизнь есть суета, а вѣчность есть покой и блаженство безъ мѣры и безъ конца, человѣкъ—христіанинъ путемъ безпрерывныхъ и напряженныхъ усилій защищетъ свою благородную природу отъ нападеній низшей, не боится смерти и скорбей, такъ какъ во Христѣ смерть и скорбь побѣждены. Съ такими именно взглядами на жизнь св. столпники и выступали на подвигъ умерщвленія грѣха.

Говорятъ, что подвигъ „столпничества" несообразенъ съ природою человѣка. Несообразность можетъ представляться или потому, что невѣрно смотрятъ на природу человѣка, т. е. или слишкомъ низко или слишкомъ высоко или потому, что о „столпничествѣ" судятъ по своимъ силамъ.

Смотрятъ на природу человѣка очень низко, потому что человѣка представляютъ чисто животнымъ. Жить сообразно съ природою человѣка, по такому взгляду, зна-

---

[9]) Епископъ Хрисанфъ. Религіи древняго мира, I, СПБ. 1873 г., стр. 249.

читъ тоже, что слѣдовать естественному стремленію и требованію природы. Но человѣкъ тогда то и живетъ противоестественно, дѣлается изъ человѣка животнымъ, когда слѣпо повинуется влеченію животной природы. Главную часть существа человѣка, отличающую его отъ животныхъ и дѣлающую его человѣкомъ, составляетъ разумъ, который по самой природѣ и своему назначенію долженъ господствовать въ человѣкѣ. Поэтому, тогда только человѣкъ и живетъ сообразно съ своею природою, когда его разумъ, подчиняя духу плоть, свободно дѣйствуетъ въ исполненіи законовъ, указанныхъ священнымъ писаніемъ. Этого и достигали св. столпники, умерщвляя свою плоть на столпахъ.

Смотрятъ на природу человѣка слишкомъ высоко, такъ какъ представляютъ его не такимъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ, то каковъ по идеѣ и какимъ онъ дѣйствительно былъ до паденія, когда духовная природа и плотская, составляя самую тѣсную связь между собою, дѣйствовали гармонически. Тогда для достиженія высшей святости требовалось только послушаніе волѣ Божіей. Теперь, когда дѣйствіемъ грѣха обѣ природы въ человѣкѣ разстроились гармонія въ нихъ нарушена, когда плоть похотствуетъ на духъ, духъ же на плоть [10]), теперь умерщвленіе плоти необходимо для жизни духа. теперь, по словамъ Іисуса Христа, „Царствіе Божіе нудится и нуждницы восхищаютъ е“, надобно восходить туда тѣснымъ путемъ, и тѣ, которые идутъ широкимъ путемъ, неминуемо влекутся въ пагубу. Кто хочетъ достигнуть святости, тотъ естественно долженъ нести крестъ самоотверженія, распинанія плоти съ ея страстями и похотями. При такомъ взглядѣ на человѣческую природу „столпничество“ не должно представляться неестественнымъ.

„Столпничество“ представляется несообразнымъ съ человѣческою природою потому, что о немъ судятъ по своимъ силамъ. Но тѣ, которымъ „столпничество“ представляется превышающимъ человѣческія силы, можетъ быть

---

[10]) Гал. V, 17.

еще не испытывали своихъ собственныхъ силъ, не вступали никогда ни въ какой подвигъ, а потому и не знаютъ своихъ силъ. Самое обыкновенное дѣло кажется намъ труднымъ, а иногда невозможнымъ, пока мы только смотримъ на него, но когда приступимъ къ исполненію его, то дѣло становится легкимъ и удобоисполнимымъ. Мы не въ состояніи опредѣлить силъ нашего духа, но знаемъ, что онѣ велики или малы, и отъ постояннаго упражненія могутъ увеличиваться и развиваться до безконечности. „Вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ“, говоритъ св. апостолъ Павелъ. Дѣйствительно, человѣкъ, при помощи благодати Божіей, все можетъ сдѣлать изъ себя, можетъ стать выше своей природы. Нельзя судить о силахъ другихъ по своимъ силамъ. То, что для одного кажется невозможнымъ, удобоисполнимо для другого. Тяжесть, которая непосильна младенцу, легко поднимается взрослымъ; но изъ того, что извѣстная тяжесть непосильна младенцу и, слѣдовательно, несообразна съ его природою, не слѣдуетъ заключать, что эта тяжесть превышаетъ вообще силы человѣка. Между тѣмъ, именно такъ разсуждаютъ тѣ, которые „столпничество“ считаютъ неестественнымъ и несообразнымъ съ человѣческою природою только потому, что этотъ подвигъ чрезвычайно труденъ и для многихъ невозможенъ. Называютъ столпническій аскетизмъ медленнымъ убійствомъ. Это не вѣрно. Св. столпники не возлагали на себя непосильнаго съ своею природою, такъ что непомѣрные подвиги ихъ на столпахъ не только не сокращали жизни св. столпниковъ, но, казалось, еще продолжали ее; они, при всѣхъ изнуреніяхъ своей плоти, достигали глубокой старости: св. Симеонъ I жилъ 103 г., стоялъ на столпѣ 80 лѣтъ; св. Даніилъ—83, стоялъ на столпѣ 33 года; св. Алипій Адріанопольскій—117 лѣтъ, стоялъ на столпѣ 53 г.; св. Симеонъ Дивногорецъ — 85 лѣтъ, стоялъ на столпѣ около 70 лѣтъ; св. Ѳеодосій стоялъ на столпѣ 50 лѣтъ; св. Лука новый столпникъ стоялъ 45 лѣтъ. Въ чемъ — тайна ихъ долголѣтія, какія причины его? въ благочестіи, которое весьма много способствуетъ благосостоянію самаго

здоровья. Вѣдь, благочестіе главнымъ образомъ состоитъ изъ чистаго сыновняго страха къ Богу и изъ сыновней любви къ Нему. Этотъ чистый страхъ, или трепетное благоговѣніе составляетъ какъ бы духовную прохладу, а любовь — горячесть духа. Изъ соединенія и взаимнаго сраствореніе ихъ образуется какъ бы благорастворѐніе воздуха внутренней жизни человѣка, благотворное для души и здоровья тѣла, подобное весеннему времени во внѣшней природѣ, чуждому и большаго холода и сильнаго жара. Такое настроеніе, или состояніе души, въ существѣ и основаніи своемъ уже молитвенное, даетъ правильное біеніе сердцу и такое же теченіе самой крови человѣка, которая подъ этимъ благотворнымъ вліяніемъ духа, очищается, живится и разливаетъ здоровье во всемъ тѣлесномъ составѣ человѣка. А главное—благочестіе привлекаетъ Божію благодать, укрѣпляющую и немощная врачующую. Это одна причина долговѣчности св. столпниковъ. Другая — заключается въ слѣдующемъ: жизнь ихъ была проста и сурова. Строгіе постники, они отказываются отъ всякихъ и раздражающихъ явствъ и питій, какова, напр., мясо, вино, а употребляютъ пищу растительную и воду. Далѣе, жизнь свою св. столпники проводятъ въ дѣятельности, предпринимая самые разнообразные подвижническіе труды, особенно въ началѣ, когда проходили разные виды послушанія. Это сообщало тѣлу ихъ крѣпость — условіе долговѣчности.

Потомъ, св. столпники обрекаютъ себя на всевозможныя лишенія и нужды, не щадятъ себя, не берегутъ своего тѣла отъ разныхъ непріятныхъ и вредныхъ вліяній, ощущеній, напр. сильнаго холода и жара, голода и жажды, и тѣло ихъ привыкало ко всему этому, закалялось, такъ сказать, и могло выдерживать несравненно болѣе, чѣмъ тѣло людей изнѣженныхъ; самое цѣломудріе св. столпниковъ могло служить источникомъ укрѣпленія и жизненности для ихъ тѣла, истощаемаго постомъ и тяжкими подвигами. А если бы даже такіе великіе подвиги и дѣйствительно сокращали жизнь св. столпниковъ, то и тогда какое бы

мы имѣли право называть это убійствомъ? въ угожденіе ли прихотямъ людей, по волѣ ли своихъ страстей св. столпники умерщвляли свою плоть? нѣтъ. Они дѣлали это для искорененія своихъ страстей, для очищенія и возвышенія своего духа, для того, чтобы достойно приготовить безсмертное свое существо къ вѣчному соединенію съ Богомъ, привести его къ берегу и краю желаній.

Наконецъ, говорятъ, что „столпничество“ противно духу вѣры Христовой, оно не заповѣдуется св. Писаніемъ. Но для того, кто знакомъ съ ученіемъ христіанскимъ, „столпничество“ не покажется противнымъ его духу. Ученіе христіанское требуетъ отъ христіанина подвиговъ самоотверженія[11]), а отличительнымъ признакомъ истинныхъ христіанъ служитъ именно умерщвленіе плоти. Но какъ именно распинать плоть свою и совлекаться ветхаго человѣка—это предоставляется свободѣ и благоразумію каждаго. Законъ Христовъ, опредѣляя отношенія человѣка къ Богу и ближнимъ, многое предоставляетъ свободѣ христіанина. „Кійждо своею мыслію да извѣствуется“,—вотъ правило, какимъ христіанинъ долженъ руководиться въ принаровленіи общихъ евангельскихъ законовъ къ частнымъ случаямъ и обстоятельствамъ своей жизни, а слѣдовательно, и въ способѣ умерщвленія своей плоти. Поэтому, неосновательно искать въ ученіи вѣры христіанской ясныхъ предписаній о „столпничествѣ“ и, не находя ихъ, признавать его несогласнымъ съ духомъ вѣры. „Столпничество“—это своего рода совокупность добровольныхъ обѣтовъ служащихъ давшимъ ихъ важнымъ пособіемъ къ духовному совершенству, расширяющихъ и возвышающихъ поприще духовнаго усовершенствованія, такъ какъ они (обѣты) побуждали св. столпниковъ приносить Богу въ даръ то, что могло-бы быть и не принесено и требовали уже отъ нихъ большихъ и постоянныхъ усилій въ совершеніи добродѣтелей и подвиговъ, съ одной стороны, предостерегая ихъ отъ совращенія съ пути богоугожденія, а съ другой — сообщая чистоту сердцу. Это возводитъ

---

[11]) Мѳ. X. 28; Мр. VIII, 34, 38; Римл. XIV, 5; 1 Кор. IX, 27, XI, I; 2 Кор. IV, 16; Гал. V. 24; VI, 14; Ефес. IV, 16. 22.

„столпничество“ на почву законности и сообразности съ ученіемъ Христовымъ, которое, правда прямыхъ указаній на обѣты не даетъ, а дѣлаетъ, такъ сказать, благочестивыя предложенія, напр. нестяжанія [12]), дѣвства [13]) и съ апостольскимъ, которое основныя правила, необходимыя къ исполненію, называетъ повелѣніями, а руководственныя указанія свободныхъ и особенныхъ подвиговъ благочестія именуетъ совѣтами [14]). Вообще же надо сказать, что о многомъ, относящемся къ существу вѣры и жизни христіанской, не сказано прямо и подробно въ словѣ Божіемъ, какъ объ этомъ не разъ замѣчается въ св. Писаніи [15]).

ГЛАВА IX.

Посланіе св. Исаака Сирина къ св. Симеону Дивногорцу, какъ свидѣтельство нравственнаго общенія этихъ двухъ подвижниковъ.

Св. столпники не представляли изъ себя какихъ-либо замкнутыхъ аскетовъ, всецѣло занятыхъ самими собой и не имѣвшихъ ничего общаго съ другими. Отчасти мы уже познакомились объ ихъ общеніи съ ближними, а теперь коснемся вопроса о руководительствѣ въ духовной жизни, которымъ св. столпники весьма дорожили и о томъ нравственномъ общеніи, въ какомъ они находились съ другими подвижниками. Руководителями ихъ, во-первыхъ, былъ Самъ Господь, дававшій наставленія, напр., св. Дивногорцу о сораспятіи Ему, во вторыхъ, игумены монастырей, гдѣ св. столпники начинали свою подвижническую жизнь и, въ третьихъ, лица, посылаемыя Богомъ, разъяснявшія св. столпникамъ смыслъ благодатной жизни. Въ этомъ увѣряетъ насъ посланіе св. Исаака Сирина къ св. Симеону Дивногорцу. Оно имѣетъ то еще значеніе, что въ отрывкахъ

---

[12]) Иночества, нестяжанія, дѣвства, непрерывнаго умерщвленія плоти путемъ „столпостоянія“, созерцанія, затворничества, молчальничества и пр. и пр. Мѳ. XIX. 21. [13]) XIX, 12. [14]) 1 Кор. VII. 25. 34, 38. 40; 2 Кор. VIII, 8.10; 1 Солун. IV, 2. [15]) Іоанн. XXI, 25; 2 Іоанн. 12 ст., 3 Іоанн. 13 ст., 2 Солун. II, 15.

сохраняетъ въ себѣ тѣ вопросы жизни, какими занимался св. столпникъ-созерцатель. Посланія св. столпника къ преп. Исааку Сирину не сохранились, и потому посланіе Исааково весьма драгоцѣнно. Можетъ быть и другіе св. столпники находились въ перепискѣ съ опытными подвижниками, но объ этомъ въ житіяхъ ихъ не упоминается, и потому намъ остается довольствоваться только однимъ посланіемъ св. Исаака Сирина къ св. Симеону столпнику съ тѣмъ, чтобы познакомиться съ аскетическимъ міровоззрѣніемъ св. столпника Симеона, вѣроятно, раздѣляемымъ и другими св. столпниками [1]). Вотъ его изложеніе [2]). Получивъ посланіе отъ св. столпника, св. Исаакъ Сиринъ пишетъ отвѣтное посланіе, въ которомъ прежде всего поражается тою любовью, какую оказываетъ св. столпникъ къ нему и тѣмъ предупредительнымъ вниманіемъ, какое св. столпникъ являетъ св. Исааку, надѣявшемуся учиться истинѣ отъ него. Считая себя недостойнымъ учить великаго св. столпника, но руководясь желаніемъ его и вѣря тому, что вопросами духовными св. столпника онъ возбудитъ отъ нерадѣнія свою душу, св. Исаакъ исполняетъ просьбу св. столпника, котораго предварительно приглашаетъ молиться Богу, чтобы Онъ открылъ св. Симеону чрезъ посланіе св. Исаака, какъ искреннему Своему слугѣ то, чего онъ проситъ. Послѣ этого введенія св. Исаакъ Сиринъ приступаетъ къ рѣшенію вопросовъ, предложенныхъ св. Симеономъ столпникомъ. Св. столпникъ въ своемъ посланіи задавалъ такой вопросъ: „слѣдуетъ-ли исполнять всѣ заповѣди Божіи и нѣтъ-ли способа въ спасеніи не сохраняющему ихъ“? Изъ этого вопроса видно, чѣмъ св. столпникъ въ своей безмолвной созерцательной жизни занимался. Его тяготила, можно думать, такая мысль—слѣдуетъ-ли всѣ исполнять заповѣди Божіи,— нельзя ли обойтись храненіемъ только нѣкоторыхъ главныхъ. Можно думать, что подобный вопросъ предло-

[1]) Такъ какъ пссланіе св. Исаака Сирина адресовано къ св. Симеону столпнику, то и изложеніе его содержанія и выясненіе значенія его представляется удобнымъ представить отдѣльно. [2]) При изложеніи посланія мы пользовались московскимъ изданіемъ твореній св. Исаака Сирина 1859 г. (сл. 55, стр. 273).

женъ былъ св. столпнику кѣмъ-либо изъ приходящихъ къ нему, и онъ, не считая себя компетентнымъ въ рѣшеніи такого вопроса, самъ обратился за разрѣшеніемъ его къ св. Исааку Сирину. Можетъ быть онъ былъ слѣдствіемъ долгихъ размышленій св. столпника о томъ, какъ спасутся всѣ тѣ люди, которыхъ любитъ Богъ, но которые не исполняютъ заповѣдей Божіихъ. Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни возникла подобная мысль у св. Симеона, раскрытіе которой нуждалось въ компетенціи другого лица, она была достояніемъ подвижника, и мы на основаніи ея имѣемъ право судитъ о томъ, какія стороны нравственной жизни занимали умъ св. подвижника. Кромѣ вопроса о томъ—необходимо-ли исполнять всѣ заповѣди Божіи, св. столпника смущала мысль—о способѣ спасенія безъ сохраненія заповѣдей, по всей вѣроятности возникшая у него подъ вліяніемъ бесѣдъ съ приходящими къ нему, среди которыхъ, были люди разнаго свойства въ религіозномъ отношеніи. Конечно, св. Симеонъ самъ былъ далекъ отъ этой мысли, онъ не могъ такъ думать, потому что, какъ великій отшельникъ, старался всю жизнь исполнять заповѣди Божіи. Вѣроятнѣе, это былъ одинъ изъ спорныхъ вопросовъ, возникшій, можетъ быть, среди мірянъ, посѣщавшихъ его, рѣшеніемъ котораго занимался самъ св. столпникъ, а для большей убѣдительности неправильности такого сужденія письменно спросившій мнѣнія св. Исаака Сирина; наконецъ, подобныя мысли могли волновать кого-нибудь изъ братіи монастырской, который нуждался въ совѣтѣ и указаніи, не своего монаха, можетъ быть презираемаго [3]), а другого, не заинтересованнаго вопросомъ, лица, какимъ въ данномъ случаѣ и является св. Исаакъ Сиринъ. Словомъ, предложенный св. столпникомъ св. Исааку Сирину вопросъ о спасеніи безъ соблюденія заповѣдей Божіихъ обличаетъ въ св. столпникѣ мудрую, духовную наблюдательность.

Какъ же св. Исаакъ Сиринъ рѣшаетъ предложенный ему св. Симеономъ вопросъ о спасеніи? прежде всего, по

---

[3]) Св. Симеонъ Дивногорецъ дѣйствительно былъ унижаемъ братіею, о чемъ мы раньше замѣчали.

его мнѣнію, и спрашивать объ этомъ никому не слѣдуетъ [4]). Хотя и много есть заповѣдей Божіихъ, но онѣ всѣ должны быть исполняемы, такъ какъ Господь лишняго бремени никогда бы не возложилъ на человѣка. Божіи заповѣди, по словамъ св. Исаака Сирина, это не что иное, какъ врачебныя средства, данныя человѣку Богомъ къ уврачеванію его грѣшной души; причемъ, средствами этими пользоваться должно не изъ за страха, а изъ любви. Необходимость исполненія всѣхъ заповѣдей непремѣнно подтверждается словами Спасителя: „разоряяй едину заповѣдей сихъ малыхъ и учай тако человѣки, мній наречется въ царствіи небеснѣмъ“ [5]). Очищеніе души только и можетъ совершаться путемъ исполненія всѣхъ заповѣдей и не слѣдуетъ мыслить такъ, что Богъ можетъ и безъ соблюденія заповѣдей Его чрезъ благодать Свою даровать очищеніе души, „зане сія судьбы суть Господня и не заповѣдаетъ церкви таковая просити намъ“. Бываетъ, что иные усерднымъ исполненіемъ заповѣдей Божіихъ достигаютъ душевной чистоты, а нѣкоторые сподобляются этого даромъ благодати, но послѣдняго не слѣдуетъ просить у Бога въ молитвѣ, оставивъ исполненіе заповѣдей. На вопросъ богатаго юноши о спасеніи Господь отвѣтилъ—„сохрани заповѣди“ [6]) и частнѣйшимъ указаніемъ ихъ „научилъ его естественнымъ заповѣдемъ“ и удовлетворилъ, потомъ, его болѣе высшимъ запросамъ духа, предложивъ продать свое имѣніе и раздать деньги нищимъ, взять крестъ и слѣдовать за Нимъ [7]). Этотъ совѣтъ Господа, по мнѣнію св. Исаака Сирина, означаетъ—надобно уйти изъ ветхаго міра страстей и стремиться войти въ новый, благодатный міръ, сдѣлаться мертвымъ для всего земного, страстнаго. Только тогда, когда человѣкъ совлечется похотей, онъ можетъ обновиться, а тѣ же, которые плотская мудрствуютъ, угодити Богови мудрованіемъ духа, не могутъ [8]). Поэтому, св. Исаакъ Сиринъ и совѣтуетъ далѣе св. Симеону столпнику: если ты,

---

[4]) Значитъ, вопросъ былъ предложенъ св. Симеону, и онъ не хотѣлъ оставить безъ духовнаго назиданія вопрошавшаго. [5]) Мѳ. V, 19. [6]) Мѳ. XIX, 17—21. [7]) Мр. X, 21. [8]) Римл. XIII, 7—8.

говоритъ онъ, любишь чистоту сердца и мудрованіе духовное, о чемъ ты мнѣ пишешь, то прилѣпись къ заповѣдямъ Бога, любовь Котораго предложила ихъ, исполняя заповѣди не изъ за страха за неисполненіе или изъ за награды за исполненіе ихъ, потому что мы не тогда извѣдываемъ всю сладость, когда дѣлаемъ правду, но тогда, когда „вожделѣніе правды снѣдаетъ сердце наше“, и не тогда мы бываемъ грѣшниками, когда грѣхъ содѣваемъ, но тогда, когда его мы не возненавидимъ и не станемъ въ немъ раскаяваться. Тѣ, которые заповѣдей Божіихъ не сохранили и не слѣдовали апостольскимъ путемъ, святыми быть названы не могутъ [9]).

Затѣмъ, св. Симеона интересовало то, почему св. Василій Великій иногда хвалитъ общежитіе, иногда же пустынничество?

Св. Исаакъ Сиринъ рѣшаетъ этотъ вопросъ такимъ образомъ: духовная польза пріобрѣтается двумя способами, смотря по силамъ и намѣреніямъ человѣка. Сильнымъ людямъ иногда бываетъ полезно жить въ общежитіи, а слабымъ иногда полезно жить въ пустынѣ. Достигшему же нравственнаго совершенства и окончательно умершему для міра и общества, пребываніе среди нихъ оказывается вреднымъ, ибо онъ призывается къ уединенію какъ бы Самимъ Богомъ. Немощному же и нуждающемуся въ укрѣпленіи себя на пути исполненія заповѣдей Божіихъ полезнѣе жить въ общежитіи, „дондеже обучится, и утомится, и заушенъ будетъ искушеніи, и падетъ, и возстанетъ между множайшими и стяжетъ здравіе души“. Какъ младенецъ не можетъ быть воспитанъ безъ молока, такъ и монахъ не можетъ быть имъ (т. е. монахомъ), не будучи вскормленъ „млекомъ“ заповѣдей Божіихъ для того, чтобы побѣждать страсти, достигать чистоты. Такъ, пустыня иногда немощнымъ и бѣгающимъ общества бываетъ полезна въ нравственномъ отношеніи, а иногда оказывается благотворною для сильныхъ. Первымъ—въ виду того, чтобы они при

[9]) Стр. 273—277.

благопріятныхъ условіяхъ не увеличили-бы страсти. Вторымъ, т. е. сильнымъ, при отсутствіи земного можно свободнѣе въ пустынѣ бороться съ діаволомъ. Пустыня, по истинѣ, усыпляетъ страсти, какъ пишетъ и св. Симеонъ столпникъ въ своемъ письмѣ, но этого мало, дополняетъ св. Исаакъ Сиринъ; слѣдуетъ не усыпить только страсти, а совершенно ихъ исторгнуть, побѣдить, когда онѣ возстанутъ противъ человѣка, потому что, вѣдь, усыпленныя только страсти, могутъ снова пробудиться.

Но не одна пустыня усыпляетъ страсти, а иногда и сами страсти усыпляютъ одна другую; такъ страсть тщеславія отгоняетъ блудную, а блудная, напротивъ, укрощаетъ „славонеистовство“. Но, совѣтуетъ дальше св. Исаакъ Сиринъ, въ пустынѣ надобно обитать не потому, что она усыпляетъ страсти, а потому, что въ ней легче созидается внутренній человѣкъ, и она болѣе способствуетъ къ созерцательной жизни [10]). Что касается того, что св. Василій Великій и Григорій Богословъ, на которыхъ ссылается св. Дивногорецъ, любили пустыню, восхваляли безмолвіе, достигли тамъ чистоты и сподобились откровеній. то для правильнаго пониманія ихъ взгляда на пустыню, гдѣ можно достигнуть чистоты и сподобиться откровеній, надо имѣть въ виду ихъ приготовленіе въ мірѣ къ пустынной жизни путемъ дѣятельнаго исполненія заповѣдей.

Далѣе, св. Симеона столпника интересовалъ слѣдующій вопросъ. Господь установилъ заповѣдь о милостынѣ, которая уподобляетъ человѣка Отцу небесному, а монахи выше ея ставятъ безмолвіе: какъ примирить это?

Безмолвіе безъ милостыни немыслимо, хотя мы, монахи, говоритъ св. Исаакъ Сиринъ, стараемся насколько возможно удаляться отъ мірского мятежа, но не отрекаемся оказывать милость въ случаѣ дѣйствительной надобности, заботимся въ тоже время и о безмолвіи для того, чтобы очиститься отъ душевныхъ возмущеній и приблизиться къ Господу. Необходимо принуждать себя къ тому, чтобы

---

[10]) Стр. 277—279.

воплотить въ себѣ милостивость и не только сохранять внутрь себя милосердіе, но и дѣломъ стараться оказывать любовь къ ближнему, такъ какъ какой это будетъ монахъ, который, имѣя пищу и одежду и видя своего ближняго алчущимъ и наготующимъ, не удѣлитъ послѣднему нѣкоторой части изъ того, что имѣетъ? или развѣ не оставитъ кто своего затвора ради больного ближняго, нуждающагося въ посѣщеніи и участіи другихъ? но положимъ, подобнаго рода случаи, способствующіе проявить въ отношеніи къ ближнимъ милостивость, будутъ отсутствовать, то надобно хоть въ мысляхъ сохранять духъ такой милостивости. Когда же подобные случаи будутъ представляться монаху, то необходимо послѣднему воспользоваться ими для того, чтобы на дѣлѣ показать ту любовь къ ближнимъ, какую онъ носитъ въ сердцѣ. А безмолвникъ, не желающій упражняться въ дѣлахъ милосердія и мірянинъ, пренебрегающій милостивостью—немилостивцы; надобно всегда приводить себѣ на память милосерднаго Христа и не кичиться ложнымъ безмолвіемъ. Примѣры, приведенные св. столпникомъ въ доказательство несовмѣстимости безмолвія съ милостивостью изъ жизни св. Іоанна Ѳиваидскаго и св. Арсенія, которые не заботились о недужныхъ и нищихъ въ ущербъ своему безмолвію, св. Исаакъ Сиринъ считаетъ неосновательными: „да не приближишися къ дѣламъ нѣкимъ таковыхъ; аще бо отстоиши отъ всякаго покоя и срѣтенія человѣкъ, яко же бяху сіи, повелѣваетъ ти Господь презирати таковая; аще-ли же отъ онаго совершенства отстоиши, и во трудѣхъ тѣлесныхъ, и бесѣдѣ человѣчестей еси во всяко время, почто нерадиши о заповѣдѣхъ, яже мѣрѣ твоей подобаетъ сохранити, пребывати извиняяся въ жительствѣ велицѣмъ святыхъ, къ нему же не приближился еси". Какъ бы въ противовѣсъ примѣрамъ, приведеннымъ св. столпникомъ, св. Исаакъ Сиринъ ссылается на примѣръ изъ жизни св. Макарія Великаго, который, посѣтивъ больного брата и, узнавъ, что ему нужно немножечко мягкаго хлѣба, самъ отправился, несмотря на свои 90 лѣтъ, изъ скита въ г. Александрію за мягкимъ

хлѣбомъ для больного, такъ какъ въ монастырѣ по обычаю не было мягкаго хлѣба, а братія питалась сухимъ. Авва же Агаѳонъ, великій безмолвникъ, 6 мѣсяцевъ работалъ въ міру за одного больного человѣка. Такимъ образомъ, боящіеся Господа всѣми мѣрами заботятся о томъ, чтобы сохранить и исполнить заповѣди Божіи и, если представляется возможность, то и непріятности терпятъ ради благоденствія ближнихъ. Въ силу того, что человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла, онъ и любовь свою въ отношеніи къ ближнимъ долженъ оказывать двоякимъ образомъ— духовнымъ и тѣлеснымъ; а если невозможно осуществить одинъ способъ милостивости дѣлами, по какимъ либо обстоятельствамъ, то довольно будетъ и того, что такая любовь будетъ храниться въ сердцѣ монаха-безмолвника [11]). Примиривъ кажущуюся несовмѣстимость безмолвія съ милостивостью, св. Исаакъ Сиринъ дальнѣйшимъ разсужденіемъ опредѣляетъ значеніе и нравственное достоинство милосердія для безмолвника-монаха, который, ради своего безмолвія, не желая оказывать никакой милостивости, можетъ дойти до презрѣнія людей и впасть въ гордость. Презирающій больного, пишетъ онъ, не увидитъ свѣта, отвращающійся отъ скорбящаго погибнетъ, и тотъ, кто презираетъ вопли злостраждущихъ, накажется. Ничто не въ состояніи избавить монаха отъ гордости и ничто не можетъ споспѣшествовать цѣломудрію особенно во время борьбы съ плотію, какъ посѣщеніе больныхъ и скорбящихъ. Такую дѣятельную любовь монахъ можетъ проявлять, проводя созерцательный образъ жизни; находясь въ безмолвіи, можетъ совершать дѣла милосердія [12]).

Св. Симеонъ столпникъ въ своемъ посланіи къ св. Исааку Сирину, между прочимъ, разсуждаетъ о томъ, что монахъ, желающій любить Бога, больше всего долженъ заботиться о чистотѣ своей души, и что душа, не побѣдившая страстей, не можетъ имѣть дерзновенія въ молитвѣ.

Св. Исаакъ Сиринъ въ отвѣтномъ посланіи развиваетъ

---

[11]) Стр. 279—284. [12]) Стр. 284—286.

эти мысли св. Симеона и прежде всего между первымъ понятіемъ — о чистотѣ — души — и вторымъ о дерзновеніи въ молитвѣ—находитъ много общаго: изъ перваго вытекаетъ второе и изъ второго положенія съ необходимостью слѣдуетъ первое. Душа, не побѣдивъ страстей, не можетъ заботиться о чистотѣ, потому что какъ она можетъ достигнуть того, что выше ея, ибо нежеланіе любви есть любовь, а дѣятельное проявленіе любви, предваряющее желаніе, составляетъ любовь. Страсти — это запертая дверь для чистоты и если ее не открыть, то чистотѣ въ душу проникнуть невозможно, а тѣмъ болѣе душѣ недоступно бываетъ тогда дерзновеніе, которое выше чистоты. Что же надобно для того, чтобы открыть дверь для чистоты и дерзновенія? терпѣніе съ принужденіемъ себя къ борьбѣ съ страстями; когда же будутъ побѣждены страсти, тогда душа пріобрѣтаетъ чистоту. Истинная же чистота сообщаетъ уму дерзновеніе во время молитвы. Но во время молитвеннаго созерцанія монаху надо быть очень осторожнымъ и не слѣдуетъ ему въ молитвѣ просить у Бога того или другого, потому что Господь лучше знаетъ,—что необходимо молящемуся. Монахъ достигаетъ совершенства молитвеннаго тогда, когда смиряетъ себя и плачетъ о своихъ согрѣшеніяхъ, молясь мытаревымъ гласомъ: „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному“ [13]). Смиреніе,—выражающееся въ сознаніи своего окаянства—верхъ добродѣтели: „егда сотворите вся повелѣнная вамъ, глаголите яко раби неключими есмы, яко еже должни бѣхомъ сотворити, сотворихомъ [14]), да и человѣческая совѣсть говоритъ о томъ, что люди неключимые рабы, нуждающіеся въ высшей, благодатной помощи. Знай же ты, пишетъ св. Исаакъ Сиринъ св. Симеону, что не дѣла открываютъ дверь души, но сердце сокрушенное и смиреніе души, т. е. тогда откроется дверь для чистоты, когда побѣдишь страсти съ смиреніемъ, а не съ превозношеніемъ. Чистота же сердца и здоровье души составляютъ внутреннее царство въ человѣческой

---

[13]) Лк. XVIII, 13. [14]) Лк. XVII, 10.

душѣ, такъ какъ кающійся вслѣдствіе здороваго состоянія своей души вступаетъ въ единеніе съ Богомъ, Отцемъ небеснымъ, входитъ въ страну чистаго естества и царствуетъ въ славѣ Отца своего. Вспомнимъ, говоритъ св. Исаакъ, св. апостола Павла, кающагося въ своихъ прегрѣшеніяхъ и смиряющаго себя; онъ свидѣтельствуетъ, что Христосъ „пріиде въ міръ грѣшники спасти, отъ нихъ же первый есмь азъ. Но сего ради помилова мя, да во мнѣ прежде покажетъ все свое долготерпѣніе“ [15]). Сначала онъ былъ гонителемъ и хульникомъ, но помилованъ Богомъ, потому что грѣхъ творилъ въ невѣдѣніи. Приведенныя же слова онъ произнесъ тогда, когда искусился уже въ великихъ подвигахъ, послѣ проповѣдническихъ трудовъ, соединенныхъ съ большими скорбями и искушеніями. Будучи уже великимъ проповѣдникомъ, онъ всетаки вспоминаетъ свои прежніе грѣхи, не смѣетъ называть себя ученикомъ Христовымъ, какъ бывшій Его гонитель; побѣдившій страсти, онъ говоритъ: „умерщвляю тѣло мое и порабощаю, да не како инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду“ [16]). Вотъ примѣръ для подражанія. Св. апостолъ Павелъ не просилъ у Господа царствія души, но говорилъ: „молилъ быхъ ся анаѳема быти отъ Христа“ [17]). Какъ же мы, пишетъ св. Исаакъ Сиринъ, осмѣлимся просить у Бога царствія душѣ, не соблюдая еще заповѣдей, не побѣдивъ страсти, не отдавъ долга? и далѣе, умоляетъ св. Симеона столпника о томъ, чтобы подобныя мысли не волновали его душу, а совѣтуетъ укрѣпляться въ терпѣніи, въ перенесеніи скорбей и въ смиренномъ чувствѣ покаянія и сердечнаго сокрушенія о „сущихъ въ себѣ страстяхъ“ и немощахъ, просить прощенія у Бога грѣховъ и смиренія духа“ [18]). Одинъ изъ святыхъ отцовъ говорилъ: кто не считаетъ себя грѣшникомъ, того молитва Господу непріятна, — необходимо покаяніе за отложеніе гордости для стяжанія смиренія [19]).

Потомъ, св. Симеонъ столпникъ писалъ св. Исааку Сирину, что его душа стремится возлюбить Бога, но что

---

[15]) Тим. 1, 15, 16. [16]) 1 Кор. IX, 27. [17]) Римл. IX, 3. [18]) Стр. 286—289. [19]) Стр. 290.

онъ не достигъ еще совершенной любви, хотя имѣетъ сильное къ ней влеченіе, что пустынножительство пріятно ему, что въ сердцѣ своемъ онъ ощущаетъ какую-то чистоту, и что памятованіе о Богѣ „разгрѣвается и разжигается“ въ немъ.

Порадовавшись такому духовно-нравственному усовершенствованію св. столпника, св. Исаакъ Сиринъ предостерегаетъ, однако, его отъ того, чтобы онъ не впалъ въ прелесть: „ты не одинъ говоришь, что хочешь любить Бога, но и каждый говоритъ тоже самое, и не только христіане, но и неправо чтущіи Бога; но большинство высказываетъ такое желаніе только языкомъ, а въ душѣ нисколько не ощущается этой любви. Находясь, такимъ образомъ, въ нравственномъ ослѣпленіи, подобные люди думаютъ, что они нравственно здоровы, а не замѣчаютъ того, что сами находятся въ грѣхѣ, и будучи прославляемы за свои мнимыя показныя добродѣтели, впадаютъ въ прелесть“. Опредѣливъ „прелесть“, св. Исаакъ указываетъ далѣе врачество отъ нея, а именно—дѣятельное исполненіе въ смиреніи всѣхъ заповѣдей Божіихъ для очищенія души отъ страсти. Вѣдь, если „страстная часть“ души не исцѣлится, не обновится и не освятится, то душа „не стяжетъ здравія“ и не въ состояніи совершенно освободиться отъ того, что можетъ влечь ее къ грѣху. Здравіе душѣ сообщаетъ благодать Божія подобно тому, какъ она низошла на св. апостоловъ. Иногда же дѣятельнымъ исполненіемъ заповѣдей воспріемлется благодать Божія, обновляющая умъ и освящающая сердце. Когда же умъ обновится, тогда всѣ мысли въ сердцѣ человѣка приходятъ въ движеніе, и прежде всего „движется вожделѣніе божественныхъ“, желаніе общенія съ ангелами и разумѣнія откровеній св. Духа. Тогда духовное разумѣніе наполняетъ все его существо, и онъ начинаетъ созерцать таинства св. Троицы. Если же могла бы „страстная“ душа истинно любить Бога, то, конечно, она уразумѣла бы таинства духовнаго міра, но, такъ какъ ясно, что познаніе тайнъ міра духовнаго при страстяхъ невозможно, то одинъ человѣческій разумъ, одно людское ученіе

безъ благодати Божіей открыть дверь въ высшее вѣдѣніе не могутъ. Если же душа освободится отъ страстей, то умъ человѣка, озаренный свыше, просвѣтится и тогда „узритъ благая“, и учиться этому не потребуется, спрашивать объ этомъ (духовномъ озареніи) другихъ не придется, потому что созерцательный умъ, если онъ находится въ здравомъ нравственномъ состояніи, здраво „славу Христову зритъ“, наслаждается самостоятельно, безъ разъяснительныхъ указаній другихъ о высшемъ духовномъ вѣдѣніи, сладостью тайнъ новаго открывшагося для него міра безъ участія его воли, а единственно вслѣдствіе теплоты его вѣры и надежды во Христѣ, какъ говоритъ св. апостолъ Павелъ: „еже бо видимъ, что и уповаемъ; аще ли его же не видимъ, надѣемся, терпѣніемъ ждемъ“ [20]). Поэтому, чтобы сподобиться высшаго созерцанія надобно уповать на милость Божію и пребывать въ уединеніи съ самимъ собою. Умъ, что видитъ, то и воспринимаетъ. Если онъ обращенъ къ міру, то изъ міра же и заимствуетъ образы и подобія, что вызываетъ въ немъ и соотвѣтствующіе имъ помыслы. Помыслы, придя въ движеніе, овладѣваютъ умомъ. А если умъ заключенъ въ самого себя и кромѣ Христа никого и ничего не видитъ, то ясно, что онъ воспринимаетъ все то, что „облагоухаетъ гортань души“, а главное достигаетъ дерзновенія въ молитвѣ. Когда же умъ достигнетъ познанія истины, тогда уже не требуется спрашивать у другихъ о ней, потому что тѣлесное око сначала спрашиваетъ, а потомъ уже видитъ солнце, такъ и око души—оно „зритъ разумъ Духа“ послѣ того, какъ уже испытается въ вѣдѣніи. Такое сравненіе можно приложить и къ видѣніямъ. Они открываются уму, когда будетъ здорова душа. Стремиться же понять существо видѣній, „испытывать“ ихъ,—есть безуміе. Вѣдь, и св. апостолъ Павелъ не съ наученіемъ, или въ вещественномъ мѣстѣ получалъ откровенія и слышалъ неизреченные глаголы, но восхищенъ былъ въ страну духовную и видѣлъ тамъ откровенія тайнъ [21]). Для полученія

[20]) Римл. VIII, 25. [21]) 3 Кор. XII, 3, 4.

откровеній надобно: исторгнуть изъ своей души страсти, стараться не видѣть человѣческой злобы, чтобы созерцать Бога. Затѣмъ, для того, чтобы сердце наполнялось духовными откровеніями надобно прежде обогатить себя тѣлесными дѣлами: постомъ, бдѣніемъ, послушаніемъ, терпѣніемъ, низложеніемъ помысловъ и пр., умъ направить къ чтенію св. писанія, въ которомъ необходимо поучаться, всегда имѣть предъ собою заповѣди Божіи, бороться съ страстями, непрестанною молитвою и постояннымъ поученіемъ въ свящ. писаніи, стремиться исторгнуть изъ своего сердца всякій образъ и подобіе того, что прежде сильно волновало душу. Направляя умъ къ высшему созерцанію, надо оставить „прошеніе“ о разумѣніи тайнъ духовнаго міра и видѣній, которыхъ словами выразить нѣтъ возможности, но надобно послѣдовать ревностному исполненію заповѣдей Божіихъ и просить у Господа только снисшествія благодати Божіей, какую Богъ вложилъ въ сердца св. апостоловъ, мучениковъ и св. отецъ. Начало, средина и конецъ такой созерцательной жизни—удаленіе отъ всего земного и соединеніе со Христомъ. „Если же желаешь, пишетъ Исаакъ Сиринъ св. столпнику, видѣнія тайнъ, то исполняй заповѣди, а не разумомъ старайся ихъ только постигнуть“. Духовное вѣдѣніе и познаніе тайнъ прежде всего ощущается внутри, а потому и трудиться прежде всего надо на поприщѣ самонаблюденія.

Чистота достигается исполненіемъ Божіихъ заповѣдей, а созерцаніе духовнаго міра путемъ размышленія о домостроительствѣ Господомъ человѣческаго спасенія. Ими обновляется сердце, и человѣкъ путемъ навыка въ нихъ укрѣпляется въ духовномъ созерцаніи, постепенно восходя по лѣствицѣ нравственнаго совершенства на высоту добродѣтелей до тѣхъ поръ, пока не вселится въ него радость духовная, и онъ, будучи вознесенъ къ Богу, увѣнчается славою. Такимъ путемъ человѣкъ доходитъ до созерцанія Бога, но на этомъ пути онъ подвергается искушеніямъ,

---

[22]) Стр. 290—296.

борется съ ними, падаетъ и опять возстаетъ и до тѣхъ поръ это продолжается, пока онъ не сподобится видѣнія св. Троицы. Тогда то онъ прилѣпляется ко Христу и съ любовію, безъ страха исполняетъ Его заповѣди. Такимъ образомъ, человѣкъ сподобляется благодати Божіей храненіемъ заповѣдей, „а не якоже премудрость твоя вознепщева, яко дѣло храненія заповѣдей, возбраненіе есть видѣній божественныхъ тайнъ, совершаемыхъ въ безмолвіи", замѣчаетъ св. Исаакъ Симеону [23]).

Дальше св. Исаакъ Сиринъ предлагаетъ св. столпнику стяжать любовь—этого стража въ жизни, особенно подвижническо-безмолвной. Какъ только монахъ отторгнетъ отъ себя любовь, такъ въ душѣ его уже не будетъ мира, и благодать Божія его оставитъ [24]). Необходимо стяжать любовь для того, чтобы ощутить въ себѣ присутствіе Іисуса Христа, а не желать только видѣній [25]). Изъ этихъ послѣднихъ замѣчаній св. Исаака Сирина видно, что св. Симеонъ столпникъ особенно желалъ сподобиться видѣній божественныхъ; св. Исаакъ Сиринъ, приводя слова св. столпника,—что „дѣланіе" заповѣдей препятствуетъ сподобляться видѣній,—осуждаетъ его за подобныя мысли и говоритъ ему, что такими словами онъ порицаетъ любовь къ ближнимъ и, предпочитая любви видѣніе, хочетъ сподобиться того, что „не зрится". Мы не можемъ видѣть видѣнія, пишетъ св. Исаакъ Сиринъ, но видѣніе само показываетъ намъ себя въ своемъ мѣстѣ. Подобно тому, какъ ростъ тѣлесный стоитъ въ зависимости отъ естественныхъ причинъ, такъ и возрастаніе духовное увеличивается богомысліемъ и прочими духовными дѣланіями. При дерзостномъ же стремленіи къ духовнымъ видѣніямъ, духовное зрѣніе тотчасъ притупляется, и человѣкъ вмѣсто истинныхъ видѣній созерцаетъ мечтанія и образы. Какъ въ физическомъ мірѣ бываютъ видѣнія истинныя и галлюцинаціи, такъ тоже самое замѣчается и въ мірѣ духовномъ. Галлюцинаціи происходятъ, по Исааку Сирину, именно тогда, когда человѣкъ самъ хочетъ сподобиться видѣнія не во время [26]). Если

[23]) Стр. 295—298. [24]) Стр. 299. [25]) Стр. 300. [26]) Стр. 301.

душа человѣка не будетъ очищена отъ страстей дѣятельнымъ исполненіемъ заповѣдей, то умъ его не можетъ быть истиннымъ созерцателемъ божественныхъ видѣній, а станетъ останавливаться на однихъ только мечтаніяхъ. Истинное видѣніе получается только отъ Христова откровенія. Видѣніе міра духовнаго, гдѣ умъ наслаждается духовно, есть дѣйствіе благодати Божіей. Такое видѣніе—пища для ума, который, подкрѣпляясь впослѣдствіи видѣніями, достигаетъ еще высшихъ видѣній, когда, наконецъ, будетъ введенъ въ страну совершенной любви. Когда же умъ воплотится въ любви, тогда онъ дѣйствіемъ Божіей благодати пріемлетъ духовное высшее видѣніе и бываетъ созерцателемъ великихъ тайнъ. Дарованіе откровеній сообщается двумя способами: благодатію и чистотою. Умъ очищается простою вѣрою, сердце способнымъ становится воспріять откровеніе, какъ было съ св. апостолами въ день Пятидесятницы, когда св. Духъ очистилъ ихъ своимъ снитіемъ на нихъ, умертвивъ въ нихъ ветхаго человѣка и ожививъ въ нихъ новаго, духовнаго. Такъ, и св. апостолъ Павелъ былъ таинственнымъ образомъ обновленъ и сподобился принять откровеніе тайнъ, когда послѣ крещенія исполнился благодати Духа Святаго. Онъ обновился Имъ и духомъ созерцалъ откровенія, наслаждался видѣніями небесными. Но евтихіане, валентіане, маркіониты и пр. еретики мудрствуютъ, что св. апостолъ Павелъ своимъ „хотѣніемъ“ сподобился небеснаго восхожденія. Это — заблужденіе. Св. апостолъ Павелъ восхищенъ былъ „духомъ откровенія“, какъ писалъ онъ въ своемъ посланіи къ коринѳянамъ, среди которыхъ начались партійныя разногласія и описывалъ имъ свое божественное видѣніе со смиреніемъ и многимъ страхомъ, относя его къ другому лицу: „вѣмъ, говоритъ, человѣка о Христѣ, прежде лѣтъ четыренадесяти: аще кромѣ тѣла, или въ тѣлѣ, не вѣмъ, Богъ вѣсть: восхищена бывша въ рай и слышавша глаголы, ихже не лѣть есть человѣку глаголати“ [27]). Восхищеніемъ, такимъ образомъ, а не волею, какъ говорятъ еретики, св. апостолъ достигъ рая. Если бы

[27]) 2 Кор. XII, 2, 4.

волею своею, то онъ могъ-бы пересказать про все то, что тамъ видѣлъ, а такъ какъ онъ не тѣлесными чувствами воспринималъ откровеніе, то и не могъ съ нимъ подѣлиться съ людьми; онъ только помнилъ, что видѣлъ тамъ, а какъ—этого повѣдать не могъ, потому что „еже внутрь себе во странѣ Духа ощутительнѣ зритъ, или слышитъ, или ощущаетъ, внегда возвращается къ тѣлу, не довлѣетъ исповѣсти [28]). Надобно остерегаться бѣсовскихъ мечтаній, посылаемыхъ для всѣхъ, ищущихъ суетной славы. Въ подтвержденіе этой мысли св. Исаакъ Сиринъ приводитъ нѣсколько примѣровъ: нѣкто Малпатъ, изъ Едеса, посѣтивъ однажды преподобнаго Антонія и, услышавъ его бесѣду о томъ, какъ достигнуть безстрастія и сподобиться откровеній, „разгорячися, якоже огнь“ и, отправившись въ Едесъ, поселился въ небольшой хижинкѣ и началъ вести тяжелую аскетическую жизнь, проводя все время въ молитвѣ, сгорая желаніемъ сподобиться откровеній. Но такъ какъ онъ надѣялся только на свои силы и на свои подвижническіе труды: нестяжательность, постничество и пр., то и упустилъ изъ виду самое главное—смиреніе и сердечное сокрушеніе, что составляетъ непобѣдимое оружіе противъ діавола; забывъ слова Спасителя: „егда сотворите вся повелѣнная вамъ глаголите, яко раби неключими есмы“ [29]), онъ и не замѣтилъ того, какъ попалъ подъ власть діавола. Наконецъ, когда желаніе высокихъ откровеній сильно стало разъѣдать сердце неопытнаго славолюбиваго подвижника, діаволъ явился ему въ свѣтломъ видѣ и сказалъ: „я утѣшитель и посланъ къ тебѣ отъ отца, чтобы сподобить тебя видѣнія, котораго ты желаешь ради твоихъ трудовъ и дать тебѣ безстрастіе, освободивъ тебя отъ дальнѣйшихъ подвиговъ, но поклонись только мнѣ за это“. Онъ же, безумный, съ радостію принялъ его предложеніе—поклонился діаволу и тотчасъ же подпалъ подъ власть его, который вмѣсто божественныхъ откровеній, сталъ преслѣдовать его мечтаніями, надругался надъ его безстрастіемъ, и въ концѣ концовъ этотъ обольщенный рабъ сталъ въ первые ряды

---

[28]) Стр. 305—306. [29]) Лк. XVII, 10.

еретиковъ евхитовъ. Другой—именемъ Асина, составитель духовныхъ пѣснопѣній, тоже изъ Едеса, такъ же, какъ и Малпатъ, сталъ изнурять себя великими подвигами для того, чтобы прославиться. Скоро діаволъ прельстилъ его: онъ вывелъ его изъ келіи, возвелъ на высокую гору Сторій, гдѣ показалъ ему множество колесницъ и коней, сказавъ: „Богъ послалъ меня взять тебя въ рай, какъ Илію". Славолюбецъ согласился; но лишь только онъ хотѣлъ сѣсть въ колесницу, какъ мечтаніе исчезло, и онъ упалъ съ горы на землю и до смерти разбился. Эти примѣры св. Исаакъ Сиринъ привелъ св. Дивногорцу для того, чтобы, какъ онъ самъ говоритъ, побудить остерегаться бѣсовскихъ мечтаній, дабы не впасть въ прелесть. Господь требуетъ отъ человѣка вѣры и покаянныхъ подвиговъ: сердечнаго сокрушенія, слезъ, покаянія разбойника и т. п. Онъ „туне" его простилъ и ради его одного слова царство небесное обѣщалъ; отъ блудницы кромѣ вѣры и слезъ, ничего не потребовалъ; а отъ мучениковъ же и исповѣдниковъ при вѣрѣ и исповѣданіи Господь принималъ и скорби—различныя ихъ мученія.

Теперь, заключаетъ свои наставленія св. Исаакъ св. Симеону Дивногорцу, послѣ того, какъ тебѣ стало извѣстнымъ свойство вообще видѣній, разумѣй о первыхъ, т. е. истинныхъ откровеніяхъ, помышляй и о послѣднихъ, т. е. мечтаніяхъ бѣсовскихъ и не желай откровеній не во время, а пока находишься въ тѣлѣ, заботься о покаяніи, борись съ страстями, терпѣливо исполняй заповѣди Божіи и остерегайся навожденій бѣсовскихъ и всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя проповѣдуютъ непреложное совершенство въ мірѣ. Его здѣсь нѣтъ, потому что въ мірѣ часто радость смѣняется горестью, горе—радостью; значитъ, постоянства нѣтъ. Смѣна же чувствъ и обстоятельствъ ясно противорѣчитъ тому, что здѣсь, на землѣ, имѣется совершенство; а такъ какъ его здѣсь нѣтъ, то надобно стремиться къ нему путемъ непрерывнаго добродѣланія при помощи благодати Божіей [30]).

Вотъ вкратцѣ изложеніе содержанія посланія св. Исаака

---

[30]) Стр. 306—310.

Сирина къ св. Симеону Дивногорцу. Легко замѣтить въ посланіи то, что собственно хотѣлъ предложить св. Исаакъ Сиринъ въ качествѣ духовнаго назиданія св. Симеону Дивногорцу. Онъ желалъ подробно раскрыть св. столпнику смыслъ и цѣль подвижнической жизни, т. е. путь богоуподобленія, существеннымъ условіемъ для чего служитъ, по его ученію, очищеніе сердца, какъ средоточія душевной и духовной жизни человѣка, въ которомъ зачинается и рождается рѣшимость его на такія или на другія дѣла, въ которомъ возникаютъ многоразличныя преднамѣренія и желанія, какъ сѣдалища воли и ея хотѣній [31]), и всѣхъ познавательныхъ дѣйствій души [32]), какъ средоточія нравственной жизни человѣка [33]). Вотъ почему св. Исаакъ Сиринъ такъ настаиваетъ на пріобрѣтеніи чистоты сердца путемъ искорененія изъ него страстей, препятствующихъ человѣку достигнуть конечной цѣли подвижничества и всѣхъ его трудовъ, а именно—богоуподобленія.

Такимъ образомъ, на основаніи изложеннаго посланія св. Исаака Сирина къ св. Симеону Дивногорцу можно уяснить себѣ аскетическое міровоззрѣніе св. столпника и опредѣлить содержаніе его аскетическо-созерцательной жизни. Цѣль, къ которой долженъ стремиться подвижникъ и устремлять все свое вниманіе есть спасеніе, для достиженія котораго имѣются различные способы. Однимъ изъ главнѣйшихъ способовъ является милостивость, легко совмѣстимая съ безмолвіемъ. Непрерывная усовершаемость въ дѣлахъ милосердія сообщаетъ подвижнику-безмолвнику навыкъ къ созерцанію, побуждая его сердце, глубоко проникнутое любовію къ Господу и ближнимъ, естественно находить для себя высокое наслажденіе въ непрестанномолитвенномъ общеніи съ Нимъ для того, чтобы, сколько можно, полнѣе выразить Господу наполняющія душу подвижника чувства удивленія и любви. Молитвенно-созерцательное настроеніе способствуетъ подвижнику быть въ безмолвіи, въ удаленіи отъ всего и отъ всѣхъ, безъ внима-

---

[31]) Римл. VI, 17; 2. Кор. VII, 3; Фил. 1, 7. [32]) 1 Кор. II, 9; Евр. IV, 12. [33]) Лк. VI, 45; Римл. II, 15.

нія ко всему внѣшнему, и безмолвникъ обрѣтаетъ внутри себя царство Божіе, которое есть миръ и радость о Дусѣ Святѣ. Такое погруженіе внутрь или въ Бога есть умное безмолвіе. Существеннымъ условіемъ его постоянности служитъ чистота души, пріобрѣтаемая путемъ исполненія всѣхъ заповѣдей Божіихъ. Въ чувствѣ смиренія св. подвижникъ, считая себя ниже и хуже всѣхъ, вмѣнивъ все въ ничто, упражняясь въ самопознаніи, въ терпѣніи переноситъ всѣ искушенія и терпѣливо совершаетъ духовные подвиги для пріобрѣтенія постоянной покаянной настроенности. Всегда осуждая себя и ненавидя свою волю, а поражая себя страхомъ безнадежности, подвижникъ находитъ себя недостойнымъ пощады и всегда смиряетъ себя для того, чтобы не впасть въ прелесть. Этою борьбою подвижникъ пріобрѣтаетъ навыкъ къ созерцанію и съ ревностію ищетъ Господа, и тогда Богъ видимо вселяется въ подвижника, соединяется и сообщается съ нимъ. Благодать озаряетъ все существо его, и подвижникъ дѣлается вполнѣ жилищемъ Святаго Духа. Свѣтъ благодати, сіяющій тогда въ немъ такъ озаряетъ все его существо, что онъ, погрузясь, въ этой сладости, находится какъ бы внѣ себя. Душа его стремится тогда выйти изъ тѣла и отойти къ Господу и какъ бы не знать временной этой жизни. Когда же умъ обновится и душа очистится отъ страстей, тогда подвижникъ достигаетъ созерцанія тайнъ святыя Троицы. Познаніе это пріобрѣтается не ученіемъ, не различными изслѣдованіями, но оно само приходитъ съ пріятіемъ Св. Духа, который вводитъ духъ подвижника въ тотъ міръ, порядокъ или область созерцанія. Но воспринимая, при помощи Божіей, созерцаніе другого, невидимаго міра и, такимъ образомъ, исходя изъ настоящаго міра, а пребывая въ другомъ своимъ сознаніемъ и сердцемъ, подвижникъ обязанъ слѣдить за собой и долженъ опасаться того, какъ бы не подпасть бѣсовскому мечтанію. Постоянное самонаблюденіе и нестремленіе къ откровеніямъ не во время въ состояніи удержать подвижника на пути къ богоуподобленію—конечной цѣли подвижничеству.

Заключеніе.

Заключимъ наши блѣдные очерки общею картиною аскетической жизни св. юродивыхъ и св. столпниковъ. Мы говорили въ введеніи, что „юродство“ и „столпничество“ по своей оригинальности весьма сходны между собою. Сходство между этими двумя подвигами еще болѣе увеличится, если мы примемъ во вниманіе, что какъ св. юродивые были дѣвственниками и большею частію иноками, такъ и св. столпники держались тѣхъ же обѣтовъ. Обѣты вольной нищеты, избраніе тягостнаго и прискорбнаго житія въ цѣляхъ пріобрѣтенія свободы духа и искорененія грѣха, обѣты молчанія [1]), удаленіе изъ міра св. юродивыхъ путемъ пребыванія въ мірѣ, а св. столпниковъ — путемъ заключенія на столпахъ, а главное—умерщвленіе плоти,—вотъ все то, что объединяетъ эти два оригинальныхъ подвига. Далѣе, какъ тѣ, такъ и другіе пріучали себя къ смиренію, пособіемъ къ чему имъ служило созерцаніе и самоиспытаніе—строгое требованіе отъ себя отчета въ своихъ дѣлахъ и поступкахъ, обозрѣніе своей нравственной жизни. Разница въ нихъ только въ томъ, что св. столпники стояли на столпахъ, и міръ шелъ къ нимъ, отъ котораго они бѣжали, а св. юродивые сами шли въ міръ, чтобы служить страждущему человѣчеству. Затѣмъ, въ борьбѣ съ плотскою страстію св. столпники употребляли способъ рѣшительнаго избѣганія женщинъ, а св. юродивые, наоборотъ, имѣли постоянное обращеніе съ женщинами, пріучаясь къ индеферентному безстрастному отношенію. Наконецъ, замѣтимъ, что сходство этихъ двухъ подвиговъ заключается

[1]) Св. юродивые, какъ извѣстно, очень мало говорили, а если и приходилось имъ пользоваться даромъ слова, то въ такомъ случаѣ ихъ рѣчь была очень кратка и отрывочна; очевидно, дѣлалось это въ видахъ ненарушенія молчанія.

еще въ непрерывности ихъ. Иные святые измѣняли свои подвиги и налагали на себя и на извѣстное время (на годъ, на нѣсколько мѣсяцевъ) различные обѣты: то молчанія, то затворничества, то сорокадневнаго стоянія на камняхъ и т. п., но обѣты эти не были постоянными, а св. юродивые и св. столпники [2]) свои обѣты: „юродства“ и „столпничества“ со всѣми ихъ видами довели до конца, не ослабѣвая и не унывая. Въ достиженіи нравственнаго усовершенствованія св. юродивые и св. столпники дѣйствовали такъ, чтобы всегда простираться въ предняя [3]) и дѣятельно усовершаться въ добродѣланіи. Это непрестанное усовершеніе въ „юродствѣ“ происходило своеобразнымъ способомъ. Св. юродивые, какъ жившіе въ міру и вращавшіеся среди различныхъ лицъ, не позволяли себѣ того, чтобы изъ ихъ рукъ, такъ сказать, ускользало то, что могло послужить поводомъ къ стяжанію добродѣтели.

Мы видѣли, что они сами напрашивались на оскорбленія и дѣлали такъ, чтобы ихъ били, ругали. На подобныя ихъ дѣйствія надобно смотрѣть съ той точки зрѣнія, что они старались сколько хватало ихъ силъ — не избѣгать всякихъ „противностей“ [4]) на пути къ добродѣтели, которыя могли служить имъ къ благоуспѣшному шествію по пути добродѣланія. Поэтому, чтобы пріобрѣсти навыкъ къ смиренію и терпѣнію св. юродивые и не старались избѣгать тѣхъ лицъ, дѣлъ и обстоятельствъ, которыя наиболѣе выводили ихъ изъ терпѣнія, но встрѣчали ихъ охотно, съ добрымъ намѣреніемъ — предать себя непріятному ихъ дѣйствію по отношенію къ себѣ, приготовясь, однако, перенести то съ непоколебимымъ спокойствіемъ духа. Мы не слышимъ ни звука ропота, ни выраженій нетерпѣливости, ни порывовъ гнѣва или мстительности, когда св. юродивыхъ били и увѣчили, а напротивъ, слышимъ изъ устъ ихъ молитву за оскорбившихъ.

Подобные случаи, по ученію св. отцевъ [5]), поддержи-

---

[2]) Св. Кириллъ Туровскій и св. Савва Вишерскій, только временно стояли на столпахъ. [3]) Филип. III, 13. [4]) Невидим. брань, гл. 39, стр. 159. [5]) Невид. брань, стр. 162—163.

ваютъ въ подвижникѣ непрерывность добродѣланія, укрѣпляютъ его нравственную силу и тѣмъ способствуютъ ему держать себя такъ, какъ должно въ нравственномъ отношеніи.

Св. же столпники нѣсколько иначе упражнялись въ терпѣніи и смиреніи и достигали непрерывности въ нравственномъ усовершенствованіи себя, чѣмъ св. юродивые. Сначала они, какъ видѣли, пріучались къ самонаблюденію путемъ затвора, потомъ къ терпѣнію—путемъ той борьбы, какую воздвигали противъ ихъ добрыхъ дѣлъ плоть и діаволъ, затѣмъ, принимали на себя высшіе подвиги аскетическаго распинанія плоти и потомъ уже восходили на столпы.

И св. юродивые, замѣтимъ, тоже не сразу вступали на подвигъ „юродства“, а приготовлялись къ нему. Такъ, св. Симеонъ (21 іюля) приготовилъ себя къ „юродству“ пустыннымъ безмолвіемъ и пошелъ въ міръ тогда, когда уже не чувствовалъ нападковъ со стороны низшей чувственной своей природы. Когда же св. юродивые и св. столпники вступали на путь высшаго аскетизма, то они стремились увеличивать внѣшніе подвиги самоумерщвленія, присоединяя къ нимъ и внутреннюю борьбу съ помыслами, чтобы путемъ внѣшне-внутренней борьбы съ грѣхомъ достигнуть созерцанія и самосозерцанія; свойство же духовныхъ подвиговъ, по ученію св. Макарія Египетскаго [6]), таково, что оно способно вызывать алчбу и жажду другихъ, еще труднѣйшихъ: чѣмъ больше подвижникъ упражняется въ подвигахъ самолишенія, тѣмъ сильнѣе чувствуетъ въ себѣ жажду большихъ и высшихъ подвиговъ. Эту жажду подвиговъ можно удовлетворять только новыми, еще труднѣйшими подвигами. По мѣрѣ удовлетворенія ихъ, жажда подвиговъ еще болѣе возрастаетъ, и требованія ея становятся еще сильнѣе и сильнѣе. Возрастающая сила жажды требуетъ и непрерывно возрастающихъ подвиговъ духовной жизни. Отсюда понятно, почему св. юродивые и св. столп-

---

[6]) Бес. 10, § 4, стр. 106—107.

ники увеличивали постепенно подвиги самоумерщвленія. Они прекрасно знали, что сколько бы ни усовершались и какого-бы они ни достигали совершенства, всетаки они чувствовали, какъ мы говорили раньше, безконечное разстояніе отъ своего высочайшаго образца Бога и потому потребность умерщвлять себя становилась для нихъ очевидною, такъ какъ, гдѣ и когда могли бы они, съ полнымъ сознаніемъ своей справедливости, прекратить свои подвиги.

Въ виду этого св. столпники и св. юродивые постоянно упражнялись (ἀσκέω, exercео — упражняюсь) въ служеніи Богу, въ дѣлѣ нравственнаго усовершенствованія самихъ себя путемъ различныхъ духовныхъ подвиговъ въ цѣляхъ развитія нравственной свободы своей личности. Но изнуреніе себя трудными духовными подвигами многимъ представляется сумасброднымъ. Такой взглядъ происходитъ онъ неправильнаго пониманія аскетизма, подъ именемъ котораго разумѣютъ упражненія подвижника или монаха, называемаго аскетомъ, въ дѣлахъ, ведущихъ къ самоумерщвленію плоти. Такое понятіе объ аскетизмѣ и объ аскетѣ слишкомъ односторонне. Подъ именемъ аскета надобно разумѣть всякаго христіанина, употребляющаго тѣ или другія средства въ борьбѣ съ грѣховными влеченіями своей плоти, а подъ именемъ аскетизма — совокупность всѣхъ тѣхъ характеристическихъ средствъ, помощію которыхъ христіанинъ поставляетъ себя на путь добродѣтели. Аскетизмъ и добродѣтель—въ нѣкоторомъ родѣ понятія, совпадающія одно съ другимъ по своему содержанію. У св. отцевъ подъ аскетизмомъ понимается сознательное и цѣлесообразное примѣненіе тѣхъ средствъ, которыя вели къ добродѣтели. Аскетизмъ, значитъ, есть такое упражненіе, которое вело къ достиженію нравственнаго совершенства, къ осуществленію идеала добродѣтели въ дѣйствительной нравственной жизни, а аскетическіе подвиги суть проявленія сильнаго религіознаго чувства, одушевлявшаго подвижниковъ, доказательства замѣчательной, неподражаемой энергіи ихъ религіознаго духа. Эти обстоятельства опускаются изъ виду противниками аскетизма и аскетическихъ подви-

говъ, и потому въ своихъ сужденіяхъ о нихъ писавшіе объ аскетизмѣ впадаютъ въ ошибки.

Познакомимся кратко съ мнѣніями объ аскетизмѣ Стоюнина [7]), Энгельгардта [8]), Скабичевскаго [9]), Розанова [10]) и проф. Гусева [11]). Всѣ они отчасти касались въ своихъ статьяхъ „юродства“ и „столпничества“.

Г. Стоюнинъ говоритъ, что аскетизмъ дѣлаетъ жизнь человѣка слишкомъ печальною: жизнь веселая, довольная, пріятная, представляется какъ помѣха къ христіанскому совершенству; аскетизмъ, по словамъ Энгельгардта, не знаетъ любви и привязанности: „любовь къ человѣчеству, говоритъ онъ, у аскета выражается лишь проповѣдью ненависти къ жизни и міру и въ призывѣ погрузиться въ безстрастіе“. Надо имѣть въ виду слѣдующее: христіанинъ, вѣрующій, что истинная жизнь начинается для него за предѣлами гроба, можетъ не слишкомъ дорожить удовольствіями настоящей жизни.

Далѣе, г. Стоюнинъ говоритъ, что аскетизмъ не практиченъ, такъ какъ даетъ полный просторъ кулачному праву и всякаго рода неустройствамъ въ общественной жизни. Эту мысль Стоюнинъ подтверждаетъ такъ [12]): „въ вѣкъ насилія русскому человѣку говорятъ: всѣхъ благодари, въ скорбяхъ терпи, ко всѣмъ смиренъ будь; въ вѣкъ неправды онъ слышитъ: плачь о согрѣшающихъ, а не осуждай, не оправдывай никогда себя, а исповѣдуй себя грѣшнымъ передъ Богомъ и людьми; въ обществѣ, гдѣ умъ не научился сдерживать страсти, въ сознаніи своего человѣческаго достоинства, гдѣ не существуетъ уваженія къ личности, онъ слышитъ совѣты: уко-

---

[7]) Свой взглядъ на аскетизмъ онъ провелъ въ своемъ сочиненіи: „О преподаваніи русской литературы“ стр. 108, 109, Спб. 1898 г. [8]) „Книжки Недѣли“ 1897 г. I, гл. VI. „Философія русскаго самосознанія“, стр. 268—276. [9]) „Русская Мысль“ 1900 г. X, XI: „аскетическіе недуги въ нашей современной передовой интеллигенціи“. Статья эта подвергнута обстоятельной критикѣ въ журналѣ „Вѣра и Церковь“ 1901 г., кн. III, стр. 481—504. [10]) „Новое Время“ 1897 г. 31 декабря. Разборъ этой статьи, сдѣланный Мих. Сменцовскимъ, помѣщенъ въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ за 1898 г. № 3, стр. 88—95. [11]) „Нравственный идеалъ буддизма въ его отношеніи къ христіанству“ Спб. 1874. [12]) Имѣя въ виду древне-русскія аскетическія поученія.

ряемъ будь, а не укоряй, біенъ будь, а не бей, обидимъ будь, а не обижай. Во всѣхъ этихъ совѣтахъ человѣкъ беззащитно отдается въ жертву насилія, обидъ, оскорбленія, неправды, обмана, безъ всякой попытки оградить свою личность отъ покушеній на нее чужого эгоизма и чужой страсти. Спрашивается—чѣмъ же долженъ сдѣлаться человѣкъ, слѣдующій подобнымъ совѣтамъ въ тогдашнемъ обществѣ? возможно-ли съ такимъ идеаломъ явиться дѣятелемъ? такой человѣкъ сдѣлался бы забитымъ, ничтожнымъ, юродивымъ въ жизни".

Достаточно припомнить слова Спасителя: блажени кротцыи, яко тіи наслѣдятъ землю, чтобы опровергнуть эти заключенія.

Энгельгардтъ аскетизмъ опредѣляетъ, какъ самоистязаніе духа, какъ стремленіе къ тому, чтобы стать сверхъчеловѣкомъ [13]), какъ плодъ сомнѣнія, скептицизма, какъ виртуозное искусство, какъ систему поведенія, съ мелочною пунктуальностью, обставленную множествомъ ухищренныхъ правилъ. Аскетизму, по его мнѣнію, учатся, какъ гимнастикѣ и акробатству. Онъ есть порожденіе болѣе закона, нежели благодати. „Прочтите, пишетъ Энгельгардтъ, двѣ, три страницы подвижническаго устава и вы убѣдитесь, что его писала старость, лицо которой всегда печально: не коснись, не взгляни, не помысли — постоянно стучитъ въ мозгу аскета. Аскетизмъ, потому, не знаетъ любви и привязанности. Любовь къ человѣчеству у аскета выражается лишь проповѣдью ненависти къ жизни и міру и въ призывѣ погрузиться въ безстрастіе. Аскеты прививали обществу одно только внѣшнее самоотверженіе, способность примиряться съ всякимъ строемъ, ограничивать свои потребности до minimum'а, спать на голой землѣ, ходить въ рубищѣ, терпѣть и не роптать, быть одеждой, которая о томъ не размышляетъ, если разорвутъ ее и въ тряпки" [14]).

Подобный взглядъ на аскетизмъ у г. Энгельгардта

---

[13]) Это выражается тѣмъ, что аскетъ долженъ достигнуть равнодушія даже къ собственному подвигу. [14]) „Книжки Недѣли" I, гл. VI, 1897 г. стр. 276.

сложился, вѣроятно подъ вліяніемъ того, что онъ недостаточно вникнулъ въ духъ аскетическихъ твореній, который можно представлять въ слѣдующемъ видѣ: христіанинъ— причастникъ званія небеснаго [15]), сонаслѣдникъ Христу [16]), жилище св. Духа [17]), чадо Божіе [18]). Званіе это налагаетъ на христіанина великія обязанности, которыя тѣмъ священнѣе, чѣмъ выше права, даруемыя ему его званіемъ. Первая обязанность—подражаніе Богу, какъ Отцу и вторая, любовь къ Нему. Такъ какъ любовь обязываетъ христіанина ходить по заповѣдямъ Божіимъ [19]), то очевидно, что вторая обязанность, сопряженная съ званіемъ христіанина, есть исполненіе Закона Божія. Чтобы быть достойнымъ своего званія онъ естественно долженъ въ точности выполнить обѣ эти обязанности. Но какъ ихъ возможно выполнить? извѣстно, что Богъ — полнота совершенствъ, извѣстно также, что человѣкъ ограниченъ и по своей природѣ, очевидно, не можетъ быть вполнѣ совершеннымъ, но извѣстно и то, что онъ имѣетъ способность подвигами духовной жизни восходить выше и дѣлаться совершеннѣе, становиться ближе къ Богу и болѣе ему уподобляться [20]). Но такъ какъ онъ на землѣ не въ состояніи достигнуть совершенства, то онъ обязанъ естественно, сколько возможно, приближаться къ совершенству, простираясь въ предняя [21]). Приближеніе это можетъ достигаться путемъ исполненія заповѣдей, но не механическимъ и притомъ временнымъ исполненіемъ той или другой заповѣди, а непрерывнымъ для того, чтобы пріобрѣсти навыкъ жить и дѣйствовать согласно съ требованіемъ закона и достигнуть, наконецъ, до того, что жизнь свою поставить въ соотвѣтствіе съ закономъ Божіимъ. Въ силу этого обстоятельства христіанинъ долженъ приневоливать и принуждать себя къ исполненію заповѣдей Божіихъ [22]), соединенному, естественно, съ нѣкоторыми самолишеніями. О томъ, какъ могли зарождаться аскетическія идеи въ душѣ подвижника весьма ясно гово-

---

[15]) Евр. III, 1. [16]) Римлян. VIII, 17. [17]) 1 Кор. III, 16. [18]) Ефес. V, 1. [19]) 2 Іоанн. 1, 6. [20]) 2 Кор. III, 18. [21]) Филипп. III, 14. [22]) Твор. св. Мак. Египетскаго, бес. 19, § 5, 6, стр. 217, 218.

ритъ св. Василій Великій. Вотъ какъ онъ объясняетъ зарожденіе въ себѣ аскетизма: „много времени, говоритъ онъ, я потратилъ на суету и всю почти юность свою потерялъ въ суетномъ трудѣ, съ какимъ упражнялся въ томъ, чтобы уразумѣть уроки мудрости, обращенной Богомъ въ юродство. Когда же, наконецъ, какъ бы воставъ отъ глубокаго сна, обратилъ взоръ къ чудному свѣту истины евангельской и увидѣлъ безполезность мудрости князей вѣка сего престающихъ [23]), тогда, проливъ много слезъ о жалкой своей жизни, пожелалъ я, чтобы дано мнѣ было руководство къ первоначальному изученію догматовъ благочестія. Прочитавъ евангеліе, и увидѣвъ тамъ, что дѣйствительнѣйшее средство къ усовершенію — продать свое имущество, подѣлиться имъ съ неимущими братіями и вообще не заботиться о сей жизни, не вдаваться душою ни въ какое пристрастіе къ здѣшнему, пожелалъ я найти какого нибудь брата, избравшаго этотъ путь жизни, чтобы съ нимъ переплыть скоропреходящую волну сей жизни. И подлинно многихъ нашелъ я и въ Александріи и въ пр. мѣстахъ Египта, а иныхъ въ Палестинѣ, въ Килистріи и Месопотаміи; дивился воздержанію ихъ въ пищѣ, дивился терпѣнію въ трудахъ, изумлялся неослабности въ молитвахъ, тому, какъ преодолѣвали они сонъ, не уступая никакой естественной необходимости, всегда сохраняя въ душѣ высокій и непорабощенный образъ мыслей; не имѣя привязанности къ тѣлу, но живя какъ бы въ чужой плоти, они самымъ дѣломъ показали, — что значитъ быть здѣсь пришельцами [24]) и что значитъ имѣть житіе на небѣ [25]). Подивясь сему и ублаживъ жизнь сихъ мужей, которые на дѣлѣ показываютъ, что носятъ въ тѣлѣ мертвость Іисусову, пожелалъ и самъ я, сколько было мнѣ возможно сдѣлаться подражателемъ оныхъ мужей“ [26]). Изъ этихъ словъ видно, что св. Василій Великій видѣлъ въ аскетизмѣ воплощеніе того идеала, который онъ составилъ себѣ о жизни по евангелію, изучая его. Тѣ-же побужденія, которыя руководили св. Василіемъ

---

[23]) 1 Кор. II, 6. [24]) Евр. II, 13. [25]) Филип. III, 20. [26]) Твор. св. Василія Великаго ч. VII, стр. 122—124.

Великимъ въ выборѣ для себя аскетической жизни, по всей вѣроятности, были мотивами и всѣхъ аскетовъ. Картина жизни, проводимой среди дикой, суровой пустыни, среди всевозможныхъ лишеній и трудовъ, представляла слишкомъ рѣзкій контрастъ съ мірскою жизнью и должна была сильно дѣйствовать на воображеніе благочестивыхъ душъ. Затѣмъ въ ученіи аскетовъ нѣтъ пессимистическаго отношенія къ жизни, взятой въ ея принципѣ. Если въ ихъ твореніяхъ, напр. св. Іоанна Лѣствичника и др. встрѣчаются нѣкоторыя мѣста, выражающія какъ бы недовольство земнымъ міромъ и осужденіе его, то они направляются не на самое существованіе міра и его жизнь, но имѣютъ въ виду грѣхъ, живущій въ мірѣ, но отнюдь не самый міръ въ самомъ его бытіи и въ основномъ принципѣ его жизни и развитія. Къ грѣху и злу аскеты относились дѣйствительно съ величайшею строгостью, но ненависти къ міру не проповѣдывали, какъ пишетъ г. Энгельгардтъ.

Г. Скабическій опредѣляетъ аскетизмъ, какъ особенный родъ психической болѣзни, симптомы которой правильною своею періодичностію напоминаютъ запойное пьянство [27]). Причинами возникновенія аскетизма г. Скабичевскій считаетъ: недовольство жизнію, угнетенія какого-бы то ни было рода: семейнаго, гражданскаго, экономическаго, пресыщеніе всѣми благами жизни. Аскеты, по его мнѣнію, шли противъ природы, совершенно истощая нервную систему [28]). Соображенія г. Скабичевскаго, попирающія дорогія завѣты вѣры Христовой, подвергнуты разбору въ журналѣ „Вѣра и Церковь“ (кн. III за 1901 г. стр. 481—504), который мы вкратцѣ и представимъ.

---

[27]) „Руск. Мысль“ 1900 г. X. [28]) „Аскетическій недугъ въ томъ заключается, пишетъ г. Скабичевскій, что правильная смѣна упражненій и отдыховъ различныхъ нервныхъ системъ пренебрегается: человѣкъ воображаетъ, что онъ способенъ безъ отдыха и перерыва отдаваться однимъ высшимъ духовнымъ стремленіямъ, въ которыхъ видитъ существенную цѣль своей жизни. Въ результатѣ такой односторонности и является, вмѣсто разумно-правильной и спокойной смѣны работъ различныхъ нервныхъ системъ, непроизвольно стихійные и необузданно безумные взрывы то одной, то другой системы, ведущіе къ истощенію и разстройству нервной системы“ („Русск. Мысль“ XI, стр. 33).

Скабичевскій въ доказательство того, что аскетизмъ есть болѣзнь, сопоставляетъ проявленія его съ приступами пьянства у запойныхъ пьяницъ, которые или чувствуютъ отвращеніе къ вину или же непреодолимое влеченіе къ нему, а аскеты періодически переходятъ отъ духовныхъ экстазовъ къ чувственнымъ и наоборотъ. Представленія объ аскетизмѣ у Скабичевскаго не вѣрны. Аскетизмъ (отъ ἀσκέω—упражняю) предполагаетъ со стороны человѣка самодѣятельность, направленную къ достиженію какой-либо, имъ самимъ намѣченной, цѣли. Аскетизмъ—упражненіе; а всякое упражненіе предполагаетъ волю и сознательное отношеніе къ дѣлу. Между тѣмъ увлеченіе чѣмъ нибудь, а потомъ отрицаніе чего-нибудь вовсе не носитъ характера сознательности, самодѣятельности, а совершается помимо воли человѣка, какъ то само собою. Напр. появленіе внезапно радости, или позывъ къ вину. Человѣкъ въ данномъ случаѣ сознаетъ только присутствіе въ себѣ извѣстнаго настроенія, а образованія его онъ не знаетъ и измѣнить его, пока оно само не пройдетъ, не властенъ.

Напротивъ, аскетъ, если отказывается отъ извѣстныхъ привычекъ и склонностей, то не потому только, что ему почему-то такъ хочется, а потому, что его сознанію предносится иной лучшій міръ, другой порядокъ жизни. Отсюда и дѣйствія его проистекаютъ изъ опредѣленныхъ и продуманныхъ данныхъ, носящихъ на себѣ характеръ полной сознательности и свободы (стр. 487).

Аскеты, якобы, пытаясь дать мѣсто въ своей жизни однимъ духовнымъ стремленіямъ, тѣмъ самымъ идутъ противъ природы и совершенно истощаютъ свою нервную систему.—Это невѣрно. Каждый нервъ требуетъ для себя дѣятельности, только въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для общаго направленія дѣятельности организма. Такъ, у вора при видѣ часовъ вся почти нервная дѣятельность направляется на то, чтобы украсть ихъ, а у честнаго человѣка происходятъ при этомъ совершенно другіе нервные процессы. Въ ихъ дѣйствіяхъ выражаются только различныя ихъ настроенія, сообразно съ которыми приведены

были въ дѣйствіе тѣ или другіе нервы, но нельзя утверждать, что природа нервовъ обоихъ принуждаетъ къ различнымъ дѣйствіямъ (стр. 488). Далѣе, аскеты, разнообразя свои аскетическіе подвиги (тѣлесн. труды, писаніе сочиненій, напр. св. Сим. Дивн. и пр.), отдавались, такимъ образомъ, высшимъ аскетическимъ духовнымъ стремленіямъ не въ ущербъ соотвѣтствующимъ этимъ стремленіямъ нервамъ и не въ пользу тѣмъ, которые управляютъ плотскими влеченіями. Они физической жизни придавали такой порядокъ, въ которомъ видѣлась бы жизнь Божія, а не плотская животная. Тѣлесный трудъ у аскетовъ являлся тогда, когда, какъ говоритъ преосв. Ѳеофанъ, утомлялась душа. Итакъ, аскеты разнообразили свои духовные труды и имъ не нужно было прибѣгать къ удовлетворенію плотскихъ потребностей, что долженъ дѣлать, по мнѣнію г. Скабичевскаго, нормальный человѣкъ, когда даютъ знать о себѣ нервы, управляющіе плотскими влеченіями. Впрочемъ, дѣленіе нервовъ на духовные и плотскіе неудобно. Нервы кромѣ того сами по себѣ не служатъ причиной господства въ человѣкѣ высшихъ или низшихъ потребностей, а напротивъ, такое или иное употребленіе нервовъ служитъ человѣку средствомъ для удовлетворенія господствующей въ немъ потребности. Такъ, у человѣка высоконравственнаго половая потребность занимаетъ самое скромное мѣсто и не требуетъ чрезвычайныхъ и постоянныхъ расходовъ энергіи, а у человѣка противоположнаго настроенія—наоборотъ; но это вовсе не значитъ, что служащіе половой потребности нервы у обоихъ людей различны; это свидѣтельствуетъ только о различіи ихъ склонностей и происходящемъ отсюда различіи въ распредѣленіи энергіи (стр. 491).

Представляя дѣло такъ, мы ясно можемъ видѣть слѣдующее: для человѣка, предающагося аскетической дѣятельности изъ любви къ Богу и ближнимъ, возможны 2 пути: добра и зла, плоти и духа. Въ его сознаніи является признаніе того, что истиннымъ долженъ быть путь добра. Основаніемъ этому служитъ ему такое или иное міросо-

зерцаніе,—религіозное или философское. У него, смотря по силѣ убѣжденія, является извѣстное сильное устремленіе въ извѣстную сторону. Соотвѣтственно характеру устремленія извѣстные нервы и въ извѣстномъ порядкѣ подвергаются особенно усиленной дѣятельности, а другіе—менѣе или совсѣмъ не привлекаются. Это дѣлается не вдругъ, такъ какъ привычка беретъ свое, и вотъ задачею человѣка служитъ противостать этой привычкѣ, начать борьбу съ прежними воззрѣніями и жизнью, чтобы дать мѣсто новому, лучшему порядку жизни. Въ этомъ смыслъ аскетизма. Онъ, по необходимости, сопровождается, особенно въ началѣ, борьбою въ человѣкѣ двухъ началъ: стараго и новаго. И если человѣкъ твердо проникнутъ новыми началами, то иногда ему удается довести борьбу до конца, уничтожить въ себѣ наклонность къ прежнему порядку жизни и дать мѣсто новому, лучшему. Извѣстно о св. Симеонѣ юродивомъ, что онъ умертвилъ въ себѣ даже похоть плоти и среди нагихъ женщинъ чувствовалъ себя невозмутимо. Но онъ долго боролся съ нею. Въ самомъ дѣлѣ человѣку естественно бороться здѣсь на землѣ во имя другого порядка жизни, во имя Христова ученія, объ отверженіи себя, распятіи плоти, служеніи ближнимъ, чтобы уничтожить ветхаго человѣка и образовать новаго, и борьба эта не безполезна; человѣку-христіанину дается прямое, непосредственное удостовѣреніе реальности другого міра, во имя котораго онъ долженъ презрѣть настоящій и непосредственное сознаніе превосходства того міра, внушается необходимость стремиться къ нему и, наконецъ, дается помощь для борьбы“ (стр. 492 и 493).

Мнѣніе Скабичевскаго объ аскетизмѣ не ново. Еще въ 1897 г. В. Розановъ въ одномъ изъ фельетоновъ „Новаго Времени“ подъ заглавіемъ: „смыслъ аскетизма“ высказалъ тѣ соображенія, которыя и повторилъ Скабичевскій. Такъ, В. Розановъ начало аскетическихъ стремленій видитъ въ безуміяхъ плотской любви, въ богатствѣ темперамента, понимаемаго имъ въ смыслѣ половыхъ излишествъ.—Чувственное влеченіе, говоритъ онъ, есть нѣчто положительное

выраженіе не только внѣшней красоты, но и внутренняго достоинства специфической религіозной высоты и значительности". Въ этомъ именно чувственномъ влеченіи, которое „необдуманно вздумали грязнить теперь въ человѣкѣ, отметать въ немъ, порицать, какъ животное, какъ нѣкоторую грязь, нечистоту его природы",—по мнѣнію г. Розанова, дано объясненіе всего великаго въ человѣчествѣ. „Геній и молитва, наравнѣ съ благоуханіемъ цвѣтовъ лучатся оттуда же, говоритъ онъ, откуда нисходитъ на землю быть можетъ лучшее, чѣмъ самая молитва, самый геній—живое человѣческое дитя". Здѣсь же и объясненіе монашества и аскетизма. „Здѣсь, въ аскетизмѣ, лучится собственно плоть же, многоочитая, исполненная очей плоть". „Кстати и исторически аскетизмъ возникъ именно въ тѣхъ странахъ и городахъ, гдѣ процвѣтали чувственныя вакханаліи. Земля почти полуденнаго солнца, отъ зноя почернѣвшая—она первая открыла и мелодію молитвы и познала сладость отреченія... Вотъ вамъ объясненіе аскетическихъ феноменовъ, какъ Амвросій Оптинскій, этой высшей, дѣятельной героической любви, неустающаго подвига, вотъ вамъ объясненіе Іоанны д'Аркъ" и т. д. Совершенно вѣрно, говоритъ Сменцовскій, что богатство темперамента, или, точнѣе, полнота дарованій есть условіе если не всего, то очень много великаго, что совершается въ мірѣ. Но это богатство темперамента выражается не въ половыхъ излишествахъ, не въ чувственности, неукротимой и бурной, а въ величіи ума, воспріимчивости сердца и энергіи воли. Христіанство не признаетъ, и наука, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, не можетъ доказать и не докажетъ того единства физическихъ и психическихъ силъ человѣка, которое бы дозволяло во всѣхъ случаяхъ утверждать: „въ здравомъ тѣлѣ—здравый духъ". Напротивъ, чуть-ли не на каждомъ шагу мы видимъ, что „духъ бываетъ бодръ, а плоть немощна" [29]). Почему это? потому, что взаимоотношеніе, которое существуетъ между душею и тѣломъ человѣка, не

[29]) Мѳ. XXVI, 41.

исключаетъ между ими и той борьбы, о которой говоритъ апостолъ: „плоть противовоюетъ на духа, духъ же на плоть; сія другъ другу противятся“ [30]). Христіанство понимаетъ этотъ разладъ, какъ противорѣчіе между разумной и эгоистической волей самаго человѣка, первоначальное отношеніе котораго къ своему Творцу нарушено; въ этомъ заключается основное и главное препятствіе, которое слѣдуетъ устранить, чтобы человѣку можно было достигнуть внутренняго мира съ самимъ собою. Съ пришествіемъ Христа Спасителя на землю пала преграда, отдѣляющая людей отъ Бога.—Уничтоженъ грѣхъ и насаждено сѣмя новой жизни. Но въ человѣкѣ осталась, какъ слѣдствіе грѣха, удобопреклонность къ злу, и внутренній разладъ съ самимъ собою, если и не въ такой мѣрѣ, какъ прежде, ощущается и искупленнымъ человѣкомъ. И если этотъ великій разладъ между „закономъ ума“ и грѣховнымъ „закономъ плоти“ тяжело испыталъ на себѣ самъ первоверховный апостолъ, если онъ въ мукахъ внутренней борьбы съ самимъ собою воскликнулъ: „бѣдный я человѣкъ! кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти“ [31]), то будемъ ли отрицать его мы, ничтожные и слабые люди? Здѣсь-то въ этомъ постоянно ощущаемомъ разладѣ человѣка съ самимъ собою, и нигдѣ инуду, получаютъ начало аскетическія стремленія человѣка къ преодолѣнію похоти плоти, похоти очей и болѣе духовныхъ страстей—эгоизма и гордости. Путемъ аскетическихъ подвиговъ, путемъ непрерывнаго поста, и молитвъ, человѣкъ стремится воспитать себя въ цѣльный и совершенный характеръ, создать въ душѣ своей то небесное царство, которое принесъ на землю Христосъ, отдаетъ Ему всю свою душу, всю свою крѣпость и силу, всѣ свои мысли и чувства, каждый вздохъ сердца, каждое даже ничтожное движеніе воли, дабы быть едино съ Нимъ, „единый духъ, единое срастворе́ніе, единый умъ“ [32]).

Г. Розанова смущаетъ то, непонятное для него, явленіе, что аскеты, „совлекши съ себя плоть, любятъ однако

---

[30]) Гал. V, 17. [31]) Римл. VII, 24. [32]) Макар. Егип., бес. 46, § 3.

плоть и плотское, не убѣгаютъ въ пустыню, а бѣгутъ къ людямъ, а если и удаляются въ пустыню,—ласкаютъ львовъ, вынимаютъ занозы изъ медвѣдя, не могутъ оторвать взгляда отъ звѣздъ, т. е. во всѣхъ видахъ любятъ міръ и именно въ плоти его",—то естественное объясненіе этого явленія въ самой природѣ аскетизма, въ основаніи котораго лежитъ начало самоотверженія и великодушія. Мы не будемъ утверждать, пишетъ г. Сменцовскій, что аскеты любятъ міръ именно въ плоти его, на чемъ такъ усиленно настаиваетъ г. Розановъ, но не будемъ называть эту любовь къ міру плотскою. Они любятъ всѣ творенія Божіи, любятъ міръ и съ духовной и съ тѣлесной его стороны, любятъ дѣятельно, не словомъ и языкомъ, но дѣломъ и истиною, согласно наставленію апостола: „если братъ или сестра наги и не имѣютъ дневного пропитанія, а кто нибудь изъ васъ скажетъ имъ: идите съ миромъ, грѣйтесь и питайтесь, но не дастъ имъ потребнаго для тѣла; что пользы"? [33]). Зная по опыту, какъ трудно отказывать себѣ и переносить лишенія, они всегда съ готовностію облегчаютъ страданія ближнихъ и даже безсловесныхъ тварей [34]), но еще болѣе они сочувствуютъ душевнымъ немощамъ ближнихъ и облегчаютъ ихъ, еще чаще упражняются въ дѣлахъ милости духовной, а тѣлесную вещественную милость они оказывали предъ своимъ выступленіемъ на аскетическіе подвиги [35]).

Оцѣнивъ, общую принципіальную сторону разсужденій г. Розанова, Сменцовскій останавливается на нѣкоторыхъ подробностяхъ его статьи, а именно, разбираетъ положенія В. В. Розанова о томъ, что 1) „Соломонъ въ молодости, тотчасъ послѣ смерти Давида, приносилъ жертвы и куренія на высотахъ [36]), т. е. по сирофиникійскому ритуалу; 2) что Платонъ-философъ былъ якобы поклонникомъ плотскихъ удовольствій; 3) что между апокалипсическими

[33]) Іак. II, 15—16. [34]) Юродивые, напримѣръ, раздавали свои имѣнія и пр. и потомъ совершали дѣла благотворенія—см. обществ. дѣятельность юродивыхъ и столпниковъ. [35]) Такъ св. Симеонъ I-й столпникъ исцѣляетъ змѣя; вообще всѣ св. юродивые и св. столпники оказываютъ благодѣянія всѣмъ людямъ своими чудотвореніями и пр., о чемъ было говорено въ своемъ мѣстѣ. [36]) 3 Царствъ, гл. III. [37]) Гл. XIX.

животными (льва, тельца и орла) находится связь съ египетскими культами плоти (аписа, копчика, сфинкса), и 4) что праведный Іовъ есть одинъ изъ типовъ „въ хороводѣ безумствующихъ въ любви“, потому что, будучи боленъ онъ и то умоляетъ жену приходить къ нему ради плода чрева своего [38]), о чемъ жаловался своимъ друзьямъ на гноищѣ; а сойдя съ него, порождаетъ еще 7 сыновей и 7 дочерей, опять погружается въ мірскія дѣла, какъ и до болѣзни, и пребываетъ, однако, во всѣ дни бытія своего праведнымъ и благочестивымъ.

Оставляемъ разсужденія по этимъ вопросамъ въ сторонѣ въ виду того, что они не имѣютъ прямого отношенія къ нашей задачѣ.

Наконецъ, весьма любопытно познакомиться вкратцѣ съ мнѣніемъ о происхожденіи аскетизма, высказаннымъ профессоромъ Гусевымъ въ его сочиненіи: „нравственный идеалъ буддизма въ его отношеніи къ христіанству“ [39]).— Въ этомъ сочиненіи доказывается, что исходнымъ пунктомъ христіанскаго аскетизма, а также его характеристическимъ признакомъ служитъ пламенная любовь къ людямъ, соединенная съ готовностью ради ихъ блага ко всевозможнымъ жертвамъ. Это положеніе проф. Гусевъ подтверждаетъ въ своей антикритикѣ замѣчаній проф. Гренкова [40]) фактами изъ жизни св. столпника Симеона, который, несмотря на то, что удалился отъ общества, поучалъ приходящихъ и принималъ въ нихъ самое теплое, живое участіе. Это мнѣніе признано невѣрнымъ авторомъ [41]) примѣчаній къ статьѣ: „изложеніе и критическій разборъ нравственнаго ученія Шопенгауэра“, помѣщенной въ Православномъ Обозрѣніи за 1877 г., XII, стр. 652—686.

Общею и главнѣйшею основою аскетизма критикъ, на основаніи ученія Спасителя и св. отцевъ [42]), считаетъ прежде всего любовь къ Богу. Эта любовь сама собою при-

---

[38]) „Церковныя Вѣдом.“ 1898 г. № 3, стр. 88—95, статья: „аскетизмъ и ложныя сужденія о немъ“. [39]) Изд. 1874. [40]) Вынужденное слово въ защиту сочиненія „нравственный идеалъ буддизма въ. его отнош. къ христ. Прав. Обозр. 1875 г. II стр. 242—271 III стр. 472—575. [41]) Профессоромъ Ѳ. Ѳ. Гусевымъ. [42]) Св. Макарія Египетскаго, св. Іоанна Лѣствичника, св. Исаака Сирина и др.

водитъ къ аскетическому образу жизни, создаетъ его. Дальнѣйшимъ основаніемъ аскетизма служитъ общая идея проповѣди Іисуса Христа, состоящая въ призываніи къ исканію царства небеснаго прежде всего и вообще къ царству духовнаго надъ плотскимъ. Евангельская проповѣдь объ исканіи царства Божія прежде и больше всего и о непривязанности къ земному и чувственному, падая на нѣкоторыя, особенно воспріимчивыя сердца естественно могла возбудить въ нихъ жажду духовной жизни и небеснаго царствія до совершеннаго и полнаго охлажденія ко всему земному. Въ этихъ людяхъ, глубоко уязвленныхъ любовію къ Богу и царствію Божію, все вниманіе и чувство отдавалось безраздѣльно и всецѣло небесному, духовному. Далѣе, въ ученіи Спасителя имѣются основы и для практически-дѣятельной жизни въ пользу людей. Вслѣдъ за заповѣдью о любви къ Богу стоитъ заповѣдь: „люби ближняго, какъ самаго себя“ [43]). Любовь же, и притомъ, самоотверженную, заповѣдалъ Іисусъ Христосъ ученикамъ Своимъ [44]). Такимъ образомъ, христіанство заключаетъ въ себѣ 2 основныхъ элемента: одинъ изъ нихъ, получившій величайшее напряженіе и преобладаніе въ какомъ-либо лицѣ, можетъ приводить къ аскетическо-отшельнической жизни; другой элементъ, получивши доминирующую силу въ душѣ человѣка, даетъ ему стимулъ къ самоотверженной дѣятельности въ жизни для людей. Эти 2 элемента, при особомъ и одностороннемъ напряженіи ведущіе или только къ созерцательной жизни или только къ жизни практически дѣятельной, могутъ такъ комбинироваться въ душѣ человѣка и получать въ немъ такую равномѣрность своего напряженія, что человѣкъ, съ одной стороны, удовлетворяетъ своему чувству любви къ Богу и въ то же время съ другой—стремится дѣятельно исполнить заповѣдь о любви къ ближнимъ.

Такимъ образомъ, христіанскій аскетизмъ со всѣми своими формами имѣетъ своимъ основаніемъ пламенную

---

[43]) Мѳ. VI, 19. 20, 28. Іоанн. VI, 27. [44]) Мѳ. XXII, 39. Іоанн. XIII, 34, 36; XV, 12, 13.

любовь къ Богу, влеченіе къ умному созерцанію, слѣдствіемъ чего естественно является дѣятельная любовь къ ближнимъ. Вѣдь, любить Бога и въ то же время не любить человѣка, психологически невозможно; та и другая любовь въ аскетѣ необходимо и неизмѣнно существуютъ, и притомъ такъ, что любовь къ ближнимъ стоитъ въ зависимости отъ любви къ Богу. Но она въ нихъ не составляетъ, такъ сказать, опредѣляющаго начала жизни. Пламенно любящій Бога весь устремляется къ созерцанію и къ тому, чтобы въ безмолвіи упиться любовью Богу, а потому она и служитъ главнѣйшимъ опредѣляющимъ началомъ его дѣятельности, не вытѣсняющимъ, однако, изъ его сознанія дѣятельной любви къ ближнимъ настолько, чтобы она совершенно бездѣйствовала. Упившійся любовью къ Богу и исполненный религіознаго умиленія, проникается пламенною любовью и ко всему живущему, ко всякой твари.

Ссылка на св. Симеона Столпника [45]) въ доказательство того, что исходнымъ пунктомъ аскетизма служитъ самоотверженная любовь къ ближнимъ, ничего не доказываетъ, потому что общественная его дѣятельность говоритъ не объ исходномъ пунктѣ аскетизма св. столпника, но объ его отношеніи къ людямъ въ теченіе его аскетической жизни.

Авторъ разбора Шопенгауэровскаго ученія [46]) говоритъ, между прочимъ, что христіанскій аскетизмъ не всегда и не во всѣхъ случаяхъ первоначальнымъ мотивомъ имѣлъ любовь къ Богу; непосредственною причиною аскетизма служило оплакиваніе грѣховъ своихъ, напр. св. Симеономъ Столпникомъ [47]). Это не вѣрно. Вѣдь христіанинъ потому и оплакиваетъ свои грѣхи, что они удаляютъ его отъ любви Бога. Стремясь къ Богу, желая Его любить, онъ естественно долженъ освободиться отъ всего того, что

---

[45]) Который съ столпа утѣшалъ скорбящихъ, научалъ жаждущихъ истины, проповѣдывалъ покаяніе и даже писалъ письма къ правителямъ. [46]) Профессоръ Ѳ. Ѳ. Гусевъ. [47]) Прав. Обозр. 1877 г., стр. 652, XII.

препятствуетъ этой любви; размышляя объ этомъ христіанинъ постепенно доходитъ до сознанія своего окаянства и глубины грѣховнаго паденія и начинаетъ оплакивать свои грѣхи, чтобы приблизиться къ Богу. Значитъ, первопричиною оплакиванія грѣховъ является всетаки любовь къ Богу, къ которой стремится человѣкъ. Изъ любви къ Богу онъ оставляетъ свою грѣховную жизнь и совершенно можетъ отрѣшиться отъ всего земного и чувственнаго и путемъ аскетическихъ лишеній смирять грѣхъ.

Св. юродивые и св. столпники, не смотри на свое уединеніе и удаленіе отъ міра, приносили и приносятъ пользу міру. Они служатъ постояннымъ воодушевляющимъ примѣромъ въ дѣлѣ нравственнаго самообразованія, которое было совершено ими съ величайшею энергіей и самоотверженіемъ. Не будь этихъ подвижниковъ, для міра и человѣчества не существовало-бы величественныхъ примѣровъ нравственной собранности духа и сурово-самоотверженнаго ограниченія влеченій плоти и чувственности. Для міра и человѣчества не существовало-бы также примѣровъ той замѣчательнѣйшей преданности духовному и вѣчному, которая приводила св. юродивыхъ и св. столпниковъ къ охлажденію ко всему чувственному, плотяному. Словомъ, они служатъ для міра и человѣчества возбудителями къ перевѣсу духа надъ плотію, къ господству высшихъ сторонъ человѣческой природы надъ низшими. Но надлежащее обстоятельное выясненіе аскетическаго значенія этихъ двухъ аскетическихъ подвиговъ можетъ составить предметъ особой обширной монографіи въ нѣсколько большихъ томовъ.

Трудъ этотъ требуетъ особой долгой спеціальной подготовки и продолжительнаго разносторонняго изученія этихъ подвиговъ съ исторической и моральной стороны. Всякаго, желающаго выполнить такую грандіозную задачу, преслѣдовать будутъ непреодолимыя трудности, и прежде всего состояніе церковно-исторической науки выдвинетъ

передъ взявшимъ на себя такую задачу затрудненія, съ которыми единолично считаться не въ состояніи. Имѣемъ въ виду прежде всего отсутствіе сочиненій, посвященныхъ обстоятельному историческому изображенію нѣкоторыхъ аскетическихъ подвиговъ; всѣ же журнальныя статьи, въ которыхъ выяснялось значеніе нѣкоторыхъ аскетическихъ подвиговъ, преслѣдуютъ назидательный, а не научный интересъ.

с. Лысково, Нижег. губ.
1912 г. Августа 22-го дня.

Д. М. Березкинъ:

„ВО ТЬМѢ ВѢКОВОЙ“

Повѣсть и разсказы изъ быта скопцовъ, хлыстовъ и бѣгуновъ,

съ 16-ю оригинальными заставками и виньетками изъ быта сектантовъ и 4-мя отдѣльными рисунками, исполненными фототипіею.

Спб. 1905 г., 250 стр.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Въ дебряхъ сектантства. Повѣсть изъ хлыстовско-скопческой жизни. Рисунки на отд. листахъ: Хлыстъ и хлыстовка въ „радѣльныхъ уборахъ“ и Красный уголъ скопческаго „Сіона“.

II. Въ Изосиминой пустынькѣ. Разсказъ изъ быта сектантовъ-бѣгуновъ. Рисунки на отд. листахъ: Бѣгунскій тайникъ и Бѣгунскій паспортъ.

III. На лѣсной полянѣ. Разсказъ изъ быта сектантовъ-бѣгуновъ.

IV. У странниковъ. Разсказъ изъ быта бѣгуновъ.

Въ свое время о книгѣ Д. М. Березкина были даны весьма сочувственные отзывы на страницахъ „Церковныхъ Вѣдомостей“, „Странника“, „Миссіонерскаго Сборника“, „Колокола“, „Руси“ и др. періодическихъ изданій.

Книга высылается съ наложеннымъ платежемъ.

Съ требованіями обращаться: въ типографію В. Д. Смирнова, Спб., Екатерининскій кан., д. 45 и въ книжный складъ „Коммерческая Литература“, Спб., Екатерингофскій просп., д. 8.

Цѣна 2 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться: въ типографію В. Д. Смирнова, Спб., Екатерининскій кан., д. 45 и въ книжный складъ „Коммерческая Литература“, Спб., Екатерингофскій пр., д. 8.